

Блеки Хол

Sindroma unicum
Энцелоз

Annotation

Действия происходят в научно-магическом институте. Г. героиня девушка Эва — студентка, на долю которой выпало не мало бед. Рассказывается о её жизни, учёбе, о людях что ей помогают и наоборот терзают. Г. герой как раз из последних. Мир романа достаточно жесток. Но в повествовании есть и юмор, и ирония. Все герои очень живые, яркие.

Блэки Хол

Эпилог

В одну ночь город подвергся нападению. Вторжение готовилось постепенно и незаметно глазу, но, подойдя наутро к окну, я застыла, очарованная зеленым волнующимся морем. Волны еще не набрали силу: легкая дымка листвы покрыла деревья нежным невесомым пухом. Но уже через несколько дней зеленая стихия зашумела сочной листвой. Теперь Мэл оставлял окно приоткрытым на ночь, и в комнаты вривалась весна, пахнувшая клейкими молодыми листьями и зацветшим миндалем.

Судебный процесс над Ромашевичевским и Эльзой Штице проистекал при скоплении прессы и любопытных. Нездоровый ажиотаж подогревали адвокаты Эльзушки, раздувавшие скандал из любой мелочи. Они обвиняли следствие в попытках принуждения, давления и в подтасовке улик. В конце концов, премьер-министра, лично отслеживавшего течение судебных заседаний, утомила мышьяная возня, и окриком сверху процесс протек быстро, гладко и завершился ожидаемо.

Максимилиана Эммануиловича Ромашевичевского признали виновным в преднамеренном покушении на чужую жизнь особо изощренным способом. Ему назначили наказание в виде двадцати лет колонии с конфискацией имущества.

Эльзу Штице признали виновной в преднамеренных неоднократных попытках причинения ущерба чужому здоровью. Как особе, вступившей в совершеннолетний возраст, но находящейся на иждивении родителей, ей назначили наказание в виде двадцати лет поселения в северных регионах страны с запретом на проживание в городах и поселках городского типа.

Мы с Мэлом снова посетили Департамент правопорядка, куда нас пригласили для повторной беседы. Следователь — заместитель Мелёшина-старшего — ознакомил с протоколами допросов Штице и со сведениями, почерпнутыми путем сканирования её памяти и внушения. Следствие восстановило каверзы Эльзушки более или менее полно, расставив в хронологическом порядке с указанием приблизительных дат.

— Почитайте на досуге. Попробуйте вспомнить причины, подвигнувшие вас избежать устроенных Штице ловушек, — сказал следователь, вручая список. — Возможно, версия об ангеле-хранителе имеет под собой основания.

Мужчина неожиданно улыбнулся, и мимолетная вспышка обаяния повергла меня в растерянность. Только сейчас я обратила внимание, что следователь неуловимо копировал профессора Вулфу разворотом широких плеч, жестами, манерой держаться, но прежде, во время нечастых деловых встреч, эти нюансы не задерживались в поле зрения.

— Знаешь, есть в нём что-то... хищное, — сказала я Мэлу, когда мы возвращались обратно. Имя Альрика стало запретным между нами.

— Неудивительно. Как написано в известной книжке, ты и он — одной крови, — ответил Мэл, не отрываясь от дороги.

— То есть... хочешь сказать, что он — оборотень?! Самый настоящий оборотень? — Я вывернула шею, словно могла увидеть следователя, хотя мы находились в полчаса быстрой езды от ДП. — Почему ты не сказал? Ё-моё!

Живой оборотень в столице помимо меня и Альрика! Я выискивала соплеменников профессора в каждом встречном — и всё впустую. А, оказывается, требовалось раскрыть пошире глаза.

— Скажи я, и ты пылилась бы на него как на снежного человека. Чего доброго, он заподозрил бы неладное. Надо радоваться, что он не учуял тебя, — заметил Мэл.

— Это плохо? — испугалась я.

— Вообще-то он женат, и дети есть. Но кто знает? — спросил глубокомысленно Мэл. — Поначалу я удивился, почему он не воспринимает тебя как равную, а потом решил, что коли ты недоделанная, то не фонишь флюидами. Поэтому не чувствуешь других оборотней.

Маленькая поправка: кое-кого из ихней породы я чувствую каждой клеточкой кожи. И это вызывает беспокойство.

— Значит, недоделанная?

— Эвка, ты поняла, о чем я. Не дуйся.

— И не собираюсь. В следующий раз предупреждай, пожалуйста, о мимо проходящих оборотнях. Я хотя бы затаюсь.

Мэл шумно фыркнул, а потом захохотал, не сдержавшись.

— Извини, охотница.

Пришлось ему извиняться весь день, потому что я обижалась по пустякам и оскорбленно воротила нос.

Список происков Эльзушки, презентованный следователем, подвергся изучению. Пусть по прошествии времени память не могла похвастать точностью, всё же кое-какие события мне удалось сопоставить. Не знаю, причиной тому счастливая случайность или помощь мифического ангела-хранителя, но в моменты Икс я либо сворачивала не в том месте, либо притормаживала, отвлекшись на что-то, либо меняла маршрут, либо торопилась или, наоборот, задерживалась — в столовой, в библиотеке, в аудитории, в архиве.

Сегодня строй ангелов вдоль институтской аллеи теснился плотно — без босых ступней и пустых постаментов.

— Ты замечал, что они иногда уходят? — спросила я у Мэла. — Почему?

— Говорят, у них свой долг — оберегать души.

— Вдруг это ангелы-хранители? — оживилась я, пытаюсь вспомнить, совпадали ли отлучки крылатых с каверзами Штице.

— Поверила ему? — хмыкнул Мэл и окинул взглядом каменные фигуры. — Если так, то им надлежало отводить от Эльзы соблазн мести и ненависть. Но вместо спасения её души они защищали тебя. Как солдаты, подчинявшиеся приказу: "Сберечь!"

— Ну да, не хватает по мечу в каждой руке, — поддержала я и вдруг забоялась. То ли тишина подействовала, то ли умолкший шелест листвы, но мне показалось, что каменные лики суровы: холодные губы сжаты, брови сведены к переносице. Это не музей статуй под открытым небом, это военный ранжир. А они — Воины Света.

— Пойдем, — потянула я Мэла, поежившись.

Черт с ними, с кознями Эльзушки и со сказочными хранителями. Будем считать, что я — нереальный везунчик.

Нашим соседом по этажу оказался Рыжий. Алесс Соцкий.

Мы столкнулись с ним как-то утром, торопясь в институт. От неожиданности я споткнулась на ровном месте, и парень с ухмылкой поздоровался. А Мэл не протянул ему руку для приветствия. Рыжий бодренько сбежал по лестнице.

— Обалдеть. Он — и на четвертом этаже! — изумилась я. — Как ему удалось?

— Вот и я думаю, — отозвался мрачно Мэл и приказал: — Чтобы с ним не зналась.

— Почему? Он неплохой парень.

— Просто не общайся с ним, и всё. Неужели трудно выполнить? Забыла о Рябушкине?

Петя Рябушкин забрал документы из института и перевелся в ВУЗ на севере. Я попрощалась с ним по телефону. Даже на расстоянии чувствовались стыд и неловкость парня. Мэл настаивал на удалении его номера из списков телефонных контактов, но я отказалась. Пожелала чемпиону удачи. Пусть начнет жизнь с чистого листа. Подальше от меня.

Я часто думала о Пете и о стремительных изменениях, произошедших с ним с момента нашего знакомства — от скромного парня до рвущегося в дамки молодого человека. Пыталась найти объяснение его поступку с кражей артефакта, и оно выходило запутанным и крайне нелогичным. Чемпион зачем-то притянул меня, хотя, оставляя улику, наоборот, навлек бы на себя подозрения. Правда всё равно вскрылась бы методом перебора лиц, когда-либо побывавших в швабровке. Скорей всего, парень не подозревал, что в двери — замок секретом, и людей, побывавших в крохотной комнатухе, можно пересчитать по головам. Он планировал замести следы и запугать следствие, а в результате запутался сам. Одинаковые симптомы. Как описал однажды Капа Чеманцев: "Словно что-то подтолкнуло в спину". И Эльза Штице нащупала верно, заявив, что я принудила её напасть на меня.

Это болезнь. На кого-то вирус действует мгновенно, а кого-то разлагает медленно. Петя принадлежал к первой категории. Мой дар нашептывал ему: "Ну, давай, попробуй. Нет ничего невозможного. Это очень просто. Ты сможешь". И парня ударило точно обухом по голове. Опьянило успехом, впрыснуло адреналин, помутило сознание. Семена легли на благодатную почву: ведь втайне Петя горячо мечтал выбиться в люди.

Мой дар или проклятие пробивает защиту дефенсоров и искажает реальность. Люди путаются в фантазиях и переоценивают свои возможности. Их эмоции усиливаются: если ненависть — то разрушительная, если ревность — то обгладывающая до костей, если влюбленность — то идиотически-восторженная, если страсть — то до истощения, если зависть — то черная, с порчей на летальный исход, если стыд — то нестерпимый и тянущий камнем вниз с институтского чердака. Я — открытый ящик Пандоры.

Мой дар — словно жало скорпиона. Он отравляет судьбы окружающих. Царица едва не истекла кровью в лаборатории, разрушенной неживым крылатиком. Десятки людей погибли в драке в "Вулкано". Мэл дважды чуть не отнял жизнь своими руками. И в случившемся — моя вина.

— Боюсь причинить тебе боль. Меня нужно изолировать в свинцовом саркофаге, закопать поглубже и сверху насыпать холм, — прижалась я к Мэлу в отчаянии.

— Смотрю, кто-то хочет, чтобы его пожалели и утешили, — хмыкнул он. — Чтобы успокоить, поясню: ты — мой отрезвитель. Меня частенько заносит, и не в лучшую сторону... — хмурая тень набежала на его лицо и пропала. — А ты не позволяешь слететь в пропасть.

С крохотным уточнением. Сначала мой дар толкает к бездне, а в шаге от падения я молю о спасении.

Расстаться со швабровкой оказалось непросто. Выяснилось, что в учетных книгах за мной числилась куча мебельного инвентаря, не говоря о кровати двуспальной с ортопедическим матрасом.

Я поперхнулась и закашлялась, пока комендант зачитывал длинный перечень мебели, которую предстояло возвратить. Мэл постучал меня по спине и сказал птичке-невеличке (как прозвали нового коменданта за глаза):

— Покажите-ка расписки студентки Папены в получении.

Комендант показал.

— Моя подпись, — признала я с удивлением. Надо же, память подвела. А мне казалось, я расписывалась за одеяло, матрас с подушкой и комнату жилую на одного проживающего — всё в количестве одна штука.

И что делать? На мне числились холодильник с телевизором, которых мои глаза ни разу не видели.

— Может, у меня память отшибло? — жаловалась Мэлу. — Может, и правда, мне их выдали?

— Выдали и додали, а потом догоняли да еще давали, — ответил он зло, потому что тупоголовый комендант выводил его из равновесия исполнительностью, доходящей до идиотизма.

Если поначалу Мэл посматривал на закручивающуюся историю как на фарс, мол, должно же хватить человеку ума, чтобы понять — дело неладно. Куда бы поместилась куча мебели на двух квадратах моей швабровки? Комендант пришел, посмотрел, потер птичий носик и сказал:

— Приму только по списку.

И удалился.

Зря он это сделал, потому что мой мужчина распалился до температуры ядра Земли. Мэл навестил проректрису и предупредил, что история получит резонанс, если безмозглый комендант продолжит вести себя безмозгло и не забьет тревогу.

И завертелось. Разумеется, история не предалась огласке. Росписи в учетных книгах сличали лучшие специалисты института с трех факультетов. Они определили, что моя закорючка действительно стояла лишь в четырех строчках. Прочие расписки оказались искусной подделкой.

Царица проконтролировала, чтобы с меня списали уходящий в бесконечную даль перечень мебели, а Стопятнадцатый опять сокрушился:

— Хотели сделать, как лучше, предложив уволиться по собственному желанию. Побоялись открытого скандала. А теперь придется разгрести зловонные кучи приписок и подлогов.

Одним прекрасным днем, в коридорчике перед дверью швабровки, я церемониально вручила коменданту ключ, и он принял с важным видом, словно тот был из отлит из чистого золота.

Всё. Больше нет швабровки. Только квартирка на четвертом этаже. Совместное проживание со студентом Е. Мелёшиным.

— Не думал, что твоя комната будет стоять мне седых волос, — сказал вечером Мэл,

отдыхая от забот на диване.

— Бедняжка мой, — засюсюкала я, обняв его. — Ты победил птичку-невеличку. Герой!

У нас завелась живность. Не тараканы и клопы, а Кот. Настоящий, упитанный: морда — с тарелку, хвост — трубой, лапы — как сардельки, взгляд — бандитский. Сам черный как уголь безлунной ночью.

Я возвращалась из магазина, куда ездила в сопровождении стабильно невозмутимых и непрошибаемых охранников. На крыльце общежития сидел кот и смотрел вдаль, разложив хвост на бетоне.

— Киса, привет, — сказала я. Киса лениво посмотрела на меня и отвернула отъевшуюся харю на природу.

Каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что котяра прошмыгнул в дверь за охранниками и бежал за нашей компанией до четвертого этажа. Там он начал отираться о мои ноги с дикими воплями брошенной сиротки. Один из телохранителей вынул пистолет с глушителем, чтобы уложить подозрительный объект на месте. Пришлось встать грудью на защиту несчастного животного.

После того, как кота проверили на наличие блох и прочих опасностей, он проскочил в квартирку и устроился в кресле.

— Кто это? — спросил вернувшийся с работы Мэл, кивнув на усатого гостя.

— Приблудный бедняжка. Временно поживет, пока хозяева не отыщутся.

Хозяева не нашлись, несмотря на объявления с портретами, расклеенные возле института и в близлежащих кварталах. Поэтому временное перешло в постоянное.

Сперва Мэл отнесся к котяре с настороженностью.

— Его нужно чем-то кормить. Смотри, какая рожа. Он сожрет больше нас с тобой, вместе взятых. А туалет? Коты метят углы. Здесь будет вонять.

Кот ел, но странно. Он вообще оказался странным котом. Мог слупить шоколадный батончик. Хрустел луком, порезанным кубиками. На пару с Мэлом пил его любимый кофе. Вернее, Мэл пил из кружки, а кот лакал из блюдца.

— Мда, — сказал Мэл, наблюдая, как усатый расправляется с куском пиццы, политым горчичным соусом. — Я читал о таком. Атрофированные вкусовые рецепторы. Не различает сладкое, пресное, соленое. И нелады с обонянием. Наверное, поэтому его выкинули.

Кот выслушал и с тех пор ел избирательно. Точнее, правильно — пищу для приличных кошачьих, но иногда срывался, к примеру, на фрукты или на маринованные оливки.

И с туалетом проблема решилась. Когда коту требовалось, он уходил. Через окно. Прыгал на подоконник, оттуда сигал на кирпичный выступ, опоясывающий четвертый этаж на уровне пола, и по узкой тропке, задрвав хвост, заворачивал за угол здания.

— Мда, — говорил по первости Мэл, высунувшись из окна и глядя вслед удаляющемуся коту. А потом привык. Новый жилец и возвращался аналогичным образом, выводя за окном истошное "мяу".

— Мда, — сказал как-то Мэл, слушая непрекращающийся кошачий ор. — Может, у него отбиты внутренности? Кричит как резаный.

Кот запомнил и перестал выводить истеричные рулады. Теперь он выдавал на пониженных тонах благородное "мау", заставляя трепетать от восторга кошек в окрестностях института.

Но самым удивительным оказалось, когда в первый день обитания нежданного гостя в

нашей квартире я решила погладить его и приласкать. Дай, думаю, утешу мурлыку, ведь потерялся бедняжка, и на этой почве у животинки — стресс.

— Гош, это не кот, — сказала неуверенно. — Это... кошка. Или не кошка. Не пойму, что.

— Ну, знаешь! — отвлекся Мэл от реферата. — По-моему, у кота должны быть... причиндалы, — фыркнул он. — А у кошки другие отличительные признаки.

— Нету никаких признаков. Сплошная чернота. Может, это оно?

Развалившееся на диване бесполое животное насторожило уши, вслушиваясь в разговор.

— По идее, это кот. Габариты соответствующие, — почесал Мэл пером за ухом. — Эвка, ты бы постеснялась под хвост-то заглядывать.

— Почему? У него должно быть имя. Или у неё. А как его звать, если оно — непонятное?

На следующий день Мэл потискал кота (или кошку) и сказал с уважением:

— Куда глядела? Мужик это. Самый настоящий. Богатырский.

Так кот стал Котом, и между двумя особями мужского пола, проживающими на четвертом этаже в квартире с табличкой "аз есмь", установились ровные отношения — без выпускания когтей и шипения. Правда, время от времени Мэл сбрасывал с кровати Кота, нахально устроившегося в ногах или на подушке между нами.

— Еще раз залезешь, получишь по шее, — предупреждал наглеца. Трудновыполнимая задача. Голова отъевшейся животины начиналась от туловища.

— Никакая кровать не выдержит полтонны живого мохнатого веса. Спинка и так на ладан дышит, — ворчал Мэл, опуская Кота за шкуру на пол. — Тебе, что ли, не хватает дивана?

— Ему одиноко, — вступилась я за сиротку.

— Сочувствуй на расстоянии. В кровати хватит места для одного мужика. Кого выбираешь? — выдвинул ультиматум Мэл.

— Конечно, тебя.

Кот понял и не претендовал.

Информация, почерпнутая на занятиях, заполняла извилины.

Мэл, не напрягаясь, пересдал символистику, я успешно расправилась с теорией снадобий, сдал на пятерку. Новый преподаватель Франц-Иосиф Брокгаузен, как ни странно, остался доволен моими знаниями. Впрочем, и я порадовалась его спокойному подходу к предмету. Хотя поначалу ожидала неадекватной вспышки вроде реализации горячо лелеемого желания, но потом успокоилась. Наверное, у Франца-Иосифа не имелось обострившихся мечт.

Умственная нагрузка разнилась. Помимо занятий в институте, я училась у Вивы искусству быть красивой. Она демонстрировала, как выбрать и наложить нужный макияж — при разном освещении, погоде и для различных поводов. Учила самостоятельно управляться с волосами. Давала советы, как правильно одеваться и соответствовать мероприятию — вечеринке в ночном клубе или посещению Оперы. Показывала эффектные сочетания цветов, фактуры тканей, необычные фасоны. Наряду с конспектами лекций я запоминала стили и направления моды, её историю, заучивала названия одежды и её элементов.

Личная стилистка сопровождала меня в походах по магазинам в переулке Первых Аистов, к которому я прикипела душой. Вива рассчитала оптимальные размеры груди-тали-бедер для моего роста и фигуры и заставляла их придерживаться.

— Сама виновата, что задница растолстела. Соответствуй. Держи оборону. Ни сантиметром больше, — требовала она.

Приходилось соответствовать и держать через не хочу. Посещать салон красоты в сопровождении дамы из охраны дэпов, ходить на процедуры по электростимуляции мышц и на массаж.

В самый неподходящий момент от корней волос неожиданно полезла седина, напомнив о последствиях контакта с потусторонним миром.

— Не паникуй. Бывает, — успокоила Вива. — Радуйся, что заплатила мизерную цену.

Помимо образования, стилистка давала жизненные советы в свойственной ей циничной манере, в частности, о каждодневном быте.

— Не стоит встречать эмпэ со слоем штукатурки и в вечернем платье. Годятся свеженькое личико, незатейливая прическа и соответствующая одежда. Меняйся. Будь разной. И забудь о растянутой линялой футболке и драных рейтузах.

И я менялась, встречая своего эмпэ в шортиках с двусмысленной аппликацией на попе или в короткой юбке с топиком или в халатике с глубокими разрезами по бокам. Результаты наличествовали — и какие! Мэлу нравилось, но радиус дефилирования ограничивался пределами квартирки. О том, чтобы выйти в люди в одежде короткой длины, и речи не шло. "Категорически" — сказал единожды Мэл, оценив вид сзади, обтянутый провокационными кружевными штанишками.

— Вода камень точит, — утешала стилистка, выслушивая жалобы на попытки Мэла облачить меня в чадру. — Он свыкнется.

Окончив институт, Вива сняла в переулке Первых Аистов небольшое помещение и повесила вывеску "Салон стиля от Вивьен". Надо сказать, она не гонялась за посетителями и сама выбирала клиентов, хотя подобный каприз мог позволить далеко не каждый трудяга. К хозяйке салона валили валом, узнав о ней как о личной стилистке дочери министра

экономики. Вива честно отработывала свои деньги. Обо мне — ни слова, ни полслова, ни крохотной сплетни в прессу и на уши любопытным. Репутация!

Отвертеться от светских мероприятий не получалось, зато удавалось их фильтровать, причем молчаливый отказ не принимался. Правила приличия предписывали отправлять ответ с вежливым сочувствием из-за невозможности посещения праздника и с пожеланием устроителям всяческих благ. Таким образом, в наш бюджет включились расходы на конверты и карточки. Еженедельно Мэл писал от своего имени порядка десяти "отказных" записок, столько же писала я.

— Игнорировать нельзя, — учил Мэл. — Это признак дурного тона. Однажды хорошие отношения могут понадобиться, поэтому не стоит плевать в колодец. Пригодится воды напиться.

Таким образом, банкеты по случаю обручения, юбилейные обеды, рауты в честь присвоения высокого чина или награждения медалями и прочие похожие празднования обходились стороной, а вежливые отписки вроде "в силу чрезмерной занятости и загруженности...", "в связи с фатальной невозможностью...", "с наилучшими пожеланиями..." въелись в мозг и в руку, механически водящую пером.

На приглашениях, доставляемых заказными курьерами мне и Мэлу, указывался одинаковый адрес. И ведь все знали, что мы живем вместе, а лицемерили. По крайней мере, отвечая отказами, мы сэкономили бы на конвертах и на писанине. Увы, подписываться: "С наилучшими пожеланиями, Егор и Эва" разрешалось, имея общую фамилию.

Мэл объяснил, что, будь я на иждивении отца, приглашения посылались бы в дом Влашек, и решение о посещении того или иного праздника принимал бы родитель.

Зато запрещалось закрывать глаза на торжества с участием премьер-министра и особ, к нему приближенных. Хорошо, что мероприятия на высоком уровне случались не чаще одного раза в месяц. Я до икоты боялась повторения событий в "Вулкано" и на "Лицах года".

— Понимаешь, почему не люблю большие сборища? На них велика вероятность столкновения с неадекватным товарищем, мечтающим об Армагеддоне, — жаловалась, рассчитывая уговорить Мэла на отказ от очередного правительственного приема.

— Нам нельзя не прийти. Не отходи от меня ни на шаг, и всё будет в ажуре, — наставлял Мэл, игнорируя нытье.

И я отправлялась к Виве, принимавшей меня вне очереди в любое время, потому как моя персона считалась эталоном ее способностей.

Все-таки журналисты пронюхали о гардеробе, пополняемом в переулке Первых Аистов. Прессе рты заткнули, зато на светских мероприятиях некоторые дамы не забывали уколоть шпильками. Не на ту напали.

Я заявляла:

— Разница стоимости платья с бульвара Амбули и из переулка Первых Аистов могла бы пойти на благотворительность или иные благородные цели вместо того, чтобы тешить свое эго.

Или:

— Нужно помогать молодым талантам, чтобы они двигались вперед и росли. Кто, если не я, обычная студентка, будет поддерживать смелые эксперименты творцов?

И так далее и тому подобное, слегка небрежным и высокомерным тоном, чтобы язвы прикусили языки.

— Тебе палец в рот не клади, — заметила как-то Вива, выслушав рассказ об очередном рауте. — Будь осторожна. Соблюдай умеренность. Не наживи врагов.

— Стараюсь. Соответствую изо всех сил, — заверила я клятвенно.

Вива не подвела ни разу. На каждое значимое событие она готовила для меня изюминку в одежде, в прическе или в макияже, о чем потом бурно судачили в женских журналах и в колонках светской хроники центральных газет. Но скандальности не получилось. Критики сдулись при первой же попытке посмаковать отвратительную прическу дочери министра экономики: гладкую челку набок и каскад мелких кудряшек с россыпями цветочных иллюзий. Вива трудилась над укладкой три часа, и на следующий день после приема прическа "а-ля Эвита" поднялась на первую строчку рейтинга "Лучший образ сезона". Со временем "туалеты от Вивьен" приобрели популярность и стали образцами для подражания.

Если Вива стала атрибутом новой жизни, то с Аффой я встречалась редко, если не единично. Потому что бывшая соседка не знала, о чем говорить. Ее тяготила социальная разница, возникшая между нами. Мне же, наоборот, хотелось высказаться, но проблема состояла в том, что наши девичьи проблемы кардинально различались.

Несмотря на неоднократные приглашения, Аффка так и не пришла в гости. Ни разу. Общение проходило во время нечастых посиделок на первом этаже общежития, куда спускались мы с Мэлом. Мужская часть компании обсуждала важные мировые проблемы, а я худо-бедно беседовала с Аффой на нейтральные темы. Зато с братьями Чеманцевыми общалось легко и просто, но Мэл зорко блюл, ограничивая панибратство. И да, моя бывшая соседка начала встречаться с Симой.

Знание о западном синдроме заставляло меня выискивать подозрительные ненормальности в поведении окружающих. Я не успокоилась, пока не расспросила Симу о причинах, толкнувших его на нарушение студенческого кодекса и приведших к пожару в столовой.

— Не хочешь — не говори, — добавила поспешно. Вдруг ему тяжело вспоминать?

Парень охотно ответил:

— Сам не знаю. Вернее, знаю. Сначала перекидывались мятыми бумажками, а потом перешли на *igni candi*^[1]. Знаешь поговорку: "Пьяному море по колено"? В тот момент запреты стали мне по щиколотку. Решил чуток пофорсить, а увлекся и не смог остановиться.

Мэл внимательно выслушал объяснение Симы, отвлекшись от разговора с его братом.

— Ну и что? — сказал позже, когда мы вернулись домой. — Со мной бывало такое же. Это азарт. Гонишь по трассе, стрелка зашкаливает, а нога почему-то жмет не на тормоз, а на газ. И, заметь! — задолго до знакомства с тобой. Так что не вини себя в том, к чему не имеешь отношения.

Знать бы еще, к чему мой дар имеет отношение, а на кого не действует.

Летом, на каникулах, на первых двух этажах начался полномасштабный ремонт. Несмотря на то, что наша квартирка имела прекрасную звукоизоляцию, дрожь стен, сокрушаемых отбойными молотками, доходила до четвертого этажа.

Лизбэт, окончив четвертый курс, получила место на кафедре материальных процессов, вблизи от своего кумира, и с рвением погрузилась в работу. Старшим лаборантам не полагалась комната в общежитии, поэтому Лизбэт сняла жилье чуть подальше квартала невидящих, в благопристойном висоратском районе. Она никогда не ходила в институт дворами, проезжая три остановки на автобусе. Жилые кварталы невидящих стали препятствием, которое Лизбэт предпочла огибать стороной. Уж не знаю, наметился ли у леди Идеальность прогресс в отношениях с идолом студенток, но профессор ни разу не подобрал её на машине до работы и не предложил подвезти из института домой. Личная жизнь Альрика не являлась тайной, потому как зоркие сплетницы исправно снабжали желающих свежей информацией. Удивляюсь, как я могла наивно полагать, что никто не догадывался про обследования на пятом этаже. О них узнавал весь институт, стоило мне подумать о профессорской лаборатории. Пусть звучит утрированно, зато в точности отражает стремительность расползания слухов.

После летней сессии Капа уехал к отцу, а Сима отправился на восток страны в клинику

трансплантологии. По возвращению он и Аффа переехали в квартиру, доставшуюся по наследству от умершей тетки. Несмотря на завещание, многочисленные родственники покойной начали борьбу за столичное жилье, которая продлилась более двух лет и в последствии увенчалась победой родителей девушки.

Наследство, полученное Аффой от тётки, немного сгладило наши отношения. Приехав на новоселье, мы с Мэлом вручили молодой хозяйке компас, определявший не стороны света, а пространство фэн-шуй. Игрушка надолго завладела вниманием наших мужчин. Они ходили по комнатам и похихатывали.

— Симон, ставь крестик, — указывал Мэл, вглядываясь в показания прибора. — В этом углу будет двуспальная кровать. Очень благоприятная среда.

Хирурги-косметологи вернули Симе прежнее лицо, как до пожара, но между близнецами уже не наблюдалось былого сходства. Родившись вторым, младший из братьев Чеманцевых выглядел теперь взрослее и умудреннее опытом, догнав Мэла.

— Когда-нибудь сделаем ремонт, а пока и так сойдет, — махнула рукой Аффа на стены, обтянутые темным штофом. Жилище умершей произвело на меня гнетущее впечатление. Казалось, время здесь застыло в прошлом веке. Потертая мебель, скрипучие полы, выцветшие обои, пожелтевшие потолки, затхлый воздух, пропитанный старостью и болезнью... Аффа сразу избавилась от мрачных тяжелых штор, и в комнатах стало гораздо веселее.

О чем печалиться, когда рядом любимый мужчина, а в руках — трехкомнатная квартира в центре столицы? Это ли не предел мечтаний?

Оказывается, нет. Требовалось содержать столичные площади и оплачивать коммунальные услуги. Родители Аффы активно тратили наличность на судебные тяжбы с родственниками, поэтому расходы за квартиру частично легли на плечи парочки студентов.

— Поглядим, — сказала неопределенно девушка. — Придется искать подработку.

— Можно жить в общежитии, а квартиру сдавать в аренду, — предложила я. — А после окончания института решите, как быть.

— Пока суд не вынесет решение, квартира находится под арестом. Её нельзя ни продать, ни заложить, ни сдать, а оплачивать коммуналку всё равно придется. Так что лучше жить здесь, чем в общежитии.

— Если понадобится помощь, обязательно скажи.

— Спасибо, — ответила Аффа, нахмурившись. Она испытывала неловкость затронутой темой.

Остаток лета Сима подрабатывал в небольшой торговой фирме. Он попытался всучить первую выплату по нашему договору, но я заартачилась.

— Написано, что отсрочка — полтора года, вот и не нервничай раньше времени.

— Аффка, ты живешь во грехе, — сказала я как-то, когда мы с Мэлом заехали в гости.

Сильная часть человечества в лице наших мужчин обсуждала в гостиной проблемы мировой величины, а именно: эффективные способы прочистки забившейся канализации, а слабая — в лице меня и Аффы — поглощала на кухне пирожные.

— На себя посмотри, — хмыкнула девушка с полным ртом.

— Ты три года соседствовала в одном закутке с близнецами-балбесами. Неужели предчувствие не подсказало, что когда-нибудь у тебя завяжется с Симой?

— Неа. С Симой вообще ничего не понятно. Смотрю на него как в мутную воду и не

вижу будущего. Сплошная непредсказуемость. Наверное, это хорошо. И гадать не решаюсь. Как будет, так будет.

Аффа крайне скупно рассказывала о совместной жизни с парнем. Не хвастала, не делилась интимными подробностями. Наверное, боялась сплзить и отпугнуть счастье восторгами или не хотела, чтобы ей завидовали.

И я последовала примеру Аффы.

Обо мне не забывала и Баста. Она могла нагряться, когда брат отсутствовал дома. Звонила по телефону и интересовалась: "Эвочка, я заеду?"

Сестрица Мэла оказалась девчонкой нескучной, с озорством и с крупными наивной детскости.

— Удобно, если буду звать тебя Бастой? — решила я выяснить сразу.

— Конечно. Гораздо лучше, чем Маська или Машенька. Бр-р-р, — поморщилась девушка. — Откуда у вас чудесный котик? Лапусик, мохнатик...

Усатый обжора млел, развалившись на диване и подставив пузо поглаживающей руке.

— Ниоткуда. Шел мимо и завернул.

— Необычно. Черная кошка, сама знаешь, к несчастью. Если дорогу перебегаешь, — поправила Баста. — А если живет в доме, то, наоборот, хорошая примета. Значит, животному здесь комфортно.

Притихший Кот замурлыкал как трактор.

В общении с Бастой я всячески старалась, чтобы девушка не подумала, будто из нее вытягивают информацию. Но сестрица Мэла оказалась словоохотливой и компанейской. Она рассказала многое, о чем я не догадалась бы осторожно выпытывать. В частности, о Снегурочке или об Августе Аксёнкиной. Если отсеять эмоциональность и личную предвзятость Басты, выходило, что до серьезных отношений Мэлу и Снегурочке было шагать и шагать. То есть как пешком до луны. И это радовало, потому что роль жестокой разлучницы, разбившей видную и перспективную пару, тяготила меня.

— Она тоже учится в лицее?

— Ледышка? Оканчивает этим летом.

— Помню её по "Лицам года" и по "Вулкано". А больше мы не сталкивались. Почему-то она не посещает приемы.

— Кукла законсервированная, — фыркнула Баста. — С кем же ей посещать? Сопроводять-то некому. Говорят, её папаша сбился с ног, подыскивая дочке муженька.

— Мэл подвел всех, — пробормотала я. Люди распланировали будущее своих детей и семей на годы вперед, а Мелёшин-младший неожиданно встал на дыбы и растоптал чужие планы.

— Подумаешь! Надо не зевать, а хватать. А Аксёнкина вела себя как вобла в глубокой заморозке. Правильно ее называют Ледышкой. Знаешь, я завидую вам с Гошкой, — призналась девушка со вздохом и с усилием положила тяжеленного Кота к себе на колени. — У вас взаимно. Это большая редкость. А меня бесит, когда предстоит прожить жизнь по принципу: "стерпится, слюбится"!

Я растерялась.

— Вокруг много интересных парней. Ты обязательно найдешь свою половинку, — ответила в замешательстве, памятуя, что Мэл велел не провоцировать и не разжигать воинственность сестры.

— Вот ты говоришь и сомневаешься в своих словах, — откинулась Баста на спинку дивана. — Будет чудом, если у меня с "половинкой" найдутся общие интересы. А еще разница в возрасте... На ближайшие пять лет в списке холостяков — ни одной приличной кандидатуры. Не на кого глаз кинуть. Либо малявки, либо старики. Залетных птичек быстро

расхватывают. Вдовцы дольше трех месяцев на свободе не задерживаются.

Я сдавленно захыхкала.

— Знаешь, что меня пугает? — разоткровенничалась девушка. — Что проживу с человеком всю жизнь, и мы останемся чужими друг другу. Поэтому я понимаю Гошку. Вцепился в тебя как клещ.

— Депрессивно мыслишь. Нужно верить, что твой принц окажется самым лучшим, — сказала я убежденно, но Баста настроилась на скептический лад.

— Когда ты Гошку впервые увидела, то сердце ёкнуло?

— У меня? Ну-у... дай подумать.

Конечно, ёкнуло и стукнуло, но быстро восстановило привычный ритм и настроилось на повседневные проблемы серой крыски.

— Ты сразу почувствовала, что он единственный и неповторимый? — допытывалась девушка.

— Нет, — призналась я со смущением.

— А когда почувствовала? — не отставала сестрица Мэла.

Когда? Сложный вопрос. Наверное, в медстационаре института, во время реабилитации. Означает ли это, что я — черствый сухарик?

— Вот и я боюсь не разглядеть своего принца в толпе, — вздохнула Баста. — Вдруг ошибусь? Тогда вся жизнь насмарку.

Вечером я устроила Мэлу допрос с пристрастием.

— Гошик, а когда ты решил, что нравлюсь тебе?

— Сразу, как увидел.

— Не обманывай, ты даже не разглядел меня в темноте.

— В какой темноте? — удивился он. — Ага, значит, ты помнишь, когда увидела меня в первый раз? Где?

— Ничего я не помню!

— Эвка, не обижайся. У меня дырявая память, — пожаловался Мэл, и я взглянула с сомнением. — Женщинам свойственно уделять внимание мелочам, а мужчины мыслят глобально. "Пришел, увидел, победил!" Важен результат, а в сандалиях или в сапогах — не имеет значения.

Однажды Мэл извлек из конверта очередное приглашение и присвистнул:

— Дашка всё-таки оседлала его.

Мэла пригласили на званый обед по случаю обручения троюродной кузины с перспективным чиновником из Министерства природных ресурсов, и семейное торжество отказу не подлежало. Я тоже получила свое приглашение, к которому прилагалось меню — шесть смен блюд, не считая десерта.

Меня залихорадило. Прежде я не бывала на званных обедах. К распорядку приемов и раутов, включающих фуршетные столы, бокал в руке и неспешное прохаживание по залу, мне удалось привыкнуть. А здесь — экзотические блюда с труднопроизносимыми названиями. Да я опрофанюсь перед гостями, не зная, чем есть — ложкой или вилкой!

Вива, выслушав рев раненой белуги, поделилась телефоном проверенного эксперта по этикету, дававшего консультации частным лицам. Надо ли говорить, что присутствие охранников при конфиденциальной встрече исключалось? Рапорты дэпов полетят к руководству, и Мелёшин-старший посмеется над моими попытками приобщения к культуре питания. Смущаясь и покраснев не меньше вареного рака, я попросила Мэла отвезти меня на встречу со специалистом по ложкам и вилкам. Мэл, вникнув в суть проблемы, не стал подтрунивать, хотя на лице повисла улыбочка, которую он старательно сгонял. Зато он позвонил кому-то и продиктовал фамилию эксперта, рекомендованного Вивой. Через десять минут пришел ответный звонок, и на том конце невидимый собеседник дал добро на общение с мастером этикета.

Холеный интеллигентный мужчина преклонных лет практиковал на дому. Он встретил нас в костюме и с бабочкой. Поздоровался со мной, прикоснувшись губами к руке, обменялся рукопожатием с Мэлом. Эксперт по этикету пообещал за пару-тройку занятий сделать из меня профессионала, разбирающегося в сервировке стола. Разумеется, инкогнито.

Мэл, устроившись в кресле, листал журналы по автотехнике и спорту, а я запоминала разновидности вилок, ложек, тарелок, фужеров, их расположение на столе и основные правила этикета.

Булочки и хлеб берут руками и ломают, а не режут ножом. От целого куска хлеба откусывать не принято, от него отламывают небольшие кусочки. Понятно. Клевать как птичка. Есть с ножа — моветон. Во время еды голову низко над тарелкой не наклоняют. Ага, не хлебать щи носом. Салфетку на груди не раскладывают, и не затыкают за воротник — её расстилают на коленях. Или завязывают рот, чтобы меньше есть и не болтать. После еды сначала вытирают салфеткой губы, и лишь затем пьют. После окончания трапезы нож и вилку кладут на тарелку параллельно друг другу, ручками вправо. Если предполагается смена блюд, нож и вилку кладут на стол. Суп черпают понемногу справа налево или от себя. Сонные мухи. Неужели важно, в какую сторону загребать ложкой? Птицу едят с помощью ножа и вилки. Недопустимо обглаживать все косточки, на них должно остаться немного мяса. Нет, хочу руками, чтобы лицо и пальцы лоснились от жира! Фрукты и ягоды с косточками едят так: сначала аккуратно выплевывают косточку в ложечку, затем выкладывают её на блюде. Или плюются в гостей. Бутерброды берут руками, едят их с помощью ножа и вилки.

Уф, употеешь запоминать!

Консультант изучил меню предстоящего званого обеда и подробно объяснил, какими приборами пользоваться при поедании того или иного блюда. Чтобы запомнить, мне пришлось неоднократно прорепетировать на специальном тренажере — столике, сервированном на двоих.

В машине Мэл открыл рот, чтобы высказаться, но я ткнула в него пальцем:
— Даже не думай.

Так мы и доехали в молчании до общежития, и Мэл посмеивался, поглядывая на меня. Черт, на будущее нужно придумать, как избавиться от его присутствия. Нельзя, чтобы Мэл узнал мои слабые стороны и подшучивал лишний раз. Или хуже того, исполнился разочарования бескультурьем своей дамы.

Помимо занятий по сервировочному этикету я поселилась в библиотеке. Банально взялась за изучение родословной своего мужчины. Бабетта Самуиловна извлекла последние обновления к генеалогическим справочникам, и я погрузилась в тонкие папиросные странички, отрешившись от мирских забот. Одним из потрясений стало мое имя, появившееся в схеме Влашеки=Падурару. Три буквы "Эва" привязались к имени моего отца одинарной жирной чертой. Я — признанная дочь Карола Сигизмундовича Влашека от первого брака. Слепая висоратка, чье имя внесли в генеалогию элиты.

Не время пребывать в прострации, — одернула себя. Нужно перерисовать семейное древо Мелёшиных.

Бумаги запортилось немало. В голове смешались родственные связи, степени родства, имена, даты рождения и смерти. Клан Мелёшиных поражал многочисленностью и плодовитостью. Он успел пробраться и укрепиться в родословных древах прочих известных фамилий.

И почему я раньше не интересовалась? Маму Мэла звали Ираидой Владимировной родного деда по линии отца — Константином Дмитриевичем. А еще наличествовали два двоюродных деда и двоюродная бабушка, от которых тянулись обширные разветвления к дядьям, теткам, племянникам, племянницам, кузинам и кузенам Мэла.

По итогам исследования выяснилось, что троюродная кузина Мэла, заарканившая перспективного жениха, приходилась родственницей по линии мамы Мэла и к фамилии Мелёшиных не имела отношения. Но суть не менялась. Родители Мэла тоже посетят торжество.

День икс приближался, меня трясло, отчего я не могла сосредоточиться. Не подействовали даже расслабляющие капли последнего поколения, приобретенные в аптеке. Я с сожалением вспомнила о скончавшейся настойке успокоительных капелек Альрика. Они помогали гораздо лучше, чем разрекламированные средства.

Семейное мероприятие прошло как в тумане. Я здоровалась, кивала, улыбалась. Мэл пожимал руки, представлял меня гостям, приобнимая за талию. А потом поздоровался со своим отцом — обыденно, как со знакомым или с хорошим приятелем. Обменялись рукопожатием, кивнули, а я сказала "здравствуйте" Мелёшину-старшему и его жене. Маме Мэла. Симпатичная темноволосая женщина с выразительными карими глазами ответила вежливой приятной улыбкой. Отец Мэла просканировал меня с головы до ног коротким, но емким взглядом, и мы разошлись в разные стороны. Вернее, меня повел Мэл. От волнения отнялись ноги, и если бы он не поддержал, я бы рухнула посреди зала.

Нам достались места за столиком в компании остепенившейся молодежи, неподалеку, среди свободных и незамужних, сидела Баста в блестящем платье на бретельках. Она

помахала рукой, приветствуя.

Родственники Мэла не бедствовали. Для торжества зал украсили цветами, лентами, воздушными шарами, декоративными иллюзиями. Если званый обед по случаю обручения обставлен с невероятной роскошью, то какова будет свадьба? — силилась я представить охват будущего празднества, но воображение отказалось работать.

Накануне Мэл выдержал пытку расспросами о тонкостях обручального этикета.

— Подарки не полагаются. Обычно период от обручения до свадьбы составляет от полугода до года. Бедняга в присутствии гостей дает обещание своей избраннице и подкрепляет...чем?... кольцом, например. А-а, еще с этого дня они считаются женихом и невестой, — сообщил Мэл. — Вроде бы всё. Лично для меня званые обеды — лишняя трата денег. Так, для соблюдения приличий.

К слову, после переезда в общежитие Мэл быстро научился считать деньги. Он делил расходы на необходимые и пустые. Всё, что касалось меня, входило в первую группу затрат.

Я ужасно боялась ударить в грязь лицом. Боялась сказать лишнее, боялась не понравиться родственникам Мэла, боялась показаться высокомерной или, наоборот, зажатой серой крыской. Боялась, что званый обед перерастет в неуправляемый хаос. На меня, конечно, посматривали, но как на экзотику, и шептались, обмениваясь сплетнями на ушко. А еще я ловила взгляды мамы Мэла и его отца, сидевших за столиками для гостей старшего поколения. Однажды наши взгляды перекрестились, я улыбнулась маме Мэла, и она ответила тем же.

Мэл придвинул стул и сидел рядом, обнимая меня. В торжественный момент вручения обещания зал озарился фейерверком фотовспышек, а гости засвистели и зааплодировали.

— Для семейного альбома, — пояснил Мэл, хлопая за компанию.

Мне вдруг вспомнились фотографии, которые моя покойная тетка рвала и бросала камин. Кому нужны счастливые лица на снимках, если счастья больше нет?

— Как вам? — ворвался голос в ухо. К нам проскользнула Баста. — Скукотища, правда? Превращаюсь в ленивого слизня.

Почему в слизня? — не успела спросить я, как она юркнула к своему месту.

— Поганка, — сказал Мэл, глядя ей вслед. — Не платье, а тряпочка.

— Симпатичненько, — встала я на защиту девушки.

Мэл посмотрел на меня недовольно и перекинул взгляд на мои ноги. А что? Я — сама культурность. Ни грамма скандала: длина платья — два сантиметра выше колен. И всё равно Мэл хмурился. Но потом успокоился. Положил руку на спинку моего стула и вполголоса рассказывал о собравшихся: кто есть кто, как зовут, степень родства или отсутствие такового.

— Эвка, ты хотела бы вот так же? — показал на свою кухню, взволнованную важным для нее событием. Разумянившаяся девушка обмахивалась веером.

— И чтобы ты в роли бедняги-жениха? — кивнула я на молодого человека, вручившего избраннице бархатную коробочку перед более чем двумястами гостями.

— Ну да, — ответил Мэл, ковыряясь вилкой в тарелке.

— Об этом мечтает любая девушка, — ответила я, подумав. — Но...

— Но?

— После окончания института планирую съездить на побережье, — ответила тихо. — Это моя наипервейшая цель.

— И надолго собираешься уехать? — спросил Мэл, гоня горошину по тарелке.

Он не сказал "мы поедем". Он спросил, сколько времени я собираюсь кататься по курортам западного побережья.

— Не знаю. Постараюсь обернуться быстро. Очень хочу увидеть маму.

Концовка праздника померкла. Уж лучше бы Мэл не задал свой вопрос.

Я твердо запланировала, что когда-нибудь, а точнее, после окончания четвертого курса, навещу побережье. И приложу все усилия, чтобы попасть туда. А Мэл останется на Большой земле. Наверное, наша разлука станет проверкой крепости отношений. Но я обязательно вернусь обратно, и как можно скорее, — успокаивала себя. Ничего страшного. Представим, что уезжаю в командировку. Правда, в длительную, но с билетом в оба конца.

Мэл тоже задумался и погрузился в молчание. По приезду в общежитие он занялся оформлением доклада по теории культов, делая вид, что увлечен темой предмета. Или в действительности увлекся. Кот отирался возле Мэла, составив ему солидарную мужскую компанию.

Профессор не обнародовал реанимированные работы Гобула. Он погрузился в науку, пропадая в закрытой лаборатории на пятом этаже, — об этом регулярно сообщали проверенные источники. Точнее, это студентки обсуждали работу и личную жизнь своего идола.

"У меня есть суженая" — сказал однажды Альрик. — "На вашем человеческом языке — невеста". Я тогда выслушала с открытым ртом, ни на миг не заподозрив, КОГО подразумевал профессор, говоря о нареченной. Правда, он имел в виду не меня, а ту, что стала моей неотъемлемой частью.

Как ни пыталась я примириться со звериной составляющей, а всё равно инородные гены остались для меня чужими. Прежде всего, потому что они выворачивали характер наизнанку. В полнолуния из меня лезли агрессия, жестокость, непредсказуемость, легкомыслие. Я провоцировала и искушала. Быть может, несдержанность проистекала из неопытности, но мне было не у кого позаимствовать хотя бы толику взрослости. Животные порывы принимал на себя и сдерживал Мэл.

С Альриком я пересекалась лишь на лекциях. По практическому курсу для меня составили специальную программу, которую вел преподаватель от Министерства образования. Наверное, сей факт ущемил гордость профессора Вулфу как специалиста своего дела, но мужчина не подавал виду.

На индивидуальных занятиях я с завязанными глазами рисовала символы и руны, а преподаватель контролировал их правильность условной меткой. Например, прицеплял волну, и узор вспыхивал как головка у спички. В случае неудачи белибердень стиралась, и попытки возобновлялись.

Прочие лица — деканы и проректриса, — ставшие свидетелями рассказа о западном синдроме, тоже не афишировали подробности. Или они посчитали доводы профессора и, соответственно, Гобула, притянутыми за уши, или не рискнули высказываться публично, побоявшись, что их сотрут в порошок те, кому выгодно поддерживать легенду об инвалидной висоратке Папене.

Царица и Стопятнадцатый как ни в чем не бывало читали лекции и вели индивидуальные занятия, а с двумя другими деканами мои пути не пересекались.

Однажды мы пришли в институт, а звонки перестали горнить. Вот так, к полнейшей неожиданности, пропали наигрыши и воздушные волны, освежавшие закутки и коридоры альма-матер.

Народу понаехало видимо-невидимо: сплошь высокие шишки и чины, которые облазили подвальные катакомбы вдоль и поперек. Администрация института в лице ректора поседела от переживаний. Искали-искали, а так и не нашли вразумительные объяснения поломке горна. Составили трехсторонний акт обследования от института и двух министерств о том, что устройство под названием "горн" находится во временно нерабочем состоянии или, иными словами, законсервировано, повздыхали разочарованно и разъехались.

Теперь о начале занятий и о переменах сообщал обычный звонок, трезвонящий на высоких визгливых нотах, и студенты не прятались от воздушной волны, пережидая в туалете или на крыльце института. По этому поводу я испытала разочарование. Все-таки горн считался изюминкой института, а с его поломкой стало гораздо скучнее. Если убрать и

Монтеморта, то даже святой Списуил не спасет положение, задирай он пятки хоть до люстры.

Попечалилась я и призадумалась. Может, мой дар повлиял и на горн? Тот взял и расхотел работать. Обленился и сломался. Действует ли синдром на технику? Вроде бы часы не ломались, как и холодильник с печкой для подогрева.

Что теперь будет с горнистами?

Вечером я позвонила Стопятнадцатому. Впервые. Неуместный и поздний звонок. Человек отдыхает, а его отвлекают.

— Генрих Генрихович, что станет с ребятами, обслуживавшими горн?

— Вернутся домой. Их долг уплачен в любом случае.

А те, кто должен сменить юношей, просто-напросто отдадут долг отчизне иным способом.

— Пойдите, милочка! — воскликнул декан, оглушив басом. — Откуда вы знаете о горнистах?

— Случайно столкнулась. Простите, пожалуйста. Никто из них не виноват.

— Ох, Эва Карловна, — пожурил на расстоянии мужчина. — И когда успеваете? Хотя уже неважно.

Да, наш пострел везде поспел. Засунул нос во все дырки и залез во все щели. Покажите, где нас не было.

Через несколько дней меня вызвали в деканат, и Стопятнадцатый, поглядывая на бесстрастных охранников, сообщил, что по ходатайству Франца-Иосифа мне предлагают место младшего лаборанта на кафедре сложных составов. Треть ставки, пятнадцать висоров в неделю, два часа ежедневного труда, начиная с первого дня летней сессии. Подвижки произошли из-за увольнения Ромашевичевского, благодаря чему освободилась строчка в штатном расписании. Новый препод по теории снадобий спал и видел меня на месте младшего лаборанта, в стерильном халате и в марлевой повязке.

Я открыла рот, чтобы отказаться, но Генрих Генрихович привел неоспоримые преимущества трудоустройства. Во-первых, лаборантство предполагало обеспечение *сlipo intacti*^[2], пусть и в упрощенной форме. Простота и облегченность требовали обновлять щит каждый квартал, но всё-таки это какая-никакая защита от возможных поползновений. Во-вторых, теория снадобий удавалась мне лучше остальных предметов. Почему бы не воспользоваться моментом и начать профессиональную деятельность в том, что хорошо получается?

Я обещала подумать и дать ответ при первой же возможности. В посулах декана меня, прежде всего, привлекла возможность получения *сlipo intacti*. Судьба дает шанс! С щитом присутствие охранников перестанет быть обязательным, по крайней мере, в институте.

Шкафообразные двухметровые детины, прикрывающие тылы, стали постоянной мозолью. Мне приходилось одергивать себя, чтобы не сказать и не сделать лишнее, потому что каждый мой шаг досконально изучался в ДП по рапортам охранников.

Подумаешь, два дополнительных часа в стенах альма-матер. Я и раньше неплохо справлялась, работая в архиве. А уж с распорядком дня улажу: подтяну, уплотнюсь. В общем, постараюсь.

Но прежде следовало обсудить вопрос с Мэлом.

После суда над Ромашевичевским и Штице активность журналистов в отношении моей персоны пошла на убыль. Тем не менее, возле института установился круглосуточный пост из одной-двух репортерских машин. Наивные. Во-первых, они не знали о дырке в заборе или не приняли её всерьез, а во-вторых, идея Вивы с переодеванием подтолкнула меня дальше и в том же направлении. Поменяй цвет и длину волос, приспособив паричок, спрячь глаза за темными очками, и лопушки-папарацци не заметят, что рыбка ускользнула из сетей.

Хотя интерес репортеров упал, в прессе регулярно появлялись наши с Мэлом фотографии — две-три штуки в неделю. Кадры, ухваченные случайно или исподтишка, были тем интереснее для читателей, что являли миру романтичность наших отношений. Вот на банкете Мэл наклонился к моему уху и что-то рассказывает, а я улыбаюсь, слушаю. Или мы стоим на лестничном пролете в Опере, и Мэл держит мои руки в своих. Фотограф не знал, что я умудрилась занозить палец, и Мэл извлекал микроскопическую частичку, ворча, что только мне повезло найти занозу в заведении, где перила отшлифованы годами и сотнями тысяч рук. Ненавязчивая подборка фотографий с парочкой светских деток, милующихся по разным углам, понемногу откладывалась на подкорке у обывателей, и однажды я с превеликим удивлением узнала, что мы с Мэлом попали на третью строчку ежемесячного рейтинга "Влюбленные года".

После истории в ресторане "Ривьера" Мэл согласился на лаборантство и на получение *clipo intacti*^[3]. По замыслу Вивы я должна была показать своему мужчине, чего он лишился, ограничив мою свободу. Мол, сюрприз не удался бы при неусыпном бдении охранников и под контролем Мэла. А вот будь у меня щит, я бы развернулась вширь и вглубь.

Но Мэл не понял намеков. Он пережил немалое потрясение, приехав домой и прочитав анонимную записку. Да еще мой телефон ответил глухим молчанием.

— Тебе и дэпы^[4] — не преграда, когда начинаешь искать приключений на свою... голову, — заключил Мэл. — Пусть уж тебя обеспечат защитой. Да и мне станет спокойнее.

Поэтому из тысячи зол он выбрал, по его мнению, наименьшее.

Clipo intacti позволил ходить по институту без опаски получения коварного заклинания в спину. Правда, мне понадобилось время, чтобы вернуться к прежней самостоятельности, потому что я успела привыкнуть к невозмутимым охранникам, защищающим тылы. Мэл, уезжая на работу, отправлял по несколько телефонных сообщений, спрашивая, как проходит день, и не навредил ли мне кто-нибудь. Думаю, одной из причин, по которым он не хотел, чтобы телохранители покидали свой пост, стало то, что лопнул мыльный пузырь общественного вакуума. Я разгуливала по переходам и коридорам, сидела на постаменте у святого Списуила, и со мной мог заговорить любой студент. К примеру, долговязые четверокурсники могли сказать, проходя мимо: "Эй, цыпа, пойдем, потремся в юго-западном коридоре" или подсесть в библиотеке: "Ой, девушка, а что вы читаете? А можно с вами познакомиться?" Меня могли толкнуть и оскорбить, могли и подшутить. И что же, теперь не жить? От жизни не спрятаться, отгородившись высокой стеной.

Мэл подстраховывался. Он привлек Макеса и Дэна, чтобы те приглядывали за мной, вернее, за потенциальными инвалидами и покойниками, посмеявшимися вести дерзкие разговоры с его девушкой. Я поняла это, когда в холле Макес отфутболил привязавшегося ко мне третьекурсника с элементарки, а в архиве Дэн заставил пересесть долговязого

четверокурсника за другой стол.

С крайней неохотой я спустилась на подъемнике и открыла дверь помещения, в котором когда-то познакомилась с Радиком. Если бы не нужда — подготовка реферата по общей теории висорика — подвальные коридоры не увидели бы мою физиономию до окончания института.

Архив изменился. На месте растений поставили столы, расширив посадочную зону. Архивариус — мужчина средних лет и невысокого роста — не в пример скучности казенного помещения, имел колоритные густые усы, тянувшиеся от верхней губы по щекам.

Взяв подборку журналов "Висорика в быту", я устроилась за последним столом, но забыла о цели прихода, увлекшись рассмотриванием необычных усов нового хозяина архива.

— Императорские, — подсказал подсевший рядом парень. — Геннадий, четвертый курс элементарки, приятно познакомиться.

— Спасибо, мне тоже, — ответила я шаблонно.

Тут подошел невесть откуда взявшийся Дэн, кивнул мне, поздоровавшись, и сказал что-то парню на ухо. Тот вскочил и пересел за первый стол. Иных желающих пообщаться с дочкой министра не нашлось.

— Конечно, попросил, — не стал отпираться Мэл, когда я вечером поинтересовалась о ненавязчивой "помощи" его друзей. — Тебя невозможно оставить на полдня, как лезут всякие оборзевшие недомерки. Ни в жизнь не поверю, что на них действует твой синдром. И за борзость ответят.

— Я и сама могу за себя постоять, — объявила с гонором. — А Дэн с Максом взамен за помощь ободрали тебя как липку. Что ты им должен?

— Не поверишь. Ни-че-го. Видишь ли, существует разница между тёл... девушкой, которую клеишь на вечер, и девушкой твоего друга. Особенно, если они живут вместе. Это святое. И если Мак или Дэн попросят — я тоже помогу.

Однако мужской пол своеобразно классифицирует подружек, разделяя на временных и постоянных. Интересно, на каком этапе и по каким критериям тёлка переходит в категорию постоянных девушек?

Плюс или минус индивидуальных занятий состоял в том, что я стала лучше "читать" людей по их поведению, по характерным словам и жестам. Если раньше, при взгляде на человека, возникала мысль: "Наверное, он растерялся" или "Вероятно, он расстроен", то сейчас диагноз определялся с максимальной точностью: "Неуверен в себе" или "Завидует". Развиваясь, интуиция позволила мне тоньше чувствовать неискренность, наигранность и фальшь в словах.

После повторного трудоустройства я посетила родной деканат и Стопятнадцатого в нем.

— Может, Франц-Иосиф тоже попал под влияние синдрома? Странно, что он настойчиво предлагает место младшего лаборанта.

— Не знаю, милочка, — озаботился декан. — Брокгаузен работает в нашем институте пятый год, но на преподавательскую должность заступил впервые. Возможно, он выделил вас из сонма однокурсников, ведь вы ходили на пересдачи в единственном числе. Поэтому и поразили Франца-Иосифа объемом знаний, что неудивительно при подходе современной молодежи к учебе, — вздохнул мужчина. — Не волнуйтесь. Я прощупаю почву в данном направлении. Лучше упредить и пресечь сразу, чем пожинать плоды впоследствии.

— Генрих Генрихович, а ребята... горнисты... уже уехали?

— Да-с, милочка, еще на прошлой неделе. Вы спрашиваете о юношах во второй раз. Почему?

Да потому что я наконец-то отпиналась от назойливых телохранителей и рассчитывала связаться с кем-нибудь из ребят в солнечной униформе. Вот хотя бы передать весточку Агнаилу через завхозшу. Мы с ним так и недоговорили о побережье и о маме. Интересно, как горнист распрощался со своей возлюбленной? Плакала ли она и обещала приехать к юноше на родину? Ведь полгода назад между ними вспыхнули сильные чувства, практически на моих глазах. Помнит ли Агнаил о просьбе, высказанной мною на чердаке?

— А что стало с крылатиком, который разворотил лабораторию?

— Утилизировали в крематории. Это же нежить, — поспешил успокоить декан, увидев, как у меня округлились глаза. — Разложили на сковородке и засунули в печку. В качестве лаборанта, вы, милочка, познакомьтесь с этой замечательной конструкцией. В ней уничтожают неудачные результаты экспериментов, которые невозможно использовать повторно через сортировочную утиля.

Да уж, замечательная конструкция. Солярий, можно сказать. Наверное, Стопятнадцатый, Царица и Альрик втроем заталкивали крылатика, а неживое чудище упиралось лапж*пахвостом. Все хотят жить, даже неживые.

— А... новый архивариус видит волны? — спросила с заминкой.

— Вопрос затрагивает личную тайну сотрудника института, — ответил мягко Генрих Генрихович. — Могу лишь сказать, что он родом не с западного побережья.

Жаль. Признаться, мелькнула мыслишка. Зарплата маленькая, ответственность большая, работы невпроворот. Только особо нуждающийся ринется на предложенную должность. Или невидящий, считающий каждый висор. Почему бы ему не оказаться родом из тех же мест, что и мой бывший начальник?

— А как быть с Нектой? С тем, кто укусил меня? — показала я палец с капитальным исчезнувшим "колечком". — Профессор рассказал о существе, которое живет внизу.

— Что ж, Альрик поступил правильно, — заключил декан, подумав. — Это ваша рука и ваш палец. Было бы некрасиво держать вас в неведении относительно природы рисунка. Есть причины для беспокойства? Проявились тревожные симптомы?

— Нет. После лечения в стационаре рисунок пропал и больше не появлялся.

— Чтобы узнать больше, мы всегда можем организовать обследование у Альрика Герцевича. Он — прекрасный специалист.

— Нет, спасибо, — ответила я поспешно. — В этом нет необходимости.

— Жаль. Альрик рассказал бы поболее меня. Могу предположить, что презент таинственного жителя больше не проявится. Существо, обитавшее в подвалах, погибло.

— Как?! — упала я в кресло для посетителей. Ведь одним из дел, осуществленным без неусыпного контроля охранников, стал визит к коридорному ответвлению неподалеку от архива. Из темноты тянуло затхлым теплым воздухом, но никто не встретил меня и не обнял беспросветностью ночи — ни через десять минут и не через двадцать. Ни через полчаса. И я решила, что Некта спит или гуляет на другой половине институтских катакомб.

Стопятнадцатый рассказал вкратце историю гибели существа, подарившего мне странное "колечко". Оказывается, житель подземелья по неосторожности сгорел в электрическом свете. Вот почему он жил в темноте, а зону его обитания оградили ярко освещенными коридорами. Поселившись в подвалах, Некта стал язвой в теле института.

Какой толк с неизвестного науке существа, если оно не идет на контакт и не желает сдаваться на опыты? Поэтому с его гибелью руководство института вздохнуло с облегчением. А во время летних каникул в подвалах планировались восстановительные ремонтные работы пустующих помещений.

Известие о печальном исходе Некты наложило отпечаток на настроение, ввергнув меня в меланхолию. Кем бы ни было существо, поселившееся в подвалах после неудачного эксперимента, оно не желало мне вреда. Наоборот, помогло выплакаться после гибели Радика. Почему оно попало в свет ламп? Сгорело заживо. Испытало невыносимую боль. Или оно считалось неживым, как крылатый упырь из лаборатории Царицы? Может, на жителя катакомб повлиял мой синдром? Сидел себе в темноте, зевал, а потом решил наобум: дай-ка попробую, вдруг кожа выработала меланин, и я не обгорю на солнце. Вышел в освещенный коридор и вспыхнул как спичка.

Еще один самоубийца. Ужасно. Нигде не спрятаться от моего дара, разъедающего дух живых и неживых.

В любом случае Некта — жертва науки, пострадавший во имя великой висоратской цели. И его не спрашивали о добровольном участии в опытах. Вдобавок он получил дозу облучения моим синдромом. Бедняга.

Мэлу незачем знать. Для него я и так скопище аномальных ненормальностей, которые притягиваются ко мне магнитом.

Май ознаменовался важным для страны событием — Днем национальной независимости.

Город нырнул в праздник, превратившись в огромное оранжево-зеленое пятно. Флаги, плакаты, транспаранты, народные гулянья, концерты под открытым небом, иллюзии, валяющиеся как из рога изобилия, цертамы^[5], транслируемые на всю страну, национальная лотерея, конкурсы мастерства и талантов — за один день всего не охватить.

Этот праздник отдавал для меня горечью. День независимости стал символом разделения людей на висоратов и на тех, кто не видит волны. И отмечали его первые. Они подтверждали свое превосходство, свою избранность и обособленность. Свою великую миссию в современном мире. В этот день слепощарые предпочитали сидеть по домам и не высываться, чтобы, не дай бог, не влипнуть в неприятности, столкнувшись в переулке с компанией подвыпивших висоратов.

Дико. И те, и другие — человеки. И у тех, и у других — по два глаза и одному носу, одинаковое количество пальцев на руках и на ногах, голова поворачивается на шее. По какому праву людей сортируют на две касты?

По поводу праздника в Доме правительства организовали прием. Мэл тащил меня на веревке, потому как мне ужасно не хотелось идти. Но нельзя игнорировать приглашение, когда во главе мероприятия стоит премьер-министр.

Интуиция не подвела. Как я ни пряталась в тени, избегая общения с гостями, а торжество на высшем уровне прошло со скандалами, с драками и нарушением запрета на использование волн. Мэл держался настороже, ожидая подвоха в любой момент.

Конечно же, правительственный прием посетили родители Мэла и мой отец с мачехой. Я видела, как папуля целовал руку супруге премьер-министра. Но помимо прятков за портьерами случилось нечто невероятное. Мэл познакомил меня со своим дедом. Нет, точнее, представил своему деду. Тому, который родил и воспитал Мелёшина-старшего с Севолодом, и который имел право голоса в Высшем правительственном суде.

От волнения я вцепилась в руку Мэла. Если Мелёшин-старший вызывал у меня безотчетный страх, то самый старший Мелёшин излучал противоположные эмоции — доброжелательное и доверительное спокойствие. Уж точно благородный лев. Военная выправка, прямая осанка, гордый профиль — так и просится на монеты. Понятно, почему Мэл равнялся на деда. Я бы тоже тянулась за его знаниями, опытом и мудростью.

Присела в легком книксене, а дед Мэла рассмеялся. У них много общего, — отметилось машинально. Одинаковый смех, к примеру. А еще одинаковый прищур глаз и оценивающий взгляд.

— Я не настолько стар, чтобы барышни здоровались со мной подобным образом.

И одинаковые интонации. И тембр голоса.

Дед Мэла поцеловал мне руку, вызвав прилив смущения.

— Пройдемся? Я сегодня без дамы, — предложил локоть.

Я растерянно оглянулась на Мэла, и тот кивнул согласно. Наша маленькая компания двинулась по людскому течению.

— Как вам суета сует? — спросил самый старший Мелёшин.

Что ответить? Говорить искренне или нести высокопарный бред, как научил папенька?

— А-а... напрягает. Много народу. Толчея.

— Согласен. Зато есть возможность закрепить старые связи и создать новые.

— Вы правы, — покосилась я на Мэла, но он молчал, вышагивая рядом.

Вдруг впереди началась сумятица, и образовался затор. Мэл схватил меня за руку, оглядываясь тревожно по сторонам. Мимо, расталкивая толпу, прошли дэпы. Через пару минут движение по кругу возобновилось. Дамы рьяно обмахивались веерами и обсуждали наперебой новый скандал.

— Люди слабы и полны пороков, — сказал вдруг дед Мэла. — При определенных условиях они склонны к самоуничтожению и к уничтожению подобных себе. Но встречаются и сильные особи. И за их души велась и ведется борьба, начиная с сотворения мира.

— То есть? — не поняла я.

— Представьте сито, через которое просеивают муку. Что-то проходит через сетку, а что-то задерживается. Вопрос в том, что важнее: просеянное или остатки?

— Конечно, важно то, что просеялось. Из муки испекут хлеб. А остаются комочки, грязь, крупные частички. Всё лишнее.

— Вот именно, лишнее. А вдруг важно оно, а не то, что просеялось?

— Почему? — иносказания мужчины ставили меня в тупик. — Какой толк в ненужной грязи?

— Для того, кто пользуется ситом, есть толк. Знать бы, кто он, и какова его цель.

— Дед! — сказал Мэл предупреждая.

— Не придавайте значения моим словам, юная леди, — прыгнул с кухонной темы самый старший Мелёшин. — Иногда я погружаюсь в раздумья и не замечаю, что размышляю вслух. Как обстоят дела на учебном фронте?

Мэл поведал. Он рассказывал снисходительным тоном, особенно когда затронул тему заклинаний, изменяющих физику и химию тел, а дед кивал. Мэл изучил большую часть заклинаний этой группы еще на втором курсе, что и продемонстрировал однажды в столовой, растворив поднос однокурсника вместе с содержимым. Также он не утаил, что я получила щит и с середины июня начну работать младшим лаборантом.

— Неужели вам удалось убедить моего внука? — взглянул с интересом самый старший Мелёшин. Я смутилась, а Мэл изобразил покорность судьбе. — Неожиданно. Теория снадобий — ваш конёк?

— Я неплохо сдала экзамены. А конёк или нет — пока не знаю.

За разговором мы вывернули в центр зала, к группкам общающихся гостей. Дед Мэла поцеловал мою лапку и отправился пожимать руки седовласым старикам неподалеку.

Фу-у, — вздохнула я с облегчением. Оказывается, нервы напряглись как тетива у лука.

— А он представительный, — отметила, глядя вслед самому старшему Мелёшину. — Не ставил тебя в детстве в угол?

— Для этого есть родители, — хмыкнул Мэл.

— Очень умный. Уровень интеллекта зашкаливает. Зачем он завел речь о сите?

— Сам не знаю, — буркнул Мэл. — Порой на него находит. Пошли, прогуляемся.

Мы прошлись по залу, присоединяясь к компаниям беседующих гостей. Дамы прикрывались веерами, чтобы спрятать зевоту, мужчины чинно обсуждали насущные проблемы. А у меня не получалось спать на ходу. Я вслушивалась в разговоры и умудрялась вставлять реплики.

Когда мы отошли в сторону, чтобы присесть и отдохнуть, Мэл сказал:

— Это были мои работодатели.

— Где? — завертела я головой. — Боже мой! Опозорила тебя, да? Надо было молчать.

— Наоборот, Эвочка. Ты потрясла их тем, что слушала и вникала.

На сегодняшнем приеме появилась и Снегурочка или Августа Аксёнкина. Я увидела ее издали. Бывшую почти невесту Мэла сопровождал высокий светловолосый мужчина, гораздо старше своей спутницы. Неудивительно. Разведка в лице Басты успела сообщить, что отец Снегурочки заполучил согласие какого-то посла при Министерстве иностранных дел и по окончании дочерью лица собрался закатить свадебный пир на весь мир.

— Надеюсь, нас не пригласят. Пожалуйста, пусть о нас забудут — попросила я у небушка.

— Сомневаюсь, — сморщила нос сестрица Мэла. — Папашка Аксёнкиной покажет всем, какой у него суперский зять, и что дочь пристроена в надежные руки.

Приглашение, и правда, принесли позже на имя Мэла. А меня проигнорировали.

— Сходил бы, — предложила я, видя, как Мэл чирикает "отказную" записку. — Как-никак вам есть, что вспомнить.

— У меня короткая память, — ответил он, вкладывая карточку в конверт.

Если кто-то посчитал, что Мэл — трудяжка, работающая и учащаяся без сна и отдыха, тот глубоко заблудился. Мэл любил развлекаться, и еще как. И чем меньше оставалось времени на развлечения, тем больше он ценил их.

Когда улеглись страсти с разоблачением Ромашевичевского, и жизнь потекла по более-менее устоявшемуся руслу, выяснилось, что у Мэла есть друзья-приятели, причем немало. Он по-прежнему принадлежал к "золотой" молодежи и начал втягивать меня в эту трясиину. Иногда компанию составляли Макес или Дэн. Первый появлялся каждый раз с новой подружкой, а второй — через раз, чередуя с одиночеством.

— Они дали обязательства? — спросила я как-то у Мэла.

— Мак пока балуется. Ходит по необходимости с дочкой зама одного министра, но без долгоиграющих планов. Дэна давно повязали, но у его батяни не клеится с будущей родней. Похоже, скоро Дэн станет свободным и бесхомутиным.

О нестабильности в брачных вопросах мне сообщила Баста. "Обычное дело" — пояснила, уплетая банан. В частности, Дэн Сахарок уже как с год дал благородное обещание дочери начальника Департамента по науке. Но над высокопоставленным чиновником нависли грозные тучи. Что-то не ладилось в его ведомстве, и со дня на день Дэну пророчили пополнение рынка холостяков.

— А как же обещание? — удивилась я наивно. — Девушка может пойти на принцип и не вернет Дэну его слова.

Баста фыркнула:

— Знаешь поговорку, вернее, вторую её часть? "Не хочешь — заставим".

Вот так. Невестушка стала неугодной — за борт её. И ведь не виновата ни в чем. Просто папаша попался на воровстве казенных денег. А Дэна повяжут с другой претенденткой, до поры до времени.

Однажды я спросила в столовой у Макеса:

— Можно обращаться к тебе по имени?

Тот поперхнулся и облился соком.

— Ну-у... — взглянул на Мэла. — Можно. Я не против.

Так Макес стал Максимом, а Дэн — Денисом, и оба выглядели ошарашенными культурным переименованием.

Мы катались на магнитных роликах и ходили в бассейн — огромные прямоугольные чаши, устроенные в пять рядов под открытым небом. Мэл зазывал и на теннисный корт, но моей выносливости хватило на первые пять минут.

Побывали и в знаменитом парке лабиринтов из тиса, что в пригороде столицы. В галалабиринт я не рискнула сунуться и кое-как отговорила Мэла.

— Враки, что там можно заблудиться и умереть без воды и пищи, дожидаясь помощи, — заявил он.

Кому как, а меня десять гектаров зеленых стриженных насаждений совершенно не вдохновили. Нам хватило плутания в миналабиринте "Малышок". Стены — по пояс, можно использовать волны для поиска нужного направления, есть смотровые площадки для обзора с высоты, а всё равно мы кружили по нешироким проходам до позднего вечера, успевая

отдыхать на скамейках и освежаться холодной газированной водичкой, продаваемой в небольших киосках.

— Надо было взять схему, — посетовала я. — Ведь предлагали при входе.

— Мы дойдем, — отрезал Мэл.

Упёртый. И ведь дошли. Получили приз — большой желтый шар, накаченный каким-то газом. Я прихватила выигрыш в общежитие, и Мэл привязал шар за длинную веревку к оконной ручке. Теперь над общагой гордо реяло, как флаг, местное солнце.

Однажды Мэл взял меня на ночной рогейн^[6]. В команде с ним участвовали Дэн и кучерявый парень с прозвищем Лимон, знакомый по "Лицам года".

Рогейн мне не понравился. Бесконечная езда по столице. Суть в том, чтобы отыскать нужное место по снимкам отдельных участков города, сделанным со спутника. Первоначальное изображение дают в большом масштабе, а с каждым последующим этапом картинки укрупняются. Искомые точки отмечены крестиками. Ни названий улиц, ни номеров домов, ни прочих привязок. Поди ж догадайся, как попасть в требуемое место! И хорошо, если участникам раздают цветные картинки.

— Красная крыша! — кричит Лимон. — Я знаю! Это на перекрестке Свободного и Почтовой!

И машина мчится по городу кратчайшими путями, чтобы обогнать тридцатку конкурентов и первыми заполучить ключ к следующему этапу. Чем дальше, тем меньше ориентиров на картинках.

— Смотри, крюк. Это выход к Арене, — изучает бумажку Дэн.

— Нет, это поворот к порту, — заявляет уверенно Лимон.

— Х*ен ли делать в порту? — спрашивает Мэл. Он увлекся и забыл о присутствии дамы. Впрочем, как и остальные участники.

Помощи от меня как от козла молока. Вдобавок наша команда проиграла. Лимон оказался прав: следовало свернуть в порт. На этой ошибке и потеряли время. Но и то неплохо — пришли к финишу третьими.

Не забывал Мэл и о цертамах, вернее, о деньгах, которые крутились на нелегальных сборищах, и о возможном заработке.

Как-то мы поехали на ночную цертаму в заброшенные доки — через мост на другую сторону реки, вверх по течению. Машины с зажженными фарами расставили полукругом для освещения площадки с нагромождением пустых контейнеров. Вокруг непонятные металлические конструкции, бетонные сваи, ржавые корпуса траулеров, заваленные набок остовы грузовых кранов. Народу — уйма, светло как днем.

Мэл и Дэн записались на участие, а Макесу поручили приглядывать за мной, поэтому он приехал на развлечение без очередной подружки.

Разыгрывали soluti^[7] с условием: пробить отверстие в стенке контейнера. Для победы учитывалось расстояние, с коего участники бросали заклинание, а также величина дыры. Организаторы отмерили семь метров от наставленных рядами контейнеров и очертили полосу мелом.

Дэн стрелял с установленного правилами расстояния. Встал поустойчивее и погнал невидимые волны в сторону объекта. Металл вздулся, и вдруг пузырь лопнул, образовав отверстие. Зрители одобрительно засвистели. Дыра постепенно ширилась, отекая тягучими

каплями, под крики поддержки со стороны болельщиков. Зрелище казалось невероятным чудом: металл плавился при уличной температуре, без подогрева или выделения тепла. Таял как мороженое в жару. Отверстие достигло внушительных размеров, прежде чем его создатель опустил руки. Толпа засвистела и захлопала.

Мэл отошел на два метра от мелованной полосы и определил целью помятый контейнер слева. Мой мужчина ловко управлялся с невидимыми волнами, а я любовалась им, его сосредоточенностью и целеустремленностью. В итоге он пробил отверстие чуть меньшего размера, чем Дэн. Организаторы подсчитали результаты, приравняв удаление от черты к уменьшению диаметра дыры. Вышло, что Мэл и Дэн набрали одинаковое количество очков.

— По какому принципу оценивают результаты? — спросила я у Макеса. — Какой-нибудь хитромудрый тип использует укрепляющий амулет или выпьет снадобье стойкости и за полчаса расплавит всю площадку. По-моему, нечестно.

— Обычно перед цертамой участники дают клятву или обещание, что не будут мухлевать, — пояснил он.

Просто и гениально. Нарушение клятвы чревато для того, кто её дал, поэтому волей-неволей приходится быть честным.

А выигрыш забрал незнакомый парень, обогнавший Мэла и Дэна всего лишь на пару очков.

Мы пытались ходить на вечеринки. Сперва Мэл отвечал отказами на предложения покутить. Мало ли, народ развлекается в нетрезвом состоянии, а тут мой синдром окутает толпу пьяненьких туманом. Недолго и до поножовщины. Даже мой *clipo intacti* не вдохновил Мэла на посещение шумных гулянок.

Наконец, Макес его уговорил:

— Выглядишь как консерва. Отдохни, расслабься. Народу будет немного. Все свои. Гульнём, вспомним старые времена.

Мэл покосился на меня:

— Посмотрим.

— А что делают на вечеринках? — спросила я у Макеса.

— Как что? — растерялся он. — Ну... развлекаются. Можно пить, а можно не пить. Можно танцевать, а можно сидеть.

Понятно. Смысл в том, что напиваются в зюзю и вытворяют черт те что.

— Откуда знаешь, что тебе не понравится? — сказал Мэл. — Потом тебя за уши не оттащишь.

Правда, он и сам не пылал охотой.

— Не короче, — установил длину моего платья.

— Почему?

— Потому что ты — обремененная.

— Чем?

— Не чем, а кем. Мужчиной. Усвоила?

Усвоила. И все равно схитрила, купив трикотажное облегающее платье с длиной бахромой — на три сантиметра выше, чем отмерил Мэл.

Мой наряд оказался самым целомудренным. Девушки разве что нагишом не разгуливали, выставляя на публику соблазнительные выпуклости. Гулянку организовал один из приятелей Мэла — на Кленовом листе в фешенебельном жилом районе. Прекрасная звукоизоляция, —

пришла я к выводу, когда через отворившуюся дверь хлынула в подъездный коридор зашкаливающая басами музыка. Соседи и не догадывались, что тихий вежливый мальчик устраивает за стенкой оргии в отсутствие родителей.

— Ты специально заставил меня одеться монашкой, чтобы другие не смотрели. А сам пялишься на них, — показала я пальцем на девицу в ультракороткой юбочке, танцующую на столе.

— Знаешь, я забыл, как бывает на вечеринках, — ответил растерянно Мэл.

— И все они — дочери чиновников и магнатов? — обвела я взглядом раскрепощенных участниц вечеринки.

— Не все, но многие.

В общем, приватная вечеринка мне не понравилась. Много пили, шумели, висли друг на друге, пошили. Девчонки ругались как грузчики и без конца курили. Дэн не приехал, а Макес уединился в одной из комнат с двумя девицами.

Конечно же, я удостоилась чести познакомиться с бывшими подружками Мэла. Они не цеплялись ко мне открыто и не провоцировали, но случайными фразами давали понять: у них БЫЛО с Мэлом. А потом смотрели на мою реакцию.

На вечеринке темненькая и высокая девица, одного роста с Мэлом, подвыпив, ухватилась за его руку. А может, не выпила, а нанюхалась или накурилась. Её прилично шатало. Она трудом стояла на ногах, а точнее, на высоких шпильках.

— Мэл, зайчик, сто лет, сто зим. Говорят, ты остепенился. Неужели женишься и начнешь плодить детишек?

Он оторвал от себя приставучую девицу.

— Остепенился. Слава богу, не с тобой.

— Ха-ха-ха-ха! — развеселилась та. — Покажи-ка счастливицу, которой удалось придавить тебя каблуком.

— Гуляй отсюда и не позорься.

Но бывшая подружка не послушалась и переключила внимание на меня.

— Сочувствую, дорогуша. Мэл не пропускает ни одной юбки. Не успеешь отвернуться, а его шаловливые ручки тут как тут. Да, зайчик? — попыталась приласкать его, погладив щеку.

Мэл отбросил протянутую руку.

— У тебя тушь размазалась. Похожа на ведьму, — сказал девице. С той спал весь хмель, и она ретировалась в ванную комнату.

Мэл не перестает удивлять. Оказывается, он знает эффективные способы протрезвления.

— Извини, — сказал он и, взяв меня за руку, повел к выходу.

— Почему извиняешься за неё? Я думала, она тебе — никто.

— Ты права. Плевать на неё. Поехали домой. Собирался отдохнуть, а устал как собака.

На обратном пути Мэл остановил машину в кармане на "черешке" Кленового листа и помог мне спуститься по протоптанной тропинке к берегу озера. Вверху проносились машины, слева громоздились небоскребы центра столицы, справа высился элитный район. На востоке небо наливалось темнотой, постепенно пропитывающей пространство над нашими головами и вытесняющей отсвет ушедшего за горизонт солнца.

Мэл разложил на бетонном выступе пиджак и сел, а я примостилась у него на коленях.

Перед нами плескалось озеро. Вдалеке сидели рыбаки с удочками, на противоположной стороне пара скутеров волновала водную гладь. Тихий теплый вечер привнес умиротворение, погасив взбудораженность после неудавшейся гулянки.

— Наверное, это старость, — заключил Мэл. — Когда-то и я зажигал как Мак. И мне нравилось.

— Интересы меняются. В детстве ты играл в машинки, а теперь сидишь за рулем. Баста считает дни до двадцатилетия. Она будет отрываться так же, как эти девчонки?

— Сомневаюсь. Отец не позволит. Маська навязывалась и на гонки, и на цертамы, но брать её — себе же дороже. Может проболтаться сгоряча.

— А эта компания... Неужели родители не знают, как их дети развлекаются?

— Соврать очень просто. "Мама, я поеду к подружке заниматься новолатинским" или: "Сегодня у меня дежурство в приюте для хомячков"...

— Но ведь запах не спрятать! Они пьют ведрами. А глаза... Ты видел? Стеклянные.

— Наивная моя. Всё предусмотрено. Есть множество средств, мгновенно приводящих в чувство. Пару раз и я принимал. И вкалывал. Пока не прижало поджелудочную. — Мэл задумался. — Нет, времени и так не хватает, чтобы размениваться на бестолковые попойки. Лучше потратить свободные минутки на что-нибудь по-настоящему полезное.

Его пальцы скользнули под бретельку платья и спустили с плеча, а губы проложили обжигающую дорожку — вниз по шее к ямке между ключицами. Самое время отрешиться от действительности и ответить Мэлу тем же.

Вечер, начавшийся неважнецки, выправился романтичным уединением на берегу озера. Непривычно находиться в многомиллионном городе, а рядом никого нет.

Та девица, что липла к Мэлу, оказалась недалекой особой.

— Это Лялька Пляскина, — объяснила Баста, выслушав рассказ о неудавшемся гульбище. — Да, у нее с Мэлом было. Но она дура по жизни. Её отец считает дни, когда Лялька выпустится из лица, чтобы сплавить доченьку куда-нибудь подальше. И так покрывает ее похождения. Говорят, она с пятнадцати лет... ну... того...

— Баста! — сказала я строго, а вышло смешно и нелепо — заниматься воспитанием взрослой девицы. Некоторые в ее возрасте уже нянчат младенцев.

Гораздо опаснее Ляльки были матерые хищницы, умные и хитрые.

Мэл не представлял себя без скорости. Чем бы он ни занимал свободное время, прочие увлечения генерировали примитивный суррогат того адреналина, который Мэл испытывал за рулем. Как натуральная пища и искусственная. Мэл расцветал, разгоняя "Турбу" на трассе.

Я ужасно боялась и тряслась за него, но пыталась смириться с участием в гонках. Иначе бы Мэл зачах. Мне же оставалось болеть и переживать за него в рядах зрителей вместе с Дэном, потому что Макес тоже выходил на старт.

Обычно машины разгоняли до бешеных скоростей на загородных трассах со встречной полосой движения. Сушее самоубийство! Автомобили участников стартовали с разницей по времени, а на финише томилась в ожидании толпа болельщиков. Для удобства выбирали кольцевой маршрут и гоняли по нему круга три-четыре, а то и больше, в зависимости от протяженности трассы. Перед гонкой участок дороги делили на условные отрезки, между которыми на обочине стояли автомобили наблюдателей.

Дорога и скорость были стихией Мэла. Аромат выхлопных газов возбуждал его и заряжал нетерпеливым предвкушением. В предстартовые моменты Мэл становился

невменяемым. Одержимым. Я же дергалась от резких звуков, от рева двигателей и снятых глушителей. Пестрая толпа, пестрые машины, крики и гам вызывали раздражение и головную боль. Пришлось купить клипсы-гвоздики, чтобы снизить воздействие на барабанные перепонки.

Однажды во время гонки один из организаторов — парень, забравшийся на крышу машины — закричал в мегафон:

— За седьмой — сход в кювет!

Это означало, что за седьмой промежуточной точкой одна из машин вылетела с дороги, о чем сообщил по телефону наблюдатель.

Толпа взревела. Заработал тотализатор: угадывали номер машины и наличие пострадавших. А мне поплохело. Я не заметила, как в полуобморочном состоянии вцепилась в Дэна, умоляя шепотом: "Номер, номер...".

Выдержав эффектную паузу, парень крикнул в мегафон:

— Десятый номер. Пострадавших нет.

Болельщики загудели, а я чуть не упала от облегчения. Мэла записали на гонку под седьмым номером.

В каждой игре сходили с трассы одна-две, а иногда и четыре машины — в зависимости от погодных условий и качества дорожного полотна.

— Со смертельными бывало? — спросила я у Дэна.

— Очень редко, — ответил он, ни капельки не утешив.

Мэл финишировал, и я ухватилась за него как утопающий за соломинку. Боялась отпустить. Живой, живой!

— Эвка, почему бледная? Испугалась, что ли? — удивился он.

Конечно! Чуть сердце не остановилось. И останавливалось каждый раз, когда организатор подносил раструб мегафона ко рту.

В гонках Мэл побеждал чаще, чем где-либо, и отхватывал призовые. Но деньги для него не играли большой роли. Главное — победа.

Не перечесть, сколько раз я порывалась остаться дома и дожидаться возвращения Мэла с наградой, лежа на диванчике. У меня гранитные нервы! — убеждала себя, медитируя.

Ни к черту у меня нервы. Они ходили ходуном, когда Мэл рисовал испаряющейся краской номер на дверцах машины. Уж лучше быть поблизости от него, чем мучиться неизвестностью и обкусывать ногти по локоть, томясь в общежитии.

Однажды я набралась смелости и попросила Мэла показать, на что способна "Турба" в условиях, приближенных к гоночным. Лучше бы не просила. Он испугался за меня, а в моей сумочке с тех пор поселился флакончик с таблетками от тошноты.

Не, скорость — это не моё. Даже в "Парке аттракционов", во время учебы на севере, я обходила стороной вращающиеся и крутящиеся конструкции с визжащими и орущими посетителями. И в комнату ужасов не заходила. Мне хватало ежедневного, ежеминутного страха за свою тайну.

Как-то Мэл пришел к финишу первым, а следом, несколькими секундами позже, затормозил серебристый "Торнадо" — несостоявшаяся мечта Эльзы Штице. Пока с Мэлом обменивались рукопожатиями и хлопали по плечу, из машины вылезла... девушка. Она протянула руку Мэлу.

— Ты был отличным соперником, — сказала, ослепительно улыбаясь. — Но я

рассчитываю на реванш.

— В любое время, — ответил упоенный победой Мэл, но от меня не укрылся интерес, сверкнувший в его глазах. Я почему-то решила, что девица специально притормозила у финишной черты и подарила Мэлу первое место.

— Знакомый трюк, — сказала Вива, выслушав подробности. — Называется: "Положи перед эмпэ конфетку и дергай за ниточку". Она сыграла верно. Завлекла и заманила. Мелёшин утешился как ребенок и, к тому же, заинтересовался ею. Она — достойный противник, коли дышала ему в затылок. И теперь у нее появился повод для повторной встречи и близкого знакомства. Присматривай за ней и за Мелёшиным.

— Но я не могу круглосуточно пасти его и отслеживать звонки на телефон!

— Мой тебе совет... Активизируйся. Не вышивай салфетки и не вяжи носки, а, к примеру, попробуй освоить водные лыжи. Или горные. С этой мадамой тебе не сравниться, но попытайся поразить Мелёшина чем-нибудь.

Я и спорт?! Несовместимые понятия.

В гонке на западной трассе "Турба" Мэла и серебристый "Торнадо" пришли одновременно.

— В следующий раз рассчитываю вырвать победу, — сказала девица и, улыбаясь, протянула руку сопобедителю. Вот дрянь.

— Всенепременно, — ответил Мэл, раздраженный ничьей и заинтригованный незнакомкой, противостоявшей ему на равных.

Я поинтересовалась у Басты, не знает ли она девицу, которая лихо гоняет на крутой тачке, но сестрица Мэла на поняла, о ком речь. Не помогло и скудное описание внешности: высокая, стройная, темные волосы собраны в хвост.

Баста перезвонила на следующий день.

— Узнала! Это дочь одного дипломата и племянница нефтяного короля. Жила на юге, там же получила образование, потом уехала за границу. А теперь вернулась. Ей двадцать девять, не замужем. Фу, старуха! И зовут Ильмирой.

Старуха, не старуха, а свободна и прощупывает почву около Мэла.

Подозрения подтвердились, когда мы столкнулись с дочкой дипломата на рауте по случаю удачного завершения военных учений на северном флоте. Потенциальная соперница оказалась страсть как хороша. Знойная южная красавица со смуглой кожей, миндалевидными глазами-маслинами и водопадом кудрей, спадающих на плечи крупными кольцами. Рядом с ней, я, упакованная в платье и с искусной прической от Вивы, смотрелась манекеном из магазина, а она дышала свежестью раннего утра и юностью восемнадцатилетней.

Красотка дефилировала под ручку с офицером морфлота, посматривающим со скукой на сухопутных крыс. Снегурочка, появившаяся на том же мероприятии с будущим мужем, и в подметки не годилась заезжей барракуде. Та нацелилась на Мэла. На моего Мэла.

Мы даже столкнулись неслучайно. После обмена стандартными приветствиями Ильмира сказала:

— Вернувшись из-за границы, я, к своему удивлению, заметила, что столица живет насыщенной и плодотворной жизнью. Пожалуй, задержусь здесь на неопределенное время.

Ага, протерла утром глаза и заметила. Умываться нужно каждое утро, а не по воскресеньям, — удержала я рвущийся хихик.

— Вам понравится, — сказал Мэл, и они начали кудахтать над архитектурными

чудесами, коими богата столица. Мэла пряниками не корми — дай рассказать о городе, в котором он родился. Спутник девицы еще не зевал, но собирался.

— Потрясающе! — воскликнула Ильмира. — Вы знаете столицу как свои пять пальцев. А я живу направлениями и поворотами — налево, направо и задний ход.

Мэл и южная красотка рассмеялись, а я не поняла шутку, но вежливо улыбнулась. И тут растекшийся Мэл взял и пригласил дочку дипломата на рогейн, чтобы она пропиталась атмосферой первого города страны.

— Ваша спутница не воспротивится? — спросила девица, обращаясь к Мэлу и игнорируя меня. Ну да, она не забыла, что здешние женщины вроде приставки к мебели — беззвучные и беспроблемные, и что мужчины ведут переговоры от их лица. Поэтому и сбежала за границу, где равноправие на деле, а не на бумаге.

— Эве не понравился рогейн, — пояснил Мэл. — Вообще-то игра выматывает. Не спишь половину ночи, поэтому нужно подкрепляться "Энергетиками".

— Почему ночью, а не днем? — удивилась Ильмира.

— Менее оживленное движение и нет пробок. Удобно.

— С удовольствием приму участие, — улыбнулась красотка. — Люблю экстрим. А вы? — обратилась ко мне.

— Ненавижу, — ответила я.

— О! — изумилась девица и посмотрела на нас с таким видом, словно тщетно искала ответ на парадоксальную загадку природы: что связывает тщедушную овечку и сногшибательного красавчика? О чем они могут говорить, если нет тем для общения?

Знала она всё. И заранее навела справки обо мне и о Мэле. Разведала круг его интересов и решила на месте прояснить поле будущей битвы. За моего Мэла. Или я не права, и у меня — мания.

— А вы, Егор, страстный человек, — сказала Ильмира, и фраза прозвучала двусмысленно. — У вас страсть к большим скоростям. Прыгали с парашютом? А на рафте сплавлялись?

И опять Мэл и знойная девица увлеклись перечислениями: где бывали, откуда прыгали и куда залезали. Выяснилось, что у них много общего, и адреналинят одни и те же острые ощущения.

Офицер спал стоя, а я стерла улыбку с лица. Скучно. И вообще, пора бы домой. Уже поздно.

Наконец, мы чинно распрощались, и остаток вечера залетная экзотическая бабочка ослепляла крылышками других гостей. Мэл взбудоражился, потому как упоминание об экстриме убило его пульс.

— Ты серьезно предложил ей участвовать в рогейне? — спросила я по пути домой. — Она ведь не ориентируется в городе. Какая от нее польза?

— Зато хорошо водит машину. У нее быстрая реакция.

Ну да, полный комплект достоинств: смуглый типаж, который всегда нравился Мэлу, смелая, решительная и знающая, чего хочет от жизни. А я, значит, бесплатное приложение. Сижу в уголке, никому не мешаю — и то ладно.

— Мне не нравится, что она крутится возле тебя. А ты берешь и приглашаешь её на рогейн. Предлагаешь мне не спать и ждать твоего возвращения под утро?

Мэл ухмыльнулся:

— Эвка, ты ревнуешь.

— Было бы удивительно, если бы не ревновала, как думаешь?

— Она симпатичная, не спорю. Но могла бы стать другом, не более. А насчет рогейна не волнуйся. Ильмира — гостья столицы, а не моя. Вот и познакомится с городом.

Ха, симпатичная! Умелый макияж творит чудеса. Ей двадцать девять, а выглядит моложе Басты. Хотя надо отдать должное, заезжая гостья не жеманничала и не кокетничала. Вела себя естественно и непринужденно, словно раут стал для нее еще одной горной вершиной, которую покорить — раз плюнуть.

Я пересказала моей стилистке и советчице разговор с Мэлом.

— Не бывает дружбы между мужчиной и женщиной, даже если эмпэ считает женщину своим в доску парнем, — сказала Вива. — Рано или поздно они оказываются в одной постели. Думаешь над моим советом?

Думаю, но ничего не приходит в голову. Боюсь высоты, боюсь скорости, боюсь глубины. Я неумеха.

К невольному облегчению, бессмысленному катанию по городу и пустой трате бензина помешал проливной дождь, начавшийся поздно вечером, и Мэл вернулся домой с полдороги. Он извинился по телефону перед Ильмирой. Дела плохи — они обменялись номерами. Хотя Мэл не скрывал и общался с девицей в моем присутствии. Правда, рассмеялся в ответ на какую-то шутку.

— В другой раз, — сказал дочке дипломата, прежде чем отключиться.

Конец мая ознаменовался вторым эпохальным событием — днем рождения Мэла. Именинник решил отметить нажитые годы в "Вулкано". Клуб реанимировали, эвакуовыходы и пожарную сигнализацию протестировали на работоспособность в аварийной ситуации и снова распахнули двери для желающих развлечься. Пусть отдыхают цивилизованно и под присмотром, — решили наверху, — нежели кучкуются по окраинам в пьяных кабаках и в подозрительных подвалах.

Для празднования набралась приличная группа — человек двадцать — двадцать пять, в том числе Макес и Дэн с переменными подружками. Из девчонок — никого, кто тесно "сотрудничал" с Мэлом до меня. Наверное, именинник тщательно подошел к подбору кандидатур, чтобы не испортить настроение ни мне, ни себе.

Приглашенные девицы язвили, но не в мой адрес. Хотя наверняка обсуждали за спиной. Меня заворожила одна. Она беспрестанно дымила как паровоз. Ее тонкие длинные пальцы изящно подносили сигарету ко рту, а губы приоткрывались, выдыхая розоватый дым.

Когда Мэл обзванивал приятелей и договаривался о месте встречи, я предупредила:

— Не вздумай приглашать кудрявую.

Под кудрявой подразумевалась Ильмира, с некоторых пор ставшая для меня навязчивой фобией.

— Не волнуйся. Она уехала в Моццо, — сообщил Мэл. Вот так. Оказывается, он в курсе передвижений залётной бабочки.

— Мне не нравится, что вы общаетесь. И да, я ревную. Нужно учить конспекты, а материал не лезет в голову, — сообщила звенящим голосом. Наконец-то выговорилась. Может, зря? Или следовало не подавать виду и относиться терпимо? Ведь Мэл не противился совестным трапезам с Радиком и не запрещал общаться с братьями Чеманцевыми и с Петей.

Мэл подошел и обнял.

— Сигнал принят. Мои позывные: "Не вижу никого, кроме Эвочки". Как слышите? Прием.

— Связь прерывается. Слышу плохо. Прием.

— Придется повторить позывные, — решил Мэл. Подхватил меня на руки и понес к кровати. Повторный вызов прошел на ура.

Помимо всяких нежелательных девиц я панически боялась повторения драки в "Вулкано", и Мэлу стоило больших трудов уговорить меня. В конце концов, это его праздник, и он обещал не отпускать мою руку ни на минуту. По дороге в клуб я поинтересовалась:

— А если встретим Рэмула или Йорка? Рэм настучал на тебя тогда?

— Мы разобрались. На димикате^[8]. Так что вопрос закрыт. Но при желании поднимем снова, если он рискнет здоровьем и поздоровается с тобой.

— И когда успели? Не помню. Ты пострадал? — разволновалась я.

— Когда переехал в общагу по соседству. Ты ж ничего и никого не замечала. Малость потрепали друг друга, но быстро оклемались. Да живой он, живой. Думаешь, от него легко отделаться? Эвка, твой пацифизм давит меня к земле. Жалеешь собачек, кошек, комариков,

всяких идиотов...

Я беспокоюсь в первую очередь за тебя, несдержанный мой.

Неужели Мэл забыл, что первым напал на бывшего одноклассника, когда тот испытывал его терпение? Наверное, Севолод приложил руку к скоростной реабилитации племянника после димикаты. А я всё пропустила.

К немалому облегчению парней-provokatorov в клубе не оказалось, и веселье началось. Мы с Мэлом выпили на пару "бумбокс" и поделились послевкусием под улюлюканье компании.

— Поздравляю, — сказала я Мэлу на ухо. — С меня подарок.

— Ого! — заблестели у него глаза.

Зря, что ли, я просила Макеса о помощи? К тому же Вива тщательно подошла к подготовке сокрушительного облика и впихнула уйму советов, требовавших срочного воплощения, хотя и покрутила пальцем у виска, узнав о моем подарке.

— Молоко вскипело. Снимай пенку, — шепнула я Мэлу и, взяв за руку, повела "сырным" коридором в сектор с приват-комнатами. "Вулкано" заботился о своей репутации, но на всякий случай Макес перепроверил анонимность заказа. Накануне я выловила парня у святого Списуила, когда Мэл уехал на работу, и попросила об услуге и о том, чтобы он держал язык за зубами.

— Не вопрос, — ухмыльнулся он. И ведь не затребовал долг или иную оплату. Наверное, компенсацией стали мои пламенеющие щеки и смущенный лепет.

— Ты бывал здесь? — спросила, заводя Мэла в приват-комнату. Честно говоря, я сначала оробела, увидев стены, обитые красной тканью, и кресло посередине — с прямой высокой спинкой и наручниками на подлокотниках.

— Не скажу, — увильнул от ответа именинник.

Ишь, шифровальщик.

— Значит, бывал, — заключила я. — Придется произвести перезапись. Сотрем старые воспоминания, запишем новые. Прямо сейчас.

И развязала пояс у платья. Уверенно и развратно.

Интерактивное шоу начинается.

Первая половина лета выдалась жаркой и сухой. Город заполнили яркие зонтики, шляпки и кепки; солнцезащитные очки и веера стали неотъемлемым атрибутом горожан. Уважающие себя заведения оборудовали холодные зоны в пределах тротуара. Отдыхающая на скамейках публика бросала монетки в счетчики, чтобы поблаженствовать в прохладном оазисе. Пользовалась популярностью искусственная тень, создаваемая в местах скопления народа: ни козырька над головой, ни облака, закрывшего светило, а всё равно пасмурно.

— Что за климат? — ворчала я, выходя в третий раз из-под холодного душа.

— Умеренно континентальный, — ответил Мэл. — С запада — горы, до моря далеко. Южнее — пустыня. И антициклон — оттуда.

Хорошо, что в позапрошлом году тётка-вехотка произвела ремонт крыши общежития, умудрившись не украсть светоотражающую прослойку к кровле. Иначе мы засушились бы заживо, но сначала иссохли от обезвоживания. Окна квартирки выходили на восток, что тоже помогало от жары: во второй половине дня солнце терроризировало другую сторону здания. Вентилятор не выключался круглые сутки, но на Мэла напала бережливость: он решил не покупать кондиционер.

— Жарко два месяца в году. Перетерпим.

В итоге мы разгуливали по квартирке в нижнем белье и спали, не укрываясь. Я могла часами любоваться поджарой фигурой Мэла — и спереди, и сзади. Шрамы на его запястьях спрятались под загаром, а полоска шва от аппендицита едва заметно белела тонкой косой чертой. Теперь Мэл наблюдался в госпитале один раз в неделю.

Уф, душно. Холодильник набит бутылками с водой. С люстры свисает кубышка, она "сдулась" два часа назад, выпустив в пространство концентрированный запас gelide apexi^[9], а через пять минут прохлады как не бывало. Мэл заленился менять кассету в кубышке — всё равно никакой пользы. Не помешал бы коктейль со льдом. Третий за вечер.

Мэл подошел ко мне сзади, по-хозяйски облапал, по его мнению, привлекательные места и выдохнул, уткнувшись носом в макушку.

— Черт, адски мечтаю о зиме. Эва, мы быстренько.

Действительно, недолго. Тут же, в кухне на столе, а потом продолжить наведение коктейля.

Бедный Мэл. Скупой платит дважды. Помимо изматывающей жары он подвергся атаке откровенными комплектами нижнего белья, в коем я дефилировала по квартирке. Халатик с терморегуляцией так и пролежал в шкафу на полке, уж больно мне нравились зеленые вспышки, которыми одаривали глаза Мэла.

Во второй половине июня началась летняя сессия, и я вышла на работу. Человеку несведущему покажется, что младших лаборантов развелось в институте как блох, и что им нечем заняться. На самом деле лаборанты пропадали в оранжереях, занимались переработкой растительных и прочих полуфабрикатов, вели учет компонентов будущих снадобий и лабораторного инвентаря, наводили порядок в помещениях после занятий, а также отработывали в животноводческом питомнике. В исключительных случаях младших лаборантов привлекали к экспериментальным работам, которые выигрывал институт в научных конкурсах.

Франц-Иосиф оказался понимающим руководителем и интересным собеседником. Он терпеливо разжевывал непонятности и охотно делился многим из того, о чем не упоминалось в справочниках и учебниках. Брокгаузен с удовольствием возился в земле, экспериментируя с дозами удобрений и с интенсивностью облучения вис-волнами, и с неохотой выходил в бранный мир, чтобы учить студентов-остолопов основам теории снадобий.

Мэл четко отслеживал мое передвижение по институту: когда надела халат, когда сняла, что делала, с кем делала и где. Я приучилась кратко и емко рапортовать в сообщениях, отправляемых ему по телефону.

О моем трудоустройстве прознал весь институт. Как-то в перерыве между занятиями я забежала в общежитие за зонтом, потому как прогнозисты обещали дождь, и в коридоре столкнулась с Алессом.

— Привет адептам науки и образования! — поздоровался рыжий. — Дело есть.

— Какое?

Парень протянул исписанный листок. Удобный способ общения. Никакого риска, если кто-нибудь вздумает подслушать или подглядеть.

Суть записки сводилась к взаимовыгодному сотрудничеству. Алесс незавуалированно предложил продавать ему как посреднику излишки полуфабрикатов и компонентов снадобий, минуя стадию оприходования, а также готовые снадобья. То есть попросту толкал на должностное преступление. Как говорится, листочек к листочку, цветочек к цветочку... В журнале учета вместо "40,51 грамм" делать запись: "41 грамм", а разницу складывать по крупинке в бутылочку.

"Нет. Не могу" — накарябала я и вернула записку.

— Как знаешь, — пожал он плечами. — Предложение в силе.

— погоди! — крикнула ему вслед. Алесс вернулся, и я дописала на листке: "Есть вытяжка разьедалы. Почти триста мл. Изгот. в январе".

Парень подумал пару секунд и накатал ответ: "400. Еще есть?"

"Нет. И не будет" — вывело мое перо.

Таким образом, за четыреста висов я избавилась от едкой жидкости, отягощавшей мою тумбочку.

Рыжий как всегда удивил. Он торговал чем угодно, любое время дня и ночи, причем оперировал суммами по одному ему известной шкале расценок, но совершал сделки с умом, учитывая затратность изготовления и редкость компонентов снадобий. Сколько же навару он получил с вытяжки в качестве посредника?

Предложение соседа по этажу навело на размышления. Если Алесс подошел с запиской ко мне, значит, он подкатывал и к другим лаборантам. И кое-кто согласился на предложение рыжего, о чем говорили запасы снадобий в его хате. Между прочим, ничего шокирующего. При мизерном окладе каждый хочет жить, а не существовать, в том числе и младшие сотрудники.

Открытие озарило подобно молнии. Не я первая, не я последняя. Из института тащили всё, на чем можно поживиться, и продавали на черном рынке. Получается, в приписках и подлогах при учете обвинили Ромашевичевского, а если копнуть глубже, то выяснится, что институт опутан преступной сетью, действующей по отлаженной схеме "украл-вынес-продал".

Меня раздирали противоречия. Может, сообщить Стопятнадцатому или проректрисе?

Просигнализировать. Ну, устроят тотальную чистку и разгонят персонал — и что дальше? Наберут новых работников, и они станут горбатиться за те же жалкие висоры. А кушать-то хочется, и не засохшую корочку хлеба единойжды в день. И опять потечет из института ручеек, а хваленый Монтеморт не сможет перекрыть утечку лапой.

Получается борьба с ветряными мельницами. И не факт, что повышение окладов отобьет жажду больших денег. "Наличности много не бывает" — сказала как-то Аффа. Верно. Кому-то не хватает на ежедневные надобности, а кому-то — на яхты и бриллианты. Поэтому и масштабы воровства — разные.

Подумав, я решила не ворошить осиное гнездо и не портить отношения с Алессом. Рыжий выручал не раз в ответственные моменты. Кто знает, вдруг пригодится из колодца напиток? К тому же меня грела мысль, что парень владеет информацией о западном побережье в обход официальных источников. В моем воображении Алесс ассоциировался с хитрыми и неуловимыми контрабандистами, шныряющими по стране и знающими всё и обо всех.

Подработка младшим лаборантом осложнила один момент — полнолуния. Мы жили от одного цикла до другого. На стене на видном месте висел лунный календарь, и Мэл зачеркивал крестиком дни, чтобы не забыть.

Как проходили полнолуния до моего трудоустройства? Как и прежде, разве что я более или менее научилась сдерживать себя и запоминала многое из того, что происходило. В дни икс Мэл дремал на занятиях. Он заранее отпрашивался с работы, восполняя отгулы отработкой в выходные дни, и послеобеденное время посвящалось постельным утехам. Если происходило наложение с теорией символистики, то мы попросту пропускали лекцию. Профессор Вулфу не сделал нам ни одного замечания по поводу отсутствия.

В дни икс мои феромоны фонтанировали, заливая и топя студентов мужского пола. Те смотрели зачарованно, пялились вслед и оборачивались. А из меня лезло желание искушать, соблазнять, совращать. Обласкать взглядом лопуха-второкурсника и располосовать его лицо в кровь. Вспыльчивость подпрыгивала в десятки раз, жажда перерастала в жестокость. Я не могла сконцентрироваться на чем-то дольше пяти минут, поэтому лекции превращались в пытку. А еще переживала за Мэла. Он выматывался и засыпал на ходу. В "лунные" дни Мэл переставал общаться с друзьями. Интуиция подсказывала, что он привязывал меня заклинаниями, наверное, *campanolo*^[10] или *filuma*^[11]. Однажды, попросив прощения за то, что замучила его в очередное полнолуние, я пожалела. Мэл посмотрел оскорбленно и ответил в том же духе: мол, чтобы он да не обуздал какую-то зверюгу? Где это видано?

И он обуздывал. Мэл быстро уловил общую направленность игр и подчинял — агрессивно и безжалостно. Он стал дрессировщиком. Щелкал хлыстом, усмиряя мое второе "я". Заставлял втягиваться когти.

С лаборантством выживание в "лунные" дни усугубилось, но я нашла выход, заручившись поддержкой Стопятнадцатого. Мне разрешили работать половину дня, а с окончанием сессии — полный рабочий день. Предполагалось, что отработанное время будет копиться в счет будущих отгулов. Мэл тоже работал с утра до вечера, но в обязательном порядке приезжал на обед хотя бы потому, что студенческая столовая закрылась на лето, и приходилось питаться в столовой для преподавателей. А там обедал Альрик Вулфу.

Он здоровался с нами кивком головы, но держал дистанцию, глядя с надменностью. За время работы я ни разу не столкнулась с Альриком в коридоре или на лестнице. К тому же

планировка этажей лабораторного крыла исключала эту возможность.

Сессию мы сдали вровень со студенчеством. Мэл показал неплохие результаты, учитывая, что пропустил половину занятий. Осенью поблажки кончатся, и придется изворачиваться, совмещая работу и учебу. Чтобы избежать отчисления за прогулы, подрабатывающие студенты, как правило, подавали в деканат заявление о самостоятельном изучении пропущенного на занятиях материала.

Я тоже худо-бедно приползла к финишу. С четверками и тройками, но с твердыми, а не полученными наобум и на авось. На лето индивидуальные занятия для меня отменили, чтобы возобновить с началом осеннего семестра.

Матусевич защитил кандидатскую диссертацию по камнедам окаймленным и получил в лабораторном крыле треть этажа в свое пользование. Камнееды расползались как раковая опухоль. Однажды меня угораздило столкнуться в коридоре с Матусевичем, и он долго уговаривал посмотреть на уникальный процесс кормления малышей. Я же отнекивалась, объясняя необходимостью срочной прополки грядок с взошедшей вареной свеклой. Её урожай не подвергают обработке, корнеплоды вырастают готовыми к употреблению.

— Бойтесь, что камнееды оттяпают руку? — раздался за спиной насмешливый голос, и профессор Вулфу поздоровался рукопожатием с Матусевичем. — Или чего-то другого?

Не чего-то, а кого-то. Несмотря на свободное перемещение по институту, я до сих пор не решилась первая завести разговор с Альриком.

— Нет, — ответила, внезапно разволновавшись. Вот так, за доли секунды, температура поднялась до сорока градусов. Или до шестидесяти. Или до ста.

— Позвольте полюбоваться на камнеедов, коллега? — спросил профессор, и обрадованный донельзя хозяин малышей впустил нас в святая святых.

Ниши и полочки с горшочками занимали несколько смежных помещений, и лаборант, протянув Альрику тарелку с мелкими темными камешками, побежал в дальнюю комнату, чтобы вручную поменять температурный режим — что-то не заладилось в системе автоматического регулирования.

Профессор открыл дверцу ниши и ловко рассовал камешки по раскрытым половинкам. У него всё получалось ловко, за что бы он ни взялся. Сферические половинки медленно сошлись и начали перетирать полдник.

— Матусевич говорит, они слушают и понимают, — сказала я невпопад.

— Я тоже разговариваю с мензурками, и они отвечают мне, — признался Альрик с серьезным видом.

Наши лица отсвечивались в стекле. Мужчина в отражении наблюдал за жующими камнеедами и... смотрел мне в глаза. Во рту пересохло, сердце подпрыгнуло и забилось учащенно.

— Альрик Герцевич... Простите, что с обетом вышло неудачно. Всё перепуталось.

— Вы извиняетесь? — удивился он. — Это мне нужно выпрашивать прощение в надежде получить его когда-нибудь. Пойдя на поводу вашего синдрома, я присовокупил к типовому обету обмен кровью. Хотя жалкое объяснение не может служить оправданием. Это слабость, как верно подметил студент Мелёшин. Как переживаете полнолуния?

Зачем спрашивает? При звуке его голоса в горле становится щекотно, и сбивается дыхание.

— Не сомневался в вас, — заключил профессор. — Думал, будет хуже. Вы — стойкий оловянный солдатик.

Знал бы он, как нелегко дается оловянистая стойкость.

— Но почему чужие гены встроились в мои?

— Интересный вопрос. При других обстоятельствах я посоветовал бы детальное обследование, но, полагаю, вы не жаждете огласки. И в моей лаборатории не хотите обследоваться.

— Не хочу.

Мы помолчали.

— Могло ли повлиять "колечко" Некты? — спросила я. — Укусил и впрыснул что-нибудь в кровь. Стопятнадцатый сказал, вы изучали его.

— Некта? — удивился мужчина.

— Существо, сгоревшее в подвале. Генрих Генрихович признался.

— Я думал о рисунке на пальце, — ответил Альрик через некоторое время. — И у меня возникла гипотеза. Пожалеть вас или рубить правду-матку?

— Правду, — пробормотала я, впрочем, неуверенная, что хочу знать.

— Укус Некты спровоцировал "размягчение" вашего генома, если говорить утрированно. В генную цепочку как в подтаявшее сливочное масло встроились чужеродные гены. Образовался симбиоз без угнетения. В вас соседствуют две сущности, полностью несовместимые. Помните историю о человеке, страдавшем раздвоением личности?

Я кивнула.

— Не могу сказать с уверенностью, по-прежнему гибок ваш геном или "затвердел". В первом случае он способен принять и вместить бесконечное количество чуждых видов. К примеру, если привнести птичьи гены, вы получите крылья и способность к полету. Также существует вероятность, что агрессивные "пришельцы" подавят и проглотят ваши собственные хромосомы и ДНК.

— Серьезно?

— Гипотетически такое возможно. Но вы отказываетесь от обследования, и теория не станет практикой.

Что он подразумевает под практикой? Насильственную прививку чужими генами? Я, что, похожа на подопытного кролика? Кстати, почему бы не привить и гены ушастого? Сидело бы на кушетке нечто лопухое и грызло морковку.

— Я получила три капли вашей крови, и теперь в одном теле со мной живет она. А если меня поцарапает кот или укусит собака? Стану бегать на четырех лапах и лаять?

— Чтобы произошло уплотнение генной цепочки и добавление звеньев, требуется как минимум обмен кровью. Не отказывайтесь от обследования. В моей лаборатории нет необходимого оборудования, и для генетических исследований потребуется привлечение специалиста со стороны. Я же гарантирую анонимность.

Фантастическая теория Альрика ударила как обухом по голове. Некоторое время я размышляла об удручающих перспективах. Нужно в срочном порядке рассказать Мэлу и посоветоваться с ним! Боже мой, любая царапина — и я превращусь в куст шиповника!

— Могу поговорить со студентом Мелёшиным. Если хотите, — предложил мужчина.

— Да... конечно. И чем скорее, тем лучше, — запаниковала я. — Почему вы молчали?

— Меня не спрашивали, — ответил он спокойно.

Я потеряла лоб. Новости валят с ног. А ведь день славно начался.

— Простите, — сказала повторно. Другого случая не представится. Матусевич гремел поблизости ведром с галькой. — Я лишила вас возможности быть с ней.

— Не жалеете меня. Жалейте себя, — сказал профессор, и наши взгляды встретились.

Непонятно, что это было, иллюзия, наверное, но среди бела дня сознание вдруг ухнуло в знакомый лес — в чащу, под деревья, смыкающие кроны в поднебесье. Свобода! Я потеряла свободу — простор, ветер в лицо; потеряла прогулки под растущей луной и жаркие объятия под желтым блином на небосводе; потеряла того, кто стал бы всем для меня.

Когда очнулась, меня пошатывало, а Альрик с усмешкой наблюдал. Я опрометью бросилась из лаборатории с камнеедами, и Матусевич что-то крикнул вслед. Прочь, прочь! Долой искушения. Нужно задавить второе "я", раздирающее меня надвое. Проклятый полиморфизм.

Уж не знаю, как и о чем поговорил профессор с Мэлом, но тот вернулся с работы встревоженным и предложил пройти обследование в лаборатории Альрика. Я согласилась.

Считывающее устройство при входе в закрытую зону до сих пор помнило отпечаток моего пальца. Профессор произвел необходимые замеры и взял анализы в присутствии мрачного Мэла, следившего за каждым его шагом и действием. Ни один мускул не дрогнул на лице ученого, когда он прикоснулся к моей руке, чтобы набрать в шприц кровь из вены, а я зажмурилась крепко-крепко. И вообще вела себя как мышка, пока мы не покинули пятый этаж.

Через пару дней по институту прокатилась весть: профессор Вулфу встречается со старшей лаборанткой. То есть с Лизбэт. Студентки, придя с каникул, улыются горячими слезами.

Величайшая сплетница всех времен и народов Нинелла Леопардовна пустила слух, будто бы старшая лаборантка напрямик высказала своему руководителю, что рассчитывает на большее, нежели рабочие отношения.

— А он сказал: "Чем черт не шутит? Давайте рискнем, Лиза", — делилась со мной пышечка Катин из отдела кадров, пока мы стояли в очереди на раздаче.

Особо зоркие сотрудники сообщили, что Лизбэт уезжает от института на машине Альрика, а по утрам они идут от ворот по аллее с ангелами.

Я видела их в столовой. Лизбэт изображала невозмутимость, но ее распирало от гордости и от счастья. Она решила пойти ва-банк и не прогадала. Профессор что-то говорил, и она весело смялась. Теперь они приходили на обед вместе и покидали столовую вдвоем.

— Ой-ё, — сказал Мэл, глядя им вслед.

Верно. Самое настоящее ой-ё. Альрика можно понять. Он — мужчина, у которого есть потребности, и он не обязан хранить верность призраку, которого не существует. Тогда почему в горле стоит горечь, и хочется плакать? Отчего хочется вырваться из кольца правил, запретов, обязательств и бежать, бежать, чтобы с размаху упасть в высокую траву и бездумно лежать, глядя в небо? Или устроить погром, расколошматив лабораторию на пятом этаже не хуже утилизированного крылатика. Или вцепиться в кудряшки леди Идеальность и превратить кукольное личико в обезображенную маску.

Ту, что стала моим вторым "я", подкосило предательство хозяина. Она реже поднимала голову и заявляла о себе. Ушла в тень, апатично наблюдая за новообразованной парочкой. Вяло слушала свежие сплетни о несокрушимом холостяке — профессоре, которого заарканила обыкновенная человечка. Да и Мэл заметил, что полнолуния протекают легче.

Не сомневаюсь, что другая часть меня поборолась бы за своего хозяина, если бы не человеческая составляющая. В раздвоенной личности Эва-1 из всех сил стремилась к

лидерству, подавляя безымянную самку, и не без успеха.

Иногда мне казалось, что я — дерево, наполовину омертвелое. С одного боку идет сокодвижение, зеленеет крона, колышутся листья. А с другой стороны — выжженная пустыня, горелая головешка, сухие ветви.

Если подумать, из-за чего переживаю? Альрик вдохнул мой синдром и совершил легкомысленный поступок, о котором успел неоднократно пожалеть. Но жизнь продолжается, что профессор доказал на собственном примере. В дураках осталось лишь мое второе "я", созданное им по чистой случайности.

Я часто представляла, как Альрик знакомит Лизбэт с родственниками — с матушкой, с братьями и сестрами, с маленькой племянницей Сибиллой. Рассказал ли он Лизбэт правду о себе и о своей семье? У них никогда не будет детей. В конце концов, разве потомство — цель союза двоих? Многие пары живут бездетно, друг для друга. Если Лизбэт питает сильные чувства к своему кумиру, она примет его таким, каков он есть.

Мэл, узнав об изменениях в личной жизни профессора Вулфу, вздохнул свободнее. Ведь он находился в постоянном напряжении с того момента, как узнал о моей двойственности. Теперь Мэл позволял себе пропускать обеды в институтской столовой. Он не мотался по городу в дневное время, а ел поблизости от места работы.

— Может, на него повлиял твой синдром? — спросил, подразумевая Альрика.

— Ну и что? Разве плохо? Наоборот, посмотри, как светится Лизбэт. Уж лучше сделать кого-то счастливым, чем устроить Армагеддон.

Через неделю, оказавшись нестерпимо долгой, Альрик передал Мэлу конверт с результатами обследования. Мой геном "замерз". Я полиморф, сочетающий в себе признаки двух несовместимых видов, и не более.

И то счастье. Большого нам не надо. По уши хватило того, что имеется.

Ильмира уехала из столицы в мае и пропала. Наверное, осваивала экстремальные удовольствия на других территориях. Но интуиция подсказывала мне, что барракуда ушла в глубокие воды, чтобы нагулять аппетит, и рано или поздно вернется на прежнее место охоты.

Я долго думала и перебирала варианты, которые подошли бы под совет Вивы.

— Гош, научи водить машину, — попросила как-то.

Мэл уставился изумленно.

— Серьезно?! Ты за рулем?! Зачем? Если нужно, отвезу, куда хочешь. Или вызовешь дэпов.

— Само собой. Но мне хочется понять, что испытываешь, когда садишься за руль, — не отлипала я.

— Пойми, у нас не принято, чтобы женщины крутили баранку. Когда требуется, вызывают шофера с машиной.

Здрасьте, приехали. Видите ли, у них не принято. Кому он заговаривает зубы?

— Дай хотя бы попробовать. Другие же гоняют, и ничего, — давила я на Мэла.

"Другие" — это Ильмира, чей автомобиль рассекал торпедой дорожные просторы. Толстый намек на тонкие обстоятельства.

— Другие не путают педаль тормоза с газом, — сказал Мэл. — Эвочка, ну, прости. Ты и техника — несовместимые понятия... К тому же, на трассе большие скорости... И как тебя учить? На "Турбе"? Угробленная машина — сверх моих сил. Нет-нет, и не проси.

Я обиделась. Дулась несколько дней, а Мэл подмазывался и так и эдак, но оскомины не проходила. Подумаешь, две педальки и коробка-автомат. Примитив, как в электромобиле. А Мэл посчитал меня неспособной. Сказал прямым текстом: "Ты необучаемая".

Мое недовольство давило на Мэла, и при случае он поделился наболевшим с товарищами — Макесом и Дэном. Мы как раз вышли с ледового стадиона. У меня ноги отваливались от усталости, а Мэлу хоть бы хны.

— Эва хочет научиться водить машину, — сообщил он с мукой в голосе. Мол, поддержите и скажите, что бредовая идея.

— В чем проблема? — отозвался Макес. — Помоги.

— Знаешь, у меня нет лишнего бабла на ремонт тачки в ближайшие год-полтора. А доверять "Турбу" чужим рукам — святотатство. Я сросся с ней. Она слушается только меня.

"Пособолезнуйте!" — умолял Мэл своим разнесчастливым видом.

— Мне же доверил, — напомнил Макес. — В принципе, можно попробовать на моей. Хоти... Хочешь? — обратился ко мне.

Если поначалу, после нашего знакомства, Макес вел себя запанибратски и на "ты", то после моего переезда к Мэлу на четвертый этаж стал путаться, обращаясь ко мне во множественном числе, или строил неопределенные фразы. А еще растерял чувство юмора и перестал хохмить. А Дэн, будучи и прежде немногословным, теперь помалкивал и открывал рот, чтобы скупой ответить на заданный вопрос. А все потому, что я — постоянная девушка Мэла. Не дай бог, он решит, что друзья много себе позволяют.

— Хочешь? — спросил Макес.

— Хочу, — согласилась я.

Мэл запнулся на ходу.

— Ты серьезно, Мак?

— Почему бы и нет? — отозвался тот.

Макес оказался на редкость терпеливым инструктором. Первая тренировка прошла в лесопарковой зоне на окраине города. Мэл и Дэн поставили свои автомобили у обочины и развалились на травке, наблюдая за моими потугами и подшучивая между собой. Наверное, трювили анекдоты о женской логике и о слабом поле за рулём.

Я пыхтела, пыхтела и машина. Дергалась, глохла, ревела раненым зверем.

— Нажимаем на педаль тормоза... — учил Макес. — Верно... Переводим в положение D... Ждем на газ... Хорошо... Черт!

Машина рыкнула и встала.

— Смешно, да? — опустила я голову к рулю. В стальных вставках на панели отразились маковоющие щеки.

— Нет, — ответил инструктор. — Потенциал есть, а Мэл не видит. Утри ему нос.

Мантра пестроволосого дала результаты. Да, Мэл поймет, что недооценивал меня! Воодушевившись, я с еще большим рвением взялась за обучение и спустя какие-то два часа с грехом пополам трогалась и останавливала машину. А еще остороженько проехала вокруг поляны.

Мэл, успев отлежать бока на травке, сходил к киоску за мороженым, и замер с брикетами в руке, провожая взглядом ползущий автомобиль Макеса.

— Как катафалк! — крикнул Дэну, и они рассмеялись.

Ах так! — прибавила я газу, и машина рывкнула.

— Для начала очень даже неплохо, — похвалил инструктор, когда автомобиль затормозил, сделав три круга около поляны. Пусть Макес приврал, мне польстило.

— Хорошая машина. Большое спасибо за урок. Сколько с меня?

— Забудь, — махнул он рукой.

Если я думала, что Мэла вдохновят мои успехи, то ошиблась.

— Эвка, ты на велосипеде едешь быстрее, чем на машине. Про "Турбу" однозначно забудь, — вынес он вердикт.

А Макес геройски согласился отдать свой автомобиль на растерзание. Периодически мы выбирались в лесопарковую зону, и парень давал уроки вождения под присмотром Мэла, отдохнувшего в тенечке с Дэном или скужавшего на скамейке в одиночестве.

Я мучила руль и педали, а Макес рассказывал об устройстве машины, о правилах дорожного движения и о типичных неисправностях — кратко, но в достаточном объеме, чтобы не называть свечи зажигания и амортизаторы штучками и пимпочками. Специально для занятий я купила в аптеке гомеопатические леденцы для улучшения реакции и концентрации внимания. И пусть мне не удастся разогнать машину до сверхзвуковых скоростей, достаточной компенсацией стал неопикуемый восторг, оттого что техномонстр покорился не блестящей талантами крыске.

Мэл не уставал удивляться.

— Неужели тебе нравится? И как оно, за рулем-то? Мак не ругает? Поражаюсь ему. Отрастил железные нервы и в ус не дует. Наверное, его нокаутировал твой синдром.

Макес не ругал. Наоборот, когда я говорила: "Привет, Максим" или: "Спасибо, Максим Ты прекрасный учитель", он впадал в затяжное молчание. Не зная парня, я решила бы, что

его смущает собственное имя.

Как-то я спросила у Басты:

— Мама не переживает, что твой брат не звонит и не приезжает в гости?

Долго настраивалась, прежде чем спросить. Долго не решалась, потому что затронула деликатную тему в отсутствие Мэла.

— Мама? — переспросила Баста, устроившись в кресле боком и закинув ноги на подлокотник. — Расстраивается, конечно. Но гордится. Гошка стал похож на человека. А то — ни цели, ни дороги к ней. Плыл по течению и фанател от тачек.

Зато теперь целей полно. Нескончаемый список — и десяти блокнотов не хватит.

— Я передаю приветы от Гошки. Вру, конечно, но маме приятно, — сказала девушка, почесывая за ухом Кота. — Может, ты повлияешь? Трудно ему позвонить, что ли, и сказать два слова?

Влияю, как могу. Изо дня в день капаю на терпение, намекаю, говорю прямым текстом, но Мэл застопорился и ни шагу вперед. Правда, теперь он не дергался и не взрывался, а выслушивал молча. Или говорил: "Как-нибудь". Или: "Посмотрим".

— А отец? Наверное, сердится на Гошика.

— Поздно драть ремнем ребенка, когда он перерос родителей, — отозвалась Баста. — Я случайно слышала, как папчик сказал деду, что у Гошки наконец-то выветрилась дурь из башки. А тот ответил, что это хорошо, да рано. Мол, не успел нагуляться.

Вот, значит, о чем беспокоится заботливый дедушка. Серая крыска пришла не вовремя и отобрала у столичного принца леденец, и наследник фамилии вынужден сидеть на строгой диете. А мог бы всласть погурманствовать.

— Эвочка, не подумай плохого, — добавила поспешно сестрица Мэла. — Дед имел в виду, что вокруг много соблазнов, и Гошке не хватит стойкости. И он сделает тебе больно. А я верю в него! — воскликнула она с жаром.

И я хочу верить. Очень.

Ильмира вернулась в столицу ближе к осени.

Август подарил городу благодное тепло укорачивающихся летних дней: мягкие прохладные утра, нежаркие комфортные полдни и пропахшие нагретым асфальтом и пылью вечера. К югу от столицы горели леса, которые безрезультатно тушили вторую неделю, и на окраинные районы города напозла дымка удушливого смога. Дважды в день небесное пространство прорезали самолеты, с которых распыляли мелкодисперсный дождь, осаждающий дымные и сажистые частички.

Дочка дипломата появилась на юбилейном вечере по случаю образования Министерства финансов. Она порхала меж гостей под ручку с офицером морфлота, сменившим китель на гражданский костюм. И опять столкновение произошло по курсу, запланированному южанкой.

— О, я вижу, обо мне быстро забыли, — молвила шутливо чернокудрая красавица. — Не успеешь оставить столицу на пару месяцев, как тебя вычеркивают из памяти и из жизни.

Не преуменьшай, звездуля. Миновала уйма времени после твоего отъезда. Я считала. Но, к сожалению, всё хорошее имеет тенденцию заканчиваться.

— Неужели пролетело два месяца? — удивился Мэл. — Прошу прощения. В столице действительно насыщенная жизнь.

Ха-ха, если смуглянка думала, что по ней будут рыдать и молить о возвращении, то глубоко ошиблась.

— Предложение о рогейне в силе? — спросила Ильмира, вложив в обольстительную улыбку всю мощь обаяния. Или мне опять показалось не то, потому что дочка дипломата обращалась к нам обоим по-свойски, без напыщенности и кокетства. Я бы сказала, она вела себя как старинная подруга.

— В последнее время не езжу, — ответил Мэл. — Но могу свести с человеком, который регулярно участвует. Он возьмет в команду.

— Жаль. Без вас будет скучно, — посетовала девица. — Я плохо ориентируюсь в столице. Не успела освоиться, как уехала в Моццо, а следом к родственникам. Пока всех навестишь и у всех погостишь, пройдут годы. Это замкнутый круг, — изобразила она притворный ужас. — Хвала небесам, удалось вырваться из лап любящих тетусек.

Мэл вежливо улыбнулся, как и я. Спутник Ильмиры вертел головой по сторонам. Он скучал. Его устроило бы общество генералов или маршалов, нежели наша непримечательная компания.

— Родственнички откормили меня как курицу-несушку. Я расклеилась и растеряла былой настрой, — сообщила без стеснения смуглянка. — Нужно срочно возвращаться к прежнему ритму жизни.

Полноте приbedняться. Красотка при полном параде и рвется в бой.

— Подскажите, Егор, какие развлечения предвидятся в ближайшее время. Подразумеваю мероприятия, достойные внимания, — произнесла она со значением.

Мэл прокхыкался:

— В Опере открылся новый сезон. Проходят выставки, концерты. При желании можно нанять агента по развлечениям. Он отслеживает последние новости и бронирует билеты.

— М-м-м, — задумалась Ильмира. — Спокойно, прилично... и скучно. А я хочу встряску. Основательную, чтобы пробрало до костей.

— Увы, здесь я вам не помощник, — ответил Мэл.

На том и разошлись — чинно и солидно.

Местом сходки для очередной цертамы определили стройплощадку в пригороде столицы. Чтобы не привлечь зажженными фарами ненужное любопытство, состязание проводилось при дневном свете. Сегодня разыгрывали *traheri*^[12]. Кто поднимет с земли металлическую трубу, не касаясь, и удержит на торце дольше всех, тот и победил. Длинная толстостенная труба с неровными краями весила, наверное, не меньше тонны. Попробуй, поставь вертикально массивный "карандаш". Не пришибло бы — и то ладно.

Каждый раз, когда труба заваливалась с глухим звоном, поднимая столб пыли и сотрясая площадку, болельщики благоразумно отступали назад, сопровождая падение свистом и криками.

Дэн не приехал. Родители припрягли его к смотринам новой претендентки на звание невесты. Макес опять приглядывал за мной, а Мэл записался в участники. И победил! С неожиданной легкостью поднял трубу, около минуты продержал в вертикальном положении и умудрился прокрутить "карандаш" вокруг оси, вызвав восторженный рев зрителей.

— Да! — не сдержал эмоций Мэл, когда объявили результаты.

И я радовалась за него, пока не увидела на противоположной стороне круга, образованного болельщиками.... Ильмиру. Линзы с приближением позволили разглядеть

красотку в подробностях. Девица наблюдала за победителем и оценивала, ощупывала взглядом, как охотник присматривающийся к будущему трофею.

Мэл подошел и обнял меня, одновременно складывая выигранные висы в карман. Они с Макесом жестикулировали и шумно обсуждали состязание, а я попала в зону беззвучия. Мой Мэл под прицелом.

Знойная красавица действовала умно и дальновидно. В её силки попаласть и Баста.

— Слушай, помнишь ту.... Ильмиру? — воскликнула сестрица Мэла, ворвавшись ураганом в квартирку. — Она вчера приезжала к нам домой. Классная девчонка!

Из сбивчивых фраз я поняла, что Мелёшин-старший устроил ужин для ограниченного круга лиц. В числе приглашенных в особняке главы объединенных департаментов появилась южанка с родителями и с морским офицером, оказавшимся её кузеном. Красотка проявила недюжинную эрудицию в беседе с отцом Мэла и оставила благоприятное впечатление о себе у его мамы. А уж о Басте и говорить нечего.

— Она исключительная! Представь: объехала половину земного шара. И везде побывала! Опускалась в батискафе в Шейгельскую впадину! И прыгнула без страховки в водопад Валерия! И сняла на камеру ритуальные жертвоприношения дикарей-каннибалов! И охотилась на львов в саванне! Божежтымой! — вскочила девушка, не в силах усидеть на месте. — Она видела столько интересного! А Артур... Он... он... необыкновенный!

От обилия рвущихся эмоций Баста растеряла словарный запас. Непонятно, кто ее больше впечатлил: Ильмира или скучающий кузен. Или оба. А в последнего, сестрица Мэла, похоже, влюбилась.

Вот как. Оказывается, у родителей Мэла вошло в привычку устраивать ужины по пятницам, а я только что узнала. И моей персоне там были не рады. Наверное, поэтому и собственного сына не приглашали на еженедельные посиделки в узком кругу. А смуглянка сразу же залетела в окошко особняка в белой зоне. Конечно, ведь чей-то дядя ворочает нефтяными пластами в мировом масштабе. Ильмира ткнет пальцем, и ей купят муженька.

Если нам приходилось бывать на официальных мероприятиях, мы обязательно сталкивались с южной бабочкой и ее неизменным спутником. И с каждым разом я подмечала тонкости, не увиденные поначалу. Ильмира, не стесняясь, наслаждалась присутствием Мэла. Как человек любит картину или скульптуру, она любовалась им. Примеряла к себе. Изучала, отмеряла, сравнивала. Прежде чем включить в свою коллекцию. Барракуда кружила, поджидая и выбирая, как ухватить жертву.

Надо сказать, Мэл общался без первоначального интереса. Держался стойко, не поддаваясь чарам девицы. Выдавал вежливые и обходительные фразы, не более. Дочка дипломата пыталась разговорить его и подцепить, как вышло однажды с приглашением на рогейн, но Мэл уворачивался и отнекивался.

Он стер её номер в телефоне. Нет, Мэл не продемонстрировал мне и не сказал, мол, смотри: моя рука торжественно удаляет имя соперницы по гонкам. Это я докатилась до того, что тайком проглядела список его контактов. В память телефона хозяин вбил невесть сколько имен абонентов. Встречались смешные и странные сокращения в виде "Абр", "Би-ок" или "Гуга". Но "Ильмиры" или "И." не нашлось. Я успела пролистать список до буквы "л", боясь спалиться в любую секунду, пока Мэл принимал душ.

Южанка рассчитывала глубоко окопаться в столице. Сам Леонисим Рикардович Рубля

на званом обеде восхитился отважной дочкой дипломата и похвалил, несмотря на консерватизм, приветствуемый в светском обществе:

— Теперь я верю, что на белом свете случаются чудеса, и из слабого пола выходит что-то путное. Но, деточка, не забывайте о предназначении любой женщины. Надеюсь, вскоре угомонитесь и порадуете нас обручальным колечком на пальчике.

О словах премьер-министра сообщила Баста, романтично вздыхая и возводя глаза к потолку. А сестрице Мэла сообщил кто-то, которому сказал еще кто-то и еще кто-то, и так далее по бесконечной цепочке.

Я спросила у Мэла:

— Разве допускается, чтобы незамужнюю леди приглашали с кузенком на обед к премьер-министру?

— Не с кузенком, а с родителями. Как и полагается по протоколу. А ты сможешь отобедать у Рубли только со мной. Но это нонсенс. Скандал. Мы живем вместе, а не женаты. Распорядители не позволят. На приемах на нас закрывают глаза в толчее, а за столом, среди двадцати гостей, наше присутствие неприемлемо.

— Ясно.

Точнее, неясно, расстроена я или рада. За себя, конечно, обрадовалась. Ну и пусть не приглашают, особо не рвемся. А за Мэла переживала. Вдруг он мечтает выпить на брудершафт с Рублей? Рост статуса и всё такое.

— Значит, хочешь пообедать у премьера? — спросил Мэл, по-своему истолковав мое любопытство, и добавил небрежно: — Ты ведь не рвешься замуж.

— А ты и не зовешь, — ляпнула я.

— А пойдешь?

Серьезно?! Хороша шуточка на ночь глядя.

— Гош, ты же знаешь... — пробормотала я, растерявшись.

— Вот видишь, — хмыкнул он. — Придется Рубле скучать без тебя.

Мэл пошутил, а я долго не могла уснуть. Представляла нас женатыми — и не получалось.

Как-то Мэл приехал вечером домой задумчивым и притихшим. Отвлеченным. Я расспрашивала о том, как прошел день, он отвечал и вдруг уставился в одну точку, забыв, о чем говорил.

— Эй, — пощелкала перед ним пальцами. — Ты со мной или где?

— Извини. Не могу забыть о работе. До сих пор голова кругом от сегодняшней суматохи.

Мэл усадил меня к себе на колени и занялся "разрисовыванием" — водил пальцем моему по лицу, обежал изгибы шеи и выступы ключиц. Потом обнял и крепко прижал.

— Задушишь, — пискнула я. — Что с тобой? Всё в порядке?

— Лучше не бывает.

Настроение Мэла поменялось. Он ожил и начал подтрунивать надо мной. Может, поговорил с мамой? Я его доконала, — подумала с гордостью.

К приему по случаю заключения торгового соглашения с иностранной державой Ильмира упаковалась в красное и черное, и за ней тянулся шлейф пряных экзотических ароматов. От знойной красавицы за версту веяло искушенностью и зрелостью состоявшейся

женщины, а ярко-красные губы кричали, что барракуда вышла на охоту. На моего Мэла. И сонный кузен — не более чем прикрытие, а толпа гостей — не помеха хищнице.

— Добрый вечер, — блеснула она белозубой улыбкой, вырвав навстречу нам. Мэл сухо поприветствовал, но глаза дочка дипломата сверкнули, когда он приложился губами к ее руке.

Разговор не клеился. Ильмира, как могла, вытягивала провальное молчание, искра остроумием. Мэл отвечал односложно, а приложение в виде меня и полуспящего кузена откровенно не скрывало скуку.

— Вот что, мальчики... Ступайте, прогуляйтесь, а мы поболтаем, — сказала вдруг южная красotka. — Не бойтесь, Егор. Не съем я вашу... даму. И не вздумайте лукавить с *legra vi labum*^[13] — погрозила шутливо. — Есть вещи, о которых мужчинам не следует знать. Идите же, дайте пошептаться.

Мэл отошел с крайней неохотой, обдав красотку неприязненным взглядом.

— Эва, я рядом, — предупредил и присоединился к группке беседующих неподалеку, держа нас, девочек, в поле зрения.

Ильмира взяла с подноса у официанта фужеры с шампанским и протянула мне один.

— Не буду ходить вокруг да около. Как человек прямолинейный, без долгих предисловий хочу сделать вам выгодное предложение. Мне нравится Егор, и я дам за него пятьсот тысяч.

Что-о-о-о?!

— Хочу купить его, — продолжила смуглянка. — Не волнуйтесь, серьезные отношения меня не прельщают. Отдайте Егора на сутки. Соглашайтесь, и через час деньги поступят на ваш счет.

Офонарела она, что ли? Самоуверенная и наглючая баба.

— Разве он вещь, чтобы арендовать? — отозвалась я грубо.

Обалдеть. Мне предложили продать Мэла. Половозрелая мужская особь показала себя во всей красе и очаровала зубастую барракуду.

— От вас требуется не препятствовать. Остальное — моя проблема. Предупреждаю, я не привыкла отступать и всегда получаю то, что хочу. Без исключений. И рано или поздно получу Егора, — сообщила дочка дипломата с улыбкой. Очарование девицы предназначалось Мэлу, но он не проникся, нахмурившись. — Судите сами, я честна с вами. Другая на моем месте и спрашивать не будет — придет и возьмет. А я старомодна. Заводить пашни за спиной недостойно леди.

У меня слуховые галлюцинации. Озабоченная тётка заявляет, как само собой разумеющееся, что хочет Мэла. Для комплекта. И при этом уверяет, что она настоящая леди.

— Он знает о ваших планах? — пробормотала я, глядя на Мэла. "Ты в порядке?" — спросили его глаза. "Да" — полетел безмолвный ответ, "нет!" — крикнуло сердце.

Ильмира усмехнулась.

— Егор — редкостный упрямец. Но чем упорнее сопротивление, тем желаннее результат. Уверена, Егор не разочарует. О том, каков мужчина в постели, говорят его руки и умение целоваться. Ну, не смотрите так... Я не чудовище. Секс — это физиология, а регулярный секс полезен для женского здоровья. Не переживайте, мои планы не простираются дальше одного дня и... одной ночи в обществе Егора. Итак?

Наверное, мне снится сон. О богатенькой мадаме, которая от безделья не знает, чем заняться, и надумала купить развлечение. Она давно усвоила, что в этом мире всё продается

и покупается. За деньги люди творят мерзости, по сравнению с которыми предложение красотики — детский лепет.

Мэл упрямится — это хорошо. Надеюсь, барракуда определила темперамент Мэла по его рукам, а не по губам.

В висках застучало, в голове зашумело. Машинальный глоток шампанского привел меня в чувство.

Я верю Мэлу. Доверяю ему.

Как долго простоят бастионы? Увенчается ли успехом осада? Ведь существует множество способов принуждения. К примеру, можно подсыпать усилители влечения в еду или питье, и человек против воли становится рабом плотских желаний. Или помада с наркотическими добавками. Достаточно невинного поцелуя в щеку, и жертва на крючке.

— Нет. Ни за пятьсот, ни за миллион. Я не торгую своим мужчиной.

Девица улыбнулась.

— Как хотите. Зато моя совесть чиста. Вы отказались от денег, и я возьму бесплатно. Хотя... — задумалась она, — не хочу, чтобы меня считали эгоистичной с*кой, разрушающей счастье барышень. Предлагаю пари. Побеждаю я — выигрыш мой. Если победа достанется вам, отойду в сторону и не потревожу ваше спокойствие ни этой жизни, ни в иной. По моему, честно и благородно. Выбирайте: пари или я получу Егора с вашим благословением или без. Предоставляю вам право выбрать способ. Цертама или димиката исключаются. С вашими-то способностями... вернее, с отсутствием таковых... — посмотрела на меня с сочувствием. — Не пойму, как вам удастся удерживать верность Егора. В здешнем обществе это редкость. Итак, что выбираете: скоростную вышивку крестиком или выпечку пирога с вишней? Я никогда не держала иголку в руках, но уверяю, победу не отдам.

А я держала, но толку — ноль.

Что делать? Покрутить пальцем у виска и дать зеленую улицу самоуверенной дамочке? Она настроена решительно и попрет на таран. Выстоит ли Мэл? Сможет ли он посмотреть в глаза после измены и взглянет ли в мою сторону, испив из бочки искушенности? У них много общего. Оба любят адреналин и риск. И не факт, что смуглянка отцепится от него, распробовав.

Я верю Мэлу, он не подведет. Но самоуверенная красотка изматывает мне нервы и лишит спокойствия, поселив в сердце подозрения и ревность. Она не отлипнет. День и ночь будет кружить жирной навозной мухой, потому как привыкла получать всё, что заблагорассудится. Бесцеремонная и циничная дрянь. Ильмира не воспринимает меня всерьез, чтобы затевать борьбу на равных. Она узнала обо мне достаточно, чтобы отнестись с пренебрежением к ущербной и хилой овечке, и посмеялась, предложив пари. Я для неё — интерьер. Мебель. Табуретка, которую можно отставить в сторону за ненадобностью, о чем мне снисходительно сообщили в лицо.

Так что вопрос не в Мэле. Проблема во мне.

Хищницы не переведутся никогда. Одни будут цапать украдкой, исподтишка, другие станут вешаться на Мэла, нагло и открыто. И я им — не помеха. Соринка в глазу — и та заметнее меня.

Нет уж. И о табуретку можно запнуться, сломав шею.

Чертова барракуда. И ведь нет ничего, в чем я бы преуспела. Даже в скоростном приготовлении снадобий не поднаторела. Руки как крюки. Исключительно женская логика. Вдобавок трусиха. Но Мэла никому не отдам. Никому. Не собираюсь быть пустым местом —

ни сейчас, ни потом. И насмеяться над собой не позволю.

— Пари, — сказала я, и полиморфная часть встрепенулась, солидарно заурчав. — На машинах. Я и ты. Кто первый, тот и выиграл.

К чему церемониться с выканьем, когда карты вскрыты? Но еще не все козыри на виду.

— Да ну? — взглянула с интересом красотка. — Ты удивила. Завтра гонка на южном направлении. Там скажешь окончательное "да", и разыграем пари. Ответишь "нет", и я заберу Егора, хочешь того или нет. Говорят, друзья зовут его Мэлом. Мэ-эл, — протянула она. — Сексуально. Непредсказуемо. Опасно... То, что я люблю. Ах да. Чтобы нас не посчитали дурами, которые не могут поделить мужчину, предлагаю не афишировать предварительную договоренность. Надо мной посмеются, потому что нужно брать, не спрашивая, а над тобой посмеются... из жалости.

И поставив пустой фужер на поднос, дочка дипломата направилась походкой манекенщицы к толпе гостей. Пройдя мимо хмурого Мэла, игриво помахала красными коготками и подмигнула.

Остаток вечера Мэл допытывался о содержании беседы с дочкой дипломата.

— Что ей понадобилось? О чем вы разговаривали?

— О юге. Я проучилась там почти полгода. А ей знакомы те места.

Но Мэл сомневался. Он пытливо поглядывал на меня по дороге домой, и по приезду в общежитие вернулся к разговору с Ильмирой.

— Незаметно, чтобы тебе понравилось общаться с ней. Что она сказала?

— Ничего интересного. Да и обсуждать нечего. Воспоминания не ахти. Климат там ужасный, бытовые условия — тоже. Песок в голове и на зубах. Жесткая экономия воды. Мы мылись раз в две недели. Новеньким и первокурсникам "старички" выделяли по ведру воды. В остальное время — сухой душ, когда обтираешься влажной тряпкой. Еще постоянные цыпки на руках и волдыри на полруки или на полноги, если покусает местная мошкара.

— По Ильмире не скажешь. Родилась на юге, а не выглядит изможденной.

— С большими деньгами можно плавать в бассейне за герметичным стеклом, когда вокруг на десятки километров три оазиса с мутной водой.

— И всё? Вы говорили об оазисах? Странно, почему ей приспичило потрепаться, — не унимался Мэл.

— Откуда я знаю? Ностальгия, наверное. Она — уроженка тех мест.

Мэл не верил.

Не мешало бы выспаться, но сон не шел. Потолок перед глазами, на виске — дыхание спящего Мэла, обнявшего и закинувшего на меня ногу. Во сне его губы приоткрылись, морщинка между бровями разгладилась. Мне нравилось ощущать тяжесть его руки, нравились собственнические замашки.

Наверное, кому-то на небесах надоела моя беспросветная серость с однообразным существованием, тянувшимся день за днем, из года в год. И мне послали Мэла. Он заполнил пустоту в душе, вытеснив одиночество и страхи, преследовавшие меня с детства. Он стал для меня всем. Как зажженный фитиль, Мэл воспламенил чувства, о которых я читала в книжках или смотрела в кино. Любовь, ревность, потребность заботиться и быть нужной...

— Ты куда? — пробормотал он сонно.

— В горле пересохло. Сейчас вернусь.

Выпив воды, я подошла к приоткрытому окну. Снаружи стрекотали кузнечики, устроив соревнование по слаженности и громкости. Свет уличных фонарей и ночное безветрие превратили институтский парк в сказочный замерший лес.

Сомнение в разумности согласия на пари пришло и тут же исчезло. Я могла бы рассмеяться в лицо Ильмире и уйти с приема с гордо поднятой головой. Но надолго ли хватило бы гордости?

Случайно или умышленно, но мы часто сталкивались с дочкой дипломата, и Мэл не мог не заметить её интерес к своей персоне. Любой нормальный человек замечает внимание противоположного пола. Впечатлила ли Мэла знойная красота экстремальной дивы? Думал ли он о ней, целуясь со мной? А в постели, заставляя меня выгибаться навстречу его рукам и губам, представлял ли, как вот так же ласкает её? Сравнивал ли нас, и чью пользу?

Метнулась тень, и, с неожиданной для упитанных габаритов легкостью, на подоконник

запрыгнул Кот. Сел в классическую кошачью позу, укрыв лапы хвостом, и устался в окно. Наверное, вспоминал свою подружку из соседнего квартала.

— Хочешь гулять? — спросила я шепотом.

Кот посмотрел на меня, сузив желтые глаза-плошки, и отвернулся.

Завтра я скажу "да" самоуверенной мадаме. Может, на неё повлиял мой синдром? Вряд ли. Проклятый дар выволакивает на свет божий затаенные желания, в которых люди боятся признаваться самим себе. Нерешительность — явно не черта характера южанки. Захотела — взяла, и никаких сомнений.

Макес учил ездить без встречных и впереди идущих машин. А завтра придется обгонять и вклиниваться. А еще вписываться в повороты. Конечно, парень показывал, как идти на обгон, но на тренировках машина осторожно объезжала воображаемые препятствия, вызывая снисходительные смешки Мэла.

Если он, управляя "Турбой" не смог оторваться от преследовательницы, то что говорить обо мне? Но я должна победить. Прежде всего, нужны удобная одежда и обувь. Они много значат. Мухлевать с волнами нельзя, но, в отличие от правил цертам, не запрещается использовать линзы, улучшающие зрение, и принимать гомеопатические таблетки. А еще разрешается выпить снадобье с пыльцой паратиры. На легкую и бесстрашную дорожку.

Задумавшись, я не сразу заметила два желтых фосфоресцирующих кружка, уставившихся на меня. Под немигающим взглядом Кота стало вдруг неуютно и зябко.

— Иди уже. Или туда, или сюда, — подтолкнула его к открытому окну.

Усатый бесшумно спрыгнул на кирпичный выступ и направился за угол здания.

Да, я пошла на должностное преступление. С легкостью. Цинично закопала свою совесть глубоко-глубоко, для верности потоптавшись на могилке.

При желании — элементарно. Пузырьки — из числа выдаваемых студентам на лабораторках. Вечнозеленые паратиры — в оранжерейном боксе. Когда-то, благодаря воинственным лианам, я познакомилась с Матусевичем и, вдохнув пыльцу, приобрела временное бесстрашие.

Вообще-то паратиру использовали в сложных снадобьях, облегчающих невроты, а также при беспокойных и тревожных состояниях. Мизерные дозы, рассчитанные на длительное применение. Мне же требовалась разовое убойное количество, чтобы осмелеть часов на пять-шесть. Рискованно принимать составы длительного действия, но что поделать, если меня уже потряхивало, а утро только началось.

Подумав, я решила упростить рецепт и настоять пыльцу паратиры в лимонной воде. Успею. До вечера достаточно времени. Однако пыльца обладала нестабильными свойствами, и эффективность выпитого снадобья стремительно уменьшалась с течением времени. Поэтому требовался ингибитор. На эту роль подошли капсулы с микрогранулами льда — дешевые и не требующие строгого учета и списания. Постепенно растворяясь в желудке, они понизят температуру и затормозят усвоение снадобья.

Решив проблему с поглотителем страха, я занялась поисками машины. Позвонила в справочное бюро и запросила данные о пунктах проката автомобилей. Меня интересовали количество лошадиных сил, маневренность арендуемых машин и гибкий подход к отсутствию водительских прав.

— Можете предложить "Турбу" или "Торнадо"? — задавала однотипный вопрос.

Мужской голос на другом конце коротко хмыкнул:

— Есть "Плектра". Сборка двухгодичной давности.

— Франц-Иосиф! — крикнула я руководителю, прикрыв микрофон рукой. — "Плектра" — крутая тачка?

Брокгаузен проводил эксперимент с вонюлярией. Облачившись в экипировочный комплект, капал на растение различными раздражителями и регистрировал защитную реакцию — размеры токсичного облачка, выпускаемого розеткой листьев.

Мужчина отвлекся от опыта.

— Простите, не питаю любви к машинам. Но могу узнать у шурина.

В итоге, изучив ассортимент пунктов проката, я пришла к выводу, что автомобили вип-класса не пользовались популярностью. Конечно, разве нормальный человек отдаст на растерзание дорогущую машину неизвестному прохиндею? В таком случае залог за автомобиль должен приравниваться к его стоимости. А это как минимум триста тысяч. Шурина Франца-Иосифа сообщил по телефону, что из всех предлагаемых в прокате моделей и марок "Плектра" наиболее подходила моим запросам, хотя и с весьма большой натяжкой. Неутешительно.

Ближе к двенадцати позвонил Мэл. Он рассчитывал приехать и пообедать со мной в столовой. А еще хотел поговорить о чем-то.

— Гош, у меня нет времени, — соврала я. — Важный эксперимент. Не могу отойти от стола. Нужно непрерывно помешивать. Вручную, без миксера.

Пришлось Мэлу кушать в кафе недалеко от работы. На самом деле пыльца паратиреи самостоятельно томилась на водяной бане, и лимонная вода постепенно насыщалась зеленым цветом. А вместо обеда ноги понесли меня в общежитие. К рыжему.

Он должен быть дома! На днях я видела Алесса издали. Хотя студенчество расползлось на летние каникулы, общага не закрылась. Тем не менее, смена постельных комплектов легла на плечи проживающих, потому как администрация института считала растратным делом организацию стирки для пяти калек.

Парень будто чувствовал, когда мне требовалась помощь, и оказывался дома в подходящий момент.

— Нужна машина, — объявила я вихрастой огненно-рыжей голове, высунувшейся в дверную щель. — Гоночная. Надежная. Как "Турба" или "Торнадо". Нужна сегодня, на один вечер. И с полным баком.

— Двадцатка, — сказал рыжий, помедлив. — Что в залог?

— Буду расплачиваться по частям в рассрочку, — протараторила я заготовленную фразу. — Уговор через клятвопожатие.

То есть, если разобью арендованный автомобиль в пух и прах, придется возвращать ущерб и с процентами. Конечно, парню нужны гарантии. Никто не хочет рисковать впустую.

— Компенсируешь убытки не баблом, а снадобьями, — выдвинул условие Алесс.

Не нытьем, так катаньем. Рыжего не устроили деньги в качестве возмещения за угробленную машину. Не по-хорошему, так по-плохому он заставит пойти на преступный сговор с кражей снадобий из института. Поэтому нужно постараться и, кровь из носу, не ухайдакать машину всмятку.

— Соглашусь, а ты повесишь на меня старые царапины и вмятины. Или полетит двигатель. Хочешь развести? Так не пойдет, — сказала я со знанием дела.

Парень не стал убеждать в кристальной честности.

— Машину осмотришь на месте. Когда сдашь обратно, учтутся внешние повреждения.

Внутренние дефекты — не в счет.

Отчасти утешает. А если капот сложится в гармошку у придорожного столба, внутренние повреждения тоже не считаются?

Тут мне бы отвернуться и уйти, чтобы заказать по телефону "Плектру". Но я сказала: — Заметано.

Мы пожали руки, и сделка состоялась.

Парень дал перо с блокнотом и велел написать номер телефона, место встречи и время.

— Хорошо, — вчитался в наспех накарябанные строчки. — Жди звонка. Расплатишься по факту.

Готовность снадобья испытала на себе лабораторная крыса. Я насильно напоила ее из пипетки приготовленным настоем и посадила в клетку. Туда же поставила тазик с водой. На кусок пенопласта насыпала порезанный кубиками сыр и отправила импровизированный плот в свободное плаванье.

Крысы, мыши... какая разница? Они обязаны любить сыр. И все крысы бегут с тонущего корабля. У них природная непереносимость водного пространства. Это классика.

— Ну, давай же, — уговаривала я животное. Крыса посидела, почесала лапкой за одним ухом, за другим, и заработала носом, втягивая сырный аромат. Плюх! — свалилась в тазик и поплыла.

Что не испугалась — хорошо. А вот то, что животное не заинтересовалось деликатесом — удивило. Пловчиха рассекала от одного буртика до другого, словно курортник на пляже. Наматывала круги, и на крысиной морде застыло выражение абсолютного бесстрашия. Ну да, с ледовыми микрогранулами вояж по водам затянется до следующего утра. Глядишь, барахтаясь как небезызвестная лягушка, моя подопытная собьет в тазике сливочное масло.

Противно пользоваться безграничным доверием руководителя. Противно делать приписки в журналах учета. Противно выносить в кармане три флакона с настойкой пыльцы паратиры, проходя мимо Монтеморта с наглым и независимым видом. Перепрограммированный пес не виноват. Он трудится изо всех сил, охраняя казенное имущество. Просто охранная система построена на постоянстве химического состава предметов и веществ.

А я изменила принципам. И ведь с честным видом каялась перед деканами и проректрисой, заверяя в том, что исправлюсь. Хорошо, что не дала им обещание или клятву.

Перед приездом Мэла употребился первый флакон, потому что от мандража затряслись руки, а извилины начало клинить от нарастающего страха. Снадобье имело лимонный вкус и горчило. По консистенции напоминало подсолнечное масло, и мне стоило больших трудов удержать выпитое в себе. Когда рвотные позывы утихли, я вдруг поняла: подействовало. Можно встать на подоконник и прыгнуть вниз. Можно высунуться из окна и закричать на весь квартал, что есть мочи: "Лю-юди-и! Ешьте хлеб с маслом!" Можно рассказывать каждому встречному правду о грандиозном обмане с вымышленным висоратством. А можно заткнуть за пояс самоуверенную девицу, возомнившую о себе невесть что. Теперь бесстрашие — мое второе имя.

Кот не возвращался в общагу. Как ушел ночью, так пропал. Наверное, обхаживал очередную кошку. Я поменяла воду в миске, насыпала свежего корму и проверила, чтобы створка окна осталась открытой.

Потом приехал Мэл, и мы наскоро поужинали.

— О чем хотел поговорить? — вспомнила я, глядя на задумчивого Мэла. Он и утром не фонтанировал многословием, и сейчас.

— А-а, — махнул он вилкой. — Уже не помню.

Обиделся. Собирался пообедать вместе, а его вежливо отослали. Мол, есть дела поважнее, чем любимый человек.

— Гош, прости. Я учила крысу плавать. Надела спасжилет, показала, как нужно грести, а она вцепилась в решетку — не оторвать.

Мэл рассмеялся.

— Чем: зубами, лапами или хвостом?

— Всем. Обвилась как змея. Хоть выпиливай вместе с прутьями.

Настроение у Мэла улучшилось, и мы отправились на гонки. До места встречи на южной трассе добирались молча. В кармане спортивного костюма булькали флаконы со снадобьем, в сумочке лежала пачка висов. Я внимательно следила за водителем: как он нажимает на педали и переключает скорости, как показывает поворот и смотрит в зеркала, как обгоняет и встраивается в ряд машин, проскакивая перед встречкой. Тьфу, ерунда. Смогу не хуже.

Ближе к окраинам явственно потянуло гарью, и Мэл закрыл окна, включив кондиционер.

— Почему не перенесли в другое место? — поинтересовалась я, морща нос. Запах напомнил мне иллюзорное выкуривание в "Вулкано".

— Потому что заранее договариваются с местными властями, чтобы те не мешали. Бабло уплачено, нужные люди в теме. Отказываться будет дороже.

— Гош, а как записан мой номер у тебя в телефоне?

Придет же в голову идиотская мысль. Нужно разминать пальцы и вспоминать наставления инструктора, а меня интересует, как Мэл идентифицировал ряд цифр в списке контактов.

Он протянул телефон, не отрывая взгляда от дороги.

— Посмотри сама. Жми вверх, чтобы не листать долго. "Э" — твоя буква. Ты её хозяйка.

— То есть? — растерялась я. — Не знаю, удобно ли.

— Удобно, — заверил Мэл.

Третьим с конца в списке значилось единственное слово на "Э". Ежевика. Ни "Эвы", "Эвочки" или "Эвки", как иногда грубовато выражался Мэл.

— Это я, что ли? — Ну да, мой номер. И Мэл кивнул, подтверждая. — Но почему?

Какое-то непонятное обозначение. То ли кличка, то ли прозвище. Не имя и не ягода. Мутант.

— Потому что люблю ежевику, — пояснил Мэл. И правда, он мог зараз съесть ведро, благо ягоду продавали почти все лето. Единственное, что удерживало Мэла от обжорства — кусачая цена.

— У деда за домом есть ежевичник. Я приезжал и объедал кусты полностью, а через несколько дней ягоды снова назревали. Правда, стебли с шипами. Расслабишься и исколешь руки. В общем, как ввел твой номер, так в голову стукнуло, и написал.

Непонятно, разочаровалась я или нет. С другой стороны, "мой Гошик" — тоже не венец оригинальности.

И лишь позже, в гостях у самого старшего Мелёшина, когда мы с Мэлом забрались в

заросли ежевики, и, наклоняя веточки, снимали губами спелые гроздья, я поняла, почему он ассоциировал меня с этой ягодой. От обилия чувств собралась расплакаться, но Мэл утешил. Но это уже другая история.

Доверие, доставшееся потом и кровью, нужно бережно хранить.

Отголоски ураганного утра еще гуляют в голове Эвы, когда она притягивает Мэла за галстук — в короткой маечке, обнажившей полоску живота, растрепанная и босая. Поднимается на цыпочки и целует.

Мэл не против пообжиматься, но...

— Эвочка, я опаздываю, — просит умоляюще.

— Хорошо. Иди, — разрешает она с монаршим величием. Настоящая королева.

Мэл ухмыляется. Определенно, Эва пребывает в счастливом неведении относительно того, кто из них двоих повелитель, а кто — верноподданный. И он не собирается развенчивать наивное заблуждение. Но королева может быть только одна, и у неё есть привилегии, недозволенные прочим представительницам слабого пола.

Мэл не признавал самоуверенных баб. Категорически. Он привык быть хозяином положения и на дух не переносил, когда ему навязывали чужое мнение или пытались диктовать условия. Поэтому Мэл испытывал глухое раздражение, сталкиваясь с Ильмирой. Но это позже. А поначалу дочка дипломата заинтересовала — отчасти как азартный игрок, соревнующийся на равных, и отчасти как красивая женщина. Во втором случае интерес свелся к изучению узкобедрой спортивной фигуры, стройных ног с развитыми икрами, жгучей брюнетности и... на этом скончался. Мэл почуял нюхом — его подавляют. Им пытаются управлять.

Хватило участия в паре гонок и нескольких встреч на приемах, чтобы понять: Ильмира стремилась к лидерству любыми путями и уступала разве что в виде исключения, преследуя определенную цель. Она навешивала ценники на окружающий мир, живя по принципу: "всё продается и покупается". Самодостаточна: сильна, уверена, упорна, смела. Умна, в конце концов, и не скрывала интеллектуального превосходства.

Не то чтобы Мэл примерял к себе возможность отношений с южанкой. Открытия об её характере промелькнули в голове и вытиснулись прочими, более важными проблемами. Мэл завоевал своё, а другие могут идти лесом.

"Своё" — это Эвка, которая, смущаясь, заливается краской румянца. И с жадным любопытством слушает истории из библиотеки деда. И смотрит с восхищением и гордостью. Безгранично доверяет, но ревнует к каждому столбу. Податлива как пластилин и тверда как эбен. Соглашается: "Конечно, милый, как скажешь" и упрямится — бульдозером не сдвинешь. Или льнет, дрожа от страха в парке иллюзий. Шипит рассерженно и ластится, одаривая отражением полной луны в глазах.

Он стер номер Ильмиры и свел контакты к минимуму. На приемах обменивался общими фразами, не более. Гостья столицы провоцирует вызывающим платьем? Эка невидаль. Попялился как на редкий экспонат и пошел наматывать круги по залу под ручку с Эвой.

Поэтому Мэл удивился, обернувшись у "Турбы" на голос:

— Здравствуйте, Егор.

Красива, элегантна, гибка. В шляпе и с сумочкой на плече. Достояна быть первой леди государства. Поодаль — машина с дипломатическими номерами и личным шофером.

— Какими судьбами? Неужто чистая случайность? — поинтересовался вежливо Мэл.

Ильмира фыркнула.

— Конечно же, нет. Я ждала вас.

— Прощу извинить. Мне некогда, — он взялся за ручку дверцы.

— Давайте поговорим. Это не займет много времени. Не бойтесь, не съем я вас, — рассмеялась она.

— Получилось бы то еще зрелище. О чем речь?

— Вы обычно беседуете с дамами, дыша выхлопами в столичном бедламе? — помахала она рукой в перчатке, отгоняя от лица невидимые запахи. — Пригласите меня в кафе, — показала пальцем на противоположную сторону улицы.

Мэла охватило знакомое чувство раздражения.

— Ладно. Но недолго.

Он не стал подставлять локоть, чтобы помочь перейти дорогу. Ильмира попевала, стуча тонкими каблуками. Не семенила и не шагала как великан, а шла ровно и с достоинством, придерживая шляпу. Мэл по-джентльменски открыл дверь в заведение, пропуская даму вперед, к столику у окна. Официант помог ей сесть, а Мэл, утомлённый суестью законченного рабочего дня, плюхнулся на соседний стул.

— Не потребуется, — отозвал официанта, заметив, что Ильмира собирается сделать заказ.

Она не воспрепятствовала. Поставила локти на стол и положила подбородок на ладони, разглядывая спутника. Мэл уставился в окно. Здание напротив — контора компании, в которой он работал. На предпоследнем этаже. Интересно, пятое или шестое окно от угла? Никогда не задумывался.

— Я хочу вас, Егор. На одну ночь, не более. Кто выдохнется первым, тот проиграл. Ставка — желание.

Мэл даже моргать перестал и брови поднял. От изумления. И с минуту осмысливал услышанное.

— То есть вы... рассматриваете это как состязание? — спросил, некстати охрипнув.

— Во-первых, не "это", а секс. Не изображайте пуританина, скромность вам не идет. Во-вторых, обычный секс скучен, зато стимул заставляет выкладываться на двести процентов. Выиграете, и я выполню любое желание. Например, пройду голым по проспекту до Дома правительства, — понизила она голос. — Как вам предложение?

Мэл сглотнул. "У нее тонкие губы. Как изогнутый лук", — отметил машинально. — "А у Эвки полноватые. Нижняя больше верхней и ложбинка сверху".

— Нет, — покачал он головой. — Вы обратились не по адресу.

— Наоборот. Мы похожи. И у нас в крови гуляет один и тот же вирус. Адреналин, риск, азарт. Почему бы не попробовать что-то новенькое?

— Без меня, — отозвался Мэл, вставая, чтобы уйти.

— Из-за девочки, с которой живете? — поднялась Ильмира. — Храните ей верность? Внесу ясность. Я не собираюсь разбивать ваши отношения. Всего лишь предлагаю честное соревнование.

— Вот обрадуются те, кто ходит "налево", — усмехнулся Мэл. — Они могут оправдывать измены спортивным интересом. Планируете устраивать чемпионаты?

— Хотели уколоть? — улыбнулась спутница. — Не удалось. Мое предложение остается в силе. Вы достойный противник.

— Я польщен, — ответил сухо Мэл, открывая дверь, чтобы пропустить даму. Это было

самое короткое посещение кафе в его жизни.

Неожиданно искусительница прижалась к Мэлу, и ее губы оказались совсем близко. У его рта, если быть точным. И даровали вкус цитрусовых и мяты. А еще мягкость и властность поцелуя.

Мэл отстранился и убрал женскую руку с пояса.

— Не стоило, — сказал хмуро, оглядываясь по сторонам. Видел ли кто-нибудь? Напрасно он согласился на "серьезный" разговор. Трижды идиот. Повелся как пацан.

— Это аванс. Или анонс. Соглашайтесь, Егор. Не пожалеете.

Не ответив, он сбежал по ступенькам и направился к стоянке.

— Пойдите! — Ильмира бросилась через дорогу на красный сигнал светофора, искусно лавируя между мчавшимися машинами. Как и Мэл.

Догнала у "Турбы".

— Поделитесь нашим разговором с ней? — спросила, когда он открыл дверцу. — Будете честны с маленькой слепой девочкой?

— Да, — ответил Мэл, сжав кулак. Сейчас он свернет чью-то шею к чертям собачьим.

— Правильно. Доверие — основа любых отношений. И не забудьте рассказать об авансе. О том, что он понравился.

— С какого перепугу?

— Вы закрыли глаза, Егор. От удовольствия.

— Ты ошиблась, цыпа. Отвратительно сосеешься, — сказал он грубо. — Не переживай, я расскажу ей.

Ильмира наклонилась к окну, и треугольный вырез блузки показал, что она не надела бюстгальтер.

— Нет, Мэл, ты не скажешь, — усмехнулась, когда он отвернулся, окатив ее злобным взглядом. Злился, потому что засмотрелся на глубокое декольте. — Спорим! Если слепая девочка узнает от тебя о нашей дружеской встрече, я исполню любое желание. В противном случае придется мне заняться просвещением.

— Ты напрашиваешься. После agglutini^[14] губы разрезают под наркозом. Скальпелем, — процедил Мэл. — И вообще, зря стараешься. Эва — не ревнивая истеричка.

Но Ильмире, похоже, нравилось дергать тигра за усы. Угрозы раззадорили её.

— Успокойся, Мэл, — сказала она снисходительно. — Существует такое понятие как женская солидарность. Я промолчу о страстном поцелуе на пороге кафе. Но взамен выберу соревнование на свое усмотрение, и ты не откажешься.

— Черта с два! — взорвался он.

— Выбор за тобой. Даю неделю на укрепление доверия. Ты у меня в кармане, Мэ-эл, — пропела паршивка и вовремя отскочила от стартанувшей "Турбы".

Мэл долго успокаивался на набережной. Там, где когда-то укрывался с Эвой под одним зонтом, смотря на реку.

Конечно, он скажет Эве. Никаких проблем. Она поймет. Все мужчины слабы. Похотливые козлы. Мастера оправдываться и изворачиваться. "Я не ожидал, что она накинется"... "Эва, меня приперли к стенке"... или: "Офигенно красивая тёлка поцеловала меня, и я не отшвырнул ее как последнюю мразь".

Он поступит честно. Объяснит, как было дело, и Эва простит.

Доверие — хрупкая вещь.

Мэл так и не сказал. Не смог. Много разоткрывал рот, чтобы признаться, но вместо этого говорил о будничных вещах. И накручивал на себя. Разочарование Эвы снилось ночами. Однажды Мэл почти решился, но судьба отложила откровения на неопределенный срок.

Он позвонил нужному человеку в департаменте отца. Требовалось досье. Любая зацепка, чтобы прижать самонадеянную бабенку.

Информация потекла, но с трудом. Без конкретики. Неподтвержденные слухи. Деньги и имя дяди-нефтяного короля закрывали глаза любопытным и вымарывали факты из личного дела. Чему удивляться, если правительство зависело от финансовой поддержки сырьевого магната?

Осведомитель сообщал устно. Не скромница, но этим не удивить. В поисках приключений изъездила полмира. Изведала и испробовала всё, что заставляет надпочечники истово трудиться, вырабатывая адреналин. Якобы участвовала в запрещенных развлечениях и ритуалах — охоте на людей и человеческих жертвоприношениях. Руководствуясь азартом разбивала крепкие связи — дружеские и семейные, — любыми способами. И тешилась превращением близких людей в заклятых врагов.

Хладнокровная стерва. Ледяная. Адреналинозависимая. Привыкший организм требовал новые дозы гормона.

Парадокс. Почему-то Мэл сравнивал её с ядреным красным перцем. Попробовав такого, забываешь, как дышать, и кровь вскипает от немислимой остроты.

Он потер виски. Надо же, какая-то возомнившая зараза избрала его очередной мишенью. Не Мака или Дэна, а его. Потому что посчитала достойным противником. Ну, так ей обломится.

До конца недели есть время, и Мэл успеет признаться в том, что лопух. В конце концов, проблема не стоит выеденного яйца. Но южанка наплела что-то Эве на вчерашнем приеме, и просто так не отлипнет. Придется обращаться за советом к деду. Или к отцу. Еще посмотрим, чья возьмет.

Обычно в качестве трибун — насыпи или увалы с открытыми участками, чтобы дорога просматривалась издалека. Зрители оставляют автомобили, где придется, и рассасываются, облепляя склоны. Как в кинотеатре, жуют и пьют, начиная от прохладительных напитков и заканчивая алкогольными. Тут же крутятся букмекеры и принимают ставки. У машины, над которой реет национальный флаг — организаторская. Там раздают номера желающим. За участие в гонках нужно платить. Это так называемая рискованная касса, чтобы в случае схода с трассы заткнуть рты аварийным службам и обойтись без огласки. Как правило, в качестве стартовой и финишной площадки выбирают непопулярные направления — промышленные дороги или своротки к небольшим городкам. Чтобы чужие не мешали.

— А как выбирают маршрут? Какой-нибудь ушлый товарищ возьмет и заранее изучит трассу. Разве честно? — спросила я как-то у Мэла.

— Пусть изучает на здоровье. Все дороги показаны в атласе. Разница в том, в какую сторону стартовать — влево или вправо. А еще имеет значение день недели. С четверга уплотняется поток машин в столицу, а с понедельника по среду, наоборот, идет отток из города.

Мак приехал с двумя длинноногими подружками и, выгрузив их, направился к организаторам — получать номер. Дэн и я заняли места для зрителей, а Мэл уже вырисовывал краской пятерку на дверцах "Турбы". Значит, стартует в третьей паре.

— Ну и вонища. Только дыма не хватает, — сказал Дэн и улегся, подперев локоть. Природный уклон пологого склона позволил развалиться с комфортом.

Я промолчала, потому что наблюдала, как серебристый "Торнадо" парковался на гравийной отсыпке у обочины.

Ильмире необычайно шел белый костюм. Игра контрастов — смуглая брюнетка в светлом — привлекала к себе внимание. Спрыгнув с обочины, она оглядывала склон и болельщиков. Увидев меня, девица расцвела и показала кулак с большим пальцем вниз. Мол, сдаешься без боя?

Я ответила, перевернув её жест. "Во"! Не дождешься.

Южанка уселась гораздо ниже меня и Дэна. Со своего места я видела ее спину и черные как смоль волосы, собранные в безыскусный хвост. Какой-то парень надумал поклеиться к дочке дипломата, но она отвернулась в сторону участников и смотрела, как мой Мэл общался с приятелями.

А потом началась гонка. Машины стартовали парами, с разницей в десять секунд. Это время зачтется при финише. Зрители провожали своих фаворитов криками и свистом, многие размахивали флагами и дудели в специальные дудки.

Шум, суэта, рев двигателей — сегодня они не мучили уши и не нервировали меня. Я внимательно следила за стартом. Красивая девушка держала над головой плоский экран, на котором отсчитывались секунды. Когда счетчик обнулялся, очередная пара участников давила по газам, и машины в мгновение ока превращались в далекие точки. Им предстояло сделать пять кругов, затратив примерно час.

Когда трасса опустела, наступило затишье. Ильмира поднялась со своего места и перешла на противоположную сторону дороги. Наверное, решила предупредить организаторов о предстоящем десерте после основного блюда.

Мой телефон запиликал, и на экране высветился незнакомый номер. Звонок был долгожданным, но я решила, что мальчик на том конце ошибся номером, уж больно детским показался голос говорившего. Однако меня назвали по имени и попросили уточнить место встречи.

— Мы от Рыжего. Стоим под указателем. Куда сворачивать?

Выслушав, где находится дислокация, гонец от Алесса отключился. Я нетерпеливо поглядывала на дорогу, но не налево, откуда ожидалось появление участников, а в противоположную сторону. Ура! Заказанная мной машина подъехала, встав в сторонке, но на нее не обратили внимания, потому как мимо пронеслись автомобили участников, сделавших первый круг. Болельщики повскакивали с мест, приветствуя проезжавших.

— Да-вай! Да-вай!

— Жми, едрён батон! Сделай их!

— Антоха, газуй!

Вряд ли неизвестный Антоха услышал горячий лозунг. Гонщики промчались как ураган.

— Ты куда? — спросил Дэн, увидев, что я поднялась.

— Дело есть. Помоги, если не затруднит.

Посылку от Алесса доставили два парня. Машина с черно-желтым кузовом и с боевыми надписями на капоте и боках разве что не бороздила брюхом асфальт. Плавностью форм она напоминала "Турбу", имела низкий бампер и хищный разрез фар.

— Эва? — спросил парень, вылезший с водительского сиденья. По виду даже не парень, а юнец с неогрубевшим голосом, зато с приклатненными манерами.

— Да, это я.

— Принимай заказ, — кивнул он на машину.

Оба пацана щеголяли в шортах ниже колен, в мешковатых футболках навывпуск и в кепках задом наперед.

— Оппа, — сказал Дэн. — Ты, что ли, тачку берешь? Зачем?

— Зачем берут тачки? Чтобы ездить. Денис, помоги, пожалуйста. Нужно найти внешние дефекты, а то их "повесят" на меня.

Ошарашенный Дэн не стал отказываться. В четыре глаза мы обнаружили малозаметную вмятину на переднем крыле и несколько царапин на водительской дверце.

— Заметано, — кивнул курьер от Алесса. — Как откатаешься, звякни. Мы здесь потусим. По ходу, тут ништяк.

Машина оказалась двухместной. Я села за руль, Дэн занял сиденье рядом.

— Что за рухлядь? — спросил у парней. — Краденая?

— Шутишь? У нас доки на руках. Всё по закону.

Пока Дэн изучал бумаги, я завела машину. Двигатель взревел. Уау! Нога хоть сейчас готова вдавить педаль газа до упора. Полный бак, зеркала отрегулированы. Лети птицей к горизонту!

Парень, видя скепсис Дэна, нахвалил машину. Дескать, конструкция облегчена, новые покрышки обеспечивают максимальное сцепление с дорогой, увеличенные тормозные диски, антикрыло поставлено профессионалом, семьсот лошадок как на духу, разгоняется до сотни за три и две, ремень безопасности с шестью лентами плюс ряд других технических примочек.

— Сдай назад, а потом вперед, — велел Дэн и добавил, когда я выполнила маневр: —

Нога должна давить на газ или тормоз и никогда не висеть между педалями.

— Она не висела.

— Заметил. Поиграй поворотниками. Я посмотрю.

Мимо с ревом пронеслись машины, преодолевшие второй круг в гонках.

Дэн потребовал открыть капот и осмотрел внутренности.

— Чё стопоришь? Говорю же, всё по чину, — сказал развязно парень. — Понтовая тачка. И тесты прошла.

Дэн проглядел результаты диагностики.

— Где сляпали? — потряс листком.

— Обижает. Мы клиентов не кидаем. У нас без лапши, — оскорбился второй тип.

В итоге я расплатилась, отдав двадцать тысяч, и посыльный от Алесса бросил мне ключи. Обмен состоялся, и парни с вальяжным видом отправились "тусить" среди болельщиков.

— Мэл знает? — спросил Дэн, ставший свидетелем сделки.

— Нет.

Но скоро узнает. Я снова села в автомобиль, и пока Дэн раздумывал над моим неадекватным поведением, махом проглотила второй флакон настойки. На всякий случай, чтобы в неподходящий момент не согнуться от панического страха. У меня есть время, чтобы подружиться с машиной и стать с ней на "ты". Ведь сегодня нам предстоит вырвать победу.

Мэл не пришел ни первым, ни вторым, ни третьим. Выигрыш отхватил Макес, опалевший от неожиданного приза. Зато Мэл побил все рекорды по мрачности и суровому виду.

— Что это? — поинтересовался у Дэна, кивнув на машину за моей спиной.

— Сам спрашивай, — посторонился тот.

Ответом на вопрос стало объявление, сделанное организаторами. Зрителям предлагали не расходиться, а посмотреть на бонусную гонку с участием Ильмиры и... меня.

— Три стандартных круга. Готовность десять минут, — объявил парень в мегафон, и на темном экране побежали секунды.

Народ заволновался и закипел. Что такое? Зачем? В чем подвох? — бурлили голоса. А потом по массам прошла весть, что на трассе решили пободаться дочери высокопоставленных чиновников. И если Ильмиру успели узнать как отчаянную гонщицу, то мое имя в последнюю очередь ассоциировалось с быстрой ездой.

— Не понял. Ты собираешься... Ты. Собираешься. Участвовать?! — поразился Мэл.

— Собираюсь, — я направилась к машине.

— Постой-постой, — поспешил он следом. — Это шутка?

— Нет.

— Эва... Ничего не понимаю. Ты сядешь за руль и поедешь? По дороге?!

— Ну, конечно, — ответила я, заняв водительское место.

Мэл решил, что его разыгрывают, и высказался по существу. Мол, я и правил движения толком не знаю, и по трассе никогда не ездила, и плохо переношу большие скорости. И вообще, что за бред?

— Гош, время идет. Отойди и позволь мне закрыть дверь. Если я не встану на старте через восемь минут, то проиграю.

Мэл начал осознавать, что мое участие в соревновании более чем реально.

— Ага. Гонка, — потер лоб. — Но почему? Ильмира что-то рассказала? Не верь ей, Эва.

Она соврет и глазом не моргнет. Откажись!

— Нет, Мэл. Это пари.

— Черт! Неужели не понимаешь, что подписалась на самоубийство? Ты и ста метров не проедешь без аварии! погоди, у тебя зрачки вытянутые. Овальные. Ты что-то пила? Эва, что ты приняла? — затормошил он меня. — Отвечай!

— Настойку паратиры. Успокойся. Проеду как по маслу.

— Как по маслу?! — взвинулся Мэл. — Ты соображаешь, что говоришь? Сейчас я устрою этой козе хорошую жизнь!

Вскочив, он направился к Ильмире, чей автомобиль занял левую полосу у стартовой черты. Я же подъехала к организаторам. Колеса машины мгновенно откликнулись на малейший поворот руля, и мне понравилась высокая чувствительность рулевого управления и тормозов.

— Готова? — спросил парень, обычно вещавший в мегафон.

— Всегда готова, — ответила я и поклялась вслух, что во время гонки не задействую волны себе на пользу, а противнику — во вред. Хотя какой резон в клятве, если не вижу дурацкие гребни и впадины?

Тысяча висов переключалась в карман к организаторам для пополнения рискованной кассы. Зрители переговаривались и изучали меня и тачку от Алесса. Они не могли определиться, плюнуть им и отправиться в столицу или остаться и поглядеть на заявленное бабье состязание. Некоторые так и сделали, попросту уехав, и склоны поредели. А оставшиеся зеваки не торопились делать ставки.

Выполнив необходимый минимум дел, я повела машину к стартовой черте — туда, где стоял "Торнадо" южанки. Мэл общался с девицей весьма эмоционально и жестикулировал.

— Заметь, она сама выбрала способ пари. Никто не тянул за язык, — услышала я ответ Ильмиры, подъехав.

— Откажись от гонки, — потребовал Мэл. — Это смешно. Кому и что доказываешь?

— Почему смешно? Твоя подружка отнеслась к пари вполне серьезно. Я предложила, она поддержала.

— Когда-нибудь ты огребешься, — процедил он и повернулся ко мне с решительным видом. — Следовало давно сказать, а я не мог... Эва, несколько дней назад она подкараулила меня после работы...

— Подкараулила? — фыркнула Ильмира. — Мы встретились случайно. Как в кино.

— Подкараулила и сказала, что хочет поговорить по важному вопросу. Ну, и... внезапно поцеловала. Эва, это вышло случайно! Я бы врезал ей, но женщин не бью. Довольна? — обернулся он к смуглянке. — Теперь твоя очередь. Выполняй условия.

Та рассмеялась.

— Что поделаешь, я передумала спорить. Терпение — не моя черта, а ты не пошел навстречу. Так что я выбрала игру поинтереснее. В отличие от тебя, твоя подружка посчитала мое предложение актуальным. Не мешай. Дай нам развлечься.

Вот почему они общались на "ты". Вот почему в последнее время Мэл периодически впадал в задумчивость, витая где-то. Потому что они столкнулись, случайно или нет, и поцеловались. А может, дело не ограничилось поцелуями?

Наверное, в привычном состоянии меня бы потрясли слова Мэла о том, что он

встречался с девицей за моей спиной и скрыл сей факт. Да еще позволил поцеловать себя и... не оттолкнул, а наоборот, притянул южанку. Боже, в голову полезли бы картинки одна красочнее другой! Вместо гонок я сгоряча бы ринулась домой, чтобы собирать вещи и паковать чемоданы.

Но сегодня настойка паратиры булькала в ушах, и приобретенное бесстрашие подсказало мне, что Мэл, терзаясь раскаянием, мечтал повернуть время вспять. Он и подумать не мог, что случайная встреча с Ильмирой будет иметь последствия. Бессмысленно обвинять Мэла в неверности. Он, как и я, стал жертвой хитроумной стратегии, ибо дочка дипломата пошла в наступление по всем фронтам, обработав нас обоих. И теперь, посмеиваясь, наблюдала за реакцией.

Вместо того, чтобы ныть и виноватить Мэла, следовало зарядить хороший хук и вышибить барракуде зубешки, подготовив платформу для вставной челюсти.

— Если я выиграю, ты исчезнешь из моей жизни. Навсегда. Нам двоим тесно в одном городе.

— Не проблема, — усмехнулась Ильмира. — Хотя мне дышится прекрасно.

"Потому что я не обращаю внимания на мошкарю" — сказал ее взгляд. Она не воспринимала меня всерьез: ни как препятствие, ни как достойную соперницу. Чем могла ответить безбашенной экстремалке бледная поганка, не видящая волны?

— Эвка, я не разрешаю тебе, слышишь? — вклинился Мэл. — Ты сейчас же сядешь в "Турбу", и мы поедем домой.

— Нет, Гошик. Нужно закончить начатое. И, пожалуйста, больше не шали.

Он помрачнел и отвел взгляд. Слова, сказанные в замызганной кондейке "Вулкано" больше полугода назад, вернулись бумерангом. Тогда мой случайный поцелуй со случайным парнем из клуба подвел Мэла к пропасти, и он едва не совершил убийство. А сейчас мы поменялись местами. И пусть, соглашаясь на пари, я не знала о провокации девицы, признание Мэла подтвердило — это начало. Дочка дипломата не остановится, пока не разведет нас в разные стороны шантажом, лестью, обманом и интригами. Её заинтересовало, как долго выстоит пара "столичный принц + слепая мышка", и выдержат ли наши отношения проверку трудностями — ревностью, подозрениями, недоверием. Наверняка на нас с Мэлом уже сделаны ставки, и невидимые зрители ждут развития сюжета.

Мэл хмурился, кусая щеку изнутри. Щелк — на экране высветились цифры "6.0".

— Бесполезно переубеждать, да?

— Да. Впустую.

При всех различиях мы с Мэлом похожи в одном. И он, и я — редкостные ревнивцы и не остановимся ни перед чем, поскольку отравлены разрушающим чувством. Всё или ничего.

И Мэл понял это.

— Ладно, — согласился, прислушиваясь к своим мыслям. — Но при одном условии. Ты поедешь на "Турбе".

— Почему? У меня хорошая машина.

— Я не доверяю ей. А у "Турбы" максимальный уровень безопасности, она выдержит лобовое столкновение. Быстрее, если хочешь участвовать!

Рокировка произошла в считанные секунды. Машина Алесса заняла место на отсыпке, а "Турба" Мэла встала у стартовой черты.

— Так, температура в норме... Черт, бензина не хватит. Дэн, долей! — крикнул он, высунувшись.

Дэн подогнал свою машину и, засифонив шланг, начал сливать бензин из бака. К нему присоединился Макес.

— Помочь? — спросила Ильмира, наблюдая за суетой.

— Отвянь, — огрызнулся Мэл и вытащил из бардачка мятую квитанцию с пером.

— Запоминай, — сказал, чиркая на обратной стороне бумажки. — Это твоя трасса. Первый поворот, и ты попадешь на магистраль. Здесь двухстороннее движение, но встречные полосы разделены. Так что будешь обгонять только тех, кто едет с тобой в одном направлении. Затем свернешь вот здесь... Смотри, не пролети мимо. Дальше будет развязка. Ты должна попасть сюда, — провел он жирную косую черту. Тут самый трудный участок. Встречка и всего две полосы. Дальше, — он провел пунктирную линию, — идет небольшой участок с ремонтными работами. Снижай скорость заранее. Потом поворот, и опять дорога со встречной. Но там легче. Машины попадают нечасто. Последний поворот, и ты на финишной.

Под рукой Мэла вырисовался замкнутый контур, отдаленно напоминающий перекошенный параллелограмм.

— Нет, — скомкал он бумажку. — Я поеду с тобой.

— Исключено, — сказал Дэн, поднимаясь с корточек. — Правила запрещают.

На гонках катались в одиночку, чтобы избежать недоразумений и конфликтов. Если водитель, вцепившись в руль, видел только дорогу, то руки пассажира были свободны, и он мог бросить в машину соперника поражающее заклинание. Например, *lubrici*^[15] под колеса, обеспечив юз, или *pebuli*^[16], чтобы лишить обзора.

— Я поговорю с ними, — вскинулся Мэл. — Объясню, что Эвка ни разу не ездила по трассе.

— Некогда, — ответил Макес и, вынув шланг, закрутил крышку бензобака. — Осталась минута.

Мэл взъерошил волосы.

— Это же сумасшествие. Эва, что мы делаем? Ты вбила в голову очередную глупость, а я согласился. Наплюй на эту дрянь, — кивнул он в сторону серебристого "Торнадо".

— Не могу. Дело принципа.

Я села за руль "Турбы". Заняла место Мэла, а сам он устроился рядом. Странное ощущение. Обычно происходило наоборот, а сегодня получилось шиворот-навыворот.

Он испытывал похожие чувства:

— Никогда не сидел здесь. Непривычно.

Мэл споро отрегулировал высоту водительского сиденья с подголовником и пристегнул меня ремнями. Вынул из бардачка перчатки с обрезанными пальцами.

— Надень. Это гловелетты. Руки не потеют, и руль не проскальзывает.

Я завела двигатель и прислушалась.

— Мы не сработаемся. Надо ехать на той машине.

— Сработаетесь. Я обещаю. — Мэл погладил приборную панель и пристроил схему маршрута. — А насчет раскрашенного пугала... Папена, когда финишируешь, убегай от меня далеко и прячься. Зарывайся поглубже.

— Понятно, — кивнула согласно.

— Я заставлю рассказать всё — откуда взяла тачку, о чем вы поспорили, как тебе пришло в голову использовать паратиру... Главное, не спеши. Даже если проиграешь — плевать. Нет ничего важнее жизни. Слышишь?

Цифры на экране уменьшались. 31, 30, 29...

— Эвка, прости меня за поцелуй. Я не хотел, честно.

25, 24, 23...

— Гош, всё в порядке. Ты не виноват.

— Боюсь за тебя. Боюсь больше не увидеть. Мы с Дэном поедem следом. "Поведем" тебя.

— Ты не веришь, что я смогу, — констатировала очевидное.

Как поверить, если значок "трусиха из трусих" можно вешать мне на грудь? Но я должна поставить Ильмиру на место, иначе за ней придут другие.

Мэл взял мое лицо в ладони и крепко поцеловал.

18, 17, 16...

— Я поеду вместо тебя, — пришло ему в голову. — Вылезай!

— Того? — покрутила я пальцем у виска. — Это ты вылезай. И побыстрее. Мне нужно сосредоточиться.

Мэл неохотно выбрался из машины.

— Затонируй окна, — вспомнил он. — Когда свернешь на магистраль, ослепит солнце.... Не высовывайся целиком. Глянула и нырнула обратно... Между фурами не вклинивайся. Зажмут ради смеха...Что еще? Перед закрытыми притормаживай. На перекрестках снижайся... Черт! Эва, что ты творишь?

— Внимание! — проревел голос из мегафона. — Десять, девять, восемь...

Цифры уменьшались и на экране.

Я поглядела на соперницу. Она улыбнулась в ответ — снисходительной улыбкой человека, уверенного в победе. Ильмира не сомневалась, что финиширует, когда я едва-едва проползу первый круг. Если вообще смогу тронуться с места.

Темные стекла поднялись, отгораживая меня от Мэла и от южанки. Отгораживая от болельщиков, столпившихся у стартовой черты. Букмекеры скучали. Все ставки легли на победу дочки дипломата.

Я смогу. Я сумею. Я сделаю.

Четыре, три, два, один, ноль.

Педадь в пол.

Поехали.

Полетели.

Интеллект тени прогрессировал. Она изучала свои возможности в пределах материального мира, рассчитывая извлечь максимальную выгоду из примитивного четырехмерия. Большим достижением тени стал приобретенный иммунитет к искусственному освещению.

Тень мечтала о свободе. Однажды она надумала вырваться за пределы мирка, ставшего тюрьмой, и рванула вверх, в голубое море с белыми островами. Но чем выше забиралась тень, тем страннее себя чувствовала. Она становилась прозрачнее и слабее, пока не поняла, что еще чуть-чуть, и развеется, превратившись в небытие. От огорчения тень повернула обратно и упала в отражение небесной тверди с высоты нескольких тысяч километров. Поднявшаяся волна накрыла прибрежные районы, принесла разруху, гибель и эпидемии на затопленных территориях. Но тень об этом не узнала. Она пронеслась ракетой под водой и выстрелила пробкой в воздух неподалеку от гигантского ледяного поля.

Тень экспериментировала с физической оболочкой.

Маленький мальчик наблюдал с широко раскрытыми глазами, как груша выпала из блюда с фруктами и покатила по траве к дому, вскарабкалась по стене и исчезла на крыше.

Пьянчужка, привалившийся к баку с отходами, решил, что у него началась последняя стадия белой горячки. В углу, среди мусора и испражнений, видоизменялось, перетекая из одной формы в другую, ужасное существо ростом с крупную овчарку. Кривые саблеобразные зубы, склизкая пузырчатая кожа, красные провалы... глаз? — нет, пара раскаленных углей, черный дым из отверстий — носовых? ушных? "Прости, господи, за прегрешения мои" — забормотал пьяница, когда существо, уменьшившись в размерах, отрастило хвост, покрылось шерстью, окрасившейся в черный цвет, и стало похожим на... кота. Обыкновенного уличного кота, ошивающегося по помойкам и воюющего с соплеменниками. Впечатление портили витые рога, но они отвалились, и на их месте появились уши. На морде отросли вибриссы, а красные угли превратились в желтые глаза со зрачками. Существо подошло баку и, подняв лапу, провело когтями по металлу. Раздался противный скрежещущий звук, от которого заледенела кровь в жилах. Животное посмотрело на лапу и, довольное результатом, потрусил из подворотни на улицу. Пьянчужка, уставившись на продольные полосы, вспоровшие бак, словно перьевую подушку, поклялся себе, что завязывает. На сей раз окончательно.

Тень изучала двуногих. Оказалось, их немислимо много — маленьких, больших, молодых, старых, — умудрившихся занять доминирующее место в растительном и животном многообразии четырехмерия. Двуногие называли себя людьми или человеками, и, чтобы не запутаться, наделяли друг друга сочетаниями звуков, не несущими особой смысловой нагрузки. Тень пыталась развить речевой аппарат, чтобы воспроизводить человеческие голоса, но ей никак не удавалось наладить одновременную работу связок, губ, зубов, нижней челюсти, языка и нёба.

Одним из достижений тени стало установление контакта с человекой, которую надлежало опекать. Контакт состоялся, то тень едва не провалила миссию, забыв, что все живое в материальном мире делится по половым признакам на два вида, и на делении основан принцип размножения. Пришлось тени в срочном порядке конкретизировать свой пол.

Подопечная тени откликнулась на сочетание звуков: "Э.В.А" и делила место гнездования с двуногим. Частенько они на пару устраивали возню, идентифицированную тенью как тяга к появлению потомства.

Тень впервые испытала страх, когда незнакомая людиха уверенно заявила: "оно неживое". От волнения тень едва не выдала себя. В каком месте она просчиталась, создавая совершенную конструкцию? Физическая оболочка соответствовала, часовой механизм тикал, упругий мешок перерабатывал органику и расчленял на компоненты, присущие четырехмерию. Меха ритмично втягивали и выбрасывали использованный газ. Тень даже научилась мурлыкать и издавать гортанные мяукающие звуки, войдя в образ.

Она проследила за прозорливой двуногой и, забравшись в ее сознание, убедилась, что той нет дела до неживого существа. Это успокоило. А еще тень заметила, что за грудиной глазастой человеки, рядом с тикающим устройством пульсирует шарик бледно-голубого цвета. Что это за орган? Прежде тень не замечала у двуногих наличие оного. Может, она перешагнула на новый уровень развития?

Тень просканировала подшефную и обнаружила возле стучащего механизма похожий шарик с неустойчивой цветовой гаммой. Шарик переходил в возбужденное состояние и ослеплял быстро меняющейся палитрой красок, когда подопечная находилась с сожителем-двуногим, чей сферический орган пульсировал монохромно — черным и зеленым.

В принципе, тень приняла благосклонно присутствие двуногого в жизни Э.В.Ы. Правда не единожды пыталась вразумить, когда по его вине пестрый шарик подшефной покрывался серым налётом и замирал. Тень изобретала способы убеждения. Например, собиралась перегрызть одну из трубок в колесном устройстве, на котором перемещался двуногий. Или осыпать его телесную оболочку спорами ядовитых грибов. Или поменять местами слуховые и глазные отверстия. Но, забравшись в сознание своей подопечной, тень поняла, что наличествует единственная запретная зона, в которую не следует соваться. Это двуногий. Если он перестанет функционировать, погаснет и переливающийся шарик Э.В.Ы, по всем признакам являющийся наиважнейшим органом в теле каждого человека и, тем самым, отличающий живые организмы от неживых.

Тень считала своим долгом регулярно сканировать сознание подшефной и всех двуногих, появляющихся в поле зрения. Её озаботил раздрай, царивший в последнее время в сознании Э.В.Ы, и тень с легкостью выяснила причину. Шарик людихи, внесшей в существование подопечной негативные эмоции, когда-то был красным, но сейчас находился в стадии разложения, распространяя смрад и гниль.

"Устранять угрозу безопасности любой ценой" — вспомнила тень о непреложном завете и начала действовать.

Тень уцепилась за подвеску и раскачивалась, не зная, что выбрать. Она могла бы лишиться нахальную двуногую глазных яблок и бровей. Совсем. Наростила бы ровную молодую кожу, убрав глазницы. Или завязала бы узлами отростки на верхних конечностях, называемые пальцами. Или законсервировала бы в неподвижности все имеющиеся суставы и мышцы. Тень преуспела в создании метаморфоз. Но сейчас она находилась на перепутье. Дело в том, что эволюционируя, тень осваивала новые навыки и, в частности, училась хитрить и анализировать. Поэтому она болталась на подвеске и разглядывала будущее. В преддверии быстрой езды изменение физической оболочки двуногой выглядело бы странным, если учесть подозрения Э.В.Ы в причастности к метаморфозам трех человек, однажды ставших

причиной её отрицательных эмоций.

Тень могла бы внести коррективы в оболочку соперничающей двуногой во время быстрой езды, но суть не менялась. Угроза нормальному функционированию подшефной сохранялась, несмотря на блокировку отдельных зон серого вещества, отвечающих за страх. Э.В.Е не доставало навыков и опыта.

Поколебавшись, тень свалилась с подвески и переползла к другому колесному средству. Люди называли их машинами. Забравшись по резине на гладкую поверхность, нагретую небесным светилом, тень проникла в круглое отверстие под днищем машины и потекла по темному тоннелю.

Обычно тень трепетала, предвкушая быструю езду. Но раньше она выступала в роли пассажира, не интересуясь устройством колесного средства. Всё бывает в первый раз, — заключила философски тень, рассредотачиваясь по, как ей казалось, важным узлам. Здесь она будет получать команды и оберегать свою подопечную от напастей.

Оберегать не получалось. Машина тронулась, разогнавшись. Температура мгновенно возросла, детали и узлы вращались, давление размазывало по стенкам. Тень утратила контроль над ситуацией, потому что просчиталась, забравшись не туда. Следовало сгенерировать вторую голову у соперничающей человеки, и дело с концом, — проворчала тень и начала впитываться в кристаллическую решетку. Она просачивалась и текла, расползалась и растягивалась. Прикреплялась к междуузлиям. Заполняла пустоты. Срасталась.

Тень и сама удивилась своим способностям, хотя и утомилась. Она вступила в тесный симбиоз с колесным средством. Тень увидела пространство вокруг с помощью отражающих поверхностей и почувствовала воздушные потоки, создаваемые другими машинами. Она перевела на себя управление движением в четырехмерной системе координат, и быстрая езда привела её в неопишуемый восторг.

Две фуры идут параллельно, закрыв обе полосы.

Сигналю. Посторонитесь!

Волосатая рука высовывается из окна и показывает неприличный жест. Водилы ржут. Развлекаются. Им с высоты двух метров нипочем суетливая мелкотня.

Ухожу влево и вылетаю на газон, ускоряясь. Колеса вспахивают высохший дерн. Нырять обратно на дорогу, успевая вклиниться перед фурой. Вовремя, иначе "Турба" поцеловала бы высокий бетонный поребрик. Водилы сигналият, и я отвечаю их же жестом. Ну и вонища! Нечем дышать. Кружится голова от высокой концентрации угарного газа в воздухе. Можно бы закрыть окно, но мне необходимо слышать шорох шин, гудки автомобилей, рев двигателей. Так я лучше ориентируюсь.

На втором круге к горлу неожиданно подкатывает тошнота, и сердце толкается под ребра. Торможу. Дрожащими руками вливаю в себя последний флакон и жду, пока снадобье подействует.

Мэл уверял, мы сработаемся с "Турбой". Ан нет. Машина сопротивляется. Я чувствую, она ревнует и поэтому саботирует. Второй круг проезжаю глаже, чем первый, но недостаточно хорошо.

— Думаешь, она лучше меня? — произношу вслух. Выглядываю из-за автобуса и ныряю обратно. Мимо проносятся легковушки. Снова выглядываю и вылетаю на встречную полосу, газуя. В придачу к автобусу обгоняю парочку пикапов.

Что будет, если я проиграю? Мэл не дурак и не кинется добровольно в объятия южанки. Стало быть, она задействует хитроумные штучки из арсенала оболъщения и для верности зафиксирует процесс на фото или на видео. Чтобы продемонстрировать. Что тогда станет с нами? Сумеет ли сохранить и сберечь чувства? Смогу ли смотреть на Мэла прежними глазами? Однозначно, нет.

А вдруг дочка дипломата распробует общество Мэла и захочет прибрать его к рукам?

— Ей мало пассажирского места. Она захватит тебя полностью. И выживет Мэла. Или заставит избавиться от тебя.

Мои слова адресованы "Турбе". Смешно пугать машину, одушевляя неживой предмет, но мне остается только злиться.

Разрыв велик. Я отстаю от лидера.

Руки механически поворачивают руль, глаза смотрят в зеркала, ноги жмут на педали, а голова занята другим. Видно, не азартный я человек. Гонка не увлекла, не впрыснула адреналин в кровь. Еду как заводная игрушка, без искорки, без симпатии к асфальтированной ленте.

Мысли вертятся вокруг Мэла. Пусть не сразу, но ему хватило смелости признаться в случайном поцелуе. Смогла бы я быть честной в похожей ситуации? Промолчала бы или сказала правду?

Пару раз нахожусь в миге от точки невозврата: чудом проскальзываю между грузовиками и едва вписываюсь в поворот. Меня заносит и разворачивает практически на сто восемьдесят градусов.

На третьем круге что-то неуловимо меняется. Машина оживает. Она дышит вместе со мной. Вдруг осознаю, что мы понимаем друг друга с полумысли. Я вижу, как ходят поршни в цилиндрах двигателя, как проворачивается коленвал, передающий крутящий момент. Километры наматываются на ободы колес.

Кожей чувствую приближение встречных машин задолго до того, как они покажутся из-за поворота. Хладнокровно просчитываю и анализирую предстоящий маневр, как шахматист просчитывает партию на несколько ходов вперед. И ухожу на обочину. Обгоняю кавалькаду легковушек, бороздя правым боком по гравийке.

Взлетаю, и "Турба" летит со мной. Стрелой. Со скоростью света. Время затормаживается. Движение машин замедляется, воздух становится осязаемым. Уши закладывает.

Меня не покидает ощущение ирреальности. Словно мультфильм. Мир становится плоским, двухмерным. Мы прорезаем пространство вдвоем — я и "Турба".

Наверное, это и есть то самое состояние, которое испытывает Мэл, садясь за руль. Эйфория. Мгновения, когда ты бог.

— Надо было ехать следом, — пробормотал в сотый раз Мэл.

— Надо было забросить в багажник и увезти домой, — сказал Дэн, которому осточертело ныть товарища.

— Она же вылетит! Или вмажется. Или не впишется, — схватился за голову Мэл. — Это сумасшествие! Я за ней. Дай ключи.

— Остынь. Ведь прошла же первую точку.

— Первую любой идиот пройдет, — простонал Мэл.

Троица сидела на склоне. Мэл мял пальцы, а Мак забыл о подружках, с которыми

приехал на соревнование. Те расположились чуть ниже и явно скучали.

— Вторую прошли! — крикнул парень в мегафон.

Перед бонусной гонкой организаторы сократили число промежуточных точек, оставив четырех наблюдателей на ответственных перекрестках.

— Почему он смеется? — забеспокоился Мэл.

— Сейчас узнаю, — сказал Мак и перебежал через дорогу к организаторам.

— Ну?! — не сдержался Мэл, когда друг вернулся обратно.

Мак сел рядом.

— Она проскочила мимо, — ответил, посмеиваясь.

Дэн сдавленно фыркнул.

Итак, Эва проехала дальше, не свернув в нужном месте. То, о чем предупреждал Мэл.

— Пофиг. Зато прошла, — выдохнул он нервно.

Значит, вернулась и миновала вторую промежуточную точку, как полагается.

Когда из-за поворота показалось серебристое пятнышко, мало кто из зрителей удивился. Никто не вскакивал и не скандировал лозунги. Народ сидел и лениво обсуждал свои проблемы. Зато Мэл сорвался к обочине, прихватив бинокль.

— Ну, где же ты? — бормотал, вглядываясь в окуляры, и испытал невиданное облегчение, когда показался черный автомобиль. — Да!

Машины промчались мимо, и он вернулся к товарищам.

— Разница в полторы минуты, — заметил Мак.

— Ну и что? — возразил Дэн. — Ситуация меняется в любую секунду.

И то верно. В отличие от статичных треков, на которых гоняли по кругу, на трассе препятствия находились в постоянном движении: или "паровозик" из леговушек с большой компанией, собравшейся отдохнуть за городом, или грузовик с курами, или трейлер с прицепом, перевозящий автомобили, или трактор с сеном, или междугородний автобус, или груженные фуры. Игра случайностей.

На следующем круге случилось непредвиденное.

— За третьей точкой сход! — крикнул парень в мегафон, и Мэл вскочил. — Уточняю, за третьей — остановка.

Без сомнений, с Эвой что-то случилось, и она встала на обочине. Проколола колесо? Перегрелся двигатель? Шоркнула боком о встречу? Поплохело?

— Почему? — заметался Мэл. Нужно позвонить ей. Срочно!

Он трясущимися руками искал номер Эвы в телефоне, когда в мегафон провозгласили:

— Четвертая пройдена!

Мэл схватил бинокль и замер, всматриваясь вдаль. Из-за поворота показалась серебристая машина, а следом, с большой задержкой, вывернула "Турба".

— Три минуты пятьдесят секунд, — сказал Мак, когда гонщицы промчались мимо, и Мэл рухнул рядом с товарищами, вымотавшись от переживаний.

— Научил на мою голову! — вскинулся он.

— Причем здесь я? — удивился Мак.

— Во всем нужно подмечать хорошее, — заметил Дэн. — Можете водить поочередно. По четным числам — ты, по нечетным — она.

— Ну, уж нет! — сорвался Мэл. — Никогда! На километр не подпущу к рулю. Черт, черт! Угораздило же меня согласиться. Всё Эвкин синдром виноват.

— Какой синдром?

— Так, ерунда. Не обращай внимания.

— А что они не поделили? — поинтересовался Мак. — Нехило схлестнулись.

— Не что, а кого, — ответил Дэн и посмотрел на Мэла.

— Я бы с ней замутил, — сказал Мак, подразумевая южанку. — Но она меня в упор не видит. Теперь понятно, почему.

Мэл взглянул на друзей волком и ринулся вниз, к дороге. Потому что не сиделось. Не могло сидеть.

Третий и решающий круг дался сложнее всего. Мэл мерил обочину, вышагивая туда и обратно. После объявления о прохождении четвертой точки его внимание приклеилось к дороге. Солнце погружалось за горизонт. Теперь отчетливее, чем раньше, тянуло гарью, а по небу неслись рваные клочья серого дыма. Кое-кто из скучающей публики завязал лица платками на манер ковбоев. То тут, то там кашляли.

— Смотрите! — крикнул пацан в кепке задом наперед.

Мэл приклеился к биноклю. Черный автомобиль появился с большим заносом. Водитель едва справился с управлением, но вписался в поворот. И машина встала. Остановилась на трассе.

Мак спустился со склона, подошел и Дэн.

— Что она делает? — недоумевал Мэл. — Чего ждет? Давай же!

Зрители, уставшие в ожидании завершения девчачьей гонки, проявили ленивый интерес к финишным метрам.

Черная птица замерла на дороге, но мотор работал.

— Что-то произошло, — дернулся Мэл. — Дай ключи, я доеду до нее.

— погоди. Смотри, — ткнул Дэн локтем в бок.

Из-за поворота вывернуло серебристое пятнышко и понеслось вперед.

Черная птица не шелохнулась.

Мак отобрал бинокль и навел на дорогу.

— Эвка! — заорал Мэл, сложив ладони рупором. — Черт тебя подери! Жми на газ!

Публика оживилась. Концовка состязания обещала быть интересной.

Черная птица стояла, серебристая точка росла. "Торнадо" собирался финишировать с триумфом.

Мэл всматривался в "Турбу", показавшуюся издали незнакомой и чужой. Наверное, поменялось направление ветра, и за машиной увязался дым от лесных пожаров, волоочась шлейфом. Или горели крыши. Мэл проморгался. Привиделось, что фары сверкнули красным.

Черная птица тронулась — неохотно и неспешно, но уже через пару секунд взяла стремительный разгон.

Зрители заволновались и возбужденно зашумели, скатываясь со склонов к обочине.

Солнце, севшее на три четверти за горизонт, осветило картину гонки в неожиданном, апокалиптическом ракурсе. Мэлу вдруг почудилось, что на "Турбе" катится сам дьявол, и что в решетке радиатора плещется адово пламя, а из выхлопной трубы вырывается жирный смолянистый дым от костров, на которых варят грешников в кипящих котлах. Над черной птицей распростерлась тень от невидимых крыльев, накрывшая холмы. Мэл мог бы поклясться, что почувствовал, как вздрогнула земля, как она прогнулась не в силах выдержать того, кто недостойн белого света.

За спиной цветасто выругался Мак, и с ним согласились бы многие зрители. Демон на колесах догонял серебристую пичужку — неумолимо, неотвратимо. Преследовал коршуном, выставив наготове кинжальные когти.

Толпа в оцепенении наблюдала, как сокращалось расстояние, как оно пожиралось, истираясь. Под колесами адского крейсера расходился волнами асфальт, и мчавший к финишу серебристый светлячок тщетно убегал от неизбежного.

Пятьсот метров... Четыреста...

Друг за другом.

Триста...

Машины сравнялись.

Двести...

Идут вровень.

Сто...

Капот к капоту.

Пятьдесят... Тридцать...

Корпус "Турбы" выдвинулся вперед.

Серебристый светлячок выжимал остатки сил. Последний рывок, и вот она, финальная черта. Следом за черной птицей.

Некоторое время толпа обалдело смотрела на промчавшиеся машины, а потом взорвалась невообразимым гвалтом. Сегодня кто-то проигрался в пух, поставив не на того победителя.

— Твою ж-то ***, - выругался Дэн, смотря в бинокль, как тормозят участницы.

Мэл бросился было к "Турбе", но замер. Ни миг показалось, что за тонированными стеклами машины сидит робот. Или автомобиль пуст и едет по трассе сам по себе.

"Турба" остановилась, и у Мэла оборвалось сердце. Стекло медленно опустилось. Сейчас из салона выглянет красномордое чудище, сожравшее его Эжевику.

— Надеюсь, ты поставил на меня? — спросила самая что ни на есть настоящая Эва, выбираясь с водительского сиденья. — Ты видел? Видел?! Я смогла! Это было классно!

Он обнял её и целовал попеременно с ругательствами и угрозами — излупить, связать и запереть дома на неделю или нет, на год. Или навечно.

Двадцать тысяч за арендованную машину ухнули в бездну. Ну, и ладно. Зато я не попала в рабство к Алессу с возмещением убытков снадобьями, уворованными из института. Перед отъездом с места гонок незаметно бросила ключи курьеру от рыжего, и тот отсалютовал в ответ.

Победа вышла издевательской. Для Ильмиры.

Никакого мухлежа с волнами, как кое-кто пытался объяснить сенсационный финал. Клятва не позволила бы мне обмануть.

Машина Мэла стала легендой.

— Тачка из преисподней, — сказал Мак с уважением.

Я рассмеялась.

— Из той же серии, что гроб на колесиках и трамвай с номером 666?

Эти и другие похожие примеры рассматривались в теории потусторонних явлений, изученной на втором курсе.

Большинство зрителей решило, что адская феерия на финише получилась благодаря

техническим примочкам, коими напичкана машина Мэла. А хозяин "Турбы" вообразил, что я вступила с секту сатанистов и продала душу дьяволу. Хорошо, что кто-то из присутствующих снял конец гонки на телефон, и видео отправилось гулять по столице. На экране обычная машина, без рогов и копыт, неслась по предзакатной дороге, да и я убедила Мэла, что имела место галлюцинация.

— Вы бы еще хвост и трезубец пририсовали. Хором надышались гарью, а я отдувайся за ваши богатые фантазии.

— Эвка, но ведь ты выиграла, хотя значительно отставала. Как так? — продолжал сомневаться Мэл.

— А вот так. Открылось второе дыхание. Сам знаешь, каково на трассе. Адреналин хлещет через край. Твоя "Турба" сначала вела себя как принцесса, а потом расчухала, чем дело может кончиться, и настроилась на правильную волну.

— Она такая, — согласился Мэл. Ему понравился образный комплимент о наличии интеллекта у любименькой машинки. — А почему ты на финише тормознула? Ждала чего-то?

— Тормознула? — удивилась я. — Не припомню. У меня тогда в голове всё перепуталось. Думала только о победе.

Может, и тормознула. Допекла меня эта южная красавица. Под колесами путалась и мешала. Захотелось ткнуть ее носом в асфальт и хорошенько повозить до получения свиного пяточка.

Ко мне стали относиться по-другому. С уважением. С подобострастием. Со страхом. Кое-кто решил, что я нахожусь под патронажем темных сил. Пытались подкатить детки из компании, исповедующей "черную" висорику, но Мэл послал их куда подальше. После сенсационной победы в гонках он поначалу категорически запретил мне садиться за руль, но потом остыл.

— Хочешь получить права? — спросил, впрочем, без энтузиазма.

Я отказалась. Всё-таки водить машину — не моё. По лесопарковой зоне могу ездить, а на оживленной трассе без поддержки снадобья бесстрашия сразу же потеряюсь и сгину. Но "Турбе" сказала спасибо и погладила капот, когда Мэл отвернулся. Потому что, уверовала: мой синдром оказывает влияние и на неживые предметы.

Ни Мэл, ни его друзья не сделали ставок на мою победу в гонке. Сначала я расстроилась, но Мэл объяснил, что плохая примета — ставить на того, кто дорог, и он попросил товарищей не раскошелиться, чтобы не сглазить мою удачу. Может, присочинил, но я утешилась.

Мэл, как и пригрозил, выпытывал подробности.

О помощи Алесса я не сказала. Обронила невзначай, что арендовала машину в одном из пунктов проката. Зато поведала о тонкостях приготовления снадобья с паратирой. Кстати, хитрость с концентрированным бесстрашием в особо крупных размерах не прошла бесследно. Отдача скрутила меня в бараний рог. Несколько дней я боялась громких звуков и дрожала от любого резкого движения, забиваясь в уголок. Пришлось взять отгулы, чтобы в общежитской квартирке отходить от последствий смелости. Вдвоем с Котом мы лежали на диване и болели. Усатый тоже занемог. Наверное, его потрепали ревнивые соперники, которым надоела наглючая морда Кота, соблазнявшего наивных кошек. Мэл сказал, что мог бы попросить Севолода о помощи, чтобы облегчить отдачу, но решил, что мне полезно

помучиться.

— В следующий раз хорошенько подумаешь, прежде чем совершать безрассудства.

Жестокое воспитание, но Мэлу было отчего злиться.

Он допытывался о причинах пари с дочкой дипломата, но я отмалчивалась. И тогда Мэл поступил отвратительно. Он довел меня до крайней степени изнеможения.

— Эвочка, — спросил вкрадчиво, как библейский змей, — о чем ты поспорила с этой выдрой?

— Мэ-эл, — захныкала я. Какие могут быть разговоры на пике зашкаливающей страсти?

Но он не отступил, продолжая изводить ласками. Не знаю, почему не сорвался сам, наверное, заранее выпил снадобье холодного рассудка. И, конечно же, добился своего. В памяти совершенно не отложилось, когда и как я поведала заплетающимся языком о сути спора с Ильмирой. Наверное, болтала, устроившись на плече Мэла после пережитой бури.

Он выслушал и взбеленился. В нем засомневались. Ему не доверяли. Две бабь разыграли его как приз. Одна решила, что Мэл с легкостью поддастся, а другая с радостью поверила ей. Да над ним будет смеяться вся столица или уже хохочет в полный голос!

Мэл бушевал, возмущался и изливал праведный гнев. Но это позже, а в тот вечер, вернувшись домой, я спросила:

— Тебе понравилось целоваться с ней?

— Мы не целовались. Когда целуются, в этом принимают участие оба, — ответил раздраженно Мэл, намереваясь переодеться.

— Но ты сравнивал меня с ней и вспоминал ваш поцелуй, — не отставала я.

— Никого я не сравнивал и не вспоминал, — швырнул он футболку на кровать. — Выбирал подходящий момент, чтобы сказать тебе.

— И когда сказал бы?

— Не знаю. Не хотел расстраивать.

— Хорошо, если меня случайно поцелуют, тоже не буду расстраивать.

Мэл в два шага оказался рядом.

— На что намекаешь? Эвка, ты опять что-то задумала? Или... уже?!

— Отпусти, мне больно.

— С кем? Кто он?

— Я же сказала: "если поцелуют". Отпусти! Почему тебе можно, а мне нельзя?

— Потому что. Как можно сравнивать? Если бы я знал, ни за что не согласился бы на разговор с ней. И впредь буду умнее. А ты, похоже, хочешь назло мне использовать какого-нибудь простофилю.

— Вовсе не собиралась, — вскинула я бесстрашно голову. — Просто раздумывала вслух.

— Запомни, Эва, в "Вулкано" были цветочки. Не доводи до ягодок.

Мэл знал, о чем говорил. Он предупредил. Таким я увидела его впервые — в прищуре гуляли холод и мрак. Его зверь дал знать, взглянув на меня глазами Мэла. На мгновение показалось, что рядом стоит чужой человек.

Невольно взор сместился к его рту. Мэл целовался со смуглянкой и не оттолкнул ее. Значит, ему понравилось.

Он заметил направление взгляда.

— Поцелуй меня.

— Нет.

Мэл целовал дочку дипломата этими губами, а сейчас просит ответить ему тем же?! Я

не смогу. Ни за что.

— Значит, противно? — усмехнулся он и вдруг дернулся, порываясь схватить. Я увернулась, спасибо хорошей реакции.

Мы кружили вокруг кровати, и вдруг Мэл, коротко разбежавшись, перепрыгнул. Я кинулась во вторую комнату, но он поймал меня и повалил на диван. Со стороны наша борьба походила на возню влюбленных, но на самом деле шло настоящее сражение. Мы боролись молча. Я уворачивалась и сопротивлялась, а Мэл пытался поцеловать. Без шуток. Он подчинял и подавлял протест.

Сегодня впервые произошло не так, как обычно.

В полнолуния я набрасывалась на Мэла словно оголодавшая. В прочие дни и ночи хватало небольшой ласки, горячего взгляда или многозначительного намека, чтобы растопить и расплавить меня как воск. Но сейчас я воевала до последнего — и с Мэлом, и с собой. И даже когда он умудрился стянуть с меня штаны и нижнее белье, брыкалась, кусалась, пинаясь. И когда прижал весом, пригвоздив мои руки, избегала его рта. И когда начал двигаться, глубоко и часто, — сопротивлялась. И подавила сорвавшийся стон, опалив торжествующего Мэла гневным взглядом.

Удовольствие вышло болезненно-острым, и тело предало меня, прижавшись к Мэлу. Он измучил, целуя. Заставил задыхаться от нехватки кислорода.

Следующим утром отражение в зеркале показало опухший рот и темные следы на шее и на груди.

— Теперь видишь, что значит целоваться? — сказал Мэл, подойдя сзади и обняв.

Вижу. Губы нещадно ныли.

— Запоминай, как бывает, когда целуются оба. Если забудешь, напомню. Мне не трудно, — подмигнул он и, шлепнув меня по пятой точке, отправился на работу.

Ильмира проиграла, не потеряв достоинства. По крайней мере, внешне. Однако она узнала номер моего телефона и позвонила, попросив о последнем разговоре, но я категорически отказалась и напомнила об условии пари.

Дочка дипломата сдержала слово. Она уехала за границу и спустя полгода вышла замуж за какого-то магната, навязанного дядей-нефтяным королем. Брак по необходимости продлился недолго. В поисках приключений экстремалка организовала экспедицию в высокогорный край, где по легендам находился вход в мир демонов и духов. Экспедиционный лагерь накрыло снежной лавиной, и тела смельчаков так и не нашли. Горы стали им вечным памятником.

А я порадовалась тому, что умею бояться.

Эва умела удивлять. Да что там, она изумляла непредсказуемостью. С виду тихоня, но далеко не проста.

Как горное озеро. В прозрачной воде различим каждый камушек, но близость дна обманчива. Кажется, руку протяни и дотронешься, а на самом деле можно захлебнуться и утонуть.

Мэл ни на грамм не поверил в Эвкино вранье.

Машина, взятая в прокате. Он, что, похож на лопуха? Такие тачки напрокат не дают. Мэл запомнил пацанов, что уехали с гонок на транспорте, "арендованном" Эвой, и пробил номер автомобиля через знакомого. Выяснилось, что документы в порядке, пацаны — курьеры, а точнее, посредники. Машина числилась за закрытым гоночным клубом. Всё законно, но в цепочке "Эва — посредники — клуб" имелись пробелы. Владельцы клуба об Эве — ни сном, ни духом. Значит, она сделала непосредственный заказ кому-то, кто остался в тени. Потрясти бы пацанов, но те как в воду канули. Растворились.

Ох, Эва, Эва... Голова бедовая. Кто её снабжает? Снадобьями, изменяющими голос, спортивными тачками... Нужно следить за ней пристальнее и на всякий случай прочитать лекцию о том, почему опасно водить знакомства с мутными личностями, и чем чреватые подозрительные деловые связи для дочери министра экономики. Эх, с телохранителями всё-таки было спокойнее.

А гонка с Ильмирой? Мэл еще не тронулся умом, чтобы поверить в галлюцинацию на финише. Он видел то, что видел. Как Эве удалось? Ведь у неё нулевые потенциалы. Наглухо нулевые.

Он колебался. Посоветоваться ли с дедом? Однажды Мэл рассказал ему о синдроме. Тогда дед выслушал теорию о необычных способностях Эвы и сказал:

— Настоящая фамилия её матери не скажет тебе ни о чем, а мне она хорошо знакома. Есть у меня подозрение, но для пущей уверенности нужно найти её родословную. Появятся результаты — сообщу.

Дед поставил перед собой трудновыполнимую задачу. Вся информация о побежденных в гражданской войне и сосланных на западное побережье сосредоточилась в секретных архивах департаментов и министерств в разрозненном виде. Данные собирались по крупицам и кропотливо складывались в сложный пазл.

Мэл приглядывался к Эве. Искал странности, неадекватности в поведении — и не находил. Смотрел в глаза и выискивал в их глубине ответ на мучивший вопрос: а так ли хорошо он знает Эву? Она оставалась запертым ящичком, полным тайн и загадок. И одну из них, сама того не подозревая, вытащила на свет южанка, пронесшаяся метеором по отношениям Мэла и Эвы.

Мак тоже не верил. Он долго не мог успокоиться после девчачьего состязания, о котором гудела столица.

— Слушай, может, у твоей "Турбы" есть душа? Такое бывает. Читал?

Конечно, читал. Теорию, согласно которой человеческие души после смерти якобы могут попасть в неживые предметы. А другая теория гласила, что электромагнитное поле работающих приборов "оживляло" их, наделяя самостоятельным интеллектом.

— Ну, да, — ответил скептически Мэл. — Странно, что душа проявилась, когда Эва села за руль. А где эта душа пряталась раньше? И после гонок пропала.

— Потому что это женская душа! — осенило друга. — Взяла и показалась. Женщина-машина поддержала на трассе женщину-водителя. Каково?

— А мне, значит, не показывается. Почему? — спросил с ехидцей Мэл.

— А зачем? Ей с тобой хорошо. Кайфово. Панель поглаживаешь, капот полируешь. Вот и не высовывается.

Мэл сплюнул. Достали уже. Он потирал кулаки, пытаясь вычислить сплетников, распространяющих слухи кое о чем в трио "Эва+Мэл+Ильмира", и не собирался выслушивать сумасшедшие фантазии кое о чем с ожившей и влюбленной тачкой. Во бред!

Эва, которой тоже не давали покоя гуляющие рассказы о поддержке темных сил, выдвинула свою гипотезу: мол, её синдром влияет и на неживые предметы, имеющие сложную конструкцию. И привела в качестве примера умолкший институтский горн.

Мэл полюбопытствовал у деда, возможно ли такое.

— Интересное предположение, — ответил тот. — Дай время обдумать, посоветоваться со знающими людьми.

А вскоре подозрения вылетели из головы Мэла, потому что будни никто не отменял.

Первого сентября стартовал осенний семестр, и неожиданно выяснилось, что на пороге стоит последний год обучения. Точнее, не выяснилось, а осозналось, когда в распахнутые парадные двери потекли робкие первокурсники и матерые выпускники, запрудив институтский холл. Мэл заранее отнес в деканат заявление о самостоятельном изучении лекционного и практического материала, который будет пропущен по причине подработки.

— Почему без дамы? — спросил Дэн, когда утром, за завтраком в столовой, Мэл рухнул рядом — раздраженный и не в духе.

— Потому, — отрезал мрачно.

— И цертаму пропустил, — добавил Мак. — Вчера разыгрывали certus exempu^[17]. Нашлись дела поважнее?

— Нашлись, — ответил желчно Мэл. — Подбирать шторы в тон обоям.

Мак закхыкал.

— Вот ведь бабье, — пробурчал Мэл. — Целый день мотались по магазинам. Объездили город вдоль и поперек.

— Удачно?

— Очень! — взвинулся Мэл. — То полоски не под тем углом, то цветочки крупные, то ткань тонкая, то мнется, то колется, то тяжелая, и её любимый котик-обормотик не сможет запрыгнуть на подоконник. Тьфу!

— А я предупреждал, — ухмыльнулся Мак, играя вилкой. — Бабы — зло. Она тебя подмяла. Сказала: "цыц", и ты поджал лапки как дрессированный.

— Ну да, зло, — протянул Дэн. — Давай, договаривай до конца. Дыма без огня не бывает.

— Какой дым? — удивился искренне Мак. — Веревки вьет, вот и весь сказ.

— Это потому что ты не вникал в женскую психологию, — ответил Дэн и обратился к Мэлу: — Она обиделась?

— Было малость, — ответил тот неохотно. — Разве я виноват, что у нее кулебяка не получилась? Так и сказал. Врать мне, что ли, если тесто сырое, и начинка пересолена? Сказал бы, что вкусно, пришлось бы съесть.

Дэн посмотрел с таким видом, будто перед ним сидел бесконечно большой аутизмом человек, с которого нечего взять и ругать — грех.

— Она старалась, пекла?

— Ну-у... старалась.

— Хотела сделать тебе приятное?

— Ну-у... хотела, — признал хмуро Мэл. Ему не нравилось, что друг в точности повторял слова Эвы, прежде чем она расплакалась.

— А ты залепил в лоб, что неумеха, и лучше бы ей к плите не лезть, потому что тебе хочется остаться живым и здоровым.

— Не так. Вернее, не совсем так.

— И чему удивляешься? — развел руками Дэн. — Помирились?

— Нет. Молчит, словно воды в рот набрала. Я и так, и эдак — ничего не помогает. Цветы купил, а она выбросила. Раньше мы как-то... быстрее приходили пониманию. А сейчас... — вздохнул он, недоговорив.

Да, самоуверенность подвела Мэла. "Подумаешь, обиделась. В постельке помиримся", — решил он, сболтнув грубость. Но Эвка молча взяла подушку и ушла спать на диван. Впервые. После того, как проплакалась на кухне. И ведь уверяла, что ей нравится, когда тесно, — поджал он губы, ворочаясь в кровати без сна. Но сегодня не тот случай, чтобы принуждать, как вечером после знаменательной гонки. Тогда они оба вошли в раж, каждый по-своему. Тогда Эва не отказывалась, он чувствовал это. Бесстрашно упрячилась, но, сопротивляясь, тянулась к нему и опьяняла как ледяное шампанское, исходящее пузырьками газа.

А сейчас между ними выросла стена. И ведь попросил прощения, покаялся, можно сказать, а не помогло. Её задели обидные слова, которые не замазать никаким извинением. И цветы выбросила, за которыми съездил Мэл. Мчался, сломя голову, на "Турбе", до ближайшего киоска, а она открыла створку и выкинула букет... как их?... стрелиций! — в окно.

Он психанул. Недостаточно извинений? Что еще нужно? Ах, выбрать шторы на кухню, чтобы в тон? Ну, так выберем, как изволите.

Эва изволила терроризировать. Немногословно. Говорила: "Здесь нет того, что мне хочется", и они отправлялись дальше. В промежутке пообедали молча в кафе, и Эва избегала встречаться взглядом. А потом поехали в следующий магазин. И в следующий. И в следующий.

"Ладно, — усмехнулся Мэл. — Поглядим, кто кого возьмет измором". И терпел, терпел. Изображал равнодушие к попыткам Эвы вывести его из равновесия. Шторы они так и не купили, и Эва опять спала на диване. Черт те что и сбоку бантик. Её бойкот начал надоедать. Мэл вдруг понял, что соскучился по ноге, брошенной на него, по облаку темно-русых волос на подушке, по легкому поцелую спросонья.

— Почему не собираешься? — спросил утром понедельника. — Если опоздаешь, лекции не отменят.

— Позавтракаю здесь, — ответила Эва бесцветно.

Здесь, так здесь. Мэл ушел, хлопнув дверью, в надежде, что она очнулась, подскочив от громкого звука.

— Сегодня опять поедем выбирать шторы, — заключил кисло Мэл.

— Ну, и стоило вешать хомут на шею? — хмыкнул Мак. — Куда проще — вечером

привел тёлку домой, утром дал денег на такси. Никаких проблем. Она не пытается накормить сырой... чем?

— Кулебякой...

— Ага. Кулебякой. Не строит тебя по струнке и не заставляет маршировать по свистку. Ты сам выбираешь, что хочешь. Сегодня блондинка, завтра брюнетка. Сегодня футболка, завтра майка. Легко. И не нужно спрашивать разрешение. Зачем усложнять себе жизнь?

Мэл откинулся на стуле. Хотел ответить, но зазвонил телефон. Он взглянул на экран и подобрался.

— Да, — ответил недовольно и выслушал говорящего. На лице проступила крайняя растерянность. — Эвочка, миленькая, что случилось?... Ну, конечно... Где ты?... Я сейчас. Дождись!

— Эй, где пожар? — крикнул Мак вслед товарищу, который ринулся из столовой, забыв о нетронутых тарелках на подносе.

— Где-где? — проворчал Дэн. — Понесся мириться. А ты спрашивал, зачем усложнять жизнь.

Мэл припустил в общагу, где его встретила Эва. Неодетая, непричесанная. Зареванная. "Скоро звонок, а ты не собралась", — открыл он рот, чтобы сказать, но Эва не позволила. Вцепилась в него. Обняла, обхватила. Приклеилась.

— Прости, Гошик, — всхлипывала, размазывая слезы по щекам.

— Эвочка... Ну, не плачь... Ты плачешь, а у меня внутренности наизнанку выворачиваются... Эвочка, пожалуйста...

— Я злая. Жестокая... Не могу больше...

— Это ты прости меня. Я не хотел. Не подумал...

Ох, каким вышло примирение! Тянущим, нежно-томительным. Сладким. Нетерпеливо-жадным. Тут же, на паласе. Страсть, растертая с марципаном и посыпанная шоколадной пудрой.

Таки они опоздали на первую лекцию. И по дороге в институт останавливались через каждые два шага, чтобы поцеловаться, наплевав на репортёров.

Сдались эти шторы. Лучше пойти в кино с иллюзиями, на места в последнем ряду. Верно?

Сентябрь разгорался. Первая половина дня проходила в лекциях, затем Мэл уезжал на работу, а Эва отправлялась на индивидуальные занятия и не забывала о должности младшего лаборанта. Вечером Мэл по заведенному порядку заходил за ней в институт.

Последний выпускной курс начался для него в непривычном статусе. Если в прежние годы Мэл с приятелями, заняв постамент у святого Списуила, выглядывал симпатичных первокурсниц и смущал их непристойными предложениями, то теперь парни развлекались без него. Мэл снисходительно посматривал на робеющих новичков, скользя лениво по лицам. Девчонки трепетали и бросали взгляды — кто застенчиво, кто посмелее. Шушукались.

"Ах, это тот самый"...

"Сын начальника двух Департаментов"...

"О них все говорят. Видела последние фотки в газете?"...

"Необычная пара. Живут вместе"...

"Подумаешь!"...

"Не сходят с верхних строчек рейтинга"...

"А она не видит, представляешь? И учится здесь!"...

"Симпатичный"...

"Будешь таращиться, она отдаст твою душу дьяволу. Опасная штучка. Слышала, как обошлась с той девчонкой? Нет?! Об этом до сих пор гудят. А та всего лишь сказала ему "привет"..."

"Наверное, он ей должен. Или приворожила его. Надо же, такой красавчик — и со слепой"...

Мэл лишь крепче обнимал Эву и посматривал на сплетников насмешливо и высокомерно.

Элитный столик в столовой так и остался обособленным. Правда, на третий день от начала учебы два зеленых первокурсника заняли угол по незнанию, но Мэл посмотрел на новеньких ласково, а с соседних столиков предостерегающе зашикали, и юнцы поспешно ретировались.

Начались занятия — возобновились лекции по символистике. Мэл поначалу пребывал в напряжении. Казалось бы, и препод теперь несвободен, и Эва благополучно отработала летом лаборанткой, не сталкиваясь лицом к лицу с Вулфу, и обострения в полнолуние протекали легче, а все равно Мэл не доверял профессору. Тому в любой момент могла наскучить человеческая подружка, а единственная и ненаглядная сидела тут же, под носом, на верхнем ряду.

Но хромой жизнь не осложнял. Материал читал в прежнем ритме, на Эву внимания не обращал. Она теперь не требовала обязательную порцию объятий после каждой лекции, хотя сидела на занятиях задумчивая. А может, Мэлу казалось, а на самом деле Эва внимательно слушала и усваивала.

Как-то она вспомнила о чемпионе. Жалостливо вспомнила, мол, каково ему в чужом краю, без поддержки родных. Сдал ли он сессию и шагнул ли в четвертый год обучения?

Мэл хотел ответить, как есть на духу, но зубами скрипнул и промолчал. Пусть остается в неведении относительно Рябушкина и его простодушия. Знала бы Эва, каким подлым человеком оказался спортсменчик, плевалась бы при упоминании его имени.

Мэл встретился с крепышом-коротышом перед его отъездом на север. Встретился, чтобы поговорить по-мужски и спросить, глядя глаза в глаза: "Зачем ты, гнида, подставил мою женщину?"

Приехал домой к Рябушкину, вызвал на лестничную клетку и спросил. Для усиления эффекта пришлось создать deformi^[18], потому что тот вздумал хорохориться.

И чемпион поведал. Стыдился, краснел, бекал, но выдал сумбурно.

Собственно, Мэл не удивился. Простодушный Рябушкин влип по самое не хочу, связавшись с элитными детками. "Девушка" Петруши — дочка второго замминистра финансов — тянула из своего ухажера денежки как пылесос. На редкость легкомысленная особа со своеобразными понятиями о девичьей скромности. Она же затащила спортсмена в мир подпольных азартных игр. Наивный товарищ верил, что олимп близок, как и блестящее будущее. Рябушкин начал участвовать в нелегальных боях. Ему везло, он выходил из потасовок без серьезных повреждений — переломов и внутренних разрывов. А еще чемпион быстро подсел на халявные деньги. За игорным столом через его руки проходили фантастические суммы. Рябушкин мог выиграть за ночь до сорока штукарей и потерять не меньше. Но однажды он проигрался. Долг в пятьдесят тысяч висоров завис дамокловым

мечом, грозившим опуститься в любое мгновение. Проценты росли.

"К этому и шло", — подумал Мэл, слушая сбивчивый рассказ. — "Лопуха попросту развели".

Отчаявшемуся Рябушкину предложили простить долг. Достаточно устроить так, чтобы замаралась фамилия студентки и хорошей знакомой Папены Эвы в каком-нибудь грязном дельце. Поначалу опешивший спортсмен категорически отказался, но что делать, если с него требовали уже семьдесят тысяч? Сам Рябушкин мог вернуть деньги, разве что продав себя на органы. Ну, и прихватив семью в придачу, о чем пригрозили кредиторы.

И чемпиончик решился. Нагрязнул в общежитие к Эве, придумав повод: просьбу о помощи с личным делом. На следующий день Мэл встретил крепыша и предупредил: "Без спросу подойдешь к Эве, поставлю на костыли". Он и не догадывался, что рука спортсмена сжимала в кармане полосатую резинку для волос, а в голове прокручивался сценарий будущего преступления.

— Гад! — не сдержался Мэл и, сбросив заклинание, заехал рассказчику по скуле. — Она ведь была твоей девушкой. Как ты мог?

Рябушкин смог. Потому что испугался за родных.

— Это страшные люди.... Они продемонстрировали... наглядно, — проблеял крепыш. — А Эве-то что? Отец отмазал бы её, мне так сказали.

И Мэл заехал кулаком во второй раз.

Сценарий был таков. На ночь чемпион оставил артефакт в спортзальной раздевалке, а на следующее утро вынес бы раритетную вещь из института и подкинул в чуланчик Эвы. Ему пообещали вскрыть замок в комнатухе на первом этаже общаги, пока студенчество на занятиях.

— Об остальном не волнуйся, — утешили кредиторы. — Твоё дело — маленькое. Вынес и радуйся, что долг покрыт.

Зато Мэл живо представил продолжение истории. Разгорелся бы нешуточный скандал. Поди ж догадайся, где находится украденный артефакт. Эва собрала пожитки и думать забыла о комнатухе. Резинка для волос на месте преступления — достаточная улика, чтобы сыщики ринулись в общагу для обыска. Началась бы кутерьма. Наверняка подкупленные репортеры ждали условного сигнала на низком старте.

Но Рябушкину не повезло. Во-первых, Стопятнадцатый пришел в институт не вовремя и поднял тревогу. Во-вторых, Монтеморт при выходе схватил с полочным, чего спортсмен никак не ожидал. Он же своими глазами видел библиотечные книги в комнате Эвы!

— Я бы с радостью убил тебя, но ты мне нужен живым. Продолжай, — процедил Мэл, потирая кулак. Оба чемпионских глаза заплывали фингалами.

Рябушкин поведал о тех, то предложил подставить Эву. Поведал об игорных клубах, где бывал, о людях, которым должен. О том, как от беспросветного отчаяния съездил к полуслепой бабуле, живущей в пригороде, и украл кое-какие антикварные вещицы и шкатулку со скромными фамильными украшениями, чтобы расплатиться с долгом. Как ни странно, спортсменчик не сожалел, что его угораздило связаться с дочкой второго замминистра финансов.

— Она не такая, — опроверг, когда Мэл попытался рассказать об истинном характере девицы.

Ладно, болезных умом не калечат. Эвкин синдром и так превратил человека в морального урод. Пусть едет на все четыре стороны подальше от столицы. И забудет об Эве.

Навсегда. Ведь забудет?

Рябушкин поклялся.

Мэл задумался. Спортсмена явно подставили. Раскрутили на немалые деньги и кинули. Кому помешала Эва?

Он обратился к деду, а тот — к отцу. Детство какое-то, но Мэл не мог переступить через себя. Общался с родителем официально, по-деловому.

Подозреваемых прощупывали осторожно, чтобы не спугнуть, а потом взяли скопом. И понеслось. Допросы, дознания, очные ставки, глубинный гипноз, сканирование памяти.

Дернули паутину, и потянулись нити к Влашкеу и к Мелёшину-старшему. К их альянсу. А предысторией стали полиморфные способности Эвы.

Подслушанный ею разговор в Моццо о том, что бывший начальник Первого департамента собирается бежать за границу, Мэл передал деду, а тот — отцу. Кузьму и его подельников арестовали, доступ к счетам перекрыли. Переведенные за бугор денежные средства министерство экономики вернуло в государственную казну, заполучив похвалу премьер-министра. Но кое-кто из сторонников Кузьмы схоронился на свободе и решил отомстить, для начала передав "привет" через Эву. Дочь-воровка министра экономики ославила бы отца на всю страну со всеми вытекающими последствиями.

Так что Эва, того не зная, находилась в шаге от катастрофы, виновником которой стал её бывший парень Петруша. Хотя Мэл не сомневался, что пацифизм Эвы оправдал бы предательство чемпиончика. "Петя ни в чем не виноват. Он — жертва обстоятельств. Его заставили, бедняжку" — сказала бы она. Тьфу.

А вскоре подозрения о тайнах Эвы и подавно отступили на дальний план, потому что возникла другая, реальная проблема. Угроза спокойствию. Угроза стародавней дружбе.

У Мака приключилась днюха. А для днюхи лучшего места, чем "Вулкано", не найти.

— Стареешь, друг, — похлопал Мэл друга по плечу. — Еще годок накинул.

— И не говори, — ухмыльнулся тот. — Сделал шажок навстречу старости.

Мак удивил. Во-первых, при наличии большой компании желающих отметить день рождения, именинник появился без подружки. Во-вторых, Мак... смысл пестроту с головы.

— Заболел? — спросил Дэн, прибывший на праздник с длинноногой тёлкой.

— Выздоровел, — ответил Мак, посмеиваясь.

Эва пялилась на него как на чудо расчудесное.

— Я и не знала, что ты блондин. Думала, наоборот, обесцвечиваешь волосы.

— Разочарована?

Она бросила растерянный взгляд на Мэла.

— Нет. Необычно выглядишь без темных пёрышек. Нужно привыкнуть.

В разгар веселья быстрая музыка сменилась медленной мелодией, и Мак протянул руку Эве:

— Потанцуем? — и обратился к Мэлу: — Можно?

— Без проблем, — разрешил тот великодушно, и парочка отправилась в круг. Эва выглядела смущенной.

Мэл вернулся к столу, а Дэн оставил свою подружку и сел рядом.

— Классная днюха, — заметил, глядя на танцевальный круг.

— Мак по-другому не умеет. Не мелочится на развлечениях.

Помолчали.

Мэл потягивал коктейль и смотрел на танцпол. Хороший медляк. И Эвка танцует с лучшим другом.

— Конечно, не мое дело, но... Мак, похоже, того, — сказал вдруг Дэн.

— Что "того"? — спросил Мэл, сделав глоток коктейля и наблюдая за Эвой.

— Ну, того... к твоей неровно дышит.

Мак и Эва не танцевали, а толклись с краю круга, разговаривая о чем-то. Она рассмеялась, наверное, над шуткой.

— Разве не заметил? — удивился Дэн. — С месяц или больше.

Неровно дышит, ага. Лучший друг. Близкий друг. Ближе не бывает. А ведь Мэл доверял ему как самому себе.

— Не замечал, — ответил он спокойно и поставил бокал на стол.

Мак без подружки — нонсенс. И сбросил клоунскую мишуру. И обучал Эву вождению. И отгонял от нее прилипчивых студентов. И давно забыл о хохмах. И искренне удивлялся: зачем добровольно навешивать хомут на шею? Потому что примерял к себе.

Сегодня Эва надела длинную юбку до середины икр из легкой струящейся ткани, повторяющей изгибы тела. Чересчур целомудренно, но Мэл только сейчас разглядел подвох. В свете прожекторов ткань просвечивала, и ногами Эвы могли любоваться все желающие. Поганка. В чадру ее и под замок.

А Мак обнимал партнершу за талию как-то уж... собственнически, и прижимал плотнее, нежели позволено другу, и наклонился, разговаривая вполголоса. Черт! Вот пижон. Когда закончилась музыка, поцеловал руку, и Эвка залилась румянцем.

Всё, больше никаких танцев-обжиманцев с другими мужчинами. Покорно будет сидеть рядом. Мэл привяжет к себе, если потребуется. А с другом нужно разобраться.

— И как танцевалось с Маком? — спросил он, когда такси укатило, доставив до институтских ворот.

— Нормально, — пожала Эва плечами.

— О чем разговаривали?

— Обо всем. О машинах. О гонках. Об учебе.

— Понравилось?

— Гош, ты же сам разрешил. Что-то случилось?

— Нет. Просто так спросил.

Случилось. Еще как случилось.

Мэл стал приглядываться. Наблюдал за Маком. Следил, как тот смотрит на Эву и что говорит. И понял: Дэн прав.

Мак перестал принимать участие в оргиях и пьянках. Он даже замутил с девочкой-второкурсницей со своего факультета — скромной, но симпатичной тихоней. Точнее, "замутил" — громко сказано. Когда мутят, в первое же свидание тёлка обновляет заднее сиденье автомобиля и, как правило, на спине. А Мак ухаживал. Провожал до аудитории и встречал после занятий. Нес сумку и отвозил домой на машине. И в столовой предложил обедать в элитной зоне, но девочка ответила отказом. Потому что стеснялась компании избранных деток.

Но Мэл-то знал, почему друг бросился из огня да в полымя, и поэтому при любом удобном случае показывал, кому принадлежит Эва. Демонстративно поглаживал по спине или обнимал. Заправлял прядь за ухо или клал руку на ее колено. А однажды за обедом в столовой поманил, сказав на ухо что-то незначашее, и поцеловал. На виду у друзей. Долго,

затяжно целовал, потому что знал — Эвка откликнется и потеряет голову. Так и произошло.

Мэл первым оторвался от её губ, и Эва машинально дернулась следом, а когда осознала, что вокруг много народу, и на нее смотрят, — вспыхнула и вскочила.

— Я... мне нужно... срочно... — подхватила сумку и побежала прочь из помещения.

Дэн с Маком молчали, а Мэл отправился вальяжной походкой к мойке с подносами.

Эва дулась, а Мэл изображал искреннее недоумение: разве он не может поцеловать свою девушку, где ему вздумается? Институтские правила не запрещают.

А еще Мэл чаще, чем обычно, просматривал звонки и сообщения в её телефоне. И отслеживал добавление новых номеров в список контактов. Номер Мака не появился, иначе бы многолетней дружбе мгновенно пришел конец.

После работы Мэл обычно заглядывал за Эвой в институт, и они возвращались в общагу. Как-то зашел в холл, а Эва и Мак стоят у святого Списуила, в руке у нее букет желтых кленовых листьев, и они о чем-то беседуют. Романчезо, значит, заделался — прищурил Мэл глаза. Эвка увидела его и, вспыхнув от радости, потянулась навстречу. Всего-то полдня не виделись, а она успела соскучиться.

Мэл самодовольно улыбнулся. Подошел и обнял, поцеловав в губы. И Маку протянул руку, как ни в чем не бывало.

— Что отмечаем? — кивнул на букет из листьев. — Есть причина?

— Ничего. Просто так. Пойдем? — взяла она Мэла за руку. — До свидания, Максим.

— Пока, — попрощался тот, и пока они шли к парадным дверям, Мэл чувствовал спиной взгляд друга.

В общаге он устроил выволочку Эве за то, что она без разрешения принимает знаки внимания от других мужчин. И неважно, что осенние кленовые листья — не бог весть какой знак внимания. Это дело принципа.

Эва взяла и расплакалась. Обвинила, что он не знает, к чему прицепиться, а на самом деле она с Маком просто разговаривала, и если Мэл накручивает на пустом месте — это его проблемы. Грохнула дверь и закрылась на кухне.

И Мэл понял, что нужно рубить гордиев узел. Немедленно. Пока Эвкин *sindroma unicum Gobuli*^[19] не развел старинных друзей по разные стороны баррикад.

— Признай, ведь дело не в ней, — заключил Мэл. — Дело в том, что между мной и нею. Мак сделал затяжку.

Они стояли на балконе, облокотившись о перила, и курили. Мэл с разлету приехал к товарищу домой и сказал: "Надо поговорить".

— Потому что завидуешь мне, — добавил он.

Дело было не в Эвке, он понял это сразу. Дело было в том, что Мэл заполучил то, о чем другие в его положении и мечтать не могли. День за днем перед глазами Мака маячила влюбленная парочка, и неволью он представлял себя на месте друга. Неожиданно Мак протер глаза и увидел, что рядом крутятся бабочки-однодневки, которым нужно только одно — висы. Подружки на день, которые в погоне за баблом не замечают Мака как личность, да им и не нужно.

— Мы с тобой через многое прошли. Знаем друг друга с детства. Не хочу терять тебя как друга, но если потребуется, стану врагом, — сказал Мэл.

Мак молча сбросил пепел с сигареты.

— Ищи свою и найдешь. Вокруг много девчонок, и необязательно в клубах и на

гулянках.

— Предлагаешь пойти в библиотеку? — спросил Мак впервые за время разговора.

— Почему бы и нет?

— Не люблю читать, — усмехнулся Мак. — Чего боишься? У меня все равно не получится. Она же видит только тебя.

— Неважно. Держись от нее на расстоянии.

Мак пустился во все тяжкие. Неделю пропадал по значным местам, меняя подружек одну за другой. Даже имен не запоминал. Называл обезличенно детками или зайками.

Потом как отрезало. Снова стал пай-мальчиком. Возобновил ухаживания за застенчивой второкурсницей и уговорил обедать за элитным столиком. Он словно доказывал Мэлу: смотри, твои домыслы напрасны, но тот замечал его взгляды, бросаемые на Эву исподтишка. Застенчивую пассию Мака звали Ольгой, и она робела, обращаясь к участникам элитной компании на "вы".

— Оля, забудь. Общайся только на "ты", — сказала Эва приветливо, и девчонка покраснела. Она вообще посматривала на Эву и Мэла как на институтские легенды. Наверное, наслушалась красочных сплетен.

Мэл изломал голову, под чьей опекой оставлять Эву на цертамах. Мак стал последним человеком, которому бы он доверил безопасность Эвы. А тот циклически срывался в загулы и остепенялся.

Дэн ворчал:

— Крышу у него снесло, что ли? Так до аттестата не доживет, загнется от цирроза печени.

Эва не подозревала, что дружеские отношения между Малом и Маком натянулись струной. Это и к лучшему. Чего доброго, взялась бы мирить. Она разговаривала с Маком, тот отвечал односложно, и Эва недоумевала. Может, обидела чем?

Как-то поздним вечером позвонил Дэн и попросил о встрече. Часы показывали начало одиннадцатого, и это означало, что у друга стряслось что-то неотложное.

— Эвочка, мне нужно увидеться с Дэном. Я съезжу?

Если бы она сказала: "Куда ты на ночь глядя?", Мэл остался бы. Наверное. Или нет, все равно поехал бы в клуб, упомянутый Дэном в коротком телефонном разговоре. Потому что друзья — это святое.

— С ним всё в порядке? — спросила тревожно Эва, наблюдая, как собирается Мэл. — Если потребуется помощь, скажи.

— Приеду на место, оценю ситуацию и позвоню.

Поцеловав взволнованную Эву, он отправился по указанному адресу. Другой конец города, клуб на периферии, прокуренный бар и Дэн у стойки, повышающий градусы в крови.

— Что это? — Мэл понюхал содержимое стакана. — Коньяк? Какой повод?

— Оксана беременна, — ответил Дэн.

Девушку друга Мэл видел от силы пару раз. Случайно столкнулся с парочкой в аптеке и позже увидел их в малолюдном кафе с восточной кухней, куда заехал по просьбе Эвы купить вкусенького на ужин.

Дэн со школы отличался уравновешенным и спокойным характером. Он повзрослел гораздо раньше друзей и часто осаждал их безбашенность и горячность трезвыми

суждениями. Да и опыта "семейной" жизни у него имелось предостаточно. В их компании Дэн первым завел серьезные отношения, учась на первом курсе института. "Серьезные" — это квартира в столице и полное содержание подружки. Дэн не делился с друзьями, когда и при каких обстоятельствах познакомился с Оксаной, и чем она привлекла его. Чем женщина привлекает мужчину? Очевидно, он нашел что-то в невысокой зеленоглазой белыночке, если предложил стать содержанкой. Той, которая не претендует и ждет, когда о ней вспомнят.

Мэл не влезал в личные дела друга и никогда посмел бы критиковать образ его жизни, но сейчас впервые задумался. Об Оксане знали единицы. Она была тылом, надежной гаванью, в которую неизменно возвращался Дэн, нагулявшись с временными подружками. Он, кстати, не усердствовал с поиском спутниц-однодневок, предпочитая появляться на развлекательных мероприятиях в одиночестве.

— О! — сказал Мэл, устраиваясь рядом, и похлопал товарища по плечу. — Вот так новость!

Дэн станет отцом. У него будет ребенок. Ну и Дэн! Переплюнул всех.

А что? Это закономерно. Жизнь не стоит на месте. Детство давно миновало, вчерашние подростки выросли. В баре сидели двое взрослых мужчин, обремененных... семьями?

Мэл удивился неожиданному открытию. Хотя чему удивляться? Он живет с женщиной, связан обязательствами, у него свой дом, машина, работа. В конце концов, по дому разгуливает живность — Кот. Чем не семья?

Тяжел ли хомут, как спросил однажды Мак? Хомут надели, нечего отрицать, но он не жмет, не гнет, не давит, не натирает мозоли. Наоборот, Мэл чувствовал ответственность и потребность заботиться и оберегать. Он знал, что вернется в общагу, где его ждет Эва. Или к тому времени она уснет, но обнимет сонно, прижавшись к боку.

— Мне нужен совет, — сказал Дэн, покрутив стакан.

— А Мак где? Почему не позвал?

— У него нос не дорос.

Верно. Мак развлекался на полную катушку и не понял бы смысла новости, сообщенной Дэном. Чего доброго, обхохмил бы, не вникнув и не примерив на себя.

— Какой совет, папаша? — ухмыльнулся Мэл и вслушался в свои же слова. "Папаша" прозвучало непривычно и ново.

— О ребенке, — ответил Дэн и показал бармену: плесни еще. — Срок небольшой. Еще не поздно, и возможен аборт.

— Аборт? — переспросил тупо Мэл. У него имелась куча кузин и племянниц, да и подружек он переменял достаточно, но о беременностях, о детях и обо всем, что им сопутствовало, имел смутное представление. Зачем вникать, если тебя не касается?

Аборт — когда итогом кувыркания в постели мог бы стать кричащий сверток, но этого не происходит. Мэл не вдавался в подробности того, как женщины устраняют проблемы с нежелательной беременностью. Ему вообще несказанно повезло, что ни одна из приятельниц после кроватных отношений не объявила его отцом будущего ребенка. Но и он не дурак. Всегда подстраховывался. Без исключений. Носил с собой резинки. Зато с Эвой они решили, что лучше ей принимать порошок в саше. Разводить и пить.

— При чем здесь я? — спросил Мэл севшим голосом. При упоминании об аборте неожиданно заныл зуб.

— Что мне делать? Оставить ребенка или... — не договорил Дэн и влил в себя залпом содержимое стакана.

Мэл ошарашенно молчал. Ну и вопрос!

— Помочь с советом не смогу, но выпить не откажусь, — ответил и подозвал бармена. Хорошо, что на трезвую голову успел позвонить Эве и предупредил, чтобы она легла спать, не дожидаясь.

— Буду за полночь. Не волнуйся, всё в порядке... И Дэн в порядке. Да, спокойной ночи. Они пили, заедали засахаренными лимонными ломтиками, курили и разговаривали.

Родители Дэна не препятствовали отношениям сына со слепой простолюдинкой. Поставили единственное условие — никаких скандалов, огласки и нежелательных детей. Без альтернатив.

— Может, она специально... ну, забеременела? — спросил Мэл и смутился, выговорив последнее слово.

— Нет, думаю, у нас вышло случайно. Оксана — неконфликтный человек. Без амбиций. Она примет любое мое решение, — ответил Дэн. — Понимаешь, если он появится на свет... Он может родиться слепым. Что его ждет?

Мэл молчал, потому что свято уверовал — когда-нибудь, в отдаленном будущем, его ребенок будет видеть волны. Обязательно.

— Рано или поздно это произошло бы, — продолжил Дэн. — Я понимаю, ей нужна семья, дети. У нее своя линия жизни, у меня — своя. Но не могу отпустить её. Не могу! Мы с тобой находимся в одинаковом положении. Подскажи!

— То есть? — поднял бровь Мэл.

— Твоя тоже не видит.

— И что с того? — вдруг протрезвел Мэл. — Когда-нибудь волны вернутся к ней.

Сказал для друга, потому что знал правду.

— Сам-то веришь? А если не вернутся? Она останется слепой. Что тогда?

— А что тогда? — повторил Мэл. Сделал глоток, и коньяк показался пойлом.

— Влетишь как я. Что будешь делать?

— Ну... — Мэл задумался. Ребенок. Беззубый младенец в слюнявчике. Вот, например, троюродная кузина Агния родила в прошлом году. Раздуло ее неслабо. Ходила с огромным животом. Родственники думали, муж двойню засандалил и УЗИ врет, ан нет, родился пацан, только крупный. А Эва в роли беременной, с животом... Мэл пытался представить, и не получалось.

— Когда влечу, тогда и подумаю.

— Потом поздно будет. Знаешь, мне рассказали, как прерывают. Говорят, как кошка отряхнется и дальше пойдет, тем более, за бабло сделают быстро и безболезненно. Оксану жалко. У нее резус отрицательный. Если сейчас сделать, потом здоровых детей может не быть. А твоя... Поговаривают, если останется слепой, твой батяня терпеть не будет. После окончания института найдет другую невестку.

— Кто поговаривает? — нахмурился Мэл.

— Все говорят. Посуди сам, кому нужна слепая, пусть и дочь министра? Поначалу репортеры кричали на всех углах, и Рубля заступился, а теперь всё затухло. А знаешь, почему? Потому что было выгодно. Потому что надеялись, что волны вернутся. А теперь выгоднее развести вас в разные стороны. Тот же Рубля прикажет найти любую причину, чтобы не портить чистоту висоратской крови. А ты сам-то на что надеешься? Если твой ребенок родится слепым, что его ждет? В этой стране он будет недочеловеком. Вторым сортом. В заведениях со знаком "V" — вход только для благородных. Может, ее за границу

вывезти? — ухватился Дэн за идею. — Нет, вывезти смогу после окончания института. Пока нет ни авторитета, ни связей. Отец настроит всех. Никто не поможет. А ей рожать весной!

Мэл подавился коньяком.

Рожать. Да, женщины рожают. Вынашивают новых людей и дают им дорогу в этот мир. И мать родила двоих: его и Маську. Господи, да ведь и Эва когда-нибудь подарит ему сына или дочь! Пищущий кулек, к появлению которого он приложит руку. Вернее, не руку, а другую часть тела, но суть не меняется.

Сколько бы ни выпил Мэл, а всё же ему хватило ума не давать советов другу. Это его жизнь и его женщина. Это его ребенок, и только Дэну решать, родится малёк или нет. Но нагрузившись алкоголем и протравив легкие никотином, Мэл твердо заверил, что поможет и поддержит, что бы ни случилось. Иначе зачем нужны друзья?

Мэл вернулся далеко за полночь на такси. А машину он заберет завтра от клуба.

Конечно же, Эва не спала. Дремала, быть может, и периодически просыпалась, поглядывая на часы. Приятно, что ни говори. И все равно Мэл не включал свет, чтобы не беспокоить. Пошатываясь пьяно, разделся абы как, расшвырял одежду по углам и забрался в кровать. Обнял Эву и прижал к себе. М-м-м, теплая, родная.

Она погладила его руку.

— Выходи за меня замуж, — пробормотал Мэл. Глаза слипались, язык ворочался с трудом.

Эва хмыкнула.

— Спи уже, гуляка, — сказала тихо.

— Не, ну а что такого? Выходи, а? — прижался он еще теснее.

— Спи. Утро вечера мудренее. Фу-у, и пахнет же от тебя... В бочке со спиртным курялся?

— Ага. Люблю тебя, — сказал Мэл на последнем издыхании и отрубился.

Конечно же, утром он мало что помнил из ночной попойки, но основные вехи умудрились отложиться в голове. Самочувствие оставляло желать лучшего, хотя похмелье не мучило. Этим и хорош качественный коньяк. Значит, бармен не надул.

Душ просветлил мозги и взбодрил.

Если слухи гуляют, значит, небезосновательно. Все говорят, что у них с Эвой несерьезно, и ждут, вернутся к ней волны или нет. А Влашек не ждет. Он давно приготовил пути отступления. После окончания института отправит дочь на западное побережье и придумает причину, например, сбор материала для будущей диссертации. Люди годами пишут научные труды, и Эва канет, растворится на просторах каторжанского края. За периметр въедет, а обратно не вернется. Удобно и Мелёшину-старшему, и Влашеку. От истории с отравлением оба они взяли по максимуму, и Эва — средство в достижении целей. А когда средство начинает мешать, от него избавляются.

Но ошибка высокопоставленных политиков состоит в том, что они не приняли в расчет интересы Мэла.

Он открыл дверцу тумбочки, прислушиваясь, как Эва напевает в душе. Взял коробочку с саше, внимательно прочитал инструкцию по применению и тщательно оглядел гофрированный шов по краю пакетика. Бумага тонкая, но если подержать над паром, то склейка разойдется. Мэл сунул два пакетика на пробу в карман брюк. В коробочке осталось

достаточно, и Эва не заметит убыли. Надо же, он никогда не задумывался над тем, какой вкус у порошка.

Не то чтобы за ночь Мэл вдруг раскопал в себе родительские инстинты и желание отцовства. Чистый расчет. Будущий ребенок — часть стратегии, которая пришла в голову, и идею невольно подал Дэн. И гарантированные семьдесят пять процентов не подведут. Однозначно.

Затем следующий и самый основательный шаг. Мэл обдумывал полдня и выстраивал в голове поэтапный план. Увлёкся, забыв о конспектировании лекций. Эва даже забеспокоилась, всё ли в порядке.

Всё в ажуре, киса. Мы женимся. Но ты об этом пока не догадываешься.

После истории с получением *clipo intacti** я решила поступить честно, предупредив Мэла о намерении навестить Олега и Марту. Целую вечность их не видела. Соскучилась.

Мэл не проникся. Он старательно скрывал, но я чувствовала: его раздражало, что меня тянуло магнитом в район невидящих.

— Вы теперь на разных полюсах, — надумал он вразумить. — Не советую.

— Из-за полюсности у меня нет друзей. А тех, что были, я почти растеряла.

— Заведи новых. Из своего круга.

— Друзья — не котята и щенки, чтобы их заводить! — вспыхнула я, возмущившись. — Сколько у тебя приятелей и знакомых? Море. А сколько проверенных? Макес и Дэн. У меня тоже есть друзья. И я ценю их. Между прочим, Олег и Марта помогли мне в трудную минуту. Можешь без конца напоминать об отце-министре и о полезных связях, но я еще не забыла, как жила на восемь висоров в неделю.

Спор грозил перерасти в ссору, и Мэл предпочел промолчать. Однако он категорически собрался со мной в гости. Вот упрямец.

— Тебя не жалуют в квартале. Опасно там появляться, — забеспокоилась я.

— Прорвемся, — ответил Мэл, поигрывая ключами от "Турбы". — Никто уж и не помнит.

Сомнительно. Вряд ли жители забыли о деньках, проведенных под арестом после того, как один столичный принц устроил драку у местного клуба.

В отличие от моей жизни, сделавшей сальто-мортале в последние полгода, жизнь в районе невидящих продолжала течь сонно и меланхолично. Лето заполнило тихие улочки шапками пыльной листвы и квелой травой, вянущей в ожидании дождей. Скверик звенел детскими голосами.

Мэл притормозил у обочины.

— Подозреваю, с *clipo intacti* тебя за уши не оттащишь от этого квартала. Поэтому хочу предупредить. Общайся с местными, хорошенько думай, прежде чем сказать что-нибудь или сделать.

Я хотела возразить, но он продолжил:

— Забыла про пост у института? Удивляюсь твоей невнимательности. Одна из тачек рванула за нами, но промазала. Свернула не в тот проулок. Сегодня нам повезло, а завтра репортеры пронюхают. Они не дадут покоя жителям. Понравится ли твоим друзьям, если их начнут осаждать журналисты?

Не только журналисты, но и дэпы. И последние не станут выспрашивать и убеждать в сотрудничестве, а возьмут насильно. Прочитают и принудят, как те отморозки, что издевались над Радиком. Равенство в правах, определенное гражданским кодексом, — сплошное лицемерие, когда дело касается невидящих. И из-за моей пресветлой персоны у местного населения возникнут большие проблемы. О спокойной жизни можно забыть.

Так Мэл дал понять, что обстоятельства могут быть превыше желаний. Он носом чуял, что я планировала забегать к Олегу и Марте не раз в полгода, а значительно чаще. И собиралась покупать продукты в здешнем районе из чувства солидарности с владельцами лавочек. А разве ж кто-нибудь из продавцов обрадуется, когда вместе с элитной

покупательницей нагрянут дэпы, взбаламутив тишину улиц? Вдобавок неизвестно, чего ждать от синдрома.

Олег пытался спрятать изумление за доброжелательной улыбкой. Витрина с замками осталась прежней, и сам он точил детальку, зажатую в тисках. Разве что казался уставшим, с залегшей морщинкой меж бровей. И Марта, выглянувшая из шторочек, приветливо улыбнулась нам. Она двигалась как уточка, пряча увеличившийся живот под просторным сарафаном.

Разговор не клеился. Повисла скованность. Уверена, Олег и Марта прознали о близком родстве моего спутника с начальником Объединенных департаментов. С великим и ужасным, чье имя вызывало у граждан паралич дыхательной и сердечной деятельности.

Мне стоило больших трудов выпросить у Мэла частичную свободу действий. Сначала он ни в какую не соглашался, но потом передумал. А может, причиной послужили долгие "упрашивания", начавшиеся в душе и закончившиеся на диване.

Мы договорились: чтобы не привлекать внимания, Мэл отвозит меня в гости и уезжает на работу или в авторемонтную мастерскую, а на обратном пути забирает.

Олег и Марта... Они были приветливы, но настороженны. И испытывали крайнюю неловкость. И воспринимали меня как экзотическую птицу, случайно залетевшую в убогий курятник. Настырность залётной птички их угнетала, но я не собиралась отступать и долго убеждала Марту в том, что мои вкусы в отношении пирожков с капустой не изменились, и что мне нравится пить чай на небольшой кухоньке, любоваться нарисованной на стене розой и болтать ни о чем.

Несмотря на приличный срок беременности, Марта принимала заказы на вышивку и шитье, и это означало, что семье требовались деньги. Будущую маму стесняли расспросы о том, что требуется малышу. Она отнекивалась тем, что приданое для ребеночка почти готово. Марту смущали моя нахрапистость и гиперактивность в стремлении помочь. Поэтому пришлось пойти другим путем. Купить каталог для детей "От 0 и до..." и сделать заказ по телефону, через службу доставки.

Так, листая страницы толстенного каталога, я впервые окунулась в мир детства. В мир маленьких человечков, для которых работала целая индустрия, изготавливающая кремы, шампуни, лосьоны, подгузники, пеленки, молочные смеси, нагрудники, соски, бутылочки, игрушки, витамины, не говоря об одежде, колясках, кроватках и прочих необходимых приспособлениях.

— Ого, — сказал Мэл, заглянув из-за спины. — Разведываешь обстановку на будущее?

— Это для Марты, — буркнула я, захлопнув каталог.

Служба доставки сработала оперативно.

— Сомневаюсь, что они согласятся взять, — сказал Мэл, укладывая объемистые пакеты в багажник.

Марта согласилась. Но лишь после того, как я с обидой высказала, что считаю её и Олега близкими людьми помимо мамы и Мэла. А от близких нельзя отказываться.

В заказе подарков для неродившегося малыша выискался неожиданный момент. Если поначалу большой живот Марты воспринимался мной отвлеченно, то при просмотре картинок с товарами меня будто ударило обухом по голове. Детей не находят в капусте. Их рожают. И это больно! Теперь я куда с большим вниманием расспрашивала Марту и впитывала ответы об анализах, о плаценте, о предлежании, о том, что ребенок в животе

называется плодом, а сперва это вообще эмбрион. О том, что отсчет развития малыша идет по неделям, и Марта регулярно следит за прибавкой в весе.

Дома перед зеркалом, в отсутствие Мэла, я запихнула подушку под футболку и изучила себя в профиль и анфас, отмечая критическим взглядом грузность фигуры и неуклюжесть движений. Когда-нибудь и у меня родится ребенок, но его появлению на свет будут предшествовать девять томительных месяцев ожидания. Три четверти года, в течение которых из крохотной клетки сформируется и вырастет живой человек. Волшебство, дарованное природой.

Что можно сказать о Мэле? Он терпел. Ждал, когда мне надоест играть в шпионов, петляя по району. Ждал, когда одумаюсь и вспомню о статусе дочери министра. Ждал, когда я осознаю, сколь велика пропасть между избранными висоратами и слепошарыми смердами.

Мэл не давил. Он тонко чувствовал грань и не переступал её. Потому что знал: принуждение и шантаж приведут к бунту. Мэл мог сказать: "Выбирай — или я, или они", поставив на другую чашу весов Олега с Мартой и район невидящих. Но он не говорил. Потому что догадывался о моем выборе.

Мэл здоровался рукопожатием с Олегом, выдавал пару незначащих фраз о погоде и, получив от меня обещание в примерном поведении вместе с поцелуем, уезжал по делам.

И Марта, и Олег считали невоспитанным лезть с расспросами о моей элитной жизни, а я оберегала их от лишнего знания. Олег не участвовал в женских разговорах. Он общался сдержанно и, в основном, проводил время в мастерской, работая. Однажды Марта спросила с осторожностью:

— Твой молодой человек не против, что ты приходишь к нам в гости?

— Совсем нет, — заверила я горячо. — Он уважает мои решения.

— Выглядит серьезным и ответственным, — заметила собеседница.

— Егор много работает и успевает учиться. Он очень умный, — похвалила я своего мужчину и поинтересовалась: — А как поживает Тёма? Что-то его не видно.

— Он уехал из столицы еще зимой, — пояснила Марта. — Пытает счастья в другом месте.

— Жаль. Хотя, наоборот, хорошо. Я боялась, что Тёма обязательно влипнет в историю.

— Спасибо тебе за беспокойство, — улыбнулась она. — Тёма не пропадет. Выкрутится.

— Мне понравилось, как он пел в клубе. У него красивый голос. Тёма мог бы выступать с концертами.

— На пении много не заработаешь. Поможешь с блинчиками?

Всенепременно. Вот научусь печь и побалую Мэла кулинарными изысками.

Кстати, будущий дегустатор приехал в мастерскую в отвратительном настроении, хотя вежливо отказался от чая с выпечкой: мол, с радостью бы, но уже поздно. Марта не заметила, а я мгновенно почувствовала раздражение Мэла.

По возвращению в общежитие он весь вечер ворчал и исходил недовольством. Вытурил на улицу Кота, мешавшегося под ногами. Издергался из-за неудачных заклинаний из группы *oculi umbra*^[20], срывавшихся с рук одно за другим. Завтрашний зачет по нематериалке плакал горючими слезами. Мэлу всё было не так и не эдак — не ровно, не быстро, не гладко, не мягко. И злился он, похоже, на меня.

— За что? — спросила я напрямик.

Мэл поджал губы:

— Ты не при чём. Тяжелый день. Завал на работе.

— Расскажи. Посочувствую и утешу как смогу, — предложила я.

Пришлось утешать долго и упорно. Мэл подошел к процессу жестко. Целеустремленно. Он не успокоился до тех пор, пока мое горло не охрипло, а организм не ослабел от пресыщения и беспредельной усталости.

— Гошик... не могу больше...

— Можешь, Эвочка. Повтори еще... — вливается в уши шепот, и мышцы сводит сладкой судорогой.

— Люблю... люблю тебя... — выдыхаю севшим голосом, и тело откликается на изощренную ласку. Когда-нибудь *bilitere subsensibila*^[21] убьет меня. — Люблю... люблю...

Не помню, сколько раз говорила. Раз сто или двести. А Мэлу всё мало. Он измочалил. Выпил меня досуха как вампир. И ведь добился, чтобы назавтра я ползала разбитой и невыспавшейся тетерей. К тому же, из-за перевозбужденной нервной системы пропала чувствительность кожи. Просто-напросто отключилась как лампочка, чем перепугала меня невероятно. Странно стоять под душем, не ощущая льющейся воды. Нервы оттаяли лишь во второй половине дня. Зато Мэл насвистывал и с легкостью получил зачет по нематериальной висорике.

— Объяснись. В чем моя вина? — потребовала я. — Изобрел новый метод наказания?

— Разве не понравилось? — удивился он и покаялся: — Прости. Наверное, в голове отложилось последнее полнолуние, и подсознательно я захотел поменяться местами. Ну, и сорвался.

Вроде бы смотрел честно и искренне сожалел, но на миг почудилось, что в глубине глаз промелькнул его зверь — непредсказуемый и пугающий.

Мне стало неловко. Я, конечно же, знала, что раз в месяц Мэлу приходится несладко, но впервые почувствовала себя в его шкуре.

— Прости, Гошик, — прильнула к нему. — Я постараюсь сдерживаться.

— И я тоже, — ответил он глухо.

Недоразумение исчерпалось, но взгляд Мэла, вернее, его зверя долго преследовал меня. Отвернусь — и возникает неприятное ощущение меж лопаток. Обернусь — в глазах Мэла безмятежность и идиллия.

Дурацкая паранойя. Дурацкие и бестолковые уроки по развитию интуиции.

В начале августа родилась Ясинка — маленькое чудо с крошечными пальчиками и носиком-пуговкой. Знакомство с крохотулей стало для меня потрясением. Прежде я не знала, с какого боку подходить к новорожденным, не говоря о том, как правильно держать.

— Она похожа на тебя, — объявила Марте, умилившись пухлыми щечками малышки. Ясинка усердно тянула мамино молоко. — У нее твои глазки и бровки.

Родители выделили для дочки самый лучший уголок — светлый и теплый, — разгородив комнату на две части. Несмотря на тесноту, в детской было уютно... и покойно душе.

Медленно вращается карусель с рыбками, веселые мишки скачут на одеяльце, розовый слон смотрит в окно, погремушка ждет часа, когда маленькие ручки схватят и требовательно затрясут... Новый человечек пришел в мир, где его любят и заботятся о нем. Он причмокивает и трогательно зевает.

— У нее светлые реснички. И длинные, — замечаю, разглядывая личико заснувшей

девочки.

— Потемнеют, — говорит Марта. — И волосики сначала выщоркаются, а потом отрастут новые.

— И будет роскошная коса с руку. Как у тебя.

— Еще толще, — смеется молодая мама.

Я натащила кучу оберегов и амулетов — для спокойного сна, для хорошего аппетита, для крепких ножек, для здоровых зубов, от болезней, от сглаза и наговора, от духов, утаскивающих новорожденных. Развешивала с Мартой пеленки во внутреннем дворике и помогала гладить распашонки. Присматривала за девочкой, пока её мама хлопотала по хозяйству. И не могла наглядеться на малышку. От Ясинки пахло молоком и чем-то сладко-доверчивым, отчего на глаза наворачивались слезы, и страстно хотелось укрыть кроху от бед и напастей. Уберечь от зла, притаившегося снаружи.

— Она смотрит на меня. Осмысленно! — заметила я как-то.

— Конечно. Ясинка различает, когда ты приходишь в гости. Смотри, она радуется.

— Правда? Можно взять её на руки?

Глазки-бусинки таращатся на меня... Теплый и незащитный комочек. Искренний... Подумать только, мы приходим в этот мир мелкими глистиками, а в итоге вырастаем большими людьми и вершим историю... Интересно, Ясинка воспринимает меня как бесформенное пятно или как великана?

— Ты будешь прекрасной мамой, — сказала однажды Марта, поймав меня с поличным, когда я напевала колыбельную, укачивая малышку. И, между прочим, ужасно фальшивила.

Прежде всего, чтобы стать мамой, нужен папа. А Мэл не созрел. Поначалу я без умолку рассказывала ему об открытиях — вроде бы маленьких, но весьма значимых для крохотного человечка ("Представляешь, она мне улыбнулась. Честно-честно" или: "Сегодня схватила за палец" или: "Сказала "ге-е-е" и задрыгала ножками"), но нейтральные ответы Мэла: "Да?". "Ну, надо же", "Ничего себе", причем невпопад, отбили охоту к откровениям. Мэл не вникал, и его безразличие коробило и обижало.

— Судя по рвению, ты собираешься открыть детский сад. Или ясли, как минимум, — сказал он с ухмылкой, прервав словоизлияния.

— Если тебе неинтересна моя болтовня, с удовольствием найду того, кому будет нескучно, — вскочила я, собравшись реализовать угрозу.

Пришлось Мэлу покаяться.

— Эвочка, пойми, я не разбираюсь в младенцах, тем более, в чужих. Я и о племянниках-то вспоминаю раз в году, на их день рождения. Они и без моей заботы прекрасно подрастают. Так что хоть убей, а меня не переделаешь.

Я вздохнула. Мэл неисправим. Равнодушный и бесчувственный пенёк. Но его эгоистичное оправдание — не повод для прощения.

В отместку я надумала приучать Мэла к магазинам. Периодически мы заезжали в продуктовые лавки в окрестностях института и выкладывали висы из карманов. Я ликовала: для местных неплохая добавка к выручке, да и наши вояжи по кварталу не выглядели подозрительно. Мэл катался по улочкам, не отдавая предпочтения конкретным продавцам. А на случай расспросов было заготовлено объяснение частым визитам в район невидящих. Мол, я, как достойная дочь своего отца, умею считать деньги и подхожу к тратам разумно. И, правда, расходы на продукты и на хозяйственные мелочи сократились в четыре раза.

Поначалу меня тревожила безопасность Мэла, но, к вящей радости, он оказался прав. В

районе успели забыть о нем, как о невольном виновнике репрессий, прокатившихся зимой. Видимо, "Мастодонт" расплатился за своего хозяина.

Мэл со страдальческим видом выполнял мои прихоти, но молчал. Я так и не сказала ему, что Тёма — брат Олега. Не знаю, поведал ли Тёма родственникам о драке у клуба "Одиночество" и о последствиях. Наверняка у него имелись причины, чтобы покинуть столицу, убегая от январской облавы. Поэтому следовало помалкивать, чтобы не подвергать семью Олега опасности.

Октябрь стал сплошным разочарованием.

Во-первых, меня нервировали индивидуальные занятия. После летнего перерыва вхождение в прежнюю колею давалось с большим трудом. Конечно же, я оказалась нерадивой ученицей и на каникулах уделяла время отдыху, а не тренировкам интуиции. Покажите хотя бы одного студента, который добровольно истязает извилины, когда все нормальные люди подставляют тела солнцу и ныряют в бассейн с вышки. Поэтому в обучении произошел регресс, и забытое восстанавливалось с великими трудностями.

Преподаватели, назначенные Министерством, вели себя деликатно и не глумились над моим увечьем. Наоборот, когда удавалось выполнить задание, они радовались, словно выиграла в лотерею миллион висов, и хвалили, вдохновляя к дальнейшим свершениям.

Разве можно считать успехом, если с понедельника по пятницу всё валится из рук, а в субботу, ни с того ни с сего, решаются девять из десяти задач? Единственный плюс состоял в том, что теперь телохранители не сверлили взглядами, сокрытыми за темными стеклами очков.

Одно время я возлагала надежды на полиморфизм, ведь каждое полнолуние обострялись все виды осязания, а они помогли бы почувствовать волны. Но увы. Как оказалось, мало иметь тонкое чутье. Нужно уметь пользоваться животными навыками. А кто бы меня научил? Поклоняясь круглому оку луны, тело предпочитало отдаваться древнему как мир инстинкту. Но едва сознание прояснялось, второе "я" тут же уступало место здравому рассудку. С полиморфной составляющей исчезали и сверхспособности.

Но однажды на занятии по развитию интуиции случилось нечто невероятное. Старичок-академик, как всегда, предложил мне надеть повязку на глаза. По условиям задачи, вошедшей в разминку (причем устойчиво нерешаемой и оттого унылой задачи), надлежало сконцентрироваться, увязать все органы чувств, после чего поймать две волны и вызвать их возмущение.

Правильному движению рук меня обучал Мэл, обычно по вечерам перед сном. После возвращения из Моццо он не отказался от идеи "искусственного" висоратства, которое позволило бы мне, опираясь на математический расчет и логику, управляться с заклинаниями низших порядков. Под контролем Мэла я заграбастывала невидимые волны и мучила их, пока плечи не начинало тянуть от отдачи. И тогда учитель принимался за расслабляющий массаж. Мэл показывал и двухуровневые заклинания, но они не подчинялись мне. Схватить одну волну — еще куда ни шло, а вот поймать две волны и вызвать действенное возмущение... Это приравнивалось к чуду.

И день-то был как день: ни магнитных бурь, ни солнечного затмения, ни нашествия пришельцев из космоса. Но вышло так, что, будучи с завязанными глазами, я уверенно проделала пассы и услышала негромкие аплодисменты.

— Восхитительно! Удивительная твердость движений! Навыки возвращаются к вам, — восторгался искренне старичок-академик.

Свободной рукой я стянула повязку с глаз. В правой ладони висела *luxi candi* ^[22] — маленькая, но достаточно яркая лампочка. С учетом того, что возвращение навыков мне не грозило, созданное заклинание удивило безмерно. Меня не ударило током, не стукнуло озарением, не открылся третий глаз и не нашептал внутренний голос. Я всего лишь вытянула

руки и выполнила заученные движения. Вот и всё. Повезло, что волны попались.

Счастливая случайность оказалась одиночной. На то она и случайность, чтобы не превращаться в закономерность. Но имеющегося результата оказалось достаточно, чтобы преподаватель разорялся оптимистичными лозунгами.

— Это прорыв, — не уставал он повторять. — От малого к великому! Через тернии к звездам!

Чем активнее восхищался старичок-академик, тем неувереннее я себя чувствовала. Смотрела на свои руки и думала: ложь будет моей вечной спутницей. Сначала я притворялась той, да не той. А теперь фальшиво радуюсь, что навыки возвращаются.

Кстати, они вернулись и пропали. В течение следующей недели мне не удалось создать ни одного двухуровневого заклинания. Но преподаватель не унывал.

— Это прекрасный результат. Маленький камешек покатился с горы. Не сегодня-завтра он увлечет за собой большие камни, и когда-нибудь произойдет камнепад.

В моем понимании "когда-нибудь" означало бесконечность.

Мэл, которому я поведала о созданном *luxi sandi*, высказался в том же духе, что и преподаватель, и заявил с видом мудрого старца, что, только набив кровавые мозоли, можно чего-то достичь. А мне это нужно?

— Не хочу мозоли. Ручки жалко. Препод говорил, что можно стимулировать способности, но мне запретил.

— И правильно сделал. Стимуляторы — опасная штука. При стимуляции активность мозга резко возрастает. Бывает, увеличивается до 60–80 процентов. Это раза в два больше, чем возможности среднестатистического висората. Но за всё нужно платить. Во-первых, возникает зависимость, ломка без очередной дозы. Во-вторых, организм привыкает, и объем дозы неуклонно увеличивается. В-третьих, даже самое безопасное средство имеет последствия. Сначала происходит резкий скачок мозговой активности, а потом — падение вниз. Притупляется слух, зрение, обоняние. Мучают головные боли, не говоря об общем ухудшении здоровья. Нагрузка ложится на печень, на почки, на сердце.

— Зачем же он заикался о стимуляции? — изумилась я.

— Наверное, подразумевал микроскопические дозы, цель которых — подтолкнуть в нужном направлении. Но и в таком случае мозг начинает лениться. Ждет помощи и не ищет решений самостоятельно. А это самообман. Нужно надеяться только на себя.

Мэл рассказал, что на контрабандном рынке гуляют разнообразные поддельные сыворотки, похожие на ту, что использовали при висоризации. Нелегальные препараты создаются в подпольных условиях, далеких от стерильности. К тому же подозрителен состав намешиваемых суррогатов. До сей поры ни одному из контрабандных средств не удалось и наполовину повторить рецептуру официально замороженной сыворотки.

— У дэпов накоплена приличная статистика, когда желающие увидеть волны получали инвалидность или умирали. Бывало, что кровь распадалась на составляющие, или внутренние органы превращались в желе. Или мозги вскипали самым натуральным образом.

Бр-р, жуть. Явно не мой метод.

— Значит, нужно запастись лейкопластырем от мозолей, — вздохнула я.

И мозоли зарабатывались. Двухуровневые заклинания осваивались медленно, со скрипом. Зачастую неделями не получалось сотворить что-либо путевое, а иногда зараз выходило по два заклинания.

Во-вторых, месяц оказался богат на дни рождения.

— Приспичило же ораве народу родиться в октябре, — ворчала я.

— Сама посуди. Зимой делать нечего. Трескучие морозы, дороги заметены. Ленись на здоровье или лежи на печи и делай новых людей. Поэтому в сентябре-октябре наблюдается пик рождаемости, — пояснил Мэл.

Ишь, знаток демографических тонкостей. Хотя любит поваляться на печке вне зависимости от времени года.

Ну, ладно, без стыда и смущения скажу, что мой день рождения меня нисколько не утомил. Что ни говори, а я получила первый стоящий праздник за всю сознательную жизнь.

Мэл подарил новый телефон. Во всех смыслах новый. Последняя модель, писк моды. Со встроенным фотоаппаратом, видеокамерой, музыкальным проигрывателем, телевизионным и радиоприемниками, с наушниками, диктофоном, возможностью чтения книг с экрана и набора текстов.

Стоит ли говорить, что мне запретили допытываться о стоимости подарка?

— Гош... — выдавила я ошарашенно, крутя в руках розово-перламутровый обмылок. — А звонить-то по нему можно?

— Нужно, — ответил солидно даритель.

Он перебрал на новый телефон весь мой список контактов, добавил номера экстренных служб, а также свой рабочий номер, номера родственников — деда и отца и подключил их к "горячим" кнопкам.

— Зачем? — удивилась я. Неужели у меня на лбу написано страстное желание пообщаться с Мелёшиным-старшим?

— На всякий случай, — пояснил Мэл. — Вдруг охранники поведут себя неадекватно? Надышатся синдромом и поставят твою жизнь под угрозу. Тогда без раздумий связывайся с отцом. Нажмешь на пятерку и значок вызова.

Нашел простужку. Я еще не совсем тютюкнулась, чтобы звонить начальнику дэпов и пищать, задыхаясь от страха: "Помоги-ите!" Ни за что. Но на всякий случай покиваю, соглашаясь с Мэлом.

Кстати, ко дню рождения от семейства Мелёшиных доставили роскошный букет пурпурных роз, а от моего родителя — гибридные радужные хризантемы. Большие шары переливались всеми цветами радуги, а через неделю иллюзия развеялась и закрепились на лепестках пестрыми клоунскими кляксами.

Курьер принес корзину с цветами и от Рубли. Вернее, не от него самого, а от службы распорядителей. Мэл повертел безликую желто-зеленую карточку с надписью в завитушках: "С днем рождения", но не стал комментировать.

Праздник пришелся на воскресенье, и Мэл заранее забронировал места в "Вулкано" в расчете на привычную компанию золотой молодежи. Я пригласила Аффу с братьями Чеманцевыми, но они отказались под предлогом занятости. Надуманная причина или нет, но интуиция подсказала мне, что бывшие соседи по общаге чувствовали себя не в своей тарелке, получив приглашение в дорогое столичное заведение. А Вива сказала, что клиенты не будут её ждать, да и не резон смешивать деловые и дружеские отношения, пусть даже поводом является день рождения.

— Выпью на брудершафт, а потом совесть не позволит брать с тебя оплату, — пошутила она в свойственной циничной манере.

Коли гора не идет к Магомету, то Магомет с радостью бежит к горе. Наплевав на

"Вулкано" и компанию великосветских деток, я объявила Мэлу, где и с кем хочу отметить свой настоящий день рождения. Как ни странно, Мэл не стал возражать. Таким образом, напросившись к Аффе с Симой и прихватив из общаги второго Чеманцева, мы завалились шумной толпой к парочке на квартиру и устроили праздник живота. Хозяева подарили мне часы с кукушкой. Настоящие, работоспособные. Кукушка оказалась с секретом. Могла просто куковать, а могла дополнять словами, например: "Сообщаю сигналы точного времени: ку-ку, ку-ку", а по утрам (как выяснилось позже) верещала: "Ать-два, рота-а-а, па-адьем! Ку-ку, ку-ку!" и вообще, редко повторялась, выдавая каждый час новые перлы.

Сима, вручая подарок, пояснил с гордостью, что кукушка запрограммирована на миллион комбинаций, и заверил, что внутри установлена вечная батарейка. Он завел ключиком часовой механизм, и устройство затикало. Я восхитилась и от умиления чуть не расплакалась, но когда на следующее утро подарок завопил в несусветную рань: "Ай! Молоко убежало!" и закукукал, мне стало не до восторгов. Метнувшись со сна на кухню, я ушибла ногу о косяк, и боль отрезвила: какое молоко в шесть часов утра? А Мэл бросил в кукушку подушкой.

Эх, мои наручные часики с гномиком куда приятнее показывали время — молчаливо и ненавязчиво.

Кукушка оказалась нестигаемой и неубиваемой. Повернув ключик, Сима запустил вечный двигатель. Днем механическая птичка сообщала: "Тихий час настает: ку-ку, ку-ку", а вечером просвещала: "Детское время истекло: ку-ку, ку-ку" или поучала: "Спать пора, малыши: ку-ку, ку-ку". На следующий день Мэл потребовал выбросить часы, после того как в пять часов утра кукушка сообщила: "Я сосед снизу, вы нас залили: ку-ку, ку-ку". Но я отказалась. Мне еще никто не дарил подарки, тем более с неожиданностями. Мэл не стал спорить — чего доброго, разревусь. Зато устроил охоту на кукушку. Птичка оказалась юркой и резво пряталась за дверцами. Однако после трех часов бдения Мэл победил, надев-таки на клюв резинку от пищевого пакета с зеленью. Теперь кукушка издавала нечленораздельное мычание вроде "мгрл-дгрл" и, отработав, как полагается, исчезала в своем домике.

— Заслужила, — сказал Мэл птичке, вешая часы на кухне, подальше от спальной комнаты. — Радуйся, что не стала чучелом.

На работе Франц-Иосиф вручил мне перо — скромный, но приятный подарок. Стопятнадцатый тоже поздравил, зачитав зычным голосом белый стих, и презентовал перо. И Матусевич преподнес перо. И старичок-академик пожелал успехов, вынув из кармана... перо. И вообще, встречные и поперечные коллеги по цеху завалили подарками — перьями всех мастей.

Меня растрогало чужое внимание и участие. Получился самый чудесный день рождения на свете.

А на моем рабочем столе в лаборатории обнаружилась коробочка, в которой лежало яблоко, обвязанное красным бантиком.

Я рухнула на стул. Яблоко из пророчества, предсказанное оком! Следующее видение реализовалось — и года не прошло. Чей это подарок? Кто заходил в лабораторию, покуда на практических занятиях из меня лепили висоратку?

— Много народу мелькало, — развел руками Брокгаузен. — Не припомню точно.

Яблоко пахло чудесно. Летом, душистыми травами, медом... Как и букеты, что присылали зимой в медстационар.

Сердце ёкнуло, замерло и забилось тревожно.

Подняла голову та, что стала моим вторым "я". Насторожилась, да поздно. Меня уже не было в лаборатории. Сдуло, унесло.

Я стояла на вершине холма, подставляя лицо ветру, и юбка до щиколоток трепалась парусом.

Сделав ладонь козырьком, оглядывала с высоты косогоры, овраги, поля, рощи, свежую пахоту и озимые...

Левым краем идет темная кайма леса. У горизонта — далекая гряда гор со снежными шапками. Солнце в зените и косяки перьевых облаков. Блеск звонкой речушки, в которой ивы полощут длинные косы. Заливной луг с пятнами васильков и ромашек... Он идет ко мне. Приближается. Гладит, ласкает рукой полевое разнотравье... Этот мир — мой. Он дарит его мне. Кладет к моим ногам. Бери и владей...

Очнувшись, я поняла, что щеки мокры от слез. Долго плескалась у раковины, а краснота не проходила с глаз. Надо бы сделать холодные примочки.

Взяв нож, разрежала яблоко на дольки. Первая долька — мне. И вторая — мне. И третья — тоже. И четвертая.

Нельзя делиться. Ни с кем. А с ним и подавно нельзя.

Жевала механически и смотрела в окно. Чертовски соленая осень.

Цветы, что приносили в стационар, были от него, а я не догадывалась. Разве неожиданное открытие что-то меняет?

Он будет ждать. До конца жизни, как показало пророческое око. И неважно, куда нас забросит судьба. Октябрь навсегда сохранит вкус этой осени на губах.

Свой выбор я сделала давно. Простите, Альрик Герцевич. За всё.

Сегодня город давил на меня. Душил за горло. Лишал воздуха. Надел каменный мешок на голову.

Мэл подошел и притворил окно на кухне.

— Осторожнее, простудишься. Почему сидишь в темноте? Что случилось? Ты сама не своя. Говорила, день прошел хорошо. Кто-то обидел?

Я замотала головой и уткнулась в его грудь, успокаиваясь размеренным стуком сердца.

— Снова жар, хотя недели не прошло. Луна идет на убыль. Неужели заболела? — встревожился Мэл.

Я потянула его в комнату, к креслу. Чтобы, устроившись на его коленях, пригреться и задремать, вздрагивая во сне непонятно отчего. Чтобы сбежать от тоски, сдавившей сердце стальным обручем.

Приглашение на торжество по случаю дня рождения мачехи повергло в шок сродни анафилактическому. Мне и в голову не приходило, что в семье отца тоже случаются именины.

Я объявила категорический бойкот праздничному обеду в доме Влашеков. На удивление, Мэл терпеливо сносил мое брюзжание, но и уступать не собирался.

— Не хочу ехать. Можно поздравить по телефону? — ныла я. — У меня важные причины для отказа: реферат не дописан и... и... чирей на попе выскочил!

— Чирья нет, я сегодня утром проверял. Ты спутала с родинкой, — ответил ласково Мэл. — А с рефератом помогу. Так что готовься, выбирай наряд.

Таким образом, мне ясно дали понять, что бесполезно юлить, и никакие доводы не возымеют силы.

Мэл заметил мой похоронный вид.

— Не куксись. Всё пройдет по высшему разряду.

— Сколько ей исполнится? — поинтересовалась я вяло.

— В свете неприлично упоминать о возрасте дам. Но между нами говоря, твоя вторая матушка отпразднует сорок третий день рождения.

— Матушка может быть только одна. Остальные — мачехи.

— Запомню, — ответил Мэл примирительно. — Не злись.

— Твоих родителей тоже пригласили?

— Нет. Обычно большие торжества закатывают на круглые даты, а в прочие годы обходятся семейными праздниками в узком кругу. Поэтому гостей будет немного.

Какое облегчение! И в бескрайнем океане г*вна отыщется островок спасительной суши. Спасибо правилам светского этикета, ограничившим число приглашенных. Моя психика не выдержала бы близкого присутствия родителей Мэла в довесок к папеньке и его жене. Зато самого Мэла посчитали достаточно приближенным к узкому семейному кругу Влашеков, чтобы отправить приглашение.

— Надо же, в кои-то веки меня осчастливили королевской привилегией. Включили в круг избранных для работы челюстями на обеде у министра экономики. Я должна скакать до потолка от радости?

— Эвка, от твоей пристрастности когда-нибудь закоротит проводку. Пора бы привыкнуть к своему статусу. Будь гибче, лояльнее. Чем конфликтовать, лучше найди плюсы и извлекай выгоду.

— Не учи. Меня. Жить, — отрезала я и скрылась на кухне, хлопнув дверью.

Никакой гибкости. Никаких компромиссов. Меня уже не переделать. Антипатия намертво въелась в кожу. За всю мою жизнь мачеха не изволила расщедриться добрым словом, не говоря о неприязни и нежелании иметь со мной что-то общее.

Надо же, вторая матушка. Тьфу. Конечно, я буду сверкать приклеенной к лицу улыбкой и буду говорить заученные речи. Поблагодарю жену отца за заботу и доброту, за дружеские советы и участие. Залью патокой с ног до головы, мне не жалко. Быть может, совесть чужой тётки завязнет в елее и заставит испытать на собственной шкуре стыд и неловкость

Активность Мэла вызывала глухое раздражение. словно это он — родственник Влашеков, а я присоседилась как сбоку припека. В качестве подарка Мэл купил редкую

орхидею с экзотическим названием — капризное растение в термопакете с регулируемым микроклиматом.

— Зачем ей? Скажет "спасибо" и выбросит на следующий день.

— Эвочка, нужно внимательнее изучать содержимое пригласительного билета, а не отправлять в мусор, не прочитав. А во вкладыше, между прочим, был список желательных презентов. Обычно приглашенные заранее обговаривают выбор недорогого и не обязывающего подарка с личным секретарем именинника.

— У нее есть секретарь? — изумилась я.

— Представь себе. Дамы из высшего света — чрезвычайно занятые существа. Организуют вечера, рауты, благотворительные акции. Посещают приемы, концерты. Прибавь воспитание детей, управление домом... Не забывай о салонах красоты, поездках по фешенебельным магазинам... Этак и суток не хватит, чтобы объять необъятное, — заключил Мэл с усмешкой.

— Причем здесь орхидея?

— Притом. Твоя вторая матушка... ладно, супруга твоего отца... увлекается их разведением. Не знала?

И знать не хочу. Мне плевать.

А Мэлу — не плевать. Он разведал обо всём: о количестве приглашенных, о возрасте мачехи, об её увлечениях. Созвонился с секретарем и забронировал недорогой и не обязывающий подарок. Ну да, капризный экзот с труднопроизносимым названием за полторы тысячи висов ни к чему не обязывает.

Осень захватила столицу. Закружила хороводами облетающих листьев, норovia устлать тротуары и дорожки. Дворники работали, не покладая рук. Кроны деревьев проредились, ветви начали оголяться. Березы донашивали солнечные сарафаны, раскидистые клены щеголяли в бронзовых и багряных костюмах. Лишь зеленые вязы хранили верность ушедшему времени года. А начавшаяся за охранной аркой белая зона не пожелала отпускать лето. Неужели листва продержится до Нового года?

— До середины ноября. Колпак не снимут, но ослабят. Накладно устраивать здесь второй курорт, — пояснил Мэл. Он вел машину, а я приклеилась к окну, впечатлившись перепадом сезонов. Фасады особняков за решетками утопали в цветниках.

Сегодня мои ноги вступили под крышу папенькиного дома гораздо увереннее, чем в первый раз. Иммуитет выработался. Меня теперь не сбить с панталыку показушными родительскими объятиями.

Обед в честь дня рождения жены отца утомил невообразимо. Если бы кто-то сказал, что можно устать, не работая физически, я бы рассмеялась тому в лицо. Но сегодня сама оказалась в роли измотанного донельзя грузчика.

У парадного входа — с десятков машин. Только сейчас, при взгляде на фешенебельные автомобили, мне пришло в голову, что на семейном обеде будут присутствовать родственники мачехи и... моего отца. Согласно родословному древу Влашеков мой родной дед умер много лет назад, а бабке должно быть около восьмидесяти. Называть её бабушкой не поворачивался язык.

Хозяйка цвела и пахла. По-моему, её подбородок стал еще квадратнее и тяжелее. Вместе с отцом она радушно встречала приглашенных в большой гостиной. По протоколу папенька сперва пожал руку Мэлу, а затем кивнул мне. Мэл поцеловал ручку имениннице и передал

наилучшие пожелания от клана Мелёшиных. Мачеха рассыпалась в ответных любезностях. С первых же слов ее громкий голос вызвал раздражение.

Наши места оказались ближе к тому краю стола, где сидел хозяин дома. Противоположный край предназначался хозяйке. Меню предстоящего обеда не пугало: накануне я опять записалась на учебу к эксперту по этикету. Кстати, визит к специалисту по ложкам и вилкам стал причиной спора с Мэлом, который категорически запретил посещать малознакомого мужчину на дому и в одиночку.

— Чего бояться? У меня теперь *cliro intacti*, — убеждала я. — Съезжу туда и обратно на такси. Буду отзваниваться каждые десять минут.

Тщетные уговоры. Или с дэпами, или с Мэлом, или с дуэньей.

— С кем, с кем?! — мои брови полезли на лоб.

— С дуэньей. Со спутницей. С компаньонкой. Возьмешь с собой Афку — слова не скажу, — пояснил невозмутимо Мэл.

— Она занята, — пробормотала я, выбившись из колеи упоминанием о дуэньях. Вот удумал! Где найти группу поддержки за час до начала занятия? Не Басту же звать.

Пришлось мне обучаться способам поедания изысканных блюд в присутствии Мэла. Кстати, он не удивился такому исходу выдвинутого им ультиматума. Почитывал журнальчики, устроившись в кресле, и покачивал ногой.

Специалист по этикету просветил о правилах рассаживания за общим столом согласно сложнейшей иерархической системе: по должностям и званиям, по степени родства с именинником, по общественному статусу, по семейному положению и возрасту. Капец.

И меня рассадили. Слева — Мэл, справа — мужчина преклонных лет с глубокой залысиной и красным картофельным носом.

Во-первых, за столом — человек двадцать гостей. Во-вторых, среди приглашенных нет женщин старше шестидесяти лет, а значит, знакомство с бабулей по отцу отпадает. В-третьих, я наконец-то воочию увидела сродных брата и сестру. Этикет разрешал присутствие несовершеннолетних детей на праздничном семейном торжестве. У сестры был вздернутый нос и поднятые уголки губ, придававшие лицу удивленное выражение. Если она взяла многое от отца, то брат — десятилетний мальчик с прилизанным пробором — пошел внешностью в мать. Видно, что папаша с мачехой вымуштровали детей. Те сидели как солдаты, вытянувшись в струнку, не тянули шеи и не вертели головами как любопытные сороки. Однажды наши взгляды пересеклись, и брат равнодушно отвел глаза, как если бы я была незнакомой гостьей, а не старшей сестрой.

Напротив нас сидела импозантная дама необъятных габаритов в широкополой черной шляпе с роскошным пером. Она дышала с нагрузкой и обмахивалась веером. Чья родственница — мачехи или отца? Отвлекаясь на разговоры, массивная гостья через раз вставляла: " Я вас умоляю!"

Во время обеда я чувствовала на себе взгляд отца. Он любезничал с гостями, шутил, беседовал на незначащие темы, но исподволь наблюдал за мной и Мэлом. Приглашенные тоже разглядывали нашу парочку и делились мнением с соседями. В тесном семейном кругу родня знает всё друг о друге. Лишь я не знала, кто кому и кем приходится за этим столом. Да и по фигу. Покину этот дом и тут же забуду.

Накануне Мэл предупредил:

— Нас посадят вместе. Будь готова к любым провокационным вопросам.

Откровенно издеваться надо мной не станут — побоятся Мэла. Но и не промолчат.

Найдут, как уколоть.

— Скажу, что отвечаешь за меня, и спрячусь за твою спину. А ты будешь отдуваться.

— Сообразительная девочка, — хмыкнул Мэл. — Хорошо, беру штурвал на себя. Заодно разузнаем получше твоих родственников.

Ага, выясним, у кого пасть шире и зубы острее.

— Моей родни среди них нет!

— Ладно-ладно. Не распаляйся.

Поначалу я сортировала гостей по внешним признакам. Рослых и с грубоватыми лицами отбрасывала к родственникам именинницы, прочих — к родне по линии отца. А потом развлечение вылетело из головы — будто отрезало. Потому что меня осенило: наверняка в доме отца часть прислуги — с западного побережья! Мэл рассказывал, что многие ссыльные уплачивают долг отчизне, работая в особняках больших чиновников.

Я приглядывалась к распорядителю обеда, застывшему у двери неслышной тенью. Присматривалась к официантам, незаметно меняющим тарелки и подливающим вино в фужеры. Нет, вряд ли вышколенный персонал родом из моих мест. За три года, уходящих на возврат долга родине, научиться ловкому обращению с подносом можно в том случае, если тренироваться денно и нощно. По всему видно, что обед обслуживали нанятые профессионалы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я вас умоляю! — воскликнула грузная дама, отвлекши внимание от официанта. — А вы шутник, Егор Артёмович.

Что-что?! С Мэлом кокетничают?!

— Это реальная история, — ответил он. — И, к сожалению, картина нерадостная.

Пока я отвлекалась на посторонние мысли, Мэл общался, успевая жевать. Похоже, он стал свадебным генералом на сегодняшнем обеде. Когда он говорил, голоса стихали. Даже мачеха прислушивалась к словам Мэла. Мне она уделяла ровно столько же внимания, сколько и шторам на окнах. Улыбалась, как того требовали правила приличия, и не более. Зато за Мэлом следила с живым интересом.

— А ваша спутница немногословна, — заметила другая дама, наставив на меня лорнет. Ведь в пяти шагах сию. Неужели не видно?

— Эва — мудрая женщина, — ответил Мэл и поцеловал мою лапку. — Она уступает, когда мне хочется выговориться.

Можно бы зардеться от комплимента, потупившись застенчиво, но в столовой собрался не тот контингент. Поэтому задеру нос гордо и высокомерно.

— Мудрость — достойное качество в свете отсутствия прочих способностей, — прокрипел желчный старик, которому выделили место рядом с именинницей. Из-за глухоты гость говорил громко и невпопад.

— Ну, почему же? — приобнял меня Мэл. — Прочих способностей у нас тоже хватает. Генетическая память не подвела Эву. Навыки постепенно восстанавливаются. Эва — сильный боец, как и ее батюшка Карол Сигизмундович.

Надо было видеть обескураженность мачехи. Она решила, что я стала пожизненной висорической инвалидкой. Зато отец сохранял каменное выражение лица. Уверена, он изучал отчеты преподавателей о моих "успехах", но почему-то не делился с женой. Впрочем, как не поделился секретом об уржденной слепоте старшей дочери, поступив весьма умно. Все знают, что нельзя доверять женщинам опасные тайны. Что становится известным

женщине, о том мгновенно прознает весь свет. Поэтому для мачехи я осталась дочерью каторжанки, но жирного минуса в биографии хватило для брезгливого отношения.

— Продемонстрируете достижения? — обратился ко мне крупный мужчина с приплюснутым носом, отсортированный к родственникам именинницы.

За столом повисла тишина. Не успел Мэл открыть рот, чтобы привести парочку железобетонных причин для отказа, как моя рука протянулась вперед, и пальцы сжались в кулак над фужером с вином.

— Я могла бы усладить ваш взор виртуозной игрой с волнами, но позволю напомнить о поводе, по которому мы собрались.

Посмотрев выразительно на мачеху — мол, вот кто сегодня звезда и героиня романа, — я отвела локоть назад и разжала кулак. Сидящие напротив машинально отшатнулись, уклоняясь. Естественная защитная реакция, когда спружинившая волна летит в лицо.

Ворота родительского особняка закрылись за "Турбой".

— Эвка, ты схватила волну! — восторгался без устали Мэл. — Что-нибудь почувствовала?

Я поглядела на пальцы. Ничего не почувствовала. Пустота она и есть пустота. А если бы не схватила, то мило улыбнулась бы и сказала сборищу за столом: "Ой, простите, то получается, а то выходит из рук вон плохо".

— Но ведь ухватила! — не унимался Мэл. — Я от волнения язык прикусил. А ты раз! — и натянула как тетиву у лука. И твой отец впечатлился.

Да уж. Папенька увидел и задумался над тем, как далеко зашел вселенский обман с вымышленным висоратством.

За разговорами я не заметила, что мы ехали медленно-медленно, а потом Мэл и вовсе притормозил.

— Здесь живут мои родители, — кивнул буднично в сторону очередного кованого забора. — Хочешь посмотреть?

Обожежтымой. После вымученного семейного обеда завалиться в гости в Мелёшину-старшему?! Войти в дом, в котором Мэл провел детство и юность?! Поздороваться с его мамой?!

Потрясение от предложения Мэла переключило клеммы в извилинах и вогнало в ступор. А Мэл, не став дожидаться ответа, повернул руль к воротам. Глазок видеокамеры прогулялся вдоль машины, и створки медленно расползлись в стороны.

Мама-мамочка, дай мне сил пережить этот ужасающе длинный день.

Мэл скучал по родительскому дому. Причем сильно скучал, хотя старался не показывать. За Мэла сказало нетерпение, с коим он подъехал к крыльцу и помог мне выйти из автомобиля, не дожидаясь, когда спустится со ступенек встречающий нас мужчина. Мэл поздоровался с ним рукопожатием:

— Привет, Коста. Сто лет, сто зим. Мы ненадолго. Пусть здесь постоит, — кивнул на "Турбу" и представил меня: — Это Эва. Кто дома?

Мужчина вежливо поклонился мне. Он был в брюках и в футболке, несмотря на прохладный день, соответствующий последним числам октября.

— Никого. Все разъехались.

— А Маська?

— Уехала утром на занятия и до сих пор не вернулась.

Мэл вздохнул с невольным облегчением, а следом выдохнула и я. Конечно, порыв Мэла был спонтанным, но если бы мы натолкнулись на кого-нибудь из родственников, у него имелось в запасе оправдание: показать мне родительский дом.

А дом был роскошен, как и парк со стриженными газонами и деревьями, с аккуратными щебневыми дорожками. К двухэтажному особняку вели ступени, расходящиеся по окружности в разные стороны, но одинаково приводящие к парадному входу. Палевые стены, вишневая черепица, балконы, "грибочки" вентиляционных шахт... И окна, окна... Ужас, сколько окон. И все их нужно мыть.

Парк впечатлял выверенной геометрией форм. Мэл бегал здесь ребенком, расшибал коленки, лазил по деревьям, стрелял в воробьев заклинаниями...

Коста покинул нас, уйдя по своим делам.

— Ищешь песочницу, в которой я играл? — ухмыльнулся Мэл, обернувшись. Он успел потянуться, разминая мышцы, и теперь оглядывал окрестности, опершись о невысокую ажурную оградку.

— Ты здесь родился?

— Ну, родился я в клинике акушерства и гинекологии. А сюда мы переехали, когда мне было шесть лет. Пойдем, покажу дом, — Мэл отворил стеклянные двухстворчатые двери, приглашая, но я замаялась.

— Мы ненадолго, — успокоил он.

Хорошо бы. А еще лучше уехать до возвращения родителей Мэла.

И нога с неохотой переступила порог.

— Сколько здесь комнат?

— Зачем тебе?

— Сколько? — не отставала я.

— Пятнадцать, — ответил он после паузы. — На первом этаже — гостиная, кабинет, бильярдная, две столовые, кухня, два салона. На втором — спальня, комнаты.

Мэл показывал, и я замирала в восхищении. Прекрасные интерьеры: люстры, камин, ковры, зеркала, картины, шторы, мебель... Безукоризненная чистота. Элегантность, утонченность, немалый достаток. Лощеный уют, к которому приложила руку мама Мэла.

Бедный столичный принц. Как он умудряется жить в общежитии при минимуме удобств? Наверное, ночами ему снится утерянный комфорт.

— Пойдем, покажу свою комнату, — Мэл потянул по витой лестнице и по ходу движения пояснял, показывая на двери: — Эта пустует. Эта — бывшая Глеба, теперь пустует. Эта — Маськина. Эта — родителей. Эта — бывшая Альбины, пустует. А это моя. Проходи.

В его комнате можно было преспокойно кататься на велосипеде. Просторно, высокий потолок, три окна с опущенными жалюзи. Гардеробная во всю стену. И в ванной два окна. А интерьер неожиданный. На светлом фоне — темная мебель. Минимализм линий. В комнате чисто, без следов пыли. Значит, здесь регулярно убирают. Зато над кроватью — не двуспальной, но достаточной широкой — окно, занимающее добрую четверть потолка. Получается, лежишь, смотришь вверх, а перед глазами — небо. Здорово, наверное, наблюдать, как стучит каплями дождь или падает снег.

— А... — от удивления я растеряла речевой запас. — Значит, по утрам тебя будило солнце?

— Между стеклами установлены различные фильтры, в том числе непрозрачный. Где-то тут валяется пульт.

Мэл бросил пиджак в кресло и, как был в обуви, завалился на кровать. Навел пульт на потолочное окно, и комната изменилась в зеленоватом свете, льющемся сверху.

— Иди сюда, поваляемся, — протянул он руку.

— Неа.

Я предпочла изучать содержимое полочки. Перебирала книги, диски с музыкой, а Мэл смотрел, подперев голову.

— Ты это слушаешь? — потрясла я диском с записями группы, исполнявшей sentimentальные песни лет десять тому назад.

— Небольшая поправка. Я слушал это подростком. Гормоны в истерике и всё такое. Эвочка, иди сюда, — хлопнул он по покрывалу.

Нет уж. У полки интереснее. Переберемся-ка к шкафу у окна.

— А где плакаты рокеров? Я думала, у тебя все стены обвешаны ими.

— Здесь их нет. Кое-что осталось у деда. Когда родители вручили ключи от квартиры, я отвез большую часть вещей к нему. Так что, считай, ты увидела мои подростковые увлечения.

— Эти? — я вытянула с полки книжку "Драконы: мифология и культура".

— В ней красивые иллюстрации. Я копировал рисунки, набивая руку. Иди сюда, — потребовал Мэл.

В книге, стилизованной под древний фолиант, действительно оказались яркие картинки, продуманные до мелочей, а еще текст, напечатанный старинным шрифтом с вязью.

— Коста — с побережья? — вдруг пришло мне в голову.

Мэлу надоело ждать. Вскочив с кровати, он обнял и потерся носом о шею, благо, готовя меня к семейному торжеству, Вива забрала волосы в высокую прическу.

— Гошик... тут нельзя... это непорядочно, — пыталась я убрать его руки.

— Очень порядочно, — заверил Мэл, сопровождая поцелуйчики задираньем платья и поглаживаниями. — Это моя территория. Здесь я царь и господин. Так что покорись, женщина.

Книга упала на пол, и никто о ней не вспомнил.

Внезапно Мэл отстранился. Придерживая меня, он раздвинул полоски закрытых жалюзи.

— Приехала, — пробормотал, глядя в узкую щелку. — Что ж, Эва, пойдем знакомиться с моей мамой.

Понадобилось время, чтобы к ослабевшим ногам вернулась сила, в глазах прояснилось, а голова заработала.

Знакомиться с его мамой, ага. С его мамой!!!

— Мне нравится работа лаборанта, — говорю, сделав поток чая. Руки почти не дрожат. — И дело не в окладе и не в льготах для сотрудников института. Интересно узнавать новое. Пожалуй, теория снадобий — это моё. Например, сейчас наша группа занята в экспериментах по стимуляции бутонообразования у редкоцветущих растений. Обычно после цветения жизненный цикл многих ценных растений заканчивается. А одним из условий получения гранта является сохранение их жизнеспособности. А на прошлой неделе в нашей лаборатории закончились исследования образцов грунта с перекрестков пяти дорог.

Я сижу в кресле, Мэл устроился рядом, на подлокотнике, забросив руку на спинку сиденья. Напротив — мама Мэла, Ираида Владимировна. Она слушает с большим вниманием, время от времени вставляет реплики и задает вопросы. Её неподдельный интерес окрыляет и вдохновляет на болтовню без умолка.

Мы все ужасно переволновались: и я, и Мэл, и его мама. Хотя не похоже, что Мэл взбудоражен. Периодически он отпивает из моей чашки и возвращает её на блюдце, игнорируя свою чайную пару, забытую на столике. Из нас двоих рот не закрывается у меня, в то время как Мэл изредка вставляет скупые фразы.

С приездом Ираиды Владимировны дом ожил. Мама Мэла отдаёт распоряжения приятным негромким голосом, но её беспрекословно слушаются и торопятся выполнить указания. Она вежлива и корректна с прислугой, но не допускает панибратства и держит дистанцию. Одно слово — хозяйка. Очевидно, её предупредили о нашем приезде, потому как она успела оправиться от потрясения, встретив нас с радушной улыбкой, и пригласила в гостиную.

Поначалу у меня душа ушла в пятки от страха, и я цеплялась за Мэла как за спасительную соломинку. Но потом в извилинах прояснилось. Сколько ни дрожи, а рано или поздно придется знакомиться с родителями Мэла.

Сам он объяснил наш визит спонтанным порывом.

— Проезжали мимо и решили заглянуть, — сказал небрежно. — Эва не раз спрашивала, и мне пришло в голову показать дом.

— Правильно. Давно следовало навестить, — поддержала Ираида Владимировна, а я и не подумала обижаться на Мэла, прикрывшегося мной как щитом. Важно, что сделан шаг навстречу, и беседа журчит ручейком.

Подходит женщина средних лет в форменной одежде и что-то говорит маме Мэла на ухо.

— Экономка, — поясняет он тихо. Ещё есть управляющий, на ответственности которого — должное состояние всего поместья. А Коста — начальник службы охраны, из дэпов.

Сколько прислуги у Мелёшина-старшего? Двадцать человек. Падаю в тихий обморок. Водители, охранники, садовники, горничные, повара, не говоря о дворецком и о личном секретаре, который есть у каждой дамы из высшего общества. Из них две трети — невидящие, но с дефенсорами^[23], и связанные обетами о неразглашении. Ведь личная жизнь больших политиков — тайна за семью печатями. Из прислуги лишь двое — с побережья. Это разнорабочие, которые занимаются, в основном, физическим трудом. К примеру, сопровождают экономку в поездках за продуктами или мостят тротуарной плиткой дорожки в парке.

— Прошу прощения, — извиняется мама Мэла. — Звонил Артём Константинович. Он задерживается. Будет поздно. Просил не ждать к ужину. А вы останетесь?

— Ну... э-э-э... — тяну в ожидании поддержки со стороны Мэла. Ура! Мелёшин-старший не приедет, и я воспаряю к небесам.

— Не знаю, — взъерошивает волосы Мэл. — Мы как бы и так подзадержались. Но его голос нетверд и неуверен.

— Прекрасно, — заключает Ираида Владимировна. — Сегодня у нас утка по-восточному и фрикасе в белом соусе. Через час.

В гостиную залетает Баста и швыряет сумку в свободное кресло. Кидается к брату, чтобы обнять, и здоровается со мной.

— Сподобился, значит? Никак Эвочка тебя затащила. Упирался ножками, бедный, а она волокла на аркане, — подтрунивает сестрица, не стесняясь.

— Никто не упирался, — отвечает недовольно Мэл. — И вообще, пойдём, Эва, покажу парк.

— Не опаздывайте на ужин, — предупреждает Ираида Владимировна.

— Ха, опоздуны! — подхватывает Баста. — Я им живо напомню. Эвочка, а может, ну его, этого Гошку? Вредный стал. Давай, лучше покажу фотки из семейного альбома, где Гошик сидит на горшке и мучает пальчик вместо соски.

— Не сочиняй. Нету таких фоток, — раздражается Мэл.

— А ты думал, что уничтожил все улики? Бе-бе-бе, — показывает язык сестрица. — Мне удалось убересть кое-что от твоего вандализма. Надо же очеловечивать братишку. А то племянники будут думать, что ты родился сразу взрослым, при галстукке и на машине. А ты, как все нормальные младенцы, марал подгузники. И стоял в углу в наказание.

— Маська! — произносит угрожающе Мэл.

— Всё-всё, — Баста пятится к двери. — Убегаю, hermanito^[24]. Встретимся через часок.

— Пошли, Эва, — тянет Мэл из гостиной. Практически волочет за собой. Чрезмерная живость сестры завела его.

Мы попадаем в холл, а оттуда, миновав дверь — зеркальный двойник парадного входа, — оказываемся с тыльной стороны дома, на невысоком крыльце с уютным балконом. Вокруг парк, но с естественным ландшафтом. Всё та же ухоженность, которая смотрится органично, без искусственности. Шелковая травка на поляне, протоптанные извилистые тропки, небольшой пруд с мостиком, скамейки. И дубы. Куда же без дубов в родовом гнезде? Перед нами качели в виде перекладки на канатах, переброшенных через толстую ветвь.

Мэл сел и усадил меня на колени.

— Не свалимся?

— Они и не такой вес выдерживали, — Мэл задрал голову. — Раньше здесь висела тарзанка, но когда я вывихнул ключицу, отец велел заменить качелями.

— Больно было? — посочувствовала я.

— А-а, не помню. Севолод вправил в тот же день.

Мы не качались, а так, болтались.

— Замерзла?

— Нет, тут тепло.

Колпак, растянутый над белой зоной, действительно грел, создавая летнюю иллюзию. Правда, дни становились всё короче, и солнце всё быстрее стремилось к горизонту. Начало смеркаться, и в особняке зажгли свет.

— Кухня и малая столовая, — показал Мэл на освещенные окна первого этажа. — А это у Маськи горит, — показал на второй этаж.

— Сколько у вас машин?

— Эва... — вздохнул он. — Зачем? Я же вижу, тебе не нравится. Комнаты, прислуга, бессмысленные гектары... — мотнул головой в сторону парка. — А машин в гараже четыре: мамина, два "Эклипса" — служебный и личный, и дежурная тачка для разных нужд. Был еще "Мастодонт", но он, сама знаешь где... Ну, как? Совсем противно?

— Гош, ты не на том заикнулся и не видишь главного. Мама очень тебя любит и гордится. Заметил, как смотрела на тебя? Она же соскучилась, а ты молчишь, словно воды в рот набрал. Неужели рассказать нечего?

— О чем? О работе? — буркнул он.

— Обо всем, что придет в голову.

— Как тебе сегодняшний обед? — сменил Мэл тему.

— Сносно. Думала, будет хуже. Хорошо, что синдром не проявился. Никто не подрался и не поругался.

— Откуда ж знать? Не факт, что он сразу действует. Разъехались люди по домам и начали воплощать желания, засевшие в головах.

Мне представилось, как носатый родственник мачехи душит пером грузную даму в шляпе, а та сипит: "Я вас умоляю!"

— Это их проблемы, — ответила резко, порываясь встать, но Мэл удержал.

Двери распахнулись, и на крыльце появилась Баста. Она переделалась в полосатые гетры и бесформенный свитер.

— Идите ужинать! — замахала рукой.

— Идем. Зачем надрываться-то? — проворчал Мэл. Он так и не забыл о подколках сестры.

Ужин получился замечательным, не в пример торжественному обеду. В малой столовой накрыли круглый стол, и мы расселись вчетвером: Ираида Владимировна, Баста, Мэл и я.

Неловкость, витавшая в первые минуты встречи, потихоньку испарялась. Но все равно я следила за тем, как ем и что говорю. Не хватало испортить впечатление о себе жаргонными словечками и деревенскими манерами. Да и Мэл понемногу оттаивал. Наверное, атмосфера тому способствовала. Он рассказал вкратце о нашей жизни в общаге, об истории появления Кота и об его оригинальностях. Затем переключился на занятия и на последние развлечения, кои мы посетили.

Баста не язвила. Наверное, Ираида Владимировна велела ей придержать язык, чтобы брат не сбежал из дома.

Поначалу я отвлекалась каждый раз, когда горничные сновали с подносами. Мне было неловко. Потом, правда, вспомнились слова Мэла о том, что большая часть прислуги в особняке Мелёшиных — наемные работники и получают зарплату как, например, официанты в кафе. Почему бы не рассматривать их с этой стороны? Я приободрилась.

Разговор незаметно сместился к предстоящему юбилею у самого старшего Мелёшина. Еще одна головная боль. В предпоследний день октября деду Мэла исполнялось восемьдесят пять лет. Если рассуждать логически, юбилей уважаемого человека не обходится обедом в узком кругу. На торжестве ожидалось более двухсот гостей, в том числе и шумная орава родственников. Кошмар, в общем. А Баста умудрилась родиться днем позже, поэтому родня решила совместить два семейных праздника, тем более повод посчитали символичным:

совершеннолетие внучки и круглая дата у патриарха клана Мелёшиных. Полный абзац. Надо ли говорить, что приглашения прилетели в общагу три недели назад, и Мэл ответил о-очень положительно. За нас обоих.

— Можете переночевать здесь, а утром вернетесь в город, — предложила вдруг Ираида Владимировна, когда ужин подошел концу. — Поздно уже, а обратная дорога — долгая.

— Спасибо... мам... Но у нас Кот голодный. Начнет орать под окном и перебудит всё общежитие. Мы в ответе за тех, кого приручили, — сказал Мэл.

Я выдохнула с облегчением. Не хватало мне ночевки в доме начальника объединенных департаментов и утренней встречи за столом с Мелёшиным-старшим. "Здрасьте, — сделаю книксен. — Я ваша гостья". Бр-р, мороз по коже.

Пусть не можем остаться — дома ведь животное не кормлена, честно-честно, — но горячо поблагодарим за гостеприимство, заодно воздадим похвалу поварам за прекрасный ужин и отметим великолепно сервированный стол.

— Рассчитываю на соответствующий подарочек, hermanito, — сказала Баста на прощание. Они с Ираидой Владимировной стояли на крыльце, и мама Мэла куталась в ажурную шаль с кистями.

— Не лопни от жадности, — парировал Мэл. — Придавит подарочек-то.

— Не волнуйся, донесу, — отозвалась сестрица. — Люблю, когда поувесистее.

Мэл помог мне усесться в машину, а потом подошел к маме... и поцеловал в щеку — быстро, по-мужски кратко. И пока за "Турбой" не закрылись ворота, Ираида Владимировна с Бастой стояли на ступеньках крыльца.

Айва Влашек в последний раз посмотрелась зеркало. Отражение повторило жест, поправив складки халата — приталенного, с глубоким треугольным вырезом, вышитым воротником и длинными рукавами, разрезанными почти до проймы.

Атлас, бархат и крученая золотая нить. Роскошно.

Удовлетворившись придиричивым осмотром, женщина взялась за ручку двери. Пусть не получится, но попытаться стоит.

Супруг просматривал бумаги за столом и делал пометки на полях. Он и в прежние времена задерживался в кабинете допоздна, а теперь и подавно не торопился спать. И стимуляторы принимал чаще и в больших дозах, иначе не выдержать ритма. Иначе жизнь убежит далеко вперед, и не догнать ее, как ни разгоняйся.

Муж взглянул на вошедшую и снова обратился бумагам.

Айва расположилась в кресле, расправила халат. В свете лампы лицо сидящего казалось выточенным из камня. Она часто испытывала гордость оттого, что с годами супруг не расплылся медузой, уподобившись прочим чинушам.

Любила ли она мужчину, сидящего перед ней? Уважала, упивалась превосходством, когда удавалось помыкнуть им. Побаивалась. И ни разу не пожалела о выборе, сделанном почти двадцать лет назад. Их брак оказался выгоден обоим: невеста принесла родовитость и известную фамилию, а жених вложил в семейную копилку упорство и недюжинный ум.

Айва никогда не задумывалась над тем, противна ли мужу как женщина, и устраивает ли его интимная сторона жизни. Достаточно смежных комнат и двух-трех визитов супруга на её половину. За месяц.

Влашек не отличался словоохотливостью. Мало говорил, но много делал. Настоящий мужчина, как считала Айва. Супруг заслужил министерский пост по праву, а вместе с ним и

она. Это их общая победа. И девчонка-выскочка, с существованием которой женщина давно смирилась, не при чем.

Старшая дочь мужа от первого брака. Как мудрая жена Айва согласилась — что было, то прошло. Супруг признал ошибки молодости, но и от дочери не отказывался. Объяснил однажды, что поддержка девчонки важна для карьерного роста, и более не возвращался к теме. И вдруг выяснилось, что его дочурка, каторжанская язва, устроилась лучше некуда. И слепота оказалась не вечной. Айва, конечно, знала, что девчонка спуталась с сыном начальника ДП, но не верила в серьезность и долговечность скандальных отношений, о которых шептались все, кому не лень. А сегодня поверила. Соплюшка незаслуженно пользовалась благами, которые должны принадлежать другим по праву рождения. Да и вела себя дерзко, вызываяюще.

Влашек отложил перо и посмотрел на жену. Стопроцентное зрение — и линзы не нужны.

— Что-то случилось?

Он не любил долгие предисловия.

— Мне пришла в голову отличная мысль. Младший Мелёшин может стать достойной партией для Онеги.

— С ума сошла? У меня договоренность с Рублей.

— Опять этот Рубля... Он сегодня помнит, а завтра забыл. Сам подумай, кто ей светит? Двоюродный безродный племянник из провинции, о котором никто не знает. А Мелёшины — сила. Подмяли под себя закон и порядок, держат всю страну в кулаке. Это блестящая партия. Самая лучшая.

— Тебя не беспокоит, что ей всего лишь пятнадцать? — усмехнулся супруг.

— Скоро исполнится шестнадцать. Достаточно объявить о намерениях, а там недалеко и до совершеннолетия.

— Дорогая, до этого счастливого времени остались какие-то жалкие четыре года. Младший Мелёшин ждать не будет.

— Это же нонсенс! — вскочила и заходила по комнате Айва. — Неужели их семья примет девку с порченной биографией?

— Эта девка — моя дочь, — ответил холодно супруг.

Вот, значит, как заговорил. А не далее как год назад оправдывался, когда привез ее в столицу. Девчонка быстро освоилась и отхватила солидный куш. Может, женщинам в их в роду судьбой написано привораживать перспективных да видных? Правда, они и теряют своих мужчин быстро.

— Неудачно складывается... Будь ей хотя бы восемнадцать... — бормотала Айва, и тут её осенило: — Можно воззвать к праву преемственности! Когда старшая из дочерей умирает накануне свадьбы, суженый обязан жениться на следующей по старшинству сестре!

— Это право давно устарело, — напомнил Влашек. — Сейчас не те времена и не те нравы.

— А если...

— Никаких "если". У меня договоренность с Мелёшиными. Они примут её.

— Ах, вот как! — воскликнула, не удержавшись, Айва. — Ублюдочного выкорымыша призраиваешь? А подумал ты, что произойдет, когда она в силу войдет? Она же из младшего Мелёшина веревки вьет. Как нашепчет, так он и сделает. И всю нашу семью сгноит — из-за злобы, из-за ненависти. Видел, как смотрела на меня? Волком! Не наша она, не

наша. И никогда ею не станет. А как войдет в клан Мелёшиных, так и вовсе отречется от тебя. Своими же руками потопит. Тогда уж ты не нужен ей будешь. А у нас дети малые... Кто их защитит?

Расхаживая по кабинету, женщина не заметила, как муж поднялся и навис над столом.

— Молчать! — рявкнул он, и Айва подскочила от неожиданности. — Иди спать. Мне нужно работать. И забудь о том, что наговорила. Побереги нервы.

Она не осмелилась возражать и вышла из кабинета, притворив за собой дверь.

Влашек сел в кресло и взялся за перо, но рабочий настрой безнадежно испортился. Он повернулся к ночному окну, в котором отражалась комната и он сам.

Вот ведь балаболка. Еще на обеде Влашек понял: жена что-то задумала. Ни черта не соображает бабенка в политике, а туда же лезет. И язык без костей. С легкостью замолол о давно почившем праве преемственности обязательств. До чего у неё просто решается: неудобна — значит, умертвить. Змеиная кровь, чтоб её.

Младший Мелёшин — не теленок, которому любую девку подсунь, и он разницы не заметит. Да и с Рублей нельзя ссориться, а за четыре года много воды утечет. К тому времени Мелёшин-старший будет с двумя внуками нянчиться — с такой-то прытью, как у младшего.

Ой, как я боялась. Завтракала и боялась. Полола грядки в оранжерейном боксе и боялась. Писала реферат и боялась. И когда любила Мэла, не могла выбросить из головы знаменательную дату. Предстоящее мероприятие стало занозой, не дающей покоя. Меня пугало присутствие многочисленной родни Мэла на торжестве.

На банкете в честь юбилея самого старшего Мелёшина соберется весь клан: ныне здравствующие члены семьи, включая детей. Фамилия, запустившая щупальца в политику, во власть и в деньги. И Мэл — ее часть. Нужно срочно повторить конспекты по запутанным родственным связям рода Мелёшиных.

После экспромтного визита в родительский дом настроение Мэла заметно улучшилось. Он сыпал шутками, подтрунивал надо мной, потакал капризам и капризикам. Забыл о вспыльчивости и демонстрировал неисчерпаемое великодушие. А мой настрой потихоньку опускался к отметке "ноль" и, преодолев её, пополз ниже. Юбилей самого старшего Мелёшина неумолимо приближался. Трясучка охватила организм.

Мэл озаботился выбором подарков, отстранив меня от участия.

— Не волнуйся, у меня всё на мази, — заверил, когда я предложила обсудить животрепещущую тему.

Ну и ладно. Пусть решает самостоятельно. Ему виднее, что дарить.

В итоге Баста получила машину, упакованную в прозрачную пленку и перевязанную большим, переливающимся на солнце бантом. Это "Торнадо", — пришла я к выводу, наблюдая с ошалевшим видом, как подарок выгружают из трейлера и ставят на лужайку перед домом. А когда до именинницы, а заодно и до меня дошло, что автомобиль полностью съедобен, наша психика подломилась.

Корпус отлит из шоколада, сиденья — из прессованных орехов в меду, руль — мармеладный, колеса — из маковой карамели. Приборная панель, коврики в ногах, зеркала, педали — всё, выглядело как настоящее.

Баста, отойдя от столбняка, не удержалась и высказала брату всё, что думает о подарке — сумбурно и с междометиями.

— Помнишь, я говорил, что мир не такой, каким кажется? — сказал мне Мэл и повернулся к сестре: — Ты просила потяжелее — джинн выполнил пожелание. Чем недовольна? Боишься потерять талию? Это спецзаказ на тысячу килокалорий. Низкоэнергетический. Обьедайся на здоровье, любимая сестренка.

Вселенская забота в его голосе прозвучала подозрительно. Меня посетила подспудная мыслишка, что своим подарком Мэл ответил сестре на её подколки. "Я не мстительный, но имею хорошую память" — говорил его взгляд.

В отличие от брата-шутничка родители отнеслись серьезно к факту совершеннолетия дочери, вручив гарнитур: серьги и кольцо с бриллиантами. Баста показала мне футляр с драгоценностями, уложенными на черном бархате. К тому времени она уже успокоилась, а поначалу, по ее словам, "задохнулась от счастья, завизжала и полчаса скакала по дому как сумасшедшая".

А с презентом для самого старшего Мелёшина вышла заминка. Дед Мэла предложил... провести выходные в его поместье.

— Зачем? — напугалась я. — Разве ж это подарок? Припрямся, объедем его, натопчем,

намусорим и уедем. Да еще будем шуметь и мешать.

— Не вижу ничего странного. У деда есть всё и даже больше, — пояснил Мэл. — Что может пожелать эксцентричный человек? Ему скучно. Уважь старика.

Уважу, деваться некуда. Но ни на висор не поверю в безобидность приглашения. В конце концов, кто и кому делает подарок? Сплошная путаница.

В оставшиеся до банкета дни я изломала голову над истинными причинами предложения о гостевании в загородном поместье. Наверняка самый старший Мелёшин решил выяснить в приватной обстановке, достойна ли я его внука, после чего вынесет окончательный вердикт.

— А как быть с Котом? — вспомнила об усатом. Куда девать животинку на выходные? Нет-нет, мы не можем уехать из города и бросить мурлыку на произвол судьбы.

— Возьмем с собой, — ответил Мэл, не задумываясь. Хитрец. Ясно, что всё предусмотрел. — Эвочка, не бойся. Дед не съест. У него огромная библиотека. И ежевика до сих пор поспевает.

С грехом пополам ему удалось убедить меня в нормальности нашего "подарка". Чего желают люди на закате жизни? Покачиваются в кресле-качалке на крылечке, укутавшись в плед. В ногах грелка, под головой подушка. Спи, дедушка, отдыхай. Ты достиг всего, чего хотел. Пора на покой.

Дед Мэла на покой не собирался, что и доказал банкет на двести пятьдесят персон. Более того, самый старший Мелёшин не собирался на покой в ближайшие лет этак п-цать. Живчик, в общем.

Мероприятие проходило в Банкетном дворце. Это величественное здание располагалось на одном из центральных проспектов недалеко от Дома правительства. Всем дворцам дворец, а я почему-то не замечала, хотя дороги не раз пролегли мимо зеркального цилиндра со сферической крышей. Частные лица могли арендовать любой из пяти залов для проведения торжеств, начиная от свадеб и заканчивая поминальными обедами. По задумке архитекторов Банкетный дворец проектировался с отдельными равноотстоящими входами, а подземная парковка вмещала до двух тысяч автомобилей.

Внутреннее убранство дворца потрясло воображение. Позолота, зеркала, свечки-лампочки в канделябрах, благородное дерево, лестница с широкой ковровой дорожкой, витражи с иллюзиями, цветочные гирлянды. Немногие смогут выложить денежки, чтобы организовать праздник в центре столицы.

На банкет прибыло немало гостей помимо родственников самого старшего Мелёшина, в частности, мой родитель с мачехой и другие известные политики, примелькавшиеся на правительственных мероприятиях. Приглашенные приветствовали именинника и его внуку в гостиную. Надо ли говорить, что волнение терроризировало меня с раннего утра, и лишь ударная доза успокоительных капель утомонила мандраж. Но страхи-то не уменьшились.

Сколько лиц! — пряталась я за Мэла, стараясь слиться с интерьером, но безуспешно. Личная стилистка подошла ответственно к созданному образу. Я стала Осенью. На голове — мешанина искусственных и родных прядей: медных, горчичных, бронзовых, красных, золотистых. Вива уложила волосы в замысловатую прическу с кокетливыми локонами и завитками. Облик дополняло платье из тяжелого шелка с кружевными вставками в виде осенних листьев. Тонкая работа. Эксклюзивная модель из числа придуманных Вивой.

— Как держаться с родственниками Мелёшина, совета не дам. Ориентируйся по ситуации, — сказала стилистка, когда я наконец, оторвалась от неземного создания в

отражении, оказавшегося мною. — Но знай: будешь робеть и стесняться, и все скажут, что Мелёшину досталась рохля и тюфячка. Будешь вести себя нагло и вызывающе — скажут, что Мелёшину досталась невоспитанная халда с недалеким умом.

— И как быть? — растерялась я. Что выбрать?

— Всем не угодить. Слушай не меня, а свое сердце. По крайней мере, если провалишься, то я не при чем.

Спасибо, утешила.

Таким образом, гости засматривались на эффектный образ Осени, а Мэл собственнически обнимал меня за талию, игнорируя светское правило: "дама должна держаться за локоток".

В ожидании — пять минут, прежде чем распахнутся двери в банкетный зал, — Мэл познакомил с двоюродными тетушками. Одна из женщин оказалась дочерью двоюродного деда Мэла, который в свое время занимал должность главного коменданта западного побережья. А вторая тетка... чья же она дочь?... Ой, вспомнить бы схему родословного древа... Вроде бы дочь сестры деда Мэла. Или дочь его второго брата?

Пока я выуживала из памяти семейные хитросплетения, раскрылись высокие, под потолок, двери. Золотое на белом смотрелось по-королевски, и фантазия заработала, перенеся меня в сказочные чертоги. Распорядители банкета оформили стол в виде буквы П, и нам с Мэлом достались места на левой половине "подковы", ближе к краю. Для детей выделили отдельный стол, сервированный на взрослый манер.

Свет люстр дрожит в хрустале. На белоснежной скатерти — посуда из тончайшего фарфора и столовые приборы из серебра высочайшей пробы. Через каждые полметра — вазы с цветами. Вымуштрованные официанты скользят неслышными тенями. Знакомые чернокостюмники с рациями рассредоточились по залу. Это дэпы следят за порядком. Гостей много, и оттого в помещении значительно шумнее, чем на обеде по случаю дня рождения мачехи. Но когда восхваляют именинника и желают всяческих благ, голоса стихают. Каждый тост поддерживается аплодисментами.

В промежутке между сменой блюд Мэл рассказывал о родне и показывал наглядно. Наконец-то я увидела его старшую сестру с супругом гораздо ближе, нежели на правительственных приемах и раутах. Высокая пара сидела рядом с именинником, как и полагалось по этикету. Как-никак мужем Альбины был первый советник премьер-министра С.Ч. Семут. Это он отмазал меня от ареста в квартале невидящих, и к нему Мэл ездил в гости по-свойски, прежде чем надел Коготь Дьявола на мой палец.

За тем же столом нашлось место и для Георгия Дмитриевича Мелёшина — бывшего коменданта побережья и по совместительству двоюродного деда Мэла. Согласно информации из генеалогического справочника Георгий Дмитриевич появился на свет на четыре года раньше брата, но признанным главой клана стал родной дед Мэла — Константин Дмитриевич.

Бывший комендант выглядел как огурчик. Имел кустистые брови, сросшиеся на переносице, и глубокие складки у рта. Рядом с ним сидела старуха в черном одеянии — двоюродная бабушка Мэла. Оказывается, в роду Мелёшиных — сплошь долгожители. Отменная генетика, прекрасная наследственность, — пришла я к выводу, разглядывая старшее поколение семьи.

А дальше понеслось галопом. Не помогла и предусмотрительно заготовленная шпаргалка с каракулями родственных связей. В голове смешались дядья и тетки, шурины и

зятя, невестки и золовки, племянники и племянницы, кузены и кузины... Прямые, двоюродные, троюродные и так далее по нарастающей. Те, в ком текла кровь рода Мелёшиных.

— А почему нет Рубли? — спросила я шепотом.

— Премьер не выказывает расположение какой-то конкретной семье. Это называется политкорректностью. Если бы банкет носил деловой характер, еще куда ни шло. А здесь добрая половина собравшихся — родственники. Поэтому из этических и политических соображений премьер-министр ответил отказом, хотя ему и отправили приглашение. Так принято.

Дурацкий этикет. Все знают, что Рубля не приедет, но зовут.

Севолод сидел на нашей половине "подковы", но значительно ближе к имениннику. С дядей Мэла соседствовала ослепительная блондинка с картины из жилища на Кленовом листе. "Кузену" Вадиму досталось место на другой половине буквы П, напротив нас.

Как ни странно, во время банкета внутреннее напряжение понемногу отпустило. Любопытство гостей никуда не делось, но на меня посматривали вскользь, без ядовитого прищуря, без сплетен и злословия на ухо соседу. Не обливали враждебностью и едкими замечаниями. Я поймала взгляд Мелёшина-старшего, брошенный в нашу с Мэлом сторону, но не испытала страха. И Ираида Владимировна улыбнулась ободряюще. Отец тоже пару раз выловил меня глазами среди жующей публики.

Мэл не ждал, когда нас обслужат официанты, и ухаживал, подливая сок в мой бокал, или подкладывал ломтики нарезки с блюда.

— Ты его внук, — кивнула я на самого старшего Мелёшина, — а сидишь недалеко двери. Разве так полагается по этикету?

Спросила не из зависти, а из любопытства: чем руководствовались распорядители банкета, расставляя карточки с нашими фамилиями на праздничном столе?

— Поэтому мы здесь и сидим, — ухмыльнулся Мэл. — А если бы не был внуком, нам выделили бы места с краю. Пока что я — никто. Без образования, без громкой должности. И не женат. Эвка, если выйдешь за меня замуж, мы перескочим во-он туда. А когда получу аттестат, перепрыгнем еще дальше. Что, очень хочется?

— Нет, — ответила честно. — Мне и здесь хорошо. И с краю сиделось бы неплохо. Я не честолюбивая.

— Напрасно. Нужно работать локтями, — вздумал поучать Мэл. — Иначе более расторопные отодвинут и займут твое место под солнцем.

— Да пожалуйста. Оно всем одинаково светит.

— Не спорю. Но в рост-то идут по-разному. В тени обитают заморыши и дохляки. Их легко согнуть и сломать. А кто освещается со всех сторон, у того ствол толще, корни крепче, листва ярче. И поросли много.

— Ты это к чему сказал? — начала я раздражаться, пропустив мимо ушей образное упоминание о поросли. — Что я лентяйка? Что нужно быть наглее и лезть наверх, шагая по головам?

— Нужно знать себе цену. Например, если тебе предложат место с краю, ты не должна соглашаться. Развернешься и уйдешь. Тем самым, покажешь хозяевам, что не позволишь себя унижать, и что у тебя есть достоинство.

— Но ведь как ни крути, а все равно кто-нибудь сядет с краю! — воскликнула я приглушенно, стараясь не привлечь внимание к нашему разговору.

— Но это будешь не ты.

— Нет, я. Приду на праздник и усядусь. Мне плевать на этикет. Не хотели бы — не пригласили бы вовсе.

— Ох, Эвка, тебя еще воспитывать и воспитывать, — посетовал Мэл.

— Знаешь, что? — подпрыгнула я, заводясь. — Стремись хоть к Рубле на колени, а меня не переделаешь.

— Признай, что не хочешь замуж, и тогда наш спор станет бессмысленным, — выдал Мэл.

— Причем здесь замуж и спор? — вскинулась я и поймала любопытные взгляды соседей по столу.

Тут на другой половине "подковы" приключилась заминка, и дэпы вывели из зала двух мужчин. Тихо выпроводили, без скандалов и ругани, но по залу прошел шепоток.

— Видишь? — схватил меня за руку Мэл. — Твой синдром подействовал.

— Ну да, — фыркнула я. — Каким образом? Они со мной не здоровались и не общались.

— Наверное, случайно столкнулись в гостиной. Хорошо, что они сейчас вышли. А то через пару минут поубивали бы друг друга заклинаниями.

— С чего ты взял? Во всем видишь плохое. Вполне мирные товарищи, без агрессии.

— Приглядишься, — Мэл показал на щуплого мужичонку у двери, сливающегося с фоном. — Если обернешься, заметишь еще троих. Это провидцы. Они работают в департаменте отца. Правдоподобность их предсказаний зашкаливает. Девяносто процентов совпадений.

— Неужели?! Они могут предсказать наше будущее?

— Недалекое. Диапазон видений — в пределах двух-трех минут. Провидец ориентируется на ауру и эмоциональный фон людей. Нестабильность и резкие скачки означают, что человек находится на грани срыва и способен на непредсказуемые поступки. Провидец сканирует временной интервал и устанавливает степень опасности индивида.

Выходит, Мелёшины подстраховались по всем направлениям. Привлекли дэпов и прочих специалистов. Семейству не нужны скандалы. Торжество должно пройти чинно и благопристойно.

В финале банкета состоялось фотографирование членов клана Мелёшиных, занявшее около часа. Попробуй рассадить и расставить более ста взрослых и детей! Два фотографа с помощниками распределяли Мелёшинскую родню по рядам согласно заранее составленного плана. Выверялось всё — рост, габариты, возраст, родственные связи, — чтобы обеспечивалась максимальная гармоничность будущего снимка. И к величайшему моему изумлению в схеме посадки нашелся кружочек и для меня. Во втором ряду вместе с Мэлом.

— Гош, это неудобно, — отбрыкивалась я. — Предупредили же, что фотосъемка — для членов вашего клана.

Чем моя персона лучше других? Тот же "кузен" Вадим встал в третьем ряду в одиночестве, а его спутница потягивала коктейль через соломинку, наблюдая за суматохой со стороны.

— Пойдем, — тянул Мэл. — Нельзя отказываться.

Помощники прошлись напоследок по рядам, проверяя расстановку гостей зачеркиванием соответствующих кружочков, после чего фотографы навели объективы. Нащелкали кадров пятьдесят, наверное, и заставляли растягивать губы, произнося слово "сы-

ыр". И без конца выправляли наклон головы и разворот корпуса у позирующих. Мэл терпеливо сносил экзекуцию, прижимая к себе, и мимолетно нацеловывал в висок или в ушко.

Во время короткого перерыва, когда помощники передвигали софиты, взгляд случайно наткнулся на отца. Родитель и мачеха стояли в группке беседующих гостей. Жена папеньки говорила, обмахиваясь веером (не из-за духоты, а следуя последнему веянию моды), а мой отец наблюдал за процессом фотосъемки.

После завершения банкета, мы распрощались с именинником и с Бастой. На сегодняшнем торжестве она была официальной дамой своего деда. Самый старший Мелёшин поднес мою ладошку к губам.

— Надеюсь, вы не пожалели и не заскучали.

— Большое спасибо за приглашение. Мне очень понравилось.

По дороге в общежитие я заметила:

— На фотографии лица получатся размером со спичечную головку. Не поймешь, кто есть кто.

Мэл хмыкнул.

— Снимки сделают на подложке с десятикратным увеличением. Можно двигать изображение пальцами и изменять масштаб. Так что не бойсь, в толпе не потеряемся. А на обратной стороне фотографии сделают опознавательные метки каждого участника съемки: имя, фамилия, возраст, степень родства с именинником.

— А какая у меня степень родства с твоим дедом?

— Сама подумай, — ответил коротко Мэл и перевел внимание на дорогу.

Умный совет. Чем дольше я размышляла, тем жарче разгорались щеки. Наверное, метка будет звучать так: "Папена Э.К. - проходила мимо". Или нет. "Папена Э.К., девушка внука". А может, вот так: "Папена Э.К., невеста внука"?

А затем настал черед нашего подарка самому старшему Мелёшину. В общежитии мы переоделись и захватили заранее приготовленные сумки, не забыв о Коте.

— Радует, что у нее есть немалое улучшение по весу, — сказал Мэл, встряхнув мою кладь. Зря ехидничает. Я подошла рационально к поездке за город и не стала впихивать в сумку весь свой гардероб.

В путь! Нас ждет алая зона. Там, где живет дед Мэла и премьер-министр.

Кот забрался ко мне на колени. Встав на задние лапы, он уперся передними в приборную панель и с большим удовольствием следил за дорогой.

— Еще один высокоскоростной маньяк, — вздохнула я, потрепав усатого за ухо.

— Настоящий мужик, — заключил Мэл, и Кот солидарно мяукнул.

Всё просто. Белая зона — белая охранная арка. Алая зона — и охранная арка выкрашена в соответствующий цвет.

Лента дороги вела по хвойному бору, который вскоре расступился, являя взору большую поляну. Частокол сосен и елей окружал открытое пространство, застроенное особняками. Мы проехали в другой конец алой зоны, прежде чем перед "Турбой" открылись нужные ворота.

Поместье самого старшего Мелёшина граничило двумя сторонами с лесом. В ближайших соседях — строительный мегаманат.

Было бы наивно полагать, что дед Мэла живет в халупе. Дом — двухэтажный, но в разных уровнях, похожий на нагромождение кубиков. Немаленькая прилегающая территория. Причудливые клумбы с цветами, создающими затейливые геометрические узоры. Суета прислуги.

— По-моему, это неправильно, — сказала я, когда мы выгрузились из машины. — Твой дед еще не вернулся из города, а мы явились — не запылились.

— Всё правильно, не беспокойся, — заверил Мэл. — Указания получены, задания розданы. Он задержится и приедет позже.

Нас встретили, словно важных и дорогих гостей, и проводили в разные комнаты. Да-да, развели в противоположные стороны: меня — налево, Мэла — направо. Потому что приличия требовали. Незамужняя девушка должна блюсти свою честь в отдельных апартаментах.

Кот проявил самостоятельность. Бежал рысцей, не отставая, и в холле предпочел повернуть налево. В комнате он запрыгнул на кровать и разлегся на подушке, наплевав на неодобренный взгляд горничной.

Выделенные апартаменты вызвали растерянность. После Моццо я ни разу не ночевала без Мэла. Исключение составила демонстративная обида, когда он высказал сомнение в моих кулинарных способностях. Но две ночи на диване стали для меня тяжелым испытанием. Бессонница, угрызения совести, дыхание спящего Мэла из соседней комнаты, улавливаемое обострившимся слухом...

Горничная замерла в ожидании указаний.

— Спасибо.

Женщина не шевельнулась. Вежливо улыбалась и смотрела на меня.

— Спасибо, можете идти, — сказала я громче.

— Если потребуется, зовите. — Она показала длинный витой шнурок с кисточкой, спрятанный за шторой. Предполагалось, что за него нужно дергать, а когда прибежит прислуга, потребовать сказку на ночь.

— Спасибо, — сказала я в третий раз, и горничная вышла, оставив меня в компании Кота. Наверное, решила, что гостя со странностями.

С размаху я бухнулась на кровать, спружинившую под весом. Что делать? Ждать Мэла здесь или побродить по дому? Требуют ли правила приличия надевать вечернее платье к ужину? Зачем мы сюда приехали? Быть может, дед Мэла захотел проиллюстрировать изнанку жизни сильных мира сего и заодно решил намекнуть на удобства, потерянные внуком?

А удобства соответствовали заявленному уровню. Спальная комната была великолепна во всех смыслах. Ни царапинки, ни пылинки. Солидная мебель, ковер, кровать под атласным покрывалом, окно в пол. Тут же — двери в ванную и в туалет. С балкона — вид на парк и угрюмую черноту леса. Воздух чист и свеж, и птицы поют.

— Ну, как? Нравится? — обняли меня и поцеловали в щеку. Это Мэл подкрался неслышно, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Наверное. Не распускай руки, а то пойдут слухи. Подмочишь мою репутацию.

Он рассмеялся и не подумал послушаться.

— Переоденься во что-нибудь удобное. Покажу тебе дом и окрестности.

— Хорошо. Подождешь за дверью?

— Здравствуйте. Почему это?

— Потому что неприлично видеть девушку неодетой.

— Ясно. А Коту, значит, разрешается глазеть?

— Коту? — удивилась я. — Он ведь это... животное.

— Неважно, — ответил Мэл и ушел с балкона. — На выход, — донесся его голос из комнаты.

Кот неохотно сполз с кровати и со скоростью гусеницы направился к открытой двери. Мэл придал усатому ускорение, подтолкнув под зад носком ботинка.

— Мы уважаем приличия. Ждем внизу, в гостиной, — сказал и вышел вслед за Котом. А я и рта открыть не успела, чтобы спросить: как найти эту гостиную и не потеряться в незнакомом доме?

И почему жилища богатых и именитых похожи как близнецы? Скукотища. Ни разрисованных обоев, ни следов размазанного и отскобленного пластилина, ни рожек у портрета на картине, ни пятен от малинового варенья на ковре, ни прочего пакостничества и вороватых проделок. Прилизанный лоск. Даже лестница какая-то скучная: не скрипит, и ступени без выщербинок. Сейчас возьму и заблужусь. Или неэстетично столкнусь нос к носу с самым старшим Мелёшиным, вернувшимся из города. Или прицеплюсь к первой попавшейся горничной и выведаю о прислуге с побережья.

Не столкнулась и не прицепилась. Мэл вывернул из-за поворота.

— Наконец-то. Носик пудрила?

— И носик, и прочие части тела.

— Ну-ка, ну-ка, отсюда поподробнее, — оживился он, увлекая за собой.

Мэл показал дом, вернее, его часть. Библиотека произвела на меня неизгладимое впечатление. Просторное помещение. Застекленные шкафы вдоль стен. Лестница на колесиках — чтобы достать интересующую книгу с верхней полки. Посередине комнаты — основательный стол, на поверхности которого выложена в мозаике географическая карта мира. Удобные кресла. Два панорамных окна, зрительно увеличивающих пространство помещения. Балкона как такового нет. Он застеклен, и для любителей почитать с комфортом там устроена ниша с матрасом. Должно быть, незабываемое ощущение: укладываешься дождливым днем с любимой книжкой, снаружи лютует непогода, а ты представляешь, будто стоишь на высоком мысу. Внизу пенится и бурлит штормящее море, и того гляди, следующий шквал обрушится и столкнет вниз.

— Красиво, — кивнула я на модель парусника, застывшего на лакированной глади стола. Судно притягивало взгляд мельчайшими подробностями: многочисленными

парусами, мачтами, канатами, фигуркой русалки, украшавшей нос судна.

— Это барк. Трехмачтовый. Севолод собирал. Видишь, какое имя у корабля?

Вижу. "Севолод Великий" — шла надпись по левому борту. Да уж, дядя Мэла не умрет от скромности.

Уж лучше Севолод, чем Мэл. Если бы мой мужчина, помимо всего прочего, увлекался сборкой парусников, мне бы осталось пойти и тихо утопиться в ванне от собственного несовершенства.

— Необычные интерьеры. Как и дом, — заключила я, когда мы обошли первый этаж, заглядывая в комнаты.

— Проектировал приятель деда. Чудак, каких поискать. Любил геометрию. Предлагал построить дом в виде пирамиды или в форме шара.

— И остановился на кубиках.

— Тоже заметила? Уж лучше кубики с нормальными ступенями, чем лестница-желоб, по которой скатываешься каждый день, — поделился Мэл бедами богатеев. На этом он прервал осмотр местных достопримечательностей, и мы отправились на улицу.

— Моя комната никуда не денется, а снаружи скоро стемнеет. Пошли, кое-что покажу.

Этим "кое-чем" оказались четырехколесные вездеходы, занимавшие целый угол в гараже помимо двух набриолиненных машин. Вездеходы отдаленно напоминали электромобили из Моццо, но имели мощные рифленые колеса и сиденье, как у мотоцикла. Мэл пояснил, что это квадроциклы, и поздоровался с мужчиной в рабочем комбинезоне, копавшимся во внутренностях машины. Он не побрезговал тем, что хозяин гаража за секунду до рукопожатия вытер тряпкой испачканные в масле руки.

— Это Михась, автомеханик. Это Эва, — представил меня. — Мы чуток покатаемся.

И почему я не удивилась? Мэл питался адреналином на завтрак, обед и ужин. А сейчас как раз подоспело время запоздавшего полдника, и вездеходы призывно сияли полированными боками.

— Гош, я не люблю гонять, — сказала с тоской, когда Мэл вручил мне шлем и перчатки.

— Никаких гонок, — заверил он. — Покатаемся с полчаса как на великах. Нагуляем аппетит перед ужином. Не волнуйся. Управляй квадроциклом как машиной. Дороги здесь укатанные, без кочек и камней. Шлемы снабжены встроенными рациями. Мы можем слышать друг друга.

Мэл помог взобраться на вездеход.

— А лошадей у твоего деда нет? — проворчала я, устраиваясь на сиденье.

— Есть. В конюшне, — подтвердил он. — Покажу, когда поедем мимо.

Осталось закатить глаза и вздохнуть мученически. Надеюсь, Мэл не предложит освоить гарцевание на коне.

И мы поехали по широкой дорожке, оглядывая окрестности: Мэл впереди, я — сзади. Действительно, поползли неторопливо, почти пешком. Мэл махнул влево.

— Флигель для прислуги, — раздался его голос в наушниках.

Одноэтажное здание пряталось за деревьями. Виднелись крыша и часть кирпичного угла.

Мэл махнул вправо, куда убегала дорожка, раздвоившись:

— На пруд.

Просто замечательно.

Взмах руки в другую сторону:

— Конюшня.

Куда же без конюшни в уважаемом семействе? Без конюшни над семейством будут смеяться.

Очередной взмах:

— Ежевичник.

По мнению Мэла, я — тетка с лесной ягодой. Нужно наведаться и проверить.

Он снова махнул вбок:

— Крепость и пиратская хижина.

Как Мэл определил? Нет ни тропинки, ни иных опознавательных знаков.

— Что за хижина?

— Мое детство было пиратско-рыцарско-космическим, — оглушил голос в наушниках. — Крепость из камней, а хижина — на дереве, чтобы не добрались тигры и львы. Я лично строил.

Ага, его детство прошло в играх. Воображаемые схватки с врагами и опасными животными. Полная приключений жизнь, насколько позволяла фантазия. А мое самое опасное приключение длилось изо дня в день, из ночи в ночь, в течение нескольких лет.

За разглядыванием окрестностей мы подъехали к другим, запасным воротам, выходящим на обводную дорогу. Мэл притормозил, остановилась и я. Из будки вышел рослый мужчина. Мэл поднял стекло шлема и поздоровался рукопожатием.

— Эва, покажи ему лицо, — велел по рации.

Охранник бросил на меня мимолетный, но цепкий взгляд, и ворота медленно отъехали в сторону. Красный шар солнца стремился к горизонту, отчего на фоне блеклого неба лес казался черной растянутой полосой. Секундное беспокойство промелькнуло и пропало.

Как и пообещал Мэл, мы ехали неспешно. Вывернули на просеку, идущую параллельно кромке бора, и двинулись вперед. То ли потому что дело близилось к вечеру, то ли повлияли тишина и безлюдность, но этот лес мне не нравился. Лучи опускающегося солнца лизали траву, рождая косые тонкие тени от деревьев.

Квадроцикл шел ровно, и трясучка не ощущалась. Колеса сминали шишки и вдавливали в землю. Выступающие корни игнорировались отличной системой амортизации. Поначалу Мэл рассказывал об обитателях алой зоны, но потом увлекся ездой. За соснами мелькали крыши особняков, и я притормаживала, чтобы рассмотреть архитектурные изыски. Так и добралась с короткими остановками до развилки. От перекрестья вторая дорога уходила в лес. А Мэл исчез. Куда сворачивать?

В тот момент мне и в голову не пришло позвать его по рации. Я сняла шлем и прислушалась. Деревья чуть слышно шумели. Смыкаясь кронами, напевали песню, казавшуюся тревожной и зловещей. Из глубины бора напозала тень, захватывая территорию, как вражеское войско. Почудилось, что за мной следят и тут же прячутся за стволами, стоит повнимательнее приглядеться.

В мозгах переключилось. Бывает так, что события наслаиваются друг на друга, рождая дежавю. Этому способствует определенная обстановка, освещение, запахи, звуки. Я вдруг перенеслась в прошлое, в лес рядом с домом тетки. Раскаленный блин солнца также погружался за край леса, также шептались деревья, и стояла такая же одуряющая, до звона в ушах, тишина. И никого вокруг, а в доме — мертвая женщина.

— Эва! Эва! — трясли меня. Тормошили. Гладили по голове. — Эва, очнись! Почему

сняла шлем? Что случилось?

Я вцепилась в Мэла. Тряслась мелкой дрожью, а он успокаивал, уговаривал как испуганного ребенка. Откуда-то появился термос, и в руках — чашка с горячим чаем. Ароматный напиток прошелся теплой волной по пищеводу и привел в чувство.

Оказалось, прошло чуть больше минуты, когда Мэл заметил, что отъехал достаточно далеко. Он ринулся назад, звал по рации, но не услышал ни ответа, ни приветия. Мэл нашел меня сидящей в скрюченной позе у колеса.

И я рассказала ему — с паузами, невнятно и сумбурно, — о тетке, о жизни в её доме, о том, что родственница умерла по моей вине. Слова выдавливались через силу, напитавшись старыми детскими страхами.

Мэл обнял и притянул к себе, поглаживая.

— Нет, Эва, ты не виновата. Она не ожидала, что ты сможешь дать отпор. Очевидно, ее потрясло твоё сопротивление, и сердце не выдержало.

— Не оправдывай меня. Она осталась бы жива, промолчи я тогда.

— И надолго хватило бы твоего терпения? Насколько я понял, жизнь у тетушки была далеко не сахарной.

Я не ответила.

— Не вздумай обвинять себя в ее смерти. Ты поступила храбро. Я бы посвятил тебя в рыцари, — хмыкнул весело Мэл и продолжил, помолчав: — Ох, Эва, Эва... До чего же скрытная... Иногда кажется, что ты знаешь обо мне всё, а я ничего не знаю о тебе. Об интернате упомянула в двух словах. О других ВУЗах — и того меньше. О тетушке вообще не рассказывала.

— Зачем? Это неинтересно.

— Наоборот! — воскликнул он с жаром. — К примеру, меня никогда не заботило, как живут на юге. Я считал, что там рай для мазохистов. Для меня цивилизация ограничивалась пределами столицы. Ну, и Моццо. А оказалось, ты проучилась на юге достаточно долго. Расскажи еще о жизни у тетушки.

"Тетушка"... Змея подколотная. Неустанно вдалбливала мне в голову мысль об ущербности и недоразвитости. В кого бы я превратилась, не вздумай ее сердце остановиться одним прекрасным вечером? Если день за днем человеку внушать, что он свинья, тот вскоре начнет хрюкать. А что говорить о ребенке?

Мы тронулись в путь, когда начало темнеть. Включили фары и поехали неторопливо. Теперь Мэл пустил меня впереди и по рации указывал, где нужно сворачивать. В алой зоне тоже наступил вечер: загорелись фонари и окна особняков, высветляя темнеющее небо. Если бы не нервный срыв, поездка на квадроциклах понравилась бы мне. Миновав охранника у ворот, мы покатали к гаражу.

— Дед вернулся, — заметил Мэл, показав на темный "Эклипс", и сердце заколотилось в волнении. Нужно срочно хлебнуть успокаивающих капелек.

Освещенные окна придали дому вид праздничной елки и еще больше взбаламутили спокойствие. При входе дворецкий церемонно сообщил:

— Пожалуйста к ужину через полчаса.

Мэл церемонно кивнул и взял меня за руку:

— Пойдем, провожу.

— Гош, мне страшно, — заныла я, когда мы добрались до нужной двери.

— Не бойся, дед не кусается. И вообще, привыкай. Не робей. Не забудь — ждем тебя через тридцать минут в малой столовой.

— А-а... нужно вечернее платье?

— Нет. Это обычный ужин, без гостей. Но умыться не мешало бы, — Мэл мазнул меня по кончику носа. Войдя в роль, он целомудренно поцеловал в щеку и удалился.

Кто здесь замарашка? — разглядывала я себя в зеркало. Вполне чистенькое личико. И прическа Вивы доживет до понедельника. Но на всякий случай примем душ и переоденемся. И плотно задвинем шторы, чтобы не замечать темноту за окном. Пусть вдоль дорожек зажглись фонари, лес-то никуда не делся.

Долой воспоминания о тетке! Буду настраиваться на позитив и при случае обязательно опробую ванну. Понежусь в теплой водичке среди пенных шапок. А то всё душ да душ. Надоело уже.

До малой столовой проводила горничная, которую я вызвала с помощью шнура с кисточкой. При моем появлении мужчины повернулись, прервав разговор. Мэл подошел и предложил локоть.

— Так и думал, что дай тебе на сборы хоть полдня, ты все равно удержишься, — поддел с усмешечкой.

Я не успела надуться.

— Дама обязана задерживаться. Удивительно, что ты до сих пор не понял, — ответил наставительно самый старший Мелёшин и обратился ко мне: — Эва Карловна, без стеснения пользуйтесь гостеприимством этого дома. Надеюсь, у вас не возникнет желание сбежать отсюда. Прошу к столу.

— А где Кот? — забеспокоилась я, усаживаясь на стул, отодвинутый Мэлом.

— Где-где, — отозвался он с легким раздражением и показал на соседнее сиденье с противоположного краю стола. Усатый сидел, укрыв лапы хвостом, и сонно щурился в ярком электрическом свете.

— На редкость сознательное животное, — заметил дед Мэла. — Поймал крысу и принес в дом. И надо сказать, умело поймал. Придушил, оставив живой. Но решил выпустить на кухне. Поэтому ужин задержался.

— Фу, — поморщилась я, не зная, как себя вести: то ли возмутиться нахальным поведением Кота, то ли похвалить за охотничьи инстинкты.

— В этой истории меня удивило наличие грызуна. Вся территория обработана от распространителей заразы, — продолжил самый старший Мелёшин. — Пожалуй, нужно наградить вашего охотника за проявленную бдительность.

Так, исподволь ужин протек в разговорах о том, о сем. Начался с дифирамбов Коту и закончился рассказом Мэла о пилболе^[25]. Внук не скрывал от деда и увлеченность цертамами, хотя развлечение считалось уголовно наказуемым, и не из-за использования волн, а из-за нелегальных ставок, коими сопровождалось состязания.оборот каждой цертамы составлял десятки, если не сотни тысяч висоров.

Самый старший Мелёшин не упрекал, не порицал, не учил, как нужно жить и что делать. Между Мэлом и дедом установились особые доверительные отношения, свойственные близким друзьям. Константин Дмитриевич оказался прекрасным собеседником — эрудированным и с отменным чувством юмора. Я, в основном, помалкивала и ела. И не заметила, как съелся десерт — груши в шоколадной глазури.

Очнулась, а тарелка пуста.

— Как вам наши уголья? — поинтересовался самый старший Мелёшин.

— Уголья хороши. Обширные, — пробормотала я и смутилась.

— Эва не успела всё осмотреть. Но завтра наверстает, — добавил за меня Мэл.

— Прекрасно. Прогнозисты пообещали солнечные и безветренные выходные. Что ж, день был длинным и насыщенным. Однако до сна осталась пара часов. Почему бы не продолжить нашу беседу в кабинете или в библиотеке?

— Ты уверен? — спросил Мэл. — Не обязательно сегодня.

— Я не настаиваю. В любом случае, последнее слово за Эвой Карловной.

Какая ж из меня Карловна? Я Эвка или Эвочка. Или Эжевика. И опять не знаю, что сказать. Отказаться — значит, обидеть. Или согласиться? Вдруг приглашение формально и преследует закономерный отказ? Потому что так принято в светском обществе. Дань приличиям. Тебе вежливо предлагают, ты вежливо отказываешься. Недаром правила этикета вдальбливают лицеисткам в течение нескольких лет.

— Если вы устали, можем перенести разговор на завтра. Я хотел бы поделиться результатами изысканий о вашей семье по линии матери, — пояснил дед Мэла любезным тоном. — О вашем дедушке, сыгравшем немалую роль в гражданской войне. О ваших корнях.

Он говорил, а я окаменела. Смешно думать, что Мелёшины оставили попытки покопаться в грязном белье в надежде найти скандальную сенсацию. Каторжанская кровь не дает им покоя. Пусть мой отец занимает видный пост, я-то не представляю собой ничего достойного. Рухнет родитель, и у семейства Мелёшиных отпадет надобность в соглашении с Влашкеами. Чем серая крыска может заинтересовать сильный и многочисленный клан помимо папеньки-министра? Вот почему меня пригласили в гости! Чтобы вскрыть карты и озвучить недомолвки. Чтобы тайное стало явным, окончательно и бесповоротно.

Постойте-ка. Речь идет об отце моей матери?! И о западном побережье?!

— Д-да. Я хочу послушать о своей семье, — ответила с легкой запинкой, сжав край скатерти. Позже Мэл сказал, что в тот момент я была похожа на королеву — с вздернутым подбородком, гордой осанкой и небывалой решимостью на лице.

— Взгляните.

На столе передо мной — газеты более чем полувековой давности. Пожелтевшие хрусткие страницы, разлохмаченные края. На первом снимке черноволосый бородатый мужчина читает с трибуны, на втором — он же пожимает руку какому-то толстяку. Бородач статен ростом и широкоплеч.

Газеты довоенной поры. А брюнет с бородой — мой дед, как сказал самый старший Мелёшин. "Камил Ар Тэгурни" — значится под фотографиями. Потомственный ясновидящий и телепат. Лидер оппозиции, выступавшей против висоризации.

— Мне было тридцать, а вашему дедушке — около сорока, когда я имел честь познакомиться с ним. Мы работали в геологоразведке на востоке страны. Проводили оценку условий залегания месторождения бокситов. Камил предпочитал не афишировать экстрасенсорные способности, как не распространялся и о другом своем даре. Он чувствовал подземные слои. Любые: водоносные, нефтяные, угольные, железорудные, месторождения драгоценных металлов. Эта способность и определила род его профессиональной деятельности. Ваш дедушка был интеллектуалом и интересным собеседником. Владел несколькими иностранными языками, разбирался в истории, литературе, географии, медицине. Его благородство и порядочность стали притчей во языцех. Однажды на деревню, близ которой стоял наш лагерь, сошел сель. Незадолго до несчастья Камилу было видение, и он предупредил жителей. А позже помогал спасателям и участвовал в поисках тех, кто посчитал шуткой его предсказание. Думаю, вы представляете, какие отношения складываются в мужском коллективе, заброшенном волею обстоятельств в тайгу месяца этак на три-четыре. На десятки километров — ни души. Вертолет с провизией прилетает раз в неделю. Там не до сантиментов. Но ни разу я не услышал, чтобы ваш дедушка сквернословил или конфликтовал. Он был прост в общении и предельно вежлив. Мгновенно располагал к себе.

Слова самого старшего Мелёшина текли, текли, а я слушала и безотрывно смотрела на человека с фотографии. На моего деда. В его волосах проглядывала первая седина. Или выцвели снимки? Сколько ему здесь — тридцать? сорок? Безмятежная довоенная пора. Время научных докладов и рукопожатий с академиками. Все равны без исключений и уверены в завтрашнем дне.

Рассказывая, Константин Дмитриевич излагал сухие факты, а мое воображение живо дорисовывало и раскрашивало картинку.

После завершения совместных геологоразведочных работ пути самого старшего Мелёшина и моего деда разошлись. А вскоре начались первые попытки висоризации. Клан Мелёшиных неохотно шел на контакт с новым режимом, осторожничая, в то время как Тэгурни окунулся в политическую жизнь страны. Мой дед активно возражал против экспериментов по стимулированию вис-способностей, и у него нашлось немало сторонников. Власть имущие относились снисходительно к оппозиции, считая, что со временем она исчерпает себя, распробовав преимущества висоратства. Кроме того, дар Тэгурни мог быть полезен новорожденному политическому режиму. Но разразилась гражданская война. Логично предположить, мой дед стал одним из лидеров мятежа. Он яростно критиковал пропагандируемую идею висоризации. Тэгурни неоднократно заявлял,

что не зря возможности человеческого мозга сведены к минимуму, и нельзя нарушать баланс. Когда-нибудь природа отыграется за вмешательство в естественный ход эволюции.

Мятеж был безжалостно подавлен. К проигравшим проявили гуманность, оставив жизнь. Ведь это самое главное, не так ли? — объявили великодушно победители. Вот вам райский уголок, создавайте собственное идеальное общество. А чтобы спокойнее спалось по ночам, обнесем территорию проволокой, поставим охрану и организуем строгий пропускной режим. И никаких волн. Живите в счастии, растите детей и внуков.

Камил Ар Тэгурни умел достойно проигрывать.

— Представьте, каково организовать толпу взрослых, стариков и детей, которых привезли в эшелонах на побережье и оставили в лесу, без крова над головой и без шанса на возвращение в цивилизацию. Ваш дедушка проявил себя великолепным стратегом при освоении побережья и строительстве поселений. Он нес ответственность за людей, поверивших ему и выброшенных за борт жизни после неудачного бунта. Свою первую зиму ссыльные встретили в общих бараках, построенных к холодам. В первый год поселенцы потеряли чуть меньше тридцати умерших на почти семь тысяч человек. Это прекрасный показатель, — восхитился непонятно чем самый старший Мелёшин.

Цифры, цифры... А за ними — человеческие судьбы. И поразительная осведомленность.

— Откуда вы знаете? — пробормотала я.

— Из архивов Первого департамента, Эва Карловна.

Ссылка на побережье спаяла побежденных. По сути, их жизнь началась заново на необжитых землях. Среди ссыльных нашлось немало высокообразованных людей, профессионалов своего дела. Они и образовали костяк, управлявший делами побережья. Это позже территория каторжанского края разделилась на пять округов, а первоначально заселялась Березянка — место удобное во всех отношениях. Защищенное от лютых северных ветров. Под боком — пахотные земли, вода из родников и речушек, рядом лес-кормилец.

Победители не препятствовали освоению побережья. Похаживали за периметром, щелкая затворами автоматов, да сдерживали рвущихся цепных псов. Наблюдали за ссыльными со стороны. Не выживут — значит, судьба. Если выживут — долго ли протянут?

Поселенцы выжили. Научились пахать, сеять и собирать урожай. Заготавливали припасы на зиму. Строили дома. Охотились. Ткали. Пряли. Тэгурни тщательно следил за численностью населения. Убыль грозила крахом маленькой колонии. "Бесценен каждый из нас" — говаривал мой дед. Не забывал он и об образовании, организовав обязательное обучение подрастающего поколения премудростям наук. "Невежество тормозит развитие. От дремучего неуча не будет толку, а нам некогда молиться идолам, расшибая лбы" — повторял он.

Вскоре надсмотрщики ввели за правило производить регулярные замеры потенциалов у каторжных. В каждом округе организовали проверочные пункты, где работали командированные с Большой земли. Замеряли и подавляли уколами и таблетками. Чтобы местным жизнь не казалась малиной, на побережье начали ссылать преступников из числа невидящих, имевших меру наказания: "изоляция вплоть до седьмого колена". Но неласковый край осваивался всем бедам назло. Случались и неудачи, куда ж без них. Порой хотелось выть волком от отчаяния: столько трудов вложено — и насмарку. Зато успехи окрыляли.

Видя рвение, с коим ссыльные решили выжить, победители призадумались. Ишь тараканы! Приспосабливаются к любым условиям. Не берут их ни мороз, ни жара. И комары с мухами не мешают. А вот вам! Введем-ка уплату патриотического долга с каждой головы,

достигшей восемнадцати лет!

И ввели. Ежегодно на Большую Землю уезжала молодежь — от двадцати до сорока человек. Бывало, некоторые не возвращались. Но трудности, наоборот, спланивали поселенцев. Парадоксально: чем тяжелее ноша, тем тверже стержень.

Со временем мой дед добился от властей выделения небольших и регулярных дотаций. На побережье потек жиденский, но важный ручеек: лекарства, техника, солярка, продукты, скот и домашняя птица, инструменты, канцелярия — перья, бумага, книги. Естественно, правительство расщедрилось не с бухты-барахты. Тэгурни предложил сделку. Он продал сведения о небольшом месторождении алмазов, найденном незадолго до войны. В свое время он умолчал об открытии. Торгуясь, мой дед настоял на пожизненных ежегодных дотациях и на их увеличении пропорционально приросту населения.

Власть официальная очнулась, когда на западном побережье появилась своя власть, каторжанская. И решила восполнить пробел. В каждом округе организовали Совет. Назначенный с Большой земли Глава получил право регистрировать браки и разводы. Тут же, в Совете, велись книги с записями об умерших и рожденных. Систематизировали места проживания с присвоением шифроадресов — о них упоминал Агнаил в разговоре на чердаке. При каждом Совете имелись охранные отделения для обеспечения порядка. А по мне так — для устрашения.

Следом потекли на побережье чиновники с полномочиями. Инспектировали. Проверяли. Собирали статистику. Вели расследования по подозрению в завозе контрабанды с Большой земли. Сопровождали дотационные грузы до места назначения. Принимали заявки на следующие поставки и вычеркивали из списков сверхлимитку и запрещенные к провозу предметы, проявляя чиновничью придирчивость и несговорчивость. И мой отец, — молодой и перспективный специалист Министерства экономики, — двадцать четыре года назад отправился в длительную командировку на побережье. Там он повстречал мою маму и женился на ней. И у них родилась дочь.

— Разве допустимо... чтобы висорат и слепая заключили брак? — промямлила я непослушным языком. Поток информации вдавил в кресло и заставил сторбиться.

— Допустимо, — ответил дед Мэла. — Более того, такой брак давал и дает определенные льготы. Например, при наступившей беременности есть шанс рождения ребенка, который унаследует вис-способности, а следовательно, имеет право быть гражданином Большой земли. С согласия родителя-висората другой супруг может покинуть побережье.

Отчим Швабеля Иоганновича воспользовался правом и вывез жену с пасынком. А мой отец не дал согласия. Он не верил в висоратскую наследственность будущего ребенка и не стал взваливать на себя обузу в виде жены-каторжанки. Иначе его карьера не поднялась бы выше должности мелкого чиновника Министерства экономики.

Будучи сосланным на побережье, Камил Ар Тэгурни умудрялся оставаться извечной занозой для победителей. Непроходящей оскоминой. Но власти не решались призвать его к уплате патриотического долга в лаборатории или на руднике. Всё-таки в голове моего деда хранились ценные секреты о неразведанных месторождениях и залежах ископаемых. Но он оказался крепким орешком и не собирался делиться тайнами — как добровольно, так и принудительно. Ни внушение, ни гипноз, ни глубинное чтение памяти на допросах не возымели эффекта, потому что даже при нулевых потенциалах мой дед не растерял экстрасенсорных способностей. Отсутствие дефенсора не мешало ему защищать сознание от

постороннего вмешательства.

Умер он скоротечно. Во время сильных дождей в Русалочьем разрушилась дамба, и Камил восстанавливал её наравне с поселенцами. Двое суток под проливным дождем и ветром они удерживали преграду, чтобы сохранить деревню, а в результате — крупное воспаление легких. Дата смерти моего деда установлена ориентировочно. Согласно записи в книге актов гражданского состояния Камил Ар Тэгурни прожил на поселении двенадцать лет и скончался осенью, во второй половине сентября. Его похоронили по заведенному обычаю: кремированием.

Моего деда нет на этом свете больше трех десятков лет, а живущие на побережье до сих пор следуют законам, им установленным: суровым, но справедливым. Наверное, Камил мучился угрызениями совести до конца своих дней, сознавая, что его идеология изломала судьбы тех, кто последовал за ним. Их новым домом стало западное побережье — неприветливый и безрадостный край.

Только сейчас я заметила, что в библиотеке наступила тишина, а моя рука судорожно вцепилась в Мэла.

— Моя мама... Когда она родилась?

— Ваша матушка — поздний ребенок Камилы и его супруги, вашей бабушки. Тэгурни было за пятьдесят, когда его дочь появилась на свет на седьмом году поселения.

— Но... как её зовут? — голос неожиданно охрип. — Вы должны знать!

— Конечно. Вот выписка из книги актов гражданского состояния, — самый старший Мелёшин протянул листочек.

Ужасно. Руки трясутся, словно у пропитого алкоголика, а строчки расплываются перед глазами.

Буквы, отпечатанные на машинке. "Илия Папена". Отец... Мать... Дата рождения... Так, вычитаем из двенадцати семь. Выходит, маме не минуло и шести лет, когда умер её отец и мой дед.

Далее. Место рождения... Место проживания: три пятерки и цифра четыре на конце. Ее адрес.

Сердце бухает в груди, и грохот отдается в легких. Кровь приливает к голове.

Мне подсовывают стакан:

— На, выпей. Всё хорошо. Дыши глубже.

Что это? Вода? Сок? Коньяк? Не чувствую вкуса.

Дед Мэла терпелив до бесконечности, отвечая на вопросы.

Откуда, черт побери, взялась дурацкая фамилия Папена? Ведь мой дед — Камил Ар Тэгурни! Хотя в графе "отец" почему-то записано: "Селиван Пантюхов".

Потому что ссыльных заставляли в принудительном порядке менять фамилии, имена и даже отчества. Доходило до абсурда, когда в одной семье у детей были разные отчества и фамилии, отличные от родительских. А Папена — девичья фамилия моей бабушки.

Но зачем?!

Психологический прием. Победители стирали с лица земли любое упоминание о мятеже и его участниках.

Адрес... Первая цифра — номер округа!

Да, пятерка или Магнитная на языке поселенцев.

Илия, Илия... Чудесное имя. Как солнечный луч.

Она учит детей грамоте.

Я знала это! Я чувствовала! А бабушка... Что стало с ней?

Увы, она пережила своего мужа и моего деда на десять лет. Утонула, провалившись под лед.

Получается, мама осиротела, будучи подростком. А другие родственники? Со стороны деда или бабушки. Дядя, кузины...

Иных родственников по линии моей матушки не осталось. Только я и она.

Только мы вдвоем на всем белом свете.

Сколько нужно времени, чтобы рассказ самого старшего Мелёшина усвоился и отложился? Не день и не два. Знание должно заполнить костную ткань и врасти в мышцы. Боль за грудиной не исчезнет, но со временем станет такой же естественной, как и дыхание.

В коротких безэмоциональных фразах — человеческие судьбы. Чье-то счастье, чья-то боль. На краю света вершилась история — делами, поступками. Жизнями. Каждый прожитый день приравнялся к подвигу.

Теперь нет серой крыски без роду и племени. Теперь я знаю, кем был мой дед, и какова его роль в гражданской войне. Моя мама в пятнадцать лет осталась одна-одинешенька, но её не бросили. Ей помогли. Её семьей стали те, кто жил на побережье.

— Вы упомянули о контрабанде с Большой земли. Получается, за периметр можно проникнуть извне?

Дед Мэла улыбнулся:

— Цепкость вашей памяти достойна похвалы. Давайте взглянем на карту.

Увы, на карту, выложенную мозаикой на столешнице, взглянуть не удалось. Развалившийся Кот закрыл тушей добрую четверть страны. Мэл сдвинул усатого на край стола, ворча: "И как умудрился пролезть? Не звали же".

— География — полезная штука, — заметил самый старший Мелёшин. — Побережье находится на западе нашей страны и изолировано рельефными образованиями с трех сторон: по суше и по воде. С востока оно ограждено Тайгарским хребтом, простирающимся с севера на юг. С севера же и к западу берег омывают волны моря Драскина. Горы препятствуют продвижению воздушных масс с моря вглубь материка, отчего на побережье сложился определенный климат. А с юга... построены искусственные заграждения, — сказал он с секундной заминкой.

Искусственные — значит, созданные человеком. Вспаханная полоса запретной зоны, двойной ряд проволоки, вооруженная охрана, собаки.

— Если человек жаждет свободы, его не остановит никакой забор! — воскликнула я в запальчивости.

— Не спорю. Но ответственность удерживает крепче якоря. Патрулировать периметр побережья трудозатратно и невыгодно. Пешие и мотоциклетные патрули, вертолеты, пограничные катера, видеонаблюдение... Сплошные убытки. Зато эффективно правило: если человек не явился на регулярную проверку для замера потенциалов, и Главе не предъявлено тело для удостоверения факта смерти, то исчезнувшего объявляют беглецом. За побег отвечает поселение, в котором проживал сбежавший.

— Их... наказывают? — мой голос сорвался.

— Чтобы избежать негативных последствий, необходимо каждый месяц являться на проверочный пункт, — ответил хозяин библиотеки. — Эва Карловна, вы смотрите на меня как на врага. Правила придуманы не мной.

Я опустила глаза к столу. Наверняка самый старший Мелёшин обжегся враждебностью, полыхнувшей во взгляде.

— Контрабанда существовала во все времена. Есть неопровержимые доказательства того, что гости проникают на побережье двумя способами: через горы и по воде, рискуя нарваться на патрули и на сильное морское течение, которое сносит к рифам. Ими

изобилует большая часть прибрежной полосы.

А вот так! — не сдержала я торжества. Замуруйте, запрячьте, закройте на сто замков, но всегда найдется щель для глотка свежего воздуха.

— Контрабанда преследует обмен. Равноценный или нет — дело второе, — продолжил Константин Дмитриевич. — Подумайте о том, что могут предложить ссыльные для взаимовыгодной торговли. Какие интересности находятся на побережье, если контрабандистов тянет туда магнитом?

Однозначно не самотканые холсты. И не сушеная черемуха. Что-то другое, ради чего стоит рисковать. Обходить кордоны, забираться опасными тропами высоко в горы или пришвартовываться у берега с риском пропороть катер о подводные рифы. Что может быть ценным на побережье, если самым ценным там являются жизнь и плодородная земля?

— Высокопробное самородное золото, — ответил дед Мэла на свой же вопрос. — На территории побережья в районе Тайгарских гор найдена золотая жила. Очевидно, ее обнаружил ваш дед, но предпочел сохранить находку в тайне. Однако он передал знание доверенным лицам. Строительство поселенцами пятого округа или Магнитной в предгорьях лишь усилило подозрения властей. Места там дикие, в окрестностях нет ничего примечательного.

По словам рассказчика выходило, что власть заинтересовалась происхождением самородков, конфискованных у контрабандистов, но при расследовании зашла в тупик. Система обмена товаром оказалась настолько запутанной, что не представлялось возможным найти посредника. Правительство востепенулась: батюшки, какое богатство пропадает под носом! Просачивается и утекает в преступные руки. На побережье хлынули дознаватели, инспекторы, а заодно геологи и геофизики. Рыскали, допрашивали, исследовали, разведывали. На жителей Магнитной давили всеми возможными способами, включая вис-воздействия, но без толку. Жила пряталась. Ее так и назвали — заговоренной. И по сию пору Магнитная находится под пристальным вниманием властей. При местном Совете действует усиленное охранное отделение, но золотые самородки по-прежнему всплывают на Большой земле.

Моя мама живет в Магнитной, — вспомнилось вдруг.

— Зачем вы рассказали о жиле?

— Вы спросили, я пояснил. На побережье доставляют контрабандой многое из того, что запрещено официально. В частности, газеты и журналы.

Разве не издевательство: нести через горный перевал по тайным узким тропкам пачку свежей прессы? За золото доставишь и рояль. Кто платит, тот зазывает музыку.

— Я знаю, там работает почта. Можно написать маме письмо?

— Система почтовой связи работает. И денежные отношения действуют, но висоры там обесценены. В основном, ими пользуются приезжие с Большой земли. Письма в оба конца прочитываются цензорами. Подозрительное вымарывается. Относительно вашего вопроса... Полагаю, вам стоит посоветоваться с батюшкой о целесообразности почтового послания.

Намек ясен. Полетит на побережье весточка от дочки министра, и соответствующие органы проявят интерес. "Странное дело, — задумается Рубля, которому доложат о подцензурной переписке. — Вроде бы дочь Влашека утверждала, что самым близким человеком после отца является мачеха, а на самом деле шлет пламенные письма на побережье. Разберитесь-ка с врунами".

— На допросе в институте дознаватель от первого отдела сказал, что знал мою маму, —

вспомнила я о Бобылеве, расследовавшем причины пожара в столовой.

— Полагаю, он знал ее под фамилией Папена. Ваша матушка тоже отдала патриотический долг. Неудивительно, что о ней не забыли на Большой земле. Работники Первого департамента сопровождают молодых людей от побережья до столицы, где происходит распределение, а после доставляют обратно.

Скажите уж прямо, что конвоируют как опасных преступников.

— И... где мама отдавала долг? — облизнула я пересохшие губы.

— Можно считать, в медицине, — ответил уклончиво самый старший Мелёшин.

Перед глазами поплыло, и я схватилась за столешницу. Вскочив, Кот выгнул спину и, распушив холку с хвостом, зашипел на рассказчика.

— Она... она не... — меня закачало. Изверги! Отработку заклинаний на живом материале в лаборатории закамуфлировали под безобидную "медицину".

— Я же предупреждал! — воскликнул Мэл сердито, и, сунув мне в руки бокал, усадил в кресло.

— Прошу прощения, — повинулся Константин Дмитриевич. — Не думал, что мои слова будут истолкованы в ином свете. Вашу матушку определили санитаркой при госпитале для жертв вис-воздействий. Чтобы развеять подозрения и страхи, сообщу, что через два года она вернулась на побережье дееспособным человеком — физически и умственно.

И умственно?!

Кот расхаживал по столу и утробно урчал, поглядывая на самого старшего Мелёшина.

— Вот наглец. А ну, брысь! — Мэл хотел столкнуть усатого, но тот, замахнувшись лапой, ударил его по руке.

— Очередное недоразумение, о котором сожалею, — заметил с досадой рассказчик. — Я привык оперировать юридическими терминами. Определение степени дееспособности — стандартная процедура, проводимая по приезду в столицу и перед возвращением на побережье.

Ответит ли он на вопрос, сколько человек вернулось на побережье с диагнозом "дееспособен" и союзом "или" между словами "физически умственно"?

— Получается, мало кто знает, что моя мама — дочь Камила Ар Тэгурни?

— Единицы, причем как здесь, так и на побережье. Информация хранится в архивах под грифом "СОС". Зачем популяризировать запрещенную фамилию? На побережье Тэгурни и так считают кумиром, не говоря о том, что на Большой земле многие воздают ему дань как яркой исторической фигуре ушедшего столетия. Но об Илии Папене не забывали. У вовлеченных лиц имелся особый интерес к ее персоне. Унаследовала ли она способности родителя? Известно ли ей местонахождение самородной жилы и прочие секреты отца?

Значит, мою маму сделали подопытным кроликом. Изучали, обследовали, проводили эксперименты. Рылись в памяти, внушали. Выпытывали. Но она выстояла. Моя мама — сильная духом и телом.

— И как? Удачно? — съязвила я, не сдержавшись. — Результаты порадовали?

— Точнее, успокоили. С вашей матушки сняли круглосуточный надзор.

— Тогда они знают, что я — внучка Тэгурни. Меня тоже препарируют и подвергнут гипнозу? — в голосе погромыхивала гроза, а глаза застлала пелена ярости. Ну, я вам покажу! Устрою незабываемый праздник воплощенных желаний. Попробуйте что-нибудь захотеть, и драка в подвале "Вулкано" покажется аленьким цветочком.

— Прежде всего, вы — висоратка и дочь высокопоставленного чиновника. У вас есть

права и иммунитет, — пояснил невозмутимо самый старший Мелёшин, хотя видел, что от меня искрит как от бикфордова шнура.

Предлагаете сказать спасибо папеньке за то, что спас от изучения под микроскопом? — скривилась я. Или поблагодарить за то, что вспоминал обо мне и маме не чаще, чем раз в два года?

Ненавижу висоратство, разделившее людей на две касты. Ненавижу красивые лозунги, за которыми прячется обыкновенный геноцид.

— Мне понятна ваша неприязнь, Эва Карловна, — сказал дед Мэла. — Но, положи руку на сердце, вы хотели услышать правду или предпочли бы оставаться в неведении?

— Я отговаривал его от этого разговора, — сказал Мэл, провожая меня до комнаты. — Деду не стоило рассказывать о твоей маме.

— Стоило, — ответила я упрямо. — Лучше узнать сейчас, чем по приезду на побережье. Гош, спасибо за всё, но сейчас мне нужно побыть одной.

Он нахмурился, но выполнил просьбу.

Не спалось. Совсем не спалось. Бесцельно блуждалось по комнате туда и обратно. Кот опять оккупировал подушку и следил за моими мотаниями. Желтые площадки двигались как стрелка метронома.

В ванну я не полезла. Разве можно баловать тело, когда на душе тревожно и муторно?

Сосланные пожизненно привязаны к побережью. Был ли явью тот сон, в котором мама надела мне брошку на шею? Она приезжала в поселок, где жила тётка, и виделась со мной. А потом вернулась на побережье тайными тропами контрабандистов. Потому что иначе нельзя. Иначе понесут наказание те, кто поддержал мою маму после смерти родителей.

Я извлекла незатейливое украшение из-за ворота. Снова разглядывала, дышала на витые прутики и гладила. Поцеловала — на удачу и на счастье.

По оконному стеклу стукнуло, потом еще раз. Это Мэл кидал камешки. Увидев меня, он подставил лестницу с твердым намерением забраться на балкон.

— Гош! — окликнула его громким шепотом, оглядевшись по сторонам. Царила глухая ночь, щедро одобренная светом фонарей и стрекотом сверчков. — Не лезь, пожалуйста.

Не хватало, чтобы он свалился и сломал руку или ногу.

Ха, разве Мэл проникся? Наоборот, уверенно поставил ногу на ступеньку и спустя пару минут перебрался через перила.

— Смотри, я весь из себя приличный, — отряхнул штаны. — Твоя репутация моргнет и не заметит, что пострадала.

— Гошик, сегодня у меня нет настроения.

— Знаю. Пошли внутрь, а то охрана застучает и утром доложит деду.

— Твой любимчик начинает раздражать. Тоже мне защитничек, — сказал Мэл, согнав Кота с кровати. — Медом, что ли, здесь намазано?

Не раздеваясь, он улегся и притянул меня к себе.

— Не злись на деда. Раньше гонцу, который приносил нерадостные вести, отрубали голову. Теперь ты будешь ассоциировать Мелёшиных с карателями, сославшими людей на побережье. А мой отец гораздо позже начал карьеру с ДП и не совался в дела первачей.

— Зато Георгий Мелёшин был комендантом побережья! — скинула его руку и, вскочив с кровати, подошла к окну.

Мэл подошел, обнял сзади и уткнулся в макушку.

— Эва... Не он устанавливал порядки. Он исполнял.

Да ну? От этого знания ни капельки не легче.

— Дед предупредил тебя о сути разговора?

— В общих чертах. Без подробностей. Судя по реакции, ты впечатлена.

Не то слово.

— Мне нужно переварить. Свыкнуться. Вчера я ходила бледной тенью, а сегодня стала богатой. И мое богатство — семья! Гош, тебе не понять. У тебя уйма родственников. С детства тебя окружали заботой и вниманием. А у меня — никого. В справочниках твоя родословная тянется на двух страницах. А у меня есть дед, которым я горжусь, пусть он и совершил величайшую ошибку в жизни. А еще есть бабушка и мама. И всё.

— Эва... у тебя есть гораздо больше, — отозвался Мэл. — Дед раскопал кое-что... В общем, нашел твое семейное древо. Он собирался показать сегодня, но ты переволновалась. Когда сочтешь нужным, дед продолжит разговор. Если не захочешь, он не будет настаивать.

— Очень хочу! — потянула его к двери.

— Сейчас? Уже третий час ночи. Тебе нужно успокоиться и поспать.

— Я бывала в госпитале. Нас возили от интерната на экскурсию. Ужасное зрелище. Раны сочатся, не останавливаясь. Тела гноятся. Разлагаются заживо. Хорошо, если она работала в терапевтическом или в хирургии. Мне показалось, там легче. Переломы, порезы, простудные заболевания... А если в инфекционном? Или с безнадежными...

— И я бывал. Ездил как-то со школой. Потом подготовил доклад и получил за него высший балл. Назывался: "Как дать обещание и уклониться от исполнения". Отец посмеялся, но текст конфисковал... Теперь я понимаю, от кого ты унаследовала характер. Похож на камень... забыл название... Бывает мягкий как пластилин, а бывает тверже алмаза. И встречается о-очень редко. Можно по пальцам пересчитать. А про твоего деда я не слышал. На истории нам рассказывали о гражданской войне мимоходом, без имен. Да и современность не особо меня интересовала, в отличие от средних веков.

Ну да, шпаги, пираты, рыцари. Поиски сокровищ. Счастливое детство столичного принца.

— Как думаешь, отец знал, что мама — дочь Тэгурни? Вдруг он женился на ней с умыслом, чтобы выведать секреты? Рассчитывал узнать, кто поставляет золото контрабандистам.

— Интересная версия. Разведчик в тылу врага получил задание охмурить дочь лидера повстанцев. Вряд ли. Куда проще завербовать шпиона из числа переселенцев или осужденных, чтобы тот втерся в доверие. А твой отец... Молодой здоровый мужчина... Длительная командировка вдали от дома... Так что я не удивляюсь их браку.

— Намекаешь, что она решила воспользоваться шансом и соблазнила его? Рассчитывала уехать на Большую землю, забеременев? — спросила я агрессивно. Нет, маме чужды притворство и лицемерие. Она любила моего отца.

— Конечно же, нет. Пойдем, — Мэл заставил меня лечь в кровать и устроился рядом. — Эвка, если ты сейчас же не закроешь глаза, то я... Выйду в коридор и закричу на весь дом: "Люди! Эта девушка только что обещана мною!"

Я фыркнула.

— А затем джентльмен встанет на одно колено и предложит руку и сердце скомпрометированной леди, — расписывал Мэл перспективы. — А леди, чья репутация

окажется с душком, придется принять предложение. Так что поскорее засыпай.

Мэл ушел под утро, когда на меня навалились десятые сны. В них я взбиралась по горным кручам с риском улететь в пропасть, а спину оттягивал рюкзак с кусками самородного золота.

Мэл дал выспаться после бессонной ночи. Будильники не тревожили, горничные не беспокоили, Коты не терроризировали голодным мявом, а дрыхли на соседней подушке.

После утренних омовений я самостоятельно спустилась вниз, но была перехвачена зорким дворецким. Он, поклонившись, сообщил, что Мэл в библиотеке.

Современные дворецкие соответствуют эпохе. В былые времена они расхаживали в ливрее, чулках и париках, а теперь — в костюме и с галстуком. Правда, возрастная планка не изменилась.

Мэл склонился над столом и разглядывал с лупой карту мира, а точнее, западное побережье страны. Кот, следовавший за мной по пятам, запрыгнул на стол.

— Поросенок, — заметил Мэл. — Опять влез грязными лапами в приличное общество.

Усатый проигнорировал и ляпнулся на бок, закрыв телесами восточную часть отчизны.

— Смотри, Эва, темно-зеленые участки — это леса, — водил Мэл по карте тупым кончиком пера. — Участки посветлее — поля, степи. Видишь параллельные черточки? Это болота. Коричневое — горы, белое — ледники. Магнитная — вот здесь, — обвел он маленький пятачок. Тут — Березянка. Это пятнышко — Няша-Марь. И Русалочий по соседству. А Родниковое растянулось вдоль моря. Заметь, между ними приличные расстояния.

Меня заинтересовала Магнитная. Клочок земли на карте, а в действительности леса, болота и предгорья. Возьму и напишу маме, и не буду спрашивать разрешение у отца. Кто он такой? Хладнокровный и расчетливый сукин сын, охмутивший дочь знаменитого Камила Ар Тэгурни. Интересно, у мамы есть *sindroma Gobuli*^[26]?

Кот с ленцой поглядывал, как кончик пера елозит по карте, а потом очнулся и пошерудил лапой, сделав вид, что на самом деле он до невозможности игручий и вообще, добрый и пушистый. А вчера оцетинился на самого старшего Мелёшина из-за эмоций, бьющих через край. Со всеми бывает, даже с Котами.

Завтрак стал поздним. Оказалось, Константин Дмитриевич уехал в город рано утром, чтобы встретиться с одним человеком и уточнить кое-какие детали. Причем речь шла обо мне, вернее, о корнях рода Тэгурни.

— Твой дед — геолог. Каким образом он стал членом Высшего правительственного суда? — спросила я по пути к ежевичнику.

— Вторая его специальность — юриспруденция. После висоризации дед увлекся адвокатской практикой, долго работал государственным обвинителем, был прокурором, а потом судьей.

— Он выносил приговоры и отправлял на побережье?

— Нет. Туда ссылают, в основном, политических, а дед избегал браться за такие дела.

Как и пообещал Мэл, в ежевичнике до сих пор зрели ягоды, и мы выползли из него, объевшись, с синими губами и языками.

— Гош, твой дед не просто богат. Он неприлично богат, — пришла я к выводу, когда мы отправились к конюшне. — Он нашел сундук с драгоценностями?

Мэл хмыкнул:

— Дед вовремя попал в струю. Для освоения месторождений правительство привлекало частный капитал, потому что не хватало собственных средств. Дед скупал акции. Вкладывал инвестиции в предприятия, оказавшиеся прибыльными.

Говори уж прямо. Инвестиции принесли сверхприбыли. Странно, почему в поместье не построили вертолетную площадку. Зато конюшня — подтверждение того, что людям некуда девать деньги.

Самый старший Мелёшин держал лошадей ради удовольствия. Три коня и пять кобыл, одну из которых выгуливали рысью по кругу в загоне. Мэл предложил мне прокатиться верхом, но получил категорический отказ.

— У твоего деда работают люди с побережья? — полюбопытствовала я, когда мы дошли до пруда.

— Так и знал, что спросишь. Нет, не работают. Представь, Эва, если в первые годы с побережья приезжали в лучшем случае сорок человек, то сегодня их количество ненамного увеличилось. Максимум шестьдесят. Их распределяют согласно списку о потребности. В госпитали, например...

— Или на обслуживание горна, — вставила я.

— Или в институт, — согласился Мэл. — От силы пять-десять человек выделяют в категорию прислуги. А вокруг города пять закрытых зон, и в каждой — несколько десятков домов. Вот и посчитай, какова вероятность встречи с жителем побережья в доме моего деда.

На пруду нашлась кандейка, а в ней — удочки. Мэл накопал червяков, вознамерившись поймать как минимум приличного карася, а как максимум — связку. Но рыбалка не пошла.

— Или вся рыба уснула, или всех карасей повыловили до нашего прихода, — пояснил он раздраженно, складывая удочку.

На самом деле терпение Мэла не позволяло ему застывать в неподвижности, следя за поплавком, дольше пяти минут.

— Твой дед — висорат. У него есть какой-нибудь дар? — поинтересовалась я, когда мы добрались до "развалин" рыцарской крепости.

— Есть. Он чувствует правду и ложь, — сказал Мэл. — Поэтому в его активе ни одного проигранного дела.

Замечательно. У самого старшего Мелёшина было достаточно времени, чтобы просканировать лживую крыску вдоль и поперек.

— Почему интересуешься дедом? — спросил Мэл, помогая взобраться на высоту четырех метров. Пиратская хижина покоилась на мощных ветвях древнего бука. Через листву хорошо проглядывались дом, дорожка через парк к запасным воротам, флигель и гараж. В небе с клетотом кружила пара коршунов.

Не знаю, что ответить. Наверное, подсознательно ищу оправдания самому старшему Мелёшину. Вчера на пике эмоций я провела знак равенства между известной фамилией и репрессиями на побережье. Понятно, что дед Мэла рассказывал факты, почерпнутые из архивов, но в моих глазах он стал олицетворением власти, загнавшей людей в кабальные условия. Дети, внуки и правнуки ссыльных по сей день продолжают отвечать за мятеж полувековой давности. Разве справедливо?

День прошел в тревожности. Вроде бы тепло и солнечно, Мэл знакомит с поместьем, близость леса не колет глаза, Кот не отлипает, бегаёт следом. Отрешишься от дум мирских и развлекайся. Но меня грызло ожидание второго разговора, отчего знакомство с комнатой Мэла прошло вскользь.

Ничего необычного. Всё та же идеальная обстановка. Всё та же мебель из благородных пород дерева. Балкон с плетеным креслом. Одна стена комнаты оклеена плакатами рок-групп, но без фанатизма, а в качестве спокойной констатации факта увлечений взрослого человека. Дартс на двери в ванную, и по центру — фотография, распятая дротиками. Правда, Мэл не дал мне присмотреться и изъял фотку, изорвав в мелкие клочки. Как я ни упрашивала, он не признался, чье лицо изрешетили острые иголки. На полочке — книги разнообразной тематики. Больше всего мне понравились атласы различных уголков мира. Изображение увеличивалось и смещалось движением пальцев. Пятисекундная выдержка превращала снимки в короткие видеоролики с иллюзией звуков и запахов.

Хозяин поместья вернулся домой к вечеру, и моя нервозность увеличилась стократ. Мэл демонстрировал светские приличия и с серьезным видом берег мою репутацию. Он проводил до апартаментов, поцеловал руку и удалился. Я не могла дожидаться приглашения к ужину, меряя шагами комнату. Нетерпение подгоняло и заставило спуститься вниз раньше назначенного времени. Прислуга умела быть незаметной, появляясь по требованию, но дворецкий считал себя исключением. Он встретил и препроводил в гостиную.

— Добрый вечер, — поприветствовал самый старший Мелёшин, оторвавшись от беседы с внуком. Ужас, до чего разговорчивые. Наверное, это семейное.

После легкого книксена я извинилась перед дедом Мэла за вчерашнюю несдержанность в библиотеке.

— Не берите в голову, — ответил он любезно. — Наоборот, я рассчитывал, что вы выговоритесь. Эмоции полезно облекать в слова или в действие, — добавил, увидев, как вытянулось мое лицо. — Поспешим на ужин. Я страшно голоден. Предпочитаю питаться дома, нежели перекусывать в городе блюдами не первой свежести. Сегодня у нас заливное из осетра. Прошу, — подставил локоть.

И мы прошествовали в малую столовую.

Самый старший Мелёшин продолжал быть оригиналом. За ужином он рассказал содержание фантастического фильма, который недавно смотрел. Казалось бы, убеленный сединами уважаемый человек, а увлекается ерундятиной. Название киношки я не запомнила, потому что отвлеклась на Кота, крутившегося под ногами в ожидании, когда ему выделят отдельный стул.

Сюжет фильма до зевоты походил на сотни фантастических сюжетов. Звездолет бороздил просторы космоса, куда стартовал то ли по причине перенаселенности родного мира, то ли по причине его гибели. Да и какая разница? Космический корабль летел, летел и столкнулся с метеоритом. А может, закончилось топливо, или впереди замаячила конечная цель (не суть важно), но путешественники добрались до некоей планеты и начали обустривать ее. На корабле заправлял капитан, имевший безоговорочный авторитет у команды. Приноравливая условия обитания на планете под себя, пришельцы вмешались в естественный ход эволюции. Выбрав несколько местных животных видов, они искусственно стимулировали их развитие и стали ждать результатов.

— Каких? — спросил Мэл, нанизав на вилку маринованный груздок.

— Зарождения энергетической сущности в живых организмах, — пояснил самый старший Мелёшин. Причем, по его мнению, капитан отдал предпочтение конкретному подвиду, возложив на него особые надежды.

— Из-за вкусного мяса? — развил высокоинтеллектуальную беседу Мэл, хрустя грибочком.

— Из-за высокого потенциала, — хмыкнул Константин Дмитриевич. — Задачей стояло получение энергетических локаций, способных расти и самосовершенствоваться. Локации, достигшие зрелости, способствовали приросту численности пришельцев.

— Сложновато, — заключил Мэл. — Есть простые и приятные способы размножения.

Я поспешно задавила соком рвущийся кхык.

— Не приравнивай людей к инопланетянам, — ответил дед Мэла. — Теоретически во Вселенной существуют тысячи обитаемых миров, но вероятность того, что найдутся две стопроцентно схожие расы, ничтожно мала. В данном случае, популяция пришельцев увеличивалась путем привлечения в качестве инкубаторов акклиматизированного животного вида.

— То есть гости из космоса были бесполоыми? — я показала, что не сплю, а слушаю, причем вполне даже внимательно.

— Верно, — кивнул самый старший Мелёшин.

А далее, по словам любителя фантастических фильмов, приключилось закономерное событие. В команде корабля произошел раскол. Мятеж. При этих словах я потупила глаза к тарелке с заливным осетром. Но дед Мэла делился впечатлениями от киношки как ни в чем не бывало.

— Недовольство законами и борьба за власть — закономерный исторический процесс, — сообщил буднично. — Бывшие соратники разделились на два лагеря, и бунтовщики были изгнаны большинством с глаз долой, из сердца вон.

Мой взгляд снова опустился в тарелку. Заливной осетр лежал нетронутым.

В экранизированной истории анархисты не пропали. Более того, они стали

могущественной оппозицией, и противоборствующие стороны вели жестокую и беспощадную войну.

— Наверное, кровища хлещет с экрана ведрами, — предположила я.

— С какого экрана? — удивился Константин Дмитриевич. — О, простите, забыл о преамбуле. Под пришельцами подразумеваются ангелы и бог. Создатель.

А у меня пропал дар речи. Оригинальный фильмец, ничего не скажешь.

И в библиотеке, куда мы прошли после ужина, подвижность языка не восстановилась. Более того, глаза всё больше округлялись, а рот всё шире открывался. От изумления. Утрирую, конечно, но дед Мэла рассказал сомнительные и невероятные вещи.

— Оговорюсь сразу. Я верую в существование высших сил, но не придерживаюсь конкретной религии, — предупредил самый старший Мелёшин. — Считайте меня космополитом веры.

На столе — раскрытые книги. Древние фолианты в тяжелых кованых переплетах. Гравированные и золоченые обрезы. На обложках — инкрустация драгоценными камнями, тиснение, геральдика. Кожаные ремни, застежки, замки. Тончайший пергамент. Ломкие страницы дышат ушедшими эпохами.

Иллюстрации. Гравюры. Иконопись. Литографии. Огненные шестикрылые серафимы, четырехликие и четырехкрылые херувимы, архангелы... Сияющие нимбы, расшитые стихари. Мудрые лики, исполненные кротости и мягкости. Строгие и суровые. Пламенеющие мечи. Небесное воинство. Воины Света.

В противовес им — обитатели преисподней. Падшие, отвергнувшие принципы и веления бога. Ставшие демонами. Давшие людям знание для истребления друг друга. Концентрация зла и пороков. Квинтэссенция тьмы.

Капитан и его команда.

— Считается, что бог создал человека для любви и радости, — пробормотала я.

— Людьми же и считается. Кстати, Библию и прочие религиозные догматы написали тоже люди. Об истинном замысле Создателя знает лишь он сам, а человек трактует так, как ему выгодно.

Дед Мэла — смелый человек. Не боится переворачивать теологические постулаты с ног на голову и завязывать каралькой. Благодаря теории культов, преподаваемой Царицей, в голове отложилось кое-что о расколе в ангельских рядах. О Люцифере, поднявшем бунт и низвергнутом с небес. О последовавших за ним сторонниках, лишившихся крыльев. О первых людях, сотворенных богом. О строптивых ангелах, сошедших на землю и зачавших с человеческими женщинами потомство — нефилимов. О всемирном потопе, поглотившем расу полукровок — полуангелов-полулюдей. И об аде с четкой демонологической иерархией — императорами сторон света, королями, герцогами, графами, маркизами и губернаторами. Об извечной борьбе сил света и тьмы.

— Есть немало свидетельств, подтверждающих существование ангелов и демонов. И есть причины, удерживающие их в нашем мире. Одна из них — человеческие души, являющиеся концентрированными источниками энергии. За обладание ими ведется тысячелетнее противостояние. Кто быстрее заполнит свою корзинку, тот и победил. К примеру, лишь чистая и светлая душа способна возвыситься до милости божьей. Аналогично, чем больше наберется грешных душ, тем многочисленнее и сильнее армия противника, — пояснил самый старший Мелёшин. — Поэтому в битвах обе стороны несут

потери. Часты и локальные конфликты.

— Ведь Создатель проповедует принцип ненасилия, — возразила я робко. — Как же любовь и смирение? Разве ангелы не следуют его заветам?

— Прежде всего, они — солдаты. И выполняют приказы. По умолчанию слово и дело господне — в их сути, — ответил Константин Дмитриевич и поведал то, о чем теория культов умолчала.

Неся урон в столкновениях, крылатые и обитатели ада пришли к вынужденному соглашению: поручить миссию по вербовке душ третьей, незаинтересованной стороне. Несколько ангелов спустились на землю и сошлись с человеческими женщинами. Упоминание о добровольцах Касхииле, Андариэле, Умбриэле, Эсхииле и Сираэле встречается в паре религиозных и демонологических трактатов. Выполняя приказ, солдаты знали, что не вернуться назад. Ангелы, считающиеся существами бесполоыми, могут воплощаться в физическом теле, но теряют изначальную принадлежность и лишаются благодати божьей. Они неспособны нести свет и служить во имя Создателя. Однако приключился парадокс. Бог, отрекшись от падших, дал благословение их детям, внукам и всем последующим поколениям, хотя ранее, за отступление от веры и связь со смертными, осудил мир водой. На потомство ангелов легла нелегкая ноша: быть мерилем страстей человеческих. Стать весами, определяющими, чьей душе мучиться в геенне огненной, а чьей — вознестись.

Самый старший Мелёшин замолчал.

— И? — спросила я глупо.

— И велика вероятность... Более того, вероятность приближается к восьмидесяти процентам... Вы — далекий потомок тех, кто спустился с небес, лишившись благодати Создателя. Крупинки ангельской сущности живут в вас. И вы исполняете свое предназначение.

Более бредовой истории мне еще не доводилось выслушивать.

Четыре тысячи лет назад, ага. Через какую-то тыщонку годочков после всемирного потопа. Ну, конечно. Сушная мелочишка. И кто-то из ангельской пятерки стал моим прапрапра-...-прадедушкой, пожертвовавшим крыльями ради благой цели. Если учесть, что за век сменяются четыре поколения, а в прежние времена жили гораздо дольше, чем сейчас, то наберется более ста приставок "пра".

Это подтверждает и лист ватмана. На нем имена и стрелки, стрелки и имена. Разветвления. Троекотия, если данных нет. Много троекотий. Много пробелов. Это родословная моего деда и моя родословная. Самый старший Мелёшин постарался, перелопатив немало первоисточников и привлекая немало частных лиц.

Сложно, но можно. Благодаря незаурядным способностям, мои предки наследовали в истории, проявив себя в разнообразной деятельности — в торговле, в искусстве, в войне. На схеме — много труднопроизносимых и странно звучащих имен. Иероглифы. За сотни лет в семейное древо вплелись нити различных народов и национальностей. Но тенденция ясна. Её озвучил дед Мэла.

— Наследников ангельской сущности, получивших благословение Создателя, в настоящее время осталось немного. Единицы. Их потомство не отличается плодовитостью. Вот что написано в малоизвестной рукописи по теологии: "Семя мужчин тяжело, а лона женщин пусты. Должно минуть немало весен, прежде чем зачатся новая жизнь". Поглядите на родословную вашего деда. Линия изредка раздваивается. В исключительных случаях в

семьях рождалось трое детей. С каждым последующим поколением ангельская составляющая разжижалась в кровосмешении с людьми. Поэтому способность, дарованная Создателем, передается по наследству далеко не каждому представителю вашего рода.

Камил Ар Тэгурни не обладал божьим даром, ему достался другой талант. О моей маме данных нет. А вот ко мне эта способность приклеилась, трансформировавшись спустя века и поколения. Я воздействую на людей через их желания. Сильные и чистые души успешно сопротивляются моему влиянию. Для всех прочих забронирована дорога в места пониже уровня земли.

Разве ж это дар? Это проклятье. И как прикажете жить с неподъемным грузом?

— Как и раньше. Так же, как жили ваши предки. Многие из них не подозревали, что являются носителями предназначения. Принятое однажды соглашение действует и по сей день, но противостояние сил света и тьмы продолжается. Правда, стычки мелкие. Исподтишка. Обе стороны ждут, — сообщил уверенно самый старший Мелёшин, будто самолично присутствовал при разборках.

— Чего? — подал голос Мэл.

— Искры, из которой разгорится пламя. Предстоит последняя решающая битва сил света и тьмы, которая уничтожит этот мир. Но, уверен, сие знаменательное событие произойдет не скоро, — утешил рассказчик. — Прежде человечество истребит само себя.

Просто замечательно в свете новых открытий.

Самый старший Мелёшин любезно подарил мне схему с родословным деревом. Добавил, что если раскопает новые факты, то обязательно поставит в известность. Наверное, стоит сказать ему спасибо.

— Отец знает о моем деде и о моих корнях? — спросила я у Константина Дмитриевича. К чему стесняться? Корешки растут в зыбкой и сомнительной почве.

— Нет. Большинство материалов имеет гриф "СОО". За широкой оглаской может последовать государственное обвинение в рассекречивании со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, соучастниками преступления являемся мы трое и... Артём Константинович. Благодаря его связям мне удалось раздобыть ценную информацию. Но вы имеете полное право рассказать вашему батюшке. Если посчитаете нужным.

Пусть мой папенька спит спокойно по ночам. Если за все эти годы он ни разу не поинтересовался биографией женщины, на которой когда-то женился, то ему незачем знать об истоках моего рода.

— Гош, смотри. На каком языке написано?

Уголки ватмана, разложенного на полу, придавлены тапочками и моими руками. Усмехнувшись, Мэл творит заклинание, и *agglutini*^[27] приклеивает бумагу к паласу.

— Это древняя и забытая письменность. Нахир Кэйяса, купец. Твой прапрадед в тридцатом колене. Смотри, у него было два сына: Сифас и Дикла. А Лайош Ганчешти — твой прапрадед в девятнадцатом колене. Между прочим, философ и преподаватель духовной семинарии. У него родилась дочь Фатьма.

Вижу. Фамилия Тэгурни основательно закрепилась на ветке одиннадцать поколений назад. Но как бы ни звали моих предков, у них имелось предназначение — определять степень загрязненности человеческих душ.

Невольно ежусь. Знание давит на меня. Куда проще жить серой крыской без роду и племени. Деда и мамы в качестве родственников вполне хватило бы. Может, не стоило лезть

в дебри генеалогии? Правду говорят, любопытство сгубило кошку.

— Что, крылья прорезались? — спрашивает Мэл. Он пробрался наверх тем же путем, что и вчера — по лестнице через балкон, — и теперь разлегся на паласе, подперев голову рукой. Кот копирует сибаритскую позу Мэла, расположившись на кровати.

Лучше бы не спрашивал. Как назло, меж лопаток начинает чесаться.

— Неужели не страшно? — срывается с губ. — Ты живешь с монстром.

— Эвочка, из присутствующих в этой комнате монстром является он, — Мэл показывает на Кота, и тот наостряет уши.

— Создатель разгневался на нефилимов за тщеславие. За то, что они посчитали себя равными силам небесным...

— В тебе от нефилима ровно столько же, сколько в магазинном яблоке от фрукта из райских кущ.

Доводы Мэла не успокаивают. Мне тревожно. Неуютно.

— Твой отец знает о синдроме, — вспоминаю вдруг. — Вот почему на юбилее у твоего деда дежурили провидцы! Когда ты ему сказал? Точно, весной! На приеме твой дед завел странный разговор, а я, овечка, не поняла намеков.

— Тише, Эва, успокойся. Я боялся за тебя и решил с ним посоветоваться. Зато твой синдром стал отличной зацепкой. Дед всё лето мотался по стране, ездил за границу. Встречался с нужными людьми.

— Для чего? Зачем он вообще решил рассказать о побережье и о родословной? Не боится моей болтливости? Возьму и похвастаюсь в институте крылатым предком. Или проговорюсь перед репортерами.

— Да ну! — восклицает Мэл с преувеличенным изумлением. — Горе мне, горе! Набегут толпы желающих породниться с носительницей божьей благодати.

— Значит, ты поверил деду?

— Чуть-чуть. Самую капельку, — отвечает Мэл, посмеиваясь. — Попробуй даровать свою благодать какому-нибудь балбесу. Укокошу его без раздумий.

Знаю, он пытается растормошить и отвлечь. Но длинная цепочка на листе ватмана давит на меня. Я не готова к переменам.

— Ничего не изменилось, — заверяет Мэл. — Но теперь у тебя появилась семья. Разве плохо? Твой род старше моего.

— И что с того? Он вымирает. В конце схемы — моя мама и я. И от моего имени пойдет одна стрелка. Или на мне всё закончится.

Осознаю сказанное, и в глазах начинает щипать. Хочется всхлипнуть и всплакнуть.

— Мы еще посмотрим, — говорит решительно Мэл, сгоняет Кота и тянет меня на кровать. — Иди сюда, расскажу сказочку на ночь.

Эва верила и не верила. Заглядывала с надеждой в глаза: не отвернется ли Мэл после сегодняшней порции откровений? И злилась из-за выдуманной, по ее мнению, небылицы с ангелами. Держала за руку — крепко, пока не сморил сон. Она давно затихла на плече Мэла, а ему не спалось. Не то чтобы открытие деда об её родословной стало потрясением. Нечто похожее Мэл подозревал, и пищу для размышлений подбросила встреча, состоявшаяся морозным январским вечером.

Он приехал согласно договоренности, в захудалый бар на окраине столицы. Туда, где плотный сигаретный туман, официантки в откровенных тряпочках, стриптиз у шеста и

пьяные танцы в наркотическом угаре. А еще криминальные сделки, частные кабинеты и большая игра в покер без правил. Нужный человек — старше Мэла лет на двадцать, с болезненной желтизной лица и жеваной папиросой во рту. Друг друга, хороший знакомый хорошего знакомого. Видит печать смерти на живых и читает по картинам, фотографиям, рисункам.

Мэл пожал руку.

— Еще поживу? — спросил вместо приветствия

— Не надейся, — получил стандартный ответ.

Значит, путём. У старухи с косой другие планы.

Он протянул рулончик. Карандашный портрет. Женское лицо на тетрадном листочке.

— Твоя? — спросил приятель.

— Моя. Осторожнее! Не подпали.

Папироса перекочевала в левый угол рта.

— Прочитаю. Взамен поможешь, когда потребуется.

— Замётано, — согласился Мэл без колебаний.

Чтец разгладил листок на столе.

— Рисовал мужчина... Нет, сопляк. Не больше двадцати. Любитель, — поднес набросок к лицу и втянул носом. — Она не позировала, но рисовали с натуры. На расстоянии.

— Это как?

— Сквозь стены.

Значит, висорат и к тому же мелюзга. Спортсмен не умеет малевать. Кто? — задумался Мэл. Кому ломать пальцы за художества? Заморышу из общаги, присоседившемуся к Эвкиным ужинам?

— Ничего личного, — продолжил приятель, развернув рисунок к свету. — Ответный жест. Услуга за услугу.

— За какую?

— Об этом спроси у нее... Интересная девочка.

Мэл хотел выхватить набросок, но чтец не дал. Отвел руку с тетрадным листком.

— Погодь. Или достаточно?

— Нет. Продолжай.

Задавив окурочек в пепельнице, приятель неторопливо затянулся свежей папиросой и пустил дым колечком.

— Я бы сказал, что-то в ней — извне. Не из нашего мира.

— Это хорошо или плохо? — нахмурился Мэл.

— Никак. Противоположности замыкаются в круг. Добро и зло — не есть дискретные величины. Ладно, понимай, как хочешь. Купи дозу, чтобы торкнуло. Или приложись темечком покрепче.

Нет, в Эвкином случае доза не помогла бы. На следующий день Мэл незаметно вернул карандашный набросок на подоконник. Ночами, когда Эва сладко спала под боком, он рассматривал её, пытаясь разгадать ребус. И лишь сегодня торкнуло. Получается, дед не ошибся.

Перед тем, как заснуть, Эва вспомнила:

— Твой дед сказал, что есть и другие потомки, кроме меня. Вот бы их найти.

— На планете живет несколько миллиардов человек. Из них в лучшем случае полсотни счастливиц — носители благословения. Как думаешь, их легко отыскать? — ответил Мэл,

а про себя решил: никаких потомков. Ему и побережья хватает, вернее, упёртого желания Эвки отправиться к черту на кулички.

— Разве с тех пор ангелы не спускались к людям и не осчастливливали смертных женщин детишками? — спросила она, зевнув.

— Думаю, спускались, — улыбнулся Мэл. — Смертные женщины страсть как хороши. Но на детишек существует запрет. Нефилимам не место на земле, так однажды повелел бог. Они несут угрозу. Существа с человеческими душами и силой небесных созданий могут причинить вред.

— А как быть со мной? Получается, я — далекая праправнучка нефилима.

— Тебя берегут как нежный цветочек. Хотя от трудностей не ограждают.

— Странно же меня берегут. Я бы скопытилась раз двадцать, не меньше. Чудом выкарабкалась.

— Но ведь жива и невредима. Благодаря различным случайностям.

— Что-то похожее я уже слышала... В интернате один мальчик уверял, что видит ангелов. Говорил, что они наблюдают за людьми с крыш и деревьев, сидя как птицы со сложенными крыльями. И у них клювы, а не человеческие носы.

— Финисты... — пробормотал Мэл. — Скоро утро, а у тебя сна ни в одном глазу. Проспишь первую лекцию.

Но Эва не унималась.

— Вдруг твоя душа замарается по моей вине? Гошик, пожалуйста, не желай плохого, ладно?

— Конечно. Так и сделаю. Спи.

Сегодняшний разговор с дедом еще больше убедил Эву в необходимости поездки на побережье. А Мэл еще больше утвердился в правильности выбранного им пути. Забеременев, Эвка не решится ехать на край света, где нет нормальных медицинских условий, и отложит рискованное путешествие до лучших времен. А уж Мэл постарается. Всё брехня, что кровь потомства крылатых тяжело смешивается с человеческой. Значит, плохо старались, господа хорошие. И желание не зудело, доканывая неисполненностью.

Дрова потрескивали, и оранжевые языки лизали каминную решетку. Прислуга привыкла к эксцентричным манерам хозяина, повелевшего зажечь камин далеко за полночь.

Хозяин не замерз и не надумал скормить огню ненужные бумаги. Самые лучшие идеи приходили ему в голову именно за любованием пляшущим пламенем. Рыжие косы извивались над поленьями подобно человеческим телам, взывающим к милости богов в языческом жертвенном танце.

Мужчина отпил из бокала. Пожалуй, он испытывал удовлетворение от проделанной работы. И гордость. Потому что устоял, закрывшись броней стальной выдержки. Синдром следовал по пятам, окутывал невесомым облаком и нашептывал, соблазнял, подталкивал. Тех, кто слабее, стегал, гнул, ломал с нечеловеческой силой. Вытаскивал за уши бесов, спрятанных глубоко и надежно. В пределах двух шагов, на расстоянии вытянутой руки...

Уникальный дар. Невероятный. Штучный. Достойный мировых каталогов раритетных редкостей.

Егор не подвел. Тридцати еще нет, а он заполучил свой первый и бесценный артефакт, пополнив сокровищницу клана. Наследственность не подкачала, инстинкт охотника у внука в крови. То ли еще будет.

А теперь от приятных мыслей к тревожным новостям.

На прошлой неделе Семут сообщил в узком кругу о судьбе пророческого ока, попавшего в руки ученых. Точнее о том, что премьер-министр, после длительного изучения артефакта в закрытой лаборатории, рискнул испытать его на себе. И око показало нечто, о чем Рубля предпочел умолчать.

Умолчал, но замыслил.

На этой неделе премьер высказался о принудительном использовании пророческого ока высокопоставленными должностными лицами. По списку и без исключений. Видения будущего будет записывать особая уполномоченная комиссия, созданная велением Рубли. На случай, если возникнет сомнение в утаивании информации, разрешение на снятие дефенсора позволит изъять из памяти видения, предсказанные артефактом, а заодно и прочие подозрительные мысли.

Ультимативное предложение премьера означало одно. Заговор. Переворот. Смена власти в будущем. И премьер не знает, кто станет инициатором.

Недовольные зароптали. Конечно, не посмели возмущаться произволом в полный голос, но в кулуарах обсуждали — завуалировано, иносказательно, боясь доносчиков. Нельзя критиковать открыто, иначе сочтут неблагонадежным и поставят клеймо предателя.

Чертов параноик. Даже первому советнику перестал доверять. Удвоил личную охрану, потребовал от министра обороны сменить пароли к правительственному бункеру. Ограничил доступ к пророческому оку. Если Рубля не откажется от идеи с тотальной проверкой будущего, придется принимать кардинальные меры. Влашек уже высказал осторожное согласие. И Семут. Артём заручился поддержкой финансистов, вояк, транспортников и МИДа. Прощупывает департамент средств массовой информации. За силовиками подтянутся остальные — промышленность, наука, медицина.

Что делать? — задумался мужчина и сделал глоток, смотря на огонь. Причудливые узоры находились в постоянном движении. Пламя достигло своего пика, охватив поленья.

Может, избавиться от ока? Кража или непредумышленный взрыв в лаборатории исключаются. Террористический акт — тем более. В свете возросшей подозрительности Рубли покушение на артефакт будет шито белыми нитками.

Остается тянуть время. Отвлечь и переключить внимание.

На востоке страны стоит необычайно сухая осень. Достаточно оплошности, и вспыхнут гектары тайги. А это заказники и заповедники. Маральники. Древесина, пушнина. И подземные хранилища со стратегическими запасами горючего. Или проливные дожди на юго-западе страны переполнят Чеомельское водохранилище, и хлынувшая в долину вода смоев десятка два населенных пунктов. Или неуравновешенный псих расстреляет половину магазина в час пик. Или повторится бойня, похожая на ту, что произошла нынешней зимой в столичном клубе. Или обострится конфликт с иностранной державой. Далеко ходить не надо. Балаевские острова — давний камень преткновения в территориальном вопросе. Или в тоннелях городской подземки заведется нежить, и мало кто догадается провести параллель с экспериментами по материальному переносу, замороженными давным-давно.

Жертвы. Потери. Катастрофы — природные и техногенные. Человеческий фактор. По прихоти одного идиота, поверившего ржавому артефакту, страну сотрясут катаклизмы.

Кто станет следующим? Влашек. Это имя называлось чаще других.

Жаль, не Артём. Но его кандидатура провальна. Цербер, вызывающий страх у девяти десятых населения страны, не станет популярным у обывателей. Кому-то нужно быть

палачом, а кому-то — во время парада махать рукой с балкона Дома правительства.

Но вот Егор... Вполне. Он сможет. Молод, но перспективы есть, и немалые. Мобилен, коммуникабелен. Деловая хватка как у акулы. Умеет рисковать. Успел завязать полезные знакомства. Благодаря роману с дочерью Влашека находится на пике популярности. Прочно удерживает верхнюю строчку светского рейтинга. Пусть несерьезное достижение, но большое начинается с малого.

Отличная идея требует воплощения. Тщательно продуманного, рассчитанного с предельной точностью.

Необходимо оградить Егора от хаоса, который вскоре воцарится. Оптимальный вариант — отправить на побережье, где внук переждет мутное время. Заодно понюхает пороху. Правда, Егор категорически против поездки и просил совета, как удержать дочь Влашека на Большой земле. С месяц назад спрашивал и с тех пор к разговору не возвращался. Значит, что-то задумал.

Он знал своего внука как облупленного, но в последнее время тот умудрялся удивлять семью. Теперь понятно, с чьей подачи. Артём, узнав о синдроме дочки Влашека, спросил: "Как употребить с выгодой?" А выгода для клана будет, без сомнений. Девочка мила и непосредственна, но ей предстоит повзрослеть. Иначе она не преодолеет дорогу к статусу первой леди государства.

Мелёшиным на руку неприязнь дочери к отцу. Влашек не знает об её причастности к фамилии Тэгурни и о предназначении. Он будет удобен в качестве премьер-министра. Идеальная кандидатура. В нужное время отойдет в сторону, уступив место Егору. А уж семья создаст все условия, чтобы укрепить премьерский трон.

Потоп. Потоки воды низвергаются с небес и барабанят по крыше. Дождевые струи стекают по окну. Вдобавок запотело стекло, и сколько ни протирай, а снаружи ничего не видно. Окрестности по обе стороны дороги слились в пятно.

Летняя гроза налетела внезапно и так же стремительно унеслась, погромыхивая. Из-за туч выглядывает солнце, и капли сверкают бриллиантами на умытом стекле. Из окна виден край радуги.

— Укачивает? Тошнит? — спрашивает Егор заботливо. В последнее время он беспокоится обо мне по любому поводу и без. Сейчас расхлюпаюсь от переизбытка чувств.

— Уже привыкла.

И правда, я свыклась с тряской, и меня почти не мутит. Скоро прибудем на место. Мы приедем!

Документы — удостоверения личности, визы, разрешения на въезд и на ввоз, деньги — у Егора, во внутреннем кармане ветровки. Две вместительные сумки громоздятся на соседнем сиденье.

Колесо попало в ямку, и я подпрыгиваю.

— Тише там! — кричит Егор водителю.

— Куда уж тише? До ночи бы доползти, — отвечает тот, но сбавляет скорость. Во рту у него трубка — непонятно, для значимости или по прямому назначению. Мундштук затерялся в богатых пшеничных усах, свисающих до подбородка.

— Ударилась? Где болит? — нападает с расспросами Егор.

— Всё хорошо, — глажу его по руке. — Всё отлично.

Егор выгружает сумки и подает мне руку. Двери с шипением закрываются, и автобус уезжает, фырча и плюясь выхлопами. Мы — единственные пассажиры. Егор забрасывает сумку на плечо, вторую хватает за ручки. Я иду налегке, потому как он запретил поднимать что-либо тяжелее носового платка.

Наш перевалочный пункт — комендатура. Впереди безликое двухэтажное здание: серая коробка с прорезями окон и дверей. А еще полосатый шлагбаум, колючая проволока, ежи и противотанковая цепь поперек дороги.

Меня потряхивает, несмотря на выпитый пузырек успокаивающих капель.

Лужи стремительно высыхают. Гроза прошла, удушливая жара вернулась.

У комендатуры — несколько военных. Здоровенные детины в камуфляже курят и похохатывают. Заметив нас, замолкают и расступаются. У них высокие армейские ботинки на шнуровке и оранжево-зеленые береты. И автоматы.

Дежурный комендант за стойкой обмахивается папкой. По мясистому лицу щедро стекает пот, мокрые пятна расползлись под мышками.

Он долго изучает документы, проглядывая строчку за строчкой. Смотрит на свет. Сверяет подписи. Что произойдет, если комендант решит, будто росчеркушка Рубли — подделка? Нам позволят уйти подобра-поздорову или арестуют?

— Сядь, — приказывает Егор, и я подчиняюсь. Наверное, его допекло мое нервное постукивание пальцами по стойке.

Наконец, на наших визах появляется оттиск штампа на полстраницы. Разрешение на въезд — бессрочное и останется в комендатуре. Документ строгой отчетности будет храниться здесь до тех пор, пока мы не покинем охраняемую зону.

Однако не стоит расслабляться. Начинается проверка содержимого сумок. Но прежде мы сдаем в камеру хранения (три десятка металлических сейфов) телефоны, амулеты, обереги, артефакты и иные вещи, запрещенные к провозу. Кстати, с Ungis Diavoli^[28] вышло затруднение. Из-за кольца мне чуть не отказали во въезде, но отец Егора добыл отдельное разрешение на ввоз фамильного раритета. Брошку с витыми прутиками или не заметили, или посчитали обычной бижутерией. Да и Егор, готовясь к поездке, тщательно проверил незатейливое украшеньице и не нашел в плетеном узоре ничего подозрительного. Правда, иллюстрации в старинной книге из семейной библиотеки Мелёшиных объяснили, что узелки из веточек символизируют защиту от зла.

Дверца блокируется оттиском пальца. С этого момента содержимое сейфов будет дожидаться нас.

— Надеюсь, телефон не успеет разрядиться, — говорит Егор. Он намекает: мы ведем ненадолго приехали, да? Погостим — и сразу домой.

— Конечно, не успеет, — отвечаю, и Егор знает, что это вранье. Достаточно вспомнить мое неменяемое состояние в последние дни перед отъездом. Если уж я забывала поесть, что говорить об остальном?

Дефенсоры остаются с нами. Красная диагональная полоса на визе означает иммунитет. Неприкосновенность. Бывают гости столицы, а мы — гости побережья.

Сначала на досмотр отводят меня, и женщина в униформе и в медицинских перчатках предлагает раздеться. Заставляет расплести косичку и дотошно перебирает пряди. Затем на досмотр уходит Егор. Пока он отсутствует, мою сумку взвешивают. Лимит — не более двадцати кг на одно лицо. Я уложилась в девятнадцать килограмм, взяв самое необходимое. Вернее, уложился Егор. Это под его контролем было выбрано надежное, теплое, ноское, легкое, многофункциональное. И вдобавок компактно уложено. В общежитии мои отделения в платяном шкафу стонали под игом хаоса и беспорядка, а другая половина шкафа, занимаемая Егором, победила бы в конкурсе идеальных полок.

С улицы вваливаются военные и рассаживаются на скамейке. У одного из них шипит и курлыкает рация. "Третий, третий, прием..."

Мужчина в кителе и в медицинских перчатках — ревизор. Он вытряхивает содержимое моей сумки в пластиковый контейнер, осматривает каждую вещь, сверяет со списком, указанным в разрешении на ввоз, и бросает на движущуюся ленту. Та ползет за черные шторки. Там мои вещички просвечивают на предмет вис-улучшений. Улучшенные вещи запрещены к ввозу на побережье. А то я не знаю. У меня было достаточно времени, чтобы проштудировать всю имеющуюся литературу о побережье и запомнить советы Константина Дмитриевича. Поэтому наши сумки не имеют повышенной вместимости, а пятна от травы придется застирывать.

Чувствую затылком взгляды военных, и меня не покидает ощущение сальности, липкости. Хорошо, что возвращается Егор. Пока укладываю свои вещи, настает черед его сумки.

Неожиданно один из военных, с тремя оранжевыми полосками на погонах, подходит и забирает с ленты банку. Это кофе. Любимый сорт Егора. Его непреходящая любовь и слабость. Он предпочел отказаться от пары лишних футболок, но выделил в сумке местечко

для банки кофе.

— Почему? — спрашивает Егор. Спокойно спрашивает, но я замечаю сжатые кулаки с побелевшими костяшками. Кстати, кофе молотый в количестве 50 гр. включен в список предметов, разрешенных к ввозу.

— Потому, — отвечает дылда и кидает банку товарищу. — Я здесь хозяин. Понятно?

В помещении повисает молчание. Дежурный комендант уходит за перегородку, ревизор делается глухим, слепым и безучастным.

Я знаю, Егор может с легкостью создать пятиуровневое убийственное заклинание. И тогда нас расстреляют на месте. Пожалуйста, не дай ему поддаться на провокацию! — возношу беззвучную мольбу к потолку.

Егор отворачивается к движущейся ленте, но спокойствие дается ему нелегко. Желваки гуляют, губы плотно сжаты. Мой мужчина борется с яростью.

Когда вещи уложены, дежурный комендант вручает наши документы. Нам не дарят рекламные буклеты, не желают счастливого пути и не машут платочками. Егор взваливает на себя сумки с переворошенным содержимым и направляется к двери с табличкой "ПЕРЕХОДНАЯ ЗОНА 15 М". Я тороплюсь следом и на выходе слепну от яркого солнца. Увы, солнцезащитные очки здесь под запретом.

Нам предстоит пройти коридором, отгороженным колючей проволокой. Замедляю шаг и отстаю от Егора. Как во снах: вспаханная полоса земли по обе стороны уходит в бесконечность. Рядом с ней тропинка для пеших патрулей. Вдалеке маячат черные точки — это дневной обход. Параллельно — проезжая дорога для автотехники, наверное, для бронетранспортеров и танкеток. Вышки слева и справа. С одной из них посылают мимолетный блик. Это снайпер, скучая, разглядывает нас в оптический прицел. И колючка, колючка... Стоит тихий гул. Проволока находится под напряжением. Почему-то нет собак. Я думала, они будут рваться с цепей, заливаясь хриплым простуженным лаем.

— Эва, поторопись! — окликает Егор, и я ускоряю шаг.

Впереди глухой бетонный забор без начала и конца и массивные железные ворота высотой метров пять с белой буквой V на металле во всю ширь. Крутятся ролики, и мы просачиваемся в узкую щель. Ворота ползут обратно, отрезая от Большой земли. Вот и всё. Мы на побережье.

— И что теперь? — спрашиваю, отпив из бутылки, и предлагаю водичку Егору, но он отказывается.

— Сделаешь один глоток, а выдурешь ведро, — напоминает мне прописную истину.

Знаю, но очень уж жажда замучила.

Мы дошли до ближайшей рощицы и теперь сидим на травке в тенечке. От ворот проселочная дорога весело бежит метров двадцать и теряется, сворачивая в поле.

От недавней грозы не осталось и следа. На земле разводы от высохших капель, два часа назад долбивших из грозовой тучи. Парит, и оттого делается еще душнее. Воздух стоячий и горячий.

— За нами приедут, — говорит Егор уверенно. — Нужно ждать.

И мы ждем, ждем. И полежали уже, и печенюшек пожевали. Я успела успокоиться, хотя поначалу переволновалась до дрожи, представив, что мы сидим у дороги, по которой когда-то ходили мой дед и мама.

— Может, пойдём потихоньку?

— Посмотри, Эва, там пекло и ни одного кустика. Потерпи. Немного осталось.

Потерплю, это не трудно. У меня терпения — вагон и маленькая тележка. Я дождалась окончания четвертого курса и получения аттестата. Стойко перенесла бюрократическую канитель с оформлением бумаг на въезд. Сцепив пальцы, терзалась ожиданием в поезде, ползущем на запад, и заразила Егора нервозностью. На самом деле трудно удержаться, зная, что осталось сделать последний шаг до родного дома. До мамы.

Сначала послышалось слабое гудение, затем надрывный рев приблизился, и наконец, на взгорке показалась машина.

— Эй! — вскочил Егор и замахал кепкой. — Что за убожество? — пробормотал, когда автомобиль остановился на обочине.

И точно, машина напоминала глубокого инвалида со следами ржавчины, помятостями и трещинами на лобовом стекле. И все же за техникой следили: смазывали и подкрашивали. Но при имеющемся уходе она будто сошла с подборки архивных журналов.

— Ей лет сто, если не двести, — отметила я.

— Довоенная модель. "Каппа". Выпускали во времена молодости деда, — определил мой мужчина зорким взглядом.

— Будем сидеть или поедем? — крикнул задорно водитель, высунувшись из окна.

— Помоги с сумками, — ответил ему Егор.

Хозяин машины, хлопнув дверцей, направился к нам. По мере того, как он приближался, лицо Егора мрачнело, а я замерла, не поверив своим глазам.

— Тёма?! Это ты?!

Это и вправду оказался Тёма — с милой ямочкой на подбородке и с волосами, собранными в хвост. Реальный, настоящий Тёма, в потертых джинсах и растянутой футболке. Последняя наша встреча состоялась полтора года назад, под Новый год, в столице, а теперь парень оказался здесь, на побережье.

— Смотри, красуля, я побрился для тебя, — развел он руки, предлагая кинуться в дружеские объятия. — Оцени подвиг. Борода успела отрасти до колен.

Егор не разделил со мной радостное изумление неожиданной встречи. Наоборот, притянул к себе и потребовал ледяным тоном:

— Эва, покажи ему.

Разве ж прилично хвастаться с разлету, не успев толком поздороваться со старым знакомым?

— Покажи, — велел Егор холодно, и его глаза сузились, превратившись в щелки. Наверное, прикидывал, как удачнее подобраться к Тёме и врезать.

Я протянула руку парню.

— Вот...

— Скажи ему, — приказал Егор.

Есть, мой командир. Молчать не буду. Но все равно смущаюсь.

— Ну-у... я замуж вышла!

— Красивое колечко. Поздравляю, — улыбнулся парень весело. — А где муж? Оставила на Большой земле?

Егор дернулся и громко вдохнул, набирая воздух в легкие перед тем, как броситься на шутника.

— Не, вместе с ним приехала, — сказала я и поцеловала Егора в щеку.

— Понимаю. Я бы тоже не оставил красавицу-жену без присмотра, — подмигнул Тёма, а муж сжал меня, вызвав сдавленное "ой". — И как тебя величать-то теперь?

Так и величать. Мелёшина Эва Карловна. Почти три месяца как замужем. А Егор, значит, счастливый супруг. Только вот счастья на его лице в данный момент не наблюдается.

Да-да, я вышла замуж. И ведь упиралась, отбрыкиваясь руками и ногами, а вопреки своему кредо поменяла фамилию, вступив в законный брак.

По поводу семейной жизни вышел неприятный разговор с Мэлом, через несколько дней после гостевания в поместье его деда.

Вернувшись как-то с работы, Мэл заикнулся о съезде компании, запланированном на ближайшие выходные. Мол, организовав слет сотрудников в неформальных условиях, то бишь в обстановке загородного дома отдыха, руководство компании рассчитывало выделить перспективных работников с возможностью дальнейшего роста по служебной лестнице. Но, увы, приглашение получили лишь женатые сотрудники, а шанс Мэла пролетел мимо как фанерка. Мэл высказался об упущенных возможностях с таким сожалением и расстройством, что я почувствовала себя виноватой. И обиженной. Он рассматривал женитьбу в качестве условия, необходимого для успешного карьерного продвижения, а не как... что? Для чего люди женятся? Чтобы соблюсти приличия, принятые в обществе? Чтобы со скандалом делить имущество при разводе? Кольцо на пальце — не панацея от семейных неурядиц. Крепость отношений не зависит от свидетельства о браке. И вообще, в свете поездки на побережье хомутание брачными узами выглядело с моей стороны как жалкая попытка удержать Мэла. Будет странно, если мы поженимся, и он останется на Большой земле.

Примерно так я и высказалась.

— Папена, ты не хочешь замуж вообще или не хочешь конкретно за меня? — прищурился Мэл.

Папена... Значит, разозлился.

Если поразмыслить, статус его девушки мне нравится. В физике есть понятие степеней свободы. Совместное проживание с Мэлом ограничило их число, но не лишило душевного комфорта. Мэл стал неотъемлемой частью моей жизни. Я считаюсь с его мнением и уважаю принятые им решения, но могу высказывать свою точку зрения, могу спорить и поступать наперекор. А замужество сведет все степени свободы к нулю и повесит на шею долг, ответственность и обязанности члена большой семьи, в которую заманивает Мэл. А еще необходимость подчиняться правилам, установленным в клане, — чужом монастыре с пугающим меня уставом. Или всё дело в том, что Мэл носит фамилию Мелёшиных? А может, причина в том, что я не оправдаю ожиданий, и наш ребенок унаследует мою слепоту?

— Гош, давай обсудим, когда вернусь с побережья.

— К тому времени я могу передумать, — обронил он небрежно.

Да пожалуйста! — вспыхнула я как спичка. Больно надо! Не очень-то и хотелось.

— Прекрасно. Если приспичило, встань завтра под люстрой в холле и крикни: "Требуется жена для карьерного роста!" А меня не трогай.

В общем, я обиделась на Мэла, хотя в чем-то он оказался прав. Давно следовало обсудить наше общее будущее и расставить приоритеты. После откровений Константина Дмитриевича поездка на побережье обрела реальные очертания, став для меня не просто целью, а идеей фикс. Путеводной звездой.

Я дулась, а на Мэла напало раздражительное настроение. Надев наушники, он посвятил вечер курсовой работе по символистике, расслабляясь под тяжелый рок.

Смешно вести себя по-детски. Нужно помириться и прогнать недопонимание. Не люблю, когда наши ссоры затягиваются. Начинает ныть сердце, и всё валится из рук. Подойду и обниму его. Приложусь щекой к макушке.

— Гош, я получу аттестат и съезжу к маме. Вернусь, и тогда решим, что делать дальше.

Он снял наушники:

— Уедешь, а мне предлагаешь ждать на Большой земле? Сколько? Год или два?

— Не знаю... — растерялась я. — Меньше! Месяца вполне достаточно. Погощу на побережье и приеду обратно.

Балда я была. Мне казалось, большие расстояния — плевое дело. День — туда, день — обратно, и куча времени рядом с мамой. Нужно столько ей рассказать!

— Хорошо, — объявил Мэл. — Поедем вместе. Заодно познакомлюсь с тещей.

С какой тещей? С мамой, что ли? Он поедет вместе со мной?! На край света?!

Подобного поворота событий я не ожидала. Не предусмотрела. Наверное, у меня был достаточно остолбеневший вид, потому что Мэл спросил:

— Дело не в побережье, ведь так, Эва? Почему ты упорно отказываешься признать, что наши отношения рано или поздно завершатся браком? Чего боишься?

— Ничего, — буркнула я, отворачиваясь.

Мэл нагнал меня на кухне и припер к холодильнику.

— Говори, — потребовал и не отпустил, пока я, смущаясь и отводя взгляд, не проямлила что-то о плохой наследственности, которая ждет моего ребенка. О том, что малыш никогда не увидит чертовы волны. И о том, что у меня, возможно, не будет детей из-за проклятья, растворенного в крови. То, что дед Мэла назвал даром небес, я посчитала наказанием. Тяжким бременем, возложенным на слабых и немощных людишек. Разве способен примитивный человеческий разум уяснить величие свалившейся благодати? Разве может он постигнуть суть божественного замысла? Как жить, зная, что я — урод? Зачем самый старший Мелёшин сказал мне, зачем?

— Без истерики, — сказал Мэл, обхватив мое лицо ладонями, и велел: — Смотри на меня. Успокойся. Дыши... Не подозревал, что ты перевернешь рассказ деда с ног на голову. Поэтому всю неделю ходила сама не своя, да? Запомни, Эва, ты — редкий цветок, который распускается раз в сотню лет. А за редкостями охотятся и убивают конкурентов... Насчет детей не переживай. Ты меня знаешь, я отступать не привык и всегда добиваюсь своего.

— Маме не повезло, ее дочь родилась слепой. И мне не повезет, — упорствовала я.

— Наш ребенок увидит волны. Железно. Даже не сомневайся. Хочешь, прямо сейчас займемся? Мальчиком, например. Эдиком или Серёгой. Или девочкой, такой же вредненькой, как и ты. И назовем её Акулиной. Или Аграфеной.

Фыркнув, я рассмеялась, и напряжение отпустило.

— Рановато. Сначала нужно съездить на побережье. Гош, давай отложим семейные вопросы на потом.

— Рубля откладывать не любит. Вспомнит о блюде, творящемся под носом, и объявит немилость твоему отцу или моему за плохое воспитание отпрысков.

— Когда вспомнит, тогда и поговорим, — поставила я точку в разговоре, и Мэл согласился с неохотой.

Таким образом, тема свадьбы-женитьбы на неопределенный срок отступила на дальний план.

А через неделю мы с Мэлом получили приглашение на интервью в телевизионную

студию центрального канала. Оказывается, благодаря грамотной подаче фотоматериалов в прессу, наши имена поднялись на первую строчку рейтинга "Влюбленные года" и вот уже пару месяцев держались на плаву. А я упустила сей факт из внимания, переживая из-за дней рождения, наводнивших октябрь, и по поводу неутешительных открытий о моем родословном древе.

К величайшему изумлению, Мэл согласился на интервью при молчаливом одобрении моего отца и Мелёшина-старшего. Зато я устроила безобразную сцену. Чтобы меня показали крупным планом по телевизору, и зрители услышали невнятное заикающееся бляение?! Ни за что.

Мэл привел бездну доводов. Во-первых, общение в виде интервью принято в средствах массовой информации, и в приглашении на телевидение нет особого умысла. Гораздо подозрительнее будет выглядеть наш отказ. Во-вторых, передача идет в дневное время, поэтому целевая аудитория — домохозяйки и глухие старички. В-третьих, это не прямой эфир, а запись, и я смогу отбраковать неудавшиеся кадры. В-четвертых, бекать не придется, потому что перед интервью нам пришлют вопросы, и цензоры подготовят ответы, а репетиторы научат правильной дикции.

— Зачем? — заламывала я руки. — Разве нельзя отказаться? Лично мне до фонаря какие-то там рейтинги.

— А мне — нет, — ответил Мэл. — Откажемся, и нас сочтут высокомерными зазнайками. Сегодня мы — лидеры парада, а завтра наши имена напишут на мусорных баках и будут поливать грязью на каждом углу. Не стоит недооценивать прессу и телевидение. Если нас подвергнут остракизму, даже мой отец не сумеет выправить ситуацию. Так что, Эвочка, ты обязана поддержать меня.

Умеет же человек давить на больную мозоль, то есть на чувство долга и ответственность. Промучившись полдня угрызениями совести, я дала согласие на интервью. Можно сказать, совершила подвиг.

Вива, узнав о предстоящей телевизионной экзекуции, задумалась.

— Нужно подобрать специальную косметику, чтобы не расплавиться под софитами. И приодеться соответствующе. Не бойсь, сварганим что-нибудь достойное. Насчет передачи не волнуйся. Ничего серьезного. Поулыбаешься десять минут перед камерами — и свободна. Сегодня ты и Мелёшин, завтра — победители других рейтингов. Нынче расплодилось несметное количество национальных голосований. Страна хочет знать героев, которым отдает свои симпатии.

Выслушав личную стилистку, я взглянула на катавасию с интервью под другим углом. Действительно, в перекидывании вопросами-ответами нет ничего страшного. И с дикцией справимся, и о милой улыбке не забудем. Пообщаемся с тётенькой-ведущей по заготовленным шаблонам, а если я начну заикаться или почешу нос, устроители передачи снимут новый дубль.

Телевизионный центр, куда привез меня Мэл, стал причиной минутного остолбенения. Архитектурно здание напоминало замысловатую пространственную головоломку, а высоченная приемная вышка, похожая на чулок, натянутый на каркас, сияла сетчатой ажурностью на фоне темного неба.

В студии на тридцатом этаже, куда поднял скоростной лифт, на меня напала робость. Камеры, провода, лампы, светящиеся табло: "Тихо, идет съемка"... Торопливость и

лихорадочность перед выходом в эфир... Снующие ассистенты, помощники, гримеры... Зато Мэл чувствовал себя в своей тарелке, словно был завсегдатаем телевизионных шоу. Он пожимал руки операторам как лучшим друзьям.

Мелёшин-старший, подстраховываясь, отправил в качестве сопровождения две машины дэпов, и шестеро мужчин в черных костюмах и темных очках рассредоточились по помещению, заняв удобные диспозиции.

В павильоне установили простейшие декорации: окно с панорамой вечернего города, заждавшегося зимы. Снаружи ветер гнал по черному небу клочья сизых облаков и бросал в лицо горсти песка вместо снега, а в студии было тепло, светло и оживленно. Нам предоставили диванчик, и Мэл уселся, закинув руку на спинку. Я оказалась у него под боком.

— Прекрасно выглядишь, — шепнул он на ухо и переплел наши пальцы, получив в ответ благодарный взгляд. Вива отнеслась к моему образу со всей ответственностью, сотворив маленькое романтическое чудо из платья с расклешенными рукавами и из "плетенки" прядей на голове. Надо ли говорить, что принятие успокаивающих капелек стало традицией в борьбе с накатившим беспокойством?

Мне следовало задуматься в тот момент, когда в кресло напротив опустилась ведущая Анрин Девин — блондинка, повстречавшаяся в переулке Первых аистов перед приемом "Лица года". Она элегантно забросила ногу на ногу, демонстрируя стройные ноги. А может, следовало задуматься, когда в динамиках раздался голос: "Внимание, до прямого эфира осталось десять секунд. Девять, восемь, семь...?"

Но я не задумалась. Меня волновало, правильно ли сижу, умно ли выгляжу и помню ли заученные ответы, хотя нас предупредили, что на случай забывчивости в студии имеется телесуфлер.

Интервью текло по отрепетированному сценарию. Анрин Девин — сообразительная дама — за грязными сенсациями не гналась. Знала, чьи детки сидят на диванчике, и представляла скорость, с которой закатится карьера, вздумай она озвучить скандальную подробность.

"Мы рады приветствовать в нашей студии... Верхняя строчка рейтинга... Чем запомнился уходящий год?"

"Встречей с Эвой... Кто испытывал сильные чувства, тот поймет меня... Это как удар по голове..."

Общий смех. Мэл целует мою ладошку.

"Ох, Егор, у меня зреет уверенность, что вы пропали бесповоротно... Эва, когда вы поняли, что Егор — ваша судьба?"

"Не сразу... Он покорила меня энергичностью и жаждой жизни... И прекрасными результатами по итогам сессии..."

Снова смех на съемочной площадке. Я кладу руку на колено Мэла. Всё продумано до мелочей.

И так далее, и тому подобное. Общение шло по накатанной колее, и присутствие толпы телевизионщиков перестало смущать. Я приободрилась. Осталось пять вопросов мне, пять — моему спутнику, и можно сказать адъёс лощенной Анрин Девин. Получился хороший спектакль с хорошими режиссерами и сценаристами. В нужное время загорится надпись: "Антракт", и кулисы сомкнутся.

На стене почему-то горело табло: "Внимание, прямой эфир". Что значит "прямой

эфир"? То есть напрямую от телекамеры к экранам телевизоров?! И мой звонкий чих оглушит уши миллионов телезрителей?! А как же дневной показ для старичков с домохозяйками и бесконечные дубли в случае фиаско? За окном воскресный вечер, и популярную передачу популярной телеведущей смотрит от нечего делать добрая треть страны, если не половина!

"Телезрители — и таковых немало — спрашивают: имеются ли у полюбившейся пары "Егор плюс Эва" планы на совместное будущее..."

Этого вопроса я не припомню. Отклонение от сценария? Бросаю вопросительный взгляд на Мэла.

— Планы имеются... И грандиозные, — выдает он.

В студии опять смех, и я с облегчением выдыхаю.

"Наши телезрители сгорают от нетерпения... Более полугода они следят за развитием... Многие из тех, кто в октябре отдал голоса верхней строчке рейтинга, находятся в недоумении... Быть может, вашим отношениям свойственна несерьезность? — спрашивают они..."

В интервью не предусматривался подобный поворот сюжета. Смотрю беспомощно на Мэла. Он раздумывает, а Анрин Девин доброжелательно улыбается. На ее лице — ни капли подвоха. Вышло недоразумение. Перепутались страницы опросника к интервью. Но подходящей реплики, заранее подготовленной цензорами, нет, а на нас смотрит вся страна. От осознания очевидной истины нервно сглатываю и судорожно стискиваю руку Мэла. Что ответить?

— Что ж, — говорит он весело. — Вот мой ответ для тех, кто сомневается в серьезности наших отношений.

Мэл поднимается с дивана и, преклонив колена, захватывает в плен мою лапку.

— Эва, в присутствии тех, кто собрался здесь, а также иных свидетелей, прошу тебя стать моей женой. Вверяю тебе своё сердце и имя.

Ни грамма театральности. В его глазах плещется искренность и вера в то, что нам удастся с достоинством выбраться из каверзной ситуации. Камера наезжает на диванчик.

Как рассказала позже Аффа, происходящее в студии стало сенсацией, затмив на всю последующую неделю новости со спартакиады и репортажи с конкурса симфонических оркестров. Передача действительно велась в прямом эфире, и камеры то и дело выхватывали лица присутствующих — операторов, ассистентов, ведущей, дэпов. Потому что началась кутерьма. Сперва на экране крупным планом показали меня, донельзя растерянную и ошеломленную. Затем мой подбородок задрожал, я потянулась к Мэлу, и он укрыл меня от настырных объективов телекамер.

— Ты согласна? — спросил Мэл, а я взяла и расплакалась, спрятавшись в его объятиях. От потрясения. Боже мой, на виду у всей страны опозорилась с красными глазами и опухшим носом.

— Ты согласна? — повторил Мэл, обнимая меня, и студия, а вместе с ней и миллионы телезрителей, затаила дыхание. Но мне было не до чужого любопытства. Мой мужчина задал вопрос и теперь ожидал высочайшей резолюции. И я ответила.

— Д-да. Да. Согласна, — сказала и шмыгнула носом, прижавшись к нему. Потому что "нет" прозвучало бы предательством.

Мэл вскинул руку, и над потолком расцвел малиновый сверкающий шар. Вспыхнув ярким светом, он закрутился волчком, осыпая нас тающими блестками.

Студия взорвалась аплодисментами. Камеры метались от одного взбудораженного лица к другому, а Мэл смотрел на меня и улыбался. Народ засуетился. Кто-то принес салфетки. К дивану приволокли столик и принесли графин с водой. Мне сунули в руки стакан. Ведущая возбужденно трещала, заполняя прямой эфир. Дэпы периодически разнообразили кадры пресными физиономиями. Страна по ту сторону экрана прослезилась и зашвыркала в платочки. А *oculi umbru*^[29] еще долго сыпал малиновыми блестками, прежде чем погас с тихим шипением.

Так я стала невестой. До мая, — постановил новоиспеченный жених. Полгода, как и полагается по правилам приличия. А к тому времени предстояло совершить невероятное. Подготовиться к свадьбе. И отвертеться от торжества века не представлялось возможным. Результат интервью напрочь перекошил мои планы, связанные с поездкой на побережье.

— Прямой эфир? — удивился Мэл. — Не знал. Меня не предупредили об изменении в расписании передач. А с перечнем вопросов вышла накладка. Нам передали первоначальную версию анкеты. Спутали её с окончательной. Ты расстроилась? Эта... Анрин Девин... спросила, нужно было что-то ответить. Вот я и сказал первое, что пришло в голову.

— Гош, ты молодец, выкрутился. А меня вообще перемкнуло. Сидела, моргала, а на ум ничего толкового не пришло.

Мэлу польстило.

Что ж, коли сказал "а", говори и "б". Предложение Мэла в прямом эфире оказалось покруче скучного обеда с обручением. И главное, без затрат. Мы стали героями колонок светской хроники забесплатно. Зато подготовка к торжеству велась полным ходом, и масштаб предстоящего празднества вверг меня в панику.

— Может, распишемся незаметно, и дело с концом? — спросила я неуверенно, узнав, что мой отец и Мелёшин-старший согласовали список гостей к свадебному банкету в количестве пятьсот человек. Специально нанятый распорядитель праздничной вакханалии встретился с мамой Мэла, и та одобрила дизайн пригласительных билетов. Типография, не медля, запустила в печать карточки с амурчиками и обручальными кольцами в ленточках. Амурчики иллюзорно махали крылышками и сыпали цветочками из корзинок.

— Не получится, — развел руками Мэл. — На нас смотрит вся страна.

И правда, страна нетерпеливо ёрзала в ожидании торжества. Весь институт узнал о предстоящем мероприятии и о "тили-тили-тесте". По телефонам студенток гуляли кадры из телепередачи, бесстрастно зафиксировавшие наши с Мэлом мимолетные жесты: как он целует меня в висок, как мы смотрим друг на друга, как я заботливо поправляю его галстук. Словом, поле непаханое для романтических натур, ожидающих своего принца на белом "Эклипсе". Мэла завалили анонимными признаниями в любви и стихами, подсовывая бумажки под дверь в общежитии или подбрасывая перед лекциями. Привораживать и делать заговоры не решались — боялись меня. Я злилась: ни стыда, ни совести у девчонок. Человек практически женился, а докучливые поклонницы не вовремя активизировались и без устали мотают нервы. Раньше нужно было суетиться, когда жених разгуливал холостым и свободным.

Мэл посмеивался и рвал записки, не читая. После интервью он изменился. Стал вальяжнее, что ли, и солиднее в манерах. И всё больше напоминал своего отца, Мелёшина-старшего.

Поскольку о скромном торжестве и речи не шло, на меня напало упрямство. Я хотела видеть на собственной свадьбе не только тех, чье знакомство полезно и выгодно, но и тех, кому была благодарна за всё хорошее, сделанное для меня, и за дружбу.

Жених уступил, и в итоге список гостей пополнился на шестьдесят пунктов, потому как Мэл включил в него и своих друзей по школе, институту и неформальным развлечениям. Он

покривился, вписывая имена Альрика Вулфу и Лизбэт, но промолчал.

Стопятнадцатый, поздравив меня со званием невесты, заметил:

— Давненько в нашем институте не случилось, чтобы студенты решались на создание ячейки общества. Как правило, учащиеся задумываются об изменениях в личной жизни после получения аттестата, встав на ноги. Но я рад, что ваши дела складывается наилучшим образом. Перевод в столицу внес неожиданные коррективы в вашу судьбу.

И немалые коррективы. Можно сказать, благодаря переводу в институт будущее замазюкалось набело и начало карябаться заново.

— Divini oculi^[30] предсказало вам бракосочетание с Егором Мелёшиным? — поинтересовался деликатно декан.

— Нет. Сбылись уже три видения. А в тех, которым предстоит свершиться, нет намеков на свадьбу.

И, кажется, я знаю, почему. Пророческое око показало эпохальные события, накладывающие отпечаток на всю последующую жизнь. А предстоящее празднество вызывало тоску. Казалось бы, организованное с размахом мероприятие — мечта любой девушки, отхватившей видного жениха. Соперницы утрут носы, завидуя белому платью с фатой. Но меня словно на аркане тянули к алтарю. Через "не хочу".

Бывшая соседка по общежитию смотрела передачу по телевизору. Случайно ухватила феерическую концовку, и то благодаря звонку однокурсницы.

Аффа сказала:

— Всё-таки ты согласилась. Я до последней секунды думала, что откажешься. Интуиция меня подвела. Мелёшин не заслужил. У него на лбу написано: "Эгоист". Ты еще набьешь с ним шишек.

Она так и не смогла перебороть антипатию к Мэлу, несмотря на дружеские посиделки.

Капа похлопал Мэла по плечу:

— Сочувствую.

А Сима добавил:

— Ну, ты впух.

Эй, вы! Это мне нужно сочувствовать, а не жениху. Неужто я похожа на мегеру, которая будет пилить бедняжку-мужа денно и ночью?

Макес сказал нейтрально: "Поздравляю" и углубился в отношения с застенчивой второкурсницей. Пожалуй, даже рьяно. Я хотела вызвать парня на откровенный разговор, чтобы узнать причину прохладного общения, но Мэл запретил. Видите ли, мой интерес к Маку могут превратно истолковать, и жениха выставят рогоносцем.

— Извращение, — покрутила я пальцем у виска. — Как подобная гадость пришла тебе в голову? Максим — твой друг.

— Эва, теперь всё иначе. Ты должна втройне тщательнее обдумывать свои поступки. Не принимай решений сгоряча, — втемяшивал Мэл.

Ну, и кто сказал, что свадьба — предел девических мечтаний? До неё нужно дожить, а пока устанавливаются тотальные ограничения. То нельзя, это запрещено. Смотри с оглядкой, говори с задержкой, дыши через раз. Повернешь голову влево, когда все глядят вправо, — тут же поползут слухи. Отчитаешь студента, запачкавшего лабораторный куб, и сплетня с пылу, с жару понесется по институту. И даже строгость, вылитая на нерадивого второкурсника, не помеха гибким языкам.

А Дэн сказал скупю:

— Рад за вас.

Он вдруг стал занятым. На развлекательных мероприятиях не появлялся, хотя на светских раутах сопровождал дочь второго советника премьер-министра. Дэн выполнял необходимый минимум обязанностей кавалера по отношению к даме и исчезал.

Мэл пожимал плечами.

— Ничего удивительного. Он вникает в дела концерна. Планирует устроиться в компанию отца после окончания института.

Франц-Иосиф вздохнул и заметил философски:

— Извечный круговорот жизни. Вчерашние птенцы вырастают и вылетают из гнезда.

А Царица ничего не сказала. Читала с трибуны лекции по теории культов и принимала зачеты с экзаменами.

Баста обрадовано подскочила:

— Ну, наконец-то! А где обручальное колечко? Ох, и жаднющий Гошка. Сэкономил на камешке. Или не заработал на бриллиантик?

После совершеннолетия сестрица Мэла успела побывать на двух приемах и в Опере. Мелёшин-старший подыскал кавалера: троюродного кузена, на правах родства сопровождавшего Басту на серьезные мероприятия. Новоиспеченная светская дива вела себя на удивление тихо и чинно. Правда, пару раз порывалась потешить душеньку в "Вулкано", но надсмотрщики Мелёшина-старшего (читай, дэпы) выдворяли красавицу из клуба без лишнего шума и скандала. Бедная Баста! Её лишили долгожданной взрослой жизни. Думаю она не раз пожалела о близком родстве с начальником Объединенных департаментов.

Зима налетела неожиданно, с пургой и метелью. За одну ночь укрыла окраины белой мантией и согнула ветви деревьев под тяжестью снега. Опустилась легким морозцем на щеки. Завьюжила предновогодьем.

Мэл закрыл наглухо окно, и теперь Кот лихо сигал через форточку на кирпичный выступ, ставший узким и опасным. Я боялась, что усатый поскользнется на заснеженной тропе и свалится, но он вел себя как опытный эквилибрист. А еще Кот окончательно освоился в общежитии и шлялся по соседям. Его тискали девчонки со второго этажа и по-своему запускали погостить обитатели третьего этажа.

— Подсчитай, какая выгода, — говорил Мэл. — Целый день где-то гуляет и возвращается наевшимся.

И правда, морда Кота лоснилась от сытой жизни. Но в любом случае, он строго являлся к родному очагу на вечернюю поверку.

— Гош, сегодня ровно год, как я переступила порог института.

Удивительный это оказался год. Сногсшибательный. Перевернувший мою жизнь. Принесший невероятные открытия.

— Нужно отметить, — заключил Мэл и пригласил в Зазеркалье — крытый павильон с особым расположением зеркал. Можно часами бродить между ними, теряясь в отражениях, что я и делала, путая настоящего Мэла с дубликатами. Но и он попыхтел, выискивая реальную меня. И ведь нашел среди двенадцати точных копий!

— Признайся, что смухлевал, — потребовала я, когда он вывел меня в центр зеркального круга.

— Нет, Эвочка. Меня вело сердце.

Ну-ну. Пафос не для Мэла. Наверняка сыщик применил [vigili](#)^[31], повысив чувствительность ладоней к инфракрасному излучению. Ими он "ощупывал" зеркала на расстоянии. Хитрец. И ведь не признался, как я ни выпытывала.

Не знаю, кто оплачивал расходы к предстоящему торжеству — мой отец или семья Мэла — но все счета по умолчанию отсылались на имя Мелёшина-старшего.

Ужас, сколько всего требовалось организовать. Заранее был арендован самый большой зал в Банкетном дворце, причем Мэл определил дату свадьбы с таким расчетом, чтобы проскочить между полнолуниями. Его мама и моя мачеха встречались чуть ли не дважды в неделю, чтобы обговорить животрепещущие вопросы. Понятно, что Ираида Владимировна переживала. Она хотела, чтобы празднество состоялось на высшем уровне. А вот "моей второй матушке" приходилось несладко. Сомневаюсь, что она жаждала обсуждать, какие бутоньерки лучше: из роз или из лилий. Ведь не её родная доченька собиралась замуж, а нелюбимая падчерица. Удивительно, как у родительниц не пошла кругом голова. Вместе с распорядителем они продумывали украшение банкетного зала, сервировку праздничного стола, содержание меню и множество мелочей, без которых я преспокойно обошлась бы, но светское общество могло раскудахтаться и попадать в обморок.

Я сразу объявила, что Вива станет моей свадебной стилисткой. Она, конечно же, согласилась, но предупредила, что после замужества начнет брать за свои услуги два с половиной штукаря ежемесячно вместо полутора тысяч. Мол, положение невестки Мелёшина-старшего обязывает. Невиданная наглость со стороны Вивы, но упоминание о "невестке" разволновало меня и отвлекло от заявления самоуверенной девицы.

Далее на повестке встал вопрос с кольцами.

— Давай сделаем так. Выберем кольца друг для друга и обменяемся, — предложила я, и Мэл согласился с хитреньким видом и сверкнувшими огоньками в глазах. Правильно, даже из стресса в виде предстоящей свадьбы можно извлекать пользу.

Пользу извлекали не только мы. Страна устроила тотализатор, и в колонках светских новостей бурно обсуждали подробности. Каким будет фасон свадебного платья: закрытым или с оголенными плечами? Предусмотрят ли в протоколе снятие подвязки с ноги невесты? В каком костюме появится жених: в белом или в черном? А может, во фраке? В какой фирме закажут свадебный букет: в "Бартони и Ко" или в "Перелло"? Где состоится гражданская церемония? Каков прогноз погоды в праздничный день?

Убейте меня кто-нибудь.

Новый статус требовал исполнения новых обязанностей. Мы с Мэлом потратили два дня на покупку новогодних подарков. Багажник машины заполнился коробками и коробочками, перевязанными бантами и бантиками. Я взвыла. Пусть подарки не несли особой смысловой нагрузки, скорее, дань традиции, но в списке набралось более ста получателей. И предстояло разослать подарки, а то и вручить лично.

Я долго думала, что подарить Мэлу, и купила билеты в развлекательный комплекс на аттракционы. Мэл посмеялся, но мы весело провели время, играя в футбол на электромобилях и гоняя шар, надутый газом. Надолго застряли в капсуле-имитаторе виртуального пространства, причем Мэл напрочь отказался участвовать в драке против моей героини, упакованной холодным и горячим оружием под завязку.

— Женщин не бью, даже виртуальных, — заявил он.

Мэл выбрал приключенческий сюжет — поиски сокровищ в затерянном городе. В итоге, сняв шлемы-модуляторы, мы выползли из капсулы, пресытившись впечатлениями. А в тире наше соперничество привело к неожиданным результатам. Мои диоптрии сравнялись с меткостью Мэла, и разница составила всего лишь одно очко в его пользу. Мэл долго не мог успокоиться, решив, что я выпила снадобье острого зрения или схитрила, надев линзы с телескопическим приближением. Вечер завершился в "Инновации" поеданием мороженого в закрытой зоне, отгороженной от зала зеркальной шторкой.

Я тоже получила свой подарок. На бульваре Амбули, в ювелирном салоне — роскошном заведении для избранных.

— Выбирай, — махнул рукой Мэл.

— Здесь?!

Сияние драгоценностей ослепляло, как и свет многочисленных ламп, отражавшихся от стекол и от кафеля. Ярче дня — глазам больно.

Нули на ценниках повергли в оцепенение.

— Гошик, тут дорого, — шепнула я, оглядываясь на внушительных охранников.

— Нормально, — заверил он. — Приемлемо. Мне выплатили премию по итогам года.

Тон голоса не оставлял сомнений: Мэл не воспримет отказ. Ну, почему он обожает крайности? Меня устроил бы букетик цветов или билеты в кино с иллюзиями. Но романтичность Мэла имела другие масштабы.

Что ему ответить? Не отдавать же уйму денег за побрякушку, которая того не стоит.

Внезапно ноги подкосились, глаза закатились, а сознание покинуло. Благо, Мэл успел подхватить, не то я рухнула бы на пол, пардон, на ковер. Нашатырь привел в чувство, и встревоженное лицо Мэла попало в фокус зрения.

— Не нужно врача, — сказала я слабым голосом, успокаивая побледневшую консультантку. — Мне уже лучше. Просто у вас душно.

Особой духоты в помещении не наблюдалось, но женщина закивала. С клиентами спорить нельзя. Если клиент говорит: "Земля — квадратная", так и есть. За баснословные цифры на ценниках и в лепешку расплющим, если потребуется, — читалось в глазах работницы салона.

— Ты притворялась, — сказал Мэл в машине.

— Неправда, — обиделась я. — Мне стало плохо.

— Притворялась. Эвка, ты хорошая актриска, но часто переигрываешь. И долго примерялась, чтобы упасть ко мне на руки.

Я фыркнула.

— Чем подарок не мил? — спросил Мэл.

— Нулями.

— Надо было заранее ценники снять, — подсадовал он.

А что, Мэл может. Позвонил бы в ювелирный салон и предупредил: "Сейчас подъеду со своей девушкой... то есть с невестой. Будьте добры, оторвите бумажки с циферками, чтобы у моей спутницы не приключился инфаркт".

— Я хочу цветы. И достаточно на том.

— Не выйдет. Меня засмеют. И репортеры раструбят, — ответил Мэл. — Пойми, наши отношения перешли на другой уровень, который обязывает. Так что цветы станут дополнением к футляру.

Надувшись, я отвернулась к окну. Засмеют его, видите ли. Да мне плевать на чье-то мнение! И денег жалко.

— Эвка, ну, почему ты такая трудная?

— Ты не легче. Откуда у тебя столько висоров? Ограбил? Убил? Завербовался разведчиком? Продался на органы?

— Говорю же, получил премию.

— Нехилая у тебя премия.

— Дели на три. А лучше на пять. На самом деле, от компании мне выделили льготную кредитную линию.

— За какие такие заслуги?

— За отличные показатели в труде.

Бесполезно расспрашивать Мэла о работе. Еще летом он признался, что дал обет молчания. Любая солидная компания подстраховывается, опасаясь конкуренции и шпионажа.

— Ладно. Ну хоть скажи, это честная работа? Без обмана?

— Честная, — хмыкнул Мэл. — Вернемся назад? Учти, Эвка, если не выберешь — получишь в подарок то, что я куплю. Ты же знаешь, по магазинам ходить не люблю. Без разбора ткну пальцем в первое попавшееся.

Зря он так небрежно обронил. Я не стерпела. Жабба меня задавила. Или экономия.

— Ладно. Давай заедем к аистам.

Мэл поморщился. Он недолюбливал переулок Первых аистов с тех самых пор, как посчитал, что его доходы перешагнули планку, достаточную для покупок на бульваре Амбули.

— За ту же цену я куплю в два или в три раза больше. Или россыпью, — полезла из меня жадность.

— Нашла, на чём экономить, — усмехнулся Мэл.

— Представь себе. Объясни, какой смысл в переплате, если на бульваре и в переулке продают одинаковые товары?

— Переулок — не то место, где...

— Мэл, ты — сноб! — ткнула я пальцем. — Или мы едем к аистам, и я прыгаю от радости, увешавшись брюликами, или возвращаемся домой и воспринимаем случившееся как неудачную шутку.

Он молча вывернул руль.

В результате моей собственностью стала подвеска в виде жука-скарабея с рубином на брюшке и бриллиантовой пылью на раскрытых крыльях. Вдобавок в сумочке лежал футляр с гарнитуром из кулона и клипс с изумрудами.

Сверкающая красота обошлась Мэлу по приемлемым, незаоблачным ценам. Он быстро утешился, забыв о разногласиях, ибо меня переполняло безбрежное женское счастье. А, как известно, счастливая женщина щедро делится своим настроением.

С Альриком я столкнулась неожиданно, через неделю после начала сессии. Вышла вечером из оранжереи, где занималась поливкой, и не сразу заметила в плохо освещенном коридоре человека. Темный силуэт выделялся на фоне окна. Как ни странно, я узнала сидящего интуитивно. Толкнувшись сердцем. Профессор устроился на подоконнике в небрежной позе, словно шел мимо и решил отдохнуть, расслабляя натруженную ногу.

Приблизившись, я села напротив. В полутьме не видела выражение его лица, лишь общие контуры, но чувствовала, что Альрик смотрит на меня. И мы молчали. Бывает такая тишина. Она комфортна и не угнетает. Не нужно слов и жестов, чтобы понять друг друга. И эта тишина была нашей.

Альрик протянул зажатую меж пальцев карточку. Осторожно ухватив уголок, я поднесла тонкий пластик к глазам. Так и есть, приглашение с порхающими амурами.

— Вы... придете?

— Если пожелаете.

Снаружи мело. Нынче ветреная и вьюжная зима. Деревья раскачивались, наматывая белые космы на ветви. Огни фонарей то исчезали в снежных завихрениях, то снова появлялись.

И мы смотрели друг другу в глаза. В отражении. На стекле.

— Камешек переместился?

— Переместился, — Альрик улыбнулся уголками губ. — Институт выиграл грант на полмиллиона.

— Поздравляю.

— Взаимно.

Я отвела взгляд от окна:

— Как ваша мама?

— Поживает. Спасибо.

— Как дела у Сибиллы?

— У нее появился брат. Ему два месяца.

— Здорово! То есть рада за ваших родственников. Дети — это прекрасно.

— В некотором смысле. Моему племяннику не повезло, он родился мальчиком. Став взрослым, он будет вынужден бороться за свою женщину.

Я сдавленно захыхкала.

— Наша численность невелика, и мужчин, в среднем, на восемь процентов больше, чем женщин. Поэтому девочки в семьях предпочтительнее.

— Сибилла — сокровище для родителей, — пробормотала я.

Альрик протянул ладонь:

— Позвольте ту... что с обетом.

После паузы я осторожно вложила руку.

— Теперь, помимо явно выраженных признаков нашего вида, вы приобрели улучшенную регенерацию тканей. Но только в полнолуние, — сказал он, поглаживая пальцами давно исчезнувший след от шрама. — Новая голова не вырастет, зато раны различной степени тяжести будут затягиваться достаточно быстро. В иные дни, подвергая здоровье риску, не рассчитывайте на скоростное излечение. Возможно, увеличится

продолжительность жизни, но незначительно, лет на двадцать-тридцать, по предварительным прикидкам.

От тихого, проникновенного голоса засосало под ложечкой.

— Зачем вы это говорите?

— Ради вашего блага. Избавиться от полиморфной составляющей вряд ли получится. Вам придется жить с тем, что стало частью вашей личности. Думаете, оно успешно подавлено? Самонадеянность когда-нибудь вас погубит. И брак — не панацея. Однажды оно вырвется, и его не удержат никакие цепи и наручники.

Покраснев, я выдернула руку.

— И... что делать?

— Прятаться. Остерегаться. В столице живут порядка трех тысяч представителей нашего вида. Из них в настоящее время в поиске находятся около тридцати половозрелых особей.

— Так много?! Разве вам не тесно? Ну, своя территория и всё такое...

— Столица большая, — ответил Альрик, и я поняла, что он улыбается. — Кроме того, в цивилизованном мире приходится волей-неволей уживаться друг с другом... Но мы ушли от темы. Если о вас узнают мои... наши сородичи, убегайте как можно дальше и как можно скорее. Ваш друг... супруг... не сможет защитить. Его убьют. Свернут шею.

— Зачем прятаться? Зачем бежать? — выдавила я ошарашенно.

— Зачем сходятся двое? — в сумраке блеснули белки глаз.

Фантазия довершила недосказанное, и мне стало жарко.

Ночь, пропитанная феромонами. Соблазн, искушение. Ярость, сопротивление... Погоня, удар наотмашь. Глубокие царапины, которые стремительно затягиваются. Спина, блестящая от пота. Перекатывающиеся мышцы. Животная страсть... под луной.

— Но я не хочу!

— Ваше мнение не учитывается. У вас нет отца или братьев, которые защитили бы и вели переговоры от вашего имени. Слухи распространяются со скоростью пожара. Стоит информации просочиться, и на вас устроят охоту.

— Но симптомы проявляются только в полнолуние! Я ведь не чистокровная! Не ваша!

— Кто об этом знает? Вам не поверят. Глаза скажут за вас.

Глаза... Полоски в янтаре.

— Я... у меня не будет детей! У меня не может быть детей! Моя семья... она вымирает.

— О чем вы? — даже в полумраке я увидела, что Альрик нахмурился.

— Ни о чем. По линии моей мамы не осталось ни одного родственника. Она — единственный ребенок. И я — тоже.

— Подробнее, — потребовал собеседник. — Что вам известно о матушке? Откуда?

— Не скажу. Знаю то, что знаю. Можете передать своим сородичам, что им обломится.

— Суть не в потомстве, — сказал Альрик, и в голосе промелькнул отблеск... тоски? — Дело в луне. Она поет. Зовет за собой. Вы слышали?

Слышала, скрывать не буду. Поначалу зов сводил с ума. Дудочка играла, замутняя рассудок, но с течением времени звук стал тише.

— Вы — полиморф, но успели почувствовать на себе жестокость ночного светила, — продолжил мужчина. — Но вы и вполнину не испытали тех ощущений, что переживают мои сородичи, когда круглое око смотрит свысока. Луна смеется над нами. Давным-давно наши предки поклонялись солнцу. Они называли себя "иль-хиль". Дети небесного пламени.

Каждое утро они встречали солнце и каждый вечер провожали с почестями на покой. Однажды иль-хиль подшутили над бледной луной, разбудив её до срока. Взойдя на небосклон, луна потерялась в небесном пламени. В отместку за унижение она наказала иль-хиль, сделав своими рабами. С тех пор раз в месяц наши инстинкты подавляют цивилизованность.

Альрик рассказывал, и мое второе "я", восторженувшись, жадно слушало своего хозяина. Того, с кем поделило бы сладость лунного света, и с кем предавалось бы стремительному бегу, прежде чем упасть на ложе изо мха.

Он виноват! Виноват во всем. Если бы не легкомыслие Альрика, я не стала бы заложницей луны.

Профессор не знал, — мысленно похлопала себя по щекам, отрезвляясь. Он и представить не мог, что несколько капель его крови пробудят к жизни полиморфа-уродца.

А причиной всему — мой синдром. Альрик поддался его влиянию и провел обет, усложнив ритуал.

Что за невезучесть? Патологическая. Концентрация невероятностей во мне. Ходячая катастрофа. Узел, который не распутать. Дверь с надписью: "выхода нет".

— И как мне быть?

— Соблюдайте осторожность. Учитесь контролировать сны. Не забредайте на чужую территорию, как случилось однажды.

— Это вышло неспециально. Кроме вас... кроме вашего леса... я не бывала нигде.

— Слабое утешение. Вы — профан в том, о чём у нас знает каждый ребенок. И рискуете, приходя на занятия во время полнолуний. На первом курсе факультета внутренней висорики учится студент. Мой... наш сородич. До сих пор вам везло, ваши пути не пересекались.

— На что вы намекаете? — возмутилась я.

Альрик хмыкнул:

— У него два старших брата и оба находятся в поиске. Таких, как они, у нас называют ищущими. Надеюсь, не нужно объяснять, кто является целью.

— Что же мне делать? Прогуливать занятия? А экзамены? В эту сессию на полнолуние придется... символика, — растерялась я.

— Советую из двух зол выбрать меньшее, — сказал профессор сухо. — А именно пересдачи.

— Мэл... Егор не согласится.

Альрик наклонился, приблизившись ко мне:

— Мелёшину пора бы уяснить. Он держит птицу, которую в любое мгновение могут украсть из клетки. Не в его положении вести себя королем.

Я хотела бы расспросить о многом. О том, как Альрик переживает полнолуния. Должно быть, у него гранитная выдержка. А еще о том, как правильно маскироваться, чтобы меня не спалили. И о Лизбэт. В какой стадии находятся их отношения?

Но язык прилип к нёбу. Мир оборотней внезапно оказался рядом, дыша в затылок, и чуждый менталитет вызывал панический страх.

— По-прежнему хотите видеть меня? — жестом фокусника Альрик прокрутил приглашение между пальцами.

— Если вы того хотите. До свидания.

Встав с подоконника, я направилась по пустому коридору к лестнице. Мэл внизу, он ждет меня у раздевалки и разговаривает с другом. Через четыре месяца я выйду замуж. У меня своя жизнь, и другая мне не нужна.

История Альрика — сплошной бред. Здесь цивилизация и закон. Дэпы*, в конце концов. И никаких дикарей и свирепых варваров-недооборотней.

Не оглянись. Уйду с поднятой головой. Я — человек, который выше рабских потребностей. Двум сущностям не ужиться в одном теле. Ни за что не оглянись.

Альрик смотрел мне вслед. С усмешкой и с обещанием. Когда-нибудь мы встретимся. И подпоем луне.

Ей полезно побояться. Страх и неверие окутывают её облаком. Она полагала, что полиморфная составляющая останется незамеченной. Наивная.

Мелкий, что с первого курса, вычислил её без труда. Неудивительно. Обычно в полнолуние шлейф тянется за ней с холла и до мансарды, заползает в лаборатории и спортивные залы, цепляется за перила, щекочет обоняние. Правда, в последнее время ослабел — она старательно борется с инстинктами.

Женишка он не жалел. А за самочку перегрыз бы горло. Поэтому и присматривал, оберегая.

Для профилактики пришлось в первое же полнолуние прижать первокурсника и в тесном контакте продемонстрировать тому, на чьей он территории и на чью самку дерзнул посмотреть. О субординации, как и о разнице в возрасте, не шло и речи. Столкнулись двое: молодой и матерый. Обычное дело.

Когда клыки ушли в десны, когти втянулись, а радужки стали круглыми, он поинтересовался лениво, стряхнув несуществующую пылинку с рукава:

— Собираешься сдавать сессию?

Мелкий кивнул. Совсем сопляк.

— Тогда вешай замок на едало. Рыпнешься и вылетишь в два счета. Заодно хребет переломаю. Усёк?

Тот снова кивнул, глядя в глаза. Смелый щенок.

А какой тут может быть страх? Обычное дело. Постояли, потрепали. Заодно выяснили, кто сильнее, а у кого нос не дорос. И разошлись. До поры, до времени.

Слова Альрика не выходили из головы. "Свернут шею"... "Объявят охоту"... И приговор — бояться и прятаться. Всю жизнь.

По возвращении в общежитие я долго разглядывала себя в зеркале. Полиморфизм не наложил отпечаток на мои формы. Сестра и невестка Альрика имели сочные габариты, притягивающие взгляд. Да и мама профессора была незаурядной женщиной. От них за километр фонило флюидами. А серая крыска незаметна в толпе. Она худосочна, мала ростом и слаба. Значит, следует соблюдать осторожность лишь в полнолуния, отсиживаясь в четырех стенах. С сородичами Альрика шутки плохи. Достаточно вспомнить высоких и широкоплечих гостей профессора. Да и он сам — воплощение силы и мощи.

Хищники... Отныне любой из них — враг. Угроза спокойствию, опасность для жизни Мэла. Его вмешивать не буду. И прятаться за спину тоже. Если меня обнаружат враги, объяснимся в узком кругу, не впуская людей. В конце концов, я участвовала в гонке и победила, — согнула руку в локте, продемонстрировав отражению хиленький бицепс. Недооборотни еще пожалеют, что связались со мной.

А если начистоту... Когда на меня объявят охоту, я отвлеку внимание и уведу врагов от Мэла. Любой ценой. И он не пострадает.

И если прогноз Альрика сбудется, и полиморфная составляющая когда-нибудь вырвется на свободу, поглотив человеческую сущность, то... я сделаю всё, чтобы защитить Мэла. Уйду, пока не станет слишком поздно. Потому что обратной дороги не будет.

Решение принято. Чему быть, того не миновать.

Хочу провести полнолуние в домашних условиях, заявила я, объяснив свое желание подозрениями и страхом. Мол, в прошлый раз обоняние учуяло оборотня мужского пола, и это не Альрик. И предложила Мэлу, связать меня и закрыть в душевой, если ему станет невмоготу. Я сильная. Я всё вынесу.

Мэл озабочился. Допытывался: есть ли на примете конкретный человек, то есть оборотень? Не появлялось ли ощущение слезки? Возникло ли подозрение раньше?

Нет, нет, нет — ответила я и уверила, что руководствуюсь обострившейся интуицией.

Мэл не бросил меня. Взял отгул, и мы провели полнолуние вместе. А оно выдалось тяжелым, потому что животная сущность взбодрилась, помня о недавнем разговоре с профессором. Мэлу пришлось туго, и он правил бал жестче, чем обычно. Иначе я покалечила бы его, любя.

— Я чудовище, — плакала у него на плече, когда луна пошла на убыль. — Меня нужно держать на цепи и в клетке.

— Ш-ш-ш, — успокаивал Мэл. — Не паникуй. Зато я взбодрился. А то совсем расслабился и обленился.

Ему пришлось выбросить постель. Всё — матрас, одеяло, простыню. Те разодрались в клочья. А подушки Мэл в полнолуние прятал в шкаф, потому как имелся печальный опыт собирания пуха и перьев, разлетевшихся по квартирке.

Не поддавшись совету Альрика, я решилась на сдачу экзамена по символистике. И сдала. В другой день и вместе с Мэлом, на параллельном потоке с элементарщиками.

Попросила о заступничестве у декана, и тот пошел навстречу, внесши нас в списки экзаменуемых.

Альрик свирепствовал. Нет, он не отнесся предвзято. Задавал вопросы ровно, без стремления завалить, и выслушивал отстраненно, но от него веяло беспощадностью. Интуиция, чтоб её. Профессор гонял безжалостно, по всему курсу. Я получила тройку, а Мэл — четверку. Я отвечала по билету первой, Мэл шел за мной.

— Вот гад, — пожалился он, выйдя из аудитории. — В волнах, что ли, запутался, на ночь глядя, или не выспался?

Мэлу обидно, а меня устроил и тройка.

— Хочешь оспорить?

— Сдался он мне. Пойдем, нужно отметить.

Хорошая студенческая примета — обмывать полученные оценки, чтобы сессия прошла легко и бесппроблемно. И для веселого времяпровождения как нельзя лучше подходит "Вулкано". Свою тройку я утопила в пятислойном "бумбоксе", разделив коктейль с Мэлом. А после мы отправились танцевать до упаду.

Ха! Синдром не дремал.

Любое неадекватное событие Мэл сопровождал комментарием, мол, очередная жертва поддалась тлетворному влиянию моего дара. Я возмущалась. То, что люди объясняют свои поступки чьим-то воздействием, пахнет спекуляцией. Разве не лицемерие? Проще обвинить кого-то другого, нежели самим признаться в слабостях.

Как бы то ни было, склоки и выяснение отношений на светских мероприятиях стали нормой.

Франц-Иосиф Брокгаузен решил, что с легкостью научится кататься на коньках, и получил отрывтый перелом лучезапястного сустава.

На зимних гонках один из приятелей Мэла не справился с управлением и впечатался в самосвал. Машина сложилась в гармошку. Погибший страстно хотел победить. Мэл несколько дней ходил пришибленным, а я умоляла его не рисковать жизнью, гоня на сверхзвуковых скоростях. И плакала, чтобы Мэла проняло.

В лицее, где училась Баста, девчонки устроили негласное соревнование, определяя лучшую мошенницу. Сестрицу Мэла задержали при выходе из магазина с полными карманами украденной мелочевки. Дело замяли, но Мелёшин-старший посадил великовозрастную дочь под домашний арест.

Но пальму первенства отхватил Монтепорт. В один прекрасный день псина вышибла тушей парадные двери и умчалась на зимний простор. Неуправляемое животное отлавливали двое суток с помощью военизированных формирований и с привлечением сил Объединенного департамента правопорядка. Объявили комендантский час в районе и выставили ограждения. Монтепорта обнаружили в скверике, где он, зарывшись в снег, следил за стайкой воробьев, галдящих у кормушки. Взбунтовавшийся страж не оказал сопротивления и позволил себя арестовать.

— Это твой синдром, — заявил торжественно Мэл. — Монька реализовал свое желание.

— Стопятнадцатый говорил, что страж заново перепрограммирован. Мне казалось, Монтепорт — неживой механизм, — удивилась я.

— Специально выведенная порода с эстравнушаемостью. Перепрограммировали, а толку-то? Монька охотно нарушает запреты. Он почему-то выпускал тебя из института с

книгами. Помнишь?

Помню. Может быть, сидя на посту, пес мечтал о свободе? Его жизнь проходила около дверей. Из года в год чьи-то ноги сновали туда-сюда, чьи-то голоса галдели, а звонки горнили, сотрясая тушу воздушными волнами. А Монтепорт хотел простого собачьего счастья. Сахарную косточку, а не ведро шурупов. Хотел размять лапы, пробежавшись по институтскому парку. Хотел увидеть мир, скрывающийся за парадными дверьми. Но желания пса посчитали опасными. Теперь вместо Монтепорта при входе поставили автомат. Засовываешь карточку или листочек в узкую щель, и те возвращаются с четко пропечатанной резолюцией. А попытки экспроприации казенного имущества автомат встречал противным громким писком и миганием лампочек.

Поступок стража меня расстроил. Пес, как и горн когда-то, считался символом института. А теперь не осталось достопримечательностей. Лишь святой Списуил одиноко блеснул пятками, и постамент со статуей смотрелся жалко в холодном свете люстры.

Я успела не единожды пожалеть, что приняла предложение Мэла. Во-первых, потому что раз в две недели мы обедали или ужинали у родителей Мэла или у моего отца. А во-вторых, теперь в обязательном порядке принимали приглашения на разнообразные посиделки с участием родственников с той или иной стороны. Как-никак статус жениха и невесты обязывал.

Задолбал меня этот статус! Чтоб ему провалиться. В ад, например.

Мы побывали на предновогоднем обеде у самого старшего Мелёшина. В узком кругу: родители Мэла с сестрой, Семуты и семья Севолода. Трусил я как распоследний зайчишка, и, прежде всего, боялась Мелёшина-старшего.

Алая зона не устояла перед зимой, отыгравшейся за затянутое лето. Снегу навалило видимо-невидимо, но дорога подогревалась оттаивающими заклинаниями. Серые плитки отпотевших дорожек в поместье смотрелись непривычно среди газонов, укрытых сугробами.

За овальным столом я оказалась рядом с Константином Дмитриевичем и Мэлом, напротив его сестрицы и кузена. Среднее поколение семьи заняло места правее.

Обед прошел в разговорах ни о чем, точнее, о погоде, о новом сезоне в Опере, о предстоящем приеме "Лица года", о светских скандалах, о событиях в клане, о достижениях в висорике и т. д. и т. п. На работу и на будущую свадьбу наложили негласный запрет. И то славно. Я выяснила, что Мэл и Вадим по-прежнему игнорируют друг друга, а Баста относится к сводному кузену спокойно. Жена Севолода демонстрировала яркую помаду и улыбалась во все тридцать два. Мэл как-то упомянул, что в молодости она была моделью. Близнецы Саша и Даша выглядели такими отполированными детишками из телевизионной рекламы. Умненькие, не годам серьезные и исполненные важности.

Семуты поразили меня нехарактерной для светских снобов жизнерадостностью и энергичностью. И несолидностью. Бывают такие люди: стоит им появиться в обществе, и мир начинает вращаться вокруг них как рукава — вокруг ядра галактики. Первый советник Рубли оказался душой компании и, несмотря на то, что ему перевалило за сорок, выглядел молодцевато. А может тому виной был мальчишеский вихор? Дочка Семутов — девочка с двумя кудрявыми хвостиками — пошла веселостью в родителей и поддерживала общий смех, хотя не понимала большей части взрослых шуток. Семья Семутов показалась мне дружной. Если старшая сестра Мэла вышла замуж, исходя из интересов клана, то, считай, ей повезло с супругом.

Между Мэлом и его отцом пропала натянутость, но они не обращались друг к другу напрямик. Мелёшин-старший не оправдал ожиданий. Немногословный и сдержанный мужчина. Он не изрыгал пламя, не плевался ядом и не поедал меня пронизывающим взглядом. Я даже забыла, что отец Мэла подмял под себя два департамента, и что он очень опасен. Рядом с мужем Ираида Владимировна смотрелась воплощением женственности и мягкости.

Из обеда я вынесла следующее. Клан Мелёшиных держался на мужчинах — волевых и рискованных. Они принимали решения и правили в семьях и на работе. Держали домочадцев и подчиненных в кулаке. И Мэл был одним из этих мужчин. Он теперь не мальчишка, сидящий на шее у родителей. Он зарабатывает на жизнь и способен содержать семью. Мэл получил право голоса, право на собственное мнение и право быть услышанным.

— Братец не дурак. Заполучил тестя-министра, — сказал Вадим. — Дядя доволен сделкой. Да и ты, смотрю, стараешься, ублажаешь кузена по полной программе.

Я оглянулась. Обед завершился, мы стояли в холле. Мэл, надев куртку, разговаривал с дедом, провожавшим гостей.

— Ради акробатических трюков в постели я, пожалуй, тоже закрыл бы глаза на твою слепозарость, — продолжил Вадим и получил грубый ответ:

— Закатай губу.

Мэл подошел и протянул руку:

— Пойдем, Эва.

— Счастливого пути, братец.

Проигнорировав любезность кузена, Мэл повел меня к выходу.

— Козел, — сказал, когда мы сели в машину. — Он тебя обидел? Выглядишь расстроенной.

— Нет. Просто устала.

Скажи я о похабностях Вадима, и Мэл выскочит из "Турбы", чтобы выбить спесь и гонор из кузена. И не посмотрит на присутствие деда и родителей. Мэл не раз повторял, что нужно себя ценить и не допускать унижения, но я промолчу. В семье Мелёшиных и так с большим трудом восстановился мир, и чревато рушить его повторно.

Обеды у отца проходили через силу. Я заставляла себя соответствовать, принуждала себя садиться в машину и ехать в белую зону. Утешало, что тесное общение с родственниками случалось нечасто, и помимо нас присутствовали другие гости.

Как брат, так и сестра не горели желанием сблизиться со мной, хотя сидели за общим столом. А может, их выдрессировали, потому что они вели себя одинаково молчаливо и скованно, невзирая на личности, чины и степень родства собравшихся.

Ни отец, ни мачеха не называли меня по имени. В разговорах родитель обращался к Мэлу. Оно и понятно, ведь тот отвечал за меня, бессловесную куклу. Жена папеньки тоже уделяла внимание Мэлу и выслушивала его мнение. Мэл же заливался соловьем. "Мы с Эвой то, мы с Эвой сё..." Он очаровывал дам и зарабатывал уважение мужчин, поддерживая беседы на разнообразнейшие темы.

— Откуда ты знаешь о подковах? — спросила я шепотом после рассуждений о том, имеет ли смысл ковка задних копыт у лошадей при барьерных скачках.

— У деда есть пара скаковых. Он их выставляет. Угадай, как зовут коняшек? Аншлаг и

Черная Икра.

Я прохихикалась.

— Имена соответствуют?

— В полной мере, — заверил Мэл.

Что вынеслось из обедов у Влашеков? Моя бабка по отцу находилась на лечении в пансионате. У нее деменция — старческое слабоумие. Родитель не скрывал. Наоборот, сыновняя забота о больной матери добавила несколько баллов к его популярности.

Тетка, она же сестра папеньки, умерла бездетной вдовой. Остались двоюродные и троюродные родственники, которые занимали гораздо более низкие ступеньки на общественной лестнице, чем отец. От них пахло старомодностью и нафталином, словно их вытащили со дна теткиного сундука и долго протряхивали, прежде чем пустить к столу.

Родню мачехи я отличала сразу. Они рыскали глазами по сторонам и, казалось, принюхивались, выискивая поживу, выгоду. Говорили грубовато и прямолинейно, с отсутствием такта. Один из многоюродных кузенов мачехи как-то напрямик попросил Мэла:

— В моем ресторане возникли проблемы из-за пожарной сигнализации. Устанавливать не хочу, а давать откупные не собираюсь. Из принципа. Вот они где у меня, — постучал по горбушке. — Посодействуйте.

За столом повисла тишина. Неотесанный оболдуй только что при свидетелях признался в коррумпированности чиновников и предложил Мэлу сговор. Жадюга. Гребет висоры лопатой и жмотничает на безопасности посетителей.

— И чем же? — спросил Мэл.

— Надавите через департамент. Пусть попищат, крысы!

Очевидно, кузен ассоциировал Мэла с отцом, Мелёшиным-старшим. С силой, способной щелчком пальцев поставить неугодных на карачки. Мачеха закашляла, отец открыл рот, чтобы перевести разговор на другую тему. Я знала, Мэл мог ответить высокомерно и холодно, чтобы проситель понял идиотизм и провокационный смысл своих слов. Однако Мэл по-простецки ответил:

— Боюсь, сигнализация потребуется. Намедни я хотел сделать подарок родителям на годовщину свадьбы и — удивительное совпадение — остановил выбор на вашем ресторане. А теперь придется подыскивать другое место из-за сущей нелепицы. Очень неловко.

Кузен побледнел, слотнув. Он представил: если великий и ужасный останется недовольным — и ресторан, и владельца постигнет печальная участь.

— Право, из-за ерунды менять планы... Ждем в любое время. Наш шеф-повар — из-за границы. У нас дипломы, награды... — залезбил он. Выглядело смешно и жалко.

После обеда мачеха уж как извинялась за родственника, который плохо слышит и чудовищно картавит, отчего смысл фраз извращается.

— Мне импонирует ваше беспокойство о здоровье близких, — ответил Мэл солидно, целуя руку мачехе на прощание, а я едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Театр лицедеев.

Мачеха представила Мэлу свою дочь. Мою сестру, Онегу. По этикету допускалось делать официальное представление после совершеннолетия. Мэл воспитанно поцеловал ручку юной даме, хотя мог ограничиться кивком. Сестра оказалась рослой, в мамочку.

— Онеге скоро исполнится шестнадцать. Умная девочка. Одна из лучших учениц. Прекрасно играет на фортепиано. В детстве увлекалась художественной гимнастикой и сохранила гибкость форм, — мачеха расхваливала дочь, точно породистую кобылку. Та

смущенно опустила очи долу.

Ясно. Сейчас мамуля потребует от доченьки сесть на шпагат, одновременно играя сонату до-минор.

— А я люблю рок. От классики меня тянет в сон, — признался Мэл и оценил старания мачехи: — Вы ответственно подходите к воспитанию детей.

Та растерянно заулыбалась. То ли радоваться комплименту, то ли расстроиться, что Мэл не оценил умение тренькать по клавишам?

— Как тебе сестричка? — поинтересовалась я, когда "Турба" выехала из белой зоны.

— Действует по уставу, как в армии. И собственного мнения нет. Как это... — задумался Мэл, ища подходящее слово.

— Покорная?

— Вот именно.

— Нравятся такие? "Как скажете, мой господин"... "Как изволите, хозяин"... "Сей момент будет сделано, и чихнуть не успеете"... — пропела я приторным голоском.

— Эвка, ты и покорность — несовместимые понятия. Хотя... тебе не помешало бы брать пример с сестры.

— Ни за что! И не собираюсь.

— Не сомневался, — ухмыльнулся Мэл.

— Ладно. Хочешь смирения и кротости? Тогда научи. Покажи на собственном примере. Например, вечерком, — предложила я.

Мэл показал. Его покорности хватило на пять минут, а затем инициатива как всегда перекочевала к нему.

Индивидуальные занятия приносили плоды, правда, сморщенные, как сухофрукты. Медленно, но верно я отработывала до автоматизма движения рук при создании одно- и двухуровневых заклинаний. Превалировали неудачи, но бывали и успехи. Висорика осваивалась со скрипом, как несмазанное колесо. Интуиция оттачивалась.

На основании теории распределения волн Мэл выстроил собственную концепцию и заставлял интуитивно определять их расположение и характеристики.

— Выходит из стены и течет к окну, — отмечала я точки входа и выхода волны.

— Промазала. Здесь и вот здесь, — показывал Мэл. — Я же говорил, что сегодня аномально низкая плотность.

Как-то, во время тренировки, мне ни разу не удалось угадать расположение волн. Ходила вокруг да около, а не смогла определить с точностью. Задействовала интуицию, подключила логику, а Мэл заладил: "Неверно". Мне пришло в голову, что он изощренно издевается. Вымотавшись безуспешными попытками, я в сердцах взяла и создала *cutisus candi*^[32], запулив в спину отвернувшегося Мэла. Мокрое пятно расплзлось по его футболке.

Мэл сначала обрадовался успеху, но радость уступила место сердитости.

— Эвка, если бы ты не была женщиной, я бы тебе устроил. Это бесчестно — бросать заклинание в спину беззащитного. За подлость можно и схлопотать.

— Гош, не знаю, как получилось, — повинилась я, чуть не плача. — Само вышло. Руки жили отдельно.

— Значит, помогли тренировки, — признал он успешность занятий. — Но за удар исподтишка будешь извиняться.

И я извинялась. Губами и руками. С собой.

Вообще, Мэл решал наши разногласия зачастую единственным методом. Постелью. Уговоры, шантаж, примирения, наказания — он добивался своего через близость и искренне недоумевал, когда я сообщала в лоб: "Ты пытаешься манипулировать мной".

Мэл стал принимать решения за нас двоих, не спрашивая моего мнения. К примеру, как-то в столовой Макес предложил пойти на первый прогон новой программы труппы сабсидинтов^[33], но Мэл сказал, не задумываясь:

— Извини, друг, мы не можем.

Но ведь могли, и вечер оказался свободным!

Или Мэл соглашался на деловой ужин от моего лица и объяснял так:

— Эва, очень нужно, чтобы ты была рядом. От этого зависит мое продвижение вверх.

Или ставил перед фактом:

— В воскресенье обед у твоего отца.

— Но я собиралась пойти к Марте!

— Отмени. Будут дальние родственники по линии Влашеков. Нужно с ними познакомиться.

Я артачилась. Вставала в позу, возмущаясь произволом. Бастовала. Обижалась. Высказывала.

Мэл уговаривал, упрашивал и мирился тем единственным способом, который, как он думал, действовал безотказно. И я переносила встречу с Мартой из-за ненавистного обеда с ненавистными родственниками, но совсем по другой причине. Потому что при всех недостатках Мэла и при его стремлении управлять моей жизнью, любила его. Распыляя удобрения в оранжерейном боксе, я вспоминала о Мэле. И играя с подростковой дочкой Марты, думала о нем. И в косметическом салоне мысли роились около Мэла. Я любовалась им, спящим. Мэл — нерушимая скала в штормовом море. Моя крепость, мой мир. С ним надежно. Он весь мой, даже когда упрямится или злится. Еще посмотрим, кто и кого перевоспитает.

После очередного выяснения отношений Мэл утихал, но ненадолго. Одно время он надумал задабривать меня драгоценностями. Помнится, я долго пребывала в изумленном ступоре, разглядывая золотой браслет на черном бархате. И потребовала не заниматься транжирством.

— Гош, мне важен ты, а не побрякушка в коробочке.

— Правда? Покажи, как тебе важно.

"Важно" — это обязательное "люблю" и поцелуй. Ну, и всё, что к ним прилагается.

После новогодних праздников Мэл повесил над кроватью странную маску из потемневшего дерева с провалами рта и пустых глазниц. В первом приближении материал оказался не то камнем, не то сплавом — непривычно легким и гладко отполированным. О возрасте маски сказали притупившийся блеск полировки и сеточка трещин на поверхности.

— Символ благополучия, — пояснил Мэл. — Подарили на работе. Не выбрасывать же.

— Выглядит не ахти. Вдруг приснится в кошмарном сне?

— Если приснится, сниму.

Маска не мешала. Висела себе и наполняла квартирку благополучием. Материальное меня не волновало, в вот сердечное и душевное — заботили.

Моя подработка вызывала у Мэла тихое раздражение. Он смирился с лаборантством, но

не упустил случая поддеть. А еще с некоторых пор высказывался с недовольством о поездках в гости к Олегу и Марте. Думаю, он ревновал. Не к конкретным людям, а к моей привязанности. Если поначалу, после возвращения из Моццо, я цеплялась за Мэла как за воздух, без которого невозможно дышать, то постепенно у меня появились свои интересы и старые-новые друзья. А он не хотел делиться.

— По-моему, ты им мешаешь, — заметил как-то Мэл. — Они не могут сказать "нет", вот и терпят твое присутствие.

Я закусила губу. Может, и правда, назойлива, навещаясь раз в неделю в гости? И почему-то зрение расплылось. Дурацкая мнительность.

При следующей встрече я не утерпела и спросила у Марты, тяготит ли её моя настырность.

— Что ты, Эвочка, — успокоила она. — Наоборот, мне сплошная польза. Ты приглядываешь за Ясинкой, а я успеваю сделать уйму дел по дому и выполняю заказы. Да и вдвоем веселее. Вернее, втроем, — поцеловала она дочкину пяточку. — Олег-то, бывает, допоздна по клиентам ходит.

Я чуть не расцеловала её в обе щеки. А еще безумно радовалась тому, что Марта и Олег не поддались синдрому.

Однажды, складывая в холодильник продукты, купленные в лавочке на соседней улице, Мэл обмолвился о том, что, бывая в районе невидящих, я дискредитирую и теперешнюю свою фамилию, и будущую. То есть фамилию Мелёшиных. И вообще, давно пора закупать продукты на Амбули, а не в сараях с антисанитарными условиями.

— Ну, и пожалуйста! Я не претендую! Твоя фамилия останется чистенькой, не волнуйся! — вспыхнула я и, надев наспех шубу и сапоги, бросилась из общежития. Мэл нагнал меня на крыльце.

— Не смей! — вырывалась я. — Это моё. Не смей отбирать.

Он с трудом утихомирил меня и привел домой. Нервный срыв напугал его.

— Прости, Эвочка. Сболтнул, не подумав. Не знаю, что на меня нашло, — каялся Мэл, поглаживая мою лапку и виновато вздыхая. Наверное, он решил, что я способна вытворить что-нибудь непредсказуемое. Мэл понял, что переступил черту, за которой у моего благоразумия срывает чеку.

Вернувшись как-то из прачечной, я заметила, что у Мэла наспех перебинтована рука.

— Кот поцарапал, — сказал он сухо и погрозил усатому: — Еще раз повторится — вышвырну.

Мэл отказался назвать причину конфликта. Царапины оказались короткими, но достаточно глубокими, и кровоточили. Беспokoясь о воспалении, я взялась выхаживать раненого. Мэл лежал на диване и постанывал, пока лечебная мазь наносилась на руку. И потом он капризничал, требуя к себе тотального внимания. Хорошо, что ранки подсохли и покрылись корочкой на другой день, а то я сбилась с ног, выполняя просьбы своего падишаха.

— Что ж ты дерешься? — упрекнула Кота. — Давайте жить дружно. Пожалуйста.

Хвостатый согласился. Он устроил бойкот Мэлу. Демонстративно игнорировал. Зато чаще, чем обычно, сидел у меня на коленях. Забирался и сворачивался клубком.

Сессионная нагрузка дала о себе знать. Сдав экзамен по теории культов, я дошла до раздевалки и бухнулась в обморок. Очнулась в медпункте. У кровати суетилась Морковка, рядом сидел мрачный Мэл. Он не доверил какой-то, по его словам, малограмотной фельдшернице мое лечение и отвез в клинику Севолода. После обследования выяснилось, что упал сахар в крови. Из-за переутомления. Авитаминоз и усталость, — поставил диагноз дядя Мэла и рекомендовал умственный покой и положительные эмоции, заодно выписав кучу витаминов и стимуляторов.

Вообще, весна началась для меня со слабости, хандры и апатии. Казалось бы, солнце повернуло на лето, дни прибывают. Студенты соревнуются в меткости, сбивая заклинаниями сосульки. Подтаявший снег чавкает под ногами. А я не радовалась. И обвинила в ухудшении самочувствия предстоящую свадьбу. Полгода ожидания — достаточный срок, чтобы заработать депрессию. Да и пристальное внимание журналистов напрягало. Зато Мэл удивлял. Обычно его терпение измерялось в граммах, а тут выяснилось, что предсвадебные хлопоты нисколько его не тяготили.

Мэл регулярно возил меня в клинику на обследования, но ничего необычного в организме не обнаружилось. Разве что гормоны скакали как табун лошадей. Из-за неустойчивости в здоровье Мэл не решался отпускать меня к Марте и Олегу. Я извинялась перед ними по телефону и передавала привет Ясинке, у которой вылез второй зуб.

Сколь слабее стал организм, столь активнее вела себя животная сущность. Теперь она сопротивлялась Мэлу. Ему составляло большого труда сдерживать мое второе "я" в узде. Он укрощал его как дикую кобылицу. Или нет, как хитрого и кровожадного хищника. Самка выходила на охоту и охотилась на единственную жертву. На Мэла.

Во снах она рвалась из леса — вотчины своего господина, надеясь попасть на другую территорию. Но, к радости для меня и к свирепой злости второй ипостаси, ей не удавалось выбраться из заколдованного пространства. Лес стал тюрьмой, а тюремщик забыл оставить ключи.

В одно из полнолуний та, что жила во мне, умудрилась расколошматить пару стульев и раскрошила тумбочку в щепки — тонкие лучинки, наструганные острыми когтями. Размах разрушений и агрессия напугали меня. Я плакала, Мэл утешал. Всё чаще мне приходила в голову мысль, что Альрик был прав, упомянув о самонадеянности. Вдруг я одичаю и забуду о человечности? Может, пока не поздно, освободить Мэла от обязательств и уйти? Я мучаю его.

Мэл не выглядел измученным. Наоборот, сделался заботливым и потакал любым прихотям. Я бы сказала, что он трясся надо мной словно над аленьким цветочком. И все равно ревновала Мэла к розовощеким первокурсницам, выставлявшим напоказ стройные ноги, и к нахальным и призывным взглядам девчонок. Когда-нибудь Мэл устанет от моих выходок. Кому нужна недомогающая капризуля? К тому же характер оставлял желать лучшего. Я впадала то в меланхолию, то в возбужденное состояние. Мне хотелось куда-то бежать, спешить, а потом я вдруг забывала, чего хотела. Или нападал жор, который сменялся отвращением к еде, до рвоты. И в мозгах произошел сдвиг. А как иначе объяснить непонятные поступки?

Казалось бы, боясь разоблачения полиморфной сущности, следовало затаиться и изо

всех сил изображать серенькую крыску. Но я искала приключений на свою шею. В частности, решила взглянуть на первокурсника, о котором упомянул Альрик. На профессорского сородича. И даже подменилась с другой лаборанткой, чтобы бодро отсчитывать компоненты будущих снадобий. Поджилки тряслись от страха, а нелегкая все равно понесла на лабораторку. Иначе как дуростью не назовешь, но коли приспичило — хоть режь. Ну а как? Любопытство тянуло магнитом. Ведь помимо профессора и того следователя, что работал в ведомстве Мелёшина-старшего, другие оборотни мне не попадались.

Ожидаемо. Нужного парня я определила сразу, в трех соснах не заблудилась. Высокий, плечистый, с атлетической фигурой. И девчонки вились рядом — верная примета. Харизма, конечно, не повальная, как у профессора, но ощутимая. Первокурсник получил ингредиенты и, помахивая корзинкой, потопал к лабораторному кубу с одной из студенток. На меня — ноль внимания. Можно вздохнуть с облегчением и утереть пот со лба: я вне подозрений. После лабораторки объект наблюдения и отмытый куб сдал также небрежно, игнорируя младшего лаборанта, то бишь меня. Обидно, черт возьми. Пусть я — заморыш по сравнению с сородичами парня, но я — дочь того самого Влашека и скоро выйду замуж за Мелёшина-младшего, который чей-то сын! Да обо мне вся страна говорит и пишет!

Когда приступ самовосхваления прошел, я успокоилась. Общая тенденция ясна: в категорию врагов попадают рослые бугаи в окружении кокетливо щебечущего слабого пола.

Ангелы на аллее тоже попали под пристальный надзор. Я завела дневник и отмечала дни, когда каменные статуи исчезали в видимом спектре, оставляя босые ступни на постаментах. Таковое случалось редко, можно сказать, единично и бессистемно. От силы два или три раза.

Неожиданно для себя я увлеклась изучением истории обитателей ада и крылатых. Мэл подшучивал, мол, Царица обязательно отметит мое прилежание автоматической пятеркой по теории культов.

Мне рекомендовали положительные эмоции — я их получала. Количество приглашений на светские мероприятия и посиделки резко сократилось, потому как в стране началась черная полоса. На севере произошло сильнейшее землетрясение, и на устранение последствий были брошены все имеющиеся силы. Сам Рубля поехал в эпицентр горячих событий. "Лица года" сначала перенесли на неопределенный срок, а потом и вовсе отменили. На юго-западе приключилось обширнейшее наводнение, из-за которого отложили ряд приемов и раутов. Военный конфликт на границе с соседней державой свел на нет развлечения в столице. Непатриотично веселиться, когда страна погружается в траур по погибшим. Кабинет министров работал в авральном режиме. Мой отец и Мелёшин-старший частенько ночевали в Доме правительства.

Жаль, свадьбу не отменили из-за ЧП. Вместе с женщинами-телохранителями из дэпов я ездила к Виве на примерки платья. Бесстрастные тётеньки молча следили, как личная стилистка вертит меня, прикладывая рулетку. Через полгода после окончания института Вива развернулась. Она наняла двух портних и организовала ателье при салоне. Однако к пошиву свадебного платья посторонние не допускались. Будущий фасон держался в строгом секрете. Вива лично занялась моделированием, подбором тканей и кройкой. Страна гадала, строя предположения, и делала ставки, я же не заразилась атмосферой всеобщего ажиотажа. Примерки относились к категории тяжких повинностей.

Темой для раздумий стал выбор кольца для Мэла. Кольцо — символ принадлежности.

Мэл — мой, поэтому с наружной стороны будет выгравировано мое имя. Он не приемлет сентиментальность и сюсюканье, а значит, нужно заказать в ювелирной мастерской гладкое и круглое кольцо, по-мужски строгое. Я хотела, чтобы при определенном освещении на ободке вспыхивали буквы моего имени, но Мэл предупредил: если в перспективе собираюсь поехать на побережье, нужно забыть о достижениях висорики, потому что вещи и предметы с улучшениями запрещены к ввозу.

Однажды Мэл зашел за мной в институт возбужденным и в приподнятом настроении.

— У Дэна родился сын! — сообщил так, будто сын родился у него самого.

Отреагировала я соответственно: ошарашенно плюхнулась на постамент под святым Списуилом и с минуту обдумывала услышанное. Дэн сегодня не обедал в столовой. Макес сказал, что он уехал из института после первой лекции.

— Но как?

— Как рождаются дети? Ты женщина, тебе виднее, — ответил Мэл, сев рядом.

— В смысле, с кем? Он ведь не женат!

— Не женат, — подтвердил Мэл и крайне скупов поведаль историю отношений, героями которой были Дэн и его... кто?

Девушку звали Оксаной. Ни особого родства, ни видения волн. Обычная. Пара встречалась три года, прежде чем Дэн узнал, что станет отцом.

— Он предложил отметить. Маленький такой междусобойчик... — начал Мэл.

— То есть мальчишник?

— Ну, да. Надо поздравить человека. Почесать языками...

— У вас, мужчин, мозги закружены не в ту сторону. Нужно не Дэна поздравлять, а мамочку. Она постаралась и родила здорового малыша.

— Ну, знаешь ли, — обиделся Мэл. — А витамины? А обследования разные? И потом палата в центре акушерства... И врачи... Дэн тоже беспокоился. Переживал.

— А как же дама с приемов? Та, которая чья-то дочь, — силилась я вспомнить образ элитной девицы. — Дэн женится на Оксане?

— Не знаю, — пожал плечами Мэл. — Об этом хочу спросить у него.

Сомневаюсь, что Дэн ответит положительно. Его отец — председатель совета директоров какого-то концерна. А Оксана... никто. Я могла бы оказаться на её месте, не приключись чудо с министерским креслом для отца.

— Ты знал, что у Дэна серьёзно, и молчал? — возмутилась я.

— Эвочка, если бы сказал, то сглазил бы удачу. Дэн попросил держать рот на замке.

— Слушай! — схватила я Мэла за руку. — Оксана не видит, а Дэн — висорат. Что с мальчиком? Он унаследовал? — от волнения предложение укоротилось.

— Эва... — Мэл погладил мою ладошку. — Об этом же во всех учебниках написано. Потенциалы пробуждаются, начиная с трех лет или около того.

Знаю, читала. Но висорике известны случаи, когда экстраспособности просыпались у детей и в два года, и того раньше.

Я отпустила Мэла на мальчишник. Сначала хотела в отместку пригласить Аффу в какое-нибудь кафе, но поняла, что устала. Полежу-ка на диванчике и попялюсь в потолок, переваривая сногшибательную новость.

— Три пятьсот двадцать... пятьдесят два см... — говорит с гордостью Дэн и

демонстрирует размытую фотку на экране телефона. Ни черта не понять. — Быстро отстрелялась. Как воды отошли, так в три часа уложилась. От кесарева мы отказались.

Мэл и Мак переглядываются.

— Пойду, принесу еще пивка, — поднимается Мак.

— Как назвали? — спрашивает Мэл, прокашлявшись.

— Захаром, — Дэн прячет телефон в карман.

— За Захара, — поднимает кружку Мэл. — Чтоб рос настоящим мужиком... Значит, Захар Сахарок?

— Нет, — отвечает Дэн. — Фамилия — Оксаны, отчество — моё.

Предсказуемо. Но разве ж имеет Мэл право обвинять друга в малодушии? Тот и так сделал невозможное: убедил родителей, и те приняли выбор сына. Согласились, но не одобрили. И то хорошо, что в средствах не ограничились.

Порадовавшись за друга, Мэл переключается на себя и Эву. Им невероятно повезло, что папандер Эвки оказался тем ещё жуком. Министром! А если бы судьба уготовила Эве родиться в семье институтского архивариуса или, например, швейцара при "Инновации"? Как поступил бы тогда Мэл? Хватило бы ему смелости противостоять родителям? Но однозначно, Эвкина слепота стала бы непреодолимым препятствием. Это сейчас, когда в деле замешаны миллионы висов, причастные лица закрывают глаза на нулевые потенциалы. Если бы не высокий пост Влашека, Эва и Мэл повторили бы историю Дэна и Оксаны Мелёшиной ни под каким соусом не одобрили бы мезальянс. А Эва... осталась бы она с Мэлом, зная, что будет делить его с другой? С той, что стала бы официальной и законной.

Кстати, не запутаться бы в секретах. Семья Мэла считает, что висоратская инвалидность Эвы — приобретенная, а не уроченная. Зато Влашека не посвятили в тонкости ритуала ашшавары и в родословную Эвы. И лишь Мэл и хромой знают, что Эва — полиморф. Ну, кто ещё не свихнулся от хитросплетения тайн?

Друг, забыв о пиве, застрял на соседнем диванчике с двумя деваками. Та, что слева, потягивает коктейль, прижавшись к Маку, а та, что справа, слушает трепотню нового знакомого, посматривая на Мэла. Мак что-то говорит, кивнув в сторону товарищей, и на лице деваки проступает узнавание. Тот самый! — вспыхивает призывная улыбка, а в глазах с бешеной скоростью крутится счетчик. Осточертевший взгляд. Знакомьтесь, это тёлки. Среда обитания — везде, где пахнет властью, деньгами и связями. Ловят на живца, приманивая высокими, глубокими, короткими и отсутствием. Рацион — бабло, цацки, шмотки, меха, хаты, тачки, сольный альбом. Последствия — опустошенные кредитки и цепкость, с которой тёлки вгрызаются в суверенитет бедняги, клюнувшего на приманку.

Тёлки — широко распространенная разновидность женщин, не имеющая возрастных ограничений. Взять хотя бы прыщавых малолеток, заочно влюбленных в красивых, успешных и богатых. А что говорить о дамах постарше? Официантки в кафе, студентки в институте, горничные Севолода, подружки сестры, секретарша шефа с её "немного за двадцать" — все они готовы продаться, только намекни. Более решительные не ждут у моря погоды и предлагают себя на блюде. Бери — не хочу. Но зачем?

Есть Эвка — уникальная в своей беспросветной бесхитрости, и ей нужны ни висы, ни цацки и ни связи в ДП. Ей нужен Мэл, со всеми потрохами и недостатками. От осознания простой истины в груди становится тепло и почему-то щекочет в горле.

Мак свистит и машет, подзывая. Товар на прилавке! Сейчас начнется коммерция. Торговля.

Мэл игнорирует и слушает Дэна. Тот рассказывает о полезных вещах и об ощущениях молодого папаши. Вдруг пригодится?

— Прошу тебя как друга... если со мной что-нибудь случится... Позаботься о Захарке и об Оксане, — просит вдруг Дэн. — Я открыл счет в банке на её имя. По возможности буду пополнять.

— Конечно. — Мэл удивлен. — Без вопросов. Куда это ты собрался? "Если случится"... Давай-ка за здоровье Оксаны выпьем. Эвка сказала, что ты не заслужил, а она — молодец.

— Да, Оксана — молодец. Не испугалась. А я перетрухал. Ждал внизу, пока не кончилось.

Тёлки поднимаются с диванчика и, оправив юбки, приближаются под ручку с Маком.

— А вот и мы, — тянет тот. — Не ждали?

За столиком становится тесно. Веселье в разгаре. Тёлки стараются. Гост за знакомство, плоские шутки, пустые разговоры, игривые взгляды, фальшивые улыбки, выигрышные позы... Счетчик в глазах наматывает висы.

Когда на колено ложится женская рука, Мэл не выдерживает.

— Дэн... поздно уже. Пойду я. Эва, наверное, спит. Да и такси надо заказать.

— Я тоже не прочь прокатиться, котик, — предлагает тёлка.

— Без меня, — отвечает Мэл и поднимается из-за стола.

— Девочки, как насчет танцев в "Вулкано"? — спрашивает Мак. Выдул черт те сколько, а по виду не скажешь, что пьян.

Тёлки с визгом вешаются на Мака и зацеловывают. И ведь не противно человеку. Наверное, получает удовольствие.

Когда Мэл вернулся домой, Эва уснула на диване, не дождавшись. Кот сторожил её сон, устроившись в соседнем кресле. В рассеянном свете ночника лицо Эвы казалось бледным и уставшим.

— Уже приехал? — спросила сонно, когда Мэл поднял её на руки, чтобы донести до кровати.

— Приехал. Обними меня.

Она обняла, уткнувшись носом в шею. Своё. Родное. Сокровище.

Ради этих минут стоит побороться против всего света.

Сокровище оказалось проблемным. С ворохом осложнений.

Мэл никогда не задумывался над постоянством, с коим ощущал себя выжатым, как лимон, после каждого полнолуния. Оно ему надо?

Оказывается, надо. Прикипел. Прирос. И не представлял, каково это — быть без Эвки.

Содержание полнолуний она не запоминала — это плюс. И скорость регенерации зашкаливала — второй плюс. Синяки исчезали за пять минут. Куда ж без синяков-то? Попробуй-ка удержать хищника, не поранившись острыми как бритвы когтями.

Опасная игра, непредсказуемые последствия. Но Мэл был азартным игроком, привыкшим выигрывать. И он выигрывал. Награда победителю — захлестывающее либидо Эвы, её необузданность и полнейшее отсутствие стыдливости. Особой сладостью наполнялись моменты, когда Эвка, устав бороться с Мэлом и с собой, сдавалась. Он научился распознавать перепады в её настроении по меняющемуся дыханию, по запрокинутой голове, по лихорадочным подталкивающим движениям... И затишье —

разомлевшее, покорное, доверчивое. Минуты расслабленной тишины.

А после — битва по новому кругу.

"Я запишусь на курсы самообороны" — заявила она. Зачем?! Кто-то угрожал тебе? Эва, не молчи!

"Никто не угрожал. Хочу чувствовать себя уверенно". Ну, да. А дэпы на что? Сейчас позвоню, и вместо одной машины пришлют четыре.

"Нет! В критической ситуации нужно рассчитывать только на себя. Мой синдром повалит и слона, не говоря о дэпах". И ведь права. Особое подразделение в Объединенном департаменте правопорядка лихорадило уже с год. С тех самых пор, как была запущена программа по охране дочери министра экономики. Состав группы особистов — лучших из лучших, асов с двухсотпроцентной стрессоустойчивостью и нулевой лабильностью психики — обновился трижды. Катастрофический показатель. "Старичков" заменяли новыми кадрами. Причины — превышение полномочий или, наоборот, пренебрежение обязанностями, агрессия по отношению к сослуживцам, должностные преступления, нервные срывы и прочие состояния, неадекватные для профессионалов. Пустая порода отсеивалась массово, зато на сите задерживались ценные крупницы, которые и образовали бессменный костяк группы особистов. Отец помалкивал и не вмешивался. Похоже, он проводил свой собственный эксперимент по выявлению у подчиненных иммунитета к Эвиному синдрому.

Пока здоровье не поправится, никаких курсов самообороны, — повелел Мэл. Эва с неохотой согласилась и взялась за изучение литературы по внешней и внутренней секреции. И ведь шифровалась, а Мэл с легкостью прочитал название статьи. "Особенности выработки аттрактантов^[34]". А когда Эва с головой ушла в подготовку реферата по способам регулирования работы желез, он озадачился. И просьба-требование о полнолунии в стенах общежития усугубила тревогу Мэла. Эва боялась. Но кого? Единственным источником опасности в дни и ночи Икс оставался хромой. Потому что связь двоих нерушима, чтоб её. Так написано в книгах, об этом рассказывал дед. Что же упущено? Что-то важное, и пробел в знаниях нужно срочно восполнять.

На все расспросы и призывы к доверию Эва отвечала одинаково: "Ты перегрелся, Гошик. Видишь подозрительное там, где его нет". И смотрела честными-пречестными глазами. Поганка. К символистику Мэл не обратился бы и под угрозой расстрела. Мы пойдем другим путем, — решил он и позвонил деду. Тот удивился просьбе, но согласился помочь.

— Есть повод для беспокойства?

— Нет, — ответил Мэл, и бывший судья понял на расстоянии, что внук лжет.

Дед свел с одним из тех... нечеловеков. Со своим должником, занимавшим высокий пост в министерстве обороны. И предупредил:

— Будь предельно вежлив. У него большой авторитет в наших и в своих кругах.

— Какая причина долга? — спросил Мэл. — Если не секрет, конечно.

— Не секрет. Причина банальна. О ком мы заботимся в первую очередь, забывая о себе? — спросил дед и ответил на вопрос с мягкой иронией в голосе: — О наших женщинах, детях и внуках. И ничем не отличаемся от них. Его сын связался не с той компанией. Глубоко увяз. Он попросил вытянуть отпрыска из передраги. Ты знаешь, их способности значительно превосходят человеческие. Поэтому многие из них выбирают профессии,

требующие выносливости во всём. Но есть и те, кто переступает черту закона и успешно скрывается от правосудия. Спроси отца, он скажет, что в список особо опасных преступников, объявленных в розыск, внесен кое-кто из них.

Засунуть бы их способности им же под хвост.

— Долгу — двенадцать лет, и он будет уплачен в обмен на достоверную информацию. Я договорился о встрече. По-прежнему уверяешь, что причин для беспокойства нет? Я могу присутствовать при разговоре.

— Не нужно, — повторил Мэл. — Я справлюсь.

А то дед не понял.

Его должник неуловимо напоминал хромого, разве что был старше и с проблесками седины на висках. Держался с достоинством и имел соответствующий чин. Генерал разведки. Черт, они определенно выбешивали Мэла своей идеальной нечеловечностью. Слишком сильные, слишком ловкие, слишком быстрые. Непредсказуемые и импульсивные. И высокомерные. Те, чьи гены пробуждались в организме Эвы каждое полнолуние. Черта с два! Они — всего лишь блохастые и пусть радуются, что эволюция позволила им ходить и бегать на двух ногах, а не на четвереньках.

Однако блохастые сумели адаптироваться в современном мире, сохранив субкультуру и генетическую чистоту в силу несмешиваемости с людьми.

Да, понятие нерушимой связи существует, но встречается нечасто, — признал рассказчик. Будни гораздо прозаичнее. Самка может выбрать партнера, не дожидаясь очередного полнолуния, и тогда союз заключается по обоюдному согласию. Если у неё есть защитники — отец или братья, то охота носит формальный характер. В противном случае, на самку могут претендовать не менее двадцати половозрелых мужских особей. Или больше. В полнолуние побеждает сильнейший.

— Это же принуждение! — не сдержался Мэл. — Вдруг ни один из кандидатов ей не понравится?

— Она сумеет за себя постоять. И тогда охота будет пустой.

О да, сумеет. Расчетливая кровожадность, хладнокровие в прищуре, обманчивое спокойствие, веер кинжальных когтей, неслышные крадущиеся шаги... В арсенале Эвы имеется немало уловок, призванных обездвиживать и калечить потенциальных претендентов. Но не Мэла. Пожалуй, она мягка с ним. Потому что любит.

— Но ведь самка... — запнулся Мэл, произнеся чуждое слово. — Она может отказаться от охоты!

— Может, — согласился собеседник. — Но надолго ли? Рано или поздно луна выгонит её из тени. Заставит показаться.

Офигительно оптимистичный прогноз. Остается надеяться, что у блохастых понятие "рано" означает десяток лет, а лучше полвека. Эва справится с зовом, а Мэл защитит её.

Что еще? В полнолуние велика вероятность зачатия. Если таковое произошло, организм самки программируется на вынашивание и появление потомства. Соотношение женских и мужских особей — в пользу последних. Отсюда вывод: каждая самка — на счету. Вот невезуха, ёксель-моксель.

— Ваша семья? — кивнул Мэл на фотографию в рамке. — Большая.

— Да, — ответил мужчина с гордостью. — Четверо сыновей и две дочери. Одиннадцать внуков. Младший сын сейчас в поиске.

О*ренеть. Его сын в поиске. Выведывает и разнохивает. И сколько их, желающих

заполучить самку в личное пользование? Туева хуча. Свора. И хромой в том числе.

Ну, так подавятся. И думать забудут об Эвке.

Следующий шаг — выявление причин Эвиного страха. Однозначно это не символистик, он не навредит ей. Значит, кто-то другой из них. Из блохастых. Тот, кто в полнолуние мог столкнуться с Эвой и распознать её. Круглая луна делает Эву заметной. Блеклый свет льет с небес и оставляет на ней метку. Значит, нужно искать того или тех, кто недавно появился в институте.

Чтобы вычислить сопляка с первого курса, хватило одного дня — спасибо многочисленным приятелям. Вечером Мэл ненавязчиво поинтересовался у Эвы: сталкивалась ли она с неким типом, поступившим в этом году в институт? И добавил небрежно:

— Представь, он тоже оборотень. Не знала?

— Нет, и знать не хочу, — ответила Эва дерганно. Ни любопытства в глазах, ни заинтересованности в голосе. Что и требовалось доказать. Таким образом, участь блохастого определилась.

Назавтра после обеда Мэл проводил Эву на занятия, но на работу не поехал. Дождавшись телефонного звонка, встретился на институтском крыльце со знакомым из отцовского департамента, и после краткого разговора тот вручил пухлый конверт. Вернувшись в холл, Мэл поднялся на третий этаж, где перед аудиторией толпились первокурсники с внутреннего факультета. На него пялились и почтительно расступались, пропуская.

— Нужно поговорить. Отойдем, — сказал Мэл парню, хотя тот был ростом едва ли ниже Мэла. Косая сажень в плечах. Лось.

Отошли в сторонку. Вернее, за угол.

— Значит, так. Тебе показалось. Нюх подвел, глаза обманули, — начал без обиняков Мэл. — Сила есть, а памяти бог не дал. Поэтому ты забудешь.

— Да ну? — отреагировал нахал. И ведь понял, о ком идет речь.

— В баранки гну. Таких, как ты.

Блохастый ухмыльнулся.

— А я не хочу забывать, — ответил лениво и надул пузырь из жевательной резинки.

— Захочешь.

Мэл достал из конверта снимки. Свежеотпечатанные, слегка размазанные. Фотограф следовал за объектами наблюдения по пятам и фиксировал при большом увеличении.

— Это твой старший брат. Это сестра с ребенком, — перечислял Мэл, перебирая пачку. — Это зять. Это средний брат. Это родители. Это ваш милый и уютный дом. Точнее, окна квартиры... На шестнадцатом этаже, номер хаты... э-э-э... сто тридцать. Пять комнат и кухня. Ничего не пугаю?

Парень настороженно наблюдал за тасованием снимков.

— Не трогай мою жизнь, и я не трону твою, — продолжил Мэл. — Знаешь меня? Молодец. Я не дам житья вашим. Сгною, понял? Каждого, кто встанет на пути. Без шуток. Так что не болтай лишнего. За последствия ответит твоя семья. Все без исключений.

Лосяра презрительно сощурился и развел плечи с хрустом:

— Кто бы пугал. Смотри, от натуги лопнет резинка в трусах.

— Ну, что за молодежь нынче пошла? — вздохнул Мэл. — Сплошь нигилисты. Хотят,

чтобы им наглядно демонстрировали и доказывали. Брателло твой... — взглянул на запястье, — два часа, как в отделении сидит. Задержан по обвинению в торговле запрещенными вис-препаратами. Ай-яй-яй. Таблеточки носит при себе средь бела дня. Такие кругленькие и синенькие. Называются "полный улёт". Да еще оказал сопротивление при аресте. Знаешь, сколько ему светит? Пожизненно. В колонии. На севере, например. А может, это чужие таблеточки? Недоброжелатели подкинули и всё такое. И твой братан — жертва навета. Учти, обвинение снимут, если будешь правильно себя вести.

Очередная фотография подтвердила правдивость сказанного.

— Держи на память, — Мэл потянул пачку снимков.

— С-сволочь, — процедил парень через сжатые губы, и в глазах полыхнула ненависть.

— Ой, боюсь-боюсь, — Мэл изобразил испуг. — Помни, друг! Ты в ответе за близких.

— Я тебе не друг, — прошипел первокурсник, сжав кулаки. Зрачки сузились до вертикальных полосок.

— Не настаиваю. Надеюсь, мы придем к единому мнению. — Мэл похлопал детину по плечу, но тот сбросил руку. — Но если твои сородичи желают войны, они её получат.

Несколько долгих секунд прошли в противостоянии враждебных взглядов, пока парень не отвел глаза.

— Подавись своей тощей мочалкой!

Кому мочалка, а кому любимая женщина.

— Отлично. Мы поняли друг друга. Седьмое отделение, проспект Свободы. Через сутки выпускают. Но привод внесут в личное дело. На всякий случай, — обрадовал Мэл.

Парень, зло зыркнув, достал из кармана телефон и с недюжинной силой толкнул Мэла плечом.

— Алё, бать. Кэм звонил? — спросил, удаляясь. — Он в седьмом. Задержан...

Только что блохастый осознал важную истину. Одна маленькая девочка не стоит больших проблем. И так будет с каждым, кто вообразит, будто может претендовать на Эву.

Если потребуется, Мэл устранил. Безжалостно. Всех до единого.

Он давно перестал анализировать свои желания и поступки. Пустил на самотек. Зачем тужиться, выискивая причины? Чему быть, того не миновать. Попил водички, потому что жажда замучила, или под влиянием Эвкиного синдрома? Использовал грязные методы убеждения, потому что не привык уговаривать по-другому, или *syndroma unicum* тому виной?

Мэл не наклеивал бирки "грязно" или "чисто" на свои слова и дела. И угрызения совести редко мучили. Практически никогда. Важен результат, а какими путями он достигался — дело второстепенное. На всём же, что касалось Эвы, висела одна-единственная табличка. "Единоличная собственность".

Да, Мэл доверял ей, но проверял. И отпускал с "жучками". Надев наушники, слушал вместо рока женскую болтовню и подготавливал макет новой стратегии продаж. Бессовестно? Ни капли. Зато узнал много интересного. Ведь привыкши за долгие годы к конспирации, Эвка не отличалась словоохотливостью, и порой Мэлу приходилось буквально выдавливать её мнение. Она пряталась за скорлупой недоверия и осторожности. Предпочитала расспрашивать и выслушивать чужие откровения, не спеша обнажать душу перед собеседником.

Однажды, к великому изумлению Мэла, в разговоре промелькнуло имя певуна из трапезного клуба. И знакомые Эвки из квартала слепых имели прямое отношение к

голосистому скворцу. Мэл давно окрестил его смертником. И верил: когда-нибудь они встретятся, чтобы окончательно расставить точки над і. Певун не стал первым у Эвы, потому ему посчастливится умереть быстро и без мучений.

И тут Эвкин синдром накатило крутым валом и погрёб под собой. Несколько дней Мэла одолевало искушение, туманившее здравомыслие и мешавшее спокойно есть и спать. Коли нельзя добраться за певуна, исчезнувшего из столицы, можно взяться за его брата и невестку. В воспитательных целях, в отместку за наглого родственничка. Например, посодействовать повышению арендной платы. Или капнуть пожарному инспектору, и тот опечатает мастерскую за грубейшие нарушения, вдобавок выпишет штраф и установит непомерную пеню. Да мало ли существует способов, чтобы повесить камень на шею и подтолкнуть к воде? А всё для того, чтобы неповадно было. Чтобы не приманивали к себе Эву. Медом у них, что ли, намазано?

Желание погасилось неимоверным усилием воли, и то лишь потому, что Мэл понял: Эва не бросит друзей в беде в ущерб прочим заботам. В ущерб ему. Так кому он делает хуже?

Изнывая от бессилия, Мэл перебросил негатив на Эву, пытаясь уколоть словесно. И ведь видел, что ей больно, но обидные слова слетали с языка сами собой.

Однажды он понял, что перегнул палку. Единственный выход — терпение. Выдержка. Пройдет время, и поездки в район слепых сойдут на нет. Эва изменится. Она уже начала меняться. Вода точит камень. Сейчас Эве претит светская жизнь, но когда-нибудь она освоится и забудет о нищете, в которой жила. А Мэл вымарает из её памяти всех, кто оставил след до встречи с ним.

На обеде по случаю дня рождения двоюродной тётушки у Эвы приключился приступ слабости с головокружением и тошнотой. И терпение деда закончилось. Когда улеглась суматоха с нашатырем, и Эве определили покой в гостевой комнате, он вызвал Мэла на серьезный разговор. При закрытых дверях.

— Сегодня ей стало плохо в семейном кругу, а завтра она потеряет сознание на глазах у тысячи гостей. Прошу тебя, остановись. Её нездоровье заметно. По столице гуляют слухи, будто Мелёшины сделали наговор на болезнь и смерть дочери Влашека. Мол, мы выжали из альянса по максимуму, и теперь брак потерял актуальность. А другие доброхоты судачат о проклятии и порче. И о белом свадебном платье, в то время как у невесты живот лезет на нос.

— Если бы лез, то, наоборот, спешили бы, а не тянули полгода, — усмехнулся Мэл. — Надо же... Не знал, что от сплетен можно забеременеть.

— Не ёрничай, — оборвал дед строго. — Твое упрямство подпитывает слухи. Ты дискредитируешь нашу фамилию. Уничтожаешь всё, что мы возводили годами.

— Она выдержит, — заявил Мэл уверенно. — Организм перестраивается. Посмотри Коготь Дьявола не убил меня.

И не убьет, потому что пресветлый лик Богини-матери способствует плодовитости. Разве можно считать вредом призыв к зарождению новой жизни?

— Ты принуждаешь её против воли. Не кажется ли тебе, что она вправе знать о твоей затее?

— Нет. В конце концов, все женщины рожают. И небо не поменяется местами с землей, если Эвка станет одной из них.

— К чему спешка? У вас вся жизнь впереди, — уговаривал дед. — Зачем надрываться?

На пороге — последняя и самая ответственная сессия. Предстоят умственные перегрузки, а у неё нет сил. Она не справится. Ты доконаешь её.

— Мне нужно сейчас. Только так и не иначе.

— Влашек доверил тебе дочь, а ты поправил его доверие. У тебя заготовлено объяснение, когда он поинтересуется самочувствием дочери? Прошу, Егор, верни лик хозяйке.

— Отдам, когда дело выгорит, — стоял на своём Мэл.

Дед рассердился. Впервые, по-настоящему.

— Упрямец! Рассчитываешь нахрапом побороть её наследственность? Ты глух к моим просьбам и плюешь на семью. И утерять объективность. Не хочешь по-хорошему, будет по-другому. С этого момента я отвечаю за неё. До свадьбы. Правом старшего по клану.

Мэл помрачнел, но промолчал. И вышел из комнаты.

Богиня-мать тучна. Толстые бедра, большие груди, выпирающий живот. Плодородное лоно. У неё много обличей и много имен. Тиамат, Умай, Мокошь, Шакти... И нет лица. Оно скрывается под ликами — по одному на каждый день недели.

Однажды шествуя по земле, Богиня-мать споткнулась, и лик упал, явив её истинную внешность. В ужасе бежали звери и прыгали со скал в море, а вода поднялась стеной и схлынула, отступив от берегов. Птицы падали наземь замертво, а деревья подламывались как былинки. Ибо величие Богини-матери непостижимо.

Потерянный лик пролежал забытым не одну тысячу эпох, прежде чем его подняли человеческие руки. И не одну тысячу эпох сменял хозяев, прежде чем попал во владение к Евдокии Дмитриевне, двоюродной бабке Мэла и сестре деда.

Древний артефакт. Не менее древний, чем жизнь, зародившаяся на планете. Богиня-мать правила на земле, когда об ангелах и в помине не слыхивали. Куда крылатым тягаться с ней?

Ночами, когда Эва крепко спала, Мэл с осторожностью укрывал её лицо маской — невесомой, легче перышка, чтобы сила Богини-матери впитывалась, насыщая кровь. А еще возлагал надежды на полнолуния, благодаря которым пополнялась численность блохастых. Коли Эва стала полукровкой, её полиморфность просто обязана сбалансировать и запустить функцию деторождения.

Месяц от месяца Мэл ждал, томясь нетерпением, когда Эвка признается смущенно: "Кажется, у меня задержка". Ну, или что там говорят женщины, узнав об интересном положении? "Дорогой, кажется, я залетела" или: "Милый, кажется, ты скоро станешь папочкой". Мэла устроил бы любой вариант. Но Эва не говорила. Её организм сопротивлялся. Хотя и перестраивался, но гораздо медленнее, чем рассчитывал Мэл.

Кот, подлюка, шипел. Кидался, норовя расцарапать и укусить побольнее. И в наказание выбрасывался в коридор за шкурку. Но это сперва. А потом усатого словно подменили. Кот утихомирился и подолгу рассматривал артефакт, сощурился желтые плоскости. У животных тонкое чутье, — решил Мэл. Наверное, Кот чувствовал вис-аномалию, клубившуюся возле маски. Волны попросту обрывались, образуя безвизорическую мертвую зону.

А теперь всё, что достигнуто, — Коту под хвост. Дед не шутил, заявив об опеке над Эвой. Но Мэл так и не научился мириться с поражениями. А значит, нужно постараться и выиграть.

В начале апреля, будучи в гостях, мне поплохело за праздничным столом. Вот

стыдобень. Что подумает родня Мэла? Наверное, не раз перемыли косточки за спиной. Пусть что хотят, то и думают. Побудь они в моей шкуре хотя бы сутки, то, не задумываясь, улепетнули бы на край света и забились в норку.

До свадьбы осталось чуть больше месяца, а репортёры успели свихнуться на предстоящем событии. "Турбу" Мэла преследовали по пятам. Каждый наш шаг отслеживали в колонках светской хроники, не забывая прикладывать фотографии "сладкой парочки". Ставки росли как на дрожжах. Я злилась и допытывалась у Мэла:

— Специально подстроено, да? Раньше о нас — ни сном, ни духом, а теперь строчат едва ли не через день.

— Отец тут не при чем, — разводил Мэл руками. — Наоборот, сдерживает как может. Фильтрует скандальные статьи и снимки.

Пришлось прекратить поездки в район по соседству, потому что журналюги пронюхали. Всё-таки Мэл добился своего: ареал покупок сместился на бульвар Амбули. В тамошних магазинах не жаловали репортеров. Теперь в переулок Первых аистов меня сопровождали четверо охранников, выделенных от ведомства Мелёшина-старшего, а возле салона Вивы прохаживались папарацци, держа наготове фото- и видеокамеры.

Стресс усугублялся умственным напряжением. В свете надвигающегося окончания учебы, преподаватели загружали извилины студентов-выпускников авральными количествами курсовых работ, проектов, докладов и научных изысканий. У меня голова шла кругом. Я не знала, за какой предмет хвататься, благо Мэл помогал. На индивидуальных занятиях путалась в заклинаниях и шаталась от слабости под гнетом отдачи. Старичок-академик, беспокоясь за мое здоровье, ограничил практические тренировки.

Девчонки интересовались, посмеиваясь, не залетела ли я. Нет, нет и нет! Но Баста не унималась и спросила напрямик:

— Как назовете племянничка?

Я взвыла, возведя глаза к потолку. Это всё весна виновата. У меня аллергия на неё. Вернее, на приближающееся изменение в семейном положении.

А весна наступала. К концу марта снег стаял, и земля подсохла. Дворники мели тротуары. Теплый ветер шевелил макушки деревьев, шоркавших голыми ветками небесную синь. Горожане повеселели в ожидании теплых денёчков. А меня весна не радовала. Наоборот, хотелось плакать. Я ощущала себя клячей, тянущей непомерно тяжелый воз.

Картину маслом дополнил разговор, состоявшийся с самым старшим Мелёшиным. Дед Мэла в вежливой форме, но без лишнего деликатничанья, заявил, что негоже, когда жених и невеста живут до венца под одной крышей. Общество и так косо посматривает на фарс со свадьбой. Поэтому не мешает соблюсти приличия. Константин Дмитриевич посоветовал мне пожить оставшееся до свадьбы время в особняке отца. А Мэл вспомнит о холостяцких буднях и станет приезжать в гости, когда заблагорассудится.

Я растерялась. Мне предлагали каждый вечер возвращаться после учебы не домой, в общежитие, а ехать к черту на кулички в белую зону, где ужинать в компании родителя и его семьи, учить конспекты, ночевать и на следующее утро торопиться на занятия в институт. И для чего? Для соблюдения приличий? А как же Мэл? Я — там, а он — тут? Нет, без него я не смогу. А Кот? Кто будет кормить мурлыку и гладить по шерстке?

Опять же, дом моего отца. Там я задышалась. Скручивалась, как осенний лист. Антипатия мачехи, брат с сестрой, не стремящиеся к общению... Отец, которого я так и не смогла понять, несмотря на развившуюся интуицию. Временами казалось, что произошло

чудо, и он увидел во мне личность, но потом выяснялось, что он смотрел сквозь меня, обращаясь к Мэлу.

Ни за что! Категорически. Лучше сниму квартиру. Проживание под одной крышей с Влашеками угробит мою психику и окончательно подорвет здоровье.

Дед Мэла не удивился горячему отказу. Словно предвидел. И немудрено. Наверняка внук рассказал ему об особенностях родственных связей в семье министра экономики.

— Я написал письмо вашему батюшке, испросив согласие на ваше проживание в моем поместье. Карол Сигизмундович вник в проблему, и мы пришли к взаимопониманию, — сказал самый старший Мелёшин, протягивая конверт.

В краткой вежливой записке папаша давал добро на гостевание в алой зоне. Великолепно. Взрослые дяди шито-крыто решают взрослые проблемы. И то хорошо, что удосужились сообщить мне о своих планах.

Я бросила отчаянный взгляд на Мэла. Он хмурился и кусал щеку изнутри. Ну, скажи что-нибудь!

— Это правильно, Эва, — сказал он после молчания. — Я не подумал о тебе и подставил под удар. Пока не поздно, постараемся исправить общее впечатление.

Да плевать мне на чьи-то впечатления! Я буду засыпать без Мэла. И по утрам открывать глаза без него. Встречаться в институте на лекциях и держаться за руки по пути в столовую. А потом целомудренно прикоснуться губами к его щеке и расходиться с разные стороны. Детство какое-то. И месяц в доме самого старшего Мелёшина!

Не удержавшись, я кинулась к Мэлу.

— Тише, Эвочка, — обнял он. — Это не конец света. Я буду рядом. Ты не заметишь, как пролетит время.

— Мне страшно.

И это правда. Я разучилась быть храброй без Мэла.

— В доме деда тебя защитят лучше, чем в правительственном бункере, — сказал он весело. Значит, что-то задумал.

"А полнолуние?" — посмотрела вопросительно на Мэла.

"Мы справимся" — ответил он тем же взглядом.

И я поверила. Мэл не пропадет. Он выпутается даже из безвыходной ситуации.

— Гошик, ты ведь умрешь с голоду! — пришло в голову.

Он же не справится без меня! Отощает и зарастет грязью. И нестиранными рубашками. И устроит в нашей квартирке холостяцкий притон.

— С чего ты взяла? — ухмыльнулся Мэл. — Я научусь готовить... м-м-м... яичницу. И буду считать дни до свадьбы.

— А по-другому никак? — обернулась я к Константину Дмитриевичу.

— Правила обязывают, — сказал он вслух, а мне послышалось: "Постараемся выправить репутацию". Запоздало и смешно изображать наши отношения с Мэлом добродетельными и невинными. О совместном проживании элитных деток наслышаны самые захудалые сплетники.

Хорошо. Как скажете. Я устала бороться. Дурацкая свадьба и так изломала мои принципы и поставила приличия света выше желаний.

Самый старший Мелёшин основательно подготовился. И даже придумал объяснение для досужих сплетников, почему в алой зоне живется лучше, чем у родного папеньки. Потому что дорога до института короче. Ага, и я не потрачу бесценное время на пустую езду, а

погружусь в учебу, стремясь каждую свободную минуту к вожделенному аттестату.

В итоге на ближайший месяц — алая зона, "Эклипс" с личным водителем, два охранника и компаньонка. Да-да, компаньонка, которая будет блюсти мою девичью честь. Хотя последнее несколько запоздало, не находите?

А ведь мне понравилось.

Вот, оказывается, что держало меня в постоянном напряжении — столичная толкотня, теснота, давка. Шум, гам, сутолока — всё ушло. Алая зона стала заповедником души. Тишина, птицы поют, солнышко пригревает. Благодаря накинутому теплому колпаку и деревья зазеленели раньше, чем в городе, и газоны подернулись зеленым пушком. А уж разноцветье клумб завораживало надолго.

Специально для меня поставили качели с широкой скамьей под тентом, и я, покачиваясь, смотрела на цветы, на парк и на лес, переставший быть страшным. Глаза отдыхали, отдыхало и сердце. На душе поселилось небывалое спокойствие. Его-то мне и не хватало, как и умиротворенности.

Мне отвели ту же гостевую комнату, что и в прошлый раз. И это тоже радовало, потому что я успела привыкнуть к ней и полюбить вид из окна. Кот поселился со мной. Мэл поджал губы, но промолчал, когда усатый запрыгнул на кровать и развалился на подушке.

Мэл отвез в алую зону меня, Кота и вещи. Две сумки — не так уж много для одного месяца. И все же, покидая общагу, я заранее испытывала чувство ностальгии. Квартирка на четвертом этаже стала мне домом. Нашим домом. Уютным гнездышком. Ну, вот, опять слезы просятся.

Мэл провел со мной весь субботний день, и я не могла оторваться от своего мужчины. Держалась за него, боясь отпустить. Ё-моё, можно подумать, это последние часы вместе, и близится вечная разлука. Мы гуляли по парку, и у меня закружилась голова, но не от слабости, а от чистого свежего воздуха, насыщенного хвоей и молодой листвой. Солнце трепыхалось в ветвях деревьев, предлагая поиграть с тенью в жмурки. На конюшне мы покормили лошадей яблоками. Черная Икра забавно фыркала, когда брала мягкими губами сочные фрукты с ладони. Кот как привязанный трусил следом и со скучающим видом оглядывал окрестности. Он словно бы говорил: "Это не я за вами бегаю. Это вы как назло пугаетесь под лапами".

Развлекая меня, Мэл показал бассейн. В другом крыле дома, под стеклянной крышей. Двадцать пять метров прозрачной голубоватой воды и небольшая вышка. Прелесть! Люблю, когда видно дно, потому боюсь глубины, точнее, того, что в ней может скрываться. Это фобия, наверное. Издержки богатого воображения.

— Гошик, и ты молчал?

— Когда б я успел? — развел он руками.

— Тут глубоко? — взгляделась я в наши зыбкие отражения. Кот держался на удалении от воды.

— Два метра. Если надумаешь поплавать, обязательно сообщи Альфреду... (Альфредом звали дворецкого в доме самого старшего Мелёшина)... Он выдаст матрас, спасжилет или надувной круг.

— Я не малышня, чтобы плавать с кругом. Еще резиновых утят не хватало.

— Конечно же, нет. Но в любом случае, предупреди Альфреда, и он присмотрит за тобой.

— Давай сейчас поплаваем! Ой, а купальник остался дома, — расстроилась я, но не отсутствием купальника, а тем, что не увижу свой дом в течение ближайшего месяца.

— Завтра привезу, — успокоил Мэл. — Пойдем, с минуты на минуту позовут на обед.

К вопросу о компаньонках. Чтобы честь блюлась на должном уровне, для её сохранения следовало выбрать даму из незаинтересованной семьи. То есть, не из Мелёшинской породы, не из Влашеков и не из родни мачехи. Причем будущей компаньонке надлежало быть дамой добродетельной, иметь незапятнанную репутацию и носить фамилию, известную в светском обществе. Фантастические критерии.

Я попросила самого старшего Мелёшина о возможности выбора. Как-никак, предстояло провести месяц в обществе незнакомой женщины, и не хотелось, чтобы мне навязали цербера в юбке из департамента Мелёшина-старшего. А то подсунут агентессу, которая будет строчить начальству рапорты о каждом подслушанном разговоре. Константин Дмитриевич согласился и предоставил выбор. Три кандидатуры — три женщины. Тонкие папочки личных дел.

— Давай, помогу выбрать, — предложил Мэл.

— Эва Карловна в силах справиться самостоятельно, — сказал самый старший Мелёшин, и Мэл, пожав плечами, уселся в кресло.

Поначалу лица женщин ничего мне не сказали, как и фамилии. Каждой — пятьдесят или около того. Две темноволосые, одна — блондинка. Правда, в этом возрасте цвет волос не всегда бывает натуральным. Первая дама оказалась бездетной вдовой. Проведя ассоциацию с тёткой, я сразу же отвергла кандидатку. Вторая претендентка замуж так и не вышла, в отличие от третьей, которая в четырех браках нажила кучу малу детей, и теперь находилась в очередном разводе. Взглянув пристальнее на фотографию последней дамы, я решила, что она охоча до сплетен, и это ощущение не удалось перебороть. Таким образом, после отсева осталась та кандидатка, что прожила всю жизнь старой девой. Зинаида Никодимовна Пивень. Имя показалось мне грустным, как и отчество. И фамилия... Что-то знакомое... Пивень, Пивень... Не помню, где — наверное, на одном из приемов или перед очередным банкетом — мне представили чиновника из министерства... то ли по линии здравоохранения, то ли из дорожного ведомства. Да, точно. И фамилия у него была Пивень. Хлипкий заикающийся дяденька с испуганными глазами, боящийся опрофаниться перед высокородными гостями. Не знаю, почему, но тогда мне стало его жалко.

— Вот эта, — показала я на фотографию будущей компаньонки.

Константин Дмитриевич кивнул, соглашаясь с выбором, и поставил Мэлу условие — приезжать в алую зону днем, а на ночь возвращаться в город.

— Никаких выкрутасов и всяких твоих штучек, — предупредил многозначительно. — Понял меня?

— Понял, — отозвался Мэл раздраженно.

— О каких штучках он говорил? — спросила я, когда мы вышли из библиотеки. — И вообще, о чем речь?

— Я же говорил, что у деда ответственный подход к твоей безопасности, — обнял меня Мэл и вздохнул. — На ближайший месяц наши отношения переходят в стадию конфетно-букетных и поднадзорных.

— Это как? То есть ни-ни?! — от удивления я застопорилась. — Совсем-совсем?!

— Совсем-совсем, — ответил Мэл грустно.

— Целый месяц! Гош... я не смогу. Я же... ты же видел... — мое расстройство вылилось в бессвязную речь.

— Знаю. И тоже не смогу, — сказал он. — Поэтому мы что-нибудь придумаем. Всё будет тип-топ.

На удивление, обеденная и вечерняя трапезы прошли легко и непринужденно. Я не тяготилась обществом Константина Дмитриевича, а он больше не возвращался к разговору о моем деду и о побережье. Время перед сном протекло в видеообщении с помощью телефона. Я смотрела, как Мэл ведет "Турбу", как проходит по аллее с ангелами, поднимается на четвертый этаж общежития и как вытягивается на диване.

— Обувь не снял, — отмечала его передвижения.

— Теперь я холостой, — парировал голос Мэла из динамика. — Что хочу, то и ворочу.

— Гошик!!

— Ладно, ладно.

И ботинки полетели в угол прихожей.

— Гошик!

— Эвка, дай расслабиться и свыкнуться с новыми ощущениями.

Обидевшись, я отключилась. Зато перезвонила позже, когда забралась в душ.

— Гошик, не спишь?

— Неа. Конспекты почитываю.

— Свыкся?

— Еще не понял.

— Желаю удачи. А я пока помоюсь. Жаль, некому потереть спинку.

В динамике наступило молчание, а потом Мэл попросил хрипло:

— Эвка, включи камеру.

Разве ж я против? Водрузила телефон на полочку, и пока старательно намыливалась и смывала пену, на другом конце невидимой линии царило молчание. Вытершись полотенцем и закутавшись в халат, я спросила невинным голоском:

— Ну, спокойной ночи, милый?

— А-а... да-да... Спокойной ночи, — ответил Мэл не сразу.

Зинаида Никодимовна приехала на следующий день. Выгрузилась со скучным коричневым саквояжем из машины, в скучном коричневом пальто и в скучной платке, правда, в зелёном. Я, конечно, не могла похвастать особыми знаниями в современной моде, но уроки Вивы не прошли даром. Поэтому сразу отметила, что Зинаида Никодимовна стеснялась своей внешности и фигуры, скрывая их за очками в толстой роговой оправе и за бесформенными и безвкусными одеяниями. А еще она нуждалась. Об этом поведали потертый саквояж и поношенное драповое пальто — определенно, с исчерпанными улучшениями. И я прониклась симпатией к женщине. Она напомнила меня до встречи с Мэлом, несмотря на то, что была старше годами.

Зинаида Никодимовна мне понравилась. Поначалу суежилась, но из-за неловкости, возникшей при знакомстве. Гости отвели комнату в том же коридоре, двумя дверями левее моего места обитания.

— Надеюсь, мы подружимся, — сказала компаньонка, теребя платок.

— Непременно, — согласилась я, взяв её руки в свои. В психологии этот жест обладает мощным воздействием на собеседника. Он означает доверие, обретение союзника и наделяет уверенностью.

И мы подружились, насколько это возможно при большой разнице в возрасте. Но наша дружба не означала, что Зинаида Никодимовна шла на поводу у моих прихотей. Она добросовестно выполняла свои обязанности, а я не собиралась подводить её пакостными проделками. Чай, не дитё, а почти замужняя женщина.

Как протекали дни? Пробуждение, гигиенические процедуры, завтрак в малой столовой в компании самого старшего Мелёшина и Зинаиды Никодимовны. Затем я садилась в машину, и шофер вез меня в институт. "Эклипс" стабильно ждал окончания занятий, заняв место у ворот на стоянке. Ждали и водитель с охранником. Последний провожал меня утром до институтского крыльца и сдавал из рук в руки Мэлу, а вечером встречал в холле и сопровождал до автомобиля.

Мэл приезжал в алую зону прямоком с работы и присоединялся к ужину, после чего мы готовились к занятиям в библиотеке. Вечером наступало время Зинаиды Никодимовны. Она присутствовала при наших посиделках за справочниками и конспектами. Молча читала книгу, сдвинув очки на переносицу. Выходные дни также проходили в присутствии компаньонки. Однажды мне довелось побывать на представлении в Опере, куда я приехала с самым старшим Мелёшиным и Зинаидой Никодимовной. Мэл встретил нас в холле. Обменялся рукопожатием с дедом, и, поцеловав ручки мне и компаньонке, проводил в ложу, где сел позади. Он терпеливо следил за происходящим на сцене, а после представления в том же порядке проводил нас к выходу.

Вообще, изменение нашего с Мэлом положения странным образом сказалось на отношениях. Они стали острее и пропитались возбуждением и предвкушением. Правду говорят, что запретный плод сладок. Мы прожили вместе целый год и достаточно изучили друг друга, как вдруг на это наложили запрет. Мэл целовал мою лапку, мимолетно поглаживая пальцами, а у меня отнимались ноги, но не от слабости, одолевавшей последние месяцы. К слову сказать, симптомы, терзавшие организм после нового года, довольно-таки быстро сошли на нет, и я ощутила небывалый прилив энергии. Наверное, помогла смена обстановки, и наконец-то подействовали ударные дозы витаминов со стимуляторами.

На улице весна! — опомнилась я. Время любви, время надежд! И у меня скоро свадьба. И Мэл рядом. Почти рядом. Но от этого становится еще жарче в груди.

На людях и в присутствии Зинаиды Никодимовны мы вели себя прилично. В доме самого старшего Мелёшина целовались украдкой, а за общим столом во время ужина я мучила Мэла, скинув туфлю и водя носком по брючине. Мэл крепился и кусал губы.

О, это был настоящий месяц конфетно-букетных отношений. Почти. Потому как терпение Мэла перегорело, когда он выехал за ворота поместья в первый же вечер моего пребывания в алой зоне. Во-первых, видеообщение по телефону стало регулярным и частенько горячительным. Во-вторых, в институте за нами не следили. Разве что студенты пытались поймать сенсацию на видео, чтобы продать журналистам подороже. Кстати, безуспешно, потому что Мэл перестраховывался. На лекциях его рука, устойчиво закрепившись на моей коленке, начинала вытворять черт знает что, отчего я теряла способность связно мыслить и забывала о конспектировании.

На следующий же день, после первого занятия Мэл сказал:

— Знаешь, в общаге сорвало кран с горячей водой. Наша хата утопла по щиколотку.

— Как?! Когда?! — подпрыгнула я. Вчера же по телефону видела — комнаты в порядке.

— Сегодня утром, — ответил он скорбно. — Хочешь взглянуть на масштаб бедствия?

— Конечно!

И, забыв о лекции по общей теории висорики, я побежала вслед за Мэлом в общагу, соображая на ходу. Что будет с паласами? Как их сушить? Полы теперь вспучатся. И от влажности не избавиться.

Квартирка находилась в том же состоянии, в котором хозяйюшка оставила её два дня назад.

— А...? — не успела спросить я, как рот оказался занят. Меня целовали. И раздевали. Быстро, жадно, нетерпеливо. И я не отказывалась, а наоборот, помогала себе и Мэлу.

И также стремительно мы "пообщались", едва успев добраться до дивана. Потому что оба соскучились.

— Ведем себя как дети, — обняла я Мэла, когда страсти улеглись. — Если будем пропускать лекции, твой дед заподозрит.

— Не заподозрит. Но на всякий случай придумаем что-нибудь другое. Разводишь порошок?

— Развожу. А где маска? — спросила я, одевшись. Подарок коллег с работы исчез со стены.

— Ну её. Будем строить благополучие своими руками, не надеясь на всякую чепуху, — отмахнулся Мэл.

В дальнейшем мы не пропускали занятия. Предпочитали зажиматься по глухим углам, в туалетах и в пустых аудиториях. Обеденный перерыв большой. Часа вполне хватало, чтобы покушать и уделить время друг другу в тесном контакте. Мэл предлагал подняться на чердак. Он бы снял замок, а потом навесил обратно, но я отказывалась. Гибель Радика сделала это место запретной зоной.

— Хорошо, что меня не перевели в лицей, где учится Баста, — сказала я, подкрашивая губы. — Было бы гораздо сложнее... общаться.

— Ненамного, — ухмыльнулся Мэл, заправляя рубаху в брюки. — Тамошние девочки умудряются проворачивать делишки под носом у администрации.

— А ты откуда знаешь? — стукнула его по руке. — Проверял?

— Нет. Женские монастыри не для меня. Друзья рассказывали.

Довольный вид Мэла прямо-таки был написан на лице, когда он приезжал на ужин в алую зону. Самый старший Мелёшин, без сомнений, догадывался о том, что мы вытворяем, но почему-то молчал. Однажды, правда, попросил внука утихомириться и бывать в доме через день. Опять же, ради приличий. Мэл поджал губы, но исполнил просьбу. Одинокие вечера я проводила в телефонных разговорах и в гляделках на расстоянии.

Персонал в поместье Константина Дмитриевича был более многочисленным, нежели в доме Мелёшина-старшего. Свыше тридцати человек облагораживали, ухаживали, ремонтировали, охраняли, готовили, убирали и поддерживали в надлежащем состоянии. Два конюха и берейтор трудились в конюшне, автомеханик и три водителя — в гараже. Охрана в количестве восьми мужчин патрулировала периметр и сопровождала в поездках. Два повара и кухарка услаждали блюдами вкусовые рецепторы. Четыре садовника ползали по клумбам и косили газоны. Двое разнорабочих чистили фильтры и меняли воду в бассейне. Пятеро горничных наводили лоск в комнатах. На самого старшего Мелёшина работали люди в возрасте от сорока и старше, причем большинство нанятых трудилось в поместье много лет. Среди них были и семейные пары, например экономка и старший садовник.

Постепенно я осваивалась в доме и теперь не прибегала к помощи горничной, чтобы попасть в малую гостиную или в столовую. В частности, месторасположение рабочего кабинета Константина Дмитриевича перестало быть тайной, но покамест мне не довелось побывать там. Должно быть, это всем кабинетам кабинет. Настраивает на деловой лад и создает рабочую атмосферу.

Однажды проходя по коридору к бассейну, я заметила, что дверь в кабинет приоткрыта, и дед Мэла разговаривает с кем-то на повышенных тонах. Как оказалось, по телефону.

— Он безрассуден, а ты куда смотрела? Отдала, не предупредив меня... Нет... Её случай — запущенный. Непростой... Быстро кошки родятся, а то ж ребенок...

Я замедлила шаги. И ведь не хотела подслушивать, а само собой получилось. Дверь не заперта, Константин Дмитриевич говорит громко. В моем присутствии он никогда не повышал голос. В неширокую щель попали паркетный пол, край ковра и угол шкафа из красного дерева. Тут, к моему изумлению, дверь начала медленно закрываться, пока не захлопнулась. Хозяин догадался, что его подслушивают! По этому поводу дед Мэла не сказал мне ни слова — ни за завтраком, ни позже вечером. А у меня горели уши от стыда.

Кормили нас знатно. На убой. Точнее, к столу подавали общие для всех блюда, но каждый вечер экономка спрашивала о предпочтениях в меню на завтра. Лично мне по фигу, чем накормят. Я съедала всё, что положат, хотя правила этикета предписывали не доедать ложку-другую. Ну как, скажите, оставлять вкуснотень на тарелке? Во-первых, я не привыкла в силу врожденной жадности и экономии. А во-вторых, труд поваров нужно уважать. И я уважала, прося экономку передать спасибо кулинарам. И горничной, убиравшей комнату, говорила спасибо. И дворецкому, открывавшему парадные двери, тоже говорила спасибо. И водителю, и охранникам, и садовнику... Наверное, они крутили пальцем у виска, когда я отворачивалась. За что благодарить, коли это их работа? Но по-другому я не умела.

Зинаида Никодимовна стеснялась. Предпочтений в еде не высказывала, внимание на себя не перетягивала. Поначалу ей стоило больших трудов попросить вечером чашку зеленого чая. Прошлось мне проявить активность.

— Какой? С мятой, жасмином, медом, черникой? Иные предпочтения? — осведомилась горничная, явившаяся в библиотеку после дерганья шнурка с кисточкой.

Мы с Зинаидой Никодимовной растерянно переглянулись.

— Мне любой, на ваше усмотрение, — сказала я уверенно. — И печенье. А вам?

— Мне... с яблоком и корицей... Если можно, — добавила компаньонка.

Чай вышел роскошным, печенье — вкусным, а горничная удалилась с достоинством, получив от нас благодарное "спасибо".

Не сказать, что кроме Мэла и меня, ставшей временной жиличкой, в гости к самому старшему Мелёшину никто не навещался.

Еженедельно по выходным приезжала кузина Мэла по линии его двоюродной бабушки. Девушка увлекалась верховой ездой, поэтому пропадала на конюшне. Увидев её впервые, я решила, что передо мной парень. Широкие плечи, узкие бедра и походка соответствующая. Грубоватое лицо без косметики, да и волосы собирает в хвост добрая половина представителей сильного пола. Оказывается, помимо любви к лошадям, кузина Мэла занималась плаванием и завоевывала призовые места на чемпионатах. Целеустремленная личность. Не то, что я, бледная немочь.

Как-то приехала старшая сестра Мэла — Альбина с одиннадцатилетней дочкой. Девочку звали Андроникой. Необычное имя, но оно шло владелице. Мы весело провели время, развлекаясь тем, что построили игрушечную железную дорогу, занявшую половину библиотеки, и организовали две конкурирующие компании, занимающиеся перевозками. С одной стороны — я и Андроника, с другой стороны — Мэл и Альбина. Я не переставала удивляться сестре Мэла, забывая о том, что она — жена второго человека в государстве. С ней было приятно и легко общаться. Мэл потом сказал, что у сестры — особенный дар. Она — donati^[35]. Есть люди, которые высасывают из окружающих силы (так называемые энергетические вампиры), а есть доноры, которые, наоборот, генерируют энергию. Общение с Альбиной зарядило меня повышенным трудолюбием на весь день.

Мы с Андроникой проиграли. Конкуренты разгромили нашу игрушечную компанию, устраивая диверсии со сталкиванием вагончиков, подрывами путей и обрушением туннелей. Их составы забирали с платформы всех пассажиров, в то время как наш полупустой поезд уныло тащился позади.

— Нечестно! — кричала я, в то время как Андроника заливалась веселым смехом.

— Бизнес есть бизнес, — объявил Мэл.

— Это грязный бизнес!

— Это жизнь, — учил он.

Я обиделась, и Мэлу пришлось отправиться в город за коробкой конфет, чтобы умягчить разорившуюся сторону. Наверняка в доме нашлись бы сладости, но я повелела, чтобы Мэл самолично купил и вручил нам с Андроникой откупные.

Приезжала и Баста, чтобы посекретничать между нами, девочками, однако ей не удавалось пробить меня на откровения. Сестрица Мэла допытывалась о фасоне свадебного платья, но я молчала, показывая пальцами: "мой рот на замке". Зато похвастала кольцом для Мэла, которое недавно доставили из ювелирной мастерской. В небольшой коробочке, на алом бархате. Ювелиры выгравировали в особой технике мое имя, и оно играло на свету то черным, то фиолетовым.

— Ух ты! — восхитилась девушка. — Собственнический подход.

— По-другому никак, — признала я.

— Из тебя слова не вытянешь, — надула она губы. — Ну, хоть девичник-то устройшь?

О девичнике я не подумала. Да и с кем его провести? С Аффой и Бастой? Я не бывала на предсвадебных вечеринках и не знаю, в чем заключается их суть.

— Пока не знаю. Лучше расскажи о выгодных партиях в этом сезоне. Тебя кто-нибудь впечатлил?

И сестрица Мэла зашебетала, переключившись на перспективных женихов и на скандальные брачные сенсации.

О самом старшем Мелёшине не забывал и Вадим. На правах родственника он пользовался доступными в поместье радостями. Я же старалась его избегать.

Однажды, наплававшись, решила выбраться из бассейна, минуя лестницу, как вдруг в поле зрения попала протянутая рука. Передо мной стоял Вадим. Проигнорировав любезность, я взобралась самостоятельно. Как он попал сюда? Константин Дмитриевич уехал с утра в город, Мэл предупредил, что задержится на работе. Кот, ставший неизменным спутником, затрусил от окна, огибая бассейн. Ко мне и к Вадиму. И где Альфред?

— Решил поздороваться лично и прошел окружным путем, — ответил Вадим на невысказанный вопрос. — А ты ничё, — оглядел меня. — Только титек нет. Наверное, хорошо работаешь ртом, коли братец от тебя не отлипает.

И, положив руку на мою грудь, стиснул. Доля ошарашенной секунды ушла на осознание случившегося. Вадим лапал меня! Грубо, по-скотски. А в следующую секунду пальцы сложились в кулак, который заехал в челюсть. Смачно, с хрустом. Не удержав равновесие, Вадим упал в бассейн, подняв столб брызг.

— В другой раз сверну шею, — прошипело существо и направилось выходу из бассейна. Кот не отставал. И лишь за дверью я прислонилась к стене, пытаюсь унять нервную дрожь. Тем существом — незнакомым и страшным — минуту назад была я. Что-то управляло моей рукой, заноса для меткого удара, что-то заставило связки напрячься, озвучивая угрозу. И это "что-то" — ярость, обрушившаяся лавиной. Никто не смеет унижать меня! Тем более, Вадим.

Адреналин схлынул, рука заболела. Пришлось пить болеутоляющие. А Вадим уехал с вывихнутой челюстью, не задержавшись на ужин. Наверное, помчался в клинику Севолода, чтобы вправить хавалку. Правда, в высохшей одежде. Жаль. Я бы посмотрела, как он шлепает к машине, оставляя мокрые следы.

Меня мучили сомнения. Рассказать ли Мэлу о стычке с Вадимом? Нет, откровение равносильно зажженному фитилю, поднесенному к бочке с порохом. Тогда с кем поделиться? С Константином Дмитриевичем?

Вместо этого, дождавшись вечера, я спросила у Мэла шепотом, чтобы не слышала Зинаида Никодимовна:

— Скажи... Только честно! У меня маленькая грудь?

Мэл уставился на объект допроса, забыв о нерешенной задаче.

— Всё понятно, — вздохнула я горестно. Вадим оказался прав. В отношении женской груди все мужчины одинаковы.

— Эвочка, твоя... э-э-э... грудь... как бы сказать... — зашептал Мэл, оглянувшись на компаньонку. — В общем, мне хватает. Особенно, когда ты надеваешь всякие лифчики и корсеты. Хотя... на три-четыре килограмма не мешало бы поправиться.

— С ума сошел? Вива требует, чтобы я похудела на два кэгэ, а ты говоришь: "поправиться". На мне же платье не сойдется.

— Перешьет, эка невидаль. Ты, конечно, извини за грубость, но я не хочу зарабатывать синяки, лежа на мешке с костями, — сказал Мэл тихо, заставив меня покраснеть. — Спроси у любого мужика. Ему хочется полапать и потискать. А за что тискать, если ничего нет?

— А до лимузина кто понесет? Я стану тяжелой невестой.

— Донесу, не волнуйся. Своя ноша не тянет, — заверил он.

Назавтра я выдержала настоящий бой в салоне у Вивы, но отстояла право на имеющийся вес. А парочку килограммов наем после свадьбы. Чтобы было, за что меня тискать. И в челюсть круто заехала. Нехилый хук. Жаль, не с кем поделиться. Хотя почему не с кем? Аaffe расскажу.

Самым любимым местом для меня стала библиотека, в особенности окно с нишей. Набрав книг, я укладывалась на матрас и предавалась чтению, погружаясь в выдуманные миры. Если кто-то подумал, что меня прельстили книги по висорике, тот глубоко ошибся. Моим увлечением в ущерб учебе стала художественная литература — исторические, фантастические, любовные романы, мистика и детективы, проглатываемые без разбора.

Спустя пару дней после мерзкой выходки Вадима, я, увлекшись перелистыванием страниц, не сразу заметила, что в библиотеке, кроме меня, кто-то есть. О постороннем присутствии подсказало возникшее чувство дискомфорта, когда в закрытый мирок вторгается чужой, пришлый. Вадим стоял в дверях, прислонившись к косяку, и наблюдал за мной. И, судя по всему, уходить не собирался. Кот, избравший местом постоянного лежбища стол с картой мира, сменил позу. Сел и уставился на гостя.

Удовольствие от чтения пропало. Вскочив с окна, я расставила книжки по полкам, задействовав скамеечку, и всё это время Вадим стоял в дверях. И не дал выйти из библиотеки, перегородив рукой проём.

— Пусти, — сказала я, глядя в сторону. Как он умудряется пробираться мимо Зинаиды Никодимовны? Наверное, потому что компаньонка приставлена следить за Мэлом, а не за его кузенном.

— Боишься? — отозвался Вадим где-то у моего уха. — Бойся. Не забывай о своем страхе ни на минуту. И знаешь, почему?

Невольно я посмотрела на Коготь Дьявола. Кольцо не позволит причинить мне вред.

— Правильно думаешь, — поймал Вадим направление взгляда. — Но, видишь ли, колечко не поможет. Не защитит.

Потому что он — не Мелёшин! — осенило меня. То есть Мелёшин, но формально, на бумаге. А фактически не имеет к этой фамилии ни малейшего отношения.

— Братец — простофиля. Не подозревает, что доверил тебе уникальную вещь. Если с ним что-нибудь случится... откажут тормоза или врежется при обгоне... ты отдашь Коготь мне, — напирал Вадим. — Я наследую Ungis Diavoli. Уй! — схватился он за ногу. — Гадёныш!

Это Кот повис на штанине, вцепившись.

— Ничего с Мэлом не случится, — оттолкнула я парня. — И кольцо ты не получишь. Никогда. И я не боюсь тебя. Береги челюсть. Или нос.

Вадим оторвал Кота от ноги и отшвырнул, но тот успел исцарапать ему руки, хотя целился в лицо.

За ужином пасынок Севолода вел себя мило и обходительно, расточая комплименты Зинаиде Никодимовне. Царапины на руках исчезли, наверное, он "зашил" их заклинаниями. А у меня пропал аппетит. Мог ли Вадим быть опасен? Бахвалился или задумал подлость? Или на него повлиял синдром? Зачем Вадиму кольцо?

После ужина я позвонила Мэлу и слезно умоляла не гонять на трассе и проверять

машину, сядя за руль — в особенности тормоза. Он тоже обеспокоился, но источником моих страхов.

— Кошмар приснился, — объяснила я. Всё-таки хочется пройти в белом платье под звуки органа, а не оказаться вдовой, не успев выйти замуж.

— Хорошо, — поспешил успокоить Мэл. — Не больше шестидесяти и завтра же полная диагностика тачки. Согласна?

Промучившись без сна, на следующее утро я поинтересовалась у Константина Дмитриевича:

— Если с Егором случится непоправимое, мне придется отдать Коготь Дьявола Вадиму?

— Необязательно. Ungis Diavoli наследует ваш сын, если таковой родится.

— А если он не успеет родиться?

— С какой стати столь мрачные прогнозы? — откинулся на стуле самый старший Мелёшин.

— Просто так. Коготь Дьявола отбрасывает вис-воздействия и является фамильным кольцом. Этим он ценен?

Зинаида Никодимовна замерла с чашкой в руке.

— Не совсем, — дед Мэла повертел вилкой. — Существует предание, согласно которому кольцо, прежде чем стать фамильным, входило в боевой комплект из лат, щита и меча, называемый Tronis Diavoli^[36] или Престол Дьявола. Полностью экипировавшись, владелец Престола становился непобедимым. Бытует версия, что первым владельцем являлся никто иной как сам дьявол. Эпоха кровопролитных войн давно минула, Престол растащили на части, многие из которых безвозвратно утеряны. В частности, найти латы не представляется возможным, потому что нужно отыскать нагрудник, шлем, наручи, перчатки, сапоги и прочие составляющие доспехов. Но увлеченные люди, верящие в предание, продолжают поиски. Так причем здесь Вадим?

— Вадим?... Не при чем, — опустила я глаза, не решившись озвучить слова парня о притязаниях на Ungis Diavoli. Разлад в семье недопустим, хотя Вадим и редкостная свинья. Хорошо, что не распустил грязные слухи об инциденте у бассейна и не спровоцировал Мэла. Или не сообразил. Но ведь нужно что-то делать!

Весь день я выводила Мэла из терпения звонками: как доехал, не забыл ли об автодиагностике, не барахлит ли машина. По приезду в алую зону настроилась рассказать Константину Дмитриевичу об угрозах Вадима, как вдруг позвонил Мэл и сообщил, что кузена срочно отсылают на восток страны по делам семьи.

— Теперь на свадьбе будет на одного человека меньше, и дышать станет легче, — хохотнул Мэл. — Скатертью дорога. Пусть готовится до осени гулять по сопкам.

Я решила, что ослышалась.

— Ты уверен? А как же его учеба?

— Не смей меня. Он уже два года как закончил военную академию и ни дня не проработал. Сидел на шее у Севолода. А семья напомнила, чью фамилию он носит. Пора бы и честь знать.

— А Севолод? — спросила я с чувством неимоверного облегчения. К тому времени, когда Вадим вернется в столицу, мы с Мэлом уедем на побережье.

— А что Севолод? Если большая тройка решила — значит, спорить бесполезно.

Под большой тройкой в клане подразумевали самого старшего Мелёшина, его брата Георгия и сестру Евдокию Дмитриевну. Выходит, Вадиму напомнили, за чей счет он ест

каждый день хлеб с маслом и развлекается в ночных клубах. Интересно, как отреагировала жена Севолода, узнав, что сыночка отсылают в глухую провинцию?

Константин Дмитриевич оказался приятным собеседником. Вечерами, когда Мэл оставался в городе, он приходил в библиотеку, где я готовилась к занятиям или читала, и мы разговаривали. Зинаида Никодимовна деликатно удалялась, чтобы не мешать беседам. Самый старший Мелёшин регулярно интересовался моим здоровьем, в ответ я справлялась о его самочувствии.

— Неплохо. Благодарю, — отвечал мужчина с вежливой улыбкой.

Как-то он спросил о моих планах после получения аттестата.

— Разве замужние дамы работают? — усмехнулась я.

— Не работают, — подтвердил дед Мэла. — Но почему-то мне кажется, что вы — концентрация исключений из правил.

— Гош... Егор выступает против моей подработки лаборантом, но мне бы хотелось и дальше работать в этом направлении. Но сперва... собираюсь съездить на побережье! — выпалила я. Что ответит Константин Дмитриевич?

Он в задумчивости сцепил пальцы в замок.

— На побережье нет электричества. Совсем.

— То есть? — вот уж чего не ожидала, так этих слов.

— Там нет холодильников, кофеварок, телевизоров. Вы не всунете вилку в розетку и не погладите белье. И стиральных машин там нет. Там топят бани и готовят в печах.

— Вы бывали там? — растерялась я.

— Нет, но вполне представляю. А сейчас думаю, что хотел бы побывать и познакомиться с вашей матушкой.

Я смутилась.

— Всё равно поеду, — сказала, чтобы скрыть неловкость. Прозвучало по-детски упрямо.

— А Егор?

— Он тоже собирается поехать... вроде бы.

— В таком случае, нужно сдать документы для получения разрешений на въезд сразу же после заключения брака. Вот хотя бы на следующий день, — сообщил собеседник будничным голосом. — Обычно оформление бумаг занимает до трех месяцев при счастливом стечении обстоятельств. Вам хватит времени, чтобы закрыть последнюю сессию.

Константин Дмитриевич не сказал: "можно сдать документы". Он сказал, что их нужно сдать в срочном порядке, проснувшись наутро после свадьбы. Получается, самый старший Мелёшин согласен отправить внука в Тмутаракань, на край света? А родители Мэла? Его мама уж точно не обрадуется. И как отзовется Мелёшин-старший?

— Я думала, вы будете разубеждать.

— Отчего же? — улыбнулся мужчина. — Эта поездка станет полезной... для всех.

Завибрировал телефон, и на экране высветилось: "мой Гошик".

— Можно рассказать Егору о нашем разговоре?

— Конечно, — кивнул Константин Дмитриевич и вышел из библиотеки.

Мэл выслушал, не прерывая. И долго молчал.

— Гош, наверное, я зря говорила от твоего имени... Извини.

— Эвка, у тебя же библиотека под рукой. Чем гладили белье до изобретения

электричества?

— М-м-м... утюгами. Наверное. Нагревали на печке или клали внутрь угли, — задумалась я, вспоминая подробности последнего прочитанного любовно-исторического романа.

— Так... Получай задание... Выяснить, как в старину обходились без холодильников, — сказал Мэл, как показалось, с набитым ртом.

— Серьезно?!

— Вполне.

— А чем ты шуршишь?

— Чем-чем? Ем я. Сажу тут голодный, холодный и одинокий. Некому меня согреть. И без Кота скучно. Бессонница замучила, потому что койка скрипит. На полу три сантиметра пыли. Поранился гвоздем, когда раму открывал. Вам-то хорошо, а я минуты до свадьбы считаю.

— Гошик, — всхлипнула я. — Гошенька... Любименький... Ужасно по тебе соскучилась...

А Мэл, похоже, обрадовался тому, что не он один испытывает муки холостяцкой жизни. Остаток вечера я посвятила словесным ласкам, которые изливала на него по телефону.

— Милый... ненаглядный... самый сильный... смелый... и умный...

— Да, я такой, — согласился Мэл, жуя.

А мне не жалко. И меня с каждым сказанным словом пропитывала нежность к своему мужчине и гордость за него.

В поместье к Коту относились настороженно. С прохладцей. Не гоняли, но и не сюсюкали "кис-кис-кис". Виной тому — бандитская морда усатого и его нахальное поведение. Кот засунул нос во все доступные уголки и закоулки. За общим столом ему выделили отдельный стул, и Кот присутствовал при трапезах. Зинаида Никодимовна держала дистанцию, опасаясь гладить животное.

— Необычно, — сказала она как-то. — Считается, что кошки гуляют сами по себе, а ваш... Удивительно... Как дрессированный. И привязан к вам.

— Мы с ним родственники по духу, — пошутила я. — Иногда мне кажется, что в прошлой жизни Кот был человеком.

Горничные недовольно посматривали на усатого, оккупировавшего мою кровать, но молчали. Наверное, им не нравилась шерсть, которую приходилось убирать за ним, хотя я не замечала, чтобы на подушке или на покрывале оставались шерстинки. И умывался Кот редко. По крайней мере, не на моих глазах. Зато полежать любил, с размаху бахаясь тушей на бок.

— Кот с тобой? — спрашивал Мэл по телефону.

— Со мной.

— Передай ему, чтобы не наглел. Знаю я, развалится на полкровати — не сдвинешь краном.

После стычки с Вадимом в библиотеке я по-новому взглянула на Кота.

— Защитник мой, — прижала к себе и погладила. — Спасибо за всё.

Усатый подумал-подумал и замурылкал.

Предсвадебный месяц протек относительно спокойно. Светские мероприятия сократились для меня до минимума. Во-первых, волей Константина Дмитриевича, отфильтровывавшего ненужное и лишнее. Во-вторых, столкновение поездов в столичной подземке, приключившееся в начале апреля, не располагало к веселью. Однако поздравить министра экономики с днем рождения я была просто обязана. Прежде всего, потому, что именинником являлся мой отец. Ему исполнилось сорок семь. Папенька родился сразу же после висоризации и относился к когорте урожденных висоратов. Видение волн передалось ему по наследству, а не в результате инъекции вис-сыворотки.

Некруглая дата, но гостей немало. Более пятидесяти человек, и всех их вместила большая столовая в особняке батюшки. Туда мы прибыли втроем — я, самый старший Мелёшин и Зинаида Никодимовна. Мэл планировал приехать отдельно.

Каждый раз, когда предстоял выезд в свет, моя компаньонка испытывала неловкость. Её торжественный гардероб состоял из двух пуританских платьев отвратительного покроя, усиливавшего недостатки фигуры, поэтому рядом с расфуфыренными дамами Зинаида Никодимовна выглядела унылой гувернанткой в форменной одежде.

Решившись, я поговорила с Константином Дмитриевичем. Коли компаньонка сопровождает меня на публичные мероприятия с присутствием высокородных гостей, помимо жалованья ей требуется соответствующий гардероб. Я приготовилась спорить и доказывать, но, на удивление, самый старший Мелёшин согласился. Вместе с Зинаидой Никодимовной мы отправились в переулок Первых аистов, где в салоне Вивы ей подобрали

наряд, оформили прическу и сделали визаж. Благодаря шумихе около моего имени бизнес Вивы активно развивался. Помимо ателье теперь в её салоне работали две стилистки, а сама владелица подумывала о том, чтобы перебраться на бульвар Амбули. Конечно, это мечта всей её жизни, но шебутная атмосфера переулка нравилась мне больше, нежели лощенная вылизанность столичного бульвара.

На обратной дороге Зинаида Никодимовна украдкой смотрелась в свое отражение в стекле машины. Она, и правда, похорошела, сбросив десяток лет, и выяснилось, что у нее есть талия и грудь. А в адрес самого старшего Мелёшина полетел счет на три тысячи висоров. Вива всегда отличалась бульдожьей хваткой. Ну и пусть.

Белая зона не уступала алой по пышности цветочных клумб и буйству зелени. Площадка у дома оказалась плотно забитой машинами, а Мэл прохаживался в нетерпении на крыльце особняка. Он встретил нас и предложил мне локоть, в то время как Зинаиде Никодимовне отвелась роль спутницы самого старшего Мелёшина. На именины к отцу пожаловали и родители Мэла. Они приехали раньше нас и беседовали с приглашенными в большой гостиной. Ираида Владимировна улыбнулась мне приветливо, и я в который раз восхитилась её элегантностью и безукоризненными манерами.

О, сколько идей приходило в голову Айве Влашек! Одна фантастичнее другой. Например, устроить так, чтобы девчонка лишилась дефенсора, после чего стереть ей память. В идеале разжижить мозг и превратить в амёбу. В дурочку с дебильным взглядом и ниткой слюны изо рта. А самое замечательное — внушить Мелёшину-младшему отвращение к невесте. Как увидит её мордашку, так сразу возникает рвотный рефлекс. Зато к Онеге воспылал бы горячими чувствами. Прелестный вариант! Опять же, использование приворотного зелья опасно, а эффект недолговечен. Внушение тоже невозможно при наличии дефенсора, а он у младшего Мелёшина — вживленный. Что делать? Может, наслать порчу или проклятие?

Айва кружила по спальне как зверь, запертый в клетке. Голову изломала, отчаявшись. Господи, это же сущее издевательство — обсуждать с мадам Мелёшиной форму салфеток для банкетного стола и свадебную тематику иллюзорных витражей. Улыбаться и поддерживать разговор, выдавливая ложь, от которой сводит скулы. Супруга начальника Объединенных департаментов — дама во всех отношениях приятная. Настоящая леди. Они бы стали хорошими приятельницами, выбери сын мадам Мелёшиной в качестве подруги жизни Онегу. Союз родовитых отпрысков стал бы гарантом устойчивости обеих сторон. И разница в возрасте — не беда.

Неужели Мелёшиных не унижает скандальный факт роднения с дочерью ссыльной каторжанки? Это же нонсенс: наследник известной фамилии и безродная девчонка с душком в биографии. Если по чести, то и Влашек не может похвастать достойной родословной. Только благодаря ей, Айве, он пошел в рост. Связи её семьи дали Влашеку первоначальный толчок в карьере. Прежний премьер-министр прислушивался к мнению деда и дядьев Айвы. Муж должен быть благодарен за оказанную честь, породнившись с некогда влиятельным кланом.

— Какая жалость, что Эва — неродная мне. Мы с вами стали бы еще большими единомышленницами, чем сейчас, — воскликнула Айва.

— Приятно видеть, что вы заботитесь о падчерице как о собственной дочери, — ответила мадам Мелёшина.

— Благодарю за понимание. К сожалению, мне не удалось повстречаться с родной матерью Эвы. Я бы высказала ей! Бросить ребенка на произвол судьбы может лишь бездушная и безжалостная тварь.

— Мать Эвы отказалась от неё? — удивилась собеседница.

— Да. Предпочла взвалить ответственность на плечи разведенного мужчины. Собственно, я не удивляюсь. Она же ссыльная. Каторжанка. Для уголовников нет ничего святого, даже родной ребенок.

Мадам Мелёшина промолчала, не став комментировать услышанное. Зато Айва ликовала. Встреча за встречей, она не упускала случая уколоть или отпустить шпильку.

Ах, скандалы преследуют Эву! Должно быть, семье жениха неловко, оттого что вся страна обсуждает предстоящее торжество. Благородную фамилию Мелёшиных замусолили в прессе и на телевидении. Радует, что до свадьбы осталось немного времени. Но справится ли Эва с обязанностями замужней дамы и невестки? Не опозорит ли мужа бестактным поведением? К сожалению, ей не хватает утонченности и светского лоска.

Ах, Эва теперь не видит волны! Наверное, семья жениха с трудом смирилась с этим недостатком, могущем отразиться на детях. Но ничего, теперь мы почти родственники и справимся с любыми трудностями.

Ах, реабилитация после отравления ядом слабо помогла! У бедняжки бывают провалы в памяти и приступы необоснованной агрессии. Неужто не замечали? Но любая беда поправима. Регулярные курсы интенсивной терапии в клинике неврологических заболеваний избавят от депрессии и суицидального настроения.

Айва видела: ее слова не пропадают впустую. Капля за каплей точат камень. Супруга начальника Объединенных департаментов прислушивалась и мотала на ус. Делилась с мужем, переживала за сына и пропитывалась ненавистью к будущей невестке. А толку-то? День свадьбы приближался. Ни криков в благородном семействе, ни обвинений, ни скандалов с требованием возратить жениху обещание.

Айва не заметила, как желание видеть на месте падчерицы собственную дочь переросло в мечту иного рода. Преступное отродье недостойно свалившегося на нее счастья. Это нечестно. Несправедливо! Пусть бы соплюшка катилась на побережье и сгинула там с концами. Нет же, Влашек затеял крупную игру, сторговав дочь-инвалидку Мелёшиным, и теперь она как бельмо на глазу.

Время ускорялось, а повод не находился. Разнообразные идеи циркулировали, грозя свести с ума. Решение зрело, зрело и... пришло. Вот оно! Именины супруга. Невероятная удача. Другого случая не представится.

Нетрудно, когда план проработан до мелочей. Пункт первый — горничная, которую легко запугать, приписав кражу ожерелья с рубинами... Слезы и клятвенные заверения в невиновности... Снятый дефенсор как доказательство непричастности к воровству... "Это не я, хозяйка! Прошу вас! Можете проверить, я честна!"...

Конечно, проверю.

Пункт второй. На ладони — холщовый мешочек на завязках. В нем толченое стекло с особой огранкой кристалликов. Предки Айвы знали толк в устранении врагов и соперников. Сначала появится боль в желудке, которую сочтут несварением. Она не даст покоя и лишит сна. День за днем, боль станет постоянным спутником, отзываясь при малейшем движении. Вонючий запах изо рта скажет о внутреннем кровотечении — вялом, но непрекращающемся. Кристаллики стекла достаточно мелки и имеют достаточно острые края, чтобы, застряв в

желудке, убивать жертву изнутри. А могут опуститься в кишечник и вызвать рези, от которых вылезают глаза из орбит. Спасения нет, разве что экстренное удаление желудка и кишок.

— Ты возьмешь это и никому не скажешь. Это наша с тобой тайна... Добавишь в жульен. Незаметно... Подашь ей... Вот фотография. Запоминай... Выполнишь задание — получишь награду...

Сузившиеся зрачки, застывший взгляд и послушное "да... да... да..."

До летального исхода — около недели, и подозрений касаясь именинного обеда у родного отца не возникнет. А горничная забудет. Айва постарается, чтобы воспоминания исчезли. Осталось за малым — воплотить в жизнь.

Вспотели ладони. То знобит, то бросает в жир. Глоток вина застрял в горле. Гости смеются над шуткой, девчонка вежливо улыбается и вполголоса говорит что-то младшему Мелёшину.

Вот и жульен, господа. Прошу отпробовать.

Тень так и не смогла освоить речь, поэтому отдавала предпочтение мыслеобразам, возникавшим в головах двуногих. Осваивая возможности четвертого измерения, тень научилась читать прошлое и будущее людей. Но если прошлое являлось величиной конечной и неизменной, то переменчивое будущее виделось в коротком диапазоне. И тут тень сделала удивительное открытие. Возле Э.В.Ы. происходил перепад в мыслеобразах будущего. Мгновение назад линия четвертого измерения уходила влево, а мгновение вперед та же линия изгибалась дугой, и будущее менялось.

Тень призадумалась. Каким образом её подопечная влияла на то, что предстоит? По всем признакам выходило, что явление носит стихийный характер и не поддается анализу. Взвзвись за тщательное изучение, тень перебрала все области спектра, прежде чем смогла зафиксировать вокруг Э.В.Ы. некое поле, в котором ветвь четвертого измерения, являющаяся будущим, становилась неустойчивой.

Тень обнаружила, что поле воздействует на окружающих не в равной степени. Чье-то будущее заканчивалось, заворачиваясь в петлю. Чье-то будущее отклонялось от первоначального маршрута, а чье-то — стремилось по прежнему курсу. Тень назвала обнаруженный парадокс иммунитетом, поделив его на нулевой, низкий, средний и высокий. Например, двуногие с детенышем, к которым периодически навевывалась Э.В.А., имели высокий иммунитет к необычному полю. Зато будущее сожителя подшефной было неопределенным. Его мыслеобразы беспрестанно менялись, и тень ввела в классификацию понятие нестабильного иммунитета. Пока что она не определилась окончательно, можно ли управлять полем, и есть ли в нем польза для Э.В.Ы. Зато вероятность причинения вреда увеличивалась. Поэтому тень сочла своим долгом следовать за подопечной при любых обстоятельствах — в физической оболочке или в натуральном обличье.

Тень выросла. Она выросла из игр с метаморфозами, подразумевавшими радикальные меры воздействия на виновных, и теперь экспериментировала с мыслеобразами. Вклинивалась в них, перекраивая, и находила удовольствие в нетривиальности последствий, не вызывающих подозрений у двуногих.

Тень воевала с сожителем подшефной. Тот совсем распоясался, решив, что может с легкостью управлять пульсирующим шариком Э.В.Ы. Тень могла бы наказать двуногого изошренно, но увы, приходилось задействовать жалкие возможности телесной оболочки и то

не в полную силу. Угол заточки лезвий на конечностях позволял тени мельчить в крошку кристаллическую решетку любой степени прочности, не говоря об органике. Однако приходилось использовать ротовое отверстие, чтобы кусаться, и когти, чтобы царапаться, по простой причине. Э.В.А. беспокоилась за двуногого, занимавшего девяносто процентов её мыслеобразов.

Физическая оболочка существенно ограничивала возможности тени, но она же помогала. Тень не единожды похвалила себя за удачно выбранную материальную форму. В глазах двуногих она стала домашним животным и получила идентификатор — К.О.Т. Благодаря конспирации тень беспрепятственно проникала в любые уголки, не вызывая подозрений. Она обследовала закоулки лабиринта, в котором сожительствоваляли подопечная и двуногий, и просканировала мыслеобразы человеков, обитающих на разных уровнях. Целью стоял поиск людей, могущих раскусить истинную сущность тени, но таковых не нашлось.

Тень взялась за изучение особенностей размножения человеков, потому что у подшефной и её сожителя имелась тяга к появлению потомства, не дававшая результатов. По этому поводу глаза Э.В.Ы. источали прозрачную жидкость, называемую слезами, и двуногий способствовал их прекращению, заодно приводя нервную систему Э.В.Ы. в равновесие. И за это тень прощала ему притязания на пестрый шарик подопечной.

Тень знала: чтобы продуктивно плодиться, необходимо определенное количество участников. Число родителей не ограничено. Их может быть двое, трое, четверо и так далее по возрастающей. А бывает и так, что достаточно одного родителя. Непонятно, из каких источников пришло это знание к тени, наверное, существовало изначально в её сути.

Проведя серию наблюдений, тень заключила: люди плодились, встречаясь парами. И поняла, что заблуждалась, посчитав периодические перемены, происходящие с подшефной (как то: трансформация зрения, ногтей, быстроты реакции, инстинктов и размытие мыслеобразов), привычным состоянием для двуногих. Перечисленными признаками обладала лишь Э.В.А.

Отругав себя за безалаберность, тень бросилась восполнять упущенное и выяснила, что на молекулярном уровне организм подопечной состоит из двух несочетаемых видов, являющихся сложнейшей спаянной конструкцией. Метаморфозы в клетках подчинялись движению ночного светила, достигая пика в определенные дни. Тень предприняла попытку по извлечению чужеродных элементов из организма подопечной, но затея оказалась провальной, ибо невозможно разделить неразделимое без ущерба.

Тень приуныла. Данных не хватало, потому что в моменты обострений сознание Э.В.Ы. становилось неустойчивым, и мыслеобразы исчезали, не успев сформироваться. Зато периоды просветления позволили заглянуть в прошлое и отыскать причину симбиоза. Тень испытала смущение. Опять же, непонятно почему, но она почувствовала себя причастной.

Прежде тень не делала различий между двуногими. Зачем напрягаться, если у всех особей одно туловище, одна голова, по паре верхних и нижних конечностей и однотипные внутренние органы? А теперь выяснилось, что существует несколько разновидностей прямоходящих, и разница между ними заключается не в наличии или отсутствии хвоста. Чудеса под носом всегда незаметны.

Тень признала, что недооценивала четырехмерие, ставшее ей домом. Снисходительность и пренебрежение сделали её косной. Взять тех же генетических сородственников Э.В.Ы. При внешнем сходстве с человеками имелись существенные

различия: ускоренная регенерация, утроенное количество нейронов, широкий диапазон слышимости, предельная эластичность тканей, расширенный спектр зрения, армированная кровеносная система. А еще сопротивление, которое приходилось преодолевать тени, проникая в сознание. Изучив несколько экземпляров, она пришла в восхищение и ввела в собственную классификацию прямоходящих понятие "условно человеков".

Тень озабочилась страхами Э.В.Ы. в отношении представителей чуждого вида. Эта боязнь носила обобществленный характер, без привязки к конкретным индивидуумам. Двухногий, связанный с подопечной тени силами небесного светила, не нес угрозы, как и прочие "условно человеки". Причина состояла в их категорическом неприятии подшефной.

Тень пришла к заключению, что на данном этапе ей не хватает познаний, чтобы избавить Э.В.У. от чужеродной примеси в организме, и что вреда от последней нет. Возможно, двойственность послужила причиной отсутствия потомства, но тень не могла подтвердить или опровергнуть данное предположение. Пока что она похихикивала, видя, как в полнолуния двухногий отдувается за раздутое самомнение.

Человеки придавали большое значение волнам, которые совершенно не впечатлили тень. Зато её потрясла штуковина, принесенная двухногим. Поначалу тень не обратила на неё внимания, но вскоре заметила, что вещь негативно воздействует на подопечную, перестраивая работу внутренних органов, а двухногий потворствует ухудшению здоровья. Э.В.Е. угрожала опасность! Тень взбеленилась. Во-первых, она устроила непримиримую войну сожителю подшефной. Во-вторых, боясь необратимых последствий в организме Э.В.Ы., ринулась в кристаллическую решетку, чтобы разрушить штуковину изнутри, но... отскочила как теннисный мячик. Потребовалось несколько изнурительных попыток, чтобы признать бессмысленность затеи.

Вещица оказалась с секретом. При тщательном исследовании с разных сторон и под разными углами, на тень снизошло озарение: у них со штуковиной много общего! Неожиданный вывод ошарашил тень. Затаившись, она часами наблюдала за статичной формой, вокруг которой искривлялись пространство и время. Тень завороченно следила за тем, как клубятся кольца тьмы, и как закручивается ничто, являющееся сутью штуковины. То самое ничто, составлявшее суть тени. Жалкие двухногие! Они и не подозревали, что сила безобидной вещицы сопоставима с мощью дневного светила.

Будучи в материальной оболочке, тень прижимала уши и подметала животом пол, преклоняясь перед давящей силой новообретенного сородича. И восхищаясь, трепетала от радости. Она не одинока в четырехмерье!

Ох, переживания не доведут до добра. В большой гостиной Айве привиделось, что у падчерицы две тени, одна из которых потекла к двери в столовую и просочилась через щель.

Наверное, Айва переволновалась. Иначе как объяснить, что тень ползает по столу, заглядывая в тарелки и фужеры, забирается в прически дам и устраивается на плечах мужчин? Неужели гости не замечают?

Хозяйка сделала судорожный глоток и поставила бокал. Искажённое отражение в стекле укоризненно покачало головой и поводило указательным пальцем. Ай-яй-яй, нехорошая Айва...

Сотни лиц в хрустальных подвесах люстры повторили тот же жест.

Душно, душно! Колье сжимается удавкой.

Несут жульен. Скоро, уже скоро...

Нервы натянуты до предела. Громкое звяканье столовых приборов заставляет вздрагивать.

В зеркальных вставках распахнутых дверей отражается большая столовая, празднество, гости. Отражается и хозяйка дома, сидящая во главе стола. Вдруг отражение поворачивается к ней и прикладывает палец к губам. Тс-с-с, Айва. У нас есть тайна.

Это лихорадка. Инфекция. Да, точно, она больна. У нее галлюцинации. С чего бы? Из-за несвежих продуктов? Немедля уволить экономку!

Отражение в зеркале, хитро улыбаясь, выставляет ногу вперед, и девушка в униформе официантки падает с подносом в дверях. Посуда вдребезги, а содержимое разлетелось, заляпав пол. Ахи, охи, всплески руками. Поспешные указания распорядителя обеда: пол затирают, осколки собирают, перед гостями извиняются. У нас небольшая заминка, а покуда отведайте холодные закуски с икрой и морепродуктами.

Всё впустую. Шанс упущен. Растяпа! Не смогла не запнуться на ровном месте, — Айва с досады швыряет измятую салфетку и оглядывается на дверь.

Гости посудачили о криворукой прислуге и переключились на чествование именинника. А отражение в дверных створках весело скалится и показывает большой палец. Ты моя, Айва. Теперь мы повязаны. До конца жизни.

И на нее наваливается спасительный обморок.

Кто-то раздвинул шторы, впуская в комнату солнце.

Вадим промычал нечленораздельно, прикрыв глаза от яркого света. Хорошо вчера погулял, в башке гудят колокола. Любой другой слабак на его месте сразу бы принял отрезвлятор, но Вадим никогда не пользовался снадобьем. Хорошая попойка хороша похмельем. Самый смак.

— Доброе утро, — пропел голосок. — Вы приказали разбудить в десять.

— Уйди, чувырла, — Вадим запулил наобум подушкой и накрылся одеялом.

Через три часа свежий как огурчик Вадим Мелёшин спустился в ресторан гостиницы. Он мог бы жить в квартире, расположенной в центре города на главном проспекте, но предпочел нервировать семейку растратными счетами за гостиничный номер. Назло родственничкам.

А что, в сущности, изменилось? Теперь расходы улетали на запад, в столицу. Разве что клубы здесь попаршивее и развлечений меньше, но находчивый человек нигде не пропадет и оторвется на полную катушку даже на Северном полюсе.

Вадим дальновидно обналичил банковские карты и перестал отвечать на звонки маман, Севолода и семейки Мелёшиных. Пусть попробуют достать и заставить. Для этого им придется приехать сюда. Что ж, встретимся и поговорим. В ресторане с видом на штормящий океан.

— Детка, — усадил он на колени официантку, — я хочу обед в номер. И тебя на десерт.

— У нас запрещено, — попыталась та подняться, но примолкла, когда постоялец зачихал стовисоровую купюру в вырез блузки.

Через полчаса в номер Вадима постучали. Заказ выполнили. Доставили первое, второе и третье на десерт.

— Показать тебе фокус? — предложил лениво Вадим, разлегшись на кровати. — Ты о таком не смеешь и мечтать.

Оторвал от двух волн по куску, навязал узор из петель, и-и-и... ничего не произошло. Piloī sandī^[37] сорвался.

Слепешарая девка пялилась в ожидании чуда. Дура. Вадим любил подшутить. Зачаровывал волшебством волн и награждал овечек парочкой заклинаний. Чтобы не забывали его, Вадима Мелёшина.

И aīrea sandī^[38] не вышел. И ignī sandī^[39] не получился. Чертовщина какая-то. Движения правильные, последовательность не нарушена. Узлы и петли навязаны, но безрезультатно. Волны распускаются без высвобождения энергии и возвращаются в прежнее текучее состояние. Что за гадство?

— Что случилось? — встревожилась девка, заметив напряженное лицо Вадима.

— Пошла вон, — процедил он. — Пшла отседа! — заорал, и слепешарая, подобрав одежду, исчезла из комнаты.

Так... Нужно успокоиться... Собраться, продышаться...И повторить. Снова и снова. Опять.

Впустую. Базисные и двухуровневки... Более сложные трехуровневые... И высших порядков... Ни одно из них не "завязалось" и не "выстрелило".

Черт, черт, черт! Наверное, потому что руки дрожат. Пора кончать с пьянками. Ну, здравствуй, белая горячка.

Что делать? Звонить Севолоду?

Вадим читал о таком. Называется самовнушением. Боязнь поверить в свои силы. Он не верит, что у него получится заклинание. Черт, да он никогда не задумывался! Создавал как само собой разумеющееся. Потому что урожденный висорат.

Он переутомился. Всего-то делов. Плюс акклиматизация. Так и есть. Нужно выспаться. Отлежаться, чтобы остыли мозги. Сдвинуть шторы и закрыть глаза.

До глубокой ночи Вадим ворочался в постели, прислушиваясь к ощущениям. Что с ним? Может, порча? Любимые родственнички подсуропили. Или отравы. Подсыпали в еду, к примеру. Ага, вот и рука загорела, и пальцы защипало! Нет, показалось. Или в сок добавили галлюцинозное снадобье, поэтому и привиделась хр*нотень с волнами. В таком случае выход один — дождаться, когда снадобье выветрится из головы, найти говн*ка, посмеявшегося над Вадимом Мелёшиным, и записать ему в глотку пару-тройку заклинаний.

А проснувшись назавтра, Вадим истерически засмеялся. Волны-то он видел, но они отказывались подчиняться ему — ни утром, ни днем и ни вечером. Не в воскресенье и не неделей позже.

И Вадим струсил. Он не решился позвонить Севолоду и рассказать о поразившей его немощи.

После обморока, приключившегося на торжественном обеде, мачеха в спешном порядке отправилась в Моццо — поправлять здоровье. Хорошо, что до свадьбы осталось меньше месяца, и к этому времени уладились основные формальности, связанные с подготовкой к празднеству. Иначе Ираиде Владимировне, маме Мэла, пришлось бы в одиночку заканчивать последние приготовления. Досужие сплетники судачили, что у Влашеков — кризис семейных отношений, однако мой отец опроверг слухи и заверил Мелёшина-старшего, что супруга вернется в столицу к свадьбе, подлечив на курорте слабые легкие и бронхи.

Слабые, как же. Правда, бессознание мачехи оказалось достаточно глубоким, чтобы в срочном порядке вызвать бригаду медиков правительственного госпиталя. Первоначальное подозрение в попытке покушения не подтвердилось, зато у любителей почесать языками нашелся повод. В светских кругах обморок супруги министра экономики обсуждали несколько дней. И опять отец извлек пользу из скандальной истории, преподнеся объяснение, окрашенное в патриотические цвета. Мол, мачеха как преданная жена поддерживает мужа во всех начинаниях. Переживая за судьбинushку отчизны, на которую навалились катаклизмы, она перенервничала, и беспокойство вызвало обострение астмы. Ах-ах, и все тут же прослезилась.

Мачеха укатила в Моццо, а я вздохнула с облегчением. Вроде бы нечасто сталкивалась с женой папеньки, а все равно с её отъездом и солнце ярче засветило. Участие мачехи в подготовке к свадьбе давило на меня фальшивостью и вынужденностью. Наверное, бедняжка оценила размах предстоящего торжества, и от зависти у неё разыгрался острый приступ подагры. Я бы тоже впала в депрессию от количества ухнутых денег, но от меня скрывали масштаб празднества.

— Гош, ну, сколько? — допытывалась я, пытаюсь выудить из Мэла крупицы информации. Мы сидели на качелях, а Зинаида Никодимовна гуляла по дорожкам, прикрываясь зонтиком от солнца.

— Зачем тебе? — спросил Мэл с подозрением.

— Ну-у... просто так, — повозила я пальчиком по его груди, вырисовывая узоры на рубашке. — Пожалуйста, Гош!

— Я не в курсе. Спрашивай у отца. Он у нас счетовод.

Таким образом, Мэл отфутболил меня к Мелёшину-старшему. И ведь знал, что не решусь поинтересоваться стоимостью свадебной вакханалии. Какое там спросить! В присутствии Артёма Константиновича на меня нападало онемение всех мышц, включая лицевые. И хотя панический страх давно выветрился, став обычным страхом, разбавленным благоговейным трепетом, в моих глазах Мелёшин-старший был почти богом. Он мог всё. Выделял дэпов для охраны и сопровождения, держал руку на пульсе прессы и телевидения, посещал светские мероприятия и успевал контролировать закон и порядок в стране. Он ни разу не обратился ко мне напрямую, ни разу не повысил голос и ни разу не выказал недовольство — ни жестом, ни словом. Поистине королевская сдержанность.

Устав как-то бороться с замудренными задачами по матмоделированию вис-процессов, я разлеглась на полу, вернее, на ковре. Кот с благосклонным видом наблюдал за передышкой с высоты стола.

— Эвочка, вставай. Соберись и поднажми. Еще чуть-чуть, — пощекотал Мэл пятку.

Захихикав, я дернула ногой. Зинаида Никодимовна покачала головой с укоризной и перевернула страницу в книге. А мои мысли, получив минутку на расслабление, поскакали белками. Начались с взгляда, брошенного на карту мира, и, прокуролесив по извилинам, закончились разглядыванием Дьявольского Когтя.

— Гош, в атласе раритетов фамилия Мелёшиных встречается на каждой странице. А у Константина Дмитриевича тоже есть артефакты? Сколько здесь живу, а ни одного не видела.

— Бесценные артефакты не лежат на тумбочке в прихожей рядом с зонтиками, — пояснил Мэл. — Обычно для них выделяют охраняемые помещения, например, подземные бункера. И постороннему человеку непросто туда попасть. Точнее, невозможно.

— И у твоего деда есть бункер? — расширились мои глаза.

— Есть. Защита от взлома и проникновения будь здоров. Не только сигнализация и видеокамеры, но и охранные заклинания на каждом шагу.

— А если случится пожар? Коротнёт проводка, например.

— Бункер — это цельный металлический сейф. Он автоматически заблокируется и не сгорит. Каждый артефакт тоже изолирован под защитным колпаком. Так что после ядерного взрыва останутся лишь запечатанные сейфы с ненужными никому древностями, — пошутил Мэл.

— Ого! Он находится внизу? Ты бывал там?

— Хочешь посмотреть?

— Нет, — замотала я головой. — Держаться бы подальше от этих чудес. Помнишь, Лютик рассказывал на лекции, что наука не изучила и десятую часть возможностей артефактов, а оставшиеся девять десятых могут быть очень опасны? К тому же, многие владельцы раритетов не афишируют свои приобретения. Твой дед не боится?

Послышался стук.

— Простите, — сказала Зинаида Никодимовна, наклонившись за упавшей книжкой. Щеки женщины заливала неестественная бледность.

— Вам нехорошо? — озаботилась я. — Вот, выпейте воды.

— Уже прошло, спасибо. Голова закружилась. Обычный приступ вегетососудистой дистонии. Не волнуйтесь.

— Может, вызвать врача? Ну, или выпить какие-нибудь таблетки, — предложил Мэл.

— Да-да, — закивала рассеянно Зинаида Никодимовна. — В моей комнате есть аптечка.

Мэл получил от меня незаметный толчок в бок. Пока гость мужского пола под названием "жених" находится в доме, компаньонка не сдвинется с места и умрет на посту. Пришлось жениху срочно откланиваться, и после его отъезда я проводила Зинаиду Никодимовну до комнаты.

— Давайте вызовем врача. Или скажем Константину Дмитриевичу.

Сегодня дед Мэла поздно вернулся из города и заперся в кабинете.

— Нет-нет. Ни в коем случае, — выпрямила спину женщина. — Мне гораздо лучше. Спасибо, не стоит беспокойства. Спокойной ночи.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Расхаживая по своей комнате, я исходила тревогой. Не стоило оставлять Зинаиду

Никодимовну в одиночестве. Вдруг случится новый приступ, и она не сможет позвать горничную, а время будет упущено? Память услужливо извлекла из дальнего угла картинку мертвой тётки и коробку с лекарствами, до которой та не дотянулась. И я не утерпела. Отправилась к Зинаиде Никодимовне и постучала в дверь. Естественно, Кот пристроился провожатым.

Женщина открыла не сразу. В свете ночника, с распущенными волосами и в халате, наброшенном на ночную рубашку до пят, она напоминала бабу-ягу — старую и седую. Да ведь и у меня похожая седина, — усмехнулась я. Мэл не знает, что помимо прочих сложностей у меня имеются проблемы с цветом волос, и приходится периодически их подкрашивать.

— Как вы? — спросила я у Зинаиды Никодимовны. — Мне не спится. Можно побыть с вами?

Напросилась, в общем. А компаньонка не отказала. Ей хотелось выговориться, об этом шепнула моя интуиция.

Кот тут же забрался в кресло, а Зинаида Никодимовна подошла к окну.

— Чем вы увлекаетесь? — спросила, глядя в темноту за стеклом.

Я в растерянности молчала. У меня одно увлечение — всё, что связано с побережьем. Не считая Мэла, конечно. Он — мой монолит. Точка отсчета моей системы координат.

— Каждый чем-то увлекается. Кто-то любит классическую музыку и находит соратников по интересам. Кто-то увлекается греблей на байдарках и общается с любителями гребли и байдарок. Быть может, организует клуб. Общие интересы сближают, не так ли? — вздохнула женщина. — Интересы могут быть разными — от коллекционирования фантиков до садомазохистских оргий. О, простите, я подразумевала совсем не то. Хотела сказать, что...

— Что диапазон человеческих страстей велик, — подсказала я.

— Да. Увлечение преследует страсть и неважно, к чему.

Зинаида Никодимовна замолчала. Глядя на свое отражение, заправила прядь за ухо.

— Сегодня вы завели речь об артефактах... И сказали правильно. Древности далеко небезобидны. Не представляете, сколько сокровищ скрывает земля, и сколь они опасны. Первые владельцы пользовались ими по назначению, пока в один прекрасный момент диковинные штучки не попали в руки к людям. Мы похожи на мартышек, которые трясут, стучат, прикладывают к уху, грызут, пытаясь добраться до начинки, но зачастую безуспешно. Пользуясь артефактами, мы подвергаем риску себя, наши семьи, нерожденных еще детей, будущие поколения. И не боимся, потому что удивительно безалаберны. Плюем на опасность свысока. А кое-кто даже увлекается коллекционированием древностей. Организует экспедиции, выкупает у владельцев или убивает.

Компаньонка обронила: "охотники", и мое сердце замерло, мгновенно проведя параллель между оборотнями и теми, кто истреблял их веками. К несказанной радости, параллель оказалась ошибочной. Термин "охотники" обрел новое звучание в цивилизованном мире, став клубом по интересам. Вернее, интерес один — артефакты. Членство в клубе получает любой, кто боится страстью к уникальным раритетам. Кто собирает их и прячет в бункерах со сложнейшей охранной системой. Охотники роются в старинных рукописях и манускриптах, выискивают ниточки и следы: карты, свидетельства очевидцев, мифы и легенды, документальные подтверждения... Охотники рыщут по планете — в песках, во льдах, на море и в джунглях... И находят. Охотники продают — охотники же

приобретают. Охотиться за артефактами можно по-разному.

Клуб по интересу. Узкий круг увлеченных людей. Известные коллекционеры, чьими именами пестрят атласы и каталоги. И фамилия Мелёшиных в том числе. Ба, знакомые всё лица. Здесь нет места случайным зевакам.

Фамилия Зинаиды Никодимовны тоже известна... в узких кругах. Вернее, фамилия её семьи — отца, деда и прадеда. Потомственные охотники с наследуемым даром — чутьем на всё необычное. Не те, кто трясется за сохранность бесценных раритетов в бункерах и сейфах, а те, кто выполняет черную работу. Пехота. Работяги... Ищут потерянные города, исчезнувшие цивилизации... И велика вероятность не вернуться назад.

Сначала дед Зинаиды Никодимовны сгинул в тропических джунглях, рассчитывая отыскать остатки древнего поселения змееподобных существ — нагов. Спустя два года дядя с кузеном отправились на север на поиски затерянной ледяной страны, где по преданиям было немало чудес. И пропали. А отец отдал жизнь за идею иначе.

— Каппонанне... Может, слышали? Самый крупный алмаз из всех существующих. Земное воплощение третьего глаза Шивы. Говорят, с его помощью можно открыть дверь в параллельный мир. В бесчисленное множество альтернативных вселенных... И мой отец нашел его. Годы упорных поисков, независимая экспедиция... Он вложил все финансы семьи и выиграл! Каппонанне стал его фетишем... Отец часами любовался камнем. Запирался в кабинете, забывая о еде... о нас. Не знаю, спал ли он. Он стал параноиком. Ему мнилось предательство и наемные убийцы. Однажды отец разругался с мамой и ушел из семьи... Бросил нас и ушел с пустыми руками, зато с Каппонанне в кармане. Мама плакала... Господи, продал бы он этот проклятый камень, и дело с концом! — всплеснула руками Зинаида Никодимовна. По прошествии многих лет нерадостные воспоминания продолжали её терзать. — Отца нашли в трущобах... Истощенного, в грязи и вони... Он повесился. Задушился на батарее... Это когда надеваешь петлю на шею и ползешь в сторону... Ползешь, а петля затягивается... А Каппонанне пропал. Исчез. Следователь сказал, что имело место самоубийство. Сказал, что на лице у отца было нарисовано посмертное блаженство. А я не верю. Его убили! Но ведь закон не перепрыгнешь, — заключила женщина горько. — Отец оставил после себя долги... и имя. Маме пришлось продать всё. Мебель, книги, фамильные вещи... дом...

Зинаида Никодимовна присела на краешек кровати. Потрясши за шнурок, я попросила пришедшую горничную о чае с ромашкой и устроилась рядом с компаньонкой.

— Семейный дар прервался на отце, — продолжила она, теребя пояс халата. — Удача отвернулась от нас. И брат, и я — неудачники. Но лучше быть никем... лучше быть нулем, чем сгинуть бесследно, и во имя чего?... Я ненавижу древности и артефакты. Ненавижу вещи с улучшениями. И волны ненавижу! — воскликнула женщина ожесточенно. — Лучше не знать и не видеть... Спасибо Константину Дмитриевичу, он не оставил нас наедине с горем. Уладил и организовал. Оказывается, есть специальный фонд... Маме, пока была жива, платили пенсию за отца. Константин Дмитриевич регулярно звонил, интересовался делами... Помогал по мелочам... Посодействовал брату с местом в департаменте... Предлагал и мне подобрать партию, но я отказалась, — шмыгнула смущенно. — Не умею изображать чувства по заказу.

Зинаида Никодимовна предпочла частные уроки игры на фортепиано браку по необходимости. И я взяла её за руку — руку уставшей женщины, разочаровавшейся в жизни и людях.

Воцарилось молчание. Каждая из нас задумалась о своём.

— Ваш папа... батюшка, — поправилась я. — Он был знаком с Константином Дмитриевичем?

— Да, причем хорошо. Константин Дмитриевич финансировал несколько экспедиций с участием моего отца. И, надо сказать, тот ни разу не подвел. У отца не было ни одного провала, — сказала компаньонка с гордостью.

После выпитого чая с ромашкой и заверений с моей стороны, что жизнь еще покажет яркие краски, я пожелала собеседнице счастливых снов.

— Простите мою несдержанность, — повинилась Зинаида Никодимовна. — Ваш разговор в библиотеке задел за живое. Мне не следовало...

— Наоборот, — заверила я. — Иногда полезно выговориться. Я чувствую, что ваш батюшка был замечательным человеком и любил вашу маму и вас с братом. Просто ему не повезло с находкой. Вы гордитесь им по праву.

Следствие пришло к выводу, что произошло самоубийство. И покрутило пальцем у виска, когда жена покойного упомянула о Каппонанне. "Вы в своем уме, милочка? Ваш сумасшедший муж мог играть разве что с бутылочными стекляшками, а не с легендарным артефактом. И вообще, разве Каппонанне — не вымысел?" И убийство переквалифицировали в другую категорию. Потому что кому-то было выгодно замести следы.

Мелёшины в роли охотников за артефактами. Щеголяют при галстуках и фраках, а всю грязную работу выполняют такие как отец Зинаиды Никодимовны. Часто страсть перерастает в манию, а желание заполучить уникальность поглощает рассудок. Шантаж, подмены, аферы, обман, убийства конкурентов и случайных свидетелей... Цена высока, как и жертвы. Но стоят ли того раритеты?

Опять же, нож богини Кали вытащил меня с того света. Если бы не находчивость Мэла, я не стала бы невестой, а он томился бы в ожидании свадьбы со Снегурочкой. И Коготь Дьявола... Он тоже спас мне жизнь. А зеркало правдивости? И пророческое око из Атлантиды... За последний год я воспользовалась несколькими артефактами, но куда жива. Двойное чувство. С одной стороны, щекочет страх перед непознанным, превосходящим возможности и достижения человечества. С другой стороны, теплится чувство защищенности и уверенности в будущем.

Беспокойный сон сменился беспокойным утром. За завтраком Зинаида Никодимовна бросала виноватые взгляды то на меня, то на самого старшего Мелёшина. Наверное, хотела признаться в ненужных вечерних откровениях, но я пресекла попытку, ответив ободряющей улыбкой, и сорвалась в институт.

— Гош, скажи... В вашей семье хранится видимо-невидимо артефактов... — начала на перемене после первой лекции.

— Так уж видимо-невидимо? — хмыкнул он.

— Во всяком случае, достаточно. На каждой странице атласа — Мелёшины, Мелёшины, Мелёшины...

— Хочешь знать, кому достанется наследство? — прищурился Мэл.

— Да погоди ты! Не прерывай. И нет, не хочу знать. А есть в вашей семье Каппонанне?

— Что за кракозябра? — изогнул он бровь.

— Гош, твое удивление неискренно. И ты знаешь о Каппонанне больше, чем хочешь показать. Я чувствую.

Мэл поджал губы.

— Ладно, угадала, — признал мою правоту. — Я знаю. Но в нашей семье его нет. Осел в чьей-нибудь частной коллекции. Почему вдруг возник интерес к камню? Хочешь подержать в руках?

— Не хочу! — вспыхнула я. — Спрашиваю просто так.

— Ну да. До сегодняшнего утра ты не слыхивала о нём. Зато на занятии сидела словно на иголках.

Да, сидела и кусала ногти. И едва дотерпела, когда "Эклипс" встанет на прикол у ворот института. Потому что жгло страшное подозрение, не давая покоя.

Не знаю, уместно ли спрашивать об охотниках и о членстве Мелёшиных в клубе. И расскажет ли Мэл? Или аккуратноенько повыпытывать у Константина Дмитриевича? Нет, это глупая и наивная затея. Чем осторожнее я расспрашиваю, тем зорче бдит самый старший Мелёшин. Стоило заикнуться об угрозах Вадима, как он тут же сделал соответствующие выводы и обезопасил парня от моего синдрома. И услал к черту на кулички, куда не дотянется мой дар. А если бы не отправил в ссылку, кто знает, вдруг Вадим, возжаждав стать охотником, взял бы и просто-напросто отрезал мне палец, чтобы снять Ungis Diavoli? А что, синдром и мамонтов валил навзничь, а тут обычный парень с гонором.

— Гош, а зачем всё это? Собирать... Прятать... Бояться ножа в спину... Чахнуть как Кощей над золотом... Оно того стоит?

— Ах, вот ты о чем, — протянул он. — Считаю коллекционирование раритетов вложением капитала. Кто-то вкладывает в недвижимость, кто-то — в акции, а кто-то — в древности. Ну, и пригождается иногда.

Помню и поэтому отведу смущенно глаза.

— Гош, а если получается нечестно? Если убивают и отнимают или крадут?

"Может, и твоя семья использовала подлые способы, чтобы завладеть сокровищами?" — прозвучала недосказанность.

— Брать нечестно — как правило, чревато. Обычно владельцы накладывают смертельные проклятия для желающих поживиться. Так что нечестность выйдет боком, — усмехнулся Мэл. — Ну что, успокоилась?

Успокоилась. Вроде бы.

Но история Зинаиды Никодимовны долго преследовала меня, поселив в сердце грусть.

А за неделю до свадьбы наступило полнолуние. Уж Мэл давал мне наставления, давал. Уж заставлял повторять и репетировать. Всего-то нужно продержаться две ночи и денек промеж них.

Следуя плану, вечером мы поговорили на повышенных тонах, и Мэл уехал, подмигнув мне украдкой перед тем, как за ним закрылась с грохотом парадная дверь. "Крепись!" Изобразив меланхолию по поводу пустяковой ссоры и желание побыть в одиночестве, я отказалась от трапезы в малой столовой и попросила принести ужин в комнату. Зинаида Никодимовна озаботилась:

— Это неправильно. Я могу поговорить с Егором Артёмовичем. Нельзя же так... О переживаний заболят нервы.

Еле-еле мне удалось её отговорить, мол, пусть жених догадается о собственной толстокожести и без чужих подсказок. Краем уха я услышала, как самый старший Мелёшин успокаивал компаньонку:

— Не стоит встречать. Пусть разберутся самостоятельно. Чай, не дети.

А меня знобило и лихорадило. Закрывшись в комнате, я приняла препараты, заранее привезенные Мэлом, и встала под душ.

Вода — ледяная, но мне горячо, и пар поднимается от кожи. Зажмуриваюсь и закрываю уши руками, чтобы спрятаться от рези в глазах и от боли в барабанных перепонках. Разогревшаяся кровь мчится бурлящим потоком по кровеносным туннелям. Мышцы наливаются упругостью, сердце стучит в адском ритме. Там-там-там-там-там... Она просыпается и лениво потягивается.

— Помяни мое слово, эта девочка продержится в семье самое большее с год.

— А мне она нравится. Говорит "спасибо" и всегда здороваается.

Оглушающий фырк.

— Ну и что? На спасибе далеко не уедешь. Нужно быть леди, понимаешь? Это в крови. Вот супруга хозяина была настоящей леди. Королевой, не иначе. А какая ж из этой мышки хозяйка? Она и прикрикнуть не успеет, как сорвет голосок.

Затыкаю уши. Умолкните! Исчезните! Валите из моей головы!

Фу-у, что за вонь? Не знала, что говяжий бульон мерзко пахнет. Обязательно, что ли, варить на ночь глядя? Хотя мясо парное, мням. Вкуснее употребить его сырым.

Зажимаю нос и, не вытираясь, заворачиваюсь в одеяло с головой. Где-то рядом Кот, но мне не до него.

Тело горит. Хочется выгнуть спину и почесаться... вот хотя бы об косяк. И поточить ногти.

Зов вытягивает жилы в струну. Манит за собой, как сырный аромат — мышь.

Скрежет долбит по ушам. Нет, это тихое постукивание. Мэл бросает камешки в окно. Он подставляет лестницу, как уже делал однажды, и бодро взбирается по ней. Когда Мэл достигает середины, мои руки тянутся, чтобы оттолкнуть лестницу от перил. Прочь искушение! Бью себя по пальцам и убегаю в комнату.

Вот и Мэл. Закрыв наглухо балконную дверь, он швыряет сумку в угол и забрасывает подушки в ванную комнату.

— Ну-с, детка, я весь твой. И знаешь, успел соскучиться.

Обегаю взглядом его фигуру и облизываюсь. Сегодня чья-то футболка опять изорвется в клочья. Нет, покромсается на ровные ленточки.

Что ни говори, а это полнолуние вышло легким по сравнению с предыдущими. И хотя луна висела над лесом огромным диском, — протяни руку и дотронешься, — организм, восстановившийся после авитаминозной хвори и апатии, успешно боролся с полиморфной составляющей.

Процесс ежемесячной дрессировки проистекал при полной изоляции. Самый старший Мелёшин уважал личное пространство и не отступил от своих принципов при строительстве дома. После показушной ссоры Мэл сделал вид, что уезжает в столицу, а на деле вернулся по обводной дороге и, оставив машину у запасных ворот, проник на территорию поместья. Он договорился с охранником, и тот сделал снисхождение. Все-таки внук хозяина, а не мимо проходящий ханыга. И, наверное, Мэл пообещал что-то взамен за риск.

Ночь полной луны промелькнула для меня как один миг, а утром, почти потемну, Мэл ушел тем же путем, что и вечером. Запихал безвозвратно испорченную одежду в сумку и сбросил вниз, перемахнув следом через перила.

От меня требовалось совершить героический поступок, а именно без проблем добраться до института. В комнате я напевала, пританцовывая, а вниз спустилась расстроенной и невыспавшейся. И опять отсутствие аппетита, хандра, и обеспокоенная Зинаида Никодимовна.

— Константин Дмитриевич, считаю, что нельзя пускать недоразумение на самотек. Нужно предпринимать меры. У девочки же синяки под глазами, — донесся её голос из малой столовой.

И как компаньонка углядела синяки от недосыпа? Я же в солнцезащитных очках.

— Потерпите. Всё уладится. Милые бранятся — только тешатся, — ответил спокойно самый старший Мелёшин, звякнув чашкой о блюде.

В "Эклипсе" отгораживаюсь матовым стеклом от водителя и охранника. Те чувствуют себя не в своей тарелке. Ерзают и нервничают. Изо всех сил стараются не косить взглядами, но получается неважнецки. Они явно рады, когда поднимается матовая переборка.

Добираемся до института, и охранник выдыхает с облегчением, сдав меня на руки Мэлу, ожидающему на крыльце. Но мы не идем на лекции, а заворачиваем к общежитию и проводим день в нашей квартирке. Я не была на четвертом этаже уйму времени и успела отвыкнуть, но сейчас мне некогда пропитываться ностальгией. Когти чешутся.

Вечером, по возвращению в алую зону, натягиваю на лицо скорбную маску, хотя рот разъезжается в коварной улыбке. Охранник выпрыгивает из машины и, открыв дверцу, протягивает мне руку. Пока иду к дому и взбегаю по ступенькам, он провожает меня взглядом. Я не вижу, но чувствую заливком.

Наша ссора набирает обороты. Мэл отказался приехать на ужин. На Зинаиде Никодимовне нет лица от расстройства. Она переживает за меня. И я переживаю за себя. Самое сложное преодолено. Осталось немного. Вторая ночь всегда легче. Не могу удержаться, чтобы не показать язык, но вовремя одергиваю себя и торопливо взбегаю по лестнице.

Пиликанье телефона. Это Мэл.

— Как ты?

— Чудесно.

Он сглатывает, вслушиваясь. Мурлыкающая игривая интонация заставляет его забыть о собственном имени.

— Запрись и не выходи из комнаты. Скоро буду.

Мэл снова приходит вечером, когда темнеет. Мы похожи на великовозрастных детишек, устроивших шпионские игры.

Потягиваюсь, разлегшись на кровати.

— Я ждала, тосковала... А ты не спешил.

Мэл нависает надо мной и целует в плечо.

— Киса, весна же на дворе. Дни прибывают. Теперь темнеет гораздо позже... Кстати, звонил дед и велел срочно мириться, — сообщает с ухмылкой. — Упаси бог, невеста топнет ножкой и откажется от свадьбы. И потраченное бабло ухнет впустую. Да еще обозвал меня по-всякому.

— Неужели?! — распахиваю глаза. — Твой дед — сама вежливость и корректность.

— Да-да. Он такой. Интеллигент с семихвостой плеткой, — хмыкает Мэл. — Ладно, шучу я. Забудь о нем. Есть дела понасущнее. Как настроение?

Отличное настроение зашкаливало.

Оно разбудило меня рано-ранехонько и вдруг озарило: Мэл ночевал со мной. Спал рядом, прижав к себе, чего уже с месяц не было, потому что нам приходилось уединяться украдкой и впопыхах, не говоря о полнолунии.

А может, глазам помогли открыться чьи-то руки на талии, щекочущее дыхание на виске и легкий поцелуй в щеку? И шепот, брошенный мне спящей. "Люблю тебя"...

Лежа в постели, я наблюдала, как собирается Мэл. Как ходит туда-сюда, насвистывая. Сначала в душ — видна полоска света из-за приоткрытой двери. Затем сборы. Мэл застегивает манжеты у рубашки, надевает галстук, пиджак, глядя в окно и о чем-то задумавшись. Целует меня и, забросив сумку на плечо, уходит на балкон. До чего романтичный момент.

Откидываюсь на подушку и смотрю в потолок. И хочу крикнуть: жизнь прекрасна! Невыносимо, болезненно прекрасна. Солнце еще не показалось из-за кромки леса, но край неба посветлел, погасив точки звезд, поэтому рассветные сумерки наполняют комнату таинственностью. В сонной тишине алой зоны слышны соловьиные трели. Удивительнейшие мгновения. Непонятно, откуда, но неожиданно приходит музыка. Играет скрипка. Смычок ходит, извлекая ноты, и они переплетаются, смешиваются, взлетают и распускаются райскими цветами.

Это мое сердце. Оно поет, вторя соловьиным руладам. И я не удивлена.

На соседней подушке осталась вмятина. Вдыхаю запах, который вобрала наволочка, и укладываюсь на неё щекой, обнимая подушку и прижимая к себе.

В приоткрытую балконную дверь доносятся приглушенные голоса, и тянет сигаретным дымом. Вскакиваю, и наскоро напялив халат, выбегаю на балкон. Черт, снаружи еще не лето. Деревянный настил холодит босые ступни, и я встаю на цыпочки, поджимая ногу цаплей. Внизу Мэл и трое мужчин. Это охранники. Компания курит, переговаривается и тихо посмеивается. Один из мужчин — начальник охраны.

Мэл поднимает голову, а следом и его собеседники.

— Здравствуйте, — говорю растерянно. Мужчины смотрят с любопытством, но почти сразу же отводят взгляды. Я кутаюсь в халат. Майские утра в алой зоне — прохладные, но мне зябко не от свежести начинающегося дня, а от интереса, промелькнувшего в глазах охранников. Чистого мужского интереса, с каким оценивают женщину, с балкона которой только что свалился любовник.

— Эва, возвращайся в дом, — велит Мэл. — Всё в порядке.

— Ну что, идем? — спрашивает начальник охраны. Мэл бросает бычок в траву, и компания идет... не по дорожке к запасным воротам, а к крыльцу. К парадным дверям!

Вылетаю из комнаты, забыв закрыть дверь, и бегу по коридору. Вниз, босиком по лестнице. Кот несется следом, распушив хвост.

Не успеваю, не успеваю! Добегаю до кабинета и распахиваю закрывающуюся перед носом дверь. Здесь и Мэл, и охранники, и самый старший Мелёшин. Он при полном параде, но без пиджака. Совсем, что ли, не спит ночами?

Охранники покидают кабинет, а Константин Дмитриевич подходит к столу, обрезает ножницами кончик сигары и аккуратно прикуривает. Обогнув стол, устраивается с комфортом в кожаном кресле с высокой спинкой. Он выпускает дым изо рта и смотрит на нас.

Только теперь я замечаю, что стискиваю руку Мэла. Мой мужчина подпирает шкаф и поглядывает на старшего родственника с веселой ухмылкой.

— Ну-с, любезный, и каким словом предлагаешь назвать обезьянье лазанье по балконам дам? Решил податься в циркачи? Устроил ребяческое представление, пустил пыль в глаза надуманной ссорой. И Эву Карловну подначил. Что, терпежа нет?

Константин Дмитриевич зол, хотя и сдерживается. Его посмели обвести вокруг пальца, проигнорировав предупреждение о "конфетно-букетном" периоде.

— Это не он, это я! — заявляю горячо. От волнения комната пляшет перед глазами, но я полна решимости отстоять Мэла. Ведь из-за моей полиморфности его отчитывает глава клана и, возможно, накажет, потребовав кабальное обещание или клятву.

— Тише, Эва, — успокаивает Мэл. — Иди наверх, полежи. Еще рано. Успеешь посмотреть парочку снов.

— Нет, я с тобой.

— Эва Карловна, прислушайтесь к совету Егора и ступайте. А нам предстоит серьезный разговор.

Да, вежливый у Мэла дед. Интеллигент. Но сегодня в его руках семихвостая плетка и сталь в голосе. Любезности исчерпали себя.

Неуверенно смотрю на своего мужчину.

— Иди, Эва. Я позвоню, — успокаивает он.

Ухожу, оглядываясь напоследок. Мэл усаживается в кресло, нога на ногу. Прикрываю дверь и замираю в надежде услышать хоть слово. Глухо. В смысле, полная герметичность и полная тишина. Плетусь наверх, останавливаясь на каждой ступеньке, и Кот плетется по пятам.

Вот стыдобень! — вдруг доходит до меня. Нас застукали с поличным! Репутация невесты повисла на волоске, как и репутация благочестивой Зинаиды Никодимовны. Заодно под угрозой и репутация самого старшего Мелёшина, устроившего в своем доме гнездо разврата. А ведь мой отец ему доверял. Разрешил ненаглядной доченьке погостить в алой зоне, а оказалось, что у дочурки низкие моральные принципы. Я подвела Константина

Дмитриевича. Он думал, что будущая невестка сына — настоящая леди, а на деле я не лучше базарной торговки. Может, признаться в двойственной сущности, пока мнение обо мне не упало ниже минусовой отметки?

Долго лежу в постели. Ворочаюсь, но мне не спится. Выхожу на балкон, рассчитывая поймать момент, когда Мэл пойдет по дорожке к запасным воротам. Ведь его машина осталась у леса. Мэл не появляется, и я вялой мухой собираюсь в институт.

И завтракаю неохотно. Аппетит, обычно пропадающий во время полнолуний, не спешит восстанавливаться. Наивная Зинаида Никодимовна с заботой в голосе интересуется здоровьем и состоянием отношений с женихом. самого старшего Мелёшина нет, и его отсутствие радует. От стыда я готова провалиться сквозь пол, сразу в подвальную прачечную. Неужели мужчины до сих пор беседуют?

Нужно бы отправляться в институт, но я тяну время. Однако ни Мэла, ни его деда не видно. Через силу волоку ноги к машине, и не успеваю "Эклипс" вывернуть из алой зоны на оживленную трассу, как раздаётся телефонное пикиканье. "Мой Гошик" звонит!

— Как ты? Удалось вздремнуть? — спрашивает как ни в чем не бывало.

Поспешно отгораживаюсь матовой переборкой от водителя с охранником.

— Спрашиваешь! Я думала, дед закопает тебя прямо в кабинете. Ты выжил? И где ты был? Я не видела тебя.

— Машину отогнали к главным воротам. Поговорили с дедом, и я уехал.

— А охранники? Их наказали? — приходит мне в голову.

Вдруг их уволили за сговор с Мэлом? Почему-то не сомневаюсь, что самый старший Мелёшин крут на расправу. Точнее, справедлив, в особенности когда пытаются его дурить.

— Наказали материально, но они не внакладе. Я им компенсировал.

Это хорошо.

За окном мелькают здания. "Эклипс", миновав магистраль, въехал в город и несется по направлению к институту.

— Знаешь, Эва... Я тут подумал... В общем, с сегодняшнего дня и до свадьбы — у нас с тобой ничего такого. Вообще.

— То есть как вообще? — туго соображаю с утра. Вдруг вспоминаю, что спала этой ночью от силы три часа.

— Вот так. Ни целоваться, ни погорячее.

Я ошарашенно внимаю. Наверное, это новое требование самого старшего Мелёшина. Его ультиматум. Соображаю: неделя — много или мало? С учетом пережитого полнолуния до свадьбы осталось шесть дней, после которых я стану замужней женщиной. Женой Егора Мелёшина. Супругой Егора Артёмовича Мелёшина. О-о-о-о! Смотрю на нечёткое отражение в стекле и погружаюсь в пучину страха и мандража. Ну, какая из меня супруга? Сплошное недоразумение. Хорошо одета? Да. При причёске и макияже? Да. Держусь уверенно и высокомерно? Да. Но день Икс надвигается, и я дрожу запуганным серым зайчишкой. Или нет, трепещу как осиновый листок.

Мэл погорел на мелочи. Выезжая по рани из алой зоны, он едва не столкнулся с машиной замминистра обороны, возвращавшегося из Дома правительства, но вовремя вильнул в сторону. Незадачивый водитель остановился и, убедившись в том, что не причинил вреда пассажирам встречи, принес извинения. Замминистра пожурил Мэла, похлопав по плечу, и при случае похвалил самого старшего Мелёшина, у которого вырос

ответственный и совестливый внук. И закрутилось. Волей-неволей охранникам пришлось вспомнить о своих обязанностях, правда, Мэлу позволили покинуть будуар дамы, то есть мою комнату, не став поднимать шум на весь дом.

Дед взял Мэла на слабо. Обозвал несмышленным переростком, который думает не тем местом. Вернее, вообще не думает. И еще много чего говорил, но суть получилась такова: Константин Дмитриевич разочаровался во внуке, уверившись, что тот не продержится и недели. Силы воли не хватит. "Слабак. Я сомневаюсь в том, что ты Мелёшин" — этими словами закончился в моем воображении разговор Мэла с дедом.

Нам предстояло прожить эту неделю поврозь. То есть мы бы виделись в институте и сидели рядом в столовском общепите, но максимум, что дозволялось — держаться за руки аки невинные одуванчики. Да уж.

— Гош, я не смогу. Не выдержу, — промямлила убито.

— Выдержишь. Мы оба выдержим. Плевое дело, — отозвался он небрежно. В конце концов, ему бросили перчатку. И чтобы Мэл да не поднял? — И вот еще что. Осталось уладить небольшую формальность. Нужна твоя подпись на проекте брачного контракта... Алло!.. Алё, Эва! Не слышу тебя. Связь, что ли, пропала... Перезвони.

— Спятила?! — обрушилась на меня Вива. — Подписывай, не раздумывая.

Вот уже с час шла генеральная примерка свадебного платья, и всё это время личная стилистка ругалась, не переставая. Разумеется, когда не зажимала ртом булавки.

— Соображаешь или нет? Похоже, не соображаешь. Мозги, что ли, высохли? Тебе предлагают полное содержание! На каждого рожденного ребенка — отдельный банковский счет!

— А в случае инициации развода с моей стороны — потеря родительских прав на каждого рожденного ребенка, — понизила я голос, скосив глаза на телохранительницу из дэпов, замершую у двери.

— Не успела выскочить замуж, а уже о разводе подумываешь? — Стилистка уперла руки в бока. — А кто пел о любви до гроба?

— Ничего я не думаю. Просто... В договоре есть раздел о моем праве на пользование семейными реликвиями. А зачем они мне? Мне Гошик нужен, а не артефакты и недвижимость.

— Неизлечимая балда, — покачала головой Вива. — Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Ты должна заранее подготовить пути отступления. К примеру, цацки, купленные на твое имя, останутся при тебе в случае развода. Так что тяни из муженька камешки покрупнее и побольше.

— Не совсем так. В договоре прописано: если развод произойдет по моей инициативе, то драгоценности, приобретенные в браке, становятся собственностью мужа, а те, что приобретены до брака... Тьфу! — сплюнула я в сердцах. — Если Мэл потребует, отдам всё, мне не жалко. Меня унижает сам факт. Получается, мы не доверяем друг другу.

— У меня голова заболела от твоей философии, — отмахнулась девица. — Лучше глянь и зацени.

Она подкатила большое зеркало на колесиках, выгнутое в виде полукруга, чтобы я могла созерцать себя со всех сторон, в том числе и со спины.

Несмотря на многоступенчатый фатиновый подъюбник с гибкими кольцами и метры тканей, истраченных на наряд, свадебное платье получилось легким, почти невесомым, потому что Вива использовала материалы с улучшениями.

— Оно будет волочиться по земле и соберет подолом всю грязь, — отметила я, крутя головой.

Конечно, соберет. Погода решила испортить мне свадьбу, напустив на столицу пасмурный фронт. Зарядили дожди переменной интенсивности, а вчера напомнил о себе первый майский гром.

— Не соберет, — уверила стилистка. — В модели использованы ткани с эффектом мгновенного самоочищения. К тому же, платье не мнется. Не забудь, через два дня ты записана в косметический салон. На полный набор процедур.

— Можно подумать, после свадьбы жизнь закончится, — пробурчала я, смотрясь в зеркало. Вива превзошла саму себя. Платье выглядело сногсшибательно, но пока что оно — как футляр. Предстоит дополнить образ прической, макияжем и прочими сопутствующими деталями.

— А если споткнусь? Оно же длинное.

— А как ходили в старину? Это сейчас юбки — выше задницы, а в прежние времена женщины надевали одежду до пят. И вообще, чем ты недовольна? — пожала плечами Вива. — Длинное платье — классика. У тебя не тот статус, чтобы щеголять в эксцентричных моделях. Взять, к примеру, киноактрису Мими Момо. Шлейф её свадебного платья составил пять метров. И ничего, справилась. А твой шлейф гораздо короче и снимается. Для гражданской церемонии — самое то, а перед банкетом отстегнем часть верхних юбок.

К слову, Вива приняла приглашение с порхающими амурчиками, но в качестве личной стилистки. Она собиралась следить за моим внешним видом, чтобы я получилась идеальной невестой за всю эпоху свадебных торжеств. Моей свадьбе надлежало стать триумфом, застолбившим имя Вивы в мире моды и стиля на веки вечные.

— Простая как пробка, — заключила Аффа. — Подписывай. Зная тебя, предвижу, что инициатором развода тебе не бывать. Чего боишься?

— Ничего. Договор сделает наши отношения коммерческими, — вздохнула я. — Почему нельзя жить без юридических бумажек? Зачем прописывать права и ответственность? И вводить в обязанность условие любви и уважения. Любой брак и так строится на них.

Хотя нет, не любой. В мире Мэла нет места чувствам. Серьезные отношения опираются на контракты и договора.

— Вот вы с Симой будете составлять брачный контракт?

— Сравнила комарика с медведем, — усмехнулась девушка. — Во-первых, Сима не заикается о женитьбе. А во-вторых, если он предложит подписать бумаги вроде тех, что тебе всучил Мелёшин... я... я обижусь.

— Вот видишь!

— Так то ж Сима. У него ни кола, ни двора. А тебе нужно втиснуться в семью Мелёшиных и выгрызть лучшие куски в свою пользу.

— Зачем?

Аффа простонала в голос. Наверное, и глаза к потолку возвела, но по телефону не видно.

— Сама разбирайся со своим Мелёшиным, коли воспринимаешь хорошие советы в штыки.

Она отключилась, а я еще долго смотрела на погасший экран. И ведь ни одной путной мысли в голове. У Басты и спрашивать нечего. Сестрица Мэла посмотрит на будущую невестку как на умалишенную и покрутит пальцем у виска.

До свадьбы осталась неделя, и я прожила её, погрязнув в вихре предсвадебных приготовлений, потому что учеба отступила на дальний план.

После памятного полнолуния Константин Дмитриевич не упрекнул меня в безнравственном поведении, перевалив всю вину на внука. Ну да, ведь из нас двоих у Мэла есть мозги, потому что он — мужчина. А я всего лишь породистая кобылка, хотя и немножко слепенькая.

В институте Мэл передал папку с проектом брачного договора.

— Пустячная формальность, — повторил он. — Подпиши на каждой странице, и я отдам отцу, чтобы юристы оформили, как следует.

Я пролистала. Нехило. Страниц двадцать, не меньше, и шрифт меленький, убористый. И

что же потребуется от меня, как от примерной жены? Обязанность подарить клану наследника? А если не получится родить, к примеру, в первые пять лет брака, то тогда адъёс, семейка возьмется за поиски другой кандидатки, с широким тазом и отсутствием ангельского проклятия в крови? А если наследник пойдет по моим стопам и не сможет видеть волны? Тогда его признают незаконным и лишат права на ношение дефенсора?

— Когда требуется дать ответ?

— Крайний срок — вечер накануне свадьбы. Эва, ты хмуришься... Тебе не нравится? Это типовой договор, в нем нет невыполнимых условий.

— Разве нельзя обойтись без него?

— Так принято, — развел руками Мэл. — Не заморачивайся, в договоре нет подводных камней.

— Мне нужно изучить, — поджала я губы.

Весь день дулась на него, и в последующие дни меня переполняло раздражение. Когда Мэл пытался приласкать ладошку под столом, я выдергивала руку, делая вид, что увлечена лекцией. Надо сказать, Мэл четко придерживался нового правила: между нами — ни-ни. В любое другое время мягкие прикосновения его пальцев погрузили бы меня в негу и заставили забыть о конспектировании. Но не сейчас. Папка с бесконечным количеством мудреных пунктов давила щепетильным подходом к институту брака.

— Как дела? — спрашивал проникновенно Мэл, звоня вечерами. Он перестал приезжать в алую зону на ужины, зато общение по телефону не возбранялось.

— Договор читаю, — отвечала я сухо.

— Сдался он тебе. Подпиши, и дело с концом, — отозвался Мэл с ноткой раздражения. — Давай лучше займемся чем-нибудь другим.

В любое другое время я томилась бы по нему и не отлипала бы от телефона, сокращавшего расстояние между нами и дававшего иллюзию присутствия Мэла в комнате. Но не сейчас.

— Нет, прости. Мне нужно изучить свои права, обязанности и ответственность. Очень заумно написано, сразу не понять.

— Издеваешься, да? — вспыхнул он. — По договору от тебя ничего не требуется, зато от меня потребуется много чего.

— Вот об этом и хочу почитать.

— Ну, читай, читай, — обронил Мэл и рассоединился.

А я в который раз открывала скучную-прескучную папку и пыталась усвоить трудноусваиваемые юридические термины. Имущество, приобретенное до брака, имущество нажитое... Доходы, предметы роскоши, вещи индивидуального пользования... Недвижимость, драгоценности, артефакты... Согласие на крупные сделки и покупки... Контроль расходов... Условия расторжения брака... Условия отчуждения...

К свадьбе от родителей жениха доставили гарнитур из колье и клипс. С документами на мое имя, но на фамилию: "Мелёшина". Мелёшина Эва Карловна. Колье белого золота состояло из цепочки, к которой крепились зубчатые кружочки со стилизованными волнами внутри, оправдывая название комплекта: "Океан". Всё бы ничего, но в гарнитуре насчитывалось пятьдесят сапфиров разных оттенков и около ста бриллиантов различной степени каратности и огранки.

— Какая красота! — ахнула Баста, вовремя нагрывшаяся в гости, а я, остолбенев,

установилась на сияющее волшебство. — Глянь, это Боччи, известная ювелирная марка, — ткнула она в скромный значок на крышке футляра. — Я подслушала, что папандер заказал гарнитур полгода назад, когда Гошка сделал тебе предложение. Эвочка, ты всех сокрушишь! — Сестрица Мэла бросилась обнимать меня.

А мне срочно захотелось охладиться под ледяным душем. Дорогуший подарок означал завершающую точку. Меня признали в семье. Я стала частью большого клана.

Потребовалось приложить немалые усилия, чтобы закрыть футляр. Взгляд цепенел против воли, застревая на сверкающем великолепии. Драгоценности, стоившие запредельные суммы, ювелиры предпочитали не подвергать улучшениям. Благородство камней оценивалось по их натуральности без искусственных прикрас.

— А где платье? — спросила Баста разочарованно.

— Привезут утром, перед регистрацией, — пояснила я. Личная стилистка не доверяла никому, даже себе боялась доверять.

От моего родителя тоже доставили презент — в бронированной машине с вооруженным сопровождением. К свадьбе папенька подарил диадему с бриллиантами и комплект булавок для волос с бриллиантовыми головками. В документах на владение значилось: "Мелёшина Эва Карловна". Сговорились они, что ли? Намекают, что путей для отступления нет?

Футляры с драгоценностями я отдала самому старшему Мелёшину, попросив о сохранности. Так мне будет спокойнее. Константин Дмитриевич согласился, но на будущее порекомендовал приобрести вместительный и надежный сейф.

— С запасом, — сказал с легкой улыбкой, а я чуть не подавилась языком.

Господи, прошу, поверни время вспять. Хотя бы на полгода назад.

Но время неумолимо текло, причем в одном направлении.

В алой зоне появился и распорядитель свадебного банкета, он же распорядитель гражданской церемонии. Очень энергичный, плотно сбитый мужчина средних лет. Бек Чубук-Заревич. А что? Вполне. Живут же люди с такими именами и фамилиями, и ничего.

— Бек. Просто Бек, — склонился мужчина к моей руке. — Я не так уж стар, чтобы добавлять отчество к имени.

Зинаида Никодимовна кашлянула со строгим видом, но распорядитель не смутился и объяснил, с какой целью, собственно, приехал в поместье. Оказывается, свадьба — не только праздник. Это работа. И мне предстояло потрудиться, как и Мэлу.

Прежде всего, Бек рассказал о гражданской церемонии и для наглядности нашел в атласе архитектурных чудес столицы Городскую управу. Здание, окруженное каймой искусственного канала, напоминало цветок лотоса. У меня закружилась голова от подробностей, в коих распорядитель описывал последовательность операций: как правильно выйти из лимузина; куда меня проводят для последних приготовлений; с какой скоростью переступать ногами, чтобы не упасть в объятия жениха прежде, чем доиграет музыка; как принимать поздравления непосредственно в управе, а затем в банкетном зале, куда пожелует основная часть гостей; как благодарить за внимание к первому в нашей совместной жизни торжеству; сколько официальных фотографий будет сделано; каковы протокол свадебного банкета и содержание меню.

Таким образом, чтобы не ударить в грязь лицом перед общественностью и достойно войти в семью Мелёшиных, надлежало постараться. Хотя бы для того, чтобы не разочаровать маму Мэла, уделившую близящейся свадьбе немало сил и времени.

Однажды перед завтраком у меня состоялся приватный разговор с самым старшим Мелёшиным. Если Вадим отчалил на восток страны, можно ли вручить Зинаиде Никодимовне приглашение на свадьбу? Ведь место гостя всё равно пустует.

— Очень хочется видеть её в числе приглашенных, — добавила я.

Константин Дмитриевич не стал спорить и пообещал уладить шероховатости в кратчайшие сроки. В тот же вечер я отдала компаньонке именную пластиковую карточку с амурами. Поначалу женщина категорически отказалась. Я было подумала, что она заподозрила меня в жалости, ведь получить приглашение за пару дней до свадьбы — моветон.

— Единственное, о чем сожалею — это о том, что мы познакомились всего лишь месяц назад, — внушала я. — Но благодарю судьбу за наше знакомство, пусть и запоздалое. Буду безмерно счастлива видеть вас на свадьбе.

Занятия психологии не прошли даром, и Зинаида Никодимовна, уступив напору, со вздохом приняла приглашение. Как оказалось, она переживала не о дурных манерах, а об унылом позоре в своем старушечьем наряде. И опять я заверила компаньонку, что "усё будет в лучшем виде".

Мне пришлось прогулять занятия накануне свадьбы, дабы в косметическом салоне довести тело до совершенства. Тоска зеленая, в общем. Утром, по пути в салон, я попросила водителя завернуть к институту.

Мэл ждал на крыльце. Охранник затормозил на ступеньках, переминаясь в ожидании.

— Вот, — протянула я папку. — Извини.

— Почему? — спросил Мэл, сворачивая в трубочку проект договора.

— Подписав, я признаю, что не доверяю тебе. А я верю. И если когда-нибудь наступит момент, когда мы... когда ты и я... Значит, это судьба. Я отпущу... отдам, всё, что потребуешь... Гош, я не претендую. Мне не сытая жизнь нужна, а ты, понимаешь?

Мэл смотрел на голубей, пьющих из лужи, и хмурился.

— Нет, не понимаю. Одно другому не мешает. Этот договор гарантирует стабильность и защитит.

— От кого? От тебя?

— От несправедливостей этого мира.

— Не волнуйся, я справлюсь. И не подпишу, потому что верю в тебя. Но, выходит, ты не веришь мне. Свидетельства о браке недостаточно, и ты хочешь подстраховаться.

— Черт, Эва, нет же! — взъерошил волосы Мэл. — Ну, почему, ты такая сложная?

— Да, сложная. Тогда зачем подписывать? Для галочки, потому что принято в твоём кругу?

— Потому что может случиться так, что я умру раньше тебя. И с чем ты останешься? С чем останутся наши дети?

— Об этом в договоре не упоминается, — растерялась я. — То есть, как умрешь?

— Значит, ты не дошла до нужного раздела, — усмехнулся он. — В нем оговариваются условия наследования в случае скоропостижной кончины, если отсутствует завещание.

Не сдержавшись, я дернула, чтобы обнять Мэла, и он взял мои руки в свои.

— Никаких смертей, слышишь? Скоропостижных, запланированных и так далее. Ни раньше, ни позже. Не смей оставлять меня.

— Эва, не плачь... Ну вот, завтра свадьба, а у невесты опухший нос... Смотри, нас снимают репортеры.

Уговоры не помогли, и Мэл потянул меня за колонну, подальше от прицелов видео- и фотокамер.

— Где у тебя платок?

— Не знаю... не помню... в сумочке, наверное...

Он долго рылся в сумочке, невнятно ворча, прежде чем протянул искомое.

— Спасибо, — высморкалась я.

— Ох, Эва, Эва... Ладно, поговорю с отцом. Объясню ему, но не уверен, что он поймет.

— И тогда свадьба отменится?

— В твоих глазках сверкнула надежда, — улыбнулся Мэл. — Не рассчитывай. Без договора в спорных ситуациях придется брать за основу гражданский кодекс.

— Собрался спорить в суде о пригоревшем омлете? — возмутилась я, забыв о слезах.

— Всё-всё, я понял, Эвочка. Степень пригорелости омлета будем осуждать в тесном семейном кругу... Так-с, значит, сегодня у нас по плану мальчишник. А у вас?

— А у нас девичник, — шмыгнула я носом.

— Ты же говорила, что проведешь вечер дома, то есть у деда, — удивился Мэл.

— Говорила. А теперь передумала.

— И куда? В смысле, с кем?

— Не всё ли равно? Это моя последняя незамужняя вечеринка. Кстати, помнишь о звонках?

Неделю назад мы договорились, что в последние сутки перед свадьбой наступит зона телефонного молчания. То есть Мэл и я временно забудем друг о друге. Для остроты ощущений, так сказать.

— Помню, — ответил Мэл неохотно. — Скажи хоть, где планируешь повеселиться?

— Не знаю. Определимся по месту.

— С Афкой?

Я кивнула.

— Ладно. Это мы решим, — пробормотал он и прикоснулся губами к моей лапке. — Ну, бывай, что ли, невеста?

— Увидимся, женишок, — послала я воздушный поцелуй, а Мэл поймал.

После разговора о брачном контракте с моих плеч упал тяжелый груз. Я и не заметила, что порхаю, беспричинно улыбаюсь и напеваю. И вдруг остро почувствовала, что мне не хватает Мэла, что все эти дни мне не доставало его присутствия. Черт, и зачем я согласилась на телефонное молчание? "Эклипс" не добрался до салона, а мой палец успел раз десять потрогать значок вызова. Желание увидеть лицо Мэла на экране и зацеловать на расстоянии росло как на дрожжах. Вместо этого я выбрала веселую рожицу, складывающую губки бантиком, выставила число повторов — сто, интервал отправки — две секунды и выбрала в меню: "Отправить". Ну, и пусть проиграла сразу же. Зато счастлива!

Мэл собрался оторваться в "Вулкано", а мы — чинно и благородно — в "Инновации". Мы — это я, Аффа и Вива. Стилистка, изменив принципу несмешиваемости личного и делового, решила расслабиться. Ведь завтра предстоял насыщенный и трудный день. Я пригласила и Басту, но, узнав о дэпах в качестве надсмотрщиков, та кисло отказалась, извинившись.

— Достали они меня. Превратились в ежедневный непрекращающийся кошмар, — объяснила сестрица Мэла причину отказа. — Сочувствую тебе. Ни стриптизера, ни раздеваний на спор, ни купаний в фонтане из шампанского.

Я, конечно же, поблагодарила Басту за понимание, но не прониклась соболезнованиями. Наверное, потому, что наша маленькая компания умела считать деньги, предпочитая разумные и полезные траты пустому швырянию висов налево и направо.

Местом девичника стали центр столицы, закрытая зона в "Инновации" и два дэпа по разные стороны от дивана, застывшие статуями. Но Аффа и Вива обращали на бугаев в черных костюмах ровно столько внимания, сколько внимания уделяют мебели. Аффа, прежде не бывавшая в именитом кафе, изучила обстановку и осталась довольной увиденным. Вива же вела себя так, словно завтраки и ужины в "Инновации" являлись для неё доброй традицией.

Ну и пусть нас не развлекал стриптизер, а чуткие уши дэпов улавливали каждое слово. Зато мы вдоволь навизжались, загрузив программу с иллюзиями. Испробовали на себе всевозможные вариации, входящие в меню кафе: прыгали с огромной высоты в бурлящий водопад, летели над землей на гигантском орле, парили в космосе и погружались в океанские глубины. Стены и пол закрытой зоны исчезли, явив бескрайние просторы. Иллюзии получились настолько достоверными — ветер в лицо, привкус соли на губах, шум прибоя, крики птиц, метеоритные течения, — что мы почти потерялись в реальности. Почти — потому что Аффе периодически названивал её парень Сима и отвлекал. Сначала в подробностях выпытал, где мы, с кем мы и как мы. И потом донимал звонками: как сидится-естся-пьется и развлекается; как нас обслуживают; не пристают ли незнакомые парни, пытаясь завязать знакомство; не случилось ли какое-нибудь ЧП. И так далее, и в том же духе.

— Симка! — рявкнула девушка после десятого или пятнадцатого звонка. — Тебе там весело? Весело. Вот и нам не мешай веселиться, а то отключу телефон. Всё, досвидос... Бывают же люди, — проворчала она, убирая телефон. — Между прочим, это твой Мелёшин его подначивает. Почему тебе не звонит, а через Симу спрашивает? Ведь вместе же развлекаются.

Потому что Мэл придерживается правил установленной игры. А у меня с утра щекочет под ложечкой. Скоро, скоро... Уже завтра... Осталось меньше суток до того момента, когда жених подхватит невесту на руки.

— Ох, и налопалась я, — откинулась Аффа на спинку дивана. — Суперски!

— Учти, если завтра платье не сойдется, переделывать не буду, — объявила мне Вива. — Сама виновата. И так растолстела как сарделька. Капельки пьешь?

Пью, пью. Ударными дозами. Иначе не сидела бы здесь и не веселилась, а загибалась бы от волнения и панического страха.

— Не объедайся на ночь и постарайся выспаться, — посоветовала девица. — Ну,

запасли жирок, пора и закругляться. Предстоит великий день.

Она права. Завтра самый старший Мелёшин спозаранку отправит в столицу машину, которая привезет Виву в алую зону, и стилистка приступит к облагораживанию моего образа. А Афф с Симой подтянутся к Городской управе на гражданскую церемонию. Как-то так. Завтра в это же время я буду глубоко замужем.

Вечером я вышла на балкон. Дождь словно поджидал меня и тут же зарядил — сначала на грани слухового восприятия, а чуть погода припустил. Воздух пах хвоей и влажной свежестью. В лесу заухал филин и смолк.

Константин Дмитриевич сказал, если завтра тучи не разойдутся, над домом установят непромокаемый вис-козырек, чтобы невеста дошла до лимузина, не промолив ножки и не испортив прическу. А я устала смущаться и неловко блеять, мол, не стоит беспокоиться и волноваться. Не сахарная, не растаю.

А еще в груди зрела неудовлетворенность. Казалось бы, программа завтрашнего дня распланирована поминутно, и сбоев быть не должно. Недоразумение с брачным контрактом улажено, и Мэл согласился с моим мнением. Но вместо того, чтобы последовать совету Вивы и лечь в постель, я пялилась в уплотняющуюся темноту.

Правду говорят, что вечером мысли окрашиваются в иные тона, нежели днем. Теперь условия брачного договора не казались мне унижительными. Наоборот, на первый план вылезли угрызения совести. Меня приняли в большую семью: мама Мэла, сбилась с ног, устраивая торжество по высшему разряду, отец Мэла не поскупился на дорогущий свадебный подарок, дед Мэла приветил меня в поместье как желанную гостью, да и прочие родственники отнеслись без неприязни. И чем отблагодарила я, строптивая шмакодявка, возомнившая о себе невесть что? Не представляю собой ничего примечательного, зато дерзость и гонор лезут как каша из кастрюли. Выпендрёжница. Конечно же, ни Ираида Владимировна, ни Мелёшин-старший слова мне не скажут и не станут поучать и воспитывать, но им будет неприятно. В качестве невестки я и так не ахти, вдобавок веду себя высокомерно. Как сказал Мэл, договор — пустая формальность. Разве с его подписанием что-либо изменится? Наоборот, мой мужчина взвалит на себя ещё больший груз ответственности. А вот я могу не оправдать надежд семьи. Вдруг родится не наследник, а дочка, похожая на меня? Девочка, которая никогда не увидит волны...

Замужество — это не только я и Мэл. Это его семья, заведенные традиции и обычаи. Уважение к старшим, дружеские отношения с кузенами и кузинами, почтительность к дядьям и тетушкам, подарки на дни рождения племянников и племянниц.

Если в обществе узнают, что я топнула ногой, закапризничав, Мэла назовут подкаблучником. Тюфяком, который не может сладить с женой. А что говорить о подчиненных, которые когда-нибудь появятся? Руководство компании, наоборот, понизит Мэла в должности и ни за что не доверит серьезные задания.

Отвратительно, в общем. Где мой телефон?

— Эвка! — протянул родной голос, теряясь в музыке и гаме. — Не утерпела-таки.

— Не утерпела. Развлекаешься?

— Ага. Ревнуешь?

— Вот еще. Хотя Макес и проболтался Аффе, что ты нанял парочку стриптизерш.

Мэл увесисто выругался, прикрыв микрофон, но я расслышала.

— Эвочка, я ж не для себя заказал, а для... для веселья! Для друзей.

Попробовал бы он заказать для себя. Ух, я бы тогда примчалась в "Вулкано" и устроила повторный апокалипсис. Но мое доверие сильнее.

— Я, собственно, не за этим звоню. Если хочешь, подпишу договор.

— Серьезно?! — Похоже, Мэл протрезвел.

— Серьезнее не бывает.

— Что изменилось?

— Ну-у... Произошла переоценка ценностей.

— За один день?

— Чему удивляешься? Мы, девушки, существа легкомысленные. Меняем мнение по десять раз за час.

Мэл помолчал. "Я поделюсь с тобой экстази на кончике языка..." — надрывался певец на заднем фоне.

— Ловлю на слове. Курьер доставит пакет через час. Смотри, не усни до его приезда.

Меня кольнуло разочарование. Согласился. Не стал отговаривать от поспешного шага.

Кольнуло и пропало. Всё правильно, сомнений нет.

— Не волнуйся. Дождусь.

— Странно всё это, — хмыкнул он. — Наверное, пила и не закусывала.

— Знаешь, что! Жду твоего курьера ровно час, а потом ложусь спать, и до утра меня пушками не разбудишь.

— Уже бегу, кисуля, — ответил Мэл шутливо.

Ну-ну. Сколько же литров спиртного он выхлестал?

Курьер появился в алой зоне через пятьдесят минут. Невозмутимый молодой человек из адвокатской конторы, одетый в строгий костюм, несмотря на позднее время. Он терпеливо ждал, пока я подписывала листок за листком, в присутствии Зинаиды Никодимовны и начальника охраны. Они стерегли меня в четыре глаза. Вернее, оберегали.

А на завтра была свадьба. Нет, не так. Назавтра была Свадьба.

Была Вива, выгрузившаяся из машины с объемистой сумкой и платьем в черном чехле. Для стилистки выделили малую гостиную на первом этаже, и Вива строго-настрого запретила посторонним входить и отвлекать по мелочам. Она собиралась творить сказку.

Сегодня Золушка выходит замуж за Принца. Сегодня её ножки примерят хрустальные туфельки, а кожу обласкает белье из нежнейшего шелка.

Вива выпотрошила сумку, вывалив гору флакончиков, бутылочек, тюбиков, карандашей и прочей косметической мелочевки. Удивительно, как она умудрялась находить нужную вещь в куче мале. Стилистка трудилась над моим обликом не меньше пяти часов. Пару раз в малую гостиную приносили подносы с завтраком, но Вива, увлекшись, забыла о еде, я же забыла о перекусе от волнения. Омлет остыл, как и кофе со свежее испеченными булочками. Ломтики буженины потаскал Кот, прохаживавшийся кругами по гостиной.

В промежутке между наведением экстракрасоты Вива помогла мне надеть, застегнуть и прикрепить. Наконец, она отошла в сторону. За каждым её ухом торчало по две кисточки.

— Бесподобно, — поцокала Вива языком. — Наслаждайся.

И я насладилась.

Насладилась совершенным, не моим лицом. Насладилась сложной прической с добавлением искусственных прядей, закрепленных бриллиантовыми булавками. Насладилась диадемой, к которой крепилась фата из кисеи, украшенной искусным

кружевом. Вива трудилась над ней полтора месяца. Насладилась и платьем. Лифом из атласа с гипюром, удачно подчеркнувшим грудь и сузившим талию, и верхней пышной юбкой из органзы, расшитой серебряными нитями. Юбка струилась, опадая волнами и укрывая пол, отчего создавалось впечатление, будто вокруг меня белопенное море. И сама я плыла, точно на волнах. И сверкающее кольцо — куда же без него?

Мастерство Вивы воссияло немеркнувшей звездой. Однако любование в зеркале вышло каким-то отстраненным. Словно это не мое отражение, а чужое. Нарядили куклу, чтобы развлечь толпу, и кукла вышла на редкость исключительной.

Я могла бы упиваться обликом, созданным стилисткой. Я стала бы вторым в истории Нарциссом, правда, женского пола. Но валящая с ног красота легла поверх тела, не сумев пробиться к душе. Неужели внешний лоск так важен? Очевидно, кому-то важен.

У входа ждал лимузин — белый и длинный. А еще прислуга в полном составе, Зинаида Никодимовна и самый старший Мелёшин. И солнце на голубом небе. Ни облачка, лишь белый раскаленный диск в зените.

— Смотри, и погода на твоей стороне, — заметила Вива. — Наверное, специально для тебя разгоняли тучи.

Произведенное впечатление оказалось достаточным, чтобы после потрясенного ступора собравшиеся захлопали, отбивая ладоши, в том числе и хозяин поместья. Когда я аккуратно спустилась по ступенькам, он поцеловал мне руку и проводил к распахнутой двери лимузина.

Помимо меня в салон забралась Зинаида Никодимовна, дед Мэла и Вива. Всю дорогу стилистка поправляла, разглаживала и распрямляла несуществующие складки на платье, чтобы оно смотрелось выигрышнее. Константин Дмитриевич сидел напротив и посматривал то в окно, то на нас с Вивой, старательно сохраняя серьезный вид. Зинаида Никодимовна глядела на меня как клуша на ненаглядного птенчика, прижав ладони к груди. Сегодня она выглядела замечательно, как и полагается светской даме слегка за тридцать. Ведь утром вместе с Вивой приехала стилистка из её салона, специально нанятая для моей компаньонки.

До Городской управы покатали и две машины сопровождения, взявшие наш лимузин в тиски. По мере приближения к центру города кавалькада выросла. Сзади и на соседних полосах движения пристроились автомобили, с которых, по всей видимости, велись репортажи в прямом эфире. Несколько раз параллельно с лимузином равнялись мотоциклисты, чтобы сфотографировать или снять на видео, но из-за затемненных стекол в машине попытки оказались бесполезными.

Испытывала ли я тщеславное удовольствие оттого, что поездка к Городской управе напоминала длинный караван? Наоборот, хотелось стать меньше ростом и забиться под сиденье, а лучше бы превратиться в невидимку. И все хотели посмотреть на меня, словно на уродца в цирке.

— На, положи под язык, — протянула Вива небольшой пакетик. — Это успокоительное. А то порвешь раньше, чем доедем.

Только сейчас я заметила, что нервно тереблю кольцо.

А у Городской управы — машин, машин... Немерено. Вся площадь занята автотехникой. Территория огорожена заборчиком, возле которого прохаживаются дэпы. Уйма дэпов. По

три человека на квадратный метр. А за оградой — народ. И зрителей без счету, и журналистов... И камеры, камеры...

Лимузин замедлил ход, остановившись у ступеней управы. Первой выпорхнула Вива, проигнорировав помощь распорядителя, следом из салона выбралась Зинаида Никодимовна, а после неё — самый старший Мелёшин. Он протянул мне руку.

И тут я испугалась. Сколько раз мы обсуждали с Константином Дмитриевичем мой синдром, и столько раз дед Мэла уверял, что свадьба пройдет без сучка, без задоринки, и волноваться не о чем. Но сейчас руки судорожно вцепились в обивку сиденья, угрожая поломать ногти и испортить дорогостоящий маникюр. Сегодня здесь собралась уйма народу — и на площади, и в Городской управе. И потом, в банкетном зале яблоку будет негде упасть. Мой синдром почует раздолье и начнет косить слабаков направо и налево. Несчастья обеспечены.

— Ну же... Смелее! — улыбнулся открыто дед Мэла, и я нерешительно вложила свою ладонь. Наше появление на ступенях Городской управы встретили взбудораженным гвалтом, криками и свистом.

— Всё по плану. Жених уже здесь, гости проверены по списку, до начала церемонии — десять минут, от графика не отстаем, пресса прошла инструктаж, люди расставлены, — сообщил бодренько распорядитель самому старшему Мелёшину, шагая с ним вровень.

Нас проводили в комнату ожидания. Вива не могла успокоиться и без конца расправляла фату и шлейф у платья, пока распорядитель не увел стилистку насильно. Появился мой отец, пожал руку Константину Дмитриевичу, и тот ушел.

И мы остались с отцом одни.

Бек сказал, нужно подготовиться. Когда заиграет музыка и откроются двери, я ухвачусь за подставленный локоть родителя, и папенька отведет меня к Мэлу, чтобы сдать с рук на руки. Как сокровище. Или как обузу.

Мы ждали, секунды текли. За дверьми шуршали, двигали стулья, переговаривались, покашливали. Нет, звуков я не слышала, их рождало мечущееся воображение.

И тут отец согнул руку в локте. Мои пальцы задрожали, ухватившись за рукав. Мой отец во фраке и с бабочкой! Никогда прежде родитель не находился на столь близком расстоянии. Никогда прежде не вторгнулся в личное пространство, в пределах шага. А, нет, исключение составила прошлогодняя фотосессия, во время которой папенька прижал меня к себе — исключительно для получения удачного снимка.

Отец молчал, тоже прислушиваясь к звукам за дверями.

Я — его плоть от плоти, кровь от крови. Сегодня он выдает меня замуж. Разве не к этому результату он шел в течение долгих лет, надеясь, что когда-нибудь безродный слепой котенок окупит вложения?

Был ли прав Мэл, сказав, что отец давным-давно сделал выбор за меня, решив, что лучше стать свободной лгуньей в висоратском мире, нежели жить в заточении на побережье и подвергаться регулярным унижительным проверкам? Где, по мнению отца, дышится слаще: на Большой земле или там?

Секунды застывшего ожидания... Они стали мгновениями нашего торжества. Только сейчас я осознала, что все эти годы отец безмерно рисковал — именем, семьей, чином. Ходил по лезвию бритвы, в шаге от гильотины... Притворялся и изворачивался, подтирал и замазывал. Подчищал и переписывал заново. Подкупал. Прогибался... И тянул меня, тянул. Вверх, к солнцу... Тощий хилый росток... Сплошное недоразумение. Бесперспективное

убожество... Может, виной тому мой синдром? Грандиознейшая афера века началась чуть меньше двадцати лет назад, когда маленькую серую крыску привезли в поселковую глушь к женщине во вдовьих одеждах, и закончилась безумно дорогим платьем с бриллиантами. Он и я. Мы покорили этот мир, добравшись до вершины.

Но мне не нужна незаслуженная роскошь, не нужны привилегии и власть. Мое счастье — с Мэлом в общежитской квартирке. Или на краю света. В богатстве и в бедности. Я умудрялась выжить на восемь висоров в неделю, а сейчас на мне — целое состояние. Зачем это представление? Для кого? Для прессы и охочих до сенсации обывателей? Не хочу фальши и притворства!

Внезапно отец накрыл мои пальцы ладонью и сжал. словно почувствовал: еще миг, и невеста сбежит, сорвав фату.

От неожиданности я вздрогнула всем телом. Родитель повернулся, чтобы что-то сказать, как вдруг глухо зазвучала музыка, и резные двери потемневшего дерева медленно отворились, начиная сказку. Красная ковровая дорожка убегала вдаль. Туда, где ждал Мэл. Туда, где оглядывались гости, выворачивая шею.

Мы двинулись по широкому проходу, и нас встречали, вставая.

Шаг, второй, третий... Дэпы* по обе стороны прохода... Журналисты... Еще шаг, следующий... Дорожка бесконечна, а музыка вот-вот кончится... Нет, орган играет... Торжественно. Величественно. Вот он, наш королевский финал... О чем я думаю? Ни о чем. В голове сквозняк. Ноги машинально переступают, лица слились в пестрое пятно.

Вот и Мэл — в черном костюме и с бабочкой. До чего хорош, словами не передать. А может, я соскучилась?

— Tradiri tu. Possidori.^[40]

— Subira^[41].

Отец исчез из поля зрения. Остался лишь Мэл и его восхищение.

Мои руки и его — вместе.

В уши вторгается бубнеж — что-то о крепости и нерушимости семейных уз, о святости и таинстве брака, о смирении и покорности... Ничего не понимаю. Не вникаю. Не откладываете на подкорке. Безотрывно смотрю в глаза Мэла — внимательные и... смеющиеся.

— Согласны ли вы...?

О чем это? Да, да, согласна, не мешайте. (Аффа потом сказала, что я ответила, опередив жениха).

И Мэл кивает, подтверждая словесным "да".

В обзор попадают два кольца. Мэл берет то, что слева, и надевает мне на руку. Смотрю зачарованно на золотые звенья и не сразу соображаю, что от меня ждут того же.

— Эвочка, — шепчет Мэл, показывая глазами на поднос.

Поспешно надеваю второе кольцо на безымянный палец Мэла, и буквы сигнализируют: "ЭваЭваЭваЭва...". Потому что мой и больше ничей.

Алая атласная лента с вышитыми заповедями любви, понимания и уважения перевязывает наши руки крест-накрест. Мгновение — и она испаряется голубым облачком.

— Можете поцеловать жену, — бубнит монотонный голос, и Мэл наклоняется, чтобы прикоснуться к губам. Меня простреливает от макушки до пят.

А потом свадебный марш, рис и просо, и дождь из розовых лепестков... И поздравления... Цветы. Море цветов... Вспышки... Первые тосты... Пьют ледянос

шампанское, звеня бокалами... Пожимают руки... Обнимают... Целуют в щеку... В обе щеки... Всплескивают руками... Прوماкивают глаза платками...

Вот и ступени... Мэл, подхватывающий меня на руки... Рев толпы, крики, свист... Вверх взмывают воздушные шары. Целый легион.

— Зачем в небо? — спрашиваю я. Ведь бессмысленно.

— Золотко, всё продумано, — улыбается Мэл. И верно, зрителям раздают шары — белые, красные, голубые... Всех цветов радуги.

Мэл несет меня к лимузину.

— А теперь — кататься.

И точно, банкет начнется через час. По расписанию.

И был банкет. Но прежде, в лимузине, мы нацеловались до умопомрачения, пока водитель кружил по городу. Мэл пытался поднять юбки у платья, но оставил пустую затею, потому что запутался.

— Черт, Эва, тебя упаковали как капусту. Между прочим, эта неделя вышла нелегкой, — пожаловался он. — Фантазии замучили, подлюки. Не давали покоя ни днем, ни ночью. Например, чтобы попробовать вот так, на ходу, и чтобы ты была в белом платье.

— Прости, милый. Вива не предусмотрела армейский вариант.

— То есть?

— Чтобы я смогла разоблачиться и одеться за сорок секунд. В ее понимании невеста должна оголять прелести постепенно. Брачная ночь — это священнодействие.

— О-о-о! — простонал Мэл, возведя глаза к потолку салона. — Дай мне силушки вытерпеть. Кстати, буквально полчала назад кое-кто перешел из категории невест в категорию жен.

— А жених превратился в мужа, — добавила я.

— И нужно отметить наш новый статус, — заключил супруг, доставая из встроенного бара пузатую бутылку.

Мы пили шампанское и смеялись, смеялись. Мэл рассказывал о мальчишнике и подколках друзей, о том, как сегодня с утра не мог найти бабочку и вызывал Мака на помощь, и они искали вдвоем по всей квартирке, даже в душе посмотрели, а потом приехал Дэн и привез другую, свежкупленную бабочку взамен потерявшейся. Мэл рассказал и том, как в управе ему пришло в голову, что я сбегу со свадьбы на середине пути, и сгоряча он чуть не натворил делов, забыв, что меня сопровождал его дед.

А еще я с особым вниманием разглядела кольцо, которое Мэл надел на мой безымянный. Нет, теперь он не Мэл. Он Егор. Мой муж и законный супруг.

Кольцо, выполненное в виде толстозвенной цепочки, плотно обхватило палец — не снять. Сплюснутые звенья представляли собой повторяющиеся буквы: "М", "Е", "А". Инициалы Егора. Выходит, мы оба — собственники и оградили свою территорию от чужих посягательств. Вот хотя бы золотой цепью на пальце.

Банкет прошел при наплыве дэпов и прочих работников Объединенного департамента правопорядка, причем о цели пребывания последних я имела смутное представление. Однако асы охранного дела умели быть незаметными, делая своё дело. Празднество прошло без неприятных эксцессов, стимулированных моим синдромом. Правда, однажды потянуло горелым, а в другой раз образовался затор в дверях среди официантов, который быстро рассосался не без помощи дэпов.

Убранству банкетного зала стоило бы посвятить отдельную хвалебную песнь. Просторное помещение утопало в цветах, сияло хрусталем и сотнями электрических свечей, размножившихся в зеркалах. В витражах менялись пасторальные картинки на свадебную тематику. С потолка, украшенного лепниной, гипсовые амурчики сыпали иллюзорными цветами и выпускали радужные салюты.

Несмотря на скопление народа, праздник прошел на удивление гладко. Распорядитель выложился на сто десять процентов, проявив незаурядные организаторские способности.

И Царица прибыла на банкет ("На сессии поблажек не ждите" — предупредила, принимая приглашение), и Франц-Иосиф Брокгаузен, и старичок-академик, и Стопятнадцатый. Последний увлеченно беседовал с Зинаидой Никодимовной, чье место оказалось подле декана. И Улий Агатович, с которым я не виделась больше года, отсалютовал мне бокалом шампанского. И Аффа с Симой не отказались прийти, и Капа тоже. Парни выглядели солидно и незнакомо в костюмах и при галстуках. Макес и Дэн тоже появились, оба под руку с дочками высокопоставленных чиновников. И Семуты посетили банкет, и старшее поколение семьи Мелёшиных, и многочисленные родственники по линии Егора, а по линии Влашеков — поменьше родни. И начальство моего мужа пожаловало, и известные политики, и приятели Егора по школе и неформальным сборищам. А Альрик не пришел. У него нашелся повод — улаживание семейных дел в другом городе, куда профессор улетел на выходные.

— Скатертью дорожка, — сказал Егор, узнав о записке с отказом и вежливым сожалением, присланной в алую зону три дня назад. А я ничего не сказала, но сердце неприятно зануло.

Нас с Егором посадили во главе стола, а родителей — подле, причем родители Егора заняли места по левую руку от меня, а отец и мачеха — со стороны моего мужа. Му-жа. Звучит необычно и непривычно. Но это фигня. В гораздо большей степени меня волновало присутствие Мелёшина-старшего, оказавшегося под боком. Хорошо, что банкет прошел оживленно и шумно, и приходилось то и дело отвлекаться от пугающего соседства, принимая и отвечая на поздравления. Пожелания счастья, любви и благополучия лились потоком, и новообразованная ячейка общества благодарила и благодарила, у меня аж рот онемел, и свело скулы.

С Вивы не сходила озабоченность. Улучив минутку, стилистка подбежала ко мне, чтобы поправить и подмазать, но распорядитель банкета чутко следил за беспокойной девицей и препровождал на место.

Баста цвела как майский розан, и даже присутствие троюродного кузена в качестве спутника не умерило её пыл. Всем своим видом сестрица Егора демонстрировала намерение оторваться на свадьбе старшего брата. Баста показала мне большой палец. "Во! Ты самая суперская невеста" — означал жест. Спору нет. Поэтому Егор не сводит с меня глаз и держит за руку.

Семейство Влашеков прибыло на банкет в полном составе: отец, мачеха и сестра с братом. Жена папеньки, как и было обещано, вернулась из Моццо к свадьбе, но я отметила, что курортное лечение сказалось на женщине странным образом. Мачеха сидела так, словно в позвоночник воткнули кол. Она не заразилась весельем, витавшим в воздухе, зато задерживала взгляд на фужерах и графинах и, казалось, шевелила губами, разговаривая сама с собой. А еще демонстративно отворачивалась от зеркал, но исподтишка косила глазами.

Свадьба обладает особой, неповторимой энергетикой. Это вам не скучный деловой обед или юбилей престарелой тётушки. Когда официальная часть закончилась, стартовала часть неофициальная. Бек заранее предупредил, что подобная практика обычна для свадебных торжеств. Начались конкурсы и розыгрыши, танцы и фотографирование для семейных альбомов и потомков. У меня заболела шея, устав поворачиваться то влево, то вверх, то в наклон по требованию придиричивого фотографа.

Часть приглашенных откланялась по окончании официальной части, но большинство гостей осталось. Для их развлечения устроили шоу мыльных пузырей. Пузыри, надутые из

улучшенной мыльной пены и укрепленные с помощью заклинаний, не лопались, а носились над головами, покорные воле дирижера. Он стоял в центре зала и с помощью двух палочек управлял сонмом дрожащих переливающихся оболочек. Те склеивались и разлеплялись, образуя причудливые фигуры, и зрители ухахатывались, когда над потолком возникали силуэты невесты или жениха или кого-нибудь из гостей, весьма похожие на оригиналы. В завершение номера пузыри образовали большое сердце, пронзенное стрелой, лопнувшее с треском и с разноцветными искорками. Егор тут же встал передо мной на колени и картинно изобразил местонахождение раненого сердца, приложив ладонь к груди. Под общие аплодисменты, разумеется.

Затем под потолок выпустили кучу воздушных шаров со спрятанными внутри сюрпризами и предложили мужчинам добыть сокровища с помощью рогаток. Кто больше наберет, тот и выиграл. Оказалось, в шарах прятались речные жемчужинки, а победителем стал Капа Чеманцев. Егор тоже поучаствовал и вручил мне парочку перламутровых жемчужин в декоративных раковинах.

Потом мы кормили друг друга свадебным тортом, но с завязанными глазами и без хитрых уловок вроде помощи волн. Уляпались оба и отмывались от сливочного крема в туалетной комнате, успевая целоваться.

В апогее праздника я бросила с закрытыми глазами свадебный букет, который поймала одна из незамужних кузин Егора. Следом молодой супруг стянул зубами подвязку с моей ноги под свист и улюлюканье. Для соблюдения приличий кружевной аксессуар красовался под коленкой и не выше. Егор зашвырнул подвязку через плечо, и она упала в руки опешившего Макеса.

Ближе к вечеру яркость ламп пригасили, и зал украсился иллюминацией и подсветкой. А чуть погодя, в начавшихся сумерках, у Банкетного дворца устроили грандиозный фейерверк, и по его окончанию я почувствовала, что мои силы на исходе. Наступил момент, когда веселье перешло в пытку. Да и дед Егора заметил, что молодоженам пора отчаливать.

У выхода ждал "Эклипс" Константина Дмитриевича, а в багажнике лежали заранее приготовленные сумки. Но прежде родители Егора и Влашеки получили от нас пламенную благодарность за блестящую организацию свадьбы. Точнее, меня переполняли эмоции, выбившие слезы признательности, а Егор попрощался по-деловому: пожал руки мужчинам, облобызал ручки дамам, а маму вдобавок поцеловал в щеку.

И мы поехали. Точнее, нас повез шофер. Я заметила, что машина вывернула с кольцевой магистрали на восточную трассу.

— В Моццо? — спросила сонно, устраиваясь на плече Егора.

— Почти, да не совсем, — сказал он, обняв меня.

Мы ехали, за окном темнело, а мои глаза слипались. Я смутно запомнила, как автомобиль остановился, и Егор, подняв меня на руки, понес по ступенькам в открытую дверь. Он уложил на что-то мягкое и воздушное, наверное, на облако. Чертыхаясь, освободил от платья, а я помогала спросонья неловкими руками, зевая во весь рот. И провалилась в сон, потому что день выдался длинным и богатым на события. Перенасыщенная психика попросту отключила сознание.

Вот тебе и брачная ночь. Пусть это понятие — условность для нас, всё ж от традиций нельзя отступать.

Зато утро получилось очень даже брачным.

— Эвочка... — промурлыкал голос Егора над ухом. — Эвочка, — повторил

требовательнее. — Женщина! Хочу кофе в постель. Жена ты мне или не жена?

— М-м-м... тоже хочу кофе, — перевернулась я на спину и потянулась. — Видишь, покорная жена во всем соглашается с мужем.

— Ах, так? Ладненько. Кофе подождет. А пока займемся изучением предела супружеской покорности.

И его руки принялись исследовать части тела, как спрятанные под бельем и чулками, так и не спрятанные.

— Ё-моё... продрых всю ночь... как цуцик... а под боком такое... сокровище... грелось, — поведал Егор с перерывами. Потому что и губами тоже исследовал.

В общем, когда все формальности, сопутствующие вхождению в семейную жизнь, были полностью соблюдены, время на часах перевалило далеко за полдень. А еще выяснилось, что "Эклипс", добравшись ночью до Моццо-2, миновал горнолыжный курорт и двинул дальше, по горной долине, доставив нас к месту назначения, "в таежную глушь". Вернее, не совсем в глушь, а в комфортабельное шале со спальней, гостиной и кухонной зоной.

— Ближайшие соседи — в пятистах метрах, — пояснил Егор, разлегшись на кровати. А куда торопиться? Вместо медового месяца нам выделили три медовых дня, и Стопятнадцатый пообещал, что прогулов не будет. К тому ж за окном временной супружеской спальни лило как из ведра. Вот тебе и майское солнышко.

— А где водитель?

— В Моццо-2, - пояснил Егор. — Вместе с машиной. Если потребуется, вызову его по телефону.

Как убить свободное время? Валяться в постели и делать новых людей, чем мы и занялись, не мешкая, потому что лично я истосковалась по Егору. Даже бессмысленное лежание на кровати, обнявшись с ним, действовало на меня сродни чудодейственному стимулятору.

Место для медовых дней оказалось очень романтичным. Позже, когда стих дождь и прояснилось, мы прогулялись. Но сперва я навела порядок в спальне, заодно уложив свадебное платье и убрав драгоценности в небольшой сейф в гостиной. Егор научил меня пользованию бронированным ящичком, показав, как правильно устанавливать и менять пароль.

К вечеру заметно посвежело. На склонах старых заросших гор высились частоколом шиши елей. Разлапистые кедры лениво шумели, сбрасывая с ветвей дождевую морось. Шале, жавшееся к старой сосне, выглядело таким миленьким домиком из сказки. И даже кирпичная труба с зонтиком торчала — дымоход от камина. Несмотря на близость к первозданной природе, цивилизованностью сквозило на каждом шагу. Тропинки, посыпанные песком и щебнем, впитывали влагу и не давали раскисшей грязи налипать на обувь. Ровный ковер из молодой травки указывал на то, что полянки засеивали отборными семенами для дерна. Низенький плетеный заборчик огораживал растения и кустарники, выросшие не по велению природы, а с помощью человеческих рук. Резные деревянные фигурки, расставленные вдоль дорожек, стали маячками, доведшими до небольшого озерка с прозрачайшей водой и каменистым дном.

— Жаль, похолодало, — поежился Егор. — Вообще-то в долине снег тает раньше, потому что горы с двух сторон. А еще бьют горячие источники, и здешние озера не замерзают зимой.

Чудесное место. Здесь воздух пронзительно чист, и легкие ломит от избытка кислорода.

Здесь тишина звенит, точнее, поет голосами птиц и показывает восходы и закаты, раскрашивая небо невообразимыми красками.

У мостков покачивалась привязанная лодка, и мы немножко поплавали по озеру, надев спасжилеты. Правда, "плавали" — громко сказано. Егор повозился с веслами и раздраженно отбросил:

— Что за древность? Две минуты погреб, а уже мозоли на руках. Сюда бы двигатель и полный бензобак, тогда житуха пойдет.

Ага, мотор затарахтит на всю округу, и девственный лес провоняет выхлопами.

Покачиваясь на волнах и любуясь нежной изумрудностью ершистых лиственниц, я только теперь ощутила в полной мере, что всё закончилось. Подготовка к свадьбе, державшая меня в напряжении, зрела как гнойный нарыв, который наконец-то лопнул вчера, принеся выздоровление. Итогом болезни стало кольцо на безымянном пальце, а отношения с Егором перешли на иной уровень, узаконивший наши притязания друг на друга.

Перед сном Егор ловко выудил из моих рук пакетик с порошком:

— Он не понадобится. Выбрасывай нафик.

— То есть как? — растерялась я.

— Эвка, теперь ты замужем. У нас семья, а в семье должны быть дети.

Понятно. То есть непонятно. Первый шаг сделан, свадьба состоялась. Значит, предстоит второй шаг — рождение наследника?

— Мы же студенты... И не факт, что сразу получится, — проямлила, смешавшись. В голове промелькнул образ Ясинки, дочки Марты и Олега. Только в роли мамы — я.

— Студенчество — временная пора. Через два месяца окончим институт и привет, вольная жизнь. А получится или нет — уж доверь это дело мне, — усмехнулся Егор.

Выкинув пакетик в мусорную корзинку, он взял со столика упаковку с саше.

Я запаниковала. Получается, после замужества молодая супруга обязана, не мешкая, подарить мужу ребеночка для укрепления брака. Протестую! Об этих правилах семейной жизни меня не предупредили, предлагая руку и сердце. К тому же, на носу последняя сессия, а затем поиски работы. И вообще...

— Гош, на побережье отсутствует профессиональная медицина, а я не хочу рисковать. Давай поговорим о ребенке... когда вернемся на Большую землю.

Егор задумчиво повертел коробочку и вернул на столик.

— Хорошо, — согласился ровно. — Поговорим, когда приедем назад. А как собираешься предохраняться там?

Действительно, как?

— Возьму порошок с собой.

— Не разрешат, — покачал он головой. — Однозначно.

— Ну-у... Мы ведь ненадолго поедем... На месяц-другой, да? — сказала я неуверенно. — И вернемся в любой момент, если возникнет повод.

Егор молчал, хмурясь.

— Гош, тебе не нравится идея с поездкой? Пойми, я не могу иначе. Я никогда не скрывала, что хочу увидеть маму. И поеду к ней, даже если ты решишь остаться здесь.

В этот момент согласие и понимание в нашем маленьком мирке повисли на волоске. Что скажет Егор? Поставит очередной ультиматум или изъест меня ворчанием и недовольством? А может, отпустит на побережье, оставшись на Большой земле?

Но он хмыкнул и поцеловал меня в нос.

— Знаю, что бесполезно сворачивать тебя с намеченного пути. Ехать — так ехать, а по месту поглядим, что к чему. Всегда успеем вернуться. Берегись, Эвочка, в нашем роду и двойни получались.

Вот так я избежала счастья принудительного материнства. Вернее, отсрочила. Ведь на побережье нет современных средств контрацепции, и поэтому стоит задуматься о народных способах.

На следующий день из Моццо-2 приехал "Эклипс", и мы отправились на фестиваль близнецов, устраиваемый ежегодно на горном курорте. Несмотря на неудачу с непогодой (небо снова нахмурилось к обеду), мероприятие прошло на ура. В шествии участвовали двойняшки, тройняшки и даже четверняшки, вырядившиеся один другого ярче и крикливее. Например, два деда с длинными бородами — точные копии друг друга — одетые аквалангистами. Или рыжеволосые девочки с одинаковыми косичками торчком — попробуй-ка найти отличия. Великаны баскетбольного роста, объемистые матроны, бодрые старушки, малышата, замаскированные божьими коровками, девушки в смешных костюмах инопланетянок и другие участники запрудили улицу.

Невзирая на столпотворение и присутствие журналистов, мы остались неузнанными. На нас не обращали внимания и не показывали пальцами, потому что героями дня стали другие. И то славно. Скоро озверею от публичности.

Во время шествия возникла непредвиденность. Один из участников забрался на машину, декорированную лебедем, и полез на шею "птицы". Примеру смельчака последовали прочие доморощенные акробаты, и в результате конструкция не выдержала, развалившись с грохотом. Хорошо, что зрителей и участников не прибило, но паника поднялась знатная. Егор скоренько отвел меня в безопасное место на взгорок, подальше от толпы, и всунул в руки бинокль. Ясно, ясно, всему виной мой синдром.

Вечером, разлегшись на ковре у зажженного камина, мы дурачились и потягивали вино. Танцующие тени на стенах и потолке, и запах горячей древесины превратили гостиную в таинственную пещеру.

— Смотри, дерево отдается огню, как женщина отдается мужчине. Страсть отбушует, и останутся угли...

— Эвка, отпусти бокал. Тебе вредно пить. Начинаешь философствовать, и я чувствую себя идиотом. Лучше отдайся мне, полешек. Хочу вкусить бушующую страсть.

Да пожалста. С удовольствием.

В последний медовый день мы опять приехали в Моццо-2, чтобы покататься на лыжах. Да-да, на пластиковых травмоидах и человекоубийцах. И середина мая нам не помеха. Горнолыжный спуск, укрытый прозрачным куполом, уходил в далекую даль, и у меня подкосились колени. Заранее. Искусственный снег не таял, благодаря минусовой температуре, поддерживаемой в закрытом пространстве. Егор рвался опробовать трассу, а я страдальчески вздохнула, потому что умудрилась забыть: моему мужчине чужд застой в мышцах.

— Может, я на подъемнике? — показала лыжной палкой на пустые сиденья, едущие вниз.

Но Егор сказал: "нет" и, на удивление, не бросил меня, а взялся обучать. Правда, вскоре

плюнул, поняв, что затеял гиблое дело, и мы перешли на другую сторону горы — кататься на надувных санках. Снегу наелись до отвала, потому что много смеялись. Здорово: ветер в лицо, ускорение и крепкие объятия мужа.

К вечеру небо очистилось от облаков, и потемну мы вышли из домика, чтобы полюбоваться звездами. Роскошное зрелище. Молочные брызги, куда хватает глаз. Где-то гуще, где-то реже. словно неизвестный художник напшикал из пульверизатора краской на темно-индиговый холст.

— Сделай *luxi sandi*^[42], - попросил Егор. Он обнимал меня сзади, прижимая к себе. — Давай-давай, не дрейфь.

Заклинание подчинилось не сразу и вышло слабеньким и кривокосым, давая не желтый свет, а поносно-зеленый, зловеще осветивший полянку. Егор сдавленно хмыкнул. Через мгновение рядом загорелись два ярких огонька.

— Ну его, — дернулась я, чтобы уйти в дом.

— Эвка, я горжусь тобой, — сказал муж торжественно.

Чем гордиться-то? Косенькое убожество через полминуты потухло, истаяв, а *luxi sandi*, созданные Егором, заливали полянку волшебным светом и не думали загибаться.

— Я создаю заклинания как само разумеющееся, а ты, не видя волн, творишь настоящие чудеса, — пояснил он, и в голосе прозвучало восхищение. — Легко и просто любой дурак сможет.

— И тебе нисколечко не стыдно за меня?

— Нисколечко. Хочешь, поклянусь?

— Нет. Спасибо, — расчувствовалась я и предложила великодушно: — Могу создать *piloi sandi*^[43].

— А... э-э-э... знаешь, Эвочка, поздно уже. Пойдем-ка в постельку. Кстати! Тут чумовая ванна. Сто лет не мылся в ванне. Всё душ да душ.

— Видела и уже опробовала.

— И молчала? — притворно возмущился Егор. — Давай вместе её обкатаем.

— Не. Маленькая она. Не поместимся, — ответила я авторитетно.

— А мы рискнем, — потянул он к крылечку.

Ванна, и правда, оказалась вместительной. Самое то на двоих.

Три медовых дня пролетели, уложившись в одно мгновение, и мы возвратились в город. Семей. Прихватили Кота из алой зоны (перед свадьбой я предупредила усатого о временной разлуке, и, кажется, он понял), сдали на хранение драгоценности и, забрав мои вещи, отправились домой, в общежитие. Перед отъездом я поблагодарила Константина Дмитриевича за гостеприимство. Дед Егора оказался радушным хозяином, и время, проведенное в алой зоне, запомнится мне надолго.

— Что ж вы прощаетесь так, словно мы больше не увидимся? — улыбнулся самый старший Мелёшин. — На свадьбе я дал себе обещание, что женю вашего первенца.

Я покраснела, а Егор кашлянул.

— А если родится дочь?

— Тем лучше. Как оказалось, весьма волнительно выдавать замуж. И предсвадебные хлопоты стали приятными.

При упоминании о приятных хлопотах некстати вспомнилась поимка Егора под балконом моей комнаты, отчего щеки разгорелись сильнее.

— Кот не докучал? — спросила я, переводя разговор в другое русло. Усатый дрых в кресле, развалившись на спине.

— Наоборот. Оказался на редкость самостоятельным животным. Подозреваю, он нашел подружку среди местных кошек и пропадал у неё. Появился за полчаса до вашего приезда.

Ох, и бабник, — посмотрела я с укоризной на Кота, но тот не внял, потому что крепко спал. Пришлось взять его на руки, чтобы донести до машины.

— Может, заболел? — спросила я озабоченно, когда мурлыка сонно потянулся на заднем сиденье.

— Скорее, перетрутился, — хмыкнул Егор, заводя "Турбу". — Ну, что, домой?

В столицу и в институт мы вернулись законной ячейкой общества. И стали жить как полагается, без притворств и прятков.

После свадьбы жизнь понемногу устаканилась, войдя в прежнее русло, но я еще долго оглядывалась с удивлением по сторонам, потому что всё вокруг виделось мне в непривычном свете.

В сравнении с просторами поместья наша квартирка на четвертом этаже показалась маленькой, а кровать — тесной.

— Давай купим широкую, — предложил Егор после ночи бессонного ворочанья в панцирной полуторке. Ворочалась я, а он спал как убитый.

— Мне и так хорошо.

— Вот упрямая. Вижу же, что неудобно, — не отставал Егор.

Бесполезно. Нет, и всё. Нам не привыкать к узким пространствам, тем более в обществе любимого мужчины.

По возвращению в общежитие мне пришлось забыть об изнеженных ручках и заняться уборкой. Ибо при всем чистоплюйстве муж ни разу не взял в руки тряпку, увязнув в холостяцкой грязи. Пришлось подумать и о нестиранных рубашках, которых накопилось столько, что короб для грязного белья раздулся шаром. И о кормежке для Кота пришлось подумать, а еще об ужинах, обедах и завтраках. Хотя на завтраках и обедах я не заикливалась. Пожизненная льгота в виде огненных талончиков обеспечила нас, лентяев, правом бесплатного питания в институтской столовой. Набрал полный поднос и, поев, унес тарелки на мойку. Ни забот, ни хлопот.

В средствах массовой информации фееричную свадьбу пообсуждали пару недель, а потом истерия пошла на спад. И журналисты перестали дежурить у института круглосуточно, покидая пост на ночь. В общем, относились к обязанностям спустя рукава.

Вскоре после замужества мне выдали документы на новую фамилию.

— Почему принято, чтобы жена брала фамилию мужа? — задала я философский вопрос, разглядывая удостоверение личности. — Чем женщины хуже мужчин? Давай меняться обратно, и ты станешь Папена Егор Артёмович. Или Папен?

Он рассмеялся.

— Потому что женщина входит в семью мужа, а не наоборот. Но ты щедро предлагаешь поделиться своей фамилией, поэтому я в затруднении. Может, станем Папен-Мелёшиными?

— Не, звучит смешно и несерьезно. Так и быть, остаюсь Мелёшиной.

Егор сложил ладони в молитвенном жесте:

— О, великодушная повелительница! Я счастлив, что моя фамилия пришлась тебе по вкусу. Ты не пожалеешь.

— Посмотрим, — ответила повелительница, задрав высокомерно нос.

Понадобилось время, чтобы привыкнуть к оклику преподавателей: "Мелёшина Эва Карловна! Собираетесь защищать курсовую работу или просидите на галёрке до окончания сессии?"

Теперь я не Папена, а Мелёшина. Родная фамилия приросла ко мне намертво, и пришлось содрать её как лягушачью кожу, чтобы примерить другую.

Через неделю после свадьбы наши документы отправились в Департамент эмиграции для получения въездной визы на побережье. Толстая папка бумажек и справок, в сборе

которых помогли юристы из адвокатской конторы, составившей брачный договор. К документам прилагалась копия свидетельства о браке. Я изучила подлинник — гербовую бумагу с водяными знаками, сложным в подделке узором и нашими именами курсивом. Свидетельство о браке утвердило мое место в клане Мелёшиных перед обществом и законом.

— Видишь закорючку? — показал Егор. — Это подпись бургомистра столицы. Между прочим, он вел церемонию и засвидетельствовал наш брак.

— Неужели? — изумилась я. Тогда, в Городской управе, в голове абсолютно не отложилось, женский или мужской голос объявил нас мужем и женой.

Теперь количество приглашений на торжественные мероприятия сократилось вдвое, а в пригласительных билетах писалось: "Уважаемые Егор Артёмович и Эва Карловна". Соответственно, отвечать отказом или согласием надлежало от лица нас двоих. Потому что мы поженились!

Для семейных посиделок особое приглашение не требовалось. Поговорив по телефону, Егор сообщал:

— Завтра ужинаем у родителей.

или:

— В субботу обед у деда. Не забудь.

Разве ж забудешь? Если трапезы в поместье Константина Дмитриевича стали делом привычным, то поездки в гости к родителям Егора держали меня в напряжении. Я боялась оконфузиться и ляпнуть несусветную глупость. Боялась показаться заносчивой выскочкой или, наоборот, забитой крыской. Благо, отец Егора частенько задерживался допоздна в Доме правительства или в департаменте, и в его отсутствие я чувствовала себя увереннее. Ираида Владимировна встречала нас со всем радушием и не упускала случая поинтересоваться житьем-бытьем. Из деликатности она ни разу не заикнулась о моей маме и не спрашивала о жизни, предшествовавшей встрече с Егором. Кстати, он стал гораздо словоохотливее, много шутил, и меня невероятно радовало, что в семье восстановился мир. Я поблагодарила маму Егора за великолепный гарнитур к свадьбе, на что она ответила, вызвав пожар моих щек:

— Подобные подарки — своеобразная форма приветствия нового члена семьи. Егор сделал серьезный шаг, и мы поддержали его решение.

Иными словами, одобрили, не став препятствовать.

Мы побывали и в зеленой зоне, в гостях у Семутов — запанибратски, по-родственному. Альбина, помимо прочих достоинств, увлекалась разведением карликовых растений, и я усладила взор роскошным садиком миниатюрных деревьев. Послеобеденное время посвящалось игре в бильярд, причем я в очередной раз показала наискромнейшие успехи. Меня обогнала даже Андроника. Вообще, дочка Семутов оказалась живым и непосредственным ребенком, и я с легкостью нашла с ней общий язык. Правда, вечером, после нашего визита, племянница Егора решила поиграть в парашютиста, и, смастерив самодельный парашют, ухнула со второго этажа. Хорошо, что ей не пришлось в голову сигануть с крыши, но ногу она сломала, и кость срачивали ускоренно в клинике Севолода. Муж посмотрел на меня торжествуя, мол, нет сомнений, что тут пробежал чей-то синдром. Хорошо, что не озвучил вслух, не то я сорвалась бы и наговорила много обидных слов. Ну, и заприте меня в клетке или посадите на вершину высокой башни! И не выпускайте на волю, чтобы было спокойнее.

А вот приглашение на обед к Рубле Леонисиму Рикардовичу заставило усомниться в

нерушимости брачного союза. Более того, я испугалась.

— Вот и сбылась мечта идиота, — сказал задумчиво Егор, вертя карточку. — В это воскресенье нас ждут в гостях у премьер-министра.

Не хочу ехать. И никогда не жаждала побывать на обеде для избранных. Рублю я видела издалека на многочисленных светских мероприятиях, но пообщалась с ним дважды: на прошлогоднем приеме "Лица года" и в медстационаре института после отравления гиперацином. Хотя во втором случае говорил премьер-министр, а я молчала, застыв от испуга.

— Отказу не подлежит, — ответил Егор. — Думаю, он хочет убедиться... прежде чем подпишет разрешение на въезд.

Знаю. Юристы разъяснили о подводных камнях и течениях, ожидающих на пути оформления визы на побережье. В частности, требовалась подпись руководителя страны на документах.

— В чем он должен убедиться?

— Посмотрит, побеседует с нами... Удостоверится в лояльности. Наверное. Знаешь же, что в стране сейчас неспокойно.

И об этом наслышана. Наисвежайшее ЧП — проблемы на северном флоте. И хотя в прессе сообщалось скупое, народная молва долетела до столицы и осела на уши. В институте тоже трепались, но с осторожностью, сперва оглядевшись по сторонам. Передавали из уст в уста в туалетах, на перекурах, в лабораторных кубках... Капа Чеманцев рассказал мне о конфликте между младшим офицером и мичманом, переросшем из служебного в личностный. Товарищи лейтенанта, тоже офицеры, решили отомстить, но не мичману, а его семье. Всё бы ничего, но тот оказался из невидящих, а отморозки отделались устным выговором. В общем, история вышла мерзкая и грязная, и я слушала, прикрыв рот рукой, чтобы не выругаться. Известно, что слухи имеют свойство перевираться с точностью до наоборот, но ведь дыма без огня не бывает. Небольшая искорка послужила толчком для недовольства, которое набирало обороты. Невидящие, работавшие бок о бок с висоратами и получавшие гораздо меньшие заработки за одинаковый труд, зароптали. Участились случаи неповиновения, и даже угроза военного трибунала не остановила растущую волну протестов. На кораблях прошли массовые выступления невидящих с требованием отмены ограничений на пользование дефенсорами. Люди взывали к равноправию и справедливости. Беспорядки, охватившие северный флот, выплеснулись на прибрежные города.

— Нам не сообщают, а на самом деле х*еново там всё, — поведал Капа шепотом. — Правительство не знает, объявлять ли об организованном мятеже или улаживать проблему мирным путем. Хотя по-тихому уже не получится. Поздно. Поговаривают, что и сухопутные вояки тоже недовольны.

Рассказ Капы обеспокоил меня. Когда я поинтересовалась у Егора о состоянии дел на севере, он нахмурился.

— Не верь слухам. Мы не знаем и половины всей правды. А, как известно, меньше знаешь — крепче спишь.

Муж не стал обмусоливать свежие сплетни, как я ни пыталась пробить его на откровенность.

— Лучше поезжай, проветришься. Прикупи шмоток, бельишка какого-нибудь.

Разве я похожа на безмозглую куклу? Той сунут кредитку в руки, и она мчится по магазинам, чтобы растратиться в пух и прах, забыв о бо всём на свете. Поэтому меня

обижали увилвания Егора и нежелание обсуждать со мной серьезные вещи. Знаю, он пытался оградить от проблем, но я не собиралась вариться в информационном вакууме.

К обеду у премьер-министра пришлось подойти со всей тщательностью. Вива, теперь бравшая за свои услуги две с половиной тысячи висоров, предупредила:

— Будь осторожна. Прежде чем открыть рот, подумай хорошенько. А лучше промолчи. Сиди как мышка и улыбайся.

И я молчала и улыбалась. Но поначалу остолбенела, когда в алой зоне "Турба" свернула не привычным путем к дому самого старшего Мелёшина, а остановилась перед кованой решеткой, уходящей в бесконечность. За высокой оградой распростерлась лужайка с сочной зеленью, а поодаль высился трехэтажный особняк с остроконечными шпилями. Точь-в-точь как в видении пророческого ока.

— Ты в порядке? Что с тобой? — спросил Егор, когда ворота распахнулись, и машина въехала на подъездную дорожку.

Ничего. Всего-навсего сбылось очередное видение, предсказанное древним артефактом. Но почему особняк Рубли затесался в мое будущее? Что нас связывает?

Добрую треть обеда я ломала голову над важностью картинки, воплотившейся в реальность. Ведь *divini oculi* показывал эпохальные события, накладывающие отпечаток на дальнейшую жизнь. Чем знаменателен сегодняшний день? Может быть, после обеда премьер-министр подпишет разрешение на въезд? Сомнительное предположение. Время для особняка со шпилями еще не настало. Сперва должны произойти как минимум два или три события — бревенчатый домик, темноволосый малыш, еще что-то... не помню... Значит, сегодня не тот день и не тот час.

Обед прошел чопорно. Двадцать приглашенных, в том числе мы с Егором и его родители. А моего отца не пригласили, — отметились машинально. Из гостей лишь я и муж моложе тридцати, прочим присутствующим — далеко за сорок. Супруга премьер-министра — дама низенькая, розовощекая и с шаром волос на затылке — смотрелась колобочком.

Не раз я представляла, как мой отец с мачехой обедают у Рубли; как Ильмира очаровывает главу страны, и он громогласно смеется; как однажды я тоже получу приглашение на обед и, моими соседями по столу окажутся министры и начальники департаментов. И вот фантазия реализовалась, но участие в изысканном пиршестве придавило меня к стулу. Горло сжал спазм, и перепелиная грудка не желала пережевываться и проглатываться.

Следуя негласному протоколу, премьер-министр чередовал прием пищи с беседой, общаясь с приглашенными последовательно: сперва с заместителем министра финансов, затем с судостроительным магнатом, после — с начальником Департамента по ценностям. Прочим гостям дозволялось вставлять реплики, поддерживая разговор.

— Ну-с, молодежь, как вам фаршированные перепелки? — спросил вдруг Рубля. Я не сразу сообразила, что он обратился ко мне и к Егору.

— Очень вкусно и аппетитно. У вашей супруги талант и немалый опыт в составлении меню, — отвесил тот комплимент, получив вежливую улыбку от дамы.

Премьер-министр прищурился. За прошедший год он изменился. Подбородок стал одутловатее, фигура — еще грузнее и бесформеннее. А еще от Рубли исходила непредсказуемость, как от царя из сказки. "Хочу — казнию, хочу — помилую", — говорил его вид. — "Прямо сейчас, не сходя с этого места".

— Однако ж, прыток ты, как погляжу, — заметил руководитель страны. — Я глазом не

успел моргнуть, а тебя оженили.

— Молодое дело — горячее, — вставил Мелёшин-старший. — Удержу не знает. Да и мы в этом возрасте воротили делишки будь здоров.

— Помню-помню, — протянул Рубля, вытирая губы салфеткой. — Жаль... Поручил ты мои планы, — обратился он Егору. — Как же я упустил? У меня давно имелась на примете ладная невеста.

Я потупилась, чтобы в глазах ненароком не отдалось пламя, вспыхнувшее в груди. В присутствии высокопоставленных гостей, в присутствии родителей Егора премьер-министр недвусмысленно намекнул о моей "неладности" и о месте, которое я заняла не по праву, опередив куда более достойную претендентку. А ведь когда-то Рубля называл меня деточкой и участливо расспрашивал о студенческой жизни.

— Леонисим Рикардович, да ведь я ж просил вашего согласия на руку Эвочки, — ответил смело Егор, поцеловав мою лапку. Почувствовал, что она дрожит, и не отпустил, удерживая внизу, под столом.

— С тех пор многое поменялось, — сказал премьер-министр.

Да, многое. Когда Егор просил аудиенции при заступничестве зятя, я числилась перспективной висораткой, которую глава государства был не прочь выдать замуж за одного из многочисленных родственников. А теперь стала висорической инвалидкой и бельмом на глазу висоратской нации. Разве ж допустимо популяризировать в прессе и на телевидении особу, не видящую волны? Разве ж можно смешивать кровь родовитого семейства с родословной слепой девчонки?

— Мы рассчитывали на благоприятный исход, — добавил Рубля.

Да-с, мы, наше королевское величество, надеялись, что волны вернутся к дочери министра экономики, и она засияет подобно звезде на небе, но прошло больше года, а положительных результатов нет. В утиль её как позор висоратства.

— Мы настроены на позитив, — ответил бодро Мелёшин-старший, а Ираида Владимировна послала мне мимолетную улыбку. — Это уникальный случай в медицине, и он требует вдумчивого подхода и постоянного наблюдения.

— Так давайте наблюдать в лаборатории. Будет гораздо эффективнее. — Премьер-министр откинулся на спинку жалобно скрипнувшего стула.

У меня поплыло перед глазами. Я вцепилась в руку Егора и, наверное, пропорола ногтями до крови. Сейчас вскочу и выскажу всё, что думаю о долбаном висоратстве и гуманных исследовательских методах. Да, брошу салфетку в лицо Рубле, и меня казнят. Какая разница, умереть на электрическом стуле или в закрытой лаборатории, после опытов?

— Нет пользительнее метода, чем реабилитация в семейном кругу, — дискутировал Мелёшин-старший. — Дома и стены помогают. За последний год произошел революционный прорыв. Умения возвращаются.

— Однако потенциалы равны нулю, — не унимался руководитель страны.

— Когда-нибудь они появятся. Способности заперты как шампанское под пробкой. Если бутылку хорошо взболтать, пробка рванет, — парировал Мелёшин-старший.

Меня обсуждали как червивое яблоко на рынке. Один торгош, утверждал, что червоточина испортила сердцевину, и яблоко проще выбросить, нежели пытаться съесть, а другой торгош утверждал, что червячок — маленький и беспроблемный, и если приложить усилия, яблочко вскоре станет наливным без следа червивости. Сказка для дурачков, но, тем не менее, отец Егора защищал меня!

— Хорошо, — заключил Рубля. — Сроку вам — полгода...

— Год, — вставил Мелёшин-старший.

— Пусть будет год. Взболтайте, как следует, а там поглядим. Негоже разбрасываться висоратским наследием и разменивать его на пустышки.

Внимание премьер-министра переключилось на президента футбольной федерации, но по всему чувствовалось: Рубля недоволен разговором, и тем, что ему пошли наперекор, посмев возражать.

По возвращению в общежитие я провела весь вечер в прострации. Лежала на кровати, свернувшись калачиком, а Егор пытался меня растормошить.

— Ты молодец, вела себя достойно. Я чувствовал, еще секунда — и воспламенишься. Иногда нужно уметь промолчать.

Унизиться, говори уж своими словами. Выскажись я за обедом в алой зоне, и в тот же день полетели бы головы Егора и его отца, а клан Мелёшиных попал бы в немилость. Иногда нужно принимать удар, сжав зубы, и проглатывать обиду, особенно, если ты зависишь от руки дающей и отбирающей. Меня назвали пустышкой и дали год на возвращение способностей. Всей жизни не хватит на то, чтобы потенциалы соскочили с вечного нуля, и висограф зашелся в пронзительном писке.

— Мы заврались. И через год я не увижу волны. Твой отец пострадает ни за что. Он уверен, что до покушения я была полноценной висораткой. Меня сошлют в лабораторию, а тебе... велят жениться по указке премьер-министра.

— Не сошлют и не прикажут, — ответил Егор уверенно. — Обещаю тебе.

— Мне страшно.

— Иди сюда, — он обнял меня и поцеловал. — Никого и ничего не бойся. За год утечет много воды, и Рублю смоет паводком.

Я хмыкнула невесело.

— Рука болит?

— Смеешься? — фыркнул Егор. — Это цветочки по сравнению с ягодками в полнолуние.

Он спрятал царапины, обмотав руку салфеткой, и "залечил" следы от ногтей, когда по завершению обеда мы сели в "Турбу".

— Премьер приготовил для тебя породистую невесту, а ты сорвался с крючка. Из-за свадьбы у твоего отца будут проблемы.

— Это вряд ли. Рубля слишком зависит от него. Сейчас только авторитетом отца и силами его департамента удастся сдерживать недовольство на севере, потому что армию лихорадит. Черт, Эва, ты ничего не слышала.

Наоборот, прекрасно расслышала, чтобы тут же забыть об обеде у премьер-министра и задуматься о других вещах. Я стала подмечать многое, на что прежде не обращала внимания. Например, на днях Баста сообщила, что на лето уезжает с тетушками и кузинами на восток, чтобы навестить родственников по линии Ираиды Владимировны.

— А мама?

— Уладит кое-какие дела и тоже приедет. У-у, не хочу к черту на рога, — заныла сестрица Егора. — Там скука смертная и высокая влажность.

— Зато с Вадимом встретишься. Говорят, он уехал в те же края по делам семьи.

— Ха, по делам, как же! Он там, поди, спился и запаршивел без присмотра мамули, — развеселилась Баста, представив обросшего и проспиртованного кузена.

И Севолод отослал жену с детьми в провинцию к родственникам, и Семут проводил супругу с дочерью в Моццо на отдых. Мужчины отправляли свои семьи подальше от города. Почему? Потому что затевалось нечто непонятное и пугающее.

Апатия после унижения на обеде продлилась недолго, и я начала действовать. Пусть плешивые висораты подавятся своим превосходством!

Мой выбор пал на деньги, накопившиеся на счету Рубли. Я решила истратить всё до последнего висора. Кто знает, сегодня денежки есть, а завтра премьер-министр высоким соизволением отберет выделенную когда-то милость. Егор сначала попотешался над моей идеей, а потом сказал:

— Эвка, песочницы в квартале невидящих и игровой уголок в парке никому не нужны. Завтра ты придешь полюбоваться творением рук своих, а половина качелей переломана. И ты в обиде, и люди злые. Зри в корень. Посмотри: крыши текут, проводка старая, вентиляции в помине нет, канализация забита и ливневка тоже. В дождь невозможно проехать по улице. Вода пахнет хлоркой. Присмотрись, поспрашивай. Ты не замечаешь мелочей, с которыми люди сталкиваются каждый день. Или автобусы ходят редко, или в школе дети не питаются из-за дороговизны, или в поликлинике нет востребованных специалистов.

Я молчала, закусив губу. А что сказать? Да, витала в облаках, загрузившись наивными мечтами о скамеечках в парке и цветочных клумбах. А жизнь прозаичнее. Она состоит из повышающейся арендной платы, из низких доходов и растущих цен на продукты. Из лекарств для диабетиков, из инвалидных кресел для неходячих, из протезов для безруких и безногих, из помощи жертвам вис-воздействий.

По совету Егора я наняла поверенного из знакомой адвокатской конторы. Его услуги стоили недешево, зато можно было с полной уверенностью утверждать, что ни один висор не уйдет не по назначению, а мое имя останется в стороне. Поверенный получил четкие указания. Часть денег он перевел на другой счет для оборота и получения процентов с возможностью дальнейшего распоряжения средствами от моего имени. Оставшейся части висоров надлежало быть потраченными на различные цели: на ремонт домов в районе невидящих, на ежемесячную компенсацию части арендной платы, на увеличение пособий для многодетных семей и семей, потерявших кормильцев, на помощь детскому саду с яслями, ютящемуся в глубине дворов в аварийном здании, на два дополнительных автобусных рейса — утренний и вечерний и прочее и прочее. Кроме того, я поставила условием, чтобы на ремонтные работы нанимали только невидящих.

Это не я, такая добрая и благородная, решила заняться благотворительностью. Это деньги Рубли возвращались к людям, пополнявшим казну страны налогами и рассчитывавшим на приемлемые условия жизни. До тех пор, пока премьер-министр не отменит указ о щедрой помощи инвалидной висоратке, деньги будут тратиться на цели, заранее оговоренные с поверенным.

Егор решил отметить день рождения в боулинге. С некоторых пор он считал бессмыслицей постепенное насыщение градусами и ритмичную тряску телесами в "Вулкано".

Макес пришел с двумя временными подружками. Он находился в очередном загуле. Отношения с девочкой-второкурсницей давным-давно сгорели синим пламенем. Скромная студентка оказалась слишком хороша для ветреного парня. Он так и сказал Егору (а тот —

мне), что не хочет поганыть ей жизнь, потому что ничего путного у них не получится. Вот ведь совестливый товарищ.

Дэн тоже появился и, на удивление, не сбежал через час, как бывало в последнее время, а задержался. Как-то в столовой я справилась у него о здоровье Оксаны и малыша, на что Дэн смутился.

— Прости за бестактность, — повинилась я. — Тебе неприятно? Просто я рада за тебя и за твою... Оксану. Дети — это здорово.

— Да, здорово, — пробормотал Дэн. — Мне не неприятно. Непривычно, что кто-то беспокоится, кроме меня. Спасибо.

Это была самая длинная речь Дэна из когда-либо услышанных мной.

С поздравлениями имениннику пришли и братья Чеманцевы с Аффой, и я ужасно обрадовалась ей.

Развлечение в боулинге сопровождалось подколками Егора, как молодожена. С момента свадьбы не минуло и месяца, поэтому приятели подтрунивали над ним, отпуская порой сальные шуточки, а я смущалась и краснела за компанию.

— Примитивище, — заметила Аффа, сделав глоток коктейля. — Всё об одном и том же. Временами я сомневаюсь в месторасположении мозгов у мужчин.

Веселье мне понравилось. Сбивать кегли шарами неинтересно, гораздо круче другой вид развлечения, называемый сапа. Та же дорожка, но открытая с двух сторон. Посередине кладут шар, по краям устанавливают кегли. Участники разбиваются на две команды и с помощью заклинаний пытаются сбить шаром кегли соперника. Зрелище то еще, особенно когда шар крутится волчком или катается туда-сюда по дорожке. Мужчины кричат, ругаются, а победив, начинают обниматься. Болельщицы визжат, скандируют и стучат ногами. А Аффа меня удивила: взяла и поучаствовала. И выиграла, сбив кегли Макеса, чем заслужила одобрение коллег по команде.

Все бы ничего, но кому-то из участников взбренило создать *airea candi* ^[44] приличных размеров. Шар поднялся в воздух и рухнул вниз, проломив дорожку и, кажется, пол. Пришлось Егору возмещать убытки, но незапланированные траты не умили его пыл.

— Знатно повеселились, — сказал он, прощаясь с приятелями.

Ну, если моему мужчине понравилось, то и мне тоже. Люблю, когда у него хорошее настроение.

Я безжалостно распрощалась с гардеробом. Платья и праздничные туалеты, надетые один-единственный раз, ломились из шкафа, отчего дверцы не закрывались.

Для помощи была привлечена Аффа. Сначала она оскорбилась, когда я предложила забрать шмотки.

— Аффка, скоро мне будет не до них. Или выбрасываю платья на помойку, или ты реализуешь их по своим каналам. Доход от продажи — пополам.

Аффа подумала и согласилась. Я не сомневалась, что она задействует мою стилистку. Вива достаточно потрудилась, зарабатывая себе славу и имя, и теперь имя работало на неё. Уж не знаю, как девчонки сговорились, но в ателье Вивы на манекенах появились модели, в которых ходила дочь министра экономики, недавно вышедшая замуж. Видели сногшибательную свадьбу по телевизору? Вот-вот, это те самые платья — уникальные, неповторимые, эксклюзивные.

Кстати, Вива предложила мне выставить на витрину и свадебное платье, а вот фату

велела оставить в качестве символа семейного благополучия.

Помимо сессионной зубрежки я увлеклась изучением растительного и животного мира западного побережья. Если на краю света нет профессиональной медицины, придется использовать натуральное сырье, имеющееся под рукой. Для поиска я воспользовалась библиотекой Константина Дмитриевича. Научно-исследовательской литературы о побережье отыскалось катастрофически мало, но дед Егора предположил, что тамошняя флора и фауна — такие же, как и на востоке страны, за небольшими различиями.

И я погрузилась в составление рецептов, подходящих для условий западного побережья. Вбивала в память композиции и дозировки, заучивала полезные свойства трав, растений, грибов. Головная боль, зубная боль, остановка кровотечения — венозного, артериального, лечение ожогов, гнойников, лишая, гангрены, отитов и конъюнктивитов... Снадобья от зачатия и язвы желудка, мази при радикулите и хондрозе... Помощь при инсульте, остановке сердца, открытом и закрытом переломе...

— Вам не помешало бы базовое медицинское образование, — сказал с уважением Франц-Иосиф, которого впечатлила моя одержимость.

Послушав руководителя, я записалась на курсы сестринского дела при центральном госпитале жертв вис-воздействий. Всегда боялась крови и гноя, а тут как отрезало. Черт, нигде не успевала! Торопилась из центра столицы в общежитие, затем в институт, потом снова в общагу, а следом — на встречу с поверенным. Лето пронеслось мимо меня: шумные улицы, серая от пыли листва, которую обмывали искусственным дождем, пробки на дорогах, выхлопные газы, просачивающиеся в салон машины. Дэпы по-прежнему сопровождали в поездках, довозя до пункта назначения на своей чудо-машине, которая в огне не горит и в воде не тонет. Егор оставил попытки утихомирить меня, помалкивали и его родители. После обеда у премьер-министра, отпустившего мне на счастливую семейную жизнь год... нет, уже одиннадцать месяцев... мы больше не возвращались к разговору об ультиматуме Рубли. Потому что беспокоило другое.

Однажды, перед отъездом из белой зоны, куда мы приехали на воскресный ужин, вышло так, что Ираида Владимировна и я остались в гостиной.

— Маша (ох, и трудно выговорить приличное имя вместо жаргонной Басты) сказала, что после окончания этого курса уезжает на восток.

— Пожалуй, мы не станем дожидаться завершения учебы, — ответила мама Егора. — Артём Егорович решил, что Маша улетит на следующей неделе.

— А вы?

— А я... отправлюсь следом после того, как провожу вас.

"После того, как вы с Егором уедете на побережье", — не сказалось вслух, но прочиталось в её глазах.

Получается, семья разваливается. Разъезжаются, кто куда. И отъезд Егора — дело решенное. Ираида Владимировна смирилась с расставанием.

— Простите меня. Я не хотела.

— Разве есть, за что винить? — улыбнулась она. — Наоборот, всё будет хорошо. Я уверена.

— Эва, вот ты где, — заглянул Егор в гостиную. — Нам пора, поздно уже. Mam, пока. Созвонимся.

— Гошик, что происходит? — напала я на него, когда мы сели в машину. — Кто на запад, кто на восток, кто на юг. Почему?

— Потому, — ответил он резковато. — Это мужские дела. Я отправил бы тебя вместе с мамой подальше отсюда, но никак не на побережье. Ты же вбила себе в голову, что хочешь туда — ни раньше, ни позже.

— Да, вбила, — обиделась я. — Если приспичило, оставайся здесь. А я поеду на побережье.

— Эвка, всё давно обговорено и уже не изменится. Документы вот-вот выйдут, но пока что застряли у Рубли. Семут каждый день проверяет и перекладывает на видное место.

Егор все чаще пребывал в раздраженном настроении. Помимо работы он погрузился в учебу, стремясь нагнать пропущенные занятия. Наши развлечения свелись к минимуму, да, в общем-то, на них и не хватало времени. Цертамы и рогейны превратились в зыбкие миражи. Однажды Егор поучаствовал в гонках на кольцевой трассе, но от него не искрило прежним азартом и предвкушением победы. Он пришел к финишу в числе последних участников, не больно-то огорчившись проигрышем. Так, размялся, проверив быстроту реакции, — и харэ. Его беззаботность исчезла, уступив место затаенному и непроходящему беспокойству. Я чувствовала тревогу Егора в словах, жестах, эмоциях. Теперь он часто разговаривал с отцом и с дедом по телефону и приватно при встречах. Однажды Севолод тоже приехал в алую зону, и мужчины, запершись в кабинете, беседовали, пока я рылась в книгах, выискивая рецепты забытых снадобий.

На следующий день Егор сообщил, что мой отец отправляет мачеху с детьми к её родственникам. Погостить, развеяться. Ну да, как же.

— Гош, мне страшно, — сказала я вечером, устроившись на его плече. — Почему все разъезжаются?

— Чтобы отдохнуть, милая. Летом в столице жарко и нечем дышать, — ответил он, наматывая мой локон на палец, а сам глядел в потолок, о чем-то задумавшись.

— Станный отдых. Скорее, прятки. Или бегство.

— Эвочка, не бери в голову... Кстати, помнишь, как ты надула меня в ресторане? Переделась тёл... легкодоступной девахой и вымогала висы.

Помню, конечно. Эх, времена были...

— А я сказал, что в отместку тебя разыграю. Так вот, я ведь разыграл. Обманул, а ты купилась.

— Когда? — села я на кровати. — Не припомню.

— Не скажу. Не сейчас. Потом... наверное. А может, догадаешься без подсказок.

— Зачем тогда завел разговор? — надулась я. — Показал конфету и отобрал.

— Прости, не удержался. Хотел похвастать отличной комбинацией.

Шахматист фигов. Я обижалась на Егора, вспоминая возможные розыгрыши, на которые могла попасться, но ничего путного в голову не приходило. Муж терпеливо сносил мое недовольство и попытки выцарапать правду, однако он добился своего: я отвлеклась от странностей, происходящих в столице.

Для получения аттестата требовалось в довесок к сданным экзаменам написать и защитить дипломную работу. Моей специализацией стала теория снадобий и тема по ней: "Способы достижения максимальной эффективности элементарных составов". Материала, набранного в библиотеке самого старшего Мелёшина, накопилось предостаточно, и на меня напала муза. Я одолела двухсотстраничную работу в три дня, забыв о еде и сне, пока Егору не надоело мое полуночничество. Он силой отправил меня в кровать.

— Закрыть глаза и спать. Немедленно! — приказал, и я покорно смежила веки. Все равно осталось написать последний абзац в разделе выводов.

Сессия пролетела в угаре, настолько плотным оказалось мое расписание, занятое не развлечениями, а делами, делами и еще раз делами.

Муж завез меня к Олегу и Марте. Я накупила для Ясинки три пакета игрушек, одежду и детское питание, какое полагается детям почти годовалого возраста. В мастерской меня встретил топот маленьких ножек. Хорошенькая чернявая девочка выбежала из-за шторочек, и, не удержавшись, бухнулась на пол, заревев. Следом за ней выбежала Марта. Выяснилось, что Олег ушел к заказчику — устанавливать замок.

— Как подросла, — умилялась я, тиская и зацеловывая Ясинку, а она весело смеялась и норовила вывернуться из моих рук. — Ку-ку, — свела я ладони перед лицом, закрываясь. — Кто в домике живет?

— Дя-дя-дя-дя, — затараторила кроха, стуча погремушкой.

— Сосет палец, — поделилась бедой Марта. — Никак не можем отучить. Знакомая посоветовала мазать перцем или горчицей, а мне жалко.

— Сосет, потому что рано отняли от груди. Она ж еще просит?

— Просит, да молока почти нет. Перегорело.

— Ну и что? Главное, мамочка под боком. Ясинке не молочко нужно, а мамуля, которая защитит и согреет.

— Ты говоришь, как опытная мама, — улыбнулась Марта.

— Уроки психологии, — подняла я указательный палец.

Марта поделилась радостью. В их доме сменили проводку и поменяли трубы на холодной воде, поставив хороший фильтр, и теперь в воде нет песка и ржавчины, и запаха нет. А еще арендная плата снизилась, и стало полегче дышать в материальном плане.

— Я думала, мы живем как отбросы, — заключила она с ноткой горечи. — А оказывается, о нас помнят. Люди даже духом воспряли. Говорят, жизнь начала налаживаться.

— Конечно, налаживается! — воскликнула я с жаром. — Никогда не понимала деление на тех, кто видит, а кто — нет.

Марта поздравила меня с замужеством. Задолго до свадьбы, на этапе рассылки приглашений, я спросила у Марты, придут ли они с Олегом на торжество. И сказала, что, прежде всего, беспокоюсь за них, а не за сборище висоратов, которых пригласят на банкет. И мы поняли друг друга. Олег и Марта — часть моего мира, моя отдушина, и приглашение на свадьбу затронуло бы их мирную и упорядоченную жизнь. И все равно, сидя за банкетным столом, я испытала горечь, оттого что праздник состоялся без Швабеля Иоганновича и без Радика, и не было Олега с Мартой. Дурацкие социальные препоны! Ненавижу их.

Я предупредила Марту, что некоторое время мы не увидимся по причине дальней поездки. Не знаю, как долго: месяц, два или три. Марта обняла меня и пожелала удачи. А Ясинка, умазавшаяся в яблочном пюре, получила кучу прощальных поцелуев.

Помимо сдачи зачетов и экзаменов предстоял важный этап — защита дипломных работ перед членами аттестационного совета, с чем я справилась на ура. Царица, председательствовавшая в совете, отметила прекрасный уровень подготовки и похвалила зардевшегося Франца-Иосифа Брокгаузена — моего научного руководителя.

Альрик задал пару незначущих вопросов и, удовлетворившись ответом, уткнулся в аттестационную ведомость. После свадьбы я больше не пересекалась с профессором. На консультациях и экзамене он вел себя отстраненно и сухо, хотя и спрашивал в объеме билета, не делая снисхождений. Меня беспокоила поездка Альрика в другой город. Случилось что-то серьезное, или профессор придумал повод, чтобы пропустить свадьбу?

В перерывах между работой и консультациями я успевала ездить в госпиталь. Два охранника из дэпов сопровождали меня на занятия по сестринскому делу, и лекторы — врачи госпиталя — не сразу привыкли к присутствию бугаев в черных костюмах. Дэпы занимали выгодные диспозиции у двери и окна, а я, усевшись в последнем ряду, строчила в тетрадке, начиная с анатомии и патологий и заканчивая уходом за новорожденными и инфекционными заболеваниями. Пусть не успею зазубрить мегатонны медицинских терминов, всё ж в голове что-нибудь да отложится. Хотя бы для общего развития.

Однажды, вернувшись в институт после очередного занятия в госпитале, я столкнулась у калитки с Лизбэт и профессором. Парочка увлеченно разговаривала, причем Альрик приобнимал спутницу за талию. Идеальные кудряшки Лизбэт рассыпались по плечам. Она громко и заразительно смеялась, а глаза блестели. От счастья, — отметилась машинально.

— Здравствуйте, Эва, — окликнула Лизбэт, и от неожиданности я чуть не наступила на ногу охранника. За полтора года знакомства она ни разу не обратилась ко мне по имени и тем более на "вы". Так что было отчего перетоптать конечности дэпа.

— Здравствуйте, — пригладила я волосы. Наверное, растрепались от беготни. — Как поживаете?

— Прекрасно. Простите, что мы пропустили банкет. Аль объяснил причину отсутствия. Надеюсь, она оказалась достаточно веской, чтобы не питать обид?

— Да-да, конечно.

"Аль" — фыркнуло мое второе "я". Зайчик на побегушках. Посадили зверюшку на цепь и надели пушистые тапочки с помпонами.

Видимо, что-то этакое промелькнуло в моем взгляде, потому что профессор нахмурился и поджал губы.

— Мы тоже счастливы сообщить об изменениях в нашей жизни, — сказала Лизбэт, вытянув руку. Сперва я не поняла, зачем, а потом разглядела колечко на пальце — блестящие камушки по золотому ободку.

— Прелестно. Поздравляю, — пробормотала невпопад. — Замечательная новость.

— Для работников института будет организован небольшой праздничный обед. Приглашаем вас с супругом, — продолжила Лизбэт. Или мне показалось, или в ее голосе прозвучала легкая издевка при упоминании о "супруге". Чертова мнительность.

— Спасибо.

А ты молчишь. Потому что нечего сказать. Бабёнка завладела тобой и распоряжается, словно своей собственностью. "Мы пропустили банкет"... "Мы счастливы сообщить"...

Тьфу.

Альрик усмехнулся.

— Приглашение прислать на адрес общежития или достаточно вручить лично? — спросил, сопроводив легким наклоном головы. Поклонился, то есть. Ах да, социальная лестница, разные ступеньки.

— Как пожелаете. Простите, мне пора, — протиснувшись в калитку, я обогнула галдящих студентов и заторопилась к крыльцу, а охранник размашисто шагал следом. И пока бежала, чувствовала на себе взгляд профессора, а в ушах стоял счастливый смех Лизбэт.

Это же обручение, а не свадьба-женитьба, — болталось в мыслях, не желая улетучиваться. Обычные обещания, данные друг другу. Как дал, так и вернул. Возможно, жених с невестой разбегутся через неделю. Но ведь не разбежались. Уж скоро год как вместе. Интересно, как мама Альрика отнеслась к невестке-человечке?

Терпения моего хватило на сутки, потому что зудело, не давая покоя. Егор отметил:

— Ты какая-то взвинченная. Всё в порядке?

Пришлось убеждать его, что повышенная нервозность связана с ожиданием визы на побережье.

На следующий день я вычислила аудиторию, в которой профессор проводил консультацию по символистике, и дождалась завершения. Второкурсники с гвалтом вывалились из двери, последним вышел Альрик. Увидев меня, он прислонился к стене. А я развернулась и пошла — вверх, по лестнице, в глухой коридор, по которому нормальные люди отродясь не ходили. И не оглядывалась, потому что знала: он идет следом. Опустилась на подоконник, и через мгновение мужчина сел напротив.

— Вы уехали по семейным делам или потому что передумали идти на банкет?

— Второе, — ответил Альрик с легкой улыбкой, блуждая взглядом по моему лицу, по мне. Он скучал. Я тоже.

— Я рада, что у вас в семье всё хорошо. Остальное — мелочи.

— Вы счастливы? — спросил он вдруг.

— Что?... Да, конечно. Навалилось много дел. Учеба и всё такое... Альрик Герцевич, все бегут из столицы. Точнее, вывозят семьи. Жен, детей, сестер. Почему? Гош... Егор отмалчивается, но я чувствую: что-то происходит.

— Странный у вас муж, — усмехнулся профессор. — Хотя... я вел бы себя так же. Бегут, говорите?... Могу предположить, что зреет заговор. Переворот.

Я ахнула. Новый бунт! Мятеж! Неужели недостаточно ошибок полувековой давности? Пятьдесят лет назад войну выиграли сторонники висоризации, а теперь висораты не могут поделить власть и роют яму себе и другим.

— Вы тоже должны уехать и дожждаться, когда всё утрясется! — воскликнула я с горячностью. — Скажите маме, брату, сестре... Забирайте семью и уезжайте.

— Зачем? Это чиновникам следует бояться.

— Значит, останетесь в городе? Вдруг начнется хаос? Не представляю, во что может вылиться заговор.

В моем представлении признаками переворота считались баррикады, реющие флаги, несгибаемые патриоты, танки, ползущие на таран, и закат, окрашенный в кровавые тона.

— Вы слишком молоды, чтобы иметь представление о механизме заговоров. Сомневаюсь, что в мятеже задействуют низшие социальные слои. Это основная масса электората, но в столице она инертна. Переворот коснется заинтересованных лиц. Однако

благодарю вас за информацию.

— За какую? Я ж ничего не знаю. Лишь слухи да сплетни...

— Как видите, ваше наблюдение — самое правдивое.

— Я уезжаю на побережье. Мы уезжаем, — поправилась я, устыдившись первоначальной эгоистичности.

— Когда?

— После получения аттестата. Остался последний шаг. Подпись премьер-министра.

— Теперь мне понятна ваша постоянная занятость, — улыбнулся Альрик. Он заметил, заметил! — Вы витаете в облаках, а если не витаете, то у вас вид чрезмерно загруженной особы. Едете, чтобы повидаться с матушкой?

— Да.

— Это хорошо. Желаю легкой дороги. Советую предварительно изучить условия жизни в тамошних местах. Знание поможет быстро освоиться.

— Обязательно. Спасибо.

— И вам. Благодаря вам я понял, что в жизни есть ценности... вечные, неизменные.

Я опустила глаза к облупленному подоконнику. И ответить-то нечего. Не-че-го. Многое осталось невысказанным, но теперь уже не для него. Пусть и он будет счастлив. Надеюсь, искреннее пожелание с легкостью читается на моем лице.

Вечером я допекла Егора. Ныла и ныла, забрасывая слухами и подозрениями о возможном заговоре и перевороте. Муж не выдержал и рассказал о пророческом оке, предрекшем премьер-министру смену власти в стране. Поведал о том, что Рубля объявил карающую месть предателям, и что со дня на день начнутся проверки с целью выявления чиновников и политиков, поправших идеи висоратства. Глава государства задействует *divini oculi*, а для подстраховки намеревается снимать дефенсоры, чтобы прочесть грехи прошлые и будущие.

Бог мой, — ужаснулась я. Все тайны моего отца станут явными. А у кого их нет? Рубля сошел с ума, помешавшись на власти. В конце концов, премьерство — выборная должность, а не монарший титул. Око предрекает неизбежные события, а премьер-министр, объявив крестовый поход против предателей, способствует воплощению пророчества в жизнь.

— Под прицелом и твой отец, и мой. Со дня на день в стране начнется неразбериха. Она уже добралась до столицы. А я уезжаю! — упав на диван, Егор обхватил голову руками. — И дед здесь, и Севолод. Все наши здесь, а я бегу как крыса.

— Гош, — погладила я мужа по плечу. И опять нечего ответить. Что за повальное опустошение и отсутствие нужных слов? Сказанных вовремя, способных поддержать и укрепить веру в себя, в нас обоих. Вместо этого гулкое эхо в голове и легкость на языке.

Я было открыла рот, чтобы согласиться: "Хорошо, оставайся в столице, а я отправлюсь с твоей мамой на восток. Побережье подождет". Но промолчала. Вместо этого сказала:

— Поступай, как велит сердце. Если чувствуешь, что нужен здесь, я пойму. Семья — это главное.

Он погладил мою ладошку:

— В том-то и дело. И отец, и дед настаивают, чтобы я уехал на побережье.

— А ты?

— А что я? У нас дед — вершитель судеб. Как сказал, так и будет. Он никогда не ошибается.

Так мы и пролежали в кровати: молча, смотря глаза в глаза и лаская поглаживаниями пальцы. И каждый думал о своем. Что будет, что будет? А потом меня сморил сон.

Праздничный обед в честь обручения профессора А.Г. Вулфу и старшей лаборантки Е.В. Каякиной состоялся в преподавательской столовой и прошел весело.

Егор не отказался от праздника. Получив конверт с приглашением, он сказал:

— Ну и ну. Не ожидал.

И нацарапал от нас двоих записку с согласием, отправив адресату также церемонно, по почте.

Генрих Генрихович появился на праздничном обеде под руку с моей бывшей компаньонкой. Рядом с монументальным деканом Зинаида Никодимовна смотрелась хрупкой дюймовочкой. Она похорошела и стала более женственной. Стопятнадцатый сыпал белыми виршами, а Зинаида Никодимовна с неподдельным интересом внимала и восторгалась стихотворческим талантом спутника.

Часть стола, за которой сидела молодежь — лаборанты всех мастей и пород — сотрясалась от хохота. Егор оказался редкостным заводилой, и наша половина выиграла в конкурсах у противоположной части стола, занятой солидными и уважаемыми преподавателями. Глядя на смеющегося мужа, мгновенно нашедшего общий язык с незнакомыми людьми, я бы не подумала, что его обуревают противоречивые чувства из-за сумятицы, творящейся в стране.

Лизбэт не отлипала от своего теперь уже жениха, а он не препятствовал. Да уж, студентки урвелись горячими слезами, упустив видного кавалера. Если поклонницы профессора и пробовали отбить его у Лизбэт, то невестушка задала им жару. Леди Идеальность вцепилась в избранника мертвой хваткой.

Пусть будут счастливы, — твердила я. — Пусть будут счастливы. А мое следующее полнолуние станет почти человеческим. Второе "я" убито, раздавлено, уничтожено. В этом мире для него нет места.

Так и произошло. Я пережила полнолуние на удивление прохладно, точнее хладнокровно. Полностью контролировала свои инстинкты и жажду, хотя ощущения обострились как обычно.

Егор несказанно удивился:

— Где когти? Хочу когти и шипение. И мурлыканье хочу. И спинку почесать. И за ушками.

— Еще одна шуточка, и пригвозжу тебя к двери, — огрызнулась я и, заткнув нос и уши ватными жгутиками, улеглась с книжкой на диване.

— Странно, — почесал макушку муж. — С тобой всё в порядке?

— Настолько, насколько возможно в полнолуние, — ответила я, извлекши когти и продемонстрировав, спрятала обратно.

— Уау. То есть необычно. И непривычно. И скучно, — протянул он разочарованно.

— Езжай на работу. Сгоняй "Турбу" на диагностику.

— Нет уж. Лучше пригляжу за тобой. Подозрительно всё это. Напоминает затишье перед бурей.

Буря не состоялась, чем полностью дезориентировала мужа.

Время шло. Документы, согласованные в двух министерствах и трех департаментах,

лежали на рабочем столе Рубли, а премьер-министр их не подписывал.

— Почему? — спрашивала я каждый раз, когда Егор приносил неутешительную весть.

Наверное, Рубля решил, что я собираюсь драпануть на задворки страны в надежде, что обо мне забудут на Большой земле. Заодно утащу на край света родовитого висората, обеднив нацию. И ведь боялась себе признаться, но всё чаще меня одолевала подспудная мыслишка: уехать на побережье и остаться там. Навсегда. Егор сказал, что не стоит принимать всерьез предупреждение премьер-министра, но я не верила и не строила радужные планы. Пророческое око показало мне будущее. Следующий этап — побережье. Так почему же Рубля не подписывает?

Однажды Егор вернулся с работы возбужденным и, похоже, в радостном настроении.

— Два часа назад у Рубли был сердечный приступ. Он в правительственном госпитале, — сообщил, понизив голос, хотя надобности в таинственности не было. Всё равно никто не услышит и не увидит. — Эвочка, прошу, никому ни слова. Новость под большим секретом.

— Наглухо, — "застегнула" я рот на молнию. — Это хорошо или плохо?

— Пока неизвестно. Если последствия окажутся тяжелыми, Рубле придется освободить пост премьера. А если он отделается легко, наши документы зависнут.

— Надолго? — мой голос дрогнул.

— На время реабилитации... Месяц или около того.

Премьер-министр лежит в больнице, опутанный датчиками и трубками, а вокруг суетятся врачи. И что, жизнь остановилась? Наверняка у правительства есть запасной вариант на случай внезапной немоци Рубли.

— Разве Семут не может подписать визу?

— Нет. Порядок таков, что полномочиями наделен премьер-министр. Семут, как исполняющий обязанности, не имеет права подписи.

— Что же делать? — заметалась я по комнате. Каждый день ждала и мечтала, что вот-вот... что сегодня Егор скажет: "Ура, документы подписаны. Можем ехать". А сейчас планы рушились, рассыпались как песочные замки. Время утекало как вода, и отпущенный Рублей год таял мартовским снегом.

— Выждем немного, и ты отправишься на восток с моей мамой, — заключил муж.

Нет, нет и еще раз нет! — рухнула я в кресло, а мысли застывали.

— Вдруг Рубля умрет? Изберут другого премьер-министра, и он подпишет нужные бумаги!

— Переизбрание — небыстрая процедура. Если по закону, то займет месяца два-три. На этот период границу побережья закроют. И туда не попасть, и обратно не выбраться. И в столице скоро будет небезопасно.... Эвочка, пойми, другого выхода нет, — Егор опустил голову передо мной на корточки. — Видишь, приступ Рубли спутал все наши расчеты.

Не просто спутал, а обрубил на корню. Обкромсал, оставив драные лохмотья надежды.

— Значит, на восток. А ты?

— А я останусь здесь, хотя дед категорически против, — ответил Егор с тяжелым вздохом. — В идеале Рубля должен быть живым и здоровым, когда мы доберемся до побережья с подписанными документами. Увы, жизнь далека от совершенства. Предупрежу Севолода, он забронирует билеты на послезавтра. Полетишь с мамой. Я буду спокоен, зная, что ты в безопасности. Начинай собирать вещи. Эвочка, пожалуйста, не ершишься и будь умницей.

Стараюсь, но не получается. Нужно бы отвлечься и загрузить голову чем-нибудь полезным, например, сборами, но в ней гуляет одна-единственная мысль: на побережье я так и не попаду. Вот хотя бы занять руки и потискать Кота, чтобы успокоиться. Куда он подевался? Минуту назад сидел на подоконнике и вдруг испарился. Наверное, опять ушел к своей кошке.

Теперь я — часть большой семьи. Муж сказал, нужно ехать — значит, придется ехать. Другие женщины тоже не жаждали, а пришлось. Расставание ради моего же блага. Я — там, а Егор — здесь. Как пережить разлуку? И сколько: неделю, две, три? Месяц или больше?

С большой неохотой я взялась за сборы, но на следующий день они притормозились, потому что Егор принес весть: премьер-министру гораздо лучше, и он стремительно идет на поправку. Мне показалось, что в голосе мужа сквозит разочарование. Он рассказал, что по указанию Рубли арестовали группу врачей правительственного госпиталя, в том числе и Улия Агатовича. За попытку покушения на главу страны.

— Но ведь это бред! — вцепилась я в Егора. — Улий Агатович не мог. Он не такой! Он добрый и хороший! Он и мухи не обидит.

— Знаю, — успокаивал муж. — Эвка, я и так рассказываю тебе многое, о чем должен молчать. Поэтому возьми себя в руки и не паникуй.

Здоровое предложение. Нужно сесть и хорошенько отдышаться.

— Врачей арестовал твой отец?

— Люди из его департамента, — ответил Егор спокойно. — Эва, не смотри на меня как на врага. Куда ему деваться? Предлагаешь не подчиниться?

— Он мог бы сказать, что обвинение в покушении — полнейший бред! Большая фантазия! В зрелом возрасте сердечный приступ — явление распространенное. Сам посуди, Рубля весит килограмм сто сорок, не меньше. Наверняка давление зашкаливает. Прибавь ответственную должность, стрессы и расшатанные нервы. Ничего удивительного в том, что прихватило сердце.

— Намечаешь на саботаж и уклонение от обязанностей? — усмехнулся муж. — Мой отец выполнил указание вышестоящего руководителя. От себя могу добавить, что он постарается смягчить пребывание под арестом.

— У Рубли поехала крыша! — объявила я.

— А у кого из нас она не поехала бы? Око не ошибается, и переворот состоится. Но когда?

Поднявшись с корточек, он пошел на кухню, где загремел посудой.

— Ты хотел бы увидеть будущее в *divini oculi*? — крикнула я вслед.

Наступила тишина.

— Нет, не хотел бы, — ответил Егор. — Покорми меня. Я голоден как волк. Сейчас слопаю тебя вместо ужина.

Я потопала на кухню, чтобы разогреть пиццу. И интуиция подсказала мне, что он ответил неискренне на заданный вопрос.

А вскоре разговор о поездке на восток и вовсе затух, потому что следующим вечером Константин Дмитриевич велел нам заняться неотложными делами. А именно: уволиться с должности младшего лаборанта, избавиться от комнат в общежитии и переехать в алую зону, где сидеть на чемоданах. Нечего разводить канитель.

— А разве...? — оглянулась я неуверенно на Егора. Кто-то говорил, что поездка на побережье отменяется на неопределенное время.

Муж пожал плечами, мол, нечему удивляться. Ситуация меняется каждую минуту как стрелка компаса.

Получение аттестата совпало с бюрократической беготней. Я увольнялась, Егор сдавал квартиру в общежитии. Хлопотное это оказалось дело. Птичка-невеличка он же комендант придирался по пустякам, блюдя порядок. Блюдя, чтоб его. Парочку раз об батарею, блюдя. И разочек защемить голову дверью. Принципиальность коменданта довела Егора до белого каления.

При увольнении я рассталась с удостоверением, выданным Министерством образования. Как мне объяснили, не имеет смысла снимать *clipo intacti*, обновленный два месяца назад. Через месяц волны распрямятся, и щит исчезнет.

С освобождением жилплощади вышла морока. Легко сказать: "освободи квартиру", а сделать значительно труднее. За год жизни на четвертом этаже мы накопили не только хлам, но и дорогие сердцу безделушки и прочую мелочевку. К примеру, куда девать ту же посуду, не говоря о шторах?

И хотя мне помог опыт прошлых переездов, когда всё лишнее беспощадно выбрасывалось на помойку, на этот раз я попросила Егора отвезти ненужности в комиссионную лавку в районе по соседству. И договорилась с продавцом, что сданные нами вещи будут отдаваться бесплатно, в нагрузку к приобретаемым товарам. Когда "Турба" отъехала от комиссионной лавки, на витрине красовалось объявление: "Грандиозная акция!"

И все же кое с чем я так и не смогла расстаться. Например, с плафончиком. За время своего существования он порядком запылится и замаслился, но у меня не поднялась рука, чтобы смять и выбросить бумажный шедевр. Когда-нибудь, но не сейчас. И карандашный набросок, и серебристый блинчик, и мятая фотография Егора из журнала, и снимки из Моццо, и сувенирчики, и вырезки из газет с нашими лицами... Это кусочки моей памяти, моего прошлого, и они дороги мне.

— Эвка, ты плачешь? — удивился муж, вычищавший свою тумбочку. — О, знакомая штучка, — схватил слипшийся блинчик.

— Отдай. Верни сейчас же!

— Эвочка, ну ты что? Я же пошутил. Не плачь. Хочешь, расскажу секрет? — Он усадил к себе на колени.

— Какой? — хлюпнула я носом.

— Такой. Когда я увидел тебя на лекции у Лютика... зимой... полтора года назад... То сразу решил: эта девчонка станет моей. По-любому. И вот он, результат, — поцеловал Егор мокрую ладошку.

— Зубы заговариваешь?

— Нет. Предупреждаю. Если я что-то задумал, так оно и будет. А знаешь, что я сейчас задумал?

— Что? — шмыгнула я.

— Вот что, — ухмыльнулся Егор и начал нашептывать на ухо, отчего мои щеки разгорались ярче и ярче. А потом я и вовсе забыла о причине слез.

Наконец, дождливым июльским днем муж вручил коменданту ключи от пустой квартиры. В последний раз я обошла комнаты, ставшие мне родными. Сколько их было в моей жизни, и сколько еще будет... Но эта квартира — особенная. Здесь мы жили с Мэлом.

С Егором, моим мужем. Жили по-разному: хорошо и не очень, в согласии и с недопониманием. Но самое главное — с любовью.

Ностальгия захватила и Егора. Он обнял меня, и мы вместе закрыли окно, повернув задвижку.

— Ну что, поехали?

— Поехали, — взяла я его за руку, и мы вышли, закрыв за собой дверь с табличкой "аз есмь". Кот, дожидавшийся у выхода, потрусил рядом. Эта эпоха закончилась, началось другое время.

Мероприятие с вручением аттестатов прошло мимо нас. Мы укладывали пожитки в коробки, освобождая квартиру, в то время как остальные выпускники обмывали долгожданные корочки на торжественном вечере.

Аттестаты нам выдали на другой день, скомканно, в кабинете Стопятнадцатого. Декан обнял меня и пожал руку по-мужски, как и Егору. Судя по озабоченности, Генрих Генрихович догадывался о переменах, затеваемых в столице. Или ему рассказал Альрик, что вероятнее.

— Ну-с, друзья, в добрый путь, в свободное плаванье. Я мог бы произнести напутственную речь, но вы уснете, не дождавшись её завершения. Знайте, Эва Карловна, я необычайно рад знакомству с вами. Если надумаете пойти по линии науки, в любое время ждем в нашем институте. Будет трудно, не сдавайся, человеком оставайся! — продекламировал декан на прощание. — И не забудьте погасить аттестаты.

Мы не забыли. Всунули бумажки в приемную щель автомата, заменившего Монтеморта. Тот погудел, помигал лампочкам и, подумав, выплюнул листочки обратно. Ровные дырочки сообщили: "Обучение завершено". Обычная мера предосторожности во избежание подделок. С этого момента мы не студенты, а гости столичного института.

— Ну, вот и все, — сказал Егор, выйдя на крыльцо и расправив плечи аки богатырь. — Что чувствуешь?

— Не знаю. Наверное, с моих плеч должен свалиться груз.

— И как? Свалился?

Не пойму. Получение аттестата о специальном висорическом являлось моей наипервейшей целью. Ориентиром. Маяком. Я грезил о нем ночами и плакала от безысходности или колотила подушку в ярости. Тогда, четыре года назад, путь казался крутым и непреодолимым. Отвесной скалой без средств страховки. Но я смогла. Добралась. Доползла до вершины и воткнула свой флаг.

Константин Дмитриевич отнесся спокойно к коробкам, составленным высоким штабелем в холле. Но когда он сообщил, что для нас, как для семейной пары, подготовлены просторные апартаменты, Егор встал в позу, мол, рановато нам отхватывать половину этажа. И мы заселились в его комнату.

И вовсе тут не тесно. Танцы, что ли, устраивать? Вид из окна выходит на лужайку перед домом. Правда, кровать широка, и я с сожалением вспомнила о панцирной полуторке, оставшейся в общежитии. Успев привыкнуть к тесноте, я жалась ночами к Егору, и он не отодвигался, а наоборот, обнимал и притягивал к себе.

Из моей бывшей комнаты перетащили трельяж — необходимый элемент мебели для любой дамы, которая следит за внешностью. На следующее утро Егор сказал, выйдя из ванной и крутя на пальце трусики, снятые с сушилки:

— Ну вот, теперь заметно, что в холостяцкой берлоге поселилась женщина. Мои вещи, жалобно пискнув, утонули под горой флакончиков, тюбиков, расчесок и... всяких кружавчиков.

— А ну отдай!

— А ты отбери, — предложил он и увернулся, запрыгнув на кровать.

Пришлось пойти с войной на захватчика, экспроприировавшего мое белье. Битва закончилась ничьей, но противники запыхались и выдохлись.

Кот поселился вместе с нами, облюбовав кресло у окна. Он с деловитым видом рыскал по помещью, а в свободное время забирался на перила балкона и созерцал окрестности, выглядывая мимо проходящих кошек.

Теперь Егор трудился полный рабочий день. Уезжал рано утром и возвращался вечером, принося безрадостные новости. Беспорядки на севере опускаются южнее. Врачей по-прежнему держат арестованными и перевели из временного изолятора в центральную тюрьму. Первый правительственный банк заблокировал движение средств на суммы свыше одной тысячи висоров. Этой мерой Рубля рассчитывает обрезать финансовые потоки, подпитывающие оппозицию. Сегодня арестовали несколько военных чинов из Министерства обороны. Им предъявлено политическое обвинение в измене родине.

Гайки закручивались. Кто следующий?

Мой мужчина трудился, я же маялась бездельем. Ездил на курсы по сестринскому делу, выискивала в библиотеке забытые рецепты и изучала литературу по способам выживания в полевых условиях. Мне мог бы помочь Константин Дмитриевич, но он стал чрезвычайно занятым. Разве что сказал:

— Начните с истории как с науки. Без сомнений, на побережье завозят контрабандный товар, но его доля невелика. Основную часть составляют собственные ресурсы. Добыча руды, металлообработка, земледелие, животноводство, перерабатывающие отрасли. Скорняки, ткачи, гончары, кузнецы, бондари... Профессий много, но все они давно забыты, зато на побережье наверняка востребованы. Иногда меня охватывает страх. Что станет с нами, когда исчезнет электричество, и внезапно закончатся запасы нефти и газа? Мы разучились работать руками.

Однажды я задремала с книгой, улегшись на матрасе у окна. Проснулась от толчка, а Егор рядом, облокотился и рассматривает меня.

— Что случилось? — встревожилась я.

— Ничего, — покачал он головой. — Ты беззащитная, когда спишь... И шепчешь что-то.

— Наверное, что люблю тебя. Сильно-сильно, — обняла его. — Как прошел день?

— Не спрашивай. В прессе укрепились подозрения, что в верхах нет согласия. По рукам гуляют диссидентские газеты. В радиоэфире звучат призывы к неповиновению. Со дня на день плотина рухнет, и город захлебнется в панике.

— А что Рубля?

— Быстро оклемался и взялся за косу, чтобы срезать врагов под корень. Ему бы ехать на север и гасить пожар, но он боится оставить столицу. И отца не отпускает. Пойдем ужинать?

Я вскочила с подоконника:

— Пойдем. Альфред сказал, твой дед вернется поздно. А почему Ираида Владимировна не переедет сюда? Баста улетела, твой отец пропадает на работе допоздна. Должно быть, твоей маме скучно в четырех стенах.

— Нельзя показывать свой страх и давать повод для подозрений. Подумаешь, Маська уехала в гости к дальним родственникам. Жизнь-то продолжается, — учил меня Егор по пути в малую столовую.

Наверное, это политика. Отцу Егора важно, чтобы супруга оставалась рядом. Преданная жена и верная соратница, поддерживающая мужа в трудные для страны дни.

В другой раз посреди бела дня в библиотеке появился Константин Дмитриевич. Зашел и уселся в кресло. Я удивилась. В это время дед Егора обычно пропадал в городе.

— Что случилось? — спросила со страхом. Я срослась с беспокойством. Оно стало моей тенью, протянулось незримыми нитями под кожей.

— Ничего. Решил заглянуть. Что читаете?

— О посуде из глины и о кирпичках.

— Неплохо. Может пригодиться.

— Мне?! У меня руки как крюки. Я и шью абы как.

— Потому что у вас не было цели или недостаточно четко сформулирована задача. В каждом из нас заложено умение создавать руками, но мы затолкали его глубоко и успешно забыли.

Самый старший Мелёшин поднялся и ушел. Зачем он приходил?

Я поняла, что дело сдвинулось с мертвой точки, когда самый старший Мелёшин распорядился:

— Начинайте без промедления собирать сумки.

Вещи, необходимые для поездки на побережье, подбирались согласно списку, лежавшему на утверждении у Рубли. В свое время Константин Дмитриевич немало помог дельными советами при составлении перечня.

Как бы Егор ни воротил нос от магазинов, а пришлось ему покупать и еще раз покупать. Но сперва примерять и мучить продавцов расспросами о том, сколько весит та или иная вещь. Потому что по установленным правилам любому человеку, желающему попасть на побережье, разрешалось прихватить с собой не более двадцати кгэ.

По указанию Константина Дмитриевича в малой гостиной поставили напольные весы, и помещение превратилось в барахолку из одежды и обуви.

— Не гонись за тютелькой в тютельку, — поучал внука самый старший Мелёшин. — Допускается двадцать килограмм, а ты уложись в девятнадцать или в восемнадцать. В комендатуре тебя постараются развести. На чем угодно. Им скучно, развлечений нет. Могут перенастроить весы, и выяснится, что в твоей сумке — три лишних килограмма шмотья.

Неожиданно для себя Егор увлекся. Прежде чем потратить денежки, он придирчиво изучал утепляющую прослойку в куртке или гнул кроссовки, сводя носок с пяткой и, тем самым, проверяя на прочность. Столь же тщательно муж подошел и к покупке моих вещей. Продавцы удивлялись, узнав о том, что нас не интересует товар с улучшениями в структуре и в свойствах, но помалкивали, не навязывая свое мнение.

При взгляде на вместительные сумки, заполняемые вещами, мое сердце начинало биться с перебоями. От волнения, от предвкушения и от страха. Мне казалось, уехать будет просто. Подумаешь, скатаемся туда и обратно. Будем считать отбытие на побережье сродни развлекательной поездке в Моццо. К тому же, в любой момент можем вернуться назад. И всё же я боялась. С отъездом порвутся ниточки, связывающие нас с Большой землей. Впереди ждет неизвестность. Если висоратский мир я изучила вдоль и поперек, то возвращение на

побережье... пугало.

Мы определились и с судьбой Кота. Константин Дмитриевич согласился принять животинку на постой. Я неоднократно внушала усатому: мы уедем, а ты останешься здесь. Когда-нибудь вернемся, а ты нас дождешься. Не знаю, понял ли Кот что-либо из сказанного, но слушал внимательно. А я брала его на руки и гладила, гладила.

Согласно договоренности я показала аттестат отцу, для чего Егор отвез меня в белую зону.

Дом опустел. Часть прислуги распустили, а некоторые уехали с мачехой. Обед подавали в малой столовой. Родитель, несмотря на вынужденное холостяцкое существование, выглядел идеально в рубашке и при галстукке.

Папенька изучил внимательно аттестат с присвоением мне квалификации технического специалиста в области висорики, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Сбылась его мечта, вернее, его условие. Этого он хотел? Этого добивался? Чтобы я поняла и почувствовала? Чтобы пропиталась духом висоратства и приняла правила этого мира? Чтобы изучила чужие секреты и тайны и могла ими воспользоваться? Шпионка в стане врага.

Имел ли мой аттестат значение сейчас, когда страна стояла на пороге новой гражданской войны, которая начнется из-за предсказания проржавевшего артефакта?

— Когда уезжаете? — спросил отец, отрезая кусочек бифштекса.

— Как только, так сразу. Рубля не подписывает, — ответил Егор.

— Подождем. Он подпишет.

— Мы тоже рассчитываем на это, — согласился муж, и "мы" в его устах означало не меня, а мужчин семьи Мелёшиных.

Получается, родитель посвящен в планы касаясь поездки на побережье. Я думала, придется уговаривать его и убеждать, а вышло иначе. Без сомнений, он знает: я рвусь туда, чтобы встретиться с мамой. И он не удивлен, хотя ни разу не заикнулся о ней. Быть может, отец воспользуется моментом и передаст ей пару слов через меня?

Отец не передал. После обеда мужчины удалились в кабинет, а я, пройдясь по пустому дому, вышла на крыльцо и спустилась в сад. Садовник подстригал лужайку, работали разбрызгиватели. Пахло свежескошенной травой, и мокрые плитки дорожек высыхали мгновенно. Только сейчас я увидела: вокруг меня лето! Зелень, щебет птиц, цветы... Нещадно палило, и глазах вдруг замелькали блики. То ли солнце напекло голову, то ли бифштекс оказался непрожаренным, но зажав рот, я метнулась в дом в поисках ближайшего туалета. Содержимое обеда отправилось в унитаз.

Я долго плескалась у раковины, прежде чем со щек сошла бледность. Определенно, во всем виновато солнце. Запершись в библиотеке, я забыла о том, каким коварным может быть лето. В следующий раз нужно надевать шляпу с полями и гулять под зонтиком, причём утром или вечером, а не на полуденном пекле.

Егор не узнал и не заметил. А вечером мне опять поплохело. Ужин пошел насмарку, и муж обеспокоился:

— Выглядишь нездоровой. Давай вызовем врача.

— Не нужно. Я и сама могу определить симптомы. Это тепловой удар. Перегрев на солнце. Я пью много воды, полежала в прохладной ванне, и мне гораздо лучше.

— Это от переутомления. Ты целыми днями сидишь в библиотеке, даже о бассейне забыла. Скоро ослепнешь, — упрекнул Егор.

— Сижу, потому что жду документы от Рубли. И мне действительно лучше.

— Ладно, — согласился он неохотно. — Дай-ка, посмотрю. Покажи язык... Зрачки в норме... Слабости нет? Сколько пальцев на руке?... Эвка, не смейся, а то позвоню врачу... Жара нет, озноба тоже. Не похоже на отравление. Сиди в тенечке и не вылезай на солнце.

Есть, мой командир. Так, с унитазом пообщались, и желудок опустел. Зато захотелось винограда. Страсть как захотелось, и побольше.

Егор удивился, но вызвал горничную, которой передал мой заказ. Я слупила в присест больше двух килограммов и икала от переедания, но уснула довольной и сытой.

По утрам муж собирался на работу, и я тоже просыпалась, каким бы крепким ни был сон. Наверное, по привычке. Не могла свыкнуться с тем, что не нужно спешить в институт, и что Егор куда-то уезжает, а мне остается маяться от безделья.

Несмотря на то, что поездка на побережье обрела явственные очертания, Егор не спешил увольняться. Иначе бы он помер от праздности. Муж договорился с начальством об открытой дате ухода с работы, а именно: чтобы первый день неявки считался основанием для увольнения и расчета. И руководство компании пошло навстречу ценному специалисту.

— Эвочка, я позавтракаю с дедом, а ты ложись и отдыхай, — велел мой трудоголик.

— Я и так заотдыхалась. И устала ждать.

— Будь терпеливой. Проблема решится со дня на день.

Муж поцеловал меня и ушел, а Кот соскочил с кресла и растянулся на подушке. Хитрец. Дождется, когда Егор уйдет и оккупирует пухоперовое раздолье.

Побродив неприкаянно по комнате, я вышла на балкон. Зевая, полюбовалась яркими клумбами, посмотрела, как мужчины в комбинезонах разравнивают щебень на подъездной площадке, и отправилась в кровать. Дай, думаю, полежу, поворочаюсь. Всё равно сна ни в одном глазу, потому как гложут тревожные думы.

И поворочалась. Проснулась и подскочила как ужаленная: за окном время идет к полудню! Ох, и засоня. И Кот не разбудил, а дрых еще крепче, чем я.

Завтрак прошел в одиночестве, вернее, в компании Кота на отдельном стуле и в отсутствии аппетита. Экономка заметила вялое ковыряние вилкой и, памятуя о недавних вкусовых пристрастиях, предложила отведать винограда, отчего меня опять затошнило.

— Спасибо. Если не затруднит, я хотела бы жареную рыбу. И чтобы с корочкой.

— Какую? — женщина нисколько не удивилась тому, что я не прошу на завтрак овсянку на воде. Хотя чему удивляться? Время-то обеденное.

— Любую, но зажаристую.

Через десять минут к столу подали форель, обжаренную до хрустящей корочки, и я проглотила ее в присест, попросив добавки.

День прошел в библиотеке за чтением книг о тканях, о выращивании и переработке льна, хлопчатника, о шерсти и прядении, а еще о получении пеньки и джута. Не уверена, пригодится ли почерпнутая информация или окажется бесполезной, но и сидеть, сложа руки, не было мочи.

Бессмысленное ожидание выматывало. Прошел еще один день, Рубля выздоровел и взялся за государственные дела, которых накопился непочатый край. Почему он тянет и не подписывает бумаги? Потому что не доверяет Мелёшиным! — осенило меня. И не доверяет моему отцу. Я и Егор — заложники, которых нельзя отпускать из столицы.

Чтобы в одиночестве не сойти с ума от неожиданной догадки, я набрала номер Егора и

предложила встретиться в городе после работы.

— Давай поужинаем где-нибудь. В "Инновации", например.

Он согласился. "Эклипс" самого старшего Мелёшина отвез в столицу, и охранник сдал меня мужу, дожидавшемуся у дверей кафе.

— Не поверишь, но я рада здесь оказаться. Хотя бы для того, чтобы просто посидеть с тобой, — призналась Егору, когда мы расположились на диванчике, и официантка принесла меню. — А ведь когда-то я зареклась сюда ходить.

— Помню-помню, — улыбнулся он. — У тебя на лице было написано: "Долой зажавшихся богатеев!" Когда ты разгадала мой план, я понял, что нужно тикать, иначе меня прикончат на месте.

— Ты раскрутил Петю на сто висоров. Нет, даже больше, чем на сто. А твоя подружка заказала диетическую бурду... Вот! Чоху-боху, — ткнула я в картинку на меню и невольно сглотнула, когда бурая масса вяло качнулась в высоком бокале.

Наверное, и побледнела тоже, потому что Егор спросил:

— Как самочувствие?

— Так себе. Не пойму, — ответила я, сглатывая и сглатывая подступившую тошноту.

— Эва... — начал он, но тут зазвонил телефон. Егор выслушал и отключился. — Собирайся, мы едем. Рубля подписал бумаги. Дорога каждая минута.

— Почему? Как? — засыпала я вопросами, когда "Турба" вырулила из кармана с визгом тормозов.

— Один из высокопоставленных армейских чинов признался в планируемом заговоре.

— Значит, предатель найден, и всё кончено?

— Вряд ли. Око не ошибается. Но Рубля на радостях подписал пачку бумаг и наши документы в том числе. Семут отправил их с курьером в алую зону. Мы должны уехать как можно скорее.

— Когда? На этой неделе?

— Сейчас. Рубля отдал приказ об арестах членов семей политических преступников. Понимаешь, что это означает?

Понимаю. Начинается полномасштабный террор. Как полвека назад.

Получается, вместе с обвиняемым в предательстве будет отвечать его семья. Вот почему увозят и прячут жен с детьми по провинциальным городкам. Потому что надеются, что длинные руки Рубли не дотянутся до периферии.

Ладно, паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Егор говорил, в столице проживает около шестидесяти процентов невидящих. Коснется ли их передел власти или обойдет стороной? Хотя профессор уверенно заявил, что низшие социальные слои не пострадают.

Сперва я хотела позвонить Марте, но передумала. Что ей сказать? Поделиться домыслами и слухами? И посеять панику и страх. Вдруг линия прослушивается? Излишние откровения навредят Марте и Олегу, навредят мне и моей семье.

И была сумасшедшая спешка. В сотый раз перепроверили содержимое сумок и перебрали документы, привезенные курьером от Семута. Посидели на дорожку. Кот взобрался ко мне на колени.

— Веди себя прилично, — внушала я, понизив голос, чтобы надо мной не посмеялись. — Ты не простой Кот, а глубоко воспитанный и образованный. Мы скоро вернемся. Потерпи.

Вру, конечно, но "скоро" — понятие относительное.

По документам Егор числился внештатным сотрудником закрытого научного городка "Вис-1". Целью его миссии на побережье значились обработка и анализ информации по спонтанному возникновению висорических потенциалов у каторжных. Словом, моего мужа ждал титанический труд, потому что за пятьдесят лет на Большой земле никто не задумался о необходимости накопления статистики по проявлениям вис-способностей у ссыльных (Между нами говоря, нужна ли она?) Я же, как преданная жена, следовала за супругом.

— Вот билеты, — сказал Севолод. — Поезд через два часа. Пересадка ночью. Иначе не получается. Следующий будет через три дня.

— На машине домчим быстрее, — взялся спорить Егор.

— Туда нет дороги. На десятки километров — никакого жилья. Общее время в пути составит около двух суток. Поезд подойдет к вашей станции на рассвете. Стоянка — пять минут. От станции по утрам ходит рейсовый автобус. Он и довезет.

— Двое суток?! — протянул муж. — А быстрее никак нельзя?

— Хочешь личный самолет?

— Ладно, проехали.

— А дальше? — вклинилась я, не утерпев.

— Дальше нас встретят, — ответил Егор.

Кто встретит? Где? Куда? Как? Куча вопросов без ответов. Но нельзя впадать в панику и устраивать истерику. Я ведь не соплюшка мелкая.

Гнали как сумасшедшие, чтобы успеть. Сигналили, выскакивали на встречную полосу и обгоняли.

Поезд отходил от железнодорожного вокзала. Отсюда больше года назад я уезжала в Моццо, но с другой стороны, через терминал для автотранспорта.

Торопились по переходам, лестницам, туннелям, бежали чуть ли не на задворки вокзала. Не удивлюсь, если поезд окажется на запасном пути.

Собрались все: и мой отец, и Ираида Владимировна с мужем. А дед Егора и Севолод приехали вместе с нами из алой зоны. Телохранители рассредоточились по перрону, пугая своим видом пассажиров и провожающих. Те обходили по большому радиусу мрачных типов в черных костюмах.

Мужчины перехлопали друг друга по спинам, обнявшись. Егор обнялся и с мамой. А кто обнимет меня? Отец?

И он обнял. Неуклюже, неумело. Как и я. Обалдеть. Похоже, мир перевернулся с ног на голову. Обнимаемся с папулей как любящие родственники перед дальней разлукой.

Ираида Владимировна тоже обняла меня и поцеловала в щеку.

— Берегите друг друга, — сказала на ухо.

— И вы тоже.

Егор закинул сумки в тамбур и запрыгнул следом. Протянул руку, и мне помогли, подсадив.

Не махали платочками, не было радости на лицах.

Поезд пару раз дернулся и медленно тронулся, а я пребывала в растерянности. Наше бегство напоминало... бегство.

Мы приклеились к окну. Я видела, как Ираида Владимировна закрыла лицо рукой в перчатке, заплакав, и Мелёшин-старший обнял жену. Я видела, как перрон с людьми поехал,

удаляясь, вернее, поехал поезд, набирая ход. Но я не слышала, как самый старший Мелёшин сказал:

— Через двое суток они будут на месте. Тогда и начнем.

И присутствующие согласились с ним.

— Гош, твоя мама плакала. Очень плохо, да?

— Бывает и хуже. Иди сюда, — он потянул меня за руку.

Мы ехали в отдельном купе. Со следами обшарпанности, но в довольно-таки приличном. Сумки лежали напротив, на свободном сиденье.

Поезд больше часа петлял по хитросплетениям рельсовой дороги, пока не выкарабкался из столицы. Сейчас за окном проползала промышленная зона. Ничего интересного: трубы, серые ангары, унылые заборы, угольные кучи...

— А кто нас встретит? И как?

— Слушай, деточка, сказку, — ухмыльнулся Егор и рассказал о том, что от станции придется ехать на автобусе, который ходит по утрам, и что до пункта назначения не добраться иными способами. О том, что нужно пройти регистрацию в комендатуре перед тем, как попасть на территорию. О том, что нас встретят и довезут до места.

— До мамы?! — подскочила я.

— Тише ты. До Совета в Магнитной.

— Но как? Каким образом? Мама знает, что я приеду?

— Думаю, знает. Но вот с точной датой мы промазали. Машина приходит за нами вторую неделю и всё впустую. Скоро на нас плюнут, и тогда придется топтать пешком.

— Я и пешком пройду, сколько потребуется!

— Не сомневаюсь, — усмехнулся муж. — Как твое самочувствие?

— Это самый трудный вопрос, на который я не могу ответить. В столице творится черт те что. Вот-вот произойдет непоправимое... Твоя мама и отец...

— Я говорю не о родителях и не о столице, а о тебе.

— Вроде бы сносно. Но когда ты сказал, меня тут же начало укачивать.

Зря Егор напомнил. Зажав рот рукой, я бросилась к туалету в конце вагона, а муж терпеливо ждал за дверью. Пришлось долго полоскать рот из-за желчи, вставшей в горле. Вода пахла хлоркой и имела привкус железа.

— Ну, как? Легче? — спросил он, когда я выползла из туалета.

— Сносно. Я ж толком не поела. Всё-таки это не солнечный удар. Может, меня отравили, а яд не усваивается из-за приобретенного иммунитета?

— Пойдем, погрызешь сухек с чаем. При отравлении идет интоксикация. Тянет мышцы, болят и увеличиваются органы — печень, поджелудочная, почки... Прислушайся к себе. У тебя что-нибудь болит?

— Вроде бы нет. Попробуй пальпацию.

— Что-о? — удивился Егор.

— Пощупай, потрогай. Помни. Понадавливай.

— Ну, у тебя и словечки. — Он свел руки в замок и хрустнул пальцами.

— Так себе, не шедевр. Понахваталась всего понемногу.

Но всё ж тетрадку с лекциями по сестринскому делу прихватила с собой. Пока едем в поезде, почитаю. Хотя на станции придется выкинуть.

Егор провел осмотр, и я хихикала от щекотки. Выяснилось, что ничего у меня не болит.

Больной оказался здоровее самого здорового быка.

— Гош, вдруг возвращается как зимой? Слабость, головокружения... Я не хочу.

— Держи сушку. Сейчас принесу чай.

Он вернулся через пять минут, с двумя стаканами и злой-презлой.

— Что за дебильный уровень обслуживания? И кран заедает. Чуть не облился кипятком. Эва, тебе нужно поспать. Через четыре часа пересаживаемся на другой поезд. Ночью и практически на ходу.

— Ты раньше ездил на поездах? — поинтересовалась я, отхлебнув чаю. Горячая волна прошла по пищеводу и опустилась в пустой желудок. Безвкусно, зато хорошо.

— Вот еще! — фыркнул муж. — Либо на машине, либо на самолете, либо на скоростном аэробусе. А вот это, — он постучал по столику, — отсталое убожество. Пешком — и то быстрее будет.

— А я ездила пару раз, когда моталась по ВУЗам... Гошик, спасибо тебе. Я бы не справилась в одиночку.

— Эвка, а ведь ты беременная, — сказал он ни с того, ни с сего, и моя челюсть отвисла самым натуральным образом.

— Здравствуйте. Если ты не забыл, я каждый день развожу порошочек.

— Порошочек не дает стопроцентной гарантии, — не унимался Егор.

— Как раз дает. Железобетонно и без исключений. Качество, гарантированное производителем, — процитировала я девиз известной фармацевтической фирмы.

— А эти... как их?... задержки! Ты же зачеркиваешь в календарике свои особенные дни.

Порывшись, я достала искомое из кармашка сумки.

— Ну да, отставание на неделю. У меня часто так бывает. Например, зимой опоздали на полторы недели, а потом начались на неделю раньше. И вообще, почему я должна обсуждать с тобой особенности женской анатомии?

— Да потому что мы спим вместе, Эва, — развел руками муж. — А твоя анатомия... мне очень даже... нравится.

— Правда? — отозвалась я с придыханием. А как еще спрашивать, если чьи-то пальцы забрались под футболку и принялись изучать особенности женской анатомии?

— Угу, — буркнул невнятно Егор.

— И все равно я не того... не беременная. Нет и еще раз нет, — утвердила спустя некоторое время. — Это невозможно.

К тому же, слово "беременная" звучит пугающе и не вовремя. Я не готова, Егор не готов, а впереди ждет побережье.

Дорога стелется между рощиц и полей, взбирается на пологие холмы и огибает овраги.

Мы едем достаточно долго, чтобы потрясение от встречи с Тёмой перестало быть потрясением. Причем Егор был изумлен не в меньшей степени, чем я. В машине душно, и он открыл окна для сквозняка. Теплый ветер залетает в кабину и треплет волосы.

Транспорт катится не спеша, но периодически Тёма останавливает машину и вылезает, чтобы поднять капот и что-то посмотреть, подкрутить.

Выбираемся и мы с Егором. Точнее, я открываю дверцу и свешиваю ноги с сиденья, предпочитая оставаться в тени, а муж выходит и осматривается. Куда ни глянь — типичная лесостепь. Поля, перелески...

— Долго еще? — спрашивает он.

— Часа три. К вечеру доберемся, — отвечает водитель, опуская крышку капота.

И мы едем, едем... Я бы прилепилась к Тёме как банный лист и не отстала до тех пор, пока не услышала бы ответы на обуревающие меня вопросы. Море вопросов... Почему Тёма здесь, на побережье, а не на Большой земле? Знают ли Марта и Олег, куда пропал их родственник? Если знают, то почему не сказали, не заикнулись? Почему Тёма не удивился при встрече, увидев меня? Знал заранее, что приеду я, а не какая-нибудь выскочка-висоратка? Знаком ли Тёма с моей мамой?

Вопросы так и лезут, но Егор сердито зыркнул, мол "цыц", и поэтому я молчу, а разговаривают мужчины.

Вскоре пейзаж меняется. Появляются обработанные участки: покосы, стога, ровные квадраты и лоскуты — зеленые, золотистые... Желтые тарелки с бахромой — подсолнухи... Ряды штaketника с махровыми метелками — кукуруза...

Высовываю руку из окна, приглаживая ладонью разнотравье вдоль обочины. На очередном взгорке в далекой сини показываются темные треугольники. Горы! Магнитная! — ёкает сердце. Оно и так стучит с перебоями с тех пор, как за моей спиной закрылись пятиметровые ворота с буквой "V".

Неожиданно машина останавливается, дернувшись. Перепутье. Три накатанных дороги, три направления.

— Прямо — на Березянку, — поясняет Тёма. — Налево — на Русалочий и Родниковое. Направо — на Няшу-Марь.

— А на Магнитную? — спрашиваю я, и Егор поджимает губы недовольно.

— Через Березянку. Вообще-то округи связаны между собой и другими путями, но эти — самые лучшие. Центральные.

— Значит, нам в Березянку? — уточняет муж.

— Почти. Не доедем до неё самую малость.

Машина заводится и с фырканьем трогается. Я же впиваюсь глазами в горы, словно они заколдованные. Кажется, что с каждым оборотом колес горные пики становятся ближе и выше. Но спустя некоторое время дорога снова раздваивается, и автомобиль виляет вниз и в сторону. Горы пропадают за рощей. От расстройства не могу сдержать стон разочарования.

— Уверен, что нам сюда? — спрашивает Егор.

— Уверен, — отвечает Тёма.

— Но ведь горы там! — восклицаю, показывая пальцем назад. Туда! Нужно

развернуться и ехать в обратную сторону.

— На Магнитную поедем завтра, — отвечает наш проводник.

— Завтра? — у меня перехватывает горло.

— Почему? — цедит муж.

— Потому что время идет к вечеру, а от Березянки до Магнитной путь неблизкий и непростой. Рисково туда соваться, на ночь глядя. Разумнее выдвинуться с утра.

— И где предлагаешь заночевать? — язвит Егор. — В поле?

— Зачем же в поле? Хотя могу пособить. Раскинешь посреди гречихи шатер и уляжешься на подушках как восточный шах, — острит Тёма.

От того, чтобы муж не вспылал и не вцепился в водителя, удерживают два момента. Первый: Тёма резко тормозит, съехав на обочину, вернее, в траву. И второй момент: на взгорок вылетела группа всадников и промчалась мимо.

Их пятеро или шестеро — не успеваю сосчитать. Мужчины в шляпах и в рубашках-безрукавках. И они с гиканьем пришпоривали лошадей, явно торопясь. Когда наездники скрылись за поворотом, я сообразила, что стою на подножке автомобиля и с разинутым ртом смотрю назад — туда, откуда мы приехали.

Что это было?

— Кони... люди, — ответил Тёма, выйдя из машины и разминая ноги. — А вы думали, тут гоняют скоростные тачки и самосвалы?

— Твоя же гоняет, — хмыкнул Егор. — Хотя нет, она ползет на последнем издыхании как полудохлый таракан.

Тёма не обиделся. Он вообще, оказался необидчивым парнем. На провокации не поддавался, и его доброжелательность бесила мужа. Тот искал любой повод, чтобы развить конфликт.

— Ползет, не спорю, — признал Тёма. — Но всё ж лучше ехать на автотехнике, чем идти пешком или трястись на повозке. А машин здесь немного. На побережье их от силы штук пять, по одной в каждом округе. И да, еще одна в Березянке, на ремонте. Машины здесь не котируются.

— А что котируется?

— Тракторы. К ним можно прицепить что угодно. Плуг, борону, косилку, тележку... Грузовики есть, но их и того меньше.

— И всё? — удивился муж.

— Ну-у... техника местного начальства не считается. У них отдельная кухня. Своя солярка, свои запчасти, свое обслуживание. Бывает, катаются в комендатуру от скуки или за пайком.

Тёма достал из бардачка булькающую фляжку.

— Будете?

Я было дернулась, но Егор осадил:

— Эва!

Надо же, какие мы строгие и хмурые. Но авторитет мужа — есть авторитет. Пока что промолчим, а недопонимание развеем наедине, без посторонних глаз.

Егор достал из сумки поллитровую бутылку с остатками воды и протянул мне.

— Далеко еще? — спросил у Тёмы.

— Полтора часа. Но учтите, экскурсии по Березянке не будет. Свернем, не доезжая. Кстати, бутылку не выбрасывайте. Пригодится.

За полтора часа езды и тряски я успела примириться с мыслью, что не увижусь с мамой сегодня. В конце концов, что значит один день против долгих лет ожидания? Ведь невозможное достигнуто. Я здесь, на побережье, и через сутки обниму маму.

Чем ближе мы подъезжали к Березянке, тем оживленнее становилась дорога. Навстречу попадались телеги, запряженные лошадьми, тянущими сено, мешки, бревна, бочки. Возницы понукали коней и стегали хлыстами. Попадались и всадники — поодиночке и небольшими группами. Вдалеке, на склоне, неторопливо брело стадо коров. А со своротка, о котором упомянул Тёма, вырулила женщина на велосипеде и поехала в направлении Березянки.

— Пять кэмэ, и вы в центре, — проинформировал наш гид, махнув рукой вдаль, и вывернул руль на проселочную дорогу.

Надо ли говорить, что мои глаза не выходили из состояния округленности? После цивилизованных благ Большой земли типичный сельский пейзаж ошарашил будь здоров.

Шифроадрес — 1221. Хутор близ Березянки.

Добротный дом с двухскатной крышей, просторное подворье. Сарай, птичник. Огород, уходящий в бесконечность, до березовой рощи. И сад с фруктовыми деревьями.

Забор — не от вороватых соседей и люда лихого, а от нагловатой скотины. Куры бегают по подворью, и меж них гордо расхаживает петух с красным гребнем и богатым черным хвостом. Краснолапые гуси тянут шеи, утки щиплют траву плоскими клювами.

И мы, нежданные гости. Вернее, жданные. Нам следовало приехать на прошлой неделе, но обстоятельства помешали, — объясняет Тёма хозяйке. Судя по простоте общения с хозяевами, он — частый гость на хуторе.

Меня так и тянет спросить у парня, какими судьбами он оказался на побережье, но Егор бдит. Муж ясно дал понять: с певуном из клуба не любезничать.

Хозяйская семья — большая числом. Помимо хозяйки — её муж, двое взрослых сыновей, один из которых женат, сноха на сносях и две младших дочери, навскидку шестнадцати и двенадцати лет. Все светловолосые, как и Тёма, лишь невестка — тёмненькая и черноглазая. Даже просторная разлетайка не может скрыть большого живота у молодой женщины. Невольно примеряю к себе состояние глубокой беременности и в который раз убеждаюсь: на данном этапе я и материнство несовместимы. К тому же меня почти не тошнит, и когда Егор с завидной частотой спрашивается о самочувствии, отвечаю уверенно: "Всё хорошо, никаких проблем".

Молодые строятся тут же в ограде, недалече от хозяйского дома. Возводят основательный пятистенок из бруса. Пока что стены — мне по грудь. Пахнет свежеструганной древесиной. Тут же, на телеге наложены какие-то дощечки, наверное, для стройки. Поодаль — внушительная поленница и топор, воткнутый в деревянную колоду. На задворках натянуты веревки, на которых сушатся вещи, начиная от одежды и заканчивая постельным бельем.

Пожилая женщина приводит двух коров и теленка. Те мычат и идут к поильнику, обмахиваясь хвостами. Матушка хозяина, — поясняет Тёма.

— Здравствуйте, — говорю я, и женщина приветливо улыбается.

К ужину собирается вся семья, и нас кратко знакомят. Хозяева вежливы и не лезут с расспросами. Мы — тоже.

Трапезу организовали в доме, чтобы не досаждали мухи и мошкара. Пахнет деревом. Пахнут обшитые стены, пахнет стол, пахнут лавки по обе стороны... Наверное, у меня

неладно с обонянием, ибо запах забивает нос, но, как ни странно, не вызывает тошноту.

Девочки приводят под руки и усаживают за стол древнюю старушку. Во время ужина самая младшая из хозяйских дочерей помогает бабушке зачерпывать ложкой тюрю и есть.

Я же попадаю в ирреальное пространство. Информация, выуженная из книг во время заточения в библиотеке, накладывается на действительность. Сероватая скатерть — наверное, льняная (незаметно шупаю пальцами). Посуда — тарелки, супницы, кувшины, кружки, блюдо с ломтями ароматного хлеба, — глиняная и расписанная цветочным орнаментом. Нож — металлический, с деревянной рукояткой и наверняка остро заточенный. Ложки и вилки — тоже из металла, причем из тяжелого. Их ручки обработаны грубовато, а зубчики вилок слегка растопырены.

Во мне просыпается исследовательский азарт. Вместо того чтобы работать ложкой, верчу головой, изучая обстановку, потолок, пол, окна.

Старшая дочка хозяев играет с Тёмой в гляделки, и хозяйка осаживает юную кокетку:
— Марья!

Среднему сыну хозяев — чуть за двадцать. Он ест и бросает на нас с Егором неприязненные взгляды.

Мой муж не привередничает. Откушал и щи, и молодую отварную картошку с внушительными кусками мяса, и напился холодного квасу с баранками. Я же жую без аппетита, пробую всего помаленьку. Наверное, меня сочли чахоточной и немощной, но держат свое мнение при себе.

После ужина нас отправляют на лавочку у завалинки, мол, гостям работать не положено.

Солнце потихоньку сползает к роще. Жара спала, и тянет прохладцей. Вокруг тишина и стрекот кузнечиков. На крыльце умывается полосатая кошка. Издалека доносится лай собак. Они охраняют добро не от завистливых глаз, а от дикого зверья, — поясняет Тёма. Да-да, в здешних местах водятся и волки, и лисы, и куницы, и прочие разномастные хищники.

На заборе повисли мальчишки. Круглолицые, босоногие, коротко стриженные. Чумазые, грызущие недозрелые яблоки, утащенные из чьего-то сада. Они смотрят на нас с Егором как на невероятное чудо.

— Гош, создай gelide sandi^[45], - говорю шепотом, чтобы не спугнуть стайку воробьишек.

— Обойдутся, — поджимает тот губы.

— Гош, ну, пожалуйста... Привет! — машу мальчишкам, и пацанва на заборе всколыхивается. Дали бы дёру, но ведь не трусы.

— Вот сама и создавай.

— У меня плохо получается, а у тебя всегда идеально выходит, — подмазываюсь к своему мужчине.

Егор делает небрежный пасс руками, и в его ладони появляется синий морозный шарик. А-ах! — пацанва перевешивается через забор, забыв о яблоках.

Муж перебирает пальцами, и шарик плывет по воздуху к зрителям. Те зачарованно пялятся на приближающееся волшебство. Шарик плывет, плывет... Подплывает и вдруг разлетается брызгами. Мальчишек сдувает ветром.

— Зачем напугал детей? Растаял бы, как полагается, и дело с концом. Обязательно устраивать показуху?

— Вот сама бы и устраивала, — отвечает Егор. — Мой gelide, как хочу, так и таю.

Мне не разрешают мыть посуду, и я наблюдаю со стороны, ощущая себя дармоедкой.

Чтобы не угореть от духоты в доме, воду греют снаружи, в печи под навесом наподобие летней кухни. Девчонки натаскивают воду из колодца в деревянных ведрах, а Тёма, зажав во рту травинку, накручивает толстую веревку на ворот. Моют посуду в деревянной лохани.

— Пойду, помогу, — поднимается Егор и идет к колодцу.

Я же откидываюсь назад и упираюсь взглядом в небо. Лепота! Вокруг меня — этнический музей под открытым небом. То, о чем прочитано в книжках — вот оно, во плоти.

Большая земля превратилась в зыбкий мираж. Столичная суэта ушла на задний план, как и толкотня с давкой. Что сейчас делает Аффа? С моим отъездом Вива потеряла выгодную клиентку. Ничего, заведет новых. Улетела ли Ираида Владимировна на восток, к Басте? И Альрик... Вряд ли мы когда-нибудь увидимся. Раньше нас связывал институт: профессор преподавал, а я ходила на занятия, сидя в верхнем ряду. А теперь между нами нет общих точек соприкосновения. Разве что остались ночи в полнолуния, но в последний раз лес не пустил второе "я" на территорию хозяина.

Чтобы отвлечься, снова берусь за исследование.

Женщины ходят в платьях и сарафанах ниже колен и повязывают головы светлыми платками. На младшей из девочек — длинные шорты и легкая рубашка без рукавов со скудной вышивкой. Из обуви — нечто похожее на сланцы с веревочками, обвязывающими щиколотки.

Коров отводят на вечернюю дойку. Невольно сочувствую хуторским. На их плечах огромное хозяйство, требующее каждодневного внимания и постоянного труда — с раннего утра и до позднего вечера.

Средний сын, его зовут Тимуром, ворошит и перекидывает сено, поглядывая на меня с прежней неприязнью.

Над ухом звенит комар, и я отмахиваюсь.

— Вот, возьмите, — старшая из хозяйских дочерей протягивает туесок. — От комаров и мошкары.

Снимаю крышечку и вдыхаю запах мази.

— М-м-м... валериана... полынь... пихта, — то ли спрашиваю, то ли утверждаю вслух.

— Наверное. Не разбираюсь в травах, — девушка присаживается рядом. — Как вам у нас?

— Тихо, спокойно. Давно мечтала побывать на побережье.

— Не обращайтесь на него внимания, — кивает Марья на брата. — Он три месяца назад вернулся оттуда.

Почему-то я мгновенно понимаю значение слова "оттуда" и машинально хватаюсь за шею рукой. И я приехала из тех мест. Сумела вырваться.

— Я тоже скоро уеду. Неизвестно, на год или на три, — продолжает девушка. — И знаете, я не боюсь!

Смелая. Потому что трусить нельзя. А возможно, не уедет. Когда на Большой земле начнется дележка власти, границу побережья закроют. Хоть какие-то плюсы в грядущем перевороте.

Марья хочет спросить еще, да и я не против общения. Мне интересно, откуда она знает Тёму. Но девушку зовет мать, и она с видимым сожалением уходит.

— Почему не заехали в Березянку? — спросил Мэл.

— Незачем светиться лишний раз, — ответил Тёма, крутя ворот.

— От кого-то прячешься?

— Ни от кого. Вам же проще. Транзитом едете, нигде не застреваете, на глаза не попадаетесь.

— Чем обязаны за гостеприимство?

— Вы? Ничем. Всё обговорено давным-давно. Об этом не у меня спрашивайте. Доставлю до места и чао-какао. А за перерасход бензина отчитаешься на Магнитке. Я тебя две недели пасу и всё без толку.

— Мы не виноваты, что документы подписали с опозданием.

— Это и объяснишь. Уборочная на носу, а я катался за тобой туда-сюда, бензин тратил впустую.

— Объясню, если потребуется, — сказал Мэл с вызовом. — А ты чего здесь забыл? Неужто пожизненное?

— Практически, — отозвался Тёма весело.

— Не удивлён. Почему приехал ты, а не кто-нибудь другой? — спросил Мэл, перелив воду в ведро.

— Исключительно из симпатии к тебе... и к твоей жене, — ухмыльнулся Тёма.

— Ты!.. Я бы с удовольствием закопал тебя в навоз, но ты должен довезти нас до Магнитной, — процедил Мэл, потирая кулак.

— И довезу, — согласился Тёма.

— Ладно. Довезешь — тогда закопаю. У нас с тобой кое-какие дела не закончены.

— Помню-помню. А ты просто так рисуешься или взаправду сечешь в тачках?

— А что? — насторожился Мэл.

— Помог бы. Есть у меня подозрения, что карбюратор барахлит. Можем не дотянуть до Магнитки.

Мэл помолчал.

— Пошли, глянем, — кивнул в сторону машины.

Нам, как гостям, выделили лучшее спальное место. Тёма с Тимуром ушли на сеновал, хозяин с хозяйкой — в недостроенный дом. Бедные, как они там? Наверное, комары заели.

А мы с Егором спали на кровати. Хотя кровать — роскошно сказано. Настил из обработанных досок на высоких ножках и матрас для мягкости. Нам выделили свежее постельное белье из грубоватой ткани, наверное, льняной. Мой нос уловил слабый травянистый аромат. Пахло клевером. Не знаю, почему-то сразу пришло в голову. Да потому что матрас набит свежим сеном! — сообразила я.

И вроде бы все удобства для нас, а спалось как на кирпичках. Девчонки пошуршали за стенкой затихли, зато древняя бабушка покряхтывала всю ночь и покашливала.

Мы тоже ворочались и ворочались без сна — и я, и Егор. Лишь под утро мне удалось вздремнуть. Открыла глаза — в комнату проникли рассветные сумерки, а мужа нет.

Ступая на цыпочках и стараясь не скрипеть, я вышла на крыльцо. Егор сидел на лавочке и курил, пуская дым струйкой.

За забором плыл туман. Стволы берез прятались в молочной дымке, на траву упала роса.

— Не спится? — спросила, садясь рядом.

— Как и тебе, — хмыкнул он. — Хорошо, комарья нет.

— Тёма сказал...

— Забудь о том, что он сказал. И вообще, поменьше с ним разговаривай.

— Почему?

— Почему?! Эва, ты спрашиваешь: "почему"?! — вскинулся Егор. — Да потому что он тебя... потому что ты — моя жена!

— И?

Разве ж я вешаюсь Тёме на шею? И с каких пор вопросы по существу приравниваются к заигрыванию?

— Обходи его стороной, пожалей беднягу. Я ведь не сдержусь. В последнюю встречу не добил, так сделаю это сегодня.

Пора заканчивать с пустой ревностью. Не ровен час, мой синдром наворотит дел — вовек не разгребешь.

— Между мной и Тёмой. Ничего. Никогда. Не было, — сказала я отдельно и четко.

Муж посмотрел, прищурившись.

— Врешь. Вы целовались.

— То есть? — я растерялась. — Когда?... Как ты?... И вообще!.. — словарный запас исчез, и я вскочила с лавочки.

— Значит, целовались? — утвердил Егор, сделав затяжку.

— Да! Но это было не всерьез, а для дела!

— Ах, для дела?

— И вообще, когда мы целовались, ты был для меня никем! Сам-то тоже не скучал!

— Неважно. Вы целовались. Нет, вы сосались, прилипнув друг к другу как пиявки.

— Знаешь, что! Я уж молчу о твоей вечной подружке Штице! И об Изабелке! И об этой... как её... Лялке из лица! Ты ничего не знаешь, а смеешь обвинять меня! Говорю, что ничего не было — значит, ничего не было! — топнула я ногой.

— Ну, так расскажи, — предложил Егор, усаживаясь поудобнее. — Поделись, как вы жались друг к другу. Точно agglutini^[46] приклеились — не оторвать.

— А ты откуда знаешь? — спросила подозрительно. Нет, Тёма не мог разболтать.

Вот ведь человек! Прошло больше полутора лет, а он попрекает меня случайным поцелуем, хотя сам далеко не святой.

— Я многое о тебе знаю. Черт, что они здесь курят? — муж посмотрел на остаток тлеющей папиросы. — Сильная штука.

— Махорка, — ответила я машинально.

То ли от взвинченности, то ли от запаха курева, но у меня закружилась голова, и я рухнула на скамейку.

— Эвочка! — передо мной возникло бледное лицо Егора. — Эвочка, тебе плохо? Где болит? Черт! — вскочил он. — И где в этой чертовой дыре найти врача? Черт! Черт! Эва, я ведь говорил тебе, что не нужно сюда ехать!

— Нигде у меня не болит. Ты обвиняешь меня в том, чего в помине не было, — отозвалась слабым голосом.

— Хорошо, Эвочка, больше не буду. Успокойся и дыши глубже. Пошли в дом, замерзнешь.

Он придерживал меня и помог улечься. То ли встряска подействовала, то ли свежий воздух, но я отключилась через минуту. Сон оказался крепким, но недолгим. Меня разбудил Егор.

— Вставай, пора собираться. Нужно выезжать, пока не жарко.

Утро на хуторе начинается с восходом солнца.

Егор зевает. Бессонная ночь дает о себе знать. Вдобавок муж недоволен, потому что не привык бриться ручным станком. Да и пена для бритья без вис-добавок раздражает кожу.

Тёма заявил под хихиканье девчонок, что покрасовался пару недель без волос на лице — и хватит. Представив парня с усами и бородой по грудь, фыркаю, не сдержавшись.

Хуторские мужчины бреются поочередно, намыливая щеки и подбородок. Не приглядываюсь, но вижу в их руках помазок и бритвенный станок. Они бреются аккуратно, смотрясь в зеркальце неправильной треугольной формы в деревянной оправе — вероятно, это бывший осколок.

И зубы чистят желтоватым порошком. К мужчинам не решаюсь лезть, а с хозяйскими дочками делюсь зубной пастой. Младшая смешно кривится и загоняет воздух в раскрытый рот. Ей непривычна свежесть ментола. У каждой из девчонок — отдельная зубная щетка с щетиной. На деревянных ручках вырезаны имена "Марья" и "Ольга".

Вообще, за состоянием полости рта здесь тщательно следят. К примеру, после каждого приема пищи полощут рот водой с насыщенным вкусом прополиса. Оно и понятно, зубы нужно беречь смолоду, тем более в отсутствии стоматологии на побережье.

Старшие женщины готовят завтрак, а молодежь поливает грядки, пока свежо, и жара не накалила воздух, испещрив землю трещинами. Мужчины набирают воду из колодца.

— Еще неделя такого пекла, и с водой здесь станет туго, — замечает Тёма.

Нас кормят блинами и оладьями со сметаной и медом, с молоком и душистым чаем. На блюде высится внушительная гора печёностей. Ужас, сколько еды нужно готовить на большую семью, в том числе и на нас, трех нахлебников. Вдыхаю чайный аромат. В паре, поднимающемся от кружки, улавливаю бадан, душицу, зверобой. Егор не подает виду, но я знаю, что ему приходится ломать свои принципы в отсутствии ежеутренней порции кофе со сливками и тремя кусочками сахара. Блюдо быстро пустеет. Хуторским предстоит немало потрудиться, а на сытый желудок и работается легче.

Залив в бензобак топливо из пластмассовой канистры, Тёма возится с внутренностями машины. Егор присоединяется, и их головы исчезают под капотом.

На дорогу для нас заворачивают в чистую тряпицу кусок сыра, оладьи, промазанные медом, и ломоть хлеба. Я говорю сердечное спасибо хозяевам и взамен отдаю девчонкам футболки. Правда, для младшей Ольги одежда великовата, но будет на вырост. Марья разглядывает с восхищением сложную вышивку на своем подарке.

— Вот это да! Очень красиво.

— Так ведь машина вышивала, а не человек, — поясняю я. — Задал программу, и она штампует целый день одно и то же.

Вдобавок вручаю туалетное мыло с ароматом клубники и апельсина. Поначалу Марья категорически отказывается брать скромный презент, но я убеждаю и снова благодарю за отзывчивость и гостеприимство. Ведь неважно где — на Большой земле или на побережье — доброе отношение дорогого стоит.

Сборы подходят к концу. Егор заполняет бутылку колодезной водой и скептически изучает содержимое на свету.

Хозяин выводит за ворота лошадь, она тянет за собой пустую телегу. Тимур бросает в повозку бурдюк с водой и запрыгивает следом. Парень по-прежнему игнорирует наше присутствие — моё и Егора. Должно пройти время, прежде чем он станет спокойно воспринимать каждого встреченного висората. Пока же Тимуру мешают свежие воспоминания о недавно уплаченном долге.

Телега трогается, а старший сын хозяев уделяет внимание стройке. Ни суеты, ни криков на хуторе. День расписан поминутно, и каждый занят своим делом.

И нам пора уезжать. Солнце вот-вот пробьется через листву и озолотит рощу лучами.

— Проедем по Березянке краем, — просвещает Тёма, вырвав на дорогу по направлению к центру округа, и я стискиваю руку мужа.

Именно с Березянки началось расселение ссыльных. Березянка — сердцевина побережья. По этой дороге ходили и ездили мой дед, моя мама и бабушка. При участии Камила Ар Тэгурни были заложены первые дома в Березянке. С тех пор прошло немало лет и многое изменилось, но все же именно мой дед с единомышленниками создал систему, действующую на побережье и по сей день.

Березянка начинается неожиданно. Роща по обе стороны дороги обрывается, являя открытое застроенное пространство. Между деревьями видны крыши изб.

Тёма, следуя плану, сворачивает с накатанной дороги и ведет машину краем рощи. Здесь путь хуже: колея заросла травой, и кочек больше. Нас потряхивает, и водитель снижает скорость. Я же разглядываю дома с расписными ставнями и крылечками, и заборы — ровные и покосившиеся, черные от старости и желтые, свежеставленные.

— Беленькая вон там, — машет Тёма в сторону. Получается, Березянка обосновалась на правом берегу главной реки побережья. Несмотря на раннее утро, жизнь в центре округа кипит. Нам попадаются и пешие, и конные, и возницы с повозками. Подростки гонят коров и телят. У обочины группа коз обжевывает веточки плакучей березы.

Проехав окраинной улочкой, машина выворачивает на накатанную колею, и на подъеме Тёма останавливает "Каппу", пропуская стадо. Оглядываюсь назад. Центральная дорога идет вглубь Березянки, к широкой площади, на которой стоит несколько подвод, а вокруг расхаживают люди. На глаза попадает двухэтажное здание с зелено-оранжевым флагом над крышей. Наверное, это Совет округа, организованный правительством. Административное здание гораздо выше прочих домов в Березянке. С ним может посоперничать разве что протяженная постройка складского типа, с глухой стеной без окон и дверей.

— Запасник, — поясняет Тёма. — Рядом амбары, отсюда их не видно. А силосные ямы на другом краю Березянки.

Коровы проходят, лениво обмахиваясь хвостами, и автомобиль трогается. Дорога неширока, и Тёме приходится вырывать на обочину, объезжая подводы — груженные и пустые, удаляющиеся от Березянки.

Проходит несколько минут, и я начинаю понимать, почему пахотные земли составляют пятнадцать процентов территории побережья. Начинаются леса: сначала березняки, потом лес становится смешанным. Чем дальше, тем больше примешивается хвойных пород. Неожиданно встречается довольно-таки широкая просека по обе стороны дороги. Как поясняет Тёма, эта предосторожность связана с возможными пожарами. Давным-давно, в жаркое засушливое лето, Березянка едва не выгорела, и с тех пор просеку поддерживают в должном состоянии, вырубая поросль.

Машина ползет в гору. Подъем незаметен, но чувствуется по надрывному реву двигателя. Вскоре начинаются холмы. Автомобиль будто плывет на волнах — вверх-вниз, вверх-вниз. Холмы вокруг растут и вытягиваются, превращаясь в невысокие горы. Дорога более неровная, чем у Березянки, и машину трясет. Егор требует сбавить скорость, пусть и ценой потери времени.

В одной из низин открывается картина: справа от дороги, куда хватает глаз, оголенные остовы берез торчат верстовыми столбами среди густых зарослей.

— Здесь болото. Няша-Марь, — кивает Тёма. — Вообще-то она южнее, а это окраины.

Машина давно миновала безрадостный пейзаж, но гнетущее впечатление осталось. Согласно карте побережья, Няша-Марь занимает внушительную территорию, потеснив пригодные для обитания земли.

Дорога тянется, тянется, и водитель чаще останавливается и чаще открывает капот. Я тоже выхожу без боязни, что мне напечет голову. Взошедшее солнце прячется за горами, и большую часть времени машина едет в тени.

Потягиваюсь. Эти места мне знакомы, вернее, знакомо ощущение. Весенний семестр на втором курсе я провела в предгорьях, обучаясь в местном колледже, поэтому сейчас не удивлена ландшафтом. Наоборот, меня охватывает радостное возбуждение, которое зреет, зреет. Пока что оно тлеет как уголек, но разгорается с каждым последующим километром.

А горы все круче. Попадаются и скалистые участки. Даже Егор заинтересовался окрестностями. Вскоре выясняется, что мы едем долиной промеж двух хребтов, и неподалеку от дороги, среди зарослей весело блестит речушка. Она вьется лентой, но течет в направлении, противоположном нашей цели. "Каппа" обгоняет две груженные подводы с мешками, накрытыми тканью. Возницы машут Тёме, приветствуя.

— А говорил, что опасно ехать ночью на Магнитную, — язвит Егор.

— Так и есть. Они и не ездят. Выезжают засветло, ночуют в летниках, — отвечает Тёма. — Это такие избы... Нет, даже не избы, а полуземлянки.

— И где же твои летники? — хмыкает муж.

— Места нужно знать и примечать съезды к реке. На гужевом транспорте до Магнитки приходится ехать двое суток, и нужно где-то ночевать. Хотя можно спать и под открытым небом, но в дождь мало приятного, да и холодает в горах рано. Дни жаркие, а ночи промозглые.

Автомобиль ползет, неуклонно поднимаясь вверх. Тёма притормаживает машину.

— Вот короткая дорога на Няшу-Марь, — показывает на ленту промеж леса, уходящую вниз и перпендикулярно нашей трассе. Приличная горка — пологая, но долгая. Самое то, чтобы с ветерком кататься на санках. Съехать вниз — еще куда ни шло, а вот как забираться?

— Понемногу, потихоньку, — отвечает Тёма.

Едем дальше. Егор зевает. Чтобы не уснуть, заводит разговор с водителем.

— Какой толк в Няше? Болото и есть болото.

— Да, гнуса многовато. Из Няши везут торф и древесный уголь. Основная часть топлива уходит в Магнитную, но и другим округам достается. На одних-то дровах зимой не натопишься.

— Зачем везти уголь за тридевять земель? Леса здесь в избытке, — сообщает Егор прописную истину. — Запаливай костры на здоровье в любом месте.

— Палят, если есть свободные руки, — отвечает Тёма. — Думаешь, в других округах прохлаждаются? А еще в Няше знатная охота. Дичи полно и пушнины. Самое то для

скорняков.

Едем, едем. Слева образовался довольно крутой склон, а правым боком машина жметя к горе.

— Стоп, — говорит Тёма, тормозя. Впереди дорога загибается, образуя закрытый поворот. — Дальше идет опасный участок. Не разойдемся со встречными. Нужно стоять на стрёме и семафорить. Пойдешь? — спрашивает у Егора.

Тот бросает на меня быстрый взгляд.

— Нет уж, ты иди.

— Ладно, — соглашается Тёма. — Пешим ходом участок занимает минут десять. Засекай время. Тронешься через пятнадцать минут.

— Понял, не дурак. Давай-давай, — Егор сварливо гонит парня. Тот вылезает и скрывается за поворотом, а муж пересаживается на место водителя. Я перебираюсь на соседнее сиденье.

— Гош, — взъерошиваю его волосы. Муж с недовольным видом поигрывает пальцами по оплетке руля. — Ну, Гошик... Обижаешься на меня?

— Вот еще, — хмыкает он. — Просто не выспался.

— Ты вот обвиняешь меня впустую, а я, между прочим, никого не вижу кроме тебя, — льну к Егору.

— Ну-ну. Что-то незаметно. Не обнимешь, не поцелуешь...

— Да как же обниматься-то? Люди ж кругом!

Он с деланным удивлением оглядывается по сторонам, мол, где ты здесь людей увидела? На километры вокруг — ни одной живой души.

— Кто тебе важнее: я или люди?

— Конечно, ты, — отвечаю я и затыкаю недовольство мужа поцелуем.

Когда истекают положенные пятнадцать минут, точнее, восемнадцать, настроение Егора заметно улучшается. Ему удается с третьего раза завести машину. "Каппа" дергается, и двигатель ревет.

— Гроб на колёсиках, — ворчит муж. — Ничем не лучше осла. Хочу — иду, хочу — стою.

Он ведет автомобиль осторожно, но быстро принаравливается к езде на доисторическом транспорте. Поворот и вправду опасен: дорога сужается, а слева крутой обрыв. Поодаль стоит Тёма и разговаривает с возницей, едущим из Магнитной. Подвода возвращается в Няшу-Марь.

— В десяти километрах — свежая осыпь, — говорит наш проводник, усаживаясь на место водителя. Егор с радостью бы порулил, но не решается оставить меня в одиночестве на заднем сиденье.

— А мы проедем? — спрашиваю с тревогой. Массовая осыпь сродни обвалу. Может перегордить дорогу обломками горной породы, и потребуется немало времени и средств, чтобы расчистить путь.

— Проедем. Сход небольшой, по мелочи.

Сход действительно небольшой, но камни усеяли дорогу. С невольным страхом посматриваю на скалу. Жалкие прутики березок умудряются расти на пятисантиметровых пятачках.

Тёма изучает препятствие, убирая острые и большие камни. Встречная телега прошла, расчистив путь, но колеса "Каппы" шире и уязвимее, а днище — ниже. Машина должна

проехать ровнехонько по импровизированной колее. Егор тоже приценивается.

— Эва, отойди в безопасное место, — велит мне, оглядывая каменистый склон. —
Смотри, как пить дать, пропорет днище, — показывает Тёме.

— Козлина, — ругается тот, пытаюсь сдвинуть камень — один из самых крупных на дороге.

— Отойди, — говорит Егор и делает пассы, создавая leviti airi^[47] — непростое заклинание, требующее концентрации внимания. Камень подскакивает в воздухе, и муж отбрасывает его в сторону.

— Круто, — заключает Тёма с уважением, но не возносит дифирамбы, а продолжает: — Будешь направлять.

Он садится за руль, а Егор пятится, показывая, как лучше и безболезненнее миновать опасный участок.

Наконец, препятствие преодолено, и мы садимся в "Каппу". Дорога по-прежнему неровная из-за камней, закатанных колесами в грунт. Едем, едем, и моему взору открывается величественная перспектива гор, каждая из которых выше другой. Зеленые пики освещены солнцем.

— Что это? — показывает пальцем Егор. — Синё там.

Вдалеке небо гораздо насыщеннее, чем над нашими головами. Синева сгущённая и плотнее.

— Там идет гроза, — поясняет Тёма. — В горах не пойми как. То светит солнце, то дождь зарядит. Но мы должны доехать без проблем. В моем расписании дождь не запланирован.

Не могу удержать улыбку. Егор хмурится, и я хватаю его за руку, посылая воздушный поцелуй. Люблю тебя, ревнивый мой! Муж поджимает губы, но затем хмыкает.

О том, что в горах далеко небезопасно, говорит размытая дорога. Пару раз мне приходится выбираться из машины, а Тёма осторожно ведет "Каппу", чертыхаясь на гребнях засохшей грязи. Во время дождя поток воды сошел с горы, найдя короткий путь.

Макушка противоположной горы черна. На вершине, словно вздыбленные волосы, торчат стволы обугленных деревьев.

— Во время грозы жажнула молния, и пошло полыхать, — поясняет Тёма. — Видите, сгорело немного, потому что ливанул дождь. А попадаются места, где склоны выгорают подчистую.

Несколько раз "Каппа" пересекает ручейки, бегущие с гор, и опять Тёма выходит из машины, разведывая путь.

— Запаска-то есть? — спрашивает Егор. Он поднимает со дна камень с острыми краями и отбрасывает в сторону.

— Есть. Но я везучий. Сколько ездил, а ни разу не пропорол, — отвечает Тёма весело. Доезжаем до мелкой, но широкой речушки — метров пять или около того.

Опускаю руки в воду и умываюсь. Она кристально прозрачна — виден каждый камушек. Не удержавшись, пью, сделав ладонь лодочкой.

— Эва, вода ледяная, можешь заболеть! — кричит Егор. Он босиком, штаны подвернуты до колен. — И кипятить нужно.

Тёма смеется:

— Пей так. Вода чистая. Обычно муть идет после дождей.

— Вода надолго поднимается? — спрашиваю, усаживаясь на валун. Если ранее

встреченные ручейки журчали, то речка с шумом перекачивается по камням.

— Когда как. Часто идет на спад через двое-трое суток, — отвечает парень.

Мы кушаем, устроившись в тенёчке, и запиваем речной водой. Укладываюсь на траву и потягиваюсь. Благодать! В небе кучевые облака, светит солнце, но нет той изнуряющей жары, что допекала в Березянке.

Мне надоедает лежать, и я обхожу окрестности, изучая местную флору, пока мужчины осматривают дно и обсуждают, как лучше проехать. Помимо тысячелистника, зверобоя, осоки и ромашек замечаю желтые "солнышки" девясила, фиолетово-желтые цветоносы Иван-да-марьи, белые свечки донника. Забираюсь выше по склону и обнаруживаю дикую черную смородину с полузрелыми ягодами. Торопливо набиваю рот — не от жадности, а потому что захотелось, до дрожи и повышенного слюноотделения. И сразу же бухаюсь на колени, разглядев в траве кустики клубники. Ползаю, ем. Ммм, вкусно.

— Эва! — кричит муж с тревогой.

— Я здесь! — поднимаюсь и спешу к стоянке. — Вот, попробуй, — протягиваю ладошку со слипшимися ягодками.

Егор страдальчески морщится, но послушно открывает рот. Он решил, что меня обидит его пренебрежение. И я почти обижаюсь, но тут же остываю, потому что муж ест с удовольствием, гоняя ягодки во рту и выжимая вкус.

Егор запретил мне переходить речку на своих двоих и переносит на руках, осторожно ступая по камням, чтобы не поскользнуться и не упасть в воду с нелегкой ношей. На другом берегу он получает благодарный поцелуй. Мой герой!

Теперь черед машины. Егор опять показывает путь, жестикулируя, а Тёма осторожно ведет "Каппу". На этот раз удача отвернулась от парня, и он пропорол колесо. Ругаясь, Тёма достаёт домкрат и запаску. Однако он не унывает, несмотря на прокол и вынужденную задержку.

Егор крепится, демонстрируя пофигизм и безразличие, но, в конце концов, не выдерживает и склеивает камеру с помощью *agglutini*^[48]. Края неровного разреза, оставленного острой кромкой камня, на глазах подплавляются и затягиваются, образуя малозаметный шов.

— Уважаю, — говорит Тёма, протягивая руку, и муж, помедлив, отвечает пожатием.

Он выглядит утомленным. Как-никак, *agglutini* — заклинание третьего порядка, и, берясь за склеивание, нужно правильно рассчитать радиус действия, чтобы вконец не запортить камеру. К тому же, под рукой нет амулетов и оберегов, повышающих выносливость и предотвращающих отдачу.

Обрадованный Тёма споро накачивает и устанавливает колесо, закручивает болты, а Егор помогает. Вдвоем с мужем они обмываются, раздевшись по пояс.

— Гошик, замерзнешь, — беспокоюсь я. В речке холоднющая вода, сквознячок продует — и абзац. Что делать без лекарств?

— Пусть закаляется, — ухмыляется Тёма весело. — Пригодится.

До меня доходит, что ближайшая аптека находится за сотни километров отсюда, а чудо-клиника Севолода — не намного ближе. И до комендатуры добраться не так-то просто. Боже, как люди здесь живут? — охватывает паника.

Тёма заливает в бензобак содержимое последней канистры. Мы загружаемся в машину и едем дальше, вернее, ползем вверх и ввысь — медленно, но неуклонно. От паров бензина, просочившихся в салон, меня начинает подташнивать, и я высовываю голову из окна.

— А что делают на Магнитной? — интересуется Егор.

— Варят железо, льют и куют, — отвечает Тёма. — Все изделия из металла, что есть на побережье, изготовлены на Магнитной, за редким исключением.

— Неужто и гвозди? — хмыкает муж.

— И гвозди. На побережье есть традиция. Когда рождается ребенок, ему дарят ложку, вилку и нож. Здесь металл высоко ценится. Еще в Магнитной раздолье для каменотесов.

— А Родниковое и Русалочий? — влезаю я.

— В Русалочьем много гончаров и ткачей, а в Родниковом — плотников и столяров. Еще там разводят овец и варят соль.

Дюже впечатляет. Профессии разные нужны, профессии разные важны. Слушаю Тёму и поражаюсь дальновидности самого старшего Мелёшина, рекомендовавшего изучить соответствующую литературу. Интересно, как там Кот? Не скучает ли по нам?

— Считай, в каждом округе проживает три тысячи человек, а то и больше, — продолжает Тёма ликбез. — И все хотят есть, пить и не мерзнуть. В общем, жить хотят, — говорит с усмешкой.

Перед Магнитной дорога становится оживленнее. Попадают велосипедисты и те, кто едет верхом, в седле. Тёма жмет на клаксон, приветствуя знакомых.

Магнитная обустроилась в равнине меж гор, образовавших глубокую чашу. Мы подъезжаем вечером, после семи, когда солнце спряталось за макушкой горы. Надо же, "Каппа" больше половины суток в пути. Машина съезжает с взгорка. Отсюда видны дымки, поднимающиеся над Магнитной. Для уставших работяг топят бани.

— Придется проехать через центр, — предупреждает Тёма.

Я цепляюсь за Егора, а сердце колотится часто-часто. Здесь живет моя мама!

В Магнитной много каменных домов, но попадают и деревянные. Как и в Березянке, тут держат скотину — коз, коров. Местные едут или идут — непонятно, кто и куда. "Каппу" провожают взглядами. Ну да, автотранспорт — редкость на побережье.

Здесь тоже есть центральная площадь и двухэтажное здание, отмеченное зелёно-оранжевым национальным флагом. Это Совет. Возле крыльца стоят два внедорожника на мощных колесах, но водителей и пассажиров поблизости нет.

Выискиваю среди зданий школу и не нахожу. "Каппа" едет дальше. По правую сторону такое же глухое здание, как и в Березянке. Теперь я знаю, что это запасник. Здесь складировать и хранят всё, что привозят в Магнитную со стороны и изготавливают для отправки в другие округа.

Едем дальше, и я верчу головой по сторонам. Магнитная заканчивается, и накатанная дорога становится плоше. "Каппа" продолжает путь, чтобы через десять минут добраться до поселения гораздо меньшего, чем центр округа. И снова мотор урчит, а машина провозит мимо. Кажется, мы вот-вот остановимся... Возле этого дома или рядом с соседним... Или около следующей избы?... Но Тёма везет дальше. Позади остался последний дом, и снова по обе стороны дороги — ели, сосны и кустарник. Путь заметно хуже: зарос травой и в колдобинах. Наконец, машина не выдерживает многочасового насилия, и мотор глохнет, рывкнув. Приехали.

— Проклятье! — бьет Тёма по рулю. — Ну, давай же, заводись...

Неподалеку видны двухскатные крыши... Реденький забор... Горы, зажимающие с двух сторон небольшое селение. Рядом с природными исполинами домики кажутся букашками, а люди — и того меньше.

Тема выходит из автомобиля и поднимает капот. Оттуда валит дым.

— Фу-у, — отмахивается парень, разгоняя серые клубы.

Егор тоже выбирается и заглядывает во внутренности машины.

Я вылезая и нетерпеливо переминаюсь:

— Долго еще ехать?

— Почти на месте, — отвечает Тёма. — Вот собака ливерная! Приспичило же накрыться медным тазом в двух шагах.

Оглядываюсь. Мне чудится одинокая фигура на окраине. Щурюсь, всматриваясь. Черт, без линз зрение совсем никудышное.

Делаю шаг, второй. Нет, это не я иду. Меня ведут ноги.

Верю и не верю. Замираю, а стук сердца отдается барабанами в висках.

Иду, а может, бегу. Запинаюсь, но не падаю. И снова бегу.

— Эва! — окликает муж.

Разве ж я слышу? Я тороплюсь вперед, туда, где меня ждут. Где меня ждали долгих двадцать лет.

Останавливаюсь в нерешительности. Нет, сердце не может обознаться. Оно гонит вперед. К той, что стоит у обочины, судорожно теребя ворот кофты. К той, кто плотает рыдания, закрыв рот дрожащей рукой. И правда, к чему плакать? Если только от радости.

И мои щеки мокры от слез.

Еще полшага... Секунды, превратившиеся в вечность.

Подхожу совсем близко, и смелость испаряется.

Я в одном шаге. Я — её отражение. Я — мамина дочка...

И падаю, падаю в любящие объятия.

Я нашла свой дом. Он в моем сердце.

— Эвочка... Эвочка... — шепчут мне, плача, и целуют — в щеки, в глаза, в лоб, в нос. Потому что нет сил, чтобы говорить. Потому что голос истаял от слез и безнадежного ожидания. — Доченька моя... Эвочка...

И я обнимаю. Прижимаюсь крепко-крепко. И тоже плачу.

Моя мама.

Я нашла тебя. Я смогла. Сумела. Добралась.

И мы плакали, плакали. От счастья. Наплакали, наверное, целую кадущку. И не разнимали рук, потому что думали: всё это сон. Стоит отвернуться, и сказка исчезнет. Прошло немало времени, прежде чем я осознала: мама рядом со мной, она материальна и не собирается таять и испаряться. И Магнитная реальна, и хуторок, и бревенчатый домик, и звонкая речушка Журчава.

— Какая ж ты стала большенькая. — Мама гладила меня по голове, утирая слезу. — Красавица. Невеста уже. Ой, что ж я говорю?

Когда я представила Егора в качестве своего мужа, она засуетилась.

— Конечно, конечно... Очень рада знакомству. У нас тут не ахти, но жить можно. Не судите строго.

Мама боялась, что Егор, вкусив "прелести" жизни в глуши, сбежит с Магнитной, прихватив меня, и не даст наглядеться на родную кровиночку. К Егору она обращалась на "вы", а он называл маму Илией Камиловной, отчего она поначалу вздрагивала и испуганно поглядывала на меня. Наверное, она не пользовалась настоящим отчеством, избегая чужого внимания. Чтобы успокоить маму, я поведала о знакомстве со своей родословной, но об ангельском проклятии и о синдроме решила умолчать. Рассказала и о самом старшем Мелёшине, который звал Камила Ар Тэгурни, и о том, что благодаря Константину Дмитриевичу мои домыслы о побережье перестали быть домыслами, а мечта обрела реальность. И закончила рассказ тем, что горжусь своим дедом и считаю себя неотъемлемой частью здешних мест. А мама выслушав, заплакала.

Теперь моя мама — тёща, а Егор — зять ей. Я хихикнула. Зять нисколько не стеснялся, чувствуя себя в своей тарелке, а мама испытывала неловкость — за неустроенность быта, за отсутствие комфорта, к которому мы привыкли на Большой земле, за скудность и простоту рациона.

Несмотря на мамино смущение, её не удивил факт моего замужества. Позже я поняла, почему.

— Какая ж ты худосочненькая, — всплескивала она руками. — Ни мяска, ни жирка. Косточки выпирают.

— Это я-то худосочненькая? — возмущалась я притворно. — Да я вещь почти центнер. Слониха! Зато ты худенькая, совсем голодом заморилась.

— Да что я? Обо мне не думай, — отмахивалась мама, порываясь всплакнуть, и я редела вместе с ней. Но то были счастливые слезы.

Мама и вправду выглядела усталой. Мне казалось, она не ела, а клевала как птичка. Отсутствие аппетита мама объяснила просто. Ожиданием. Еще в начале лета в Магнитную вместе с регулярной корреспонденцией пришло извещение о скором приезде вис-специалиста с Большой земли. Мелёшин Егор Артёмович собирался прибыть в таежную глухомань с супругой. А коли супруга оказалась дочкой всеми уважаемой учительницы Илии Папены, то сам голова Магнитной решил поспособствовать с доставкой гостей, выделив транспорт и зарезервировав бензин в Березянке с последующим возмещением расхода. Время шло, специалист не ехал, а мама поседела от переживаний. Наверное, случилось что-то страшное и непоправимое, иначе какие могут быть причины для задержки?

Но теперь-то оснований для тревоги нет. Мы добрались до Магнитной, и всё будет

хорошо, — успокоила я, и мы опять залились слезами, осознав сей факт.

Мама достала из подпола простенькую шкатулку, завернутую в рогожку, и извлекла бережно хранимые номера газет. В одной из них сообщалось, что дочь министра экономики пришла в сознание после покушения и стремительно идет на поправку, а в другой газете, более чем полугодовой давности, были помещены наши с Егором фотографии и краткая заметка о предстоящем бракосочетании. Газетные страницы, несмотря на недолгое существование, выглядели замусоленными и измочаленными. Я вспомнила, что дед Егора говорил о контрабанде прессы на побережье. Должно быть, газеты как источник информации и как средство связи с внешним миром передавали из дома в дом, от человека к человеку, прежде чем они попали к маме.

И снова мы плакали, обнявшись. О том, что я собираюсь выйти замуж, мама узнала незадолго до извещения о приезде вис-специалиста Е.А. Мелёшина. К тому времени, я уже с месяц считалась замужней женщиной. Получается, новости достигают побережья с полугодовым опозданием. Представляю, каково было маме узнать об отравлении гиперацином и о том, что её дочь больше недели находилась между жизнью и смертью. И мы плакали — от облегчения, что всё обошлось, и что судьба дала нам возможность встретиться.

Я рассказала маме историю знакомства с Егором и то, как докатилась до замужества. Повела и о роли Егора в чудесном выздоровлении после комы. В том, что я жива, исключительно заслуга мужа. Он пожертвовал жизнью ради моего спасения. И снова мы с мамой плакали, и теперь она посматривала на Егора с благоговением. Фамилия Мелёшиных была ей знакома. Кто ж о них не знает? Старожилы не забыли главного коменданта западного побережья, ставшего их первым тюремщиком.

Маму успокоили заверения о том, что в семье мужа ко мне отнеслись хорошо. Рассмотрев Коготь Дьявола и выслушав историю о семейном артефакте, она вздохнула и поцеловала меня в лоб.

— Ты счастлива?

— Очень. Гошик и ты — самое дорогое, что у меня есть, — ответила я, и мы опять всплакнули.

Мама поведала, что зимой до неё долетела "голубиная" почта. Кто-то, вернувшись с Большой земли после уплаты долга, разослал по округам клич о том, что к женщине по фамилии Папена обязательно приедет тот, кого она ждет. Люди передавали "письмо" из уст в уста, пока оно не добралось до мамы, и она сразу же поняла, от кого получила весточку. Я рассказала маме о горнистах, отдававших долг в столичном институте, и о своей просьбе к одному из ребят. И опять мы плакали, не в силах удержать слез.

Но когда мама затронула скользкую тему, я напряглась.

— Эвочка, я очень рада, что твои способности проснулись. Карол... твой отец... утверждал, что у тебя их нет и не будет, и что потенциалы останутся нулевыми. А видишь, как обернулось. Ты ведь у меня умница, — сказала она с гордостью. — И поделом досталось тому вредителю! — воскликнула мама, подразумевая преступника Ромашевичевского, по чьей вине я якобы лишилась вис-способностей. — Бедная моя! Не обижали ли тебя? У них ведь одно правило: если нет способностей, значит, ты — нечеловек.

Да, у них так. С нулевыми потенциалами человек становится существом второго сорта.

— Нет, мам, меня не посмели обижать. Я могу за себя постоять, — заверила я, и мама расплакалась оттого, что у нее смелая и решительная дочь. Она свято уверовала, что после

отъезда на Большую землю во мне взыграла отцова наследственность, позволившая стать полноценным членом висоратского общества. Не буду разубеждать маму. Так безопаснее. Никто не знает, что было раньше, зато теперь её дочь — заслуженная вис-инвалидка, не скрывающая увечья, провалилась оно пропадом. Мне и без него прекрасно живется.

Упомянув своего бывшего мужа и моего отца, мама больше она не возвращалась к разговору о нем, а я не спрашивала. Не сейчас, в другой раз. Когда придет время.

Мама, мама... Слово, которое мой рот не выговаривал вслух без малого двадцать лет, зато не проходило и дня, чтобы оно не звучало в мыслях... Теперь я не смогла бы сказать с уверенностью, была ли мама той женщиной с фотографии, украденной у тетки и прошедшей со мной путь от интерната до столичного ВУЗа. Больше полутора лет назад кусочек черно-белого снимка порвал староста-однокурсник, и с тех пор мамин образ рисовало мое воображение. Но ни богатые фантазии и ни старая фотография не смогли отобразить в полной мере действительность. Мою маму. Самую добрую, самую нежную и ласковую. Самую беспокойную и заботливую. И самую красивую.

— Мам, ты приезжала на Большую землю? — Я вынула из-за ворота незатейливое украшеньице из перевитых пружиков. — Мне часто снился один и тот же сон. Будто бы кто-то надевает на шею шнурок с брошью, но я не вижу, кто.

Мама, грустно улыбнувшись, огладила пальцем переплетение тонких веточек.

— Я боялась, что ты забудешь обо мне. Боялась, что кто-нибудь тебя обидит. Хотела быть рядом, чтобы защитить и уберечь... Но не сумела.

— Наоборот! — воскликнула я горячо. — Мне всегда казалось, что брошка живая. Глядя на неё, я думала о тебе, и жизнь становилась легче.

Мы обнялись и опять разревелись.

— У мальчика... горниста... был похожий браслет. Гошик нашел в книге рисунок плетения и сказал, что он старинный и призван охранять от зла.

— Так и есть. Когда-то в Русалочьем жила женщина. Потомственная ведунья. Совсем старенькая была... К ней приезжали со всего побережья. И я приехала, но она не взяла плату. Вручила оберег и сказала, что он обретет силу в руках человека с горячим сердцем, умеющим истово любить, и что этот человек перекроит мир и сошьет заново. А после выпроводила.

Теперь понятно, почему моя брошка и браслет Марата похожи. Их создали одни и те же руки, вложив в нехитрый узор знания, доставшиеся от предков. Ведь после гражданской войны на побережье сослали многих из тех, кого до висоризации считали колдунами и ведьмами, или, обобщая, — экстрасенсами. Архаичное слово, вышедшее лет пятьдесят назад из употребления. Но, несмотря на принудительное подавление вис-потенциалов, люди не растеряли знания, а продолжали ими пользоваться и передавали детям по наследству.

Кусочки головоломки вставляли на свои места один за другим, и постепенно вырисовывалась целостная картина. Бревенчатый дом с покосившимся крылечком, крохотные сенцы, низкая притолока... Плетеные половички, скрывающие неровный пол со щербинками... Стол с грубоватой скатёркой, мутное окошко, занавески... Печь, занимающая треть комнаты... Кровать, заправленная лоскутным одеялом... Лохматочки пакли меж бревен, лента протертого войлока на двери... Заросли поспевающей вишни... Узкая тропинка к баньке с кривоватой трубой и невысоким потолком. Достаточно для меня, а вот Егор вынужден опускать голову и сутулиться... Здесь мой дом, моя родина. Здесь я родилась и прожила несколько счастливых лет раннего детства. До тех пор, пока отец не увез меня на

Большую землю.

Мама жила одна. В фантазиях я не раз представляла, что она вышла замуж вторично, и что у меня есть братья и сестры. Отец вот женился, и ничего, живет — не тужит. Стыдно признать, но я испытала эгоистичную радость оттого, что мне не пришлось соперничать с чужими людьми за мамину любовь. После двадцати лет разлуки меня вдруг одолела острая ревность. Страстно хотелось, чтобы мама была только моей и больше ничьей женой или мамой. Так и случилось, и я плакала от облегчения, стыдясь признаться в причине слёз.

Мне нужно столько ей рассказать! И я рассказывала взахлеб, начав с осознанных воспоминаний из детства и заканчивая прибытием на побережье, а мама слушала, перебирая мои волосы. Я рассказывала до сипоты, и все равно казалось, что упустила важное и нужное. И опять мы с мамой плакали на пару.

Егор, который терпеть не мог женские слезы, пропадал из поля зрения, но ненадолго. Он придумал действенный способ, чтобы заткнуть на время обильное слезолитие. Заглядывал в избу и спрашивал:

— Есть-то будем? Или хотите уморить меня голодом?

И мама начинала суетиться. Вернее, суетились мы обе, потому что приноровиться к новому укладу жизни оказалось непросто. Одно дело, когда ты — гость. Сидишь на лавочке, поплеываешь в небушко, отмытый и накормленный, и пальчиком не шевельнешь, а работа и без тебя спорится. И другое дело, когда ты непосредственно принимаешь участие в повседневных хлопотах. И уж совсем иная песня, когда славно потрудившись денек или два, ты, пропитавшись деревенским духом, возвращаешься к благам цивилизации: отмокаешь в ванне с горячей водой и смотришь телевизор с пиццей в руке. А что делать, если на ближайший месяц возвращение в цивилизованный мир не запланировано? Кругом горы, и до комфорта как до луны пешком.

Сперва мама сопротивлялась, отказываясь от помощи, мол, негоже дорогим гостям марать ручки, но разве ж меня переупрямишь? Поэтому пришлось, засучив рукава, идти к колодцу, и, заглянув в темный квадратный зев, пахнувший сыростью, опускать вниз ведро, разбивая свое отражение на воде. Пришлось с осторожностью катить до дома тележку с наполненной бадейкой. Пусть крышка достаточно герметична, все ж жалко расплескать лишнюю горсть воды. И так — три раза туда и обратно, пока не наполнится бочонок у печки и рукомойник. Поневоле пожадничаетешний раз вымыть руки, уж лучше сходить к речке. А чтобы заполнить свободные емкости в баньке, нужно сходить к колодцу пять раз. И мы ходили вместе с Егором, потому что он запретил мне поднимать тяжести. Доставал ведро с водой из колодца, и мы вместе катили хлипкую тележку до дома. Кстати, муж придирчиво изучил колодезную водицу, и я заодно с ним. И приноживалась, и приглядывалась, и во рту погоняла, но подозрительностей во вкусе, цвете и запахе не заметила.

Ох, сколько мелочей, которые зараз и не упомнишь! Картошку чистишь тонко, а кожуру не выбрасываешь, очистки пойдут на корм соседской скотине. Посуду моешь, экономно расходуя воду. Печку растапливаешь в меру, чтобы пицца приготовилась, а не осталась полусырой. Следишь за тем, чтобы в подпечье всегда был запас дровишек, а в коробе — уголь и наколотая щепка. Проверяешь, чтобы в горнушке остались жаркие угли, засыпанные золой, или высекаешь огонь кремнем и кресалом. Ну, да, конечно. Для меня проще промучиться десять минут и сотворить *igni candi*^[49] буро-коричневого цвета и с вонючим запашком, но всё ж более действенный.

Когда мама впервые увидела мое заклинание, на её лице отразилась смесь эмоций:

изумление, восхищение, разочарование, печаль. Она помнила меня обычной маленькой девочкой, а домой вернулась висоратка, принеся с собой частичку чужого враждебного мира. Маме продемонстрировали то, против чего полвека назад яростно выступал её отец и мой дед. Эх, знала бы она, как я ненавижу общество избранных, поделившее людей на две касты.

К слову сказать, мама изо всех сил старалась угодить нам в кормёжке. Помимо зелени с небольшого огорода, собственноручно выпеченного хлеба и скромных запасов из подпола, она, уйдя из дому, приносила в лукошке крынку молока с десятком яиц и треугольником мягкого сыра или горшочек со сливочным маслом и мороженую курицу.

— Откуда? — удивилась я, ведь мама не держала ни кур, ни корову, ни прочую живность.

— Из общейки, — ответила она и пояснила, что общейками на побережье называют небольшие артели, в которых люди ведут хозяйство вскладчину или объединяются для совместной работы. Общейки актуальны для небольших семей и одиноких людей — таких, как мама.

С маминой общейкой мы познакомились на второй день пребывания в Магнитной, и знакомство получилось как первый блин, то есть комом.

Нам с Егором досталась кровать, а маме — печка. В первый же вечер мама предложила выбрать место для спанья, и муж сказал: внизу.

— Не хватало Эвке свалиться с верхотуры. Я и поймать-то не успею, — проворчал он шутливо, а мама смутилась. Она смущалась тесноты и необустроенности, особенно перед Егором, и я неустанно убеждала маму в том, что нам всё нравится. Таким образом, мне досталось место у стенки, а с другого боку спал Егор. Хватило пары ночей, чтобы привыкнуть к твердому кроватному настилу, к набитому соломой тюфяку и к тощеньким подушкам со следами пуха и пера. И опять я закидывала ногу на мужа и обнимала, прижимаясь, а он не отказывался.

Вообще, наши интимные отношения несколько изменились. Загрузившись новыми впечатлениями, я вела себя как блаженная и не заметила, что объем нежностей и ласк, выплескиваемых на мужа, сократился. Наверное, Егор ревновал — к побережью, к Магнитной, к маме. Но виду не показывал и вслух недовольство не выражал. А может, давал мне и себе время, чтобы попытаться привыкнуть к новому укладу жизни.

Нам приходилось шифроваться. В столице отдельные хоромы позволяли воплощать эротические фантазии в любое время дня и ночи. А здесь, на Магнитной, в единственной жилой комнате, мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к размеренному сонному дыханию двух человек — Егора и мамы. На второй день муж с заговорщическим видом позвал меня в баню, но едва мы переступили порог, как он усадил меня на полочку, и я мгновенно поняла далеко идущие намерения своего мужчины. "Общение" вышло торопливым, без раздевания, и мне невольно вспомнился последний предсвадебный месяц, во время которого мы уединялись в разных институтских закутках. Когда страсть отшумела, Егор потерял носом о мою щеку.

— Эвка... Я ж соскучился...

В дальнейшем баня стала частым местом "горячих" уединений.

По утрам, стараясь не шуметь, мама затапливала печку. Когда она выходила из избы, мы успевали уделить друг другу несколько торопливых минут.

— Домой не тянет? — спросил Егор, развалившись на кровати после утренней "зарядки", а я прикорнула на его плече.

— Неа. Не сейчас. А тебя?

— Не знаю. Посмотрим, — ответил он неопределенно.

Лишь тогда до меня дошло, что, увлекшись красотами Магнитной и погрузившись с головой в общение с мамой, я не удосужилась поинтересоваться мнением мужа о жизни на побережье и не подумала о том, чтобы обсудить дальнейшие планы. Я и о нашем проводнике вспомнила не сразу.

— А куда делся Тёма?

В первый вечер по приезду мама проводила нас до дома, а потом муж ушел с Тёмой, видимо, ремонтировать машину, и вернулся по темноте.

— Уехал, — ответил Егор скупно. — Чего ему здесь ошиваться?

На следующий день я спросила у мамы о Тёме.

— Знаешь того парня, что довез нас до Магнитной?

— А-а, Тимофей... — ответила она рассеянно, шерудя кочергой в печи. — Хороший мальчик. Добрый, отзывчивый. Племянник нашего головы.

Тёма — племянник первого руководителя Магнитной?! — шмякнулась я на лавку, изумившись донельзя необычным родством. Не пойму, Тёма проживает здесь на правах близкого родственника или отбывает пожизненный срок как политический преступник?

А потом я вспомнила о подарках. Как говорится, очнулась — не прошло и года. И шутливо пригрозила:

— Отказа не потерплю.

Зимняя куртка с капюшоном, брошенная на мамины плечи, вызвала растерянность.

— Жидковатая. — Мама пощупала материал. — Неужели нашу зиму выдюжит?

— Выдюжит. Должна, — заявила я уверенно. — Внутри хороший утеплитель. К тому же, куртка легкая и легко стирается. Немножко отвисится, расправится и станет ещё краше. Гошик-то всю одежду скатывал в блинчики, чтобы компактно уложить в сумку.

Над кроссовками мама посмеялась.

— В распутицу у нас хороши сапоги, а зимой — валенки.

— Мы взяли такие сапоги, в которых и сорокаградусный мороз не страшен, — похвасталась я. Конечно, во время сборов речь о зимовке на побережье не заходила, но Константин Дмитриевич посоветовал не рисковать и набрать теплых вещей, потому как в горах холодает рано.

Мама рассказала, что на побережье к обуви относятся трепетно, передавая от старших к младшим. Безвозвратно изношенную обувь не выбрасывают, а относят к сапожнику — в хозяйстве всё пригодится, даже отходы.

Вдохнув запах мыла с арбузным ароматом, мама закрыла глаза с мечтательной улыбкой. Понюхала и кофейный шампунь, отвинтив крышечку. Покрутила тюбик с кремом для рук.

— Эвочка... Зачем же ты... вы... — в её глазах стояли слезы. — Надрывались, везли в несусветную даль... Не стоило беспокоиться...

— Стоило. Только так и не иначе — обняла я маму, и мы снова расплакались.

А потом настал черед женской галантереи: теплых перчаток, колгот и нижнего белья.

— Мам, я выбирала наобум. Ориентировалась на свой размер.

И не прогадала, — добавила про себя. Мама оказалась выше меня на пару сантиметров и чуточку стройнее, или, как говорят на побережье, тощеватее.

— Мягко, — погладила она ткань. — Спасибо, Эвочка, спасибо...

И опять мы плакали.

— Рёвушки-коровушки, — сказала мама, утерев слезы. Она тоже готовилась к моему приезду. Связала носки, а кофту не успела довязать, потому что поздно узнала о моем приезде.

— Осталась половина левого рукава, а воротник есть... Пуговики пришьем, и готово. Ну, как? — спросила она с надеждой, когда я примерила заготовку.

Моя ладонь прошла по готовому рукаву. Мама старалась. При вязании она создала затейливый орнамент, использовав пряжу трех цветов.

— Боже мой, какая красота! Прекрасно! — поцеловала я рукодельницу.

Это не штамповка, созданная бездушной машиной. Каждая петелька вывязана руками дорогого и любимого человека. В кофте, связанной мамой, мне будет вдвойне теплее.

Шифроадрес мамы — 5554. Первая пятерка — номер округа. Вторая пятерка — номер поселения-сателлита Магнитной. Это та деревенька, которую мы проехали мимо на "Каппе". Третья пятерка — номер хутора, на котором проживает мама. И четверка — номер её дома.

Сухо и бюрократично. А местные жители придумали более сочные названия. Мамин хутор называется Шлаковкой, от слова шлак, который образуется при плавке руды. Деревня-сателлит носит название Томлѐнка — по виду стали. Есть еще Гвоздильня, Наковаленка, Бородка, Напильничье, Крица, Подсека, Домница... Да разве ж упомнишь зараз столько названий? Зато как певуче звучит!

Шлаковка... Я родилась в этих местах. Расположение хуторка таково, что меж гор образовался широкий зазор, в который по утрам заглядывает солнце и освещает небольшой луг. Сейчас он выкошен, и трава убрана в стога. На лугу пасутся две стреноженные лошади. Еще я видела коз и коров на склоне, но из-за дальности не смогла сосчитать.

Летом, в безоблачные дни, хуторок освещен солнцем с утра и до вечера, что считается редкостью для здешних мест. Заросшей тропкой можно дойти до шумной речушки Журчавы, протекающей по долине и жмущейся к противоположной горе. Не речке есть мостки и отгороженная заводь — для стирки. Вода в Журчаве холоднющая, как и во всех речках, текущих с гор, но в заводи потеплее. Прополоскал бельишко — нужно поднять затвор, чтобы вода протекла и набралась свежая.

В Шлаковке — пять домов и пять семей. И пусть у местных выдуманные имена и фамилии, навязанные политическим режимом, жители откликаются на свои настоящие имена.

Мама жила одна, а хозяйство вела в общейке. И все ж отсутствие мужской руки в доме сказывалось в разных мелочах, начиная от провалившегося пола в бане и заканчивая частичным отсутствием дранок в кровле. Всё непрочное и ненадёжное, даже тележка для бадейки, готовая вот-вот развалиться. Забора практически нет, лишь почерневшие от времени столбы с прожилинами да жалкое подобие калитки. Ни замков, ни крепких запоров. От кого прятаться-то? Зато дорожки вымощены камешками, чтобы грязь не прилипала к обуви.

Егор помаялся от безделья да и попросил у мамы инструмент. Она, конечно, воспротивилась: вдруг зять покалечится, работая руками? Беспокойство тѐщи задело Егора за живое и повысило градус упѐртости. Не знаю, охладил ли его пыл молоток, у которого набалдашник ходил ходуном на рукоятке, и жалкая кучка гвоздей внушительного размера, но муж пропал на улице, периодически постукивая, и в избу заходил затем, чтобы поесть. Зато позже выяснилось, что тележка окрепла и катится уверенно, а бадейка жестко фиксируется с помощью свежеприбитых клинышков.

— Мой талантище, — обняла я Егора. — Никому тебя не отдам. Научусь стучать молотом по наковальне и прикую к себе цепью.

На второй день пребывания в Шлаковке мы с мужем отправились до колодца по единственной на хуторе дороге. Мамин дом — самый дальний, возле луга, а колодец — общий. В здешних местах колодцы копаются тяжело и не очень глубоки. Каждый раз мама порывалась идти с нами, и мне насилу удалось её отговорить. Маму тревожило всё — что мы сорвемся в колодец, что по пути переломаем конечности или случайно поранимся. И даже легкомысленное заявление, что "тут всего-то два шага сделать", её не успокаивало.

Калитку соседнего дома облюбовали три девочки девяти-одиннадцати лет, в скромных платьицах и то ли в тапочках, то ли в ботиночках. Они уставились на нас как необычайное явление. Вот никогда не могу с точностью угадать возраст, интуицию отрезает напрочь.

— Привет, — помахала я рукой. Ни ответа, ни привета. Девочки застыли, даже моргать перестали.

— Глашка, а ну домой! Полы не мыты, а тебя днем с огнем не найти! — раздался женский окрик. Девочки вздрогнули, а заодно и мы с Егором.

У калитки крайнего дома стояла дородная женщина с хворостиной. Одна из девочек пробралась бочком мимо колодца и побежала со всех ног, а две её подружки исчезли за кустами.

— Дикие какие-то, — заметил Егор, крутя поскрипывающий и заедающий ворот.

— А как ты хотел? Тут приезжих отродясь не бывало, вот они и чураются.

Женщина взглянула издали на опустошение колодезных запасов и ушла в дом.

А ближе к вечеру мама повела нас знакомиться с хуторскими. Она стучалась в дверь, и мы проходили через сени в горницу. И везде нашу компанию встречал незатейливый деревенский быт.

По соседству жила женщина лет тридцати-тридцати пяти, с двумя дочками — теми девочками, которых мы видели днем. В ограде разгуливали куры, и подворье было побогаче, нежели у мамы. Девочки вели себя как мышата: не галдели, не липли с расспросами. Залезли на печь и посматривали оттуда с любопытством. Хозяйку звали Тамарой. Она выглядела уставшей и держалась за поясицу, обвязанную платком, но поздоровалась доброжелательно. Когда мы вышли на улицу, мама пояснила, что в начале лета у Тамары погиб муж. Он работал на одном из рудников и по неосторожности упал в реку, сорвавшись. Тело нашли через две недели, на отмели.

И это большая удача, — подумала я мрачно. В начале лета начинается таяние ледников, и вода в горных реках понимается. Она ворочает громадные валуны и перекидывает стволы вековых деревьев как соломинки. Чем уже и круче устье, тем громче "поет" река. Грохочущий поток тащит тонны грязи, камни и вырванные с корнем деревья.

Печально. Что теперь делать семье, оставшейся без кормильца? Мама тоже живет одна, но у нее не было маленьких дочек-погодок.

Следующими соседями по хутору оказалась семья с девочкой шести-семи лет. Рядом с домом — скромное, но ухоженное подворье, на заборе растянута сеть. И вездесущие куры, мешающиеся под ногами. Хозяин, с проблесками седины на висках и в курчавой бороде, сноровисто передвигался по хате, несмотря на деревянный протез до колена. Дочка Аннушка — со светленькими волосиками, заплетенными в тонкие косицы, и белесыми бровками — жалась к отцу. Хозяйка возилась с ухватами у печки, а по горнице плыл рыбный дух. Если хозяин, Григорий, пожал протянутую руку Егора, то хозяйка словно бы не замечала нашего присутствия. Когда мы, распрощавшись, повернулись к двери, женщина вдруг сказала:

— Думали, сокол прилетел, а он вороном оказался.

Я, конечно же, поудивлялась, но мама объяснила, опять же выйдя на улицу, что Наина, хозяйка, — чуточку необычная. Многие считают её пророчицей, но иносказательный смысл выдаваемых фраз мало кому понятен.

Не побережье, а скопище многозначительностей. Один другого хлеще. Говорили бы конкретно, мол, в понедельник с утра запнешься о камень и сломаешь ногу. А то вороны-ястребы и горячие сердца. Сплошные загадки. Тьфу. Лучше бы молчали. Как тут уснешь? Проворочаешься до утра, а разгадку не найдешь.

В следующем доме жила довольно-таки многочисленная семья. Просторное застроенное подворье, да и изба большая, из трех комнат с сенями. Хозяин, Игнат, — основательный бородач, как и его сосед — перед нашим приходом выстругивал что-то из полешка. Хозяйка — та женщина, что утром грозила хворостиной — готовила ужин. И в

придачу четыре дочки разного возрастного интервала — Паша, Даша, Саша и Глаша. Это Глашу сегодня днем заставляли мыть полы.

Младшие девчушки высунули головы из соседней комнаты и пялились на нас, приезжих, как на редкостную диковинку. Средняя дочка, Даша, помогала матери, ловко мастера пирожки с капустой и выкладывая на противень. Самая старшая, Паша или Прасковья, примерно одного возраста со мной — высокая, статная и объемная не в пример мне, бледной поганке. Про таких говорят: кровь с молоком. Я решила, что мы найдем общий язык, но девушка смотрела на меня и Егора с неприязнью. Узнаваемый взгляд. Как и у Тимура из Березянки.

— Я до бани, — обронила она и вышла в сенцы, потеснив меня в сторону.

— Вот настырная девка, — подосадовал Игнат. — И в кого упрямая как коза?

— В тебя, — ответила хозяйка, раскатывая тесто скалкой.

— Куда ни плюнь, везде бабьё, и каждая с норовом, — проворчал хозяин. — А Пашка вообразила себя местной царицей, в кузню подалась. Неужто надумала Магнитку под себя подмять? Я, между прочим, тебя спрашиваю, — обратился он к супруге, но та промолчала. — Её ж ни один нормальный мужик за себя не возьмет. Кому нужна баба с силищей в руках? Чуть не по ейному, сожмет беднягу и кишки выдавит. Хоть ты, друг, спасешь этот богом забытый угол от бабского засилья, — пожал он руку Егора. — Ну что, отметим знакомство?

— Я тебе отмечу! Я тебе отмечу! — хозяйка замахнулась скалкой.

Не знаю, чем закончились семейные разбирательства, потому как мы вышли из дому. И опять мама пояснила, что Игнат, у которого четыре дочери, считает этот хутор заговоренным. Бабьим царством. Мол, здесь хорошо рождаются девчонки, а мужики постепенно вымирают.

— Интересная байка, — рассмеялся Егор. — Хотя в любой байке есть доля правды.

К последнему дому мама подошла, заметно нервничая. Хозяева — семейная пара в возрасте уж точно не моложе самого старшего Мелёшина — возились во дворе. Бодрые старички, несмотря на преклонные годы. Увидев нас, они побросали дела.

— Ну-с, дай-ка на тебя погляжу, — завертел меня старик, осматривая. — Вот, значит, из-за кого наша Илюшка все глаза выплакала. Каждый день за околицу бегала. Уйдет с утра и стоит до позднего вечера, пропустить боится. Я говорю: "Не дрожи, чай, не малое дитё, найдет дорогу", а она будто не слышит. Исхудала как доска стиральная, ожидаючи.

— Разве ж тут найдешь, дядь Митяй? — оправдывалась мама. — Запросто можно заблудиться и уехать не туда. Свернули бы налево и плутали по Блюмке допоздна.

— Ничего, в двух соснах не заблудились бы. В Блюмке всегойтось три двора... Мда, тощевата твоя дивчина. Худющая как шкелет. Силенок маловато.

— Откормим, — сказала мама. Я видела, ей важно мнение пожилой пары. Наверное, потому что эти люди заменили отца и мать, вырастив и дав путевку в жизнь. А еще потому что они были маминой общейкой.

— Не похожа на отца, — заметила седовласая хозяйка, разглядывая меня. — Вылитая Илюшка. Папаша был жук жуком, а дочка-то посветлее будет.

— Наша порода перетянула, — крикнул дед, не подозревая, что попал в точку. Огладил седую бороду и переключил внимание на Егора. — А ты, стало быть, зятёк?

— Стало быть, так, — ответил тот.

— А что ж ты, зятёк, умеешь руками делать? Может быть, печки кладешь?

— Не кладу.

— А может, по дереву робить обучен?

— Не обучен.

— Может, куёшь или чутье на руды имеешь?

— Не кую и не имею.

— Так зачем ты, мил человек, здесь нужен? Дармоедов у нас нет. Каждый при своем деле и хлебушек на халяву не кушает.

— Митяй! — осадила речистого деда жена. — Гости ж как-никак!

— Дмитрий Ионович! — воскликнула мама дрожащим голосом: то ли от возмущения, то ли от обиды.

— Спасибо, погостили, пора и честь знать, — сказал Егор спокойно, хотя на лице гуляли желваки. — Эва, пойдём.

— Постой, хлопец, — придержал его дед. — Куды собрался? Мы ж не дознакомились. Вертухайся, будем чай пить. Софочка, накрывай на стол. Как, говоришь, тебя зовут?

— Егором.

— Егор... Добре. Хорошее имя. А из чьих будешь? Фамилья есть?

— Есть. Мелёшин я, — ответил муж ровно.

— Мелёшин, значит, — пожевал дед губу. — Знали мы одного Мелёшина. Не злобивый был и нам жить не мешал... Все мы люди подневольные. Не он, так другой бы пришел и сторожил цепным псом. Кем ему приходишься?

— Внучатым племянником.

— Однако... — задумался дед Митяй и обратился к маме с укоризной: — Умудряешься же ты, Илийка, зятьев выбирать.

— Мама не при чём. Это я мужа выбрала, — встала я грудью на защиту своей семьи, и Егор хмыкнул.

— Но-но. Ишь, смелая, — поцокал дедок. — Вся в маманю. Ладно, пошли в дом. Посидим, послушаем, что в мире делается.

Но сперва, за чашкой душистого чая с медовыми пряниками, дед Митяй, он же Дмитрий Ионович, поведал вкратце об устройстве жизни на побережье, перемежая рассказ шутками да прибаутками.

В Магнитной, как и во всех округах, два вида власти. Первая — надзирательно-контролирующая, организованная государством. Оно же выстроило в каждом округе Совет и назначило своего Главу. Советы — это двухэтажные здания с национальными флагами на крыше. При каждом Совете действует проверочный пункт для регулярного замера потенциалов у населения. Ежемесячная явка обязательна для всех без исключений, начиная с двух лет. Каждому из местных выдается книжечка, в которой отмечаются явки, книжечка же считается своеобразным удостоверением личности. Также при Совете действует охранное отделение. Как правило, туда набирают бывших военных или дэпов, работающих по контракту или проштрафившихся на Большой земле. В народе их называют катами ^[50], и название говорит за себя, хотя наемники в дела местных не особо вмешиваются. Но за порядком следят, точнее, выискивают контрабанду, объезжают территорию округа и ловят подозрительных людишек. А по сути, целыми днями спят да мух гоняют. Или чудят от скуки (иными словами, отрываются, развлекаясь с вис-волнами, — поняла я). В каждом охранном отделении дежурят два ката, а в Магнитной их четверо. Немудрено, ведь власть не оставляет попыток нащупать источник самородного золота. Вот и мотаются наёмники по

окрестностям: то на рудник нагрывают, то на дальнюю заимку, то в литейку, то в кузницу. И по людям ходят, приглядываются, кто и как живет.

— Разве на побережье попадают подозрительные людишки? — удивилась я. — Всё население писано-переписано и учтено на сто рядов.

— Эх, миленькая моя, кабы так, — крикнул дед Митяй. — Поглубже копни. На север, к примеру. Там много живности водится. Бывает, что и в наши места выбирается. Рудознатцы-то разными тропами ходят, ценную породу ищут — чтобы поближе к Магнитной да полегче вынимать. Вот и навидались всякого... Нас сюда кинули почитай пятьдесят годков назад да замок на ворота навесили, и теперь тут наш дом. А в здешних лесах задолго до нас жили и уходить не собираются.

Я переглянулась с Егором. Какой идиот согласится добровольно заточить себя на краю света, без благ цивилизации? Тот, кому они не нужны.

Вторая власть — местное самоуправление. Все решения принимает голова округа, его кандидатуру выбирают из числа уважаемых и авторитетных жителей. У головы есть пособники, которые учитывают запасы и следят за правильностью их распределения. Помимо этого голова Магнитной имеет в помощниках семерых старшин — по числу деревень-сателлитов. При необходимости он советуется со старшинами и получает от них заявки на продукты и предметы первой необходимости.

Ох, и загрузилась я двойственностью местной власти и её полномочиями! Даже голова закружилась.

А потом вышло так, что в горницу один за другим потянулись соседи по хутору — с пирогами, с солеными грибочками, с квашеной капустой, отварной картошкой и с хмельной медовухой. И вскоре за столом стало тесно. Девчонки, набрав пирожков, набились на печку. Даша уселась на лавку вместе с взрослыми, а вот Паша не пришла. И, конечно же, от нас ждали историй о том, как живет на Большой земле. Не подробностей о достижениях висорики, а о том, как живет мир за пределами побережья, отрезанного от цивилизации полвека тому назад.

Прогресс шагнул далеко вперед. По освещенным трассам несутся скоростные автомобили, общение происходит с помощью мобильных телефонов, а здесь, на краю земли, в свете лучины, люди слушают сказочные истории о бескрайних пустынях и оазисах, о караванах с верблюдами, о холодных северных просторах и полярном сиянии, о городе-мечте под прозрачным куполом, о разросшейся столице, о самолетах и поездах. Слушают о спортивных чемпионатах и об архитектурных шедеврах. И ни слова о висорике и вис-волнах, их здесь не жалуют. Конечно же, слушатели знают о том, как изменился мир за последние годы. Все-таки газеты попадают на побережье, да и молодежь, возвращающаяся с Большой земли после уплаты долга, приносит крупинки информации. И все равно живое слово здесь сродни... телевизору. Из собравшихся в горнице лишь старики помнят свою молодость до гражданской войны. Остальные же родились на побережье.

До маминого дома мы дотопали по темноте. Брели осторожно, и Егор подсвечивал тропинку *luxi candi*^[51].

— Мам, — спросила я, улучив минутку, когда муж отвлекся, — а Дмитрий Ионович знал моего деда?

— Знал. Хотя и моложе его лет на двадцать. Неисправимый романтик, — улыбнулась она. — Брат дяди Митяя был добровольцем. Испытывал на себе вис-сыворотку, которую только-только начали разрабатывать. И умер из-за недоработок в составе.

— Дед Митяй не жалеет, что пятьдесят лет назад принял не ту сторону?

— Говоришь, не ту сторону? — задумалась мама, и лицо окаменело.

— Мам, прости меня, — обняла я её.

— Каждый день отец проклинал себя за то, что подвигнул людей на мятеж, — сказала она уставшим голосом.

— Они знали, на что шли. Никто не предполагал, что недовольство закончится подобным образом! — запротестовала я.

— Но не отец. Ведь он был провидцем, — ответила мама горько. — Дар подвел его.

— И всё равно горжусь им, кто бы что не говорил — заявила я упрямо. Да, горжусь!

Гости — это хорошо, но жизнь не стоит на месте. Мама и так запустила хозяйство, дожидаясь нас, поэтому требовалось нагонять упущение. Назавтра она решила прополоть огород, а я затеяла стирку. Нечего копить грязное белье и ждать, когда зарядят дожди. К тому же, нужно учиться стирать с распаренной золой. Нагреем воду в бане, а полоскать будем на речке.

— Гош, помоги передвинуть бочку, — позвала я мужа, выглянув из предбанника, и Егор охотно согласился. Перетаскивание затянулось на добрых двадцать минут. Точнее, бочка переместилась быстро, а остальное время мы посвятили друг другу. Помимо всего прочего нацеловались до опухших губ.

Заправив футболку, муж водрузил на плечо таз с отжатыми вещами.

— Пошли, киса, прогуляемся до бережка, — приобнял меня за талию. — Там много интересного.

Вывернули мы из-за угла дома, а у калитки — мама. Да не одна, а с каким-то бугаем. За оградой внедорожник — тот, что стоял на приколе у здания Совета. Мама мнет платок в руках, нервничая, а бугай, заметил нас и уставился немигающе.

— Постой здесь, Эва, — велел муж, опустив на траву таз с постирушками, и направился к калитке.

Разве ж могу я оставаться в стороне, когда к нам пожаловали гости? Подошла к Егору и прижалась. И мама рядом.

Мужик рослый, рыжеватый. Стрижка короткая, щетина двухдневная, это я на примере Егора научилась определять. Смотрит на нас изучающе, внимательно. И одет иначе, то есть, как мы с мужем, не по-здешнему. Ботинки на высокой шнуровке, темная футболка, костюм из камуфляжной ткани. Под расстегнутой курткой виден край кобуры.

— Ну, здравствуйте, — сказал незванный гость. — Занесло вас, однако.

— Занесло, — признал Егор вежливо.

— Насколько я понимаю, вы и есть Мелёшин Егор Артёмович? — незнакомец сощурил глаз. Обычно так прищуриваются, когда метят с точным выстрелом.

— Он самый, — не стал отпираться муж.

— А что ж вы, Егор Артёмович, игнорируете правила? Или вас не предупредили? — посмотрел гость на маму, и она съежилась под тяжелым взглядом.

— О чем? — влезла я, взяв маму за руку.

— О том, что новоприбывшие обязаны незамедлительно обратиться в Совет округа для регистрации и соблюдения прочих формальностей. А вы... — неприятный тип обвел окрестности скучающим взглядом, — ... пятые сутки уклоняетесь от распорядка.

— Не знал. Не предупредили, — ответил Егор. — Сейчас поедem или до завтра

потерпит?

— Потерпит, — согласился мужчина. — Не забудьте свои документы и... супругу.

Напоследок обозрел нашу трицу, сел во внедорожник и тронулся неторопливо. А мама судорожно вздохнула.

А потом игра в дачную жизнь закончилась, и началась жизнь деревенская, физически затратная. Покончив со стиркой и прополкой, мы отправились к деду Митяю. Поскольку общайка — дело совместное, то и труд — коллективный, а по отдаче и результат. А у Дмитрия Ионовича созданы все условия: и птичник есть, и погреб, и сарай, и сеновал, и амбар, и клеть для слесарных и хозяйственных работ. И пусть дерево посерело от времени, постройки добротные и не протекают.

Но сперва я наведлась к Тамаре, вдове. Муж намылился сопровождать меня в качестве группы поддержки, поэтому пришлось отговаривать его долго и упорно. Тамара — одинокая женщина с двумя детьми и, к тому же, невидящая, — убеждала я. Единственный вред, который она сможет мне причинить, — словесный. Например, вздумает оскорбить.

— Гош, я прожила на белом свете больше двадцати лет, не зная о синдроме. И ничего, справлялась. А здесь вообще раздолье. Висоратов на побережье — по пальцам пересчитать. Для защиты у меня есть Коготь Дьявола, — покрутила рукой, напоминая о кольце.

Егор согласился с большой неохотой. Он силился найти достойную причину, чтобы не отпускать меня в одиночку, но так и не придумал.

Дочки Тамары обирали гусениц с капусты, а хозяйка обтыпывала картофельные кусты, с натугой разгибаясь и подолгу отдыхая.

— Потянула спину, — пояснила она на вопрос о причине болей. — Сено ворошила да в копну сгребала. Без Данилушки-то совсем тяжело, на нём всё хозяйство держалось. Ума не приложу, что делать. Дров в обрез, сена заготовлено мало. В общайку не возьмут, о ней по зиме сговариваются. Да и кому нужна обуза? — кивнула она на дочек. — В Магнитке ценятся мужские руки.

— Попробуйте с дедом Митяем скооперироваться... объединиться, — пояснила я непонятное слово.

— Совестно мне. Старики и так из последних сил тянут хозяйство. А меня брат зовет в Русалочий, ткачихи там нужны. Но разве ж уедешь вот так, с бухты-барахты? Жалко бросать нажитое, а перевозить не на чем. Пока уборочная не кончится, голова не даст подводы.

— Вот увидите, всё наладится. Нужно немножко потерпеть. Соберут урожай и выделят вам транспорт.

— Да, конечно, — согласилась Тамара с воодушевлением. — Мы подождем.

— Я могу сварить мазь. Компресс на спину должен помочь. А если носить его, не снимая, боль пройдет быстрее.

Женщина было обрадовалась, но покачала головой отрицательно:

— Спасибо. Но мне взамен и предложить-то нечего.

— А ничего и не нужно, — заверила я. — Разве что кусочек жира или сала. На нём и замешаю. — И добавила, видя, что Тамара посматривает с сомнением: — Если надумаете, принесите маме. Постараюсь сварить как можно быстрее.

Самонадеянное заявление. Я и окрестности-то толком не обошла в поисках необходимых трав, но почему-то уверилась, что компоненты для снадобья с легкостью найдутся поблизости. Главное, переработать их с умом.

— Молодчинки, девочки. Мамины помощницы, — похвалила я на прощание девочек, вызвав их смущение.

А дел у деда Митяя немерено. Не успеваешь сделать одно, как принимаешься за другое. Неспешно, минутка за минуткой, время течет, и работа помалу спорится. Размокают бочонки, приготовленные для солений. Вяжутся веники из веток березы, ракиты и рябины. Собирается вишня и раскладывается на противнях для сушки. Смородиновое повидло томится в печке. Продолжаются огородные заботы. Доятся козочки, и в маминых умелых руках постепенно наполняется кувшин с широкой горловиной. Мне доверяют взбить масло. Настоящее сливочное масло, которое на Большой земле я покупала в магазине. Дают маслобойку, показывают, как тюкать пестиком, и мучения начинаются. С непривычки отваливается рука, а до масла еще шагать и шагать. Софья Николаевна нахваливает мою старательность, а дед Митяй прячет улыбку в усах. У него густая кучерявистая борода до ключиц, захватившая щеки. Сам он сух телом и невысок росточком. При ходьбе пришаркивает и заметно сутулится, но на удивление бодр, сохранил силу в руках и остроту зрения. А вот зубов не хватает. Дмитрий Ионович любит подтрунивать, особенно над молодежью в лице меня и Егора. Но поддевает шутя, беззлобно. Сейчас он занят тем, что обрабатывает шкурку освежеванного зайца, попавшего на медни в силки. При виде окровавленного ножа, срезающего остатки мяса и сухожилий, меня начинает мутить, и я поспешно отворачиваюсь.

— Добрый будет ужин, — говорит дед Митяй, натягивая вычищенную шкурку на деревянную правилку. — Софьюшка пообещала тушёного зайца в сметане. Слижете пальцы от вкусноты, — подмигивает мне, я и сглатываю, представив незавидную долю ушастика, накануне весело скакавшего по лугам и не подозревавшего об уготованной участи. Бедный зайчик!

Но дед Митяй не согласен с пацифизмом в отношении лопоухих, наносящих ощутимый урон огородным посадкам. В этом году — настоящее засилье зайцев, и Дмитрий Ионович активно борется с ними.

Кстати, о тошноте. По приезду в Магнитную она сошла на нет, но время от времени меня одолевают разнообразные желания в еде. То страстно захотелось отведать хлебную горбушку, натертую солью с чесноком, то замечталось о сыре, то подумалось о поспевающей вишне. И опять же, тревожит задержка, приблизившаяся к двум неделям. Этот срок — критический, по истечении которого можно паниковать и биться в истерике. Что с организмом: гормональный сбой или... то, о чем сказал Егор в поезде? Не может быть! — подскакиваю на месте. А как же хваленое качество фармацевтической фирмы? "Наша марка гарантирует сто процентов безопасности!"... Хвастуны... Так, думаем трезво, размышляем хладнокровно. Покамест займемся сбором ингредиентов для контрацептивного снадобья и средства для урегулирования обмена веществ, а там поглядим. И все же, если допустить, что предположение Егора верно... Получается, у меня будет ребенок?!

От неожиданности едва не роняю маслобойку, но вовремя спохватываюсь. Батюшки мои! То есть как это? Откуда? Каким ветром надуло? Лихорадочно высчитываю дни. После сложных математических операций выясняется примерное время — начало июля. Что происходило у нас в начале июля? Ничего особенного: завершение сессии, поиск рецептов в семейной библиотеке Мелёшиных и сестринские курсы. Даже обидно. Где гром с небес или, на худой конец, дождь из розовых лепестков? "Ау, милочка, высшие силы смилостивились и подарили вам счастье материнства"...

Ищу взглядом мужа. Он тоже занят. Завтра ему предстоит запрячь лошадь в телегу и

добраться до Магнитной. Запрягание — целая наука. Проще завести машину и рвануть к месту назначения, нежели снарядить кобылу. Здесь, на побережье, если не хочешь сбивать ноги в пешем переходе, придется потрудиться, чтобы доехать с относительным комфортом.

— Держал когда-нибудь вожжи в руках? — спрашивает дед Митяй.

— Приходилось, — отвечает Егор небрежно, мол, только этим и занимался всю сознательную жизнь. А то! У самого старшего Мелёшина есть конюшня с элитными скаковыми.

— Надеваешь узду, хомут... — Дмитрий Ионович демонстрирует последовательность операций на пегой лошади, которую зовут Зеброй. Лошадка стоит смирно и терпеливо ждет окончания репетиции. — Одеваешь седелку и затягиваешь подпругу... Вот так... Натягивай в меру... Хорошо... Теперь заводишь лошадь в оглобли... Ставишь оглоблю в гуж, вкладываешь дугу и перебрасываешь через шею лошади...

Муж внимательно слушает. Наверняка он задействовал *certus exemplum*^[52], чтобы запомнить термины и тонкости запрягания. А дед Митяй переключился на колесное средство. И к телеге нужно подойти со всем вниманием. Вдруг в дороге слетит колесо — что тогда делать?

— Тяжи должны быть одинаковыми по длине. Проверь, чтобы были натянуты, и чека держала... Следи, чтобы колпаки сидели на осях крепко... И чтобы ступицы были исправны. Не выдержав, Егор мученически вздыхает.

— Верхом будет проще, — показывает на седло.

Наверное, он пожалел, что перенес поездку на завтра, а не отправился в Магнитную сегодня, на внедорожнике и с ветерком. Да и послушная Зебра не выглядит отчаянным скакуном.

— Так-то оно так, — соглашается Дмитрий Ионович. — Вижу, ты лихой наездник. Но куда наших дивчин посадишь?

Мэл взъерошивает волосы. Опять его поддели шуточкой. Дивчин и вправду набралось немало. Помимо меня, в Магнитную собралась мама. Она боится, что без неё мы заблудимся или влипнем в историю. Поедет и Софья Николаевна, чтобы отвезти к скорняку готовые заячьи шкурки, которых набралось штук семь или восемь. Заодно женщины хотят заглянуть в запасник, чтобы выбрать причитающийся лимит. Узнав о поездке, напросилась с оказией и Наина-пророчица. У неё тоже нашлись в Магнитной дела, которые она не решилась доверить соседкам.

Поработали вместе и ужин устроили сообща, и совместная трапеза понравилась мне невероятно из-за душевности и участливого внимания друг к другу. Заяц в сметане вышел отменным, и Софья Николаевна получила заслуженные похвалы кулинарному мастерству. Даже Егор не поскупился, собрав кусочком хлеба остатки подливы с тарелки.

— Знаете рыжего, что приезжал сегодня на машине? — спросил муж у Дмитрия Ионовича.

— Рыжий? — задумался тот. — Должно быть, Мурена. Теряет сноровку, шельма. Не сразу просек, где вас искать.

— Кто-кто? — изумилась я. — Его зовут Муреной?

— На кой ляд мне его имя? — отмахнулся дед Митяй и получил от жены тычок в бок, за сквернословие. — Мне с ним внуков не нянчить. Мы тут живем просто. Коли нас заставляют свои корни забыть, то и мы в долгу не остаемся.

— Мурена — хищная рыба, — продолжала я удивляться.

— А то нам незнамо? — прищурился Дмитрий Ионович. — Уж точно не цыпленок да ягненок.

Помимо рыжевато-бугая Мурены местные наделили кличками и остальных наемников из Совета. Слепень, Клещ, Репей, Пиявка, Цепень... Ничего не скажешь, благозвучные и миленькие прозвища.

— Неужто не дают житься-покою? — поинтересовался Егор, впечатлённый богатым воображением жителей.

— По-разному бывает, но вот уж годков тридцать как устаканилось. У нас по-своему заведено, у них — по-своему. Ездют по Магнитке, выслеживают и разнюхивают да девок портят. У катов отдельная кормежка, сытная. В неурожаи нам приходилось траву жевать с голодухи, а они лопали от пуза и смотрели, как мы пухнем. Думали, вымрем? Накуси — выкуси. Не дождутся! — воскликнул с жаром дед Митяй.

— Митюша! — Софья Николаевна охладила воинственный пыл мужа. — Налей-ка нам чайку.

Несмотря на преклонный возраст, чувствовалось врожденное благородство пожилой женщины, достоинство, что ли. Годы уравнили её с дедом Митяем в росте, но в молодости Софья Николаевна была определенно повыше. Если в разговоре Дмитрий Ионович мог вспыхнуть и распалиться, то жена предпочитала помалкивать, да и не умела она кричать и ругаться.

По возвращению домой мама рассказала, что Дмитрий Ионович — из работяг, а его супруга родилась в интеллигентной семье и окончила университет. В один прекрасный день дед Митяй, а тогда Димка, повстречал Софьюшку и втрескался в неё без памяти. И ведь добился внимания своей избранницы, и они поженились. А вскоре и гражданская война началась.

— А дети у них есть?

— Сын живет в Няша-Мари, дочери — в Русалочьем. И внуков десяток. Дети зовут к себе, а дядя Митяй противится. Жалко хозяйство бросать. Боится, захиреет без него Шлаковка.

А быть может, дед Митяй не хочет бросать маму, — мелькнула у меня мысль. Уедут старики к детям, и мама останется одна.

— Гош, — спросила я шепотом, когда мы улеглись спать. — Завтра Зебру запрягать. Вдруг certus exempul ослабнет к утру?

— Не ослабнет, — хмыкнул он и вкусно потянулся, а за ним и я, разминая ноющие мышцы. Для нас, городских неженков, сегодняшней трудолюбивый день получился поистине героическим. А еще меня беспокоил визит ката и завтрашняя поездка в Магнитную.

— Что нам будет за нарушение правил?

— Думаю, ничего, — успокоил Егор. — У нас на руках документы, есть иммунитет и права. Проведут инструктаж, разъяснят, что и к чему, чтобы мы впредь не попадали впросак. Вот и всё.

Если так, то не страшно.

— Гош...

— Что?

— Ничего. Так просто. Пришло в голову и улетучилось.

— Легкомысленная моя, — поддел муж. — Что, на свежем воздухе думается с трудом?

Пусть шутит, мне не жалко. Он не догадается, что я открыла рот затем, чтобы узнать его мнение об отцовстве, то есть о возможной беременности. Если Егор прав, нам придется вернуться на Большую землю. Не завтра, конечно же, а через месяц-два. Но я не хочу! Чтобы отогреться сердцем возле мамы, мне не хватит и года. Если мы уедем, то вряд ли когда-нибудь возвратимся сюда. Егор не согласится, как пить дать. Черт, ребенок спутает все мои планы! Ну, почему такая невезуха и именно сейчас? Ладно, подождем два дня, и если в моей анатомии ничего не изменится, поговорим с мужем о будущем и о нашей семье.

А ночью пошел дождь. Слушая в дреме, как капли шуршат по крыше, я радовалась тому, что организовала стирку, и белье успело высохнуть. Во сне мне приснилось белоснежное рыхлое облачко — легкое и воздушное. Мое первое сливочное масло, сбитое собственноручно.

К утру дождь утих, но небо затянулось серой хмарью. Вершины гор окутались ватой; белёдые нити, поднимаясь со склонов, воспаряли вверх — так рождались облака. Мокрая трава, мокрая листва — неприятно и зябко. Раскисшая грязь налипает на подошвы, утяжеляя кроссовки. Зато дома уютно, хоть и сумрачно.

Собираясь в Магнитную, Егор прихватил дождевики — куртки из плотного полиэтилена, на молнии и с капюшонами. Маме очень понравился её дождевик. Видно, не вымокнуть в горах в сырую погоду — наипервейшее дело. Я заставила маму обуть кроссовки, и теперь она посматривала на ноги, потому что не могла определиться — нравится ей непривычная обувь или нет.

Certus exempul не подвело мужа, и вскоре он, в точности повторив вчерашний урок деда Митяя, вывел запряженную Зебру на дорогу. Дмитрий Ионович проверил правильность обвязывания супони и натяжение шлеи, после чего одобрительно похлопал лошадь по крупу.

Мне помогли взобраться на телегу, рядом села мама. Дочки Игната высыпали к калитке, наблюдая за последними приготовлениями.

— Шибко не гони, — предупредил дед Митяй. — А то по пути растерешишь бабёнок. Придется полдня ползать и собирать по буеракам.

— Ух я тебя, чёрта окаянного, — шутливо пригрозила кулаком Софья Николаевна, и супруг рассмеялся.

— Поспрошай, Софочка, о нонешнем урожае. Люди говаривают, из-за жары зерно не успело налиться и уродилось мелким. Если так, придется нам затягивать пояса потуже.

Егор тронул лошадь, и мы поехали. Ох, и тряская оказалась дорога, хотя Зебра и бежала неспешной рысцой. А где вы видели телеги с амортизаторами? Муж быстро приноровился к езде и в нужных местах подстегивал или притормаживал лошадку, а я вертела головой по сторонам, оглядывая окрестности. Ветви деревьев отяжелели от сырости. Облака, запутавшиеся меж горных склонов, понемногу таяли. Серые тучи напитались влагой, но не спешили разродиться дождем. И пейзаж завораживал.словно на каменистые кручи набросили набивную рельефную ткань, и она упала на горы зеленым покрывалом, образовав складки и заломы. Три дня назад из окна "Каппы" смотрелось по-другому, нежели сейчас, с телеги. Сейчас рядом со мной сидела мама и держала за руку.

Вскоре показалась Томлёнка — деревня побольше и, стало быть, поживленнее. И дома разные — победнее и побогаче, побольше и поменьше.

— От нас до Магнитки идти пятьдесят минут, а если на лошади — то пятнадцать, — пояснила мама. — Когда начинается учебный год, мне выдают велосипед.

— А как же зимой? — удивилась я. На велике по сугробам далеко не уедешь.

— Когда как. Обычно иду пешком до Томлѐнки, а оттуда подбрасывают. И обратно так же.

Бедная моя трудяжка. И самоотверженная, — сжала я мамину руку.

На выезде из деревни голосовали двое мужчин с заплечными мешками. И на побережье актуален автостоп, вернее, конестоп.

— Притормози, — сказала Софья Николаевна, и Егор остановил лошадку. — В ногах правды нет, — сказала она мужчинам. — Присаживайтесь.

Те, помедлив, запрыгнули на телегу, между мамой и Наиной. Ехали молча и оглядывались коротко, посматривая на меня и на мужа. Не успела я и глазом моргнуть, как за поворотом открылась Магнитная, показавшаяся мне тесной и густонаселенной после одичалой уединенности Шлаковки. Случайные попутчики соскочили с телеги и, поблагодарив, скрылись в проулке, а мы покатали дальше. Мама подсказывала дорогу, и вскоре Зебра вывернула на мощеную булыжником площадь.

Ничего так, просторно. А еще многолюдно и многолошадно. Кучкуюющийся народ можно поделить на тех, кто прохаживается у запасника, и на тех, кто собрался у Совета.

Наша цель — Совет. Двухэтажное здание из темно-серого камня возвышается над площадью, словно рыцарский замок. Сегодня штиль, и флаг повис тряпкой. Ленятся ребятки развевать искусственно, — мелькнула злорадная мыслишка. Внедорожники исчезли, значит, каты разъезжают по окрестностям.

С фасада здания — два входа, два крыльца. Слева — никого, а справа толпятся местные. Егор по-джентльменски помог нам слезть с телеги. Наина подхватила корзины и припустила прочь с площади, торопясь по делам. Перед тем, как отправиться к скорняку, Софья Николаевна напомнила:

— Через час встречаемся здесь же. Времени хватит и вам, и мне.

— Вам туда, — показала мама на левое крыльцо. С другой стороны на телегах и повозках расселся народ — разных возрастов и обеих полов. Кто-то сидел на ступенях крыльца, кто-то облепил перила. Балагурили, смеялись. Человек двадцать, если не больше, и еще подходили.

— Кто последний? — вопрошали задорно и получали веселый ответ:

— За мной держись, коли не шутишь.

Дверь постоянно открывалась, и взрослые заходили-выходили поодиночке. Женщина, спрыгнув с повозки, подхватила маленького мальчика на руки и зашла внутрь.

— Там замеряют потенциалы, — пояснила мама. — Это быстро и не больно. Дольше маяться в очереди. Раз в месяц нужно обязательно появляться, чтобы поставили отметку в книжке. Вы идите, а я подожду здесь.

По мере приближения к зданию Совета на нас начали обращать внимание. Мимо проходящие оборачивались, некоторые даже останавливались. Очередь примолкла. Женщины разглядывали с интересом, мужчины — с настороженностью, и я невольно поежилась. Оказывается, успела отвыкнуть от прицела любопытных глаз.

Мама подошла к собравшимся, и с ней нестройно поздоровались, обращаясь на "вы". А Егор уверенно поднялся по ступенькам на левое крыльцо и открыл передо мной дверь:

— Прощу.

— Ну-с, Егор Артёмович, вижу, акклиматизация проходит быстрыми темпами, — заключает Глава Совета. — Поразительная скорость. Я полгода привыкал к местным красотам. Да и супруга ваша довольна, — не то вопрос, не то утверждение.

— Довольна, — отвечает Егор. — Нас встретили и доставили до Магнитной.

За вежливыми словами кроется намек. "Не ваши люди домчали нас на удобных внедорожниках, а слепошарые довели на захудалой инвалидке из ушедшего столетия".

— Прошу прощения, — извиняется официальный чин, но раскаяние кажется мне напускным. — Мы не имеем отношения к гражданским в отсутствии указаний. А в отношении вас четких инструкций не поступало.

— Что ж, понимаю, — соглашается муж. — На службе исполнительность превыше всего.

Егор — само добродушие, но я чувствую: он запомнил "развод". Его зверь не забудет.

Мы сидим в приемной. Помещение невелико размерами, но светлое. Белый потолок, обшитые деревом стены, в больших окнах — стекла, а не матовые слюдяные пластинки, причем видимость односторонняя, изнутри. Мебель простовата, как и полагается казенному заведению на краю света, но добротна. Для побережья это чудной интерьер. Но больше всего меня поразила плафон под потолком и настольная лампа.

— В подвале установлен дизельный генератор, — поясняет Глава Совета, заметив мое удивление, и для демонстрации несколько раз щелкает выключателем. Лампа вспыхивает и гаснет. — Пусть вокруг позапрошлый век, но мы-то — люди современные. Нам дичать не положено.

Ага, на редкость цивилизованный тип. Для работы генератора нужно топливо, и немало. Значит, при Совете есть хранилище.

Кому лампочки, а кому — кофе. Настоящий кофе в фаянсовой кружке, из которой поднимается ароматный парок, притягивающий Егора к горячему напитку как мышь — к сыру. Нервное сглатывание мужа ударяет по ушам.

— Не желаете присоединиться? — предлагает мужчина, показывая на кружку, и Егор кивает, чересчур торопливо. А я отказываюсь.

Глава Совета скрывается за дверью, ведущей в глубины здания. Должно быть круто, когда хозяин Магнитной хочет самолично угостить приезжего висората. И кофе приносят. Муж делает большой глоток и жмурится от удовольствия, откинувшись на спинку стула. Отсутствие сливок нисколько его не смущает.

— Сразу видно, наш человек, — улыбается вежливо представитель власти. — Я и сам люблю испить кружечку-другую, особенно в ненастье.

Он поджар, невысок и не богат шевелюрой. С однодневной щетиной и в камуфляжном костюме, как и рыжий бугай, навестивший нас вчера.

— Север Андреевич Голотвин, — представился высокий чин, протянув руку Егору, а к моей лапке — надо же! — прикоснулся сухими и тонкими губами.

Он крутится в кресле, небрежно развалившись. Ему скучно, и мы — первое стоящее развлечение за долгое время. Последний раз в Магнитную приезжали полгода назад. Сколько лет Голотвину? Сорок или сорок пять? Выглядит молодо и спортивно. И еще от него веет опасностью. Вседозволенностью. Рубля местного масштаба. Вспоминаю прозвище.

данное жителями. Клещ...

Голотвину опротивела Магнитная. Опротивели горы, опротивели лапотники (так он называет местных жителей), опротивели снежные и морозные зимы. Опротивело побережье, ставшее тюрьмой на долгие пять лет. Он считает дни, вернее, месяцы до отбытия из таежной глуши. Осталось чуть меньше года. Измучился, бедняга, пить кофе по утрам и глядеть, зевая, на ненастье за окном.

Крепкая дверь, обитая металлом, открывается, и в приемную входит... наш вчерашний гость, привнеся с собой гул голосов с улицы. Мурена! Он кладет небольшую сумку на свободный стол и скрывается в глубинах здания.

— Надолго к нам? — интересуется Голотвин.

— По обстоятельствам, — отвечает Егор. — В визах предусмотрена открытая дата отбытия.

— Припоминаю, — задумывается на секунду собеседник и спрашивает: — Цель вашего приезда?

Вроде бы и тон по-прежнему любезный, а чувствуется — прощупывает.

— Цель моего приезда — вне компетенции охранно-контролирующих органов, — парирует вежливо муж, попивая кофе. — Я отчитываюсь перед своим руководством, а не перед вашим.

— Логично, — соглашается господин начальник. — И все же, мне хотелось бы знать. Мало ли... Вдруг возникнет конфликт с местными?

— Конфликтов не будет, — заверяет Егор.

В нагрудном кармане Голотвина шипит и курлыкает, и он извлекает рацию. С недовольным видом отключает и бросает на стол. Меня осеняет: есть рация — значит, имеется связь. Может быть, в Совете есть телефон? Ужасно хочется узнать, как обстоят дела на Большой земле. Наши "мобилки" перестали улавливать сигнал на вторые сутки в поезде.

Похоже, муж думает на одной волне со мной.

— Хорошо живете. Цивилизованно, — льстит хозяину Магнитной. — Не удивлюсь, если здесь и телефонная связь работает.

— Увы. Звонки доступны из комендатуры, и то для имеющих группу допуска. А мы так, балуемся по мелочи. Горы глушат звук, зато на близких расстояниях эти игрушки незаменимы, — Глава Совета кивает на рацию.

Вздыхаю разочарованно. Если письма на побережье подвергают строгой цензуре, то о телефонных звонках и говорить нечего.

Мурена возвращается в приемную и берет со стола наши документы, которые Голотвин не удосужился открыть и прочитать. Не царское это дело. Царям положено складывать на стол ноги в армейских ботинках и светски беседовать с приезжими висоратами.

Пока Егор и Глава Совета обмениваются незначущими репликами, Мурена изучает бумаги и делает какие-то пометки. Подходит к начальнику, и тот, с неохотой опустив ноги, достает из сейфа печать, чтобы прошлепать ею по многочисленным квиточкам.

— Отлично, — резюмирует хозяин Магнитной. — Вот вы и на месте. Официально. Чем не повод, чтобы отметить? — Его улыбка предназначена мне. Вежливая, с претензией на легкий флирт с разрешения супруга. Опять же со скуки. Я не во вкусе Голотвина, но на безрыбье и рак — рыба. Местные лапотницы и рядом не стояли со мной, светской и образованной дамой.

Егор помалкивает, наслаждаясь кофе, и делает вид, будто не понял намека. Высокий

чин продолжает:

— В ваших документах стоит отметка: "Категория Б". Она дает право на определенные привилегии.

Рыжий Мурена подает перья и типографские бланки. Мелкий шрифт, напротив строчек — пустые квадратики.

— Для удобства обработки заполните шапку печатными буквами, — учит Глава Совета. — Далее... Первый список — содержимое ежемесячного сухого пайка. — Он обращается ко мне: — Обратите внимание: левый столбик для мужчин, правый — для женщин... В следующем списке перечислены предметы первой необходимости, регулярность их выдачи варьируется. Если формой заявки предусматривается выбор, отметьте галочками желаемые позиции.

— Ого! — присвистнул Егор. Очевидно, он успел пробежаться взглядом по бланку.

Читаю информацию о пайке и с трудом удерживаюсь, чтобы не продублировать потрясенным эхом: "Ого!"

Лицам, приравненным к категории Б, полагается мясо тушеное консервированное пяти разновидностей, причем мужчинам — четыреста грамм ежесуточно, а женщинам — двести грамм. Далее перечисляются: быстрозавариваемые и быстрорастворимые концентраты супов, гарниров, соков, морсов, киселей, хлебных имитаторов, овощные витаминизированные пасты, консервы рыбные и из субпродуктов, упаковка байхового чая или кофе или какао — на выбор, сухое или сгущенное молоко — на выбор, яичный порошок, шоколад, сахар. И опять женщины обделены. Их рацион сокращен вдвое. Но, несмотря на ограничения в питании для слабого пола, привилегии лиц категории Б повергают в изумление. Неужели нам выдадут все эти продуктовые богатства? А уж мама-то как обрадуется.

Во втором списке перечислены предметы хозяйственного назначения. Помимо банного полотенца — раз в полгода и вафельного — ежемесячно, зубной пасты и зубной щетки, двух брусков мыла — туалетного и хозяйственного, двадцати одноразовых пакетиков с шампунем, защитного крема и крема от сухости кожи для холодного и теплого сезонов, крема от комаров и клещей, набора одноразовой посуды, туалетной бумаги и сигарет, мужчинам полагается пена для бритья, бритвенный станок и четыре пары носков. Отдельной строкой выделены презервативы в количестве 60 шт. в "мужском" столбике и средства гигиены — в "женском". Помилуйте! Шестьдесят штук ежемесячно?! Кто рассчитывал нормы? И что за обезличенные средства гигиены для женщин? Носовые платочки, что ли?

Егор тоже прочитал эту строчку и ухмыляется. Бросаю взгляд искоса на Мурену и замираю. Он сидит в дальнем углу, за столом, и смотрит пристально на меня и на мужа. Очевидно, раздумывает и раскладывает мысли по полочкам, чтобы позже озвучить перед начальником.

Отворачиваюсь как ошпаренная.

— И наконец, третий список — бонусный, — добавляет Голотвин, следя за изучением бланков. — Переверните лист... За вычетом стоимости продуктов и вещей на вашем счету ежемесячно будет оставаться сумма в размере пятисот висоров...

— Большие деньги, — хмыкает Егор, прервав. — Заявлено же пять тысяч.

— Заявлено, не спорю. Но доставка обходится дорого. Как вы могли заметить, на побережье нет скоростных трасс, а посылки не сбрасывают с вертолота. К тому же, вашей супруге жалованье не полагается, и она получит сухой паек за счет вашего оклада. Итак,

каждый месяц будет приплюсовываться пятьсот висоров. Они могут накапливаться на счету, а могут быть потрачены. Если надумаете израсходовать денежные средства, поставьте галочки напротив выбранных позиций или впишите собственные пожелания... Внизу есть пустые строчки.

Вчитываюсь в содержание бонусного списка. Напротив каждой позиции стоит сумма. Например: "трусы мужские — 350". Триста пятьдесят висоров за мужские трусы?! Сущее грабительство!

Наверное, бонусный список предназначен для тех, кому срочно приспичило. Например, в трусах лопнула резинка, или переломались зубчики в расческе. Иначе как объяснить её наличие, причем за сто висоров? Вот наглёж. Сто висоров за расческу!

Читаю ниже. "Сапоги резиновые — 1700", "зонт — 1200", "носовой платок — 50", "набор ниток и швейных игл — 300", "зубочистка — 10"... Не знаю, то ли плакать, то ли смеяться. Коммерсанты фиговы. Нет уж, в зубах поковыряюсь забесплатно.

Заполняем бланки, ставим галочки. Муж на удивление предсказуем, застолбив для себя кофе. Правда, растворимый, а не молотый, но тоже подойдет. А вот я хочу какао! Страсть как захотелось, едва перо сделало отметку в квадратике. Даже руки задрожали.

Егор не скряжничает, вознамерившись потратить остатки оклада. Что делать с деньгами на побережье? Не солить ведь. В бонусном списке он помечает: "перчатки хозяйственные", "верхонки" и "универсальный клей-герметик 10 гр".

— Нитки, — шепчу я, подсказывая, и муж ставит галочку в соответствующем квадратике. Уф, уложились в четыреста девяносто висов. Зачем Егору понадобился клей? И для чего верхонки? Наверное, натрудил мозоли вожжами или маминым молотком.

— Прекрасно, — заключает Голотвин, когда бланки заполнены, подписи поставлены, и бумажки переключиваются к Мурене. — В любой момент можете переоформить заявку и заказать что-нибудь другое. Но учтите, если выбрали поверх стандартного перечня, исполнение заказа затянется на месяц. Пока доставим в заявку комендатуру, пока её обработают, пока привезут...

— Понимаю, — кивает Егор. — Если потребуется, воспользуемся данной возможностью.

— Заключительный этап — регистрация. На первом этаже есть свободные комнаты, да и на втором пустует половина крыла. Но внизу и столовая ближе, и напор воды лучше.

О чем это он? — оглядываюсь растерянно на мужа.

— Не волнуйтесь, в жилую часть ведет отдельный вход со стороны двора, — успокаивает Глава. — Этакого галдежа, как сейчас, вы не услышите, — кивает он на окно. Кстати, шум снаружи усилился, доносятся возмущенные голоса. — Что там происходит?

— Очередь не поделили, — отвечает Мурена, прислушавшись. У него хриловатый голос, наверное, простужен или прокурен.

— Осточертело. — Глава снова разваливается в кресле, водрузив ноги на стол. — Мы думали, они передохнут, а им всё нипочем. Плодятся как кролики. Проверочный пункт не справляется. Приходится чередовать: один месяц замеряем абсолютные потенциалы, а в другой — относительные. Нарушаем порядок, а что делать? Нужен дополнительный висограф и специалист по замерам, но министерство молчит. Не могут принять решение. Кстати, у вашей супруги есть опыт обращения с висографом? Мы могли бы трудоустроить её при Совете на полставки.

— Нет! — отвечаю громче, чем полагалось бы. Потому что не сдержалась. Потому что

гнев бурлит, ища выхода, а ногти оставили глубокие следы на ладони. Ни за что и никогда не подойду к ненавистному прибору. Ни за что и никогда не соглашусь замерять потенциалы у невидящих — таких же, как я. И кажется, я начинаю ненавидеть Голотвина. Клеща. Наверняка он осведомлен о моем родстве с Илией Папеной и знает о висорической инвалидности. И все же посмел предложить предательство.

— Мы не планировали трудоустройство Эвы. — Муж отставляет пустую чашку. Выпитый кофе улучшил его настроение.

— Что ж, очень жаль. Дело в том, что у нас нет резерва на непредвиденный случай, — поясняет Клещ. — Итак, можете пройтись по этажам и выбрать подходящую комнату.

Он предлагает поселиться нам здесь, при Совете?! А как же мама? Как же хутор и дед Митяй?

— Жилые помещения отведены для персонала и командированных, — рассказывает Голотвин. — Есть приходящая горничная, — он кисло морщится. Очевидно, в его понимании уровень обслуживания далек от идеала. — На первом этаже имеется оборудованная кухня и обеденная зона. Как правило, мы объединяем продуктовые пайки, и приходящая повариха готовит полноценные обеды и ужины. Во дворе есть баня. Отдельных туалетных комнат, к сожалению, нет. В подвале работает насос и водогрейный котел, есть прачечная. Так что в туалете из крана течет горячая вода и работает канализация. Душ вы не примете, но можно понежиться в ванне. Для женщин мы делаем исключение, — улыбается кончиками губ, обращаясь ко мне. Очевидно, решил продолжить легкий флирт. А меня бесит его самоуверенность.

— Ну, как, Эва? — спрашивает муж. Похоже, его впечатлил рассказ Клеща.

Загрузившись негативными эмоциями, не сразу вникаю в суть услышанного. А когда вникаю, то впадаю в ступор. Сказать, что Голотвину удалось меня удивить, значит, ничего не сказать. Я потрясена, погребена. Вот они, удобства и блага цивилизации, — этажом выше или тут же, за стенкой. Егор будет попивать кофе со сливками и тремя кусочками сахара, ведя светские беседы с Главой Совета, а я, распарившись после ванной и закутавшись в махровый халат, буду забираться под одеяло, на пружинную кровать с настоящим матрасом и подушками. Боже мой!

— Нас мало, но мы в тельняшках, — подмигивает Клещ. — И нам нужно держаться вместе. Да и моя супруга будет рада знакомству. Встретить на краю света достойных людей — большая редкость.

— Ваша супруга здесь, на побережье? — удивлен Егор.

— Да, она прикомандирована к нашему Совету. Специалист по замерам.

Поджимаю губы, чтобы случайно не скривиться. Ах, какая верность и преданность! Любящая женушка последовала за мужем в таежную глушь и, чтобы не помереть от скуки, работает с висографом, замеряет потенциалы у невидящих. И не дай бог, прибор распищится. Исполнительная висоратка тут же вколет лошадиную дозу подавителя обследуемому, будь то ребенок или старик. Знать её не хочу и заранее ненавижу. В моем представлении это хладнокровная и расчетливая стерва.

— Эвочка, невиданная удача! — Кажется, муж обрадован. Чем? — Уверен, супруга Севера Андреевича — женщина высокообразованная и интеллигентная. Она поможет тебе освоиться, и вы найдете общий язык.

Очевидно, в моем взгляде отражается вся гамма "страстного" желания дружбы с висоратской с*кой, потому что Егор говорит Клещу:

— Мы выйдем на минуточку, посоветуемся.

— Конечно, — машет тот рукой. — Нам спешить некуда. А вечером отметим знакомство.

Вылетаю на крыльцо, следом муж. Увидев нас, расшумевшаяся толпа затихает. Мама было подается ко мне, но я показываю: "Всё нормально, у нас небольшой семейный разговор", и заворачиваю за угол здания, в проулок. Справа каменная стена Совета, слева — глухой забор.

— Не собираюсь здесь жить, — заявляю в лоб.

— Подожди. — Егор чертит символы на стене и заключает: — Непроницаемо... Почему, Эва? Посмотри, здесь комфортно и удобно. И компания соответствующая.

— Значит, моя мама — несоответствующая компания? — вспыхиваю я. — И дед Митяй тоже не соответствует твоим критериям? Значит, с высокомерными жлобами не стыдно общаться, а со слепыми — запахло?

— Что за словечки? Откуда понабралась?

— Оттуда, — огрызаюсь, упрямо воротя нос в сторону.

— Послушай, Эва... — Муж начинает расхаживать туда-сюда, сцепив пальцы в замок. — Неужели тебе нравится отсутствие элементарных удобств? Чтобы помыться, нужно набирать воду из колодца. Чтобы согреться, нужно натопить печь, и благо, если дрова наколоты заранее. Чтобы поесть, нужно сперва приготовить. Чтобы постирать вещи, нужно их полоскать в ледяной воде... Да, я люблю комфорт. Люблю, когда заднице тепло в удобном и отапливаемом туалете, и не хочу в мороз снимать штаны на толчке. Люблю, когда под рукой есть рулон с туалетной бумагой, а не лист лопуха. Люблю, когда из крана бежит горячая вода. Люблю электрическую бритву. И электрический свет люблю, а не доисторические лучины. В конце концов, мне надоело прятаться в бане и прислушиваться к каждому шороху! Я хочу заниматься с тобой любовью, а не высокоскоростным трахом... Выслушай меня! — потребовал, заметив, что хочу возразить. — Я беспокоюсь за тебя... Ты нагружаешься, устаешь. И хотя не веришь мне, но еще раз повторю: ты беременна. Да, Эва, так и есть, но ты отказываешься признавать. Упрямясь, ты рискуешь не только собой, но и нашим ребенком... Удивляюсь твоей беспечности... Ты не жалеешь себя, а ведь запросто можешь переохладиться, можешь потянуть спину. А на побережье нет врачей и нет аптек. У тебя может произойти этот... как его...

— Выкидыш...

— Да, он самый. Вспомни, что говорил дед о твоей родословной. В вашем роду дети — большая редкость, и нужно считать невероятным чудом, что у нас получилось. Эва, что с тобой? — опустил он на корточки.

Оказывается, я не заметила, как съехала по стене.

Что со мной? Ничего. Меня всего лишь долбанули обухом по голове. Или нет, отвесили несколько полновесных оплеух. Слова Егора вышибли воздух из легких, ударив под дых со всего маху.

— Эвочка, ну, не плачь... — Он сел рядом и, обняв, притянул к себе. — Разве я не прав?

— Я не хочу... Не хочу здесь... Их тут пятеро...

— Шестеро, — уточнил муж, поняв, о ком идет речь.

— Пусть шестеро. А в Магнитной живет больше трех тысяч, — расшвыркалась я. — Они не поймут, станут презирать... Скажут, неженка и трусиха... И маме попеняют.

— Пусть попробуют. Чье мнение тебе важно: своё или чужое?

— А мама? Как ей объясню?... "Извини, но дрянские условия... в деревне... мне не подходят... Хочу сытости... и отожранную морду", — выдавила шмыгая.

— Эвка! Откуда такие словечки? — спросил Егор строго.

— Из жизни.

— Думаю, твоя мама согласится с нашим выбором. Она желает тебе счастья. Пойми, мы приехали к ней как нахлебники. А теперь погостили, и довольно. Твоя мама, конечно, виду не подает, но посуди сама: мы едим, пьем, жжем дрова, уголь, уничтожаем запасы. Здесь и так сложно живут, а мы усугубляем. Она ж надорвется, чтобы угодить нам.

— Ничего мы не усугубляем! — воскликнула я в запальчивости. — Вот выдадут паек, и компенсируем съеденное.

— Эвочка, ну, пойми. Разве ж вы расстаетесь навечно? Пятнадцать минут ходу... на лошади, — хмыкнул он, — и ты в Шлаковке.

Нет! — воспротивилось всё во мне. Заорало, оглушило. Не хочу! — зарычал мой зверь. Взревев, поднялся на задние лапы и принялся раскачивать клетку. Ему плевать, морозится задница на толчке или греется в тепле на унитазе. Ему плевать, на чем спать: на печке или на пуховой перине. Его хотят посадить на цепь и держать впроголодь, награждая милостивыми подачками.

— Еще неясно... Может быть, это гормональный сбой, — хлюпнула я носом.

— Вот видишь! На Большой земле ты сделала бы анализ и узнала через пять минут. А здесь гадай — не гадай, ничего неясно. Но я уверен. Как мне убедить тебя?

— Никак. Подождать, наверное. Неделю или две.

— Подождем. А пока никаких физических нагрузок. Но когда диагноз подтвердится, придется нам возвращаться на Большую землю, — муж поцеловал меня в висок.

— Не хочу! — сбросила я руку Егора с плеча. Мне мало. Мне не хватило времени. Катастрофически.

— Ну, хорошо, — согласился он терпеливо. — У нас есть время в запасе. Месяц или два никого не надорвут.

Два месяца — это август и сентябрь. Совсем мизер!

— Пять месяцев! Полгода!

— Эва... — рассмеялся муж. — Через пять месяцев Новый год. Снег ляжет, начнутся морозы. Нужно ехать по теплу, чтобы не окоченеть в пути. Ну, хорошо. Крайний срок отъезда — середина октября.

— Да... Наверное, — понурилась я.

Ну, почему так получается? Кто-то прыгает до потолка, узнав о нечаянной, но желанной беременности; кто-то плачет от счастья, увидев заветные полоски на тесте, и возносит благодарность высшим силам. А я не рада. Совсем. Конечно, мама не будет препятствовать переезду в Магнитную. Ради меня она пожертвует всем. А узнав о беременности, обязательно расплатится и уж точно выпроводит из Шлаковки, беспокоясь за мое здоровье.

— Присмотрись, Гошик, — поднялась я на ноги. — И на побережье рожают — и ничего. Ты думаешь, ребенка можно потерять, перенапрягшись или заболев. Но выкидыши случаются и на нервной почве, причем довольно часто. Валяй, скажи этому... Клещу, что согласен на его предложение, и тебе обеспечат задушевные вечера в избранном висоратском обществе. Вас же мало, поэтому нужно держаться вместе, — передразнила я.

— Эва, прекрати, — нахмурился он.

— А знаешь, что? Мой синдром перевернет Магнитную с ног на голову, я чувствую.

Обостренная интуиция, так сказать. Так почему бы не начать апокалипсис с избранных элитных борцов? Пора встряхнуть сонных мух.

— Постой, Эва...

Но ноги понесли меня к крыльцу. В фокус попало встревоженное лицо мамы.

"Что случилось?" — спросили её глаза.

"Без проблем" — показала я руками. — "Жизнь прекрасна и удивительна".

Ввалилась в приемную, опередив джентльменство мужа, и уселась, нога на ногу, демонстративно постукивая пальцами по столу и с преувеличенным пофигизмом рассматривая интерьер, — лишь бы не встретиться глазами с Егором.

При нашем появлении Голотвин отложил газету, которую читал, развалившись в кресле. Пресса месячной давности, — отметила я машинально дату. А сумка Мурены исчезла, как и он сам.

— Однако быстрый у вас семейный совет получился. Хотя в каждой семье по-разному, — сказал по-свойски господин начальник. — А мы с супругой спорим до хрипоты. Бывает, и посуду бьем. Ну, как? Надеюсь, Эва Карловна отстояла комнату на первом этаже?

Я воззрилась на Егора. Ну, давай, любезный муж и глава семьи, сообщи Клецу, что тебе плевать, на каком этаже нам выделяют комнату. А вот на собственную задницу тебе не наплевать. Она должна быть в тепле и комфорте.

Егор коротко взглянул на меня.

— Что поделаешь, Север Андреевич. Женщины — существа капризные и необъяснимые. Их поступки не поддаются логике, поэтому приходится уговаривать и убеждать.

Голотвин рассмеялся, а муж продолжил:

— Иногда худой мир в семье лучше доброй ссоры. Да, мы пришли к общему мнению...

— Порой худой мир в семье лучше доброй ссоры. Да, мы пришли к общему мнению... Для моей работы будет полезнее, если я на собственном примере прочувствую сложившийся на побережье этнос, в частности, в Магнитной. Результаты исследовательской работы получатся более достоверными, что немаловажно для моего руководства... Благодарю за предложение о проживании при Совете. Надеюсь, мы в любой момент сможем им воспользоваться, когда я соберу достаточно информации по теме исследования.

По мере того, как слова мужа лились реченькой, лица — моё и Клеца — вытягивались.

А собственно, чего я ожидала? Егор сказал бы Голотвину либо "да", либо "нет". Не такой уж большой выбор. Но он сказал "нет". Не знаю, как долго продлится "сбор информации", но муж явно пошел мне на уступку.

Голотвин быстро совладал с собой.

— Жаль... Но ничего не поделаешь. Служба есть служба, даже у гражданских. Или вы передумали из-за родственницы в Шлаковке, а? — наклонился он с заговорщическим видом к Егору.

— Да, совместили приятное с полезным, — ответил тот, широко улыбнувшись.

Два хитрых кота. И не поймешь, кто из них хитрее и любезнее.

— Родственники — это святое, но не мешало бы нам отметить знакомство. Так сказать, в узком кругу, среди своих. У меня и коньячок припасен, и сигары, — подмигнул Клещ.

— При случае обязательно, — не стал отказываться муж.

— Не отвертитесь, — погрозил пальцем хозяин Магнитной. — А пока регистрируем вас по адресу...

— 5554, - вставила я. — А зачем? Мы же приезжие, временные.

— На всякий случай, — ответил туманно Голотвин. — Надеюсь, будем часто видеться. Но для подстраховки раз в две недели станем устраивать очные явки. Или вы к нам, или мы к вам.

— Зачем?

— Затем, Эва Карловна, что жизнь в здешних местах рискованная. То камнепад на голову, то капкан под ногой, то вода в колодце порченная... Опять же, хищников много и охотников. И шальных стрел.

— Разве таковое бывало? — нахмурился Егор.

— Прежде не случалось, но раз в сто лет и палка стреляет. Да вы не волнуйтесь попусту. Одно время приезжих в Магнитной было как тараканов. Давно, лет тридцать назад. Определяли их на постой по домам лапотников. И ничего, жили мирно и те, и другие. Постарайтесь не ввязываться в конфликты, избегайте провокаций. Предупреждаю на всякий случай, но не предлагаю подставлять щеку, когда бьют. Людишки ж здесь мстительные. Могут ударить в спину. Мы, конечно, разыщем подлецов и накажем, как полагается, но толку-то? Здоровье и жизнь не вернешь.

Ох, и запугал нас Клещ. Я чувствовала, муж вот-вот передумает и заберет своё "нет" обратно. Вскочив, подошла к окну и принялась разглядывать площадь и собравшуюся перед зданием Совета очередь. Громкоголосые, весёлые, шуточки отпускают. А что? Чай, не помирать приехали. Мужчины статные, широкоплечие, да и среди женщин нет худышек. Хотя нет, разные люди попадаются. Вон дядечка — тощенький и росточком маленький. А

вон дед приковылял, его пропустили без очереди. На детях интересные стеганые курточки с капюшонами — серые и с черными ромбиками. Несмотря на мировое осовременивание нравов, женщины на побережье предпочитают не штаны, а платья и блузки с юбками. Наверное, поэтому на мой спортивный костюм смотрели круглыми глазами. На ногах у людей — сапоги, ботинки, а кое у кого и калоши. И ни одного толстяка среди местных. Откуда взяться пивному пузу, коли приходится трудиться от зари до зари?

— Значит, договорились, — заключил Голотвин, вручая мужу наши документы. — Причитающийся вам паек привезут по месту регистрации сегодня вечером. Учтите, отсчет времени вашего пребывания начался с момента регистрации, поэтому паек рассчитан исходя из двух оставшихся дней июля и за весь август. И не забудьте: прежде чем окончательно покинуть побережье, загляните в Совет. Мы сделаем в документах соответствующую отметку о выбытии из Магнитной.

— Ты специально сказал "нет", чтобы я чувствовала себя обязанной? — спросила у Егора, когда мы вышли на крыльцо.

— Тебя не поймешь, Эва. Скажи я "да", и ты съела бы меня, не подавившись. Сказал "нет" — и ты опять недовольна.

— Я довольна. Очень. Но ты станешь попрекать меня холодной задницей и скоростным трахом.

— Стану, — хмыкнул муж. — Должна будешь.

— Вот-вот, это и имелось в виду.

— А как ты хотела? Думала, я добрый и пушистый? Нет уж, дорогуша, — приобнял он меня за талию, и мы спустились по ступенькам. — Я тебе все нервы истреплю, как ты трепала бы мне, останься мы в Магнитной.

Не знаю, что и ответить. Потому что Егор видит меня насквозь. Потому что так и был бы.

— Но надрывать не будешь, поняла?

Поняла, мой командир. Одна забота миновала, на очереди вторая — подтверждение беременности.

И опять при нашем появлении очередь примолкла, а я подошла к маме и взяла за руку.

— Ну, как? — спросила она с волнением в голосе. — Вас не ругали за нарушение?

— Нет. Всё прошло отлично. Пойдем, расскажу, — я потянула маму к телеге и к Зебре, подальше от любопытных глаз.

Заморосил мелкий дождь, вынудивший натянуть дождевики. Когда мама услышала о причитающихся нам пайках, её лицо просветлело. Неужели Егор оказался прав, и наше проживание под одной крышей чревато голодной зимовкой для мамы?

Упомянула я и о предложении Голотвина, предоставившего возможность выбора комнаты в Совете, а вот о том, что муж отвел мне время до октября, умолчала. Незачем заранее расстраивать и себя, и маму. Кроме того, тлел слабый огонек надежды: всё образуется, и версия Егора об интересном положении — ошибочна.

— Мам, если тебе накладно, мы можем переехать в Магнитную.

Эх, раньше следовало спрашивать, когда затеялся спор за углом, и я самоуверенно приняла решение за маму.

— Глупенькая, — погладила она мой рукав. — И думать забудь о том, что трудно или неудобно. Главное, чтобы было удобно вам.

Муж посмотрел на меня красноречиво, мол, не утаивай и выкладывай матушке всю правду до конца.

— Мам... В общем, тут такое дело... Похоже, я беременна.

Как и следовало ожидать, известие сразило маму наповал. Некоторое время она осмысливала услышанное, а потом разохалась, разохалась и даже прослезилась.

— Доченька... Как же так?... Подумать только... Радость-то какая! — обняла меня и начала расспрашивать: когда я узнала, какие симптомы, какой срок, что с аппетитом, не тошнит ли меня, не кружится ли голова и нет ли слабости.

Опешив, я отвечала невпопад, а Егор посмеивался и, тем самым, усугублял мою неловкость.

— В общем, у меня нет полной уверенности. То ли да, то ли нет. Не пойму, — заключила я.

— Сейчас узнаем наверняка. Пойдем, — потянула мама за собой. — Тут пять минут ходу.

— А Софья Николаевна?

— У нас есть время в запасе. Ой, какая новость! — мама не удержалась и опять всплеснула руками. Ну да, не каждый день к ней приезжает дочь после долгой разлуки, заодно представляет зятя и между делом сообщает о будущем внуке.

— А куда мы идем? — спросила я, когда мама повела нас с площади в ближайший проулок.

— К лекарю. Видишь ли, медицинских препаратов на побережье нет, как и врачей. Поэтому аптек и больниц тоже нет, а вот лекарь есть. А Святозара Павловича не бойся. Он только с виду грозен, но дело своё знает.

Проулок шел в небольшую горку. По двум сторонам — заборы, ворота да дома с высокими подклетьями, двускатными крышами и слюдяными окнами. Камень стоек, а вот дерево и брус почернели от времени.

— Сколько ему лет? Со времен деда стоит? — кивнула я на старый бревенчатый дом.

— Поменьше, — улыбнулась мама. — А темный, потому что обработан огнезащитным составом.

— Вот это да! Чтобы не сгорел?

— Сгорит, конечно, но не сразу. Сначала подымит. Как раз хватит времени, чтобы потушить. А то пойдет полыхать — не остановишь.

— Мам, откуда ты столько знаешь? — пришло мне вдруг в голову. Мама родилась на побережье, но ВУЗов не кончала, а оперирует умными терминами.

— У меня был и есть замечательный учитель. При случае обязательно с ним познакомлю. Он уже старенький, ему за девяносто, но память великолепная. Профессор университета! — сказала мама с гордостью и отворила калитку. — Вот и приши. Проходите.

С улицы дом из круглого бруса кажется тесным, но первое впечатление обманчиво. За домом есть просторный задний двор, однако любопытных туда не пускают. Пожалуйте в небольшую горницу. При входе звякает колокольчик, извещая о гостях.

Святозар Павлович грозен и ходит в кожаном фартуке с нагрудником. Он практически лыс, но с затылка свисают редкие седые патлы. Безволосая голова усеяна пигментными пятнышками. У лекаря седые кустистые брови и крючковатый нос. Кто посмел ляпнуть, что

Святозар Павлович — старик? Да, он в преклонном возрасте, но бодр и активен. И живость ума сохранилась, и острота зрения, и знания, сконцентрированные под лысиной.

Мы ждем в небольшой горнице, расположившись на лавке. Отсюда ведут две двери: одна заперта, а вторая приоткрыта. Словно на прием к доктору, — приходит в голову мысль.

Наш визит пришелся несколько некстати. За закрытой дверью, в "кабинете", идет осмотр и перевязка. Пациент напоролся на вилы на покосе и повредил стопу, но не обратился своевременно за помощью. Дела-заботы закружили, вот он и лечил рану самостоятельно, пока та не загноилась чуть ли не до кости.

Мне надоело ждать, и я тяну шею, заглядывая в приоткрытую дверь. В обзор попадает край плиты, на которой что-то варится в чугушке. Любопытство подгоняет, и я поднимаюсь с лавки. Просовываю голову в дверную щель и мысленно ахаю от восхищения. Помещение напоминает лабораторию. Небольшие окна заматованы слюдой, но их шесть, чтобы давали больше света. Еще одна дверь, выходит, наверное, во внутренний двор. Посередине комнаты — большой стол. Развешанные пучки трав — у меня разбегаются глаза от разнообразия растений. На полках — мешочки, тески, горшки. В углу составлены бочонки разного объема. Рядом печка, а напротив — длинная варочная плита, сложенная из камня. На ней стоит чугунок необычной формы с отводным патрубком. Темная жидкость стекает по желобку в глиняный кувшинчик. Это же водяная баня! Дальний угол занят большим котлом, накрытым крышкой. Должно быть, перегонный куб. Фантастика! Паренек в фартуке крошит ножом зеленую массу на разделочной доске. Парнишка молод — ему лет шестнадцать. С интересом посмотрев на меня, он возвращается к работе. Открываю рот, чтобы озвучить умную мысль, но меня окликает мама.

С неохотой сажусь на лавку. Егор позевывает, развалившись с максимальным удобством.

— Святозар Павлович может быть резок, но ты не обращай внимания, — говорит мама тихо, боясь спугнуть тишину серьезного заведения. — Зато он лекарь от бога. Видит людей насквозь, видит их недуги и болезни. Без рентгена определяет перелом и разрыв связок. И зубодёр отменный, без боли рвет, — нахваливает мама, а я морщусь. С сегодняшнего дня буду тщательнее ухаживать за полостью рта. Не хочу попасть в руки к Святозару Павловичу. — А сейчас он экспериментирует с пломбированием и протезированием.

— А я здесь причем?

— Святозар Павлович посмотрит и определит, будет ребеночек или нет, — поясняет мама.

Егор не выдерживает и фыркает.

— Только не говори, что, вдобавок ко всему, он — местный гинеколог. — В моем голосе звучит скепсис, а в воображении возникает соответствующее кресло и хихикающий старик в фартуке и в верхонках.

— Не совсем. Но к нему едут отовсюду. Даже из Няши приезжали и из Березянки. Святозар Павлович никогда не ошибается. Если говорит, что ребеночек лежит головкой вниз, значит, так оно и есть. И срок с точностью устанавливает, и состояние плаценты определяет, и сердечко у ребеночка слушает.

— У плода, — поправила я машинально. — Надеюсь, он не заставит забираться на кресло. Если так, то заранее отказываюсь!

— Что ты! — рассмеялась мама. — Такого кресла у него нет. Да и мужчина он все-таки. При необходимости отправляет к Агнессе, акушерке.

— Что, прямо так, на глазок определит Эвкину беременность? — развеселился муж.

— Да. И скажет, когда ждать прибавления, — кивнула мама серьезно, не поняв подколку.

Запертая дверь открылась, и оттуда выпрыгнул мужчина на костылях, с ногой, обмотанной льняными бинтами. Следом вышел Святозар Павлович, и пациент рассыпался в горячих благодарностях. Того гляди, от радости не удержит равновесие и грохнет на пол.

— Иди-иди, не мешай. Тебе бы до дома доскакать, — отмахнулся лекарь. — И впредь не затягивай, а то в следующий раз ногу оттяпаю. Вот тебе нате! — воскликнул, заметив нас. — Илийка пожаловала. Какими судьбами? Или Митюха наказ дал?

— Здравствуйте. Нет, мы сами зашли.

Мама представила меня, свою дочку, и зятя Егора.

— Вот значит как, — заключил Святозар Павлович вместо приветствия и без рукопожатий, но муж не обиделся. Мне показалось, он поставил себя выше пренебрежения местных. Мол, мне по фигу ваше мнение. Мне важнее своё собственное. — И надолго к нам?

— Жизнь покажет, — ответил Егор.

— Не сомневаюсь, — оглядел его лекарь с головы до ног. — Зачем пожаловали?

— Вот, Святозар Павлович, — мама подтолкнула меня легонько. — Посмотрите.

— А на что тут смотреть? Еще ж ничего нет. Приходите через месяцок, тогда и поглядим.

— То есть как "ничего нет"? — растерялась мама.

— Нет ничего примечательного. А прыщик есть, — сказал лекарь и заухал как филин, то есть засмеялся. — Ребятёнка сострять — дело нехитрое. Он пока что вот такусенький, — показал щелочку между пальцами. — Лягушачья икринка.

— А сколько...? — начала мама.

— Что "сколько"? Самый мизер. Так что разговор ни о чем. А вот в марте поглядим, сколько весу наберет. Плохо старался, — сказал он Егору. — У твоей жены таз широкий, она бы и двойню выдюжила.

Муж не стал спорить, промолчав, а я выпучила глаза. Какая двойня?! Ну, уж нет!

— Значит, в марте? — просияла мама. — Спасибо, Святозар Павлович, за благую весть! На весну, на солнышко ребеночек появится.

Ну-ну, УЗИ местного пошиба. Ваш диагноз сомнителен, дедуля.

— Там молодой человек гонит сок, — кивнула я на приоткрытую дверь. — Надо бы кувшин обложить льдом или поставить в холодную воду. Сок лучше сохранится.

Лекарь посмотрел на меня, насупив брови, и закричал, оглушив:

— Мишка, поганец! Опять девкам экскурсии устраиваешь! Счас как дам по шеяке! Ишь удумал — от дела отлынивать! — и ринулся в "лабораторию".

— Мишка не виноват! — кинулась я следом. — Он мне и слова не сказал. Я подглядела!

— Подглядывать нехорошо. А Мишка схлопочет за то, что дверь не закрыл, — Святозар Павлович погрозил кулаком растерянному парнишке.

— А если сделать постоянную изолирующую прослойку, то будет... — влезла я с очередной рекомендацией.

— Сделаем, — согласился лекарь, закрыв перед моим носом дверь и отрезав Мишку от нашего общества. — Всё сделаем. Мы советчиков страсть как любим. Особенно приезжих... Кстати, Илийка,хвати-ка капельки для Митяя. Передай, чтобы держал в холоде и пил утром и вечером, по ложечке. Если он, конечно, мою ложечку не посеял.

Святозар Павлович ушел в "кабинет" и вернулся, вручив маме горшочек, который она бережно поставила в корзинку.

— Ну, ступайте с богом, — отпустил нас лекарь.

— Но ведь можно... — снова вклинилась я с поучениями.

— Можно, можно, — согласился Святозар Павлович, подталкивая нас к выходу. — Всё можно, что не запрещено.

Каким-то образом мы очутились на крыльце, и дверь закрылась, звякнув на прощание колокольчиком.

— И ведь хотела как лучше, — оправдывалась я, то ли перед собой, то ли перед своими спутниками. — А он и слушать не стал.

— У Святозара Павловича большой опыт. Ему виднее, — утешила мама.

— Зря, что ли, институт заканчивала? — не унималась я. — Ведь доказано, что...

— В чужой монастырь со своим уставом не лезут, — прервал Егор, подставляя локоть. — Пошли уж, а то размокнешь. Или хочешь вернуться и поведать убеленному сединами человеку о том, что он неправильно гонит сок?

Не хочу. Но всё равно останусь при своем мнении, потому что оно научно обосновано, а не опирается на примитивные дедовские методы.

— Мам, ты никому не говори... ну, о ребенке. Пока точно не определится.

— А когда определится? — встрял муж.

— Через неделю, — зыркнула я на него.

— Хорошо, Эвочка. Это ж какое счастье! Малышок у вас будет, — восхитилась мама. — Святозар Павлович всегда верно говорит. Он и мне сказал, что моя доченька родится в октябре. И не ошибся.

— Неужто ни разу и никого не обманул?

— Ни разу, — заверила торжественно мама.

— Ни разу — ни разу? — допытывалась я.

— Ни разу, — ответила она терпеливо.

— Будет тебе, Эвка. Уж и дед-врачеватель установил: "Беременна", а ты не веришь.

— Понравилось словечко, да? — сняла я руку с мужнина локтя. — Заладили: беременна да беременна. Скоро мозоль на языке появится.

— Разве не нравится? — удивился искренне Егор. — Хорошо, буду говорить так: "Эвка, ты в положении".

— Ну тебя, — ускорила я шаг, припустив к площади. Когда мы выбрались из проулка, дождик поредел, и в небе наметилось просветление. А у телеги ждала Софья Николаевна, огорошив известием. Оказывается, она успела сходить в запасник, но неудачно. Сегодня приемно-отгрузочный день, груженные подводы приходят в Магнитную или уезжают в другие округа. Поэтому посмотреть, насколько исчерпан лимит, некому и некогда.

— Совсем запамятовала, что по четвергам в запасник не пробиться, — сокрушалась Софья Николаевна. — Но если хорошо попросить, нам уделят внимание. Николаша не откажет. Он никогда тебе не отказывает.

— Нет, — сказала мама, покраснев. — В другой раз приедем, как положено. Не будем мешать.

Только я хотела спросить о таинственном Николаше, как на площади стало тише. Даже у Совета угомонилась шумная очередь. Голоса примолкли, и явственнее проступили другие звуки: скрип колес, понукания возниц, лошадиное ржание. А мама машинально схватила

меня за руку.

Причиной затишья стали трое мужчин, неспешно подъехавших к запаснику. Копыта лениво цокали по булыжной мостовой. Спешившись, мужчины привязали лошадей к коновязи, и, взвалив мешки, переброшенные через крупы животных, направились к запаснику. Все трое — бородачи, в куртках и сапогах с высокими голенищами.

— Кто это? — спросил Егор.

— Вольные, — ответила мама.

— На побережье? — хмыкнул он, мол, хорошая шуточка. Покажите хотя бы одного добровольца в этом краю.

— Вольные — это те, кто не принял законы побережья. Они живут отдельно и ведут свое хозяйство, — пояснила Софья Николаевна.

— Интересно, — пробормотал муж. — Стоит людям сбиться в группу, как они начинают придумывать законы и строят государство.

— На самом деле, на побережье немного правил. У нас заведено так: каждый из жителей имеет право на лимит. Минимальное количество продуктов и вещей, чтобы не умереть с голоду и не замерзнуть. Мука, масло, холстина, мед, соль, слесарный инструмент, гвозди, валенки, посуда... Словом, список большой, — махнула мама рукой. — Социальные — старики и увечные — имеют право на уголь и дрова... Ну, а если подписался на лимит, то взамен и отдача от тебя должна быть. Выполняй минимальную квоту на выбор: шкуры выделывай, сапоги шей, шерсть пряди, уголь жги, муку мели, посуду обжигай, телеги мастера и бочки, котелки отливай да ложки с вилками... Выполнил квоту — имеешь право на лимит. А уж если хочется жить лучше, то вертись, как умеешь. Вот люди и держат огороды, скотину, пасеки. Сами ткут, на охоту ходят и на рыбалку. Из леса несут ягоды, грибы, орехи. Если у человека золотые руки, он не бедствует.

— А у тебя какая квота? — прервала я.

— Нас, учителей, приравнивают к социальным, — смутилась мама. Видимо, считала, что её труд — дармоедство по сравнению с другими профессиями, но я-то успела узнать из маминых рассказов, что она преподает письмо, чтение, математику, географию и историю, и что обучение считается обязательным для детей школьного возраста. В Магнитной их около четырехсот, поэтому построено две школы, и дети учатся в две смены. А учителей — трое, и мама выучила добрую половину Магнитной.

— А вольные причем? — напомнил Егор.

— Вольные живут сами по себе. Кто поодиночке, а кто объединяется. Но они тоже обязаны приезжать на замеры. Иногда к ним прибиваются те, кому отказали в доверии.

— А это что за люди?

— Те, кому не доверяют. Если человек не явился на поверку, наказывают всё поселение, — пояснила мама, и мне вспомнился рассказ самого старшего Мелёшина. — Поэтому в Магнитную принимают надежных новоселов. Никто не хочет рисковать семьей из-за пришлого человека, если тот ведет себя подозрительно. Голова сообщает в Совет о таких людях и предупреждает, что жители Магнитной не несут за них ответственности.

— Ого! — присвистнул муж. — Оказывается, у вас своя страна и своя политика. А что здесь забыли вольные? — кивнул он на лошадей у коновязи.

— Приезжают изредка. Обменивают на муку, зерно... Не знаю, быть может, пушнину

привезли. Бывает, ценную породу поставляют: медную или серебряную. Слюдю добывают.

Пока мама говорила, один из бородачей вышел из запасника с пустыми руками и направился к Совету, где занял очередь. Около одиночки образовалось пустое пространство. Люди не пожимали ему руки, а отворачивались и отводили глаза. А вольный бородач вел себя, словно ему нипочем откровенное игнорирование.

— И в чём же он провинился? — спросил Егор, наблюдая за реакцией местных. — Если человек не желает подчиняться вашим законам, за это его подвергают остракизму?

— Это Наянчи, из политических. Лет десять живет на побережье. Ему отказали в доверии, потому что поймали на воровстве зерна из запасника, — ответила мама.

— А может, обвинение сфабриковали? Кто вынес решение о недоверии? — не унимался Егор. Чего он добивается? Выискивает недостатки и прогнившие места в системе самоуправления?

— Голова Магнитной и старшины, — ответила мама. — Наянчи схватили, когда он таскал мешки вместе с подельником. Ему доверили работу в запаснике, а он сделал дубликат ключа.

Я по-новому взглянула на черноволосого бородача, вернее, на его спину. Фигура мужчины показалась мне зловещей. И поза-то как у злодея из вестерна. Его приняли в Магнитной как равного, а он украл у своих же и ни на секунду не задумался о том, что дети и старики умрут от голода.

А затем мне стало не до бородача, потому что на левом крыльце, ведущем в приемную Совета, я заметила Мурену. Прислонившись к перилам, он глядел в нашу сторону. Достал сигарету из пачки, и сунув в рот, прикурил. Зажигалкой стал палец, на подушечке которого затрепыхался огонек *igni candi**. Мурена затянулся и выпустил дым струйкой, не отрывая глаз от нашей компании. И неожиданно до меня дошло: плевать он хотел на меня и Егора. Мы ему неинтересны. Он смотрел на маму.

— Эвка, ты где? — послышался голос мужа. — Пойдешь к деду Митяю?

Егор обстучал обувь от налипшей грязи и через сени прошел в дом.

— Эвка? — спросил тихо и прислушался.

— Я здесь.

Он поднял скатёрку.

— От кого прячешься, зайчишка-зайка серенький? — поддел меня.

— Просто так сижу.

Разве ж скажешь ему, что под стол меня загнало воспоминание из детства?словно живую встал перед глазами старый приевшийся сон: мамины башмаки — слева, туфли отца — справа. И он настаивает на разводе. А потом меня увозят — из дома, из Магнитной, с побережья. Разговор родителей разносится четким эхом в памяти, хотя минуло двадцать лет. Растерянность в мамином голосе и уверенный тон отца...

Всё возвращается на круги своя. Цикл заканчивается и начинается сначала. Я вернулась туда, откуда меня забрали давным-давно, и, того не ведая, захватила в дорогу нечто необыкновенное. Оно — частичка меня и Егора. Лягушачья икринка. Ребёнок.

— Вылезешь?

— Пока нет.

— Тогда мы идем к вам, — заключил муж и пополз ко мне на коленях. — Уй! — ударился макушкой о перекладину. — Прикольно, — огляделся по сторонам.

— В детстве здесь был мой домик, и я играла. Осторожно, не занози руку.

— Здорово. Я уж подумал, что ты родилась сразу взрослой и серьезной.

— Гош, ты сердишься? Я шантажировала тебя у Совета.

— Знаю, — хмыкнул он.

— Я ужасно тебя люблю, — обняла своего мужчину.

— Забавное сочетание: "ужасно" и "люблю", — ухмыльнулся Егор.

— И, кажется, я залетела.

Муж фыркнул и беззвучно рассмеялся.

— Ничего смешного! Просто я еще не привыкла. Этим нужно проникнуться.

— У тебя будет полно времени, чтобы привыкнуть к новому состоянию. — Егор посчитал, загибая пальцы. — Почти восемь месяцев.

— Как же так получилось? Я верила, что порошок стопроцентно защитит.

— Эвочка, ты — исключение из правил. Так чему удивляешься?

— Невероятно, — вздохнула я. — Твоя клетка встретилась с моей, и они начали делиться. И вот здесь, — положила ладонь на живот, — живой человечек.

— Ну, положим, до человека ему далеко. Сама слышала, что дедушка-эскулап сказал. Пока что в твоём животике — прыщик.

— И всё равно! На курсах нам читали об этапах развития эмбриона. Сейчас у него закладывается сердце, появляются зачатки глаз и ушей. И бугорки — будущие пальчики! Боже мой, и позвоночник формируется, и дыхательные пути!

— Ну, вот, опять слезы в глазах. Осознала, наконец?

— И он будет похож на тебя и на меня, — схватила я ладонь Егора и, с жаром поцеловав, приложила к щеке.

— Кто бы сомневался, — проворчал он.

В тот момент мне не думалось о том, что ребенок может родиться невидящим. Не думалось, что в таком случае малыша ждет незавидная участь в висоратском мире. Не думалось о том, унаследует ли кроха признаки моего полиморфизма. Будущее представлялось мне бескрайним океаном, а я стояла наверху, на скале. Нужно всего лишь раскинуть руки и решиться, упасть в новую жизнь. Это не больно и не страшно. У меня есть мама, есть любимый мужчина. У меня будет ребенок. Большого и желать нельзя. Я самый богатый человек на земле.

— Гош, а как же теплый туалет и электрическая бритва? Прости! Я думала только о себе.

— Ты счастлива?

— Ага. Очень.

— Ну и славно. Беременная женщина должна быть счастлива. Чувствую, мне надо запастись терпением. То ли еще будет. Когда кузина Агния ждала двойню, её муженек на стенку лез.

— Почему? — хихикнула я, предвкушая интересное объяснение неадекватного поведения.

— Потому что. То его обвиняли в измене, то вешались на шею и зацеловывали. То мордовали слезами по пустякам, то срочно требовали персики и землянику, топя ногами. А, между прочим, дело происходило зимой. Тогда я посмеивался над зятем, а теперь понимаю.

— И как, нашел он персики?

— Нашел. Консервированные в сиропе. Кузина утешилась.

— Ой, и мне персиков захотелось.

— О! — Егор возвел глаза к столешнице. — Персики не обещаю, но через полчаса придет машина с пайком. Будешь разбирать коробки?

— Конечно! — ринулась я, чтобы вылезти из-под стола.

— погоди, Эвочка, не спеши. Полчаса-то у нас есть. И твоя мама ушла на дойку.

— Уау! Не знал, что беременные женщины такие страстные... И чувственные.

— Гош, а заметно уже?

— Что заметно?

— Живот заметно? И грудь... она стала больше?

— М-м, да... Определенно увеличилась.

— Ай! Щекотно же!.. Гош...

— А?

— Я стану толстой и неуклюжей. Представь, на животе привязана подушка. Ни наклониться, ни присесть толком.

— А куда деваться? Кому-то делать детей, а кому-то рожать.

— Ах, так?! Я думала, он утешит, а он!

— Эвка, ну, не дуйся. Посуди сама. Человеки бывают либо женского пола, либо мужского. Третьего не дано. Если бы тебе предложили родиться в мужском теле или в женском, что бы ты выбрала?

— Не знаю... Если бы я стала мужчиной, то не повстречалась бы с тобой... К тому же, у мужчин вечно какие-то проблемы... не поддающиеся логике. Нет, выбираю быть женщиной.

— Вот видишь. Поэтому, женщина, ты должна любить и уважать своего господина и повелителя, делающего тебе детей.

— Слушаюсь и повинуюсь, властелин моего сердца.

— Иди-ка сюда и еще разок докажи господину свою преданность.

Паек привезли двое: Мурена и похожий на него амбал. Второй кат дублировал Мурену разве что ростом и амуницией, зато отличался восточной внешностью и черным ершиком волос — до того коротких, что и схватить не за что. Ничего удивительного. Наверняка по его голове прошлась электрическая машина для стрижки. Возможно, супруга С.А. Голотвина от скуки устраивает по выходным брадобрейню и приводит в порядок заросшие облики подопечных мужа. Представила я, как Мурена сидит покорно, с простыней, завязанной узлом на шее, а его стригут, и космы падают, падают, пока не набирается приличная куча.... И, не удержавшись, сдавленно зафыркала. Мурена посмотрел на меня тяжелым взглядом, от которого я поспешила спрятаться за спину мужа.

Коробок оказалось много, их доставали из багажника, и Егор подключился к перетаскиванию.

— Куда? — спросил Мурена у мамы. Свирепо так спросил, и мама опять нервничала и мяла платок в руках, показав: ставьте в сени. Может, Мурена ей угрожал? Или запугал своими висоратскими штучками? Вдруг он мечтает выбить из мамы признание о месторождении самородного золота?

В итоге нам привезли шестнадцать картонных коробок с пайком, и теперь они стояли штабелем, заняв добрую треть сеней. Егор распрощался с катом рукопожатием. "Добрые молодцы" не попросили у хозяйюшки водицы, чтобы освежиться после физической нагрузки, а мама и предлагать не стала. Они молча выполнили работу, сели во внедорожник и уехали, разворотив колею широкими колесами.

Но покуда каты носили коробки, я исподтишка наблюдала за Муреной. Он чувствовал мое внимание и оттого вел себя резче, дёрганнее, что ли. По отрывистым движениям Мурены, по тому, как он выуживал коробки из багажника и нес по дорожке до дома, я поняла, что мой интерес его напрягает. А еще Мурена бросал на маму взгляды, не поймешь какие, но уж точно не задушевные, потому что она отводила глаза, стараясь на него не смотреть. На самом деле ничего особенного: мужики носят коробки и составляют штабелем в сенях. Но мне любой жест и любое движение Мурены казались многозначительными.

А затем подозрения в отношении рыжего Мурены отступили на второй план, потому что мы принялись разбирать паек, вернее, я и с большим рвением. Муж великодушно уступил мне прерогативу распечатывания коробок, заметив детский восторг и предвкушение. И правда, меня накрыло ощущение сродни праздничному, когда очередной подарок открывается с замиранием сердца и в ожидании чуда. Но мама как-то вяло поддержала мой энтузиазм. Она смотрела, как я извлекаю то одну банку, то другую и восклицаю: "Ой, Гош, вот твой кофе!" или: "Ой, смотри, паштет из кальмаров с кусочками форели!", и на её лице читалась... грусть? В общем, вывалила я на кровать содержимое очередной коробки и наскоро побросала в неё всего помаленьку из нашего пайка.

— Ну что, пойдём дегустировать к деду Митяю?

Егор взвалил груз на плечо, и мы потопали в общейку. Не имело смысла запирается дома с продуктовым богатством аки жлобы, потому что соседи прекрасно разглядели внедорожник катов у маминой калитки. К тому же, нам предстояло прожить два месяца в Шлаковке и желательно бы прожить это время в мире и дружбе с хуторскими. Я не сомневалась, что добрососедские отношения выручат нас в трудную минуту. Да и вообще

хотелось поделиться ребяческой радостью.

Дед Митяй по-хозяйски оглядел принесенное добро. К концентратам он отнесся скептически, мол, где видано, чтобы из маленького пакетика получился литр сока или внушительная порция картофельного пюре?

— Неужто и маслице с молочком добавлять не нужно? — повертел упаковку. — Чудно. Можно оставить на случай голодухи. Натуральное — оно и есть натуральное, — изрек важно и прочитал по слогам: — "Сок тро-пи-чес-кий кок-тей-ль". Зачем нам кокейль? Он и подметки не годится Софьюшкиному компоту.

Зато к мясным консервам Дмитрий Ионович отнесся со всем вниманием, но не к содержимому, а к упаковке.

— Мягонькая, — потряс пакетиком к тушеной говядиной. — Как употребите мясо, оболочку не выбрасывайте. У нас их копят, потом разрезают и сшивают изнанкой наружу. Надежная защита от дождя и ноская. Одно время катам привозили жратву в жестяных банках, они тоже в хозяйстве годятся. Из их и крючки гнут, и терки делают, и скребки, и совки. Да мало ли что голова придумает, — потюкал пальцем по темечку.

— Точно! — дошло до меня. — Я сегодня видела в Магнитной, на детях. Серенькие курточки с черными вставками.

— Изнанка бывает разной, — просветил дед Митяй с видом знатока. — Раньше катам привозили консервы с черными внутренями, а вот уж два года как возят серые.

Замечательные мастерицы живут в Магнитной, умудряются шить из подручного материала. А чему удивляться? Голь на выдумки хитра. Хочешь жить — умей вертеться.

— А почему взрослые не носят такие куртки?

— Потому что, — ответил Дмитрий Ионович, а мама услышала и смутилась. Позже она объяснила, что эта тема болезненна для местных. Упаковки из-под консервов, как и прочий мусор из Совета, каты выбрасывают в овраг за Магнитной, приспособленный под свалку. А гордость не позволяет жителям признать, что они используют отбросы. Ради малышни местные придавливают самолюбие, но дети постарше категорически отказываются надевать серые курточки и дождевики.

Другое применение влагостойким изнанкам мягких упаковок нашли в качестве полотнищ, которыми накрывают промокаемые грузы. Сколько же прямоугольничков нужно сшить, чтобы укрыть мешки с мукой на подводе? И ничего, умельцы сшивают так, что самодельные тенты служат годами.

У гордости есть свои пределы, — поняла я. Если потребуется, человек прогнется ради семьи, ради детей. Но есть гордость иного сорта, тесно переплетенная с достоинством и патриотизмом. Она не позволяет преклонять колени и заставляет держать голову высоко поднятой.

Плитку шоколада я разнесла по дворам. Каждому из хуторских досталось две дольки, а маме и Софье Николаевне — по три. Мама порывалась отдать свою долю мне, мол, для ребеночка будет полезней, но я решительно воспротивилась. Дочки Тамары приняли скромный презент с настороженностью. Пришлось объяснить им, что долька ложится на язык и рассасывается. Необычный вкус сладости вызвал у девочек настоящее потрясение. Да и Тамара повеселела, поблагодарив за лакомство. Наина-пророчица первой отпробовала шоколад, а затем разрешила дочке и Григорию. Наверное, женщина заподозрила, что приезжая висоратка решила отравить местных. Пусть думает, что хочет. Многочисленное семейство Игната тоже вкусило непривычный деликатес, кроме старшей дочки Паши.

— Набросились как мухи. Мёду, что ли, не хватает? — фыркнула она презрительно, когда сестра Даша закрыла глаза от удовольствия, сунув дольку в рот. — Бери ложку и ешь из горшка.

Паша вышла во двор, по-прежнему игнорируя меня.

— Пашенька, а можно съесть твои квадратики? — кинулись за ней младшие, Саша и Глаша. Видимо, старшая сестра обронила что-то вроде: "Ешьте, но не подавитесь сомнительным подарочком", потому что девчонки вернулись и разделили на двоих причитающиеся Паше дольки.

Вдобавок соседи получили приглашение на какао к деду Митяю. Как говорится, делу время, а потехе час, поэтому часок отдыха никого не задавит. Так что пусть желающие захватят с собой молоко и кружки.

Наина перелила в крынку горячее какао и увела дочку Аннушку домой, а супруг остался. Ушла и Галина, мать четырёх дочек, прихватив с собой Дашу, а Игнат и младшие девочки остались. А вот Тамара с дочками задержалась. Мы пили горячее какао на меду, устроившись под навесом, и смотрели на горы. Девочки начертили классики и гоняли по клеткам голыш.

— Во что это они играют? — спросил Егор.

— В попинульку, — объяснила я умиленно, потому что на меня накатило знакомое воспоминание из интернатского детства.

Название показалось мужу смешным, и он рассмеялся, а Игнат сказал с сожалением:

— Лучше бы мяч гоняли, а не камни.

Мужчины курили сигареты и вели философские беседы о жизни. Дед Митяй тоже попробовал прикурить и сплюнул:

— Ну и гадость. Махорка-то получше будет.

Может, он и прав, но совместное выпускание никотинового дыма, как ни странно, во все времена объединяло мужской пол.

— Посуди сам, — сказал Игнат мужу. — Не зря это гиблое место назвали Шлаковкой. Знаешь, что такое шлак? Беспольный отход. Не Горнянка и не Опочная, а никому ненужная Шлаковка.

— Почему же ненужная? — парировал Егор. — Коли есть название, значит нужная. Было бы хуже, если бы названия вовсе не досталось.

— Так-то оно так, — вздохнул Игнат. — И всё равно обидно. Может быть, нам переименовать Шлаковку, а? Назовем, например, Плавильней или Медяной. Как вам? Походатайствуем перед Барабулькой, и хутор переименуют. Ведь мочи ж нет. Когда люди слышат, где я живу, смеются без удержу.

— Кто такой Барабулька? — поинтересовалась я шепотом у мамы.

— Барабец Сергей Эксандорович, наш голова. За глаза его зовут Барабашкой и Барабулькой, но не со зла. Его шибко уважают и много лет подряд доверяют руководство Магнитной. Несведущим людям покажется, что управлять округом легко. На самом деле у головы столько забот, что голова идет кругом. — Мама засмеялась, поняв, что получилась тавтология.

— А много ли в Магнитной охотников? — спросил Егор. Видимо, ему не давали покоя оброненные слова Клеца о шальных стрелах.

— Достаточно, но с Няшей не сравнить, — ответил Григорий. — В Няше с детства учат стрельбе из лука. И лучшие мастера по изготовлению луков живут там же. Вот в октябре

приедут жениться в Магнитную и навезут разного добра. Бывает, и арбалеты привозят, но с ними не каждый управится.

— А огнестрельное оружие на побережье есть?

— Огнестрелы — у катов, а нам запрещено, — сказал Игнат. — Каждый охотник обязан регистрироваться в Совете. А стрелы отличаются оперением. В Магнитной используют белые перья, а в Няше их окрашивают в красный цвет. За Березянской закрепили "зеленохвостые", — сообщил Игнат, и мужчины поддержали шутку смехом.

— Хорошо рассказываете, — похвалил Егор. — Как настоящий охотник.

— Куда мне? — развел руками Игнат. — И я курице-то головёнку отрубить не могу. С птицей жена управляется.

Ох, что-то меня опять затошнило. А нечего мужские разговоры подслушивать. Женская болтовня гораздо полезнее для здоровья.

Мне так и не удалось поговорить с мамой о тревожащем поведении Мурены. Разговор об этом — не трехсекундное дело, когда задал вопрос и тут же получил ответ. Я почувствовала: придется вытягивать ответы чуть ли не силой.

Случай представился, когда наутро мы с мамой собрались по рани за малиной и черникой. Софья Николаевна осталась на хозяйстве, а дед Митяй должен был отвезти нас до летника, что в десяти минутах езды на телеге. Егор вознамерился ехать с нами, чтобы оглядеть окрестности, хотя я сомневалась, что он бросится собирать ягоду.

Дождь окончательно прекратился накануне вечером, но небо оставалось затянутым тучами. Висели они не низко, поэтому вероятность осадков по моим подсчетам упала до двадцати процентов. Однако Егор прихватил дождевики, а мама надела сапоги, которые дала Софья Николаевна. Подумав, муж велел и мне обуть резиновые сапоги, которые мы привезли на побережье, и сам обулся, став похожим на полноценного деревенского жителя.

— Воду с собой возьмите, — напомнил Дмитрий Иванович. — Речка идет грязная.

В бурдюк из выделанной кожи Егор залил колодезную воду через узкую горловину. Вот еще одно применение банок из-под тушёнки, — пришла я к выводу, повертев в руках жестяную воронку.

Похоже, на мужа незаметно переложили заботы о Зебре. Он запрягал, распрягал и чистил лошадку, вытаскивал репы из хвоста, разделял колтуны, вычищал копыта, снимал клещей. Кое-что объяснил дед Митяй, а кое-что Егор знал, потому что в поместье самого старшего Мелёшина имелась конюшня. Мой мужчина не кривился и не отказывался от поручений. Всё равно скучно и заняться нечем, так почему бы не облагородить коняшку? Мне показалось, он испытал гордость, запрягши сегодня Зебру по памяти.

Туесов нам надавали тьму тьмушую. Неужели все заполним?

— Еще и не хватит, — сказала Софья Николаевна, вручая совки для сбора ягоды и наколенники. — В наших местах малина поздно спеет, наравне с черникой.

— А как обстоят дела с медведями? — спросил Егор.

Я было засмеялась, мол, какие тут могут быть медведи, но дед Митяй положил в телегу трещотки.

— Неужели попадаются? — мой голос внезапно осип.

— В мою бытность на побережье встречался я с Михайло Потапычем не единожды, не последний раз довелось столкнуться три года назад и не в этих местах, — успокоил Дмитрий Иванович. — Однако предосторожность не помешает.

Он прочитал краткую лекцию о правильном поведении, если мишутка надумает полакомиться малиной одновременно с нами. Мишутка... Хищная зверюга с когтищами и зубищами, а не ласковый и добрый мишка... Самое главное — не бежать от медведя сломя голову и не визжать одурело. Где бы набраться смелости?

На удивление дорога оказалась нетряской, вернее, не дорога, а слабый намек на колею. Дед Митяй провел лошадь краем луга, а потом Зебра двинулась вдоль речки, и, миновав лесок, вывернула на следующий луг, тоже скошенный. Вода в Журчаве, и правда, поднялась, но незначительно, хотя "пела" громче обычного и текла мутная и коричневая. И опять наш возница проехал краем луга, сказав "тпру-у" у кромки бора. Слезши с телеги, мы углубились в лес. Не знаю, как Дмитрий Ионович определял направление. Наверное, шум Журчавы служил ориентиром. Вскоре показалась небольшая поляна на взгорке у реки и летник — домишко из круглого бруса метра два на два, похожий на избушку на курьих ножках из-за приподнятости над землей. Как в сказке у летника отсутствовали окна, зато имелась маленькая дверка. Я проверила: нужно чуть ли не ползком забираться внутрь. Зато от непогоды хорошо прятаться и переночевать, если потребуется. Тут же на поляне имелся импровизированный стол и лавка из сосновых чурбанов. В просвете деревьев виднелся луг и гора по ту сторону речки. Лепота...

— Глянь вниз, — сказала мама, и я опустила глаза. Бог мой, ноги топчутся на черничном ковре!

Дед Митяй вручил мужу топорик.

— От девок не отходи. Разведи костры, пусть хорошенько подымят. Следи, чтобы в костре постоянно тлела орясина. Перейдете на новое место, забросай огонь землей. Нам пожары не нужны.

Мама собирала чернику споро, наполняя туеса. Шуровала совком и тихонько напевала. Голос у нее приятный, без фальши. А я поняла, для чего нужны наколенники. Чтобы ползать по ягоднику, когда устанут ноги и спина.

— Сколько ты песен знаешь, — позавидовала невольно. — Но они какие-то грустные.

— Спой веселую, — предложила мама, чем поставила меня в тупик.

Как я ни морщила лоб, силясь вспомнить подходящую песню, а на ум ни одной не пришло. Разве что маршевые интернатские или современные, которые крутили в клубах, — без особого смысла, а то и откровенно пошлые. Пришлось мне признать собственную несостоятельность в песенной сфере и тоненько подтягивать, когда мама запела о невесте, которой изменил жених.

Егор принял всерьез предупреждение деда Митяя о таежных хищниках и подошел к порученной задаче со всей ответственностью. Развел два костра, подпалив их с помощью *igni candi*^[53], и следил за задымленностью вверенной территории. Похоже, он задействовал *vigili*^[54] и *oculi certi*^[55], потому что периодически настораживался, прислушиваясь, и обходил черничник по периметру, держа нас с мамой в поле зрения. Муж запретил нам разделяться и велел держаться вместе.

Наслушавшись лесных звуков, он пристраивался рядом и набирал чернику, отправляя в рот горсточку за горсточкой. А мама рада-радехонька показать, где кустики побогаче: пусть зятёк отъедается, насыщает организм витаминами. Натуральная ягодка полезнее, чем кубики сухих концентратов.

Неожиданно Егор привстал и замер. Застыли и мы с мамой.

— Что?

— Похоже... — Он поднялся и сделал пару шагов, вглядываясь в глубину чаши.

— Медведь? — ахнула я сдавленно. Удержите меня кто-нибудь, пока я не ринулась из леса, ломая вековые сосны.

— Нет... — ответил муж. — Лиса или куница... Или лось. Эх, лук бы мне сейчас. — Он натянул воображаемую тетиву и, прицелившись, выпустил воображаемую стрелу. — И был бы у тебя, Эвка, лисий воротник на пуховике.

— Гош, с луком нужно уметь обращаться. Это ведь не пневматика в тире.

— Ничего сложного, — пожал он плечами. — Главное, приноровиться. Пойду, погляжу, кто в лесу живет.

Егор отправился в очередной обход, а мы продолжили сбор ягоды. У мамы ловчее получалось, но и мой туесок быстро наполнялся. Гоня прочь беспокойство и выискивая мужа глазами, я решила между делом заняться расспросами.

— Мам, а как ты обучаешь письму? Ученикам нужны тетради, и много.

— На самом деле требуется не так уж и много. Вместо тетрадей у нас используют отбеленные холстины — льняные или конопляные. Их натягивают на деревянные рамочки и сбивают вместе. Получается что-то вроде папки. А пишут перьями и чернилами, которые придумал Святозар Павлович. Он же по профессии химик и помимо лекарства проводит различные эксперименты. Необыкновенный человек.

Да, Святозар Павлович — неоднозначная личность. Прямо-таки одиозная фигура. И редкостный упрямец.

— Когда "тетрадь" исписывается, ее стирают и крахмалят. Чернила смываются, и тетрадь снова готова к письму, — пояснила мама. — Обычно у каждого ученика четыре тетради — для письма и счета.

Из-за деревьев показался Егор, и вид у него был несколько смущенный.

— Ну, что, поймал воротник мне на пуховик? — поддела я муженька.

— Не поймал, но уверен, что тут балует лиса. Зато вот кого схватил.

Муж продемонстрировал белку, которую держал за хвост. Поначалу я решила, что она мертва, но подрагивающие усы и нос животного доказали обратное. В глазках-бусинках отражались наши с мамой изумленные лица.

— Какая хорошенькая! Откуда взялась? Она живая? Как ты её поймал? Может, она больная? — завалили Егора вопросами.

Подергивание задних лапок белки навело меня на здравую мысль.

— Nerve sandi^[56]*! Она парализована!

— Примерно так, — признал мой мужчина. — Случайно выпустил в неё заряд.

— Может, её выбросить? — предложила мама. — Смотри, как тяжело дышит. Наверняка заразная, а для ребеночка это опасно.

— А если на мех пустить? — поинтересовался Егор.

— Летом он жидкий, оттого и неноский.

— Ну вас, — выхватила я белочку и понесла к летнику, поглаживая. — Какой богатый хвостик! А какие замечательные ушки! Бедненькая моя. Представляю, каково тебе. Бельчатки ждут мамочку, а тебя охотник-злодей едва не укокошил.

— Эвка, между прочим, я тебя защищал! — крикнул вслед муж. — Хоть бы спасибо сказала.

— Спасибо! От меня и от белки.

Приоткрыв дверцу летника и подперев поленом, я положила белочку на порожек. Здесь её, немощную, никто не тронет, а когда она оклемается, то убежит в лес.

Чернику мы набрали быстро, а вот малину оставили на основное блюдо. Совки не помогут при сборе ягод с колючих кустов, поэтому набивать туеса придется дольше. Малинник располагался левее черничника, и Егор перенес костровища. Несмотря на прокол с белкой, он заразился азартом. Оказывается, охотнику-висорату не нужен лук со стрелами. Главное — попасть заклинанием в движущуюся мишень, и вуаля! — дичь схвачена. Воодушевившись, муж пропадал в окрестностях, то исчезая меж деревьев, то появляясь. Он прислушивался и приглядывался, но увы, дым от костров распугал лесных жителей. Я рассказала маме, в чем состоит суть *perve sandi*, и объяснила, что, в зависимости от величины заклинания, онемение мышечных тканей может длиться от нескольких часов до суток. А поскольку маленькая белочка приняла на себя удар, то парализация наступила практически мгновенно и протянется довольно-таки долго.

— Надо же, какие чудеса, — покачала головой мама.

— Ты видела результат, — кивнула я на домик, где осталась обездвиженная белка. — А когда увидишь заклинание, онемеешь от красоты. Оно переливается на свету всеми оттенками фиолетового, — заключила с восторгом, но мама скептически покачала головой.

— Гош, не переборщи! Отдача скрутит! — крикнула я мужу, показавшемуся из-за дерева. Он отмахнулся, мол, помню, не отвлекай от процесса.

— Есть хочу, — ответил. — Готовьте обед.

И мы с мамой взялись за готовку. Развели огонь в костровище возле летника, выложили в котелок говяжью тушенку с гречневыми хлопьями из пакетика и залили водой из бурдюка. Вскоре по поляне поплыл аппетитный дух, от которого я чуть не подавилась слюной. Обед вышел вкусным и сытным, наверное, потому что оказался приправлен свежим воздухом с хвойным ароматом. Ложки работали дружно, выгребая содержимое котелка. Каша из концентрата вприкуску с огородной зеленью и хлебушком пошла на ура. Муж и слова не сказал на то, что ему пришлось есть деревянной ложкой. После обеда он сладко потянулся:

— Эх, хорошо.

Никто и не спорит. Просто замечательно.

— Ой, смотрите, — показала мама.

Из летника вывалилась жертва стихийной охоты. Посидела, повертела ошалело головой, осмысливая действительность, и пьяненькими шажками двинулась к ближайшей сосне.

— Эгей! — крикнул Егор, и спугнутая белка взлетела по стволу, но не удержалась и свалилась с шумом в заросли. Мышцы-то не до конца оттаяли. Мы смеялись до колик, а белка кривыми зигзагами драпанула в лес, заваливаясь то на один бок, то на другой.

После трапезы мы продолжили сбор малины, и Егор напомнил, чтобы я не усердствовала. Он опять отправился в обход территории, но с гораздо меньшей жадой охоты. Когда муж удалился на достаточное расстояние, я решила, что подоспел благоприятный момент.

— Мам, Мурена тебе угрожал?

— Нет, — ответила она, напрягшись.

— Не отпирайся. Я же вижу. Он смотрит на тебя так, будто хочет слопать.

— Эвочка, тебе показалось. — Мама отвернулась к стеблю, усыпанному ягодами, пытаясь скрыть замешательство.

— Вовсе нет. Слушай, у тебя не болела голова после разговоров с ним? Мышцы не тянуло? Может, озноб или сухость в горле? Случались провалы в памяти? К примеру, пять минут назад ты говорила с Муреной у калитки, а опомнилась в доме, но хоть убей, не помнишь, как там оказалась. Было такое?

— Не было.

— Чего же он добивается? — размышляла я вслух. — Ну, а ты? Неужели не замечаешь?

— Эвочка, не бери в голову. Он кат. Ему положено смотреть на всех с подозрением.

— Нет, не на всех. Вдруг он надеется выведать секрет самородного золота? Надо припереть его к стенке. Пусть объяснится начистоту.

— Нет! — воскликнула мама. — Не нужно никуда его припирать.

— Почему? Меня напрягает, когда он сверлит тебя взглядом. Никого не сверлит, а к тебе привязался.

— Это пустяки, Эвочка. Не обращай внимания.

— Ничего себе пустяки. Меня, например, они нервируют. Вот поеду в Магнитную и скажу Клецу, что его подчиненный не дает житья моей маме.

— Эвочка, нет! Он не угрожал мне ни разу. И не выведывал. Просто у него взгляд... тяжелый, — сказала мама замученно. Видно, я допекла подозрениями и угрозами.

— Вот именно, тяжелый, — согласилась я и представила Мурену: как он коробки носит и на маму зыркает, а она кусает губы. — Пстой! — осенило меня. — Так он смотрит на тебя... как мужчина?!

— Не хочу говорить об этом. — Мама переключилась на следующий стебель с малиной. — Это неправильно. Ты моя дочка, и... словом, это неправильно.

— Почему?

— Потому что я не могу обсуждать с тобой. Это стыдно.

— Значит, у вас что-то было?!

— Эва! Не было ничего и быть не может.

— Что-то я совсем запуталась. Почему стыдно-то?

— Нехорошо это. Да я кем я выгляжу в твоих глазах?

— Чего стыдиться, если ничего не случилось? — Я искренне не понимала причину маминого смущения. — И в моих глазах ты самая лучшая мама на свете: умная, добрая и красивая... Давай так: поделимся тем, за что нам стыдно. Ты — своим, а я — своим.

Мама с неохотой согласилась и то лишь потому что распереживалась, узнав, что у меня есть постыдная тайна.

На деле всё оказалось не так уж страшно, а целомудренно и неопределенно. Ну, посматривал Мурена на маму, как волк на овечку — всего-то делов. Если бы как волк! Как людоед смотрел. А настоящее его имя — Глеб, и он уже полгода служит на побережье, нанявшись по контракту.

— Вот видишь! Значит, с ним можно адекватно общаться.

— Какое там, — махнула мама рукой. — Женщины судачат о каждом приезде, вот и прислушиваюсь, а на него и глаза боюсь поднять. И вообще, это мои домыслы. Смотрит и смотрит. Да и нечасто мы сталкиваемся.

— Ничего себе домыслы. Он бы сожрал тебя, если бы мог.

— Эвочка, неудобно это, — оглянулась мама, словно боялась, что наш разговор услышат. Но иных слушателей помимо меня не нашлось, потому что Егор охотился. Поодаль сверкнул фиолетовый отблеск заклинания, размазавшегося о ствол березы.

— Ничего неудобного, — заверила я. — Наоборот, хорошо, что прояснилось сейчас, а не потом, когда я потребовала бы объяснений от Мурены. Станный он мужик. Молчит и смотрит. Хоть бы уж признался, и дело с концом.

И не просто так смотрит, а свирепо, словно мама в чем-то виновата. И вообще, симпатия Мурены под большим вопросом. Когда женщина нравится мужчине, он смотрит на неё с нежностью и с лаской. Вот как Мэл смотрел на меня в первые дни знакомства. Хотя нет, неудачный пример. Поначалу Мэл убегал от неизбежного и смотрел на меня как на повод для развлечений и дрессуры.

Все-таки маме виднее. Интерес мужчины чувствуется интуитивно. Глянул пристально и дольше обычного... Окинул взглядом так, что горячо стало, и сердце заколотилось как сумасшедшее... Быть может, Мурена прежде не знал о светлых чувствах. Всю жизнь прослужил по контрактам и не заморачивался телячьими нежностями. А теперь не возьмет в толк, что с ним творится, и поэтому бесится, заодно и маму нервирует. К тому же, она из местных, из каторжных, а Мурена — висорат, вот он и ненавидит удвоенно: себя — за слабость, а маму — за провокацию. Однозначно псих.

Но сколько бы Мурена ни запугивал маму угрожающими взглядами, они не возымели толку. В этом и состояла её "постыдная" история. Мама по-прежнему считала дикостью обсуждение с дочерью поведения какого-то мужика. Чай не подружки, чтобы делиться откровениями. Было бы чем делиться, — хмыкнула я. Сомневаюсь, что мама вообще могла посоветоваться с кем-нибудь, потому что её снесло стыд. Вдруг она напридумывала невесть что, а на самом деле ничего нет?

— Да и кто я такая? — спросила мама с мукой. — Он же молодой. Тридцать пять ему. А я старуха...

— Мама! — я отставила туес и бросилась к ней. — Мамуля! Да ты самая красивая и самая умная! И молодая! И нечего годы считать! Тьфу на него, бесхребетного. Если не решился с тобой поговорить, значит, не стоит он того.

— К тому ж, он из висоратов, — вздохнула мама тяжело. — А я... Однажды обжегшись, всю жизнь на воду дуешь. Да и смеяться надо мной будут. Мол, напала на старуху проруха, тянет на приезжих. Ему-то что? Отработает по контракту и уедет, как и твой отец. Наши женщины до сих пор судачат: мол, не смогла я удержать мужа и не старалась.

— Рты бы им позашивать, — выругалась я. — Пусть со своей жизнью разбираются, нечего чужую по косточкам перемывать. Мам, а как ты с отцом познакомилась?

— Он приезжал в Магнитную по делам. Молодой, красивый. Два месяца здесь провел и

уехал. У нас за приезжими гоняются как за манной небесной. Надеются выбраться с побережья. Так что у меня и шансов-то не было. А Карол... он увидел меня... и предложил выйти замуж.

— Что, прям так и предложил? Сразу? — удивилась я.

— Да, сразу. Да еще и уговаривал, — улыбнулась мама лукаво. — А меня называли дурой за то, что хвостом верчу и не даю. А я не вертела.

— Но ведь вы поженились...

— Поженились. Твой отец умел быть настойчивым. Обаятельный, шутил много.

Фантастика какая-то. Наверное, мы о разных людях говорим. Обаятельный шутничок папуля. Ну-ну.

— Ты его любила?

— Любила... наверное. Разве ж такого красавца не полюбишь? Он и ухаживал красиво... Позже приезжал, когда тебе три месяца исполнилось. И через два года вернулся, о твоих потенциалах спрашивал. Остановится в Совете, погостит день-два и обратно на Большую землю. Всё казалось, что он бежал — от меня, от нас с тобой. Проговорился как-то, что тянет его сюда, аж сердце щемит, и что стоит больших усилий не остаться на побережье навсегда. Потом и вовсе развод потребовал да тебя забрал. В последний раз приехал чужой, незнакомый... А я успела отвыкнуть и без него справлялась.

— На твоём месте я бы отвесила ему пощечин на прощание, — сказала я гневно. За то, что, скотина, маме жизнь испоганил. Мама одна-одинешенька жила, без родителей. Молодая, красивая. А тут приезжий позер её увидел и решил ухлестнуть. Вот и доухлестывался. Мамину жизнь изломал, а сам крутится сейчас в министерском кресле и перевороты устраивает.

— Да я ж ни о чем не жалею, — улыбнулась мама и пригладила мои волосы. — У меня выросла замечательная дочка, скоро внучек родится. Было ради кого жить и ждать.

— Мам... — всхлипнула я и заревела. Проклятая сентиментальность. Плачу по любому поводу и без него. — Ну их, мужиков... Все беды от них, толстокожих бегемотов.

— Верно, — улыбнулась она, утерев слезы.

— А он тебе нравится? — швыркнула я, проплакавшись.

— Кто?

— Ну, этот... Мурена.

— Бог с ним, с Муреной, — отмахнулась она. — С ним всё сложно.

— А кто такой Николаша? — вспомнила я слова Софьи Николаевны, и мама смутилась. Ага, упоминание о Мурене не вводило её в смущение и не румянило щёки.

Оказалось, Николаша или цивилизованно Николай — из "свежих" и живет на побережье два года. Ему сорок, он судим за нарушение статьи о запрете на использование дефенсора. Год прожил в Березянке, работал возницей, а потом приехал как-то в Магнитную и понял — его место здесь. Николаю доверили работать в запаснике и вести лимитные записи.

— А ведь он тебе нравится, — поддела я маму.

Нравится — не нравится, но и с Николаем сложилась неоднозначная ситуация. Его сослали на побережье пожизненно, однако на Большой земле остались жена и двое детей. А поскольку мама — человек строгих моральных принципов, то её напрягала ситуация с семейным положением Николая. Впрочем, он не проявлял особой настойчивости. Ухаживал за мамой робко и платонически, словно боялся испугнуть, и, тем самым, давал время на раздумья.

— Ничего себе проблемка, — протянула я. Действительно, сложный вопрос. На Большой земле остались жена и дети Николая, а ему придется коротать остаток дней на побережье, за колючей проволокой и вспаханной полосой. Неожиданно вспомнился мой первый начальник, который уехал в каторжный край. Швабель Иоганнович где-то тут, на побережье! — озарило меня. И Марат где-то здесь, и Агнаил. Живут поди в Няша-Мари или в Березянке и в ус не дуют. Внезапно захотелось их увидеть, поздороваться и пожать руку. Черт, что за неустойчивость мыслей?

— На побережье можно приехать добровольно, — сказала я маме. — Жена Николая могла бы последовать за ним как близкая родственница. Ей разрешили бы.

— Очевидно, она не захотела, — улыбнулась мама грустно. — Наверное, прежде всего думала о детях. И я понимаю её решение. Приехав сюда, дети останутся здесь пожизненно. Николай больше года ждал жену в Березянке, обычно туда попадают все приезжие. И письма писал, но ответа не получил. Тогда он и решил начать жизнь с нуля.

Да уж. Вроде бы просто, но в то же время сложно и запутанно. Не знаю, как бы я поступила на месте жены Николая. Неужели из всех зол она выбрала меньшее и предпочла остаться на Большой земле? Мамины сомнения понятны. На её месте я бы тоже переживала. Вдруг жена Николая когда-нибудь появится на побережье? Например, поездке помешала неразбериха в стране, и документы застряли в многочисленных министерствах, не дойдя до премьер-министра. А потом Рубля возьмет и подпишет бумаги скопом. Представляю, приедет супруга Николая в каторжанский край и узнает, что муженёк спутался с местной. И что прикажете делать бедной женщине?

Подумаешь, бедняжка, — фыркнула я, распалившись. — Могла бы написать мужу, мол, не жди меня в ближайшие лет этак пятьдесят-шестьдесят. Решено: когда вернусь на Большую землю, обязательно найду эту тётку и заставлю объясниться, хотя бы ради чистой совести Николая. Пусть дамочка определится — замужем она, или всё-таки стоит дать свободу супругу.

Сказать по правде, в судьбе Николаши для меня имелся корыстный интерес. Мама. Если Николай действительно ей нравится, я не хочу, чтобы мама переживала из-за семьи, разбитой по её вине. Мама и так натерпелась в жизни, она заслужила счастье, а не осуждение и обвинения в разлучничестве.

— А давай пригласим Николая в гости. В воскресенье, например. Вечерком, на чай со сгущенным молоком. Заодно и познакомимся.

— Окстись, Эвочка, — отмахнулась мама. — Разве ж можно? Это неприлично. Люди скажут, живет с дочкой и зятем, а привела хахаля.

— Пусть рискнут здоровьем, — пригрозила я. — В приглашении на чай нет ничего предосудительного.

— Нехорошо это, — заладила мама.

— Обещай, что подумаешь.

Мама с большой натяжкой согласилась подумать. Ну и пусть она не пригласит Николая в гости. Зато поймет, что я обоими руками "за", если в маминой жизни появится человек, который ей нравится. Нечего тратить лучшие годы, потакая капризам великовозрастной дочери и ублажая бесценного зятя. И вообще, вдруг мама возьмет и позовет на чай Мурену, то есть Глеба?

После маминых откровений настал мой черед делиться постыдностью. Мой стыд — не чета маминому. Я не забуду о нем до конца жизни. И расскажу, тихо и с запинками, отводя

глаза, о первом году обучения в захолустном колледже и о нелегкой учебе, но благоразумно умолчу о потенциалах, которые так и не сдвинулись с нуля. Расскажу о плюгавеньком преподавателе общей теории висорики, прожившем до сорока пяти лет с матерью. Расскажу о тройке, полученной в гостиничном номере на несвежем постельном белье. Расскажу о своем первом разе, от которого не осталось воспоминаний из-за сильнейшего опьянения дармовым коньяком. И пусть память отшибло напрочь, ощущение мерзости останется на всю жизнь. Расскажу о том, что с тех пор ненавижу уменьшительные "малышка" и "крошка". Расскажу о том, что преподаватель общей теории висорики — тихий извращенец с набриолиненными волосенками и ужасающей близорукостью — неожиданно решил похвастать своей неотразимостью, прикатив к колледжу на машине родственника. Расскажу о том, что поездка прервалась по причине аварии и гибели водителя. Всё-таки садясь за руль, нужно иметь права и разбираться в педалях. Расскажу и о том, как напилась повторно, опустошив бутылку, прихваченную из гостиницы. Напилась от немыслимого счастья, ибо накануне "малышке" предложили получать оценки в обмен на индивидуальные практические занятия по общей теории висорики.

Вот он, мой стыд. Девчонки из интерната покрутили бы пальцем у виска. Для них подобные сделки считались нормой с четырнадцати лет. Эка невидаль! Отряхнулась как кошка и пошла дальше. Зато в ведомости стоит оценка, и еще будут. А если стараться, то не тройки, а пятерки. Но мама имеет полное право упрекнуть и осудить. Я струсила. Не боролась, а пошла легким путем, заполучив вымученный трояк.

Мама не стала упрекать. Прижав к груди, гладила меня по голове, приговаривая:

— Всё прошло... всё прошло... Это плохой сон... он больше не вернется...

Малинник всколыхнулся, и на тропке появился возбужденный Егор.

— Смотрите, кого я пой... Эвочка, что случилось? Где болит? — встревожился, бросившись ко мне.

— Спасибо, Гошик, со мной всё в порядке. Мы заговорились и потеряли счет времени. Правда, мам?

— Да, совсем запамятовали, — кивнула она и всплеснула руками. — Батюшки мои! Что это?

Муж вынул из-за спины нечто иссиня-черное, покрытое перьями и с хвостом. Он держал за лапы большую птицу, её голова болталась на весу.

— Что это? — ответил вопросом на вопрос. — Вернее, кто это? Сам не знаю. Ухнуло с ветки, ну, я и задулил *nerve sandi*.

— Это глухарь, — сказала мама с уважением. Но к кому: к птице или к Егору?

— Бедняжка, — потянулась я, чтобы пожалеть безжизненное пернатое, пострадавшее от руки доморощенного охотника.

— От него будет польза? — спросил деловито муж, отведя руку с глухарем подальше от моей заботы.

— Конечно. Это же дичь, — удивилась мама. — И перо нелишне.

Егор отправился к летнику с птицей в руке.

— Куда ты его? У него ж детки малые! — крикнула я вдогонку.

— Нет у него деток, — сказала мама. — Глухарки в одиночку выводят птенцов и растят.

— И что с того? — помертвела я и бросилась вслед за мужем.

Он же, извлекши пояса из дождевиков, связал их в виде веревки и обмотал лапы и тушку, обездвигив птицу. Зачем? Глухарь и так парализован заклинанием.

— Что собираешься делать? — спросила я, видя, как Егор укладывает птицу в летник.

— Подожду деда Митяя. Пусть решит, — ответил он, напившись воды из бурдюка. —

Почему плакала?

— А-а, вспомнилось разное. Ты же знаешь, у меня теперь глаза на мокром месте.

— Ох, Эвка, твои слезы для меня как соль на раны.

— Нет, Гошик, это счастливые слезы. — Я обняла мужа и поцеловала. От него пахло дымом и лесом.

— Хорошо, если так. Не напрягалась? — спросил строго и получил отрицательный ответ. Изо всех сил соблюдаю рекомендации супруга.

— А ты как? Устал?

— Уморился, — он вытер лоб. — Плечи ломит. Вечером сделаешь массаж.

Конечно, сделаю. Мой трудяжка! Выложился полностью, помогая.

Оставшееся время мы с мамой собирали ягоду и заговорщически переглядывались. До чего же сладкая малина в горах! Суховатая и мелкая, но крепкая, и зернышки не разваливаются. Когда приехал дед Митяй, мы заполнили все тусса и хором добрали последний, накрыв крышкой.

— Молодцы, — похвалил Дмитрий Ионович. — Славно потрудились. Медведи не шалили?

Может, он и думал подшутить, но Егор продемонстрировал глухаря, чем поверг деда Митяя в немалое изумление.

— Неужто сам поймал? — допытывался он у мужа. — Без силков? Без капкана? Однако ж силён зятёк, — похлопал Егора по плечу.

А когда Дмитрий Ионович узнал, что глухарь жив, но контужен, то надолго задумался.

— Может, птиц умеешь приманивать? — спросил, почесав макушку.

— Нет, не умею.

— Может, зверьё умеешь зачаровывать?

— Не умею.

— А волка смогёшь поймать? — не унимался дед Митяй. — А марала? А медведя?

— Смогу, — ответил охотничек, подумав.

— Никаких волков и медведей, — оттеснила я Егора. — И думать забудьте.

Возвращение на хутор состоялось с богатой добычей — ягодами и глухарем. К вечеру небо разъяснилось: тучи истаяли, превратившись в облака, и спрятавшееся за вершиной солнце расцветило их в причудливые желтовато-розовые тона. Разве ж можно забыть красочную картину, созданную самой природой? Разве ж можно не любить эти места? Молчаливое величие гор, шумные реки, вековые необхватные деревья... Дурак мой отец. В погоне за карьерой променял этакую красоту на валерьянку и расшатанные нервы. Променял маму на невоспитанную халду, променял чувства на холодный расчет. Пусть думает, что выиграл, пойдя по правильному пути. Он живет в особняке с прислугой и не подозревает, что беден, как не подозревает о том, что я богата. Мое богатство — Егор и мама. Мое богатство — малыш, который появится на свет через восемь месяцев. Мое богатство — эта земля. Мое западное побережье.

Послесловие

Поутру глухарь полностью оклемался, и дед Митяй привязал пернатого за лапу к забору. Посмотреть на лесного жителя пришел весь хутор.

— А почему у него красные брови? — спросила одна из дочек Тамары.

— Эх, милая моя, — ответил Дмитрий Ионович. — Под солнцем живет орда божьих тварей. У кого-то есть хобот, кто-то таскает иглы на спине, а кому-то достались красные брови. Так задумано природой.

Глухарь оказался большим и упитанным, как откормленный гусь. Он раскрыл хвост веером и тянул шею, хлопая крыльями. Потому что боялся и защищался.

— Что с ним будет? — спросила я. Мне было жалко птицу.

— Употребим, — ответил дед Митяй. — Отвисится малость, промаринуется, а опосля потушим.

Как ни терзала меня жалость к красивому пернатому созданию, а пришлось признать — не сразу и не за один день — что на сострадании сытым не будешь. Для живущих на побережье сердобольность к братьям нашим меньшим чревата голодной смертью. Пришлось примириться и с тем, что домашнюю птицу обезглавливают, ощипывают и опаливают, а тушки жарят и варят. Но свыкнуться я так и не смогла и всегда уходила из общей компании, когда дед Митяй надевал фартук, проверял заточенность топора, и, взяв курицу за лапки, относил к колоде.

Появление глухаря стало значимым моментом в отношениях Егора и хуторских мужчин. Мужа признали и зауважали как добытчика, способного прокормить семью. С ним делились мнением и, в свою очередь, давали дельные советы. Теперь он мог запросто попросить стремянку у Григория, чтобы поправить водосток, оторвавшийся от карниза. Или вместе с Игнатом поднимал просевший пол в бане, отдав взамен половину месячного сигаретного пайка и верхонки. Разумная цена за помощь, учитывая ненадежность полусгнивших лаг.

На удивление, Егор сумел приспособиться к деревенской жизни. Влился в неё даже чересчур быстро. Я с подозрением приглядывалась к мужу, ожидая повторных вспышек недовольства местными удобствами, вернее, отсутствием таковых. Мол, в гробу он видал благородные горные пейзажи, и вообще, осточертело бить молотком по пальцам. Но Егор не вспыхивал. Бывало, раздражался, если что-то не получалось легко и быстро, бывало, ворчал, если настроение не задалось с утра. Он воспринимал житьё-бытьё на хуторе как некую игру, которая скоро закончится. Снисходительно посматривал на повседневную суету аборигенов и посмеивался втихаря. Наверное, решил задавить висоратскую гордость и немножко потерпеть. А там уж и отъезд маячит на горизонте.

А мне не хотелось уезжать. Каждый день, прожитый на хуторе, приближал к неизбежному. К разлуке с мамой. Я вернусь на Большую землю, и неизвестно, когда мы увидимся в следующий раз. Но мое сердце здесь, в Магнитной! Оно намертво укрепилось на побережье. Ну, как тут не отчаяться?

Разговор в малиннике пошел маме на пользу, пусть я оказалась не совсем удачным громоотводом. Озвучив свои страхи и сомнения, мама наконец-то решилась посмотреть им в глаза. Очевидно, она поразмыслила и пришла к кое-каким выводам, потому что при

следующей встрече с Муреной (мы все-таки съездили в запасник через неделю) гораздо спокойнее отнеслась к агрессивному зырканию ката. А тот растерялся. Меня посетила мысль, что всё это время Мурену бесили не внезапно нахлынувшие чувства, а боязливая реакция мамы. Пугливая лань, бегущая от волчары...

Но осмелевшая лань сделала выбор не в пользу хищника. Мама познакомила меня с Николаем. В целом, её поклонник мне понравился, несмотря на шевелюру, истощившуюся к сорока годам, и лысину, замаскированную зачесанными набок реденькими волосинками. Интеллигентности Николаю добавляли круглые очки в тонкой хлипкой оправе, отчего лицо казалось незащищенным и удивленным. И голос приятно удивил — тихий и извиняющийся. Словом, воспитанный и образованный современный человек. Не пойму, как Николай умудрился загреметь под фанфары, то есть схлопотать пожизненный срок?

Конечно же, мама не пригласила кавалера на чай.

— Нехорошо это, — объяснила она. — Не сейчас. Как-нибудь потом.

Ну и ладно, насильно заставлять не будем. Кого бы мама ни выбрала — Мурену, Николая или другого счастливчика — это будет её решение, а не моё. И всё-таки, зная, что рядом с мамой есть человек, который станет для неё опорой и поддержкой, я бы уехала на Большую землю с чистой совестью. Черт, не хочу никуда уезжать! Может, прорасти корнями в землю, как дерево?

А прорасти не пришлось. В начале октября границу побережья закрыли. Вот так вот. Рубля не удержался на премьерском посту, и в стране начался передел власти. Об этом сообщил Голотвин, когда мы приехали в Совет, чтобы разузнать о попутном транспорте до комендатуры.

Путь на Большую землю оказался перекрыт. Со всеми вытекающими последствиями. Пока нового премьер-министра не изберут официально и в соответствии с буквой закона, в столицу нам не попасть.

— Ориентировочно переходный период займет месяца три-четыре. И это по самым оптимистичным прогнозам, — сообщил Клещ, развалившись в кресле с комфортом.

Три месяца плюсом — это январь. Это зима и морозы. И не факт, что прогноз Голотвина оправдается. Установление новой власти может затянуться до весны. К этому времени у нас родится малыш.

— Не волнуйтесь. Снабжение пайками прекратится лишь в том случае, когда границу уберут, а кордоны снимут. Но это вряд ли, — хохотнул Глава Совета.

Новость далась Егору тяжело, хотя он знал: подобный исход политических дрызг ожидаем. И все же муж рассчитывал выскользнуть за территорию побережья, прежде чем режим въезда-выезда будет блокирован. Я ликовала, стараясь не показывать виду, а Егор настаивал, добивался, требовал и надеялся, пока не понял, что даже известная фамилия Мелёшиных не откроет большие ворота с буквой V, чтобы выпустить нас в цивилизованный мир.

И мы остались. Честно говоря, меня мало волновало, кто сядет на премьерский трон. В гораздо большей степени заботило грядущее прибавление. Ведь крохе предстояло родиться на побережье.

Егору пришлось привыкать к отсутствию комфорта и удобств. Привыкать к тому, что нужно сперва потрудиться, а затем получить результат. Привыкать к каше, к вечерним чаепитиям и к сероватому плотному хлебу. Привыкать к неприязни и агрессивному отношению местных жителей. Привыкать к тому, что за окном идет дождь, а до отхожего

места, то есть до туалета, нужно дотопать, да и долго там не засидишься. А что будет зимой? Вывод один: облагораживать и утеплять сортир. Но это уже другая история.

Пришлось привыкать и мне, но иначе. Я прислушивалась к изменениям в организме — незаметным, но неуклонно набирающим вес и обхват талии. Наверное, поэтому природа определила девять месяцев в качестве срока, достаточного, чтобы женщина прониклась предстоящим материнством.

Меня тревожили полнолуния, но Егор уверенно заявил, что второе "я" заснуло надолго. До тех пор, пока ребенок не будет отнят от материнской груди. Муж ответил на мое удивление просвещенностью в появлении потомства у оборотней:

— А куда деваться, если жена — полиморф? Пришлось читать и изучать. И спрашивать.

— Теперь тебе станет скучно, — опечалилась я. Острота ощущений, переживаемых моим мужчиной в полнолуния, пропадет надолго.

— Сомневаюсь, — хмыкнул он. — Пацан еще задаст нам жару.

— Какой пацан?

— Ну-у... сын. — Муж выговорил это слово и задумался. Наверное, вступило в голову, что он станет отцом.

— А если родится дочка? Не забывай, мы живем в Шлаковке, — напомнила я о байке Игната.

— Фигня. С нами не сработает. Мы же не местные, а временные, — успокоил Егор. — А давай поспорим? Я говорю, что родится сын, — он опять запнулся, прислушавшись к новому слову в лексиконе. — А ты утверждаешь, что родится дочь, — и снова замолчал, проникаясь открытием. Ребенок в животе жены — не бесполое существо. Там растет либо мальчик, либо девочка. Сын или дочь.

Первенец Егора, наш первенец родился на побережье, на исходе морозного февральского дня, и появление крохи в этом мире произошло неожиданно. Святозар Павлович не ошибся с расчетами. Просто я грохнулась навзничь, поскользнувшись на обледенелой тропинке. Роды начались преждевременно.

Граница вновь открылась в конце марта, когда следующим премьер-министром стал Влашек Карол Сигизмундович. Мой отец.

И еще. В октябре нас нашел Кот. Тот мордастый прожора, которого я оставила в поместье самого старшего Мелёшина и строго-настроено наказала дожидаться нашего возвращения. Худющий как глист черный котяра перемахнул через калитку и с ошалелыми воплями бросился ко мне на руки. От испуга я не сразу признала в тощем животном нашего Кота, которого запомнила упитанным и лоснящимся от сытой жизни. Его шерсть свалаялась колтунами, в глазах сверкал дикий голод.

Усатый, дрожа, вгрызаясь в свежельовленную рыбу, сопровождая процесс кровожадным урчанием, а Егор сказал, наблюдая за поглощением:

— Я читал о таком. Животные проходят сотни километров, чтобы добраться до своих хозяев. Удивляет, как он смог прошмыгнуть через границу. По горам, что ли?

Невероятное появление Кота стало эпохальным событием, перекрывшим новость о закрытии границы. Чудо кошачьей преданности впечатлило мужа и отвлекло от переживаний из-за невозможности отъезда. День ото дня мы строили гипотезы относительно появления Кота на побережье, а он спал, свернувшись клубочком на моих коленях, и время от времени вздрагивал. Наверное, мурлыке снился крутой и опасный

маршрут, коим он добрался до нас, совершив поистине героический поступок.

Ближе к северу, в сердцевине Тайгарских гор — там, где мрачно и глухо шумит тайга, переговариваясь с быстрыми речками; там, где не ступала нога человека, но наличествуют следы дикого зверья, — поднялся вдруг ветер, набирающий силу с каждым мгновением. Поначалу шальные порывы гнули деревья до земли, взлохматив долину, но вскоре воздушные вихри сконцентрировались на небольшом пятачке. Заплелись, закружились столбом, приумножив мощь стихии во сто крат. И дрогнули горы.

— Неужто землетрясение? — напугались на побережье, а рудокопы спешно выбрались на поверхность, боясь обвала в шахтах. Подземный толчок ощутили и в столице, а спутник бесстрастно зафиксировал над Тайгарским горным массивом облачный циклон размером с висоровую монетку, возникший внезапно и неспрогнозированно.

Вихрь поднимался, разрастаясь, и втягивал в себя пространство. Закручиваясь в расширяющуюся воронку, вбирал камни, глыбы, землю... деревья, выдираемые с корнями. Они исчезали в мутном столбе, всасывавшим материю с нарастающим свистом. Звук усилился, заполонив все диапазоны частот. Достигнув предела, он лопнул, и одновременно лопнул разжиревший смерч. Взрывная волна прошлась по долине и угасла, будучи запертой горными склонами. С высоты птичьего полета явилось нерадостное зрелище: покореженные деревья, бурелом, ямы и воронки. На месте взорвавшегося вихря образовался серый блин размером с футбольное поле. Из белой выси падали снежинки — точнёхонько в центр круга. Падали, но не таяли, несмотря на жар, исходивший от блина. А может, сыпал пепел?

Достигнув полуметра, снежная горка задрожала и распалась. Из сугроба вылез, отряхиваясь, черный кот. Шерсть стояла дыбом и дымилась, глаза горели раскаленными углями, а в зубах был зажат небольшой квадратик. Животное огляделось по сторонам, с удовлетворением отмечая снайперскую точность попадания в нужное место. И в нужное время. На деле совмещение координат времени и пространства оказалось нелегкой задачей, потребовавшей значительных усилий.

Повторно отряхнувшись и взъерошившись, кот проанализировал непривычные ощущения. Прежде он не задумывался над тем, что белое, падающее с высоты, может быть холодным, а воздушные потоки — пронизывающими. Решив не тратить время на поиск объяснений, кот бодро побежал по матовому блину. Лапы пружинили, а следы исчезали, восстанавливая первоначальную ровность серого зеркала. Последние метры кот преодолел большими прыжками, потому что подушечки лап горели от жара. Выбравшись со странного блина, он запрыгнул на поваленное дерево и изучил конечности: сначала передние, потом — задние. Проверил заточку когтей и остался доволен результатом. Как всегда острые и длинные.

Глядя на неохватное серое поле, расстилающееся перед глазами, кот задумался. Почему отказали температурные датчики, регулирующие состояние физической оболочки? Помимо горячего и холодного, материальное тело вдруг испытало странное ощущение — сосущее и тоскливое. Просканировав организм, кот выяснил, что произошел сбой в работе внутренних органов. Прежде они функционировали по заданной программе и не выбивались из-под контроля. А теперь в глубине мохнатой оболочки зародилось нечто назойливо-рокошущее, и кот понял, что необходимо в срочном порядке наполнить упругий мешок, отвечающий за поддержание организма в работоспособном состоянии.

Отложив процесс наполнения на потом, кот решил просканировать район поисков,

чтобы найти искомый объект, а именно Э.В.У, свою подопечную, и отправиться к ней немедленно. Он и так уклонился от обязанностей, ввязавшись в легкомысленную авантюру, о чем пожалел не раз.

Местонахождение Э.В.Ы. определилось через пятьсот тысяч двести тридцать два мгновения, в течение которых упругий мешок во внутренностях всё настойчивее напоминал о себе. Желудок, — вспомнил кот название органа. Желудок переваривает пищу и расщепляет на составляющие.

Раздобыть пищу — вторая задача, а добраться до Э.В.Ы — наипервейшая цель, и чтобы её достичь, нужно стать тенью. Увы, метаморфоза оказалась непростой. Точнее, невозможной. Кот пыжился, стремясь видоизменить форму, но по-прежнему оставался котом с урчащим желудком. От потрясения он едва не свалился с дерева, но удержался когтями. Что же делать? Тень заперта в физической оболочке, и её возможности ограничены четырьмя лапами, хвостом и усатой мордой. Почему такое произошло? Наверное, временной поток заморозил сущность тени.

Не забывать о приоритетах, — напомнил себе кот. Нужно найти Э.В.У. и как можно скорее. Вскочив, он ринулся из мертвой долины, в которой, казалось, застыло время. Сгустилось и повисло туманом, законсервировав сотворенные разрушения.

Пройдет достаточно времени, прежде чем кот доберется до человеческого жилья, исхудавший и пошатывающийся от слабости. Всё-таки он не рассчитает резервы организма. По пути кот научится ловить мышей и разорять птичьи гнезда, пользуясь когтями и зубами. Он будет обходить жилища двуногих, одно за другим, и, наконец, отыщет объект поисков — подопечную и её сожителя. И будет согрет радостным изумлением Э.В.Ы.

А спустя последовательно текущее время, в жилище, помимо Э.В.Ы. и двуногого, поселится новый человек: маленький, завернутый в ткань, сосредоточенно сосущий крошечную конечность и издающий бессмысленные звуки. Кот будет жмуриться, сидя на подоконнике и поглядывая на маленького двуногого. Он терпелив. Он верит, что сущность тени, замерзшая в потоке времени, когда-нибудь оттает, а куда придется защищать подопечную и важных ей человек, опираясь на возможности материальной оболочки. И впредь никаких экспериментов с четвертым измерением! Легкомыслие и самонадеянность дорого обошлись тени. Ей крупно повезло, что удалось искривить временной поток в нужную сторону и не затеряться в небытии.

Но об одном не вспомнит кот. О небольшом квадратике, оставленном в погибшей долине, в глубине Тайгарских гор, у поваленной сосны. Квадратик не единожды будет засыпаем снегом, не единожды будет вытаивать из льда. Не единожды будет палим солнцем и поливаем дождем, и всё же изображение сохранит стойкость, хотя и выцветет.

Когда-то картинку можно было увеличить движением пальцев, но теперь уголок квадратика оплавлен, отчего структура безнадежно испортилась, и масштабирование стало невозможным. И все же изображение различимо. На нем несколько человек. Девять, если быть точным. В кресле по центру — миловидная темноволосая женщина с теплой улыбкой. Шею украшает ожерелье со звеньями из затейливо перевитых прутиков. По обе стороны от сидящей расположились три молодых особы женского пола. На руках одной из них — младенец в кружевах, на руках другой — ребенок постарше, мальчик. Позади стоят трое мужчин. Тот, что в центре, властно положил руку на плечо женщины, сидящей в кресле. В петлицу пиджака воткнута оранжево-зеленая ленточка. Внизу, под снимком, навечно застыли строчки бегущей некогда надписи: "Премьер-министр Е.А. Мелёшин с семьей на

отдыхе в Моццо". Дата расплывчата...

Каких-то тридцать лет вперед. Для вечности — пустяк, песчинка в песочных часах Вселенной. Но для тех, кто запечатлен на фотографии, эти годы — часть бесценного дара под названием жизнь.

В печали и радости. В счастье и в горести. Вместе.

Mas inscendere da sasumi. Sasumi os ota.

Мы добрались до вершины. Она — наша.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

igni candi, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

clīpo intactī, клипо интакти (перевод с новолат.) — щит неприкосновенности

clīpo intactī, клипо интакти (перевод с новолат.) — щит неприкосновенности

ДП, дэпы (разг., жарг.) — Департамент правопорядка

certama, цертама (пер. с новолат.) — состязание, соревнование, как правило, нелегальное

рогейн — командная или индивидуальная игра, предполагающая ориентирование на местности

soluti, солюти (перевод с новолат.) — растворение

dimicata*, димиката (перевод с новолат.) — схватка между двумя, дуэль

gelide apexi*, гелиде апекси (перевод с новолат.) — морозная шапка

campanolo*, кампаноло (перевод с новолат.) — колокольчик

filuma*, филума (перевод с новолат.) — нить

traheri, трахери (пер. с новолат.) — притяжение

legra vi labum *, легра ви лабум (перевод с новолат.) — читаю по губам

agglutini *, агглютини (перевод с новолат.) — склеивание

lubrici*, лубрици (пер. с новолат) — скользкий

nebuli*, небули (перевод с новолат) — туман

certus exempli *, цертус эксэмпул (перевод с новолат.) — точная копия

deformi *, деформи (перевод с новолат.) — деформация

sindroma unicum Gobuli*, синдрома уникама Гобули (пер. с новолат.) — уникальный синдром Гобула

oculi umbru *, окули умбру (перевод с новолат.) — зрительные иллюзии

bilatera subsensibilia*, билитере субсенсибила (перевод с новолат.) — двухсторонняя сверхчувствительность

luxi candi*, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

defensor *, дефенсор (перевод с новолат.) — защитник

hermanito* (перевод с исп.) — братишка

пилбол* — аналог пейнтбола. Píl, пил (пер. с новолат.) — шарик, мячик

sindroma unicum Gobuli*, синдрома уникама Гобули (пер. с новолат.) — уникальный синдром Гобула

agglutini *, агглютини (перевод с новолат.) — приклеивание

Ungis Diavoli*, Унгис Дьяволи (перевод с новолат.) — Коготь Дьявола

oculi umbru *, окули умбру (перевод с новолат.) — зрительная иллюзия

divini oculi, дивини окули (пер. с новолат) — пророческое око

vigli, вигили (перевод с новолат.) — чуткость

aquaticus candidi*, акутикус канди (перевод с новолат.) — водный сгусток

Сабсидинты* — те, кто тренирует тело и развивает внутренние резервы организма

аттрактанты* — половые феромоны, привлекающие самцов к самкам

donari*, донари (перевод с новолат.) — донор

Tronis Diavoli*, Тронис Дьяволи (перевод с новолат.) — Престол Дьявола

piloi candi*, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

airea candi *, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

igni candi*, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

Вручаю тебе. Владей.

Принимаю.

luxi candi*, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

piloi candi*, пилой канди (перевод с новолат.) — электрический сгусток

airea candi *, аиреа канди (перевод с новолат.) — воздушный сгусток

gelide candi*, гелиде канди (перевод с новолат.) — морозный сгусток

agglutini *, агглютини (перевод с новолат.) — приклеивание, склеивание

leviti airi*, левити аири (пер. с новолат.) — легче воздуха, невесомость

agglutini*, агглютини (перевод с новолат.) — приклеивание, склеивание

igni candi*, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

кат* (устар.) — заплечных дел мастер, надзиратель, надсмотрщик, истязатель

luxi candi*, *, люкси канди (пер. с новолат.) — световой сгусток

certus exempl*, *цертус эксэмпул* (перевод с новолат.) — точная копия

igni candi*, игни канди (перевод с новолат.) — огненный сгусток

vigli*, вигили (перевод с новолат.) — чуткость

oculi certi*, окули церти (пер. с новолат.) — острое зрение

nerve sandi*, нерве канди (перевод с новолат.) — нервосгусток